

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

**МОНГОЛИЯ
И
СТРАНА ТАНГУТОВ**

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА-1946

МОНГОЛІЯ

и

СТРАНА ТАНГУТОВЪ

ТРЕХЛѢТНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ВОСТОЧНОЙ НАГОРНОЙ АЗІИ

Н. ПРЖЕВАЛЬСКАГО,

Подполковника Генеральнаго Штаба, Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества

Томъ I.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д № 49 — 2).

1875.

(Переводъ безъ согласія автора не допускается.)

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

МОНГОЛИЯ И СТРАНА ТАНГУТОВ

ТРЕХЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
В ВОСТОЧНОЙ НАГОРНОЙ АЗИИ

Под редакцией и со вступительной статьей
Э. М. МУРЗАЕВА

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1946

ОТ РЕДАКТОРА

«Монголия и страна тангутов» является первым крупным произведением Николая Михайловича Пржевальского из его книг, посвященных центрально-азиатским исследованиям. К моменту выхода ее Пржевальский уже был широко известным путешественником и автором. В 1870 году, то есть в год отправки в первое центрально-азиатское путешествие, вышла его книга «Путешествие в Уссурийском крае», где читатель впервые познакомился с писательским талантом автора. Через пять лет после этого появилась «Монголия и страна тангутов». Книга эта явилась эпохой в географии. Новизна материала, умелое, полное фактами изложение, искренность и теплота письма сразу привлекают к «Монголии и стране тангутов» симпатии читателей. Книга буквально полна открытий, каждая глава рассказывает о чем-то новом. Именно благодаря этому сочинению Пржевальский делается хорошо известным и за границей как путешественник и великий географ — исследователь Центральной Азии.

Можно без преувеличения сказать, что из всех работ Пржевальского, посвященных Центральной Азии, «Монголия и страна тангутов» занимает особое место. Это лучшее произведение автора, полное новаторства и оригинальности, богатое научными данными, обработка которых привела к поразительным результатам. Что делает книгу совершенно особенной — это тот захватывающий интерес, с которым читается книга с первой страницы до последней, причем такое изложение материала нисколько не умаляет ее научных достоинств. Книга говорит о большом таланте ее автора, писателя большой руки, благодаря чему она интересна всем, а не только специалистам-географам или натуралистам.

История этой книги такова. В конце 1873 года было закончено первое путешествие Н. М. Пржевальского в Центральную Азию, а в начале следующего года он вернулся в Петербург¹. Но уже рождались мысли о новом маршруте в горы и пустыни этой обширной страны, «великого

---

¹ Первое сообщение о монгольском путешествии в Географическом обществе Н. М. Пржевальский делал 6 [18] февраля 1874 года (Известия Русского Географического общества, т. 10, вып. 3, стр. 67—68, Спб., 1874).

охотника» манили неясные дали неизведанных высот Тибета и дымка беспредельных горизонтов Гоби. Что может быть приятнее для путешественника, чем узнать, увидеть, побывать, описать? Эта благородная мысль живет в исследователе и двигает его на смелые, отважные поступки, на долгие и тяжелые лишения в суровой страннической жизни.

Но выезд в новую экспедицию возможен только после окончания отчета по старой. Закончить труд, сдать его в печать, отчитаться — и только после этого можно отправляться в новое путешествие. Таково было правило Николая Михайловича, и он его неукоснительно проводил в жизнь. Нужно было спешить с отчетом по монгольскому путешествию. Пржевальский много и упорно работал. В декабре 1874 года он писал своему другу И. Л. Фатееву: «Работаю я теперь часов по 10 в сутки, так что даже глаза болят, к счастью, такая каторга кончится...» «Все это должно быть закончено к Рождеству, но книга в продаже не появится ранее 8 января — дня годового собрания Географического общества. Вы не поверите, сколько возни с печатанием книги; занят с утра по горло»¹. По мере окончания отдельных глав Пржевальский сдавал их в печать, почему получилось так, что окончание работы автора почти совпало с окончанием печатания².

8 [20] января состоялось годовое собрание членов Географического общества, где известный географ и знаток Азии М. И. Венюков дал следующий отзыв о первом томе «Монголии и страны тангутов»: «К числу самых блестящих результатов экспедиции Н. М. Пржевальского принадлежит только что вышедший том описания его путешествия, содержащий, кроме рассказа о самом путешествии, часть этнографическую и многие мастерски начертанные картины пройденных стран и их органической производительности. Не только русская, но и западноевропейская литературы имеют мало книг, написанных так увлекательно и в то же время с соблюдением научной строгости содержания. Соображая все это, можно по справедливости сказать, что экспедиция Николая Михайловича, им самим задуманная и со славой исполненная, есть одно из самых плодотворных географических предприятий нашего времени».

После окончания работы над первой книгой автор немедленно берется за второй том, где больше всего времени заняла обработка птиц, которую он проводил в Петербурге в Зоологическом музее Академии наук. Насколько успешно шла эта трудоемкая и кропотливая работа, видно из того, что уже в 1876 году вышла и эта книга, где большая часть написана самим Пржевальским, глава же «Пресмыкающиеся и земноводные» обработана А. Штраухом, а глава о рыбах — К. Кесслером.

Издание «Монголии и страны тангутов» возбудило интерес к ее автору и его путешествиям. Как в России, так и за рубежом появление

¹ Н. Ф. Дубровин. Николай Михайлович Пржевальский, Спб., 1890, стр. 190.

² Расходы по изданию взяло на себя Географическое общество, ассигновав на это 10 000 рублей, которые должны были быть использованы в течение четырех лет, по мере выхода предположенных по первоначальному плану трех томов, из которых третий — ботанический — в этой серии не был напечатан.

На заседании Совета Географического общества 17 [29] марта 1875 года было вынесено решение о печатании второго тома, сумма расходов на который определена в 4 000 рублей. Тираж второго тома — 500 экземпляров. Как известно, второй том включает данные по климату, обработке птиц, рыб, гадов. Что же касается млекопитающих, то специальное их описание не включено в этот том, потому что многие данные о них включены в первый том «Монголии и страны тангутов», а более подробные данные предполагалось дать автором уже после возвращения из новой второй экспедиции (Известия Русского Географического общества, 1875, т. XI, отд. 1, стр. 70—71).

книги вызвало положительные рецензии. За границей появились в печати различные изложения и переводы «Монголии и страны тангутов» (см. список печатных работ).

Несмотря на большой интерес, который представляют сочинения Н. М. Пржевальского, книги его в течение последующего времени ни разу не переиздавались. Известны многочисленные, удачные и неудачные, переделки его сочинений, популярные их изложения, описания путешествий, вышедшие в хороших изданиях или в брошюрах, в журналах и так далее. В настоящее время литература о Пржевальском огромна, но почти вся она, за редким исключением, представляет простой пересказ его оригинальных сочинений. И, тем не менее, сами эти сочинения, впервые увидев свет еще при жизни автора, так и не знали повторных изданий. Счастливым исключением является книга «Путешествие в Уссурийском крае», переизданная уже в советское время Соцэкгизом в 1937 году, то есть спустя 67 лет после ее первого издания.

Учитывая громадную потребность в географической литературе наших классиков-географов, совершенно естественным и нужным кажется переиздание трудов Н. М. Пржевальского — этого великого русского путешественника, первооткрывателя земель и народов Центральной Азии. Принимаясь за почетный и ответственный труд по подготовке «Монголии и страны тангутов» к первому переизданию книги, спустя три четверти столетия после ее написания автором, редактор понимал всю сложность этого дела. «Монголия и страна тангутов» — книга необыкновенная; она написана энциклопедистом-путешественником, ее темы разнообразны, материал оригинален, язык своеобразен и свеж, а в целом — это документ, на который ссылались и будут ссылаться не одно поколение ученых. Поэтому редактор считал правильным сохранить язык книги и последовательность изложения. Нужно учитывать, что «Монголия и страна тангутов» — книга очень старая: ей уже свыше 70 лет. За это время наука обогатилась многими новыми данными; наши знания о Центральной Азии неизмеримо возросли, чему мы обязаны опять-таки, главным образом, трудам русских ученых — учеников и продолжателей дела Николая Михайловича. Поэтому редактор снабдил книгу примечаниями и комментариями, задача которых состоит в том, чтобы читатель легче мог разобраться в географии Центральной Азии, в современных научных представлениях об этой части азиатского материка. Примечания в тексте носят большей частью технический характер, как-то: перевод местных терминов, пояснения в названиях растений и животных, перевод старых единиц измерения в метрические, изменения правописания географических названий и так далее. Все эти текстовые примечания заключены в прямые скобки. Примеры внесения таких текстовых примечаний видны из следующего:

1) «... тянется та самая пустыня Гоби, которая залегла громадной полосой поперек восточно-азиатского нагорья от западных подножий Куэн-люна [Куэнь-луня] до Хинганских гор...». В последующих местах текста исправление транскрипции этого же названия, как правило, не производилось, в противном случае многочисленные исправления сильно загромождали бы основной текст.

2) «... на вершине которых иногда рисуется силуэт быстрого дзерена (*Antilope gutturosa*) [*Procapra gutturosa*]». Здесь указывается наиболее принятое сейчас биологами латинское название этой монгольской антилопы.

3) «Из других пернатых в Гоби нам встречались часто лишь пустынные [или копытки] и монгольские жаворонки».

4) «В 1820 году богдохан Кя-кин [Цзяцин] был убит во время облавы».

5) «Отдельные вершины поднимаются по среднему течению Тэтунга до высоты 14 000 футов [4 270 м]».

При этом следует учитывать, что когда автор приводил цифры, характеризующие расстояния, высоты, вес приблизительно, редактор их или совсем не переводил в метрическую систему, или переводил, округляя полученные данные; в том же случае, когда высота, расстояние, объем были измерены автором или ему определенно известны, редактор старался точно проводить этот пересчет.

Все измерения абсолютных высот были сделаны путешественником барометрическим способом, что при большой отдаленности опорных контрольных станций или даже без учета данных последних, в условиях такой высокой и резко континентальной, с быстрым изменением погоды страны, как Центральная Азия, грешит большими неточностями и скорее указывает на примерное соотношение абсолютных высот по маршруту Пржевальского.

Комментарии идут в порядке нумерации от № 1 до № 160 и относятся к тем местам текста, где проставлены соответствующие номера (в скобках). Комментарии помещены в конце книги, но сгруппированы по главам в том же плане, как подан материал книги автором. Для комментариев использована научная литература по Центральной Азии, последующие произведения Н. М. Пржевальского, исследования о нем и его путешествиях, а также личное знакомство редактора с географией Центральной Азии.

Редактор счел вправе сделать очень небольшие сокращения отдельных абзацев книги, которые оказались по ряду причин не представляющими особого научного или литературного интереса. От изъятия этих, в общем незначительных по размеру, фрагментов книга, как нам кажется, не потеряла своей ценности. В остальном текст «Монголии и страны тангутов» остался без каких-либо изменений.

При редактировании книги оказали большую помощь профессор доктор Н. В. Павлов в проверке названий растений и доцент А. Г. Банников в проверке названий животных. За всё это я приношу им большую благодарность. При этой работе встречены некоторые трудности. Так например, в главе девятой автор разбивает птичье царство гор Нань-шаня на отряды, в том числе кричащие, певчие и так далее. Между тем современная систематика не знает аналогичных категорий, которые не могут быть приравнены в целом классификации, приведенной путешественником. Сложность ревизии латинских названий усугублялась еще тем обстоятельством, что ряд видов ныне отнесен к иным родам, чем это было в конце прошлого столетия, а из других видов выделено несколько новых. Где это представлялось возможным, всюду ныне принятое латинское название дано в прямых скобках, где латинские названия мы приводим до вида.

Остается сказать несколько слов об иллюстративном материале данного издания книги. Старое издание «Монголии и страны тангутов» в первом томе совершенно не имело иллюстраций, если не считать карты маршрута на двух листах. Во втором томе были приложены таблицы с красочным изображением животных и птиц. Для иллюстраций настоящего издания мы с выбором использовали эти таблицы, а также снабдили книгу современными фотографиями из коллекций Н. В. Павлова, С. А. Кондрать-

ева, Б. М. Чудинова и моей. Иллюстрации выполнены художником издательства А. М. Ивановым.

Карты воспроизведены с первого издания «Монголии и страны тангутов» и представляют большой интерес как документ, поскольку они составлены по съемке и работам самого путешественника. Кроме того, к книге приложена современная карта районов первого путешествия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии. По этой карте читатель легко сможет ориентироваться в маршрутах Николая Михайловича. Картографические работы проведены А. М. Оленевым под руководством А. А. Ульянова.

Э. М. МУРЗАЕВ

Москва,
20 марта 1946 года

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

«... Говорить о Пржевальском можно, разумеется бесконечно много, но едва ли о нем можно сказать много такого, что было бы еще неизвестно Вам, милостивые государи. Вот почему и я постараюсь только набросать или, лучше сказать, напомнить Вам в самых крупных чертах несложные обстоятельства его жизни...»

П. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

Если XV век считается веком великих географических открытий на земном шаре, то XIX столетие, без сомнения, является веком великих географических открытий внутри материков.

К 1800 году карта мира имела в общем контуры те же, что и сейчас, но внутри материков выделялись громадные белые пятна, по своей площади превышающие территорию Европы. Больше половины суши земного шара оставалось совершенно неизвестной. Не была известна Африка, кроме долины Нила и небольшой полосы, прилегающей к океанам. Запад Северной Америки, Аляска, Австралия, не говоря уже о Гренландии, представляли настоящую *terra incognita*. Север Сибири также оставался не посещенным исследователями, если не считать освоенных путей по великим рекам — Енисею, Лене, Колыме. Громадные же области междуречий еще ждали путешественников.

Центральная Азия выделялась сплошным белым пятном среди территорий сравнительно хорошо известных, какими являлись Индия, Передний Восток, Восточный Китай. К 1800 году через Центральную Азию прошли редкими маршрутами единичные путешественники, из которых только несколько человек оставили след в научной литературе. Здесь можно упомянуть средневековых путешественников Плано Карпини, Вильгельма Рубрука (Рубруквиса), гениального «венцианского гостя» Марко Поло.

В XVII столетии в изучении Китая и частично его окраин сыграли большую роль иезуитские миссионеры, некоторые из них дали интереснейшие исследования, главным образом, в области истории, этнографии и языка. В это время иезуиты проникли и в Центральную Азию и южную часть

Тибета из Индии. Одним из таких путешественников-иезуитов был португалец Антоний д'Андрад, который еще в 1624—1625 годах побывал в Тибете. Большой маршрут из Пекина на запад сделали миссионеры Д'Орвиль, Вербист, Грюбер. Они в 1661—1662 годах прошли через Китай в Лхасу, а отсюда через Гималайский хребет, перевалили в Агру, одну из столиц «великих моголов»¹.

Одновременно Центральная Азия посещается путешественниками с севера, на этот раз русскими. В середине того же XVII столетия, в 1654—1656 годах, русское посольство, во главе которого стоял боярский сын Федор Исакович Байков, сделало большой путь по верховьям Иртыша, через степи и пустыни Монголии, до Пекина. После Байкова русские неоднократно предпринимают путешествия через Китай, как правило, проходя по монгольским землям. В Пекине побывали Иван Перфильев и Сеиткуль Аблин, а в 1675 году русскую миссию в Китай возглавил Николай Спафарий, который из Нерчинска, через Аргунь и Маньчжурию, прибыл в столицу Китая.

В истории востоковедения почетное место занимают труды Российской духовной миссии в Китае, начало деятельности которой восходит к 1707 году, когда в Монголию, а в 1714 году в Пекин, отправляется И. Лежайский — первый глава миссии. Особенно плодотворной научная деятельность была в последующем XIX столетии при Палладии Кафарове.

В 1720 году Измайлов и Ланге прошли из Сибири в Монголию и прибыли в Пекин в качестве русских послов. В 1727 году в Китае был послом граф Савва Рагузинский, заключивший договоры о границах Китая с Россией (Буреинский трактат). В 1728 году заключается Кяхтинский договор. С этого периода поднимается значение Кяхты и Маймачена в Монголии, через которые проходит торговая и пассажирская связь между Россией и Китаем и утверждается право России на постоянные торговые сношения с Китайской империей.

В 1722—1724 годах капитан Иван Унковский в качестве посла прошел к Джунгарскому хану хун-тайчжи Цэван Рабтану, в Кульджу; он оставил свой путевой журнал, с подробным описанием пути, изданный только в 1887 году.

Нельзя не упомянуть также о деятельности Филиппа Ефремова, этого русского Марко Поло, который был захвачен в плен в чине унтер-офицера русской армии и продан в рабство в Бухару. В плену Ефремов выдвинулся, за несколько лет изучил восточные языки, благодаря чему ему удалось осуществить задуманный план побега из плена. Беглец проделал громадный маршрут из Бухары в Коканд, оттуда в Кашгар, Яркенд и Тибет, перевалил через Гималаи, появился в Индии. Из Индии морским путем он возвратился в Петербург в 1782 году. В своей интереснейшей книге он приводит много любопытного материала о посещенных им странах, но, главным образом, о Бухарии. Книга оказалась настолько ценной и нужной, что трижды переиздавалась в 1786, 1794 и 1811 годах под названием: «Десятилетнее странствование российского унтер-офицера Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете, Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию».

Из этого перечня путешествий видно, что одиночные маршруты отдельных путешественников не могли дать сколько-либо надежный научный

¹ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. 2-е издание, Ленинград, 1925, стр. 102.

материал для познания необъятных просторов Центральной Азии. К тому же следует добавить, что путешественники периода до XIX столетия были не географами, не натуралистами. Иезуитские миссионеры больше всего интересовались языком, этнографией; правда, их труды в области географии Китая явились громадным скачком в истории географического познания Азии, но труды эти ограничивались, как правило, так называемым собственно Китаем.

В XVIII столетии были составлены карты Азии иезуитами и французским картографом Делилем, а позже и д'Анвилем, которые вносили ряд поправок на основании путешествий иезуитских миссионеров, а главное, по материалам, собранным русскими при их пересечении Центральной Азии из Сибири на юг.

XIX век явился переломным в истории исследования Центральной Азии. В истории исследования этой страны можно назвать ряд имен, трудами которых в течение прошлого столетия были разгаданы многие тайны далеких земель, лежащих внутри величайшего материка земного шара. Не будет преувеличением сказать, что материалы, собранные путешественниками-учеными в Центральной Азии 50—70 лет назад, и до сих пор не потеряли своей свежести, оригинальности и достоверности. Среди исследователей Центральной Азии, без сомнения, первое место занимают русские путешественники, не только по густоте маршрутов, впервые смело и целеустремленно направленных в глухие, далёкие и труднодоступные места Центральной Азии, но и по обилию и научности фактического материала.

Предшественниками Н. М. Пржевальского по исследованию Монголии и Китая в XIX столетии явились русские путешественники, монголисты и синологи, в частности Е. Ф. Тимковский, Е. Ковалевский, Иакинф Бичурин, а также Палладий Кафаров — глава русской духовной миссии в Китае, автор многих трудов по Китаю и составитель большого словаря. В Восточный Тянь-шань проник Валиханов, а через год после него, в 1860 году, — Венюков.

Предшественниками Николая Михайловича оказались также Фус и Бунге, прошедшие через Гоби в 1830 году, и французские миссионеры Гюк и Габе, которые сделали громадный маршрут из Маньчжурии и Монголии в Сычуань и Тибет, прожили несколько месяцев в Лхассе, откуда направились на восток по Южному Китаю в Кантон. На труды этих путешественников не раз ссылается Пржевальский, особенно в книге «Монголия и страна тангутов», справедливо критикуя сведения, приводимые ими. Отчеты Гюка и Габе грешат многими ошибками, преувеличениями и неточностями, что критиками объяснялось как дань той манере письма, которая была принята в то время в описаниях путешествий в далёкие, неведомые страны.

В 1856 году братья Адольф и Роберт Шлагинтвейты проникли из Индии в Тибет и Куэнь-лунь.

В период 1862—1874 годов миссионер Давид Арманд изучал Китай, путешествуя также и в западные его части. Давид Арманд собрал значительные ботанические и зоологические коллекции.

В истории географических открытий Китая выделяются работы Фердинанда Рихтгофена, сделавшего исключительно много для физико-географического и геологического познания собственно Китая. Однако маршруты Рихтгофена почти не охватили районов Центральной Азии.

Так обстояло дело исследования и географических открытий Центральной Азии ко времени начала деятельности великого путешественника и пер-

вооткрывателя Николая Михайловича Пржевальского. В целом внутренние части Центральной Азии оставались совершенно неизвестными и своей загадочностью манили исследователей.

Более или менее известным считался путь из Кяхты в Пекин через Ургу, которым неоднократно пользовались русские в путешествии из России в Китай. Кратко был описан Южный Тибет, частично Сычуань. Колоссальные пространства Гоби, горные системы Монгольского Алтая, Восточного Тянь-шаня, Нань-шаня, Северного Тибета, Кашгарии еще ждали своей очереди.

На долю Николая Михайловича выпала почетная задача исследования Центральной Азии. Громадными маршрутами он пересек все эти районы Центральной Азии; кроме того — он своими работами указал пути и направления последующим русским ученым, трудами которых также гордится русская географическая школа. Мы говорим здесь об учениках и последователях Пржевальского: М. В. Певцове, В. И. Роборовском, Г. Н. Потанине, П. К. Козлове, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. А. Обручеве, А. М. Позднееве и многих других. Эта славная плеяда ученых во многом дополнила и расширила наши представления о географии, хозяйстве, народах Центральной Азии, стало возможным говорить о сравнительно хорошей географической изученности этой страны если не в целом, то для ее громадных частей, как Монголия, Джунгария, Ордос, Нань-шань, Восточный Тянь-шань и так далее.

* * *

В истории географии первой половины прошлого столетия самое выдающееся место принадлежало двум корифеям географической науки: Александру Гумбольдту и Карлу Риттеру. Их мысли, их указания, труды и направления безраздельно господствовали в землеведении¹.

Гумбольдт был блестящим энциклопедистом и неутомимым путешественником. Его экспедиции захватывающе интересны, его книги поражают широтой охвата материала и мастерством выполнения. В своих книгах Гумбольдт и ученый и поэт; талант исследователя, глубокого наблюдателя в них сочетается с лиризмом и теплотой влюбленного в природу писателя. Первый исследователь бассейна Амазонки, этой самой полноводной реки земного шара, Гумбольдт всегда помнил Азию. Его влекло к этому материку, и путешествие в Азию ему всегда представлялось прекрасной и трудно выполнимой мечтой. Уже немолодым, в возрасте 60 лет, в 1829 году Александр Гумбольдт выехал в Россию, чтобы затем попасть в Азию. В июне он посетил Урал, в июле был в Томске, затем в Барнауле. Перед ученым был Алтай, за Алтаем начиналась Центральная Азия. Что делается там? Скупые слова Марко Поло, сбивчивые китайские карты — их очень хорошо знал Гумбольдт, но он был естествоиспытатель, натуралист, его не удовлетворял ни Марко Поло, ни китайские источники, ему нужно было видеть всё самому. Гумбольдт пересекает границу России, в верховьях Иртыша он доходит до первого пограничного китайского поста и поворачивает обратно, возвращаясь через Южный Урал, Илецк к Каспию. «Я не могу умереть, не увидев Каспийского моря».

¹ Термин этот, ныне получивший широкое распространение и у нас в СССР, впервые был введен К. Риттером.

Плодом его поездки в Россию была книга «Центральная Азия». В этой книге Александр Гумбольдт считал горы Центральной Азии вулканическими; вулканизм — вот основа горообразования Азии, вот причина, создавшая мощные сооружения этого материка, сооружения, о которых, впрочем, мало кто имел ясное представление. Опровергнуть этот миф, созданный авторитетнейшим ученым прошлого века, суждено было нашему русскому географу и путешественнику П. П. Семенову.

Карл Риттер был ученым другого склада. Методичный и упорный, он много работал у себя в кабинете. Он не был путешественником, но и его влекла к себе Азия. Он впитывал в себя, как губка, все, что было известно об Азии; хорошо знал литературу, широко пользовался русскими сочинениями и высоко ценил вклад русских в дело познания Сибири. Бывают такие ученые-географы, знания которых систематичны и глубоки; они критически воспринимают все, что сделали их предшественники, и дают много нового и оригинального. Но сами они не являются путешественниками: они или совсем не знают экспедиций и экспедиционных исследований или очень ограниченно выезжают на полевые работы.

Таким был Риттер, таким в России был наш замечательный географ Д. Н. Анучин, энциклопедичности научных интересов которого, эрудиции и следам, оставленным им в истории науки, приходится удивляться.

Карл Риттер — автор многотомного сочинения — «Землеведение Азии», сочинения, единственного в своем роде и не получившего повторения в позднейшее время. Инициативой и трудами того же П. П. Семенова «Землеведение» издавалось отдельными томами и в России, с большими дополнениями наших географов.

«Землеведение Азии» — систематическое сочинение. Здесь использовано все, чем располагала наука. Этот большой, капитальный труд по тому времени был максимально полным и полезным. Правда, в нем нет блеска гумбольдтовых сочинений, в нем нет лиризма и теплоты при описании картин природы, в нем нет научных фантазий и гипотез, но в нем много эрудиции и точности.

В 1845 году организуется в России Географическое общество, замечательное научное учреждение, которому было суждено сыграть такую крупную роль в истории исследования России, прилегающих к ней государств и заморских стран. Можно смело сказать, — не будь у нас в то время Географического общества, не было бы великолепных путешествий Пржевальского, его исследований в Центральной Азии.

1 октября 1845 года в петербургской квартире Владимира Ивановича Даля — этнографа, писателя и составителя толкового словаря русского языка, состоялось первое собрание членов-учредителей Географического общества. Среди учредителей, помимо Даля, были Федор Петрович Литке — известный мореплаватель и исследователь Севера, статистик-географ Константин Иванович Арсеньев и первый русский путешественник вокруг света, открывший ряд островов в Тихом океане, — Иван Федорович Крузенштерн. За прошедшие сто лет существования Русское Географическое общество проделало большую работу. Интересно напомнить, что первые полярные станции в устье Лены и на островах Новой Земли были организованы Географическим обществом, первые попытки проникнуть в горы Тянь-шаня, в глубь пустыни Гоби, горы Тибета и просторы Сибири были осуществлены его экспедициями.

Самым плодотворным периодом в жизни Географического общества был период с 1873 года по 1914 год, когда бессменным его руководителем

в течение более 40 лет был Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, человек очень талантливый, блестящий организатор и вдохновитель всех увлекательных и плодотворных путешествий. Энергичный и обаятельный человек, Петр Петрович был патриотом своей родины, он всегда ратовал за развитие «отчизноведения», как он называл географию России. Сам путешественник и ученый-географ, Петр Петрович был первым из европейцев, кто проник в загадочные тогда горы Тянь-шаня и увидел могучие цепи «Небесных гор». Его исследования в корне изменили представления о геологическом устройстве внутренних частей Азии. Петр Петрович установил, что вулканы отсутствуют в Тянь-шане, и Гумбольдт, великий корифей науки, глубоко ошибался, утверждая вулканическое происхождение гор «высокой» Азии. Вторым важным результатом этого путешествия был вывод о грандиозном горном оледенении Тянь-шаня.

Путешествия П. П. Семенова-Тянь-Шанского положили начало многочисленным работам по изучению Центральной Азии, работам, которым всю жизнь покровительствовал Петр Петрович, справедливо полагая, что изучение пограничных с Россией неисследованных территорий Азии есть задача русской науки. Поэтому Петр Петрович всемерно содействовал организации путешествий Пржевальского, они все проходили под его непосредственным руководством. Правильным будет сказать, что из многочисленных путешествий и исследований, организованных Русским Географическим обществом, наибольшую славу принесли русской науке путешествия и исследования Николая Михайловича Пржевальского в Центральную Азию.

Таковы были наши знания о внутренних частях Азиатского материка. К середине XIX столетия уже накопилось значительное количество материала по общим вопросам географии, разрешившего по-новому осветить и объяснить физико-географические явления и процессы, протекающие на земном шаре, и представить все многообразие природных условий.

В эту эпоху рождения новой физической географии происходило формирование Николая Михайловича Пржевальского как путешественника, исследователя, ученого-географа, так много нового давшего науке и тем самым способствовавшего расцвету географической мысли на земле. Значение трудов Николая Михайловича нельзя переоценить. Эти труды были поняты еще при жизни путешественника. Слава, пришедшая к нему сразу же в результате его изумительных путешествий и сопровождавшая его до последнего дня жизни, не погасла и поныне. Она горит среди миллионов советских людей, понявших и оценивших Николая Михайловича Пржевальского и произносящих фамилию своего соотечественника с понятной и оправданной гордостью.

В истории науки есть личности, идеи и труды которых являются целой эпохой. Проходят десятилетия, но не умирает память о них; наоборот, на некотором расстоянии еще сильнее подчеркивается их величие, неутомимость, научная страсть. К таким ученым относится и Николай Михайлович Пржевальский, со дня смерти которого прошло уже более полувека. Но и сейчас, несмотря на большой период, истекший со времени его путешествий, память о нем свежа в самых широких слоях нашего общества. Имя Пржевальского чтится у нас как имя одного из самых выдающихся деятелей науки, а географы Советского Союза с полным основанием считают его классиком русской географической науки, которому нужно следовать, у которого нужно учиться, которого всегда можно изучать. «Окиньте взглядом,— пишет Ю. М. Шокальский,— все, сделанное Н. М. Пржевальским, и он

встанет перед вами во весь богатырский рост, поразит и увлечет вас громадной совокупностью своих искренних стремлений открыть науке истинную картину природы Центральной Азии»¹.

В Смоленской губернии, в 40—45 км от города Смоленска, раскинулась деревня Кимборово. Здесь 31 марта (12 апреля) 1839 года в семье мелкого помещика Михаила Кузьмича Пржевальского родился сын Николай — будущий путешественник. По данным биографов, род Пржевальского ведет свое начало от запорожского казака Корнилы Анисимовича Паровальского. Фамилия эта, по объяснению Н. Ф. Дубровина, произошла от выражения «паром валит», что было применимо для образного выражения о храбром, сильном человеке².

Родители Николая Михайловича Михаил Кузьмич и Елена Алексеевна (Каретникова) построили для себя небольшую усадьбу недалеко от Кимборово. Эту усадьбу они назвали «Отрадное». С «Отрадным» связаны первые детские воспоминания Николая Михайловича.

Смоленщина была родиной Пржевальского, и не раз, уже будучи путешественником, он приезжал сюда обрабатывать научный материал, спасаясь от городского шума и людской суеты. Он вообще не любил крупных городов, считая, что его место среди природы.

В 1881 году, после третьего путешествия в Центральной Азии, Пржевальский покупает имение «Слобода» в самой лесной глуши.

В Смоленщине, среди привычных и так хорошо знакомых нам пейзажей средней полосы России, проходило безмятежное детство будущего исследователя пустынь Гоби и сурового Тибетского нагорья. Болота и леса, окружающие «Отрадное», явились первой школой, где Николай Михайлович учился любить и понимать природу во всем ее многообразии. Здесь, ещё в детстве, Пржевальский испытал первую страсть, страсть охотника, не покидавшую его в течение всей жизни. Сколько переживаний охотника, сколько любви к охоте, сколько труда и лишений испытал этот человек, охотясь за диким зверем в глубине Центральной Азии. Будучи ребенком, он стрелял из игрушечного ружья желудями, потом смастерил себе лук, а с 12 лет — получил настоящее охотничье ружье, доставшееся ему от отца. Первая крупная добыча — лисица — доставила мальчику Коле несравненно больше восторга и счастья, чем убитые им дикие яки в Северном Тибете или дикие верблюды в пустынях Лоб-нора.

Николай Михайлович был метким стрелком и неутомимым охотником, это так пригодилось ему в путешествиях. В минуту опасности ни разу не дрогнула рука «великого охотника», смертельная пуля летит метко, поражая цель. Умение и страсть охотника во многом облегчили сбор зоологических коллекций, но эта страсть к охоте стала и косвенной причиной преждевременной смерти Николая Михайловича.

Товарищи Пржевальского в таких выражениях свидетельствуют о его охотничьей страсти: «Иногда решительно являлся он виртуозом: бьет дробью волка, а из другого ствола пулей кладет в лёт мелкую пичужку. Всегда ленивый, с тяжелой и медленной походкой вразвалку, Николай Михайлович совершенно изменялся на охоте, был чуток ко всякому шороху и мог ходить много и долго» (по Дубровину, стр. 18).

¹ Ю. М. Шокальский, Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, М.—Л., 1940, стр. 468.

² Н. Ф. Дубровин. Н. М. Пржевальский, Спб., 1890, стр. 1.

Жизнь в «Отрадном» проходила тихо и незаметно. Будущий исследователь Центральной Азии вместе с братом Владимиром бродили по окрестным местам. Ни дождь, ни холод, ни жара не останавливали их. Ведь так увлекательно ловить сердитых жуков и подолгу гоняться за красивыми пестрыми бабочками, или, тихо сидя в лесу, слушать многоголосое и немолчное пение птиц. Всюду в природе была жизнь, жила сама природа, и недаром Николай Михайлович любил природу, как может полюбить её человек, с детства познавший её увлекательное разнообразие и неиссякаемую красоту. Его пытливый ум искал объяснений многим явлениям, казавшимся таинственными и непонятными.

С 10 лет Пржевальский — в Смоленске, где учится в гимназии. В своем классе он выделялся способностями и был одним из первых учеников. Старая гимназия не удовлетворяла будущего исследователя. «Хотя я и отлично кончил курс в Смоленской гимназии, но, скажу поистине, слишком мало вынес оттуда. Значительное число предметов и дурной метод преподавания делали решительно невозможным, даже и при сильном желании, изучить что-либо положительно. Подбор учителей, за немногими исключениями, был невозможным», — писал позже Пржевальский¹.

С 16 лет Николай Михайлович — юнкер. Он сознательно избирает военную службу. Крымская война по времени совпала с окончанием им гимназии. Севастопольская эпопея произвела на молодого человека большое впечатление. Героизм севастопольских солдат звал молодежь к новым ратным подвигам. Но юнкерская жизнь в полку вспоминалась Пржевальскому как нечто неприятное. Обращение было плохое, солдат ни во что не ставили, офицеры занимались картежной игрой, пьянством, бездельничали. Мечты о военной карьере оказались безрадостной действительностью. Здесь, на юнкерской службе, говорили о Пржевальском его сослуживцы-офицеры: «Он не наш, а только среди нас».

Будущий исследователь Азии решил попытаться попасть в Академию Генерального штаба. Для этого он много занимается, читает, прорабатывает необходимые к экзаменам курсы. За короткое время он успевает сделать многое. Ему помогает великолепная память. Память Пржевальского поражала его товарищей. Николаю Михайловичу достаточно было прочесть один раз, и он помнил многие страницы почти текстуально. Друзья устраивали ему своеобразные испытания. Они открывали книгу, прочитанную до этого Николаем Михайловичем, читали вслух две-три строчки, после чего испытуемый говорил наизусть всё, что написано ниже прочитанных строчек до конца страницы и на следующей.

Пржевальский прекрасно выдерживает конкурс для поступающих в Академию и становится слушателем Академии Генерального штаба в Петербурге.

В жизни Пржевальского с Академией связан ряд важных этапов его биографии. Здесь он впервые выступает как писатель. Жизнь в Академии была легкой только для хорошо обеспеченных. Николай Михайлович же рано познал заботу о заработке. Желая получить немного денег, он пишет первую свою работу «Воспоминания охотника»² и посылает ее в журнал «Коннозаводство и охота». Журнал печатает статью, но денег как начинающему автору не платит. Но и без денег очень радостно увидеть свою

¹ «Русская старина», № 11, 1888. Автобиографические записки Н. М. Пржевальского.

² Переиздано в Известиях Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, Л., 1940, стр. 488—500.

первую работу вышедшей из печати. Последующие книги, принесшие автору мировую славу, не доставляют ему столько волнующих, счастливых минут в жизни, как первое печатное слово путешественника.

Здесь, в стенах Академии, формируется будущий знаменитый путешественник и исследователь. В Петербурге Николай Михайлович много читает, но признается, что военные науки его в общем мало интересуют. Зато книги по истории и естествознанию увлекают Пржевальского, и он всё более и более углубляется в эти науки. В Академии будущий великий путешественник пишет свою вторую литературную работу, на этот раз уже географическую. В его автобиографическом рассказе читаем: «При переходе на второй курс, я взял темой для своего сочинения «Амурский край»; источников было много,—тогда вышло в свет сочинение Маака¹ и другие, и я мог окончить свою работу без особых затруднений». В этой работе автор использует уже как литературу по Приамурью, так и свое хорошее знакомство с источниками по общим вопросам географии, прекрасная память легко подсказывает ему необходимые цитаты, справки, сравнения из всего, что прочитано и усвоено раньше.

После Академии Генерального штаба Николай Михайлович в чине поручика служит адъютантом Полоцкого полка. Здесь в полку зарождаются мысли о больших путешествиях. Путешествия Давида Ливингстона по Африке увлекают Пржевальского, и его первоначальные намерения были связаны с Африкой, а не с Азией, которая оставалась в тени, в то время как уже весь мир писал и говорил о внутренних частях «черного» материка.

В 1864 году Николай Михайлович назначается адъютантом в 4-ю дивизию. В это время он уезжает к себе на родину в Смоленщину, где упорно занимается по зоологии и ботанике. Больше всего любил Пржевальский зоологию, — здесь сказалась его страсть к охоте, великим мастером которой он был. Любовь к животным, его знания и открытия в этой области привели впоследствии к присвоению ему Московским Университетом степени доктора зоологии.

Академик В. П. Безобразов, известный в то время экономист, статистик и публицист, действительный член Русского Географического общества, представил упомянутую работу Пржевальского «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» в это общество. Он обратил внимание членов Русского Географического общества на высокие достоинства этого труда и предложил избрать автора в действительные члены. Предложение Безобразова встретило сочувствие среди членов Общества, которые 46 голосами из 56 избрали Николая Михайловича в свои действительные члены. Это событие сыграло громадную роль в дальнейшей судьбе человека, которому затем суждено было своими действиями и подвигами прославить это Географическое общество и русскую географическую науку.

Избрание Николая Михайловича членом Русского Географического общества обязало его в еще большей степени посвятить свой досуг естественно-историческим наукам. В его «Автобиографическом рассказе» есть следующая запись: «я... мог выписывать книги, из которых прежде всего были мною приобретены «История цивилизации» (Бокля)², различные книги по

¹ Пржевальский имеет в виду известный труд Р. Маака. «Путешествие по долине реки Уссури», 2 тома, Спб., 1861.

² Генри Томас Бокль—знаменитый английский историк середины XIX столетия. В 18-летнем возрасте задумал свою грандиозную работу по истории цивилиза-

физической географии и путешествия, которые и послужили основанием моей начинавшейся библиотеки».

1864 год в жизни Пржевальского богат событиями. К концу года Пржевальский переводится в Варшаву, в юнкерское училище, библиотекарем и преподавателем географии. Работа в юнкерском училище явилась прекрасной школой для будущего исследователя Азии. В упомянутом «Автобиографическом рассказе» читаем об этом периоде жизни: «В течение двух лет и нескольких месяцев я в уверенности, что рано или поздно, но осуществлю заветную мечту о путешествии, усиленно изучал ботанику, зоологию, физическую географию и прочее, а в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публичные лекции в училище по истории географических открытий трех последних веков и написал учебник географии для юнкеров, которые относились ко мне с большой симпатией. Вставал я очень рано и почти все время, свободное от лекций, сидел за книгами, так как, подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия».

В учебнике отразились уже новые идеи и положения, до которых «география была простым сборником голых фактов, названий, собственных имен и так далее, без всякой внутренней связи и зависимости их между собой, без всякой оживотворяющей их идеи... География должна иметь своим предметом: полное исследование законов устройства земной поверхности, законов влияния этого устройства на развитие и распространение рода человеческого». Учебник Пржевальского учит этой взаимосвязи и сравнительной трактовке явлений, говорит о природных условиях в связи с человеком и хозяйством.

Варшавский период жизни Пржевальского был очень плодотворным. Много работы: чтение литературы, изучение физической географии, дальнейшее усовершенствование в области зоологии и ботаники, подбор литературы в библиотеке, лекции (Николай Михайлович был замечательный лектор, но строгий экзаменатор, поражавший слушателей своими знаниями и цитированием на память выдержек из сочинений путешественников), подготовка книги по всеобщей географии, мысли о будущих путешествиях — все это, вместе взятое, утомляло Пржевальского, но и радовало его насыщенностью работой и ее результатами. Утомление, удовлетворение и радость труда всегда сопутствуют таким труженикам, каким был Николай Михайлович. В Варшаве он изучил и полюбил книги Александра Гумбольдта и Карла Риттера. Он зачитывался «Картинами природы» Гумбольдта и риттеровой «Азией» — этим монументальным сочинением. Это его настольные книги, и к ним он часто возвращается, внимательно изучая географию Азии. По вечерам, запершись в своей холостяцкой квартире, среди карт и книг, будущий исследователь мысленно уносился в великие просторы Центральной Азии, и перед его глазами мелькали хребты и равнины, леса и пустыни. Для географа, путешествующего по карте, многое открывается даже за большим столом в тиши рабочего кабинета. И все же как поразительно непохожими на книжные описания оказались ландшафты Центральной Азии после того, как впервые с ними познакомился путешественник уже на месте. Для их описаний он нашел более простые, нужные

ции человечества, написал «Историю цивилизации в Англии», переведенную на русский язык. Последние годы жизни много путешествовал по Ближнему Востоку. Умер в 1862 году в городе Дамаске.

и точные слова, и недаром говорят, что только после книг Пржевальского приоткрылась завеса над тайнами Центральной Азии. Но это было делом громадного труда, лишения, упорства, тщательной подготовки, блестящих талантов путешественника.

В течение долгого времени Н. М. Пржевальский ходатайствует о переводе его в далекие области Сибири, где он намерен был заняться, наконец, географическими исследованиями в путешествиях. Ему казалось, что таким образом удастся легче и проще осуществить свою мечту о путешествиях. Наконец, к великой радости самого Пржевальского и к грусти его окружающих, в конце 1866 года приходит приказ об удовлетворении прошения Пржевальского и командировании его для прохождения военной службы в Восточную Сибирь.

Будучи в Петербурге проездом, Николай Михайлович в Географическом обществе знакомится с Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, в то время председателем Отделения физической географии, а позже вице-президентом Общества. Это знакомство оказало громадное влияние на будущее Пржевальского. О первой их встрече рассказал после смерти Пржевальского сам Петр Петрович в таких словах:

«В 1867 году я впервые познакомился с Н. М. Через мое посредство (я в то время был председателем Отделения физической географии) он обратился тогда в первый раз за помощью и покровительством к Русскому Географическому обществу, объяснив мне свои намерения заняться путешествием в Средней Азии. В то время Общество крайне редко помогало материальными средствами молодым путешественникам, отправлявшимся в путешествие по собственной инициативе, может быть, потому, что такая инициатива проявлялась еще слишком редко, но от времени до времени оно снаряжало свои экспедиции, подбирая в состав их исключительно лиц, уже известных своими научными трудами и рекомендуемых организаторами экспедиций. Н. М. Пржевальский был в научном мире еще мало известной величиной, и дать пособие ему на его предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию Совет Общества не решился. В качестве председательствующего в Отделении и в глубокой уверенности, что из талантливом молодого человека может выйти замечательный путешественник, я однако же старался ободрить Н. М. и теплым участием и рекомендательными письмами... При этом я обещал Н. М., что если он на собственные средства сделает какие бы то ни было интересные поездки и исследования в Уссурийском крае, которыми докажет свою способность к путешествиям и географическим исследованиям, то, по возвращении из Сибири, он может надеяться на организацию со стороны Общества, под его руководством, более серьезной экспедиции в Среднюю Азию»¹.

С таким напутствием Петра Петровича едет Пржевальский в Сибирь. Впереди далекие просторы, манящие исследователя своей неизвестностью, влекущие красотами и выразительностью разнообразных, но все же всегда живописных и неповторимых пейзажей. «Сибирь совсем меня поразила: дикость, ширь, свобода бесконечно мне понравились».

Николай Михайлович любил природу, любил с детства, и такое нетронутое, детское и непосредственное восхищение природой сохранил на всю жизнь. Он противопоставлял жизнь в путешествиях своему пребыванию

¹ П. П. Семенов-Тян-Шанский. Речь, произнесенная на чрезвычайном собрании Русского Географического общества 9 ноября 1888 года. Сборник «Памяти Николая Михайловича Пржевальского», Спб., 1890, стр. 17.

в городах: «Как вольной птице трудно жить в клетке, так и мне не ужиться среди «цивилизации», где каждый человек прежде всего раб условий общественной жизни. Но простор в пустыне — вот о чём я день и ночь мечтаю. Дайте мне горы золота, я за них не продам своей дикой свободы...»¹.

Сибирь лежала перед молодым исследователем громадной, непонятной, бесконечной. Сибирь была экзаменом, серьезным и ответственным. Здесь, в Сибири, нужно было найти ключи, открывающие входы в великие пустыни и загадочные горы «Восточной нагорной Азии».

Николаю Михайловичу в то время было только 28 лет. Но он был уже уверен в своих силах и оптимистически смотрел на будущее. Отправляясь на Уссури, наш путешественник был прекрасно подготовлен: «хорошо знал ботанику, орнитологию и прочее; при этом имел с собой большой запас книг»².

Так начиналась странническая жизнь «великого охотника», продолжавшаяся с перерывами до самой его смерти.

* * *

С 1867 года по 1888 год Николай Михайлович возглавлял пять больших экспедиций, продолжавшихся в общей сложности почти одиннадцать лет. За это время им пройдено 33 268 км, из которых 31 551 км приходится на четыре центрально-азиатские путешествия. Вот список путешествий Н. М. Пржевальского:

1. Уссурийское — 1867—1869 годы.

2. Монгольское, или первое путешествие по Центральной Азии—1870—1873 годы (самое большое по длительности и протяженности, около 12 000 км караванного пути).

3. Лобнорское и Джунгарское, или второе путешествие по Центральной Азии—1876—1877 годы (самое короткое по протяженности, немного более 4 000 км).

4. Первое Тибетское, или третье путешествие по Центральной Азии—1879—1880 годы.

5. Второе Тибетское, или четвертое путешествие по Центральной Азии—1884—1885 годы.

Пятое путешествие по Центральной Азии осталось неосуществленным. Как известно, Н. М. Пржевальский скончался на пороге этого путешествия, дневник его хранит немногие и скудные записи с 24 августа по 5 октября 1888 года.

В этом списке Уссурийское путешествие стоит несколько особняком. О нем мало упоминают в статьях, посвященных деятельности путешественника, о нем скупо говорят биографы и популяризаторы Пржевальского. Между тем это замечательное по результатам исследование сделало имя Николая Михайловича известным в пределах России, и именно оно предопределило дальнейшую деятельность его в Центральной Азии.

Мы должны рассматривать Уссурийское путешествие как испытание и проверку сил и талантов Пржевальского. Так оно, в сущности, и было. Уссурийский край был первым и важным этапом в жизни путешественника, после которого перед ним открылись заветные просторы Центральной Азии. Мечты превращались в действительность.

¹ «Русская старина», апрель 1912 года, стр. 365.

² Автобиографический рассказ. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 5—6, 1940, стр. 482.

Его книга «Путешествие в Уссурийском крае» в момент выхода ее в свет не только для читающей публики, но и для географов, явилась настоящим откровением. Она заставила обратить внимание русской общественности на ее автора, а также на далекий приморский район. Знакомые теперь и родные нам места на Дальнем Востоке: озеро Ханка, залив Посыет, Уссури—тогда представлялись еще очень туманно, и мало кто из наших современников знает, что первыми подробными и достоверными сведениями об этих местах мы обязаны всё тому же Пржевальскому. В то время Владивосток представлял еще маленький поселок, вытянутый «на протяжении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обширной, глубокой, со всех сторон обставленной горами и потому чрезвычайно удобной для стоянки судов... Число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками, простирается до пятисот человек»¹. Материалы, собранные Николаем Михайловичем в Уссурийском путешествии и положенные в основу его книги, поражают разнообразием вопросов, охваченных автором, и тщательной их разработкой. Уже в первом своем описании путешествий Пржевальский показал себя исследователем, владеющим различной и оригинальной методикой полевых работ и умением делать обобщения и выводы.

Как в этом путешествии, так и во всех последующих, Николай Михайлович не ограничивается только описательным материалом, что характерно для многих русских и иностранных путешественников прошлого столетия. Пржевальский в своих путешествиях прежде всего ученый географ, обладающий большими знаниями, прошедший хорошую школу, знакомый со всей научной литературой того времени. Отсюда влечение Пржевальского к точности описаний, к открытию причинности явлений, к обобщению и выводам, к перспективным предположениям, если это касается вопросов хозяйства, быта, торговли и так далее. И все эти моменты в ученой деятельности Пржевальского уже открываются в книге «Путешествие в Уссурийском крае», и особенно они ярки в «Монголии и стране тангутов».

В нашей короткой статье мы не можем останавливаться на описании всех путешествий Пржевальского. Сами книги путешественника, переиздаваемые теперь, лучше и полнее расскажут о его работах в Центральной Азии. Здесь же необходимо кратко остановиться на научных результатах работ Пржевальского, по которым собственно и можно судить о величии его как ученого, почему мы теперь считаем Николая Михайловича классиком русской географической науки.

Трудно назвать хоть одну отрасль географии, где бы Пржевальский не дал новое, существенно дополняющее или в корне меняющее представления, господствовавшие до него. Пржевальскому ставили в упрек, что он мало сделал по изучению геологии и человека. Но ведь путешествия Пржевальского носили комплексный, а не специальный характер, они не могли не быть иными, они обязаны были быть именно такими, так как путешественник был пионером. Но и в геологии Центральной Азии Н. М. кое-что сделал; можно смело говорить о значительном вкладе его в эту науку, ибо все, что сделано им, было абсолютно новым. Он собирает коллекции горных пород, многократно описывает состав слагающих горы отложений, намечает историю образования отдельных областей.

Человеку же Пржевальский посвящает замечательные, хотя и не исчерпывающие, главы в своих работах, какими являются его «Монголы» и «Тангуты и дунгане» в его книге «Монголия и страна тангутов». А описа-

¹ Путешествие в Уссурийском крае, М., 1937, стр. 111.

ние лобнорцев в четвертом путешествии, дающее так много материалов этнографу? Правда, сам путешественник не раз в своих сочинениях отмечает, что изучение народов, племен, хозяйства им могло проводиться только урывками. Основная задача его заключалась в изучении природы Центральной Азии, и разрешалась она, главным образом, в пустынных, с редким населением, горах, плоскогорьях и котловинах этой страны. В разделе «Система научных работ» статьи «Как путешествовать по Центральной Азии» автор пишет: «На первом плане, конечно, должны стоять исследования чисто географические, затем естественно-исторические и этнографические. Последние, как выше упомянуто, весьма трудно собирать мимоходом, в особенности при незнании туземного языка и при подозрительности туземцев относительно истинных целей путешественника. Поэтому при всех моих экспедициях в Центральной Азии этнографические изыскания производились лишь настолько, насколько то можно было выполнить в зависимости от исключительных условий этих путешествий. Кроме того, для нас слишком много было работы по другим отраслям научных исследований, так что этнографические наблюдения и по этой причине не могли вестись с желаемой полнотой»¹.

Эти справедливые слова все же не позволяют сделать нам вывода о том, что этнографические наблюдения нашего путешественника не пролили свет на интереснейшие проблемы этнологии Азии. Не мало места посвятил Пржевальский в своей книге «Путешествие в Уссурийском крае» описанию нерусских народов Дальнего Востока: китайцев, гольдов, корейцев и других. Во всех его четырех путешествиях по Центральной Азии человек, его деятельность, занимает хотя и подчиненное, но всё же почетное место. Описание и объяснение такого сравнительно редкого явления в современном обществе, как «полиандрия» (многомужество), найденного в Тибете, делает этнографические материалы Пржевальского очень ценными и интересными.

Несравненно больше сделано Николаем Михайловичем в области изучения природы, что он всегда считал своей главной задачей, своей основной целью. Здесь необходимо выделить следующие разделы физической географии, представленные в трудах великого географа: орография и гидрография, климат, растительность, животный мир. Трудно сказать, в какой части этих отраслей знания Пржевальский более всего внес нового: в части неорганической или органической природы. И то и другое в одинаковой степени привлекало внимание исследователя; в каждой этой отрасли Пржевальский оказался замечательным наблюдателем, описателем и коллекционером, а также и аналитиком, давшим объяснение многим явлениям природы.

Исследования Н. М. Пржевальского по физической географии «Внутренней высокой Азии» привели к поразительным результатам, буквально сделавшим переворот в науке того времени. Громадные пространства Центральной Азии были охвачены маршрутами Николая Михайловича. Почти на всем протяжении их им проводилась съемка местности, географическое описание пройденных территорий, определение абсолютных высот 231 пункта, 63 астрономических пунктов, составление карт, характеристика форм рельефа, рек и озер, а главное, ландшафты в целом. Последнее следует особенно подчеркнуть, ибо Пржевальский так и

¹ От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. Спб., 1888, стр. 56—57.

понимал задачу географа — дать картину природы посещенных районов в тесной взаимосвязи всех ее звеньев.

Первое подробное описание великой центрально-азиатской пустыни Гоби сделано Николаем Михайловичем. Пустыни Ордоса, Ала-шаня, Джунгарии и Кашгарии особенно привлекали внимание путешественника. Гоби оказывается не вздутием, как думали раньше, а впадиной с разнообразными ландшафтами. Поразительные открытия сделаны им в Северном Тибете, где впервые посещены и описаны громадные хребты системы Куэнь-луня. Нань-шань у Пржевальского не один хребет, а система хребтов. Географические названия, знакомые и привычные для нас по современным картам Центральной Азии, впервые введены Николаем Михайловичем. Высочайшие хребты Бурхан-Будда, Гумбольдта, Риттера, Колумба, Пржевальского, Московский, Цайдамский и другие — все это наследие трудов Пржевальского по изучению окраины Тибета, северную границу которого он передвинул на 300 км на север.

Пржевальский достиг верховьев великих китайских рек Янцзы-цзяна и Хуан-хэ, он дал описание самой крупной реки Центральной Азии — Тарима. В отчетах Николая Михайловича приводятся обстоятельные описания озёр¹, хребтов, гор, рек, пустынь. Только после его работ представления о Центральной Азии приобретают научную основу и достоверность.

Выше мы говорили об авторитете Александра Гумбольдта и значении его книги «Центральная Азия». Гумбольдт заметил, что расположение горных хребтов в этой стране соответствует сетке, где одни горные сооружения располагаются по широте, а другие по меридианам. К первым относятся Алтай, Тянь-шань, Куэнь-лунь, Гималаи, ко вторым Урал, Хинган. Перекрещиваясь, эти хребты создают горные узлы, где громадную роль играют вулканы, во многом предопределившие современную орографию Азии. Такое схематическое построение было перенесено, без достаточных на то оснований, на всю территорию Центральной Азии. Описание же самих хребтов, и то только главных, сводилось у Гумбольдта часто лишь к названию и местоположению, иногда добавлялась краткая высотная характеристика. Большая часть Центральной Азии — «Гоби» — по этому автору представлялась как плоское вздутие, покрытое песками. Пржевальскому первому, и в этом его громадная заслуга перед наукой, удалось опровергнуть все эти построения. Он показал Центральную Азию такой, какой она была в действительности, а эта действительность оказалась гораздо более сложной и многообразной, чем предполагал Гумбольдт.

После путешествий Пржевальского навсегда были оставлены ненаучные представления о природе Центральной Азии, об океане песков в пустынях Гоби, об ее строении. Ныне забыта вулканическая теория Гумбольдта и его сетка взаимно перпендикулярных хребтов, образующих горные узлы.

Знаменитый русский географ и революционер Петр Кропоткин в своей известной книге «Орография Восточной Сибири»² сетует на схему

¹ Вспомним хотя бы историю открытия озера Лоб-нор в Восточном Туркестане, о положении которого разгорелась полемика между Н. М. Пржевальским и Ф. Рихтгофеном. См. Второе путешествие Н. М. — «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор». Известия Русского Географического общества, т. 13, № 5, стр. 263—329, а также «Несколько слов по поводу замечаний Рихтгофена на статью: «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор». Известия Русского Географического общества, т. 15, вып. 1, отд. 2, 1880, стр. 1—6. П. К. Козлов. Лоб-нор. Там же, т. 34, 1898, стр. 60—116.

² Записки Русского Географического общества, т. V, Спб., 1875.

Гумбольдта: «Гумбольдтова теория четырехугольных клеток, образуемых хребтами, которые идут по меридианам и параллелям, долгое время служила мне серьезной помехой к уразумению действительного характера Восточно-Сибирского, вернее — Восточно-Азиатского нагорья».

Последующие схемы устройства поверхности Азии уже во многом отличаются от гумбольдтовых прямоугольных горных хребтов, ибо используют для центральной ее части исследования, схемы и описания Пржевальского. Такова схема Рихтгофена, в то время лучшего знатока физической географии и геологии Китая, главным образом, собственно Китая. Наконец, Эдуард Зюсс в своем классическом трехтомном сочинении «Лик земли», посвященном анализу строения земного шара в целом и по частям, во многом изменил схемы устройства поверхности Центральной Азии. «Лик земли» («Das Antlitz der Erde») выходил в 1888—1909 годах, когда автор мог использовать уже работы многих русских путешественников, исследователей Центральной Азии. Зюсс заимствовал и у Пржевальского то, что касалось Центральной Азии, но больше всего автору «Лица земли» помог В. А. Обручев, который в 1898 и 1899 годах лично вёл с ним научные беседы, давшие Зюссу основной материал для научного толкования геологии и тектонического строения Центральной Азии.

Исключительно ценными оказались результаты регулярных метеорологических наблюдений Пржевальского, которые он вёл с большой тщательностью и аккуратностью. Здесь Николай Михайлович был педант, и эта педантичность во многом способствовала ценности таких материалов, ибо систематичность в метеорологических наблюдениях разрешила сравнивать показания разных лет и на этом основании делать далеко идущие выводы. Кто путешествовал и работал в экспедициях, в далеких и трудных маршрутах, тот знает, как трудно проводить систематические наблюдения в одни и те же часы суток. Жизнь в экспедициях полна лишений, физическое утомление порою связывает инициативу ученого; к тому же очень часто в пути, по характеру маршрута, бывает необходимым идти без задержек, быстрым темпом или по ночам. В такие дни приходится забывать о необходимости в определенный час повторить измерения или наблюдения. Многие из путешественников, начиная с Пржевальского, жаловались на то, что труднее всего регулярно вести маршрутную съемку пути, особенно в горах.

Между тем Николай Михайлович обладал упорством и силой воли. В его метеорологических наблюдениях очень мало пропусков, журналы его записей настолько точны, что именно по ним легко проследить по дням маршруты путешественника.

Метеорологические наблюдения Н. М. Пржевальского обрабатывал Александр Иванович Воейков (1846—1916), корифей климатологии, сам путешественник и географ с мировым именем, поразительной эрудиции. Это был один из русских ученых, еще при жизни получивший признание и заслуживший авторитет во всем мире. Его «Климаты земного шара» — превосходное сочинение, ныне ставшее классическим примером подобного рода работ.

Воейкова как ученого разностороннего и широкого очень интересовала Центральная Азия, ее нигде не повторяемые климаты, так резко и четко представленные во всем их многообразном проявлении. Он высоко ценил материал, собранный Пржевальским по климатологии Центральной Азии. В своей замечательной речи на чрезвычайном собрании Русского Географического общества 9 (21) ноября 1888 года, посвященном памяти Н. М. Пржевальского, Воейков в последних словах дал выразительную

оценку работ Пржевальского по климату: «Для оценки сделанного Пржевальским для увеличений наших знаний о климате Азии замечу следующее: пока продолжались его путешествия, просвещеннейшие и богатейшие страны Западной Европы соперничали в изучении Африки. Конечно, и изучению климата этой части света было уделено место, но наши знания о климате Африки подвинулись менее трудами этих многочисленных путешественников, чем наши знания о климате Центральной Азии сведениями, собранными одними четырьмя экспедициями Н. М. Пржевальского.

Закончу еще следующим. Ни в Африке, ни вокруг северного полюса невозможны уже такие открытия относительно климата посредством «экспедиций пионеров». Есть лишь одна страна земного шара, которая остается еще настолько *terra incognita*, что обещает в этом отношении такие же лавры; это — страна вокруг южного полюса, но, конечно, лишь в том случае, если найдутся путешественники со столь же высокими качествами, которые дали возможность Н. М. Пржевальскому в короткое время сделать так много для изучения Центральной Азии»¹.

Николай Михайлович не ограничивался только сбором метеорологических наблюдений. Он широко обобщал их, приходя к интересным гипотезам по климату Азии, характеристику которого он давал в своих книгах живыми, но полными фактического материала описаниями. Одно из течений современной климатологии, так называемая комплексная климатология, стремится дать характеристику климата в погодах. Конечно, Пржевальский был далек от современной методики комплексной климатологии, появившейся уже в наши дни, но он умел хорошо описывать именно погоды, их типы и повторяемость, почему описания климата у Николая Михайловича очень конкретны и понятны читателю. Особенно важно отметить это для Центральной Азии с ее континентальностью, быстрым и резким изменением погод, где методика характеристики климата по средневычисленным показателям дает часто весьма абстрактную и нехарактерную картину.

На основании своих наблюдений Пржевальский приходит к выводу о разнообразии природы Нань-шаня, о далеком влиянии китайского муссона на его восточную часть. Сколько интересного фактического материала содержат метеорологические наблюдения Николая Михайловича! Здесь и поразительные амплитуды суточных температур в Гоби, где весной они превышают 30°; здесь зафиксированы зной Такла-макана, горячие ветры Восточного Туркестана, холод Северного Тибета и дожди восточной его части. Ветры — эти «носители погоды» — также не проходят мимо внимания путешественника. Он тщательно записывает направление ветров, их повторяемость и скорость. Это во многом помогло разобраться в общей схеме циркуляции атмосферы и разрешило сделать вывод о значении китайских и индийских муссонов и большого влияния западных ветров, наиболее характерных для северного полушария вообще. А характеристика страшных бурь Центральной Азии, катастрофических ливней, порождающих страшные силы и наводнения и геологическая деятельность постоянных и сильных ветров! Всё это дано так живо и захватывающе интересно, что, кажется, сам читатель видит и ощущает все эти явления природы.

Метеорологические наблюдения, а также обобщения по климату Центральной Азии Пржевальского и до настоящего времени можно встретить в руководствах по климатологии и специальных описаниях климата

¹ Памяти Николая Михайловича Пржевальского. Изд. Русского Географического общества, Спб., 1890. Речь ординарного профессора А. И. Воейкова, стр. 50.

Азии или Китая. Эти наблюдения не успели устареть, хотя с тех пор прошло уже более полувека. А. И. Воейков, на основании разработки материалов Пржевальского, пришел к анализу климата Центральной и Восточной Азии, приведенному в трудах этого климатолога: «Климат области муссонов Восточной Азии (Амурского края, Забайкалья, Маньчжурии, Восточной Монголии, Китая, Японии и т. д.)» и «О климате Центральной Азии».

Растительность играет громадную роль в понимании географического ландшафта и вместе с рельефом определяет его облик. Когда мы говорим о тундре, тайге, пустыне, то у нас возникает прежде всего представление о характере растительного покрова.

Пржевальский исподволь готовился к умению понимать и знать растения, к умению их собирать, поэтому его сборы всегда поражали аккуратностью, и ботаники, обрабатывающие его гербарий, пишут об образцовом состоянии коллекций.

Во время своей Уссурийской экспедиции Николай Михайлович собрал небольшой гербарий, который и предоставил в распоряжение академика К. И. Максимовича, в то время лучшего знатока флоры Восточной Азии. Только одно требование при этом предъявил путешественник: скорейшее определение растений и представление их списка.

«... едва Европа успела узнать, что Амур принадлежит России, как в печати уже явились труды о флоре и фауне его. Впечатление, особенно в Англии, было глубокое; труды эти были толчком для издания правительством целого ряда колониальных флор», — пишет академик К. И. Максимович¹.

Из Центральной Азии путешественник привез громадный гербарий в количестве 15—16 тысяч растений, которые составляли 1 700 видов, описанных в ряде выпусков «Научных результатов путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии». Помимо этого, в своих отчетах Пржевальский приводит списки встречаемых им растений и, что особенно интересно географу, условия их распространения, приуроченность к тем или иным физико-географическим районам, высотам, экспозициям горных склонов и так далее.

Для того чтобы стало яснее значение трудов Пржевальского в изучении растительности Центральной Азии, достаточно сказать, что до него вся эта громадная область почти не была затронута ботаническими исследованиями. Б. А. Федченко отмечает, что до путешествий Николая Михайловича небольшой ботанический материал собран русскими на крайнем северо-востоке Центральной Азии по Калганскому тракту, да в южной части Тибета побывали англичане, из которых крупный ботаник Дж. Гукер пробыл в Тибете только два дня².

Среди громадного гербария, привезенного Пржевальским, оказались растения-уникумы. В интересах сохранения первенства за Пржевальским ботаники спешили с обработкой и описанием растений, привезенных им из далеких стран. Бюллетень Академии наук печатал, по мере окончания отдельных этапов работ, эти описания в серии «Diagnoses plantarum novarum asiaticarum». В этом бюллетене было описано 218 новых видов, совершенно неизвестных до того времени науке. Эти виды состояли из 173

¹ Памяти Н. М. Пржевальского. Издание Русского Географического общества, Спб., 1890. Речь ординарного академика К. И. Максимовича, стр. 44—45.

² Б. А. Федченко. Растительность Центральной Азии и роль Н. М. Пржевальского в ее изучении. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, 1940, стр. 668.

тибетских и 44 монгольских. Выявление и описание нового рода — редкость в систематике растений или животных; в современный период выделение нового рода целое событие в науке. Но и тогоа это событие было не очень частым, а среди растений, собранных Пржевальским, было найдено семь новых родов!¹ При этом следует упомянуть, что труды по изучению ботанического наследия Н. М. Пржевальского, начатые при его жизни К. И. Максимовичем, продолжались им и после смерти путешественника, а после смерти Максимовича обработку растений взял на себя Владимир Леонтьевич Комаров, лучший знаток флоры Монголии, Маньчжурии и Северного Китая, много сделавший для приведения в порядок коллекций Николая Михайловича². Б. А. Федченко замечает, что неотложной задачей является завершение научной обработки ботанических коллекций Николая Михайловича и его учеников: «В законченном виде «Флора Центральной Азии» будет лучшим памятником Н. М. Пржевальскому»³.

Ботанические материалы Николая Михайловича дали многое не только флористам и систематикам. Они дали возможность судить об истории развития растительности Центральной Азии, тем самым отвечая на интересные вопросы палеогеографии этой страны.

Геологическое изучение Центральной Азии, далеко продвинувшееся еще со времени путешествий В. А. Обручева, привело, между прочим, к следующим выводам из истории формирования этих территорий. В далеком палеозойском прошлом Центральная Азия неоднократно покрывалась морскими водами. Однако к концу палеозоя водная площадь сокращалась, море занимало все меньшие пространства, уступая место континентальному варианту осадконакопления. В мезозойское время морское покрытие в Центральной Азии свелось до минимума. Отсюда следует важное для правильного понимания дальнейшей истории Центральной Азии следствие: уже в палеозое часть суши ее не заливалась морем, а вступила в фазу своего континентального развития. В мезозойское время уже почти вся территория Центральной Азии обнажилась, море отступило. Все это говорит о том, что растительность начала заселять Центральную Азию еще с геологически далеких времен, и, значит, она прошла очень длительный и сложный путь своего развития. Обработка ботанических сборов Н. М. Пржевальского уже в конце прошлого столетия впервые привела ботаников к этой мысли. И это тем более интересно, что тогда господствовала в геологии теория Рихтгофена о наличии здесь в сравнительно недалеком геологическом прошлом громадных водных бассейнов. Уже в 1888 году академик Максимович говорит о том, что монгольская флора должна быть признана весьма древней, а академик В. Л. Комаров добавляет, что «монгольская флора представляется мало однородной; можно даже сомневаться в допустимости самого термина «монгольская флора», так как растительность, населяющая Монголию, не представляет чего-либо целого, имеющего свой самостоятельный центр развития и свою историю. Скорее это пустынно-степная флора Центральной Азии, составившаяся из ксерофитизованных выходцев различных горных флор»⁴.

¹ А. В. Зеленин. Путешествия Н. М. Пржевальского, Спб., 1900, т. 2, стр. 469.

² В. Л. Комаров. Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций, ч. 1. Маршруты Н. М. Пржевальского. Труды Главного Ботанического сада, т. 34, вып. 1. Пг., 1920, стр. 1—192.

³ Б. А. Федченко. Растительность Центральной Азии и роль Н. М. Пржевальского в ее изучении. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, 1940, стр. 678.

⁴ В. Л. Комаров. Флора Маньчжурии, Спб., 1901—1907, стр. 5.

Растительность же Тибета заселила его сравнительно недавно. Тибет как высокое холодное нагорье — явление геологически молодое, и к тому же он испытал сильнейшее оледенение, вследствие чего флора могла образоваться здесь только в четвертичное время.

Переходя к результатам работ Николая Михайловича по зоологии, следует сказать, что в этой области открытия и исследования нашего путешественника исключительно велики. Здесь Пржевальскому-ученому оказал громадную помощь Пржевальский-охотник. Страсть к охоте, большой опыт в этом искусстве, бесстрашие, отвага и выносливость сделали Николая Михайловича великим мастером трудного охотничьего дела. Именно этой страсти наука обязана тем, что впервые получила в свое распоряжение таких животных, которые без выносливости, упорства и охотничьего таланта путешественника — кто знает? — еще сколько времени оставались бы неизвестными.

Н. М. Пржевальский методично и упорно собирал зоологические коллекции, главным образом млекопитающих и птиц. Последних он особенно любил и был их прекрасным знатоком. Количество привезенных Пржевальским экземпляров животных, птиц, гадов, рыб исчисляется сотнями и тысячами. Млекопитающих оказалось 702 экземпляра, птиц 5 010 экземпляров, пресмыкающихся и земноводных, главным образом ящериц, до 1 200 экземпляров, рыб 643 экземпляра. Насекомых Пржевальский собрал небольшую коллекцию во время своего первого и четвертого путешествий, когда его специально просил об этом Семенов-Тянь-Шанский. Среди всей этой громадной зоологической коллекции оказались десятки новых видов, до того неизвестных науке; часть видов ныне носит имя Пржевальского. Не менее ценными, чем сборы коллекций, являются записи путешественником своих наблюдений над животными, условиями их обитания, средой, где протекает жизнь тех или иных видов. Сколько нового, интересного и нужного записано в его отчетах по этим вопросам! Перелеты птиц, условия жизни и повадки диких яков, верблюдов, различных антилоп, горных баранов — все это находит отражение в дневниках и книгах Пржевальского. Казалось бы, открытие и добыча только двух видов млекопитающих — диких верблюда и лошади — могли бы доставить мировую известность путешественнику, хотя это и было очень небольшой частью его зоологических материалов.

Хорошо сказал академик А. А. Штраух на собрании Русского Географического общества, посвященном памяти Пржевальского, что коллекции его «составили тот колоссальный, несравненный материал по позвоночным животным Центральной Азии, который Николай Михайлович пожертвовал Академии наук и который, по всей справедливости, составляет гордость академического музея. Действительно, материал этот не имеет себе равного, да, наверное, и долго еще не будет иметь»¹.

Н. М. Пржевальский свои путешествия скромно называл «научными рекогносцировками». Это были рекогносцировки, но только потому, что путешественник впервые попадал в такие области Азии, где, кроме него, никто никогда не был, но научным результатам их, материалам, собранным этими так называемыми рекогносцировками, могла позавидовать любая большая, хорошо налаженная комплексная экспедиция, в составе которой представлены ученые-натуралисты различных специальностей. Не даром говорят о том, что на ниве научного познания Центральной Азии

¹ Памяти Н. М. Пржевальского. Спб., 1890, стр. 28.

Пржевальский поработал за десятерых, в результате чего он «открыл для современной науки пути в Центральную Азию и Тибет»¹.

В своих путешествиях Пржевальский всегда был и оставался ученым, объективным и честным наблюдателем, бесстрастным комментатором, горячо любившим природу, в описании которой он выступает как подлинный художник.

Комментаторы и критики произведений Н. М. Пржевальского часто ставили ему в вину его резкую и нелестную оценку материальной культуры и нравственных качеств многих центрально-азиатских племен. Действительно, Николай Михайлович не раз отмечает некоторые особенности жизни, быта и нравов Центральной Азии. Но и тут он остаётся верен своим принципам. У Пржевальского нет высокомерия европейца, попавшего в далёкую Азию, нет заносчивости колонизатора, нет спеси культуртрегера. Советскому читателю его произведений всегда следует помнить, что печатались они 60—75 лет назад, когда господствовали совсем иные общественные отношения. Пржевальский выступает всегда как друг простого народа. Дружба Пржевальского с населением Наньшаня просто трогательна, десятки лет хранили в одном из монастырей его портрет и почитали как святыню эту драгоценность, неизменно с любовью и уважением вспоминали храброго путешественника. Он с симпатией пишет о цельном и открытом характере монголов Халхи, он находит порицающие слова для характеристики вредного влияния представителей китайского торгового капитала и насквозь продажного китайского чиновничества в Куку-норе, Гань-су, Внутренней Монголии. В то время феодализм в Центральной Азии был в полном расцвете. Широкие народные массы находились в нищенском положении, обнищание приняло массовый характер. Процессу полной пауперизации больше других оказывал сопротивление халха-монгольский народ. Не сразу успел вонзить жало китайский торговый и ростовщический капитал в его тело, но и Северную Монголию в конце концов постигла в известной степени та же участь. Народ испытывал тягость и жестокую эксплуатацию со всех сторон.

Класс феодалов, то есть местная наследственная власть, буддийские монастыри, ламское сословие — эта, по выражению Пржевальского, «страшная язва Монголии», представители местного и китайского чиновничества, купцы, ростовщики, — все они, каждый по-своему, своими методами грабили монгольский, тибетский и другие народы Центральной Азии и очень способствовали их обнищанию и понижению материального и культурного уровня. Для характеристики этих представителей правящего класса у Пржевальского нашлись резкие, справедливые и гневные слова. Не раз Пржевальский говорит о лености жителей Центральной Азии, об их пассивном и созерцательном отношении к жизни, о большом, чисто детском любопытстве, переходящем в назойливость. Но все это легко понять. Буддизм во всех его проявлениях учит о пассивном созерцании, об отречении от деятельности, ибо все тщетно в этом мире, а жизнь есть цепь страданий; страдания — вот истинная цель бытия, через страдания можно притти к совершенству. Это учение буддизма усиленно поддерживалось и развивалось феодальными князьями, чиновниками, в течение столетий оно пустило глубокие корни.

¹ В. А. Обручев. Н. М. Пржевальский как путешественник и исследователь Центральной Азии. Вестник Академии наук, № 6, 1939, стр. 77.

Правительство императорского Китая пристально следило за существующим порядком в своих окраинах, ревниво относилось к вмешательству европейцев в Тибете, Монголии, Синьцзяне. Оно всячески препятствовало проникновению русских и других европейских путешественников в эти страны и давало местным властям специальные указания на этот счет, подстрекая народ и лам оказывать всяческое противодействие иностранцам. Не даром Пржевальский не раз с возмущением рассказывает о препятствиях со стороны китайских чиновников по пути следования путешественника.

Китай был заинтересован в сохранении феодализма; он поддерживал ламаизм, ибо через этот институт легче было удержать в подчинении кочевые народы Центральной Азии, где обычные формы правления только через наместников в городах не давали еще полного контроля над окраинными странами. История знает примеры, когда китайское правительство, озабоченное ростом национального движения, как, например, в Монголии, принимало решительные меры, вплоть до военных выступлений, в целях подавления этого движения, а ламаистские первосвященники, богдо-гыген и другие гыгены, если проявляли политическую самостоятельность и способствовали борьбе за независимость, то, как правило, тайно умерщвлялись. Н. М. Пржевальский не был историком, но уроки истории им учитывались в своих отчетах, мы не раз встречаем высказывания, направленные против ламаизма и китайского влияния в Центральной Азии. Это влияние не способствовало повышению культуры местных племен, не способствовало прогрессу.

Пржевальский попал в Центральную Азию в период, когда одно из крупных движений против политики императорского Китая шло к концу. Это было дунганское восстание, охватившее весь Западный Китай. Получив вначале широкий размах народного движения, поднявшегося на борьбу против китайского капитализма, дунганское восстание охватило различные этнические образования, включив население Восточного Туркестана и ряд других народов. Восстание широким пологом распространилось по странам Западного Китая, охватывая все новые общественные слои, новые территории. Оно было направлено против угнетения со стороны китайских чиновников, правителей, ростовщиков, взяточников.

В дальнейшем дунганское восстание пошло на убыль. Восстание не имело твердого и единого руководства, оно оказалось лишенным политических перспектив и предавалось изнутри отдельными вождями, старавшимися захватить власть в свои руки и занять место правителя, хана, в отдельных районах Центральной Азии. Одним из таких правителей оказался Якуб-бек, захвативший власть в Кашгарии и возглавивший государство Джеты-шаар. Но простой народ, декханство, не испытало от этого облегчения: самоуправство продолжалось с прежней силой, в торговлю Кашгарии стали успешно внедряться англичане. Самая многочисленная часть населения — земледельцы — были очень недовольны Якуб-беком, который вскоре потерял поддержку в народных массах.

Пржевальский был живым свидетелем упадка дунганского движения, он видел уже только разрозненные выступления отдельных отрядов восставших, которые были лишены руководства, и понимал безвыходность создавшегося для них положения. В глазах путешественника это были разбойничьи шайки, промышлявшие грабежами, разрушавшие города, селения, монастыри, угонявшие скот, кочевников. По сравнению с этими жалкими и выродившимися остатками повстанческой армии регулярные

китайские войска, плохие, недисциплинированные, необученные и морально неустойчивые, казались организованной и серьезной военной силой.

Пржевальский в 1877 году был на приеме у Якуб-бека, правителя Джеты-шаара. В отчете о втором путешествии он дает яркую характеристику этого события и резко отрицательную оценку восточного сатрапа. Он приводит данные о положении населения в Кашгарии, защищая его политические права и настаивая на необходимости активной русской политики во многих целях, в том числе и человечески-гуманных. Пржевальский выступает как политик, когда говорит, что шансы Якуб-бека в борьбе с китайцами ничтожны. В корреспонденции «О современном состоянии Восточного Туркестана» от 6 (18) июня 1877 года Пржевальский пишет: «В общем резюмируя всю сумму наблюдений и впечатлений, вынесенных мною из шестимесячного пребывания в пределах Джеты-шаара, можно притти к следующему, мне кажется, достаточно вероятному выводу: царство Якуб-бека падет в близком будущем. Вернее всего, оно будет покорено китайцами; в случае же каких-либо мирных комбинаций с этой стороны, что впрочем весьма сомнительно, внутри самого Джеты-шаара неминуемо вспыхнет восстание, для которого имеются, даже через край, все готовые элементы, но которое теперь задерживается военным террором и общностью мусульманского дела в борьбе против китайцев»¹.

Пржевальский отмечает, что «местное население, мало в чем повинное, конечно, поплатится при этом, быть может, даже поголовной резней».

История полностью подтвердила прогнозы Пржевальского. В 1878 году, то есть через год после приведенного письма, государство Джеты-шаар пало, чему способствовало и местное население, разочарованное политикой Якуб-бека. Подавление дунганского восстания сопровождалось невиданной жестокостью, массовыми казнями населения, истреблением целых селений и городов. Десятками тысяч дунгане и таранчи бежали на запад, в русское Семиречье, где и обосновались.

В своих отчетах и статьях в данном случае Николай Михайлович выступает как политик, патриот России, показания которого дают богатый материал для историка Центральной Азии второй половины прошлого столетия.

* * *

Слава пришла к Пржевальскому при жизни. Ему не нужно было искать признания, известности, популярности, не нужно было и времени, чтобы общество поняло и оценило труды и таланты Николая Михайловича. Уссурийское путешествие дало ему имя в России, где среди географов он уже был известен как исследователь русского Приморья. Первое монгольское путешествие доставило ему мировую славу и широкую известность по ту сторону нашего отечества. Последующие три путешествия по Центральной Азии вызвали глубокое удивление, почтение и восторг как у нас в России, так и за границей, и породили многочисленных последователей. Это был триумф, триумф исследователя, прошедшего через труд и трудности, через лишения и страдания, триумф упорства, бесстрашия, силы воли и железного здоровья. Пржевальский уверенно смотрит вперед, успехи радуют его, мечты стали действительностью,

¹ Корреспонденция с Восточного Тянь-шаня (плато Юлдус). Опубликовано Н. Ф. Дубровиным в его биографическом очерке. Приложение № 12, стр. 576. Подписано: полковник Пржевальский.

а действительность оказалась более яркой и полной, чем ему думалось в мечтах. Но Пржевальский не меняет своих привычек, он, как всегда в работе, в жизни попрежнему скромен и требователен к себе и подчиненным. Николай Михайлович и раньше не любил города, предпочитая жизнь в далеких пустынях и горах Центральной Азии, а в перерывах между путешествиями уединялся в «Отрадном» или «Слободе», где обрабатывал материалы экспедиции, писал свои замечательные книги и отдыхал на охоте. Жажда к деятельности, стремление сделать больше, лучше, прославить русскую науку — побуждали его к новым путешествиям, к новым открытиям. В 1888 году, уже когда Николаю Михайловичу было под пятьдесят лет, уставший и потучневший, он отправляется в последнюю свою экспедицию.

Н. М. Пржевальский был награжден многими медалями русских и зарубежных научных обществ и академий. Даже сокращенное перечисление их говорит о всеобщем признании его значения и роли в истории географических открытий. Первая награда — серебряная медаль Русского Географического общества была ему присуждена за работу по Уссурийскому краю. За первое монгольское путешествие то же Общество присуждает ему Константиновскую медаль, а Парижское Географическое общество в 1876 году преподносит золотую медаль. В 1878 году Николай Михайлович избирается почетным членом Академии наук и Ботанического сада в Петербурге, а Берлинское Географическое общество присуждает медаль имени Александра Гумбольдта. Медаль эта была учреждена по случаю пятидесятилетия Общества, и первым, кто её получил, был русский путешественник Пржевальский. Фердинанд Рихтгофен, сам знаменитый исследователь Китая, представляя к награде Николая Михайловича, рекомендовал его как гениального путешественника, отличающегося бесстрашием и сделавшего поразительные географические открытия. «Вообще его наблюдения так широки и многосторонни, что мало кому под силу» — замечает Рихтгофен, высоко оценивший также и этнографические наблюдения Пржевальского.

Через год Пржевальский получает Королевскую медаль Лондонского Географического общества, очень скупого на награды иностранцам. Президент этого Общества говорит, что путешествия Пржевальского по стране тангутов и Северному Тибету превосходят все, что было известно со времени Марко Поло; в Пржевальском, по его мнению, соединяются любовь к природе и достоинства ученого-географа.

В 1880 году, после третьего путешествия в Центральную Азию, Русское Географическое общество избирает Пржевальского своим почетным членом, а через год Московский Университет преподносит ему диплом почетного доктора зоологии. Петербургский Университет и Венское Географическое общество также избирают его в почетные члены. В 1882 году этому примеру следует Венгерское Географическое общество.

Блестящие результаты четвертого путешествия в Центральную Азию вновь вызывают поток наград и избраний. Шведское Географическое общество награждает Пржевальского медалью Вега, которая до Николая Михайловича была присуждена трем лицам: двум шведам — Нильсу Норденшельду и Паландеру, а из иностранцев только Стэнли. Шведское общество отметило, что Пржевальский с честью представляет свою родину в географической науке.

В 1885 году от Итальянского Географического общества поступает большая золотая медаль, а через год Русская Академия наук выбивает

специальную, именную, золотую медаль со скромной надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии. 1886 г.». В протоколах Академии наук от 15 мая 1886 года нового стиля сохранилось такое представление ряда академиков по этому поводу:

«Экспедиции Николая Михайловича Пржевальского в Центральную Азию составляют одно из самых выдающихся явлений в истории ученых путешествий вообще. Первым из европейцев наш знаменитый путешественник проник в самый центр Высокой нагорной Азии и познакомил нас с местностями, известными до него, и то лишь отчасти, только по скудным китайским источникам. Там он произвел целый ряд крайне важных открытий и исследований, вполне оцененных как у нас, так и за границей, и поставивших имя его наряду с именами знаменитых путешественников всех времен и народов».

На годовом собрании Академии наук 10 января 1887 года при подношении Николаю Михайловичу медали непреходящий секретарь К. С. Веселовский сказал замечательные вдохновенные слова, вошедшие почти во все издания, посвященные Пржевальскому: «Есть счастливые имена, которые довольно произнести, чтобы возбудить в слушателях представление о чем-то великом и общеизвестном. Таково имя Пржевальского. Я не думаю, чтобы на всем необъятном пространстве земли Русской нашелся хоть один сколько-нибудь образованный человек, который бы не знал, что это за имя... Имя Пржевальского будет отныне синонимом бесстрашия и энергии в борьбе с природой и людьми и беззаветной преданности науке»...

* * *

Неожиданная смерть Николая Михайловича Пржевальского потрясла весь цивилизованный мир. Пржевальскому тогда не было полных пятидесяти лет. Он стоял на пороге пятого путешествия с твердым намерением на этот раз достигнуть Лхасы, этой священной столицы Тибета. Сюда, в бассейн Брамапутры, через весь Тибет должен был проходить его путь. Как раз перед выездом Пржевальского, в 1888 году, выходит последняя его большая книга, посвященная четвертому путешествию по Центральной Азии.

Отправляясь в далекий новый путь, в так хорошо знакомую Центральную Азию, в то же время попрежнему во многом неизвестную, Николай Михайлович с грустью прощался со своей «Слободой», где на колонне балкона своего дома написал красным карандашом: «5 августа 1888 года. До свидания, «Слобода»! Н. Пржевальский». Что ждало путешественника впереди? Только тому, кто много ездил по далеким и глухим странам, тому знакомо это чувство грусти при отъезде в новые путешествия. Впереди так много неизвестного, зовущего и несколько пугающего новизной!

Из Петербурга поезд увез Пржевальского и его спутников В. И. Роборовского, П. К. Козлова, П. П. Телешова в Москву и Нижний. Дальше — матушка-Волга и пароход «Фельдмаршал Суворов».

В дневнике последнего путешествия скупые строчки:... «Радость великая! Опять впереди — свобода и дело по душе... Но для успеха его необходимо прежнее счастье, которое да не отвернется и ныне от меня»...

Астрахань, Баку, нефтяные промыслы Балаханов. На Апшеронском полуострове как старых знакомых встречает Николай Михайлович растения Центральной Азии. «Местность совершенно походит на центрально-азиатские пустыни», — замечает он.

Восточный берег Каспия. Земли туркменов. Закаспийская железная дорога. «Эта дорога — совершенное чудо в пустыне. словно в сказке несешься в вагоне по сыпучим пескам или по бесплодной и безводной галечной равнине... Словом, описываемая дорога в своём целом многократно больше заслуживает похвалы и удивления, чем порицания, на что так щедры наши газетчики и разные пустословы».

Самарканд, Ташкент. «Громадный и превосходный это оазис». Пишпек (ныне Фрунзе, столица Киргизской ССР).

Последний путь великого путешественника. Последняя запись отмечена 4, 5 (16, 17) октябрём 1888 года: «Вечером поехал с Роборовским на станцию Константиновскую (19 верст от Пишпека) на фазанов (*Phas. mongolicus*), которых здесь очень много. Вечером и утром я убил 15, Роборовский 1. Несмотря на октябрь, днем очень жарко; листья еще не осыпаются с деревьев, хотя на некоторых начинают желтеть. От жары и тряски в тарантасе у меня опять начался зуд. В отряде собрано до сих пор 23 солдат и казаков; нужно теперь только еще двух»¹.

Думы только о новом путешествии, вновь о Центральной Азии... Роковая охота...

Как случилось, что столь опытный путешественник, как Николай Михайлович, запрещавший своим спутникам пить сырую воду из случайных водоемов, сам, будучи на охоте в окрестностях Пишпека, в жаркий день пил воду из реки, когда кругом свирепствовал брюшной тиф? Последняя охота на фазанов дала себя знать через 10—11 дней в окрестностях Каракола, ныне Пржевальска.

Тяжело протекала болезнь Николая Михайловича, его могучий организм боролся со смертью. Пржевальский несколько раз впадал в беспамятство, и вновь сознание возвращалось к нему. Мысли о смерти появились у него во время болезни, росла уверенность в печальном ее исходе.

«Я нисколько не боюсь смерти и несколько раз стоял лицом к лицу с ней... Похороните меня непременно на Иссык-куле, на берегу, но чтобы не смыло водой. Надпись просто: путешественник Пржевальский. Положить в гроб в моей экспедиционной одежде...»

20 октября (1 ноября) 1888 года не стало великого путешественника, всемирно известного географа, ученого, генерал-майора; по свидетельству П. К. Козлова: «Лежа на правом боку, он бредил, прикрыв лицо рукою. По выражению нижней части лица можно было думать, что он плакал. Потом вдруг, поддерживаемый нами, встал во весь рост и, посмотрев кругом, сказал: «Ну, теперь я лягу...»

Мы помогли лечь. Лицо и руки стали желтеть... несколько учащенных дыханий, два-три глубоких вдоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы, горькие слезы душили каждого из нас... Мне казалось, такое горе пережить нельзя... да оно и теперь еще не пережито...»².

Скоро телеграмма о смерти Николая Михайловича облетела весь мир. Она была подана старшим помощником Пржевальского—Всеволодом Ивановичем Роборовским, также известным исследователем Центральной Азии. Телеграмма гласила: «Сообщаю Географическому обществу беспредельно горестное известие. 20 октября в 9 часов утра Николай

¹ Дневник последнего путешествия Н. М. Пржевальского в 1888 году. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, 1940, стр. 630—640.

² П. К. Козлов. В сердце Азии (памяти Н. М. Пржевальского). Спб., 1914, стр. 26.

Михайлович скончался брюшным тифом, простудился на охоте Пишпеке. Ждем разрешения похоронить тело на берегу Иссык-куля согласно воле покойного. Место выбрано удобное 12 верстах Каракола. Телеграфировал штаб военному министру и государю императору. Жду дальнейших распоряжений для описи экспедиционного имущества. Просим назначить комиссию. Действительный член Общества Роборовский. Каракольская почтовая контора».

На могиле путешественника вырос свежий холмик с простым деревянным крестом. А в 1889 году был сооружен величавый памятник, стоящий на крутом обрывистом берегу некогда пустынного озера, воды которого ныне бороздят быстрые теплоходы. На юг от могилы высятся снежные вершины Терскея.

На гранитной скале установлена бронзовая фигура орла, распростершего крылья. В клюве орла оливковая ветвь — эмблема мирных завоеваний науки, под ногами — карта Азии с нанесенными на ней маршрутами путешествий. В верхней части скалы выделяется бронзовый крест, под которым скупая надпись: «Николай Михайлович Пржевальский. Род. 31 марта 1839 г., скон. 20 окт. 1888 г.» В центре лицевой части скалы большая бронзовая медаль, выполненная по модели медали Академии наук с барельефом покойного, под медалью скромная и короткая надпись: «Первый исследователь природы Центральной Азии».

Умирая, Пржевальский просил похоронить его именно на берегу Иссык-куля, у синего простора озера, на рубеже горячо любимой родины, на страже русской земли, которая была ему дороже всего другого.

«Не бредом больного воображения было последнее выраженное дорогим нам усопшим желание быть похороненным на берегах Иссык-куля. Идея, связанная с этим желанием, не только глубокая, но и вполне соответствующая русскому народному складу Николая Михайловича. В русском народном творчестве сказочный русский богатырь желает быть похороненным на перепутье, как бы указывая своей могилой на дальнейшие пути тем русским богатырям, которые пойдут вслед за ним»¹.

* *
* *
* *

Со дня смерти Пржевальского прошло более полувека. С тех пор граница, оконтуривающая белые пятна мира, значительно сократилась. За это столетие работало немало достойных ученых географов, путешественников, стараниями которых положены на карту и описаны территории в миллионы квадратных километров.

Наша страна любит и ценит неутомимых отважных исследователей новых неведомых земель и морей. Путешествия и ученые труды Н. М. Пржевальского по заслугам оценены советской общественностью. Славными успехами и традициями русской географической науки по праву гордятся народы Советского Союза. Имя Николая Михайловича тесно связано с этими традициями, он их создавал совместно с другими энтузиастами путешественниками: Миклухо-Маклаем, Палласом, Крашенинниковым, Потаниным, Седовым и другими.

Нелегко достались Пржевальскому вечная слава, любовь и признание поколений. Это не случайный успех и не мимолетная любовь, а плоды

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Памяти Н. М. Пржевальского, Спб., 1890, стр. 26.

всей деятельности, целеустремленности, труда и горения ученого. Л. С. Берг, президент Всесоюзного Географического общества, говорит о том, что Пржевальский может служить типом путешественника-классика, в то время как Н. Н. Миклухо-Маклай яркий представитель путешественника-романтика. Как классик Пржевальский и для нас, советских людей, всегда пример, достойный подражания. Значение работ Н. М. Пржевальского для русской науки громадно. Оглядываясь назад, в историю географических открытий XIX столетия, мы можем легко и полно оценить несравненный вклад Н. М. Пржевальского в познание Центральной Азии. Несмотря на значительный период времени, отделяющий нас от путешествий Пржевальского, мы все же и до сих пор считаем, что его отчеты, книги представляют ценность не только как документ для истории географических открытий, но и как научный материал, не потерявший своей оригинальности и ценности и по сей день. При изучении Центральной Азии мы и теперь нередко прибегаем к помощи книг Пржевальского, чтение которых доставляет читателю большое удовлетворение.

В Советском Союзе прекрасно знают и ценят Пржевальского. Наши школьники с детского возраста зачитываются рассказами о великом путешественнике и пересказами его книг. Жизнь и работы Николая Михайловича послужили темой для многочисленных выступлений в печати и по радио, в статьях, очерках, книгах. Только кино еще не отразило деятельности Пржевальского, хотя обладает для этого громадными возможностями в создании увлекательного фильма.

Советской эпохе созвучны работы Пржевальского, его героизм, отвага, бесстрашие, целеустремленность, беззаветная преданность науке. Николай Михайлович был истинно русским человеком, и куда бы его ни забрасывала судьба — в пустыни Гоби, степи Монголии, горы Тибета, уссурийские леса или пески Такла-макана, он всегда оставался русским человеком, горячим патриотом России — своей родины. Пржевальский всей своей жизнью пример для нас, пример, зовущий и нас к упорному труду, к высоким принципам служения своему народу, своей стране. Русский народ богат талантами. XIX век дал не мало русских людей, имена которых известны всему миру, и всюду произносятся они с уважением. В этой плеяде географическая наука была блестяще представлена Николаем Михайловичем Пржевальским — русским богатырем.

Изучение Центральной Азии, этого «высокого и заветного» края, продолжается. Сейчас мы знаем об этой стране несравненно больше, чем пятьдесят лет назад. После Пржевальского в Гоби, в Монголии и в Тибете побывали десятки и даже сотни путешественников, представляющие самые разные отрасли науки. Но всегда — и теперь и на далекое будущее при упоминании высоких горных систем Нань-шаня, Алтын-тага и Куэнь-луня, необозримых пустынь Гоби и Такла-макана, водной глади голубого альпийского озера Куку-нор или болотистого Лоб-нора — географы будут с благодарностью и уважением вспоминать первого исследователя Центральной Азии — Николая Михайловича Пржевальского.

В своем приветствии Академии наук СССР, в связи с ее 220-летним юбилеем, Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) отметили имя «всемирно известного географа Пржевальского» среди других великих русских ученых, которыми по праву гордится советский народ¹.

¹ Газета «Правда» № 144 (9915) от 15 июня 1945 года.

Краткий наш очерк хочется закончить словами Антона Павловича Чехова о Пржевальском. Чехов писал: «Один Пржевальский или один Стэнли стоит десятков учебных заведений или сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, холоду, изнурительным лихорадкам, тоска по родине, их фанатическая вера в науку—делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая сила. Недаром Пржевальского, Миклухо-Маклая и Ливингстона знает каждый, и недаром, по тем путям, где проходили они, народы оставляют о них легенды»¹.

Э. М. Мурзаев.

---

¹ Газета «Новое время» № 4548 от 26 октября 1888 года. Статья не подписана А. П. Чеховым, но авторство установлено перепиской. См. «Полное собрание сочинений», т. II, стр. 209. Москва—Ленинград, 1932.

МОНГОЛИЯ
И СТРАНА ТАНГУТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четыре года тому назад, благодаря инициативе Русского Географического общества и просвещенному содействию Военного министерства делу науки, я получил назначение совершить экспедицию в Северный Китай, в те застенные владения Небесной империи, о которых мы имеем самые неполные и отрывочные сведения, почерпнутые из китайских книг, из описаний знаменитого путешественника XIII века Марка Поло, или, наконец, от тех немногих миссионеров, которым, кое-когда и кое-где, удавалось проникать в эти страны. Однако данные, добытые из всех этих источников, до того поверхностны и неточны, что вся Восточная нагорная Азия, от гор сибирских на севере до Гималайских на юге и от Памира до собственно Китая, до сих пор так же мало известна, как Центральная Африка или внутренность острова Новой Голландии⁽¹⁾. Даже об орографическом строении всей этой громадной площади мы имеем большей частью лишь гадательные данные; о природе же этих стран, то есть об их геологическом образовании, климате, флоре и фауне, мы не знаем почти что ничего.

Между тем эта *terra incognita*, по величине превосходящая всю Восточную Европу, помещенная в середине наибольшего из всех континентов, поднятая так высоко над уровнем моря, как ни одна из других стран земного шара, наконец, то прорезанная громадными хребтами гор, то раскинувшаяся необозримой гладью пустыни — представляет высокий и всесторонний научный интерес. Для натуралиста и для географа поприще здесь самое широкое; но насколько описываемые местности манят к себе путешественника своею неизведанностью, настолько же они и страшат его всевозможными невзгодами. С одной стороны, является пустыня со всеми ужасами своих ураганов, безводия, жаров, морозов; а с другой — население обыкновенно недоверчиво или враждебно встречает европейца.

Три года сряду выносили мы борьбу со всеми трудностями странствования в диких странах Азии, и только благодаря необыкновенному счастью могли достигнуть своей цели: пробраться на озеро Куку-нор и даже в Северный Тибет, на верховья Голубой реки.

Счастье, повторяю, было моим неразлучным спутником во все время путешествия, с первого до последнего шага. В лице своего молодого товарища, подпоручика Михаила Александровича Пыльцова (2), я нашел деятельного и усердного помощника, энергия которого не падала ни перед какими невзгодами; два забайкальских казака — Панфил Чебоев и Дондок Иринчинов, сопровождавшие нас во второй и третий год, путешествия, оказались смелыми и усердными людьми, служившими верой и правдой делу экспедиции¹.

С другой стороны, с неменьшей благодарностью я должен упомянуть имя бывшего нашего посланника в Пекине генерал-майора Александра Егоровича Влангали (3). По его, главным образом, инициативе возникла моя экспедиция, и от начала до конца он был самым горячим ее покровителем.

Но зато, если я был счастлив нравственною, так сказать, обстановкою дела, то, с другой стороны, материальные средства нашей экспедиции были крайне ничтожны, а это как нельзя более отражалось на самом ходе путешествия. Не говоря уже про различные лишения, которые мы испытывали в пути, исключительно по неимению денег, мы не могли даже заpastись в достаточной мере хорошими инструментами для производства наблюдений. Так, например, имея всего один гипсотермометр, который вскоре разбился, я принужден был употреблять при определении абсолютных высот точкою кипения воды² обыкновенный термометр Réaumur'a, что, конечно, давало результаты менее точные; для производства магнитных наблюдений у нас была простая буссоль, приспособленная к такой цели на Пекинской обсерватории. Словом, снаряжение нашей экспедиции было крайне скудное, даже предметами самыми необходимыми для научных исследований.

В течение почти трех лет³ мы прошли по Монголии, Гань-су, Куку-нору и Северному Тибету 11 100 верст [11 842 км], из которых 5 300 [5 654 км], то есть весь передний путь, сняты глазомерно буссолью. Карта эта, приложенная в уменьшенном (40-верстном) масштабе к настоящей книге, опирается на 18 пунктов широты, определенных мною посредством небольшого универсального инструмента⁴. В девяти пунктах сделано определение магнитного склонения, а в семи — горизонтального напряжения земного магнетизма. Ежедневно четыре раза производились метеорологические наблюдения, часто наблюдалась температура почвы и воды, а психрометром, по временам, измерялась сухость воздуха; анероидом и точкою кипения воды определялись абсолютные высоты местности.

Физико-географические, а также специальные зоологические исследования над млекопитающими и птицами были главным предметом наших занятий; этнографические изыскания производились по мере возможности.

¹ В первый год своего путешествия мы также имели двух казаков, но они оказались людьми ненадежными.

² Барометр Паррота, взятый мною из Петербурга для определения высот, разбился еще по дороге в Сибири; впрочем, с этим барометром в путешествии, подобном нашему, возня слишком велика, и самый инструмент почти невозможно уберечь от ломки.

³ С 17 [29] ноября 1870 года по 19 сентября [1 октября] 1873 года, считая со дня отправления из Кяхты и до дня возвращения туда.

⁴ Долгота тех же самых пунктов, которая, к сожалению, не могла быть наблюдасма, найдена приблизительно прокладкой моей маршрутно-глазомерной съемки, между определенными пунктами широты, принимая в то же время во внимание магнитное склонение.

Сверх того нами собраны и привезены следующие коллекции: 238 видов птиц, в числе около тысячи экземпляров; 130 шкур и шкурок млекопитающих, принадлежащих 42 видам; с десятков видов пресмыкающихся, в числе около 70 экземпляров; 11 видов рыб; более 3 тысяч экземпляров насекомых.

Ботаническая наша коллекция¹ включает в себе флору всех посещенных местностей, от 500 до 600 видов растений, в числе приблизительно до четырех тысяч экземпляров. В небольшом минералогическом сборе находятся образчики горных пород со всех посещенных нами хребтов гор.

Таковы научные результаты совершенного нами путешествия. Горячее сочувствие встретило оно не только со стороны Географического общества, но и от разных ученых, великодушно предложивших свои услуги для специальной разработки привезенных нами материалов.

Академик К. И. Максимович обязательно принял на себя описание собранной нами флоры, что составит третий том настоящего издания нашего путешествия. Второй том будет заключать в себе специальное исследование о климате посещенных нами местностей Внутренней Азии² и специальные зоологические, частью также минералогические описания, в которых примут участие: профессора С.-Петербургского университета А. А. Иностранцев и К. Ф. Кесслер, энтомолог А. Ф. Моравиц, зоологи Н. А. Северцов, В. К. Тачановский и академик А. А. Штраух. Все эти ученые самым радушным образом помогли мне в определении тех видов животных, растений и камней, о которых упоминается на различных страницах настоящей книги.

Наконец, я должен выразить искреннюю благодарность полковникам: Генерального штаба О. Э. Штубендорфу и корпуса топографов А. А. Большеву, принимавших самое деятельное участие в составлении карты из моих маршрутов, и директору Пекинской обсерватории Г. А. Фритше, снабжавшему меня своими советами относительно астрономических и магнитных наблюдений и обязательно вычислившему все эти наблюдения.

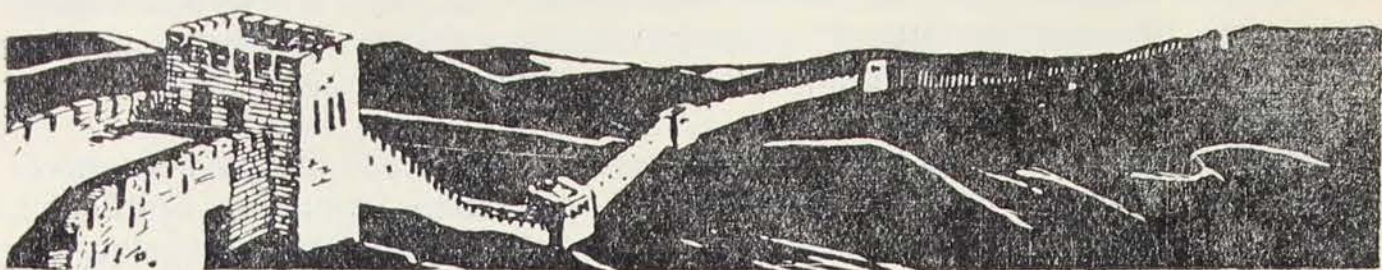
Первый том нашего путешествия, т. е. настоящая книга, заключает в себе физико-географические и этнографические описания посещенных нами местностей, а также рассказ о самом ходе экспедиции. Следующие два тома, как сказано выше, будут трактовать о специальных предметах, и эти томы предполагается выпустить: второй — в декабре настоящего года, а третий еще через год, то есть в конце 1876 года (4).

Н. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ.

¹ (13) января 1875 года.
С.-Петербург.

¹ Эта коллекция поступила в Императорский Ботанический сад, а зоологическая — в музей Академии наук [ныне Ботанический и Зоологический институты Академии наук СССР в Ленинграде].

² К этому тому будут приложены все таблицы метеорологических, гипсометрических, психрометрических, астрономических и магнитных наблюдений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТ КЯХТЫ ДО ПЕКИНА

[17 (29) ноября 1870 года—2 (14) января 1871 года]

Наун путешествия. — Почтовое сообщение через Монголию. — Выезд из Кяхты. — Местность до Урги. — Описание этого города. — Гоби. — Ее характер. — Птицы и звери пустыни. — Земля сахаров. — Окраинный хребет Монгольского нагорья. — Город Калган. — Чайные караваны. — Великая стена. — Первое знакомство с китайцами. — Переезд до Пекина.

В начале ноября 1870 года, прокатив на почтовых через Сибирь, я и мой молодой спутник, Михаил Александрович Пыльцов, прибыли в Кяхту^(*), откуда должно было начаться наше путешествие по Монголии и сопредельным ей странам Внутренней Азии. Близость чужих краев почуялась для нас в Кяхте с первого же раза. Вереницы верблюдов на улицах города, загорелые, скуластые лица монголов, длинноносые китайцы, чуждая, непонятная речь — все это ясно говорило, что мы стоим теперь накануне того шага, который должен надолго разлучить нас с родиной и всем, что только есть там дорогого. Тяжело было мириться с такой мыслью, но ее суровый гнет смягчался радостным ожиданием близкого начала путешествия, о котором я мечтал с самых ранних лет своей юности...

Будучи совершенно незнакомы с условиями предстоящего странствования, мы решили прежде всего ехать в Пекин, чтобы получить там паспорт от китайского правительства и уже затем отправиться в застенные владения Небесной империи. Такой совет дан был нам тогдашним нашим посланником в Китае, генералом Влангали, который, от начала до конца экспедиции, помогал ей всеми зависевшими от него средствами и своею великодушной заботливостью, как нельзя более, подготовил самый успех путешествия. Впоследствии, с первого своего шага из Пекина, мы увидели всю пользу иметь паспорт прямо от китайского Министерства иностранных дел, а не от пограничного кяхтинского комиссара. Подобный паспорт придавал нам более значения в глазах местного населения, что очень важно для путешествия в Китае да, откровенно говоря, и не в нем одном.

Переезды из Кяхты до Пекина производятся европейцами двумя способами: на почтовых лошадях или на проходных монгольских верблюдах, по уговору с их хозяином.

Устройство почтового сообщения через Монголию определено трактатами: Тяньдзинским (1858 года) и Пекинским (1860 года)⁽⁶⁾. По этим договорам русское правительство получило право завести на свой счет срочную перевозку почт, как легких, так и тяжелых, от Кяхты до Пекина и Тянь-дзина. Подрядчиками служат монголы до Калгана, далее же китайцы. Почтовые отделения открыты нами в четырех местах: Урге⁷, Калгане, Пекине и Тянь-дзине. В каждом из этих пунктов состоит русский чиновник, заведывающий отделением и наблюдающий за исправной перевозкой почты. Лёгкие почты отходят из Кяхты и Тянь-дзина три раза в месяц; тяжелые же один раз ежемесячно. При тяжелых почтах, которые перевозятся на верблюдах, всегда следуют два казака, наряжаемые из Кяхты; легкие почты сопровождают только монголами и возятся на лошадях. Они обыкновенно доставляются из Кяхты в Пекин в две недели; тяжелые же следуют туда же от 20 до 24 дней. Содержание почты через Монголию стоит нашему правительству около 17 000 рублей; сбор же во всех четырех почтовых отделениях не превышает 3 000¹.

Кроме того, китайское правительство обязалось для нужд нашей Пекинской миссии, как духовной, так и дипломатической, через каждые три месяца возить на свой счет из Кяхты в Пекин и обратно тяжелую почту весом не более 80 пудов за один раз⁽⁸⁾.

В экстренных случаях, для передачи бумаг особенной важности нашему посланнику в Пекине или для препровождения им таковых же в Россию, могут быть отправляемы курьерами русские чиновники. О выезде такого курьера необходимо уведомить за сутки вперед в Кяхте китайского дзургучея, а в Пекине Военную палату. Тогда делается распоряжение о заготовлении на всех китайских и монгольских станциях лошадей, и курьер, едущий в двухколесной китайской казенной телеге, при спешном следовании, может проехать из Кяхты до Пекина, где расстояние около 1 500 верст [1 600 км] в 9 или 10 суток. Платы за такой провоз не полагается, но, по заведенному обычаю, русский чиновник на каждой станции дает в виде подарка три серебряных рубля.

Другой способ сообщения через Монголию состоит в том, что в Кяхте или в Калгане, смотря по тому, куда необходимо ехать, нанимают монгола, который обязывается протащить путешественника через Гоби на проходных верблюдах. Таким порядком ездят все наши купцы, отправляющиеся по торговым делам в Китай или из Китая в Россию. Сам путешественник обыкновенно помещается в китайской телеге, представляющей собой большой квадратный ящик, уставленный на двух колесах и закрытый со всех сторон. В переднем конце такого кузова делаются с боков отверстия, закрываемые небольшими дверцами. Эти лазейки служат проезжающему входом и выходом в его дорожном экипаже, в котором необходимо помещаться в лежащем положении и притом задом к переду, чтобы ноги не были выше головы. Тряска в такой телеге невообразимая, даже при езде шагом. Малейший камушек или кочка, на которые попадает одно из колес, заставляет сильно тряхнуться всю эту посудину, а вместе

¹ Между Ургой и Калганом существует еще почтовое сообщение, устроенное китайцами собственно для себя. От этой почтовой дороги, на границе халхаских владений, именно возле станции Саир-усу, отделяется другой почтовый путь, ведущий в город Улясутай.

с ней, конечно, и пассажира. Можно себе представить, какие толчки испытывает этот последний при езде рысью на почтовых.

В подобном экипаже, взятом на прокат у одного из кяхтинских купцов, решили мы двинуться на наемных верблюдах через Монголию в Калган. Подрядчиком явился монгол, доставивший в Кяхту транспорт чая и теперь возвращавшийся обратно за новым грузом. После долгих рассуждений мы, наконец, уговорились с ним перевезти нас с одним казаком и всею кладью в Калган за 70 лан¹. Срок переезда был назначен 40 суток — сравнительно очень длинный, так как монголы доставляют проезжающих из Кяхты в Калган даже в 25 дней, но зато плата за провоз, при такой скорости, значительно увеличивается. Мне же хотелось возможно подробнее познакомиться со страной, по которой я буду проезжать, так что медленность движения оказывалась еще и на-руку.

Переводчиком монгольского языка с нами был командирован из Забайкальского казачьего войска казак, родом бурят. Он оказался хорошим драгоманом, но, будучи сыном богатого человека и столкнувшись с трудностями путешествия, вскоре начал так сильно тосковать по родине, что я принужден был весной следующего года отправить его в Кяхту, откуда взамен того получил двух новых казаков.

Наконец, перед вечером 17 [29] ноября² мы двинулись в путь. Зашагал верблюд, запряженный в телегу, в которой поместились мы с товарищем и общим нашим другом, лягавым сеттером «Фаустом», привезенным из России. Немного спустя оказалась позади Кяхта, и мы ступили на монгольскую землю. «Прощай, родина! Прощай надолго! Придется ли еще тебя увидеть? Или нам суждено не вернуться из чужой, далекой стороны?...»

На всем протяжении от Кяхты до Урги, где расстояние около 300 верст [320 км]⁽⁹⁾, местность несет вполне характер лучших частей нашего Забайкалья; здесь то же обилие леса и воды, те же превосходные луга на пологих горных скатах, словом — путнику еще ничто не возвещает о близости пустыни. Абсолютная высота этого пространства, от Кяхты до реки Хара-гол³, примерно около 2 500 футов [760 м]; затем местность повышается, и в городе Урге поднятие над уровнем моря достигает уже 4 200 футов [1 280 м]. Такой подъем составляет северную окраину обширного плоскогорья Гоби.

В общем пространство между Кяхтой и Ургой несет гористый характер, но горы здесь достигают лишь средней высоты и притом большей частью имеют мягкие формы. Отсутствие резко очерченных вершин и больших диких скал, невысокие перевалы и пологие скаты — вот общий топографический характер здешних горных хребтов, которые все имеют направление от запада к востоку. Из этих хребтов, по ургинской дороге, более других отличаются по величине три: один на северном берегу реки Иро, другой — Манхадай — в середине и третий — Мухур — уже возле Урги⁽¹⁰⁾. Перевал крут и высок только через Манхадай, но его можно обойти окольным, более восточным путем.

¹ Китайский лан, средним числом, равняется двум нашим серебряным рублям.

² Все числа в настоящей книге будут показаны по старому стилю [числа нового, ныне принятого стиля проставлены редактором настоящего издания].

³ Слово «гол» по-монгольски означает «река» и всегда прикладывается к собственному имени реки, равно как и слово «нор» (правильнее «нур» — озеро) к названию озера; «дабан» (хребет) или «ула» (гора) — к имени хребта или горы [даба — собственно перевал через хребет, сам же хребет по-монгольски «нуру»].

Орошение описываемого пространства богато, и из рек наибольшие суть И р о и Х а р а - г о л, впадающие в О р х о н, приток С е л е н г и. Почва везде черноземная или суглинистая, весьма удобная для обработки; но культура еще не коснулась этой местности, и только верстах в 150 от Кяхты распаханно несколько десятин поселившимися здесь китайцами.

Гористая полоса, залегающая между Кяхтой и Ургой, довольно богата и лесами. Впрочем, леса эти, растущие, главным образом, на северных склонах гор, в своих размерах, форме и смешении пород далеко не представляют того богатства, как наши сибирские. Из деревьев здесь преобладают сосна, лиственница и белая береза; в меньшем числе к ним примешиваются кедр, осина и черная береза; иногда горные скаты одеты редкими кустами дикого персика и золотарника. Затем везде, по долинам и открытым склонам гор, растет превосходная густая трава, доставляющая пищу монгольскому скоту, который круглый год пасется на подножном корме.

В животном царстве зимой было не много разнообразия. Всего чаще встречались серые куропатки — *Perdix barbata* [*P. daurica*], зайцы — *Lepus tolai* и пищухи — *Lagomys ogotono* [*Ochotona daurica*], зимующие жаворонки — *Otocoris albigula* [жаворонок рогатый — *Eremophila alpestris*] и чечётки — *Fringilla linaria* [*Acanthis flammea*] — большими стадами держались на дороге. Красивые красноносые клушицы, *Fregilus graculus*¹ — попадались все чаще и чаще, по мере приближения к Урге, где они гнездятся даже в доме нашего консульства. В лесах, по словам местных жителей, водятся в большом числе косули, а также изюбри, кабаны и медведи. Словом, фауна здешней местности, так же как и остальная ее природа, несует еще вполне сибирский характер.

Через неделю по выезде из Кяхты мы добрались до города Урги, где провели четыре дня в радушном семействе нашего консула Я. П. Шишмарева⁽¹¹⁾.

Город Урга, главный пункт Северной Монголии, лежит на реке Толе, притоке Орхона, и известен всемномадам исключительно под именем «Богдо-курень» или «Да-курень», то есть священное стойбище; именем же Урга, происходящим от слова «Урго» (дворец), окрестили его только русские⁽¹²⁾.

Этот город состоит из двух частей — монгольской и китайской. Первая собственно и называется Богдо-курень, а вторая, лежащая от нее в четырех верстах к востоку, носит имя Май-май-чен, то есть торговое место (ныне Амюлоган-Батор). В середине между обеими половинами Урги помещается на прекрасном возвышенном месте, недалеко от берега Толы, двухэтажный дом русского консульства, с флигелями и другими пристройками.

Жителей во всей Урге считается до 30 тысяч. Население китайского города, выстроенного из глиняных фанз, состоит исключительно из китайцев — чиновников и торговцев. Те и другие по закону не могут иметь при себе семейств и вообще заводиться прочною оседлостью. Но, обходя такой закон, китайцы обыкновенно держат наложниц из монголок; маньчжурские же чиновники привозят с собой и семейства.

¹ [В Северной Монголии и Улан-Баторе гнездится большое число клушиц — *Pyrghosogax pyrghosogax*, а альпийские галки — *Pyr. graculus*, напротив, видимо отсутствуют или редки].

В монгольском городе на первом плане являются кумирни с своими позолоченными куполами и дворец кутухты — земного представителя божества. Впрочем, этот дворец по своей наружности почти не отличается от кумирен, между которыми самая замечательная по величине и архитектуре — храм Майдари, будущего правителя мира. Это высокое, квадратное здание с плоской крышей и зубчатыми стенами; внутри его, на возвышении, помещается статуя Майдари в образе сидящего и улыбающегося человека. Эта статуя имеет до 5 сажен вышины и весит, как говорят, около 8 тысяч пудов; она сделана из вызолоченной меди, в городе Долон-нор¹, а затем по частям перевезена в Ургу⁽¹³⁾.

Перед статуей Майдари находится стол с различными приношениями, в числе которых не последнее место занимает стеклянная пробка от нашего обыкновенного графина; кругом же стен здания размещено множество других мелких божков (бурханов), а также различных священных картин.

Кроме кумирен и небольшого числа китайских фанз, остальные обиталица монгольского города состоят из войлочных юрт и маленьких китайских мазанок; те и другие помещаются всегда внутри ограды, сделанной из частокола. Подобные дворы то вытянуты в одну линию, так что образуют улицы, то разбросаны кучами без всякого порядка. В середине города находится базарная площадь, и здесь есть четыре или пять лавок наших купцов, которые занимаются мелочною продажей русских товаров, а также транспортировкой чая в Кяхту.

Самой употребительной единицей ценности, как в Урге, так и во всей Северной Монголии, служит кирпичный чай, который для торговых целей часто распиливается на мелкие кусочки. Цена продаваемого товара, не только на рынке, но даже и в лавках, здесь определяется числом чайных кирпичей; так, например, баран стоит от 12 до 15 кирпичей, верблюды — от 120 до 150, китайская трубка — 2—5 и так далее. Наши деньги, как кредитные, так и серебряные рубли, также принимаются ургинскими и вообще северными монголами, которые еще охотнее берут китайские ланы; однако кирпичный чай несравненно более в употреблении, в особенности между простолюдинами, так что желающие купить что-либо на базаре, непременно должны тащить с собой целый мешок, а иногда даже воз тяжелых чайных кирпичей.

Население монгольской части Урги состоит, главным образом, из лам, то есть из лиц, принадлежащих к духовному сословию; число их в Богдо-курене простирается до 10 тысяч. Такая цифра может показаться преувеличенной, но читатель помирится с ней, когда узнает, что из всего мужского населения Монголии по крайней мере одна треть принадлежит ламскому сословию. Для обучения мальчиков, предназначенных быть ламами, в Урге находится большая школа с подразделением на факультеты: богословский, медицинский и астрологический.

Для монголов Урга по своему религиозному значению составляет второй город после Лассы² в Тибете. Как там, так и здесь пребывают главные святые буддийского мира: в Лассе — далай-лама, с своим помощ-

¹ Этот город лежит в юго-восточной окраине Монголии и составляет главное место фабрикации всех монгольских идолов [ныне провинция Чахар].

² Столица Тибета Ласса (или, правильнее, Лхаса, с легким придыханием «х», как французского h) (называется монголами Мунху-дзу (вечное святилище), [правильнее — «сто вечных»]).

Река Иро (Бассейн Селенги)

ником Бань-цинъ-эрдэни¹, а в Урге — кутухта, третье лицо после тибетского патриарха. По ламаистскому учению эти святые, составляя земное воплощение божества, никогда не умирают, но только обновляются смертью. Душа их по смерти тела, в котором она имела местопребывание, переходит в новорожденного мальчика и через это является людям в более свежем и юном образе. Вновь возродившийся далай-лама отыскивается в Тибете по указанию своего умершего предшественника; ургинский же кутухта находится пророчеством далай-ламы и также большею частью в Тибете. Тогда из Урги отправляется туда огромный караван, чтобы привезти в Богдо-курень новорожденного святого, за отыскание которого далай-ламе везется подарок деньгами в 30 тысяч лан, иногда и более⁽¹⁴⁾.

Во время нашего пребывания в Урге престол кутухты оставался незанятым, так как великий святой, за год или два перед этим, умер, и хотя его наместник отыскался в Тибете, но монгольское посольство не могло туда пробраться вследствие магометанского (дунганского) восстания, охватившего Гань-су, через которую лежит путь из Урги в Лассу.

Кроме ургинского кутухты в Монголии, во многих кумирнях и в самом Пекине живут другие кутухты, или гыгены [гэгэны], но они по святости считаются ниже своего богдокуреньского собрата; являясь к нему, они обязаны падать ниц, как и прочие смертные.

Китайское правительство, хорошо понимая, какое громадное влияние имеют гыгены и ламы над номадами, широко покровительствует всей духовной иерархии в Монголии. Таким способом китайцы упрочивают здесь свою власть и хотя немного парализуют общую ненависть монголов к своим угнетателям.

Сами по себе гыгены, за весьма немногими исключениями, люди весьма ограниченные в умственном отношении. Окруженные с самого детства крайней опекой приближенных лам, они лишены возможности развить свой ум хотя практически, вращаясь в кругу житейской обстановки. В изучении тибетской грамоты и ламайских книг, да и то часто в самом ограниченном размере, заключается все образование, даже самых важных из этих святых. Приученные с детства смотреть на самих себя как на живых богов, они искренно верят в свое божеское происхождение и в новое перерождение после смерти². Умственная недалекость гыгенов, обеспечивая господство приближенных лам, до того ревнуется этими последними, что способные мальчики, попавшие в такое звание, иногда отравляются своими же блюстителями. Такой участи, говорят, особенно часто подвергаются ургинские кутухты, по наущению китайского правительства, опасющегося видеть хотя сколько-нибудь самостоятельную личность во главе духовной иерархии монголов.

Ургинский кутухта обладает большими богатствами, так как независимо от приношений усердных верующих³ ему принадлежит до 150 тысяч подданных, живущих вокруг Урги и в других частях Северной Монголии. Все эти крепостные кутухты находятся в его непосредственном управлении и образуют так называемое Шабинское ведомство.

Наружный вид монгольской части Урги грязен до отвращения. Все нечистоты выбрасываются на улицы, на которых не только ночью, но

¹ Бань-цинъ-эрдэни обитает не в Лассе, а в монастыре Чжеси-лумбо.

² Гыгены, с которыми нам случалось видаться во время путешествия, никогда не говорили: «когда я умру», а всегда: «когда я перерожусь».

³ К новому году (в феврале) и к празднику Майдари (в июле) в Урге собирается до 100 тысяч богомольцев.

даже днем жители отправляют свои естественные надобности. На базарной площади ко всему этому прибавляются еще толпы голодных нищих. Некоторые из них, преимущественно убогие старухи, поселяются здесь даже на постоянное жительство. Трудно представить что-либо отвратительней подобной картины. Дряхлая или увечная женщина ложится на землю посреди базара, и на нее, в виде подаяния, набрасывают старые войлоки, из которых страдалица устраивает себе конуру. Лишенная сил, она здесь же отправляет свои потребности и, покрытая тучами паразитов, молит проходящих о милостыне. Зимою бури навевают на такое логовище сугроб снега, под которым страдалица спасает свое жалкое существование. Сама смерть является к ней в ужасном образе. Очевидцы рассказывали нам, что когда наступают последние минуты несчастной, то вокруг нее собирается куча голодных собак, которые садятся кругом умирающей, и лишь только она затихнет в своей агонии, как тотчас бросаются обнюхивать лицо и тело, чтобы узнать — жива или нет злосчастная старуха. Но вот последняя начинает снова вздыхать или шевелиться — собаки снова отходят на прежнее место и терпеливо ждут своей жертвы. Лишь только замолкнет последнее дыхание ее жизни, труп съедается голодными собаками, а опорожненное логовище вскоре занимает другая такой же старухой. В холодные зимние ночи более здоровые нищие вытаскивают этих старух на снег, где они замерзают, а сами залезают в их нору и спасаются от гибели.

Но это еще не все картины внутренней жизни священного города. Путешественник встречает более отвратительные сцены на кладбище, которое лежит возле самой Урги. Здесь трупы умерших не зарываются в землю, но прямо выбрасываются на съедение собакам и хищным птицам. Потрясающее впечатление производит подобное место, усеянное грудями костей, по которым, как тени, бродят стаи собак, исключительно питающихся человеческим мясом. Не успеют бросить сюда свежий труп, как его уже начинают терзать эти собаки, вместе с воронами и коршунами, так что через час, или много два, ничего не остается от мертвеца. Буддисты считают даже хорошим признаком, если труп будет скоро съеден — иначе человек, по их понятиям, не был при жизни угоден богу. Ургинские собаки до того привыкли к подобной поживе, что в то время, когда труп несут на кладбище, по улицам города, то вместе с родственниками за покойником неминуемо следуют собаки, часто из его собственной юрты⁽¹⁵⁾.

Управление Ургою, а вместе с тем и двумя восточными аймаками (ханствами) Халхи, то есть Северной Монголии, — Тушэту-хана и Цэцэн-хана, находится в руках двух амбаней, или губернаторов. Один из них всегда маньчжур, присылаемый из Пекина, а другой — из местных монгольских князей. Два других аймака Халхи — Джасакту-хана [Дзасахту] и Сайн-ноина — находятся в зависимости от улясутайского дзян-дзюня [главнокомандующего].

Хотя монгольские ханы, владельцы этих аймаков, заведуют всеми внутренними делами своих ханств, на правах владетельных князей, но подчиняются китайским управителям, которые зорко блюдут шаткую власть Срединного государства [Китая] над номадами.

Во время нашего пребывания в Богдо-курене везде ходили слухи о дунганах⁽¹⁶⁾, то есть магометанских инсургентах, которые только что напали на Улясутай и грозили тем же самым Урге. Опасение за участь этого города, столь важного в глазах номадов, заставило китайцев привести сюда 2 000 собственных солдат и собрать 1 000 монголов. Однако,

при нежелании драться тех и других воинов, они служили слишком малою гарантией для безопасности Урги. Такое обстоятельство вынудило наше правительство ввести туда значительный отряд (до 600 человек пехоты и казаков с двумя орудиями) для охранения консульства и для гарантирования нашей чайной торговли. Отряд этот пробыл в Урге более года и, только благодаря ему, инсургенты не посмели напасть на Богдо-курень.

С Ургою оканчивается сибирский характер местности, каковой имеет северная окраина Монголии. Переезжая реку Толу, путешественник оставляет за собой последнюю текущую воду и тут же на горе Хан-ула [Богдо-ула], которая считается священной с тех пор, как на ней охотился император Кан-хи¹, путник должен распрощаться с последним лесом. Далее к югу, до окраины собственно Китая, тянется та самая пустыня Гоби², которая залегла громадной полосой поперек восточно-азиатского нагорья, от западных подножий Куэн-люна [Куэнь-луня] до Хинганских гор, отделяющих Монголию от Маньчжурии.

Западная часть этой пустыни, в особенности та, которая лежит между Тянь-шанем и Куэнь-лунем, совершенно неизвестна даже до настоящего времени. Восточная же половина Гоби всего лучше исследована по кяхтинско-калганской дороге, которая прорезывает ее в диагональном направлении. Здесь барометрическая нивелировка Фуса и Бунге в 1832 году, далее путешествия Тимковского, Ковалевского и других ученых, обыкновенно сопровождавших наши духовные миссии, следовавшие в Китай, выяснили нам как топографическое строение, так и природу этой части Азии. Наконец, недавнее путешествие астронома Фритше⁽¹⁸⁾ по восточной окраине Гоби и мои собственные исследования в ее юго-восточной, южной и средней частях дали нам уже не гадательные, но точные, основанные на наблюдениях данные относительно топографического строения, климата, флоры и фауны восточной половины великой средне-азиатской пустыни⁽¹⁹⁾.

Барометрическая нивелировка Фуса и Бунге впервые разрушила господствовавшее до того времени у географов предположение о громадном (до 8 000 футов) [2 400 м] абсолютном поднятии всей вообще Гоби и низвела ее уровень до 4 000 футов [1 200 м]. Далее исследования тех же самых ученых показали, что в направлении кяхтинско-калганской караванной дороги абсолютная высота Гоби, около ее середины, спускается до 2 400 футов [732 м], а по вычислению Фритше — даже до 2 000 футов [610 м]³. Подобное углубление, занимающее, по наблюдениям Фуса и Бунге, верст сто в ширину, не простирается далеко к западу или востоку, так как оно не было встречено ни Фритше в восточной части Гоби ни нами во время перехода из Ала-шаня на Ургу серединою пустыни. При этом следует еще упомянуть, что восточная половина Гоби гораздо менее пустынна, нежели южная и западная ее части, достигающие наибольшей дикости и бесплодия в Ала-шане и в равнинах озера Лоб-нор.

Как сказано выше, сибирский характер местности, с ее горами, лесами и обильным орошением, оканчивается возле Урги, и отсюда к югу является уже чисто монгольская природа. Через день пути

¹ Современник Петра Великого; лучший из императоров маньчжурского дома, энергичный, любознательный и весьма уважавший европейцев⁽¹⁷⁾.

² Слово «гоби» по-монгольски означает равнину безводную и бесплодную или мало травянистую [из этого термина и возникло собственное географическое название пустыни Гоби]. Собственно степь называется «гала».

³ У почтовой станции Эцэн-хошу. См. метеорологический сборник Академии наук 1874 года, т. IV, № 3, стр. 41.

путешественник встречает совсем иную обстановку. Безграничная степь, то слегка волнистая, то прорезанная грядами скалистых холмов, убегает в синеющую, неясную даль горизонта и нигде не нарушает своего однообразного характера. То там, то здесь пасутся многочисленные стада и встречаются довольно часто юрты монголов, особенно вблизи дороги. Последняя так хороша, что по ней можно удобно ехать даже в тарантасе. Собственно Гоби еще не началась, и переходом к ней служит описываемая степная полоса, с почвою глинисто-песчаную, покрытую прекрасною травою. Эта полоса тянется от Урги к юго-западу, по калганской дороге, верст на 200, и затем незаметно переходит в бесплодные равнины собственно Гоби.

Впрочем, и в этой последней местности несет более волнистый, нежели равнинный характер, хотя совершенно гладкие площади расстилаются иногда на целые десятки верст. Подобные места особенно часто попадаются около середины Гоби, тогда как в северной и южной ее части встречается довольно много невысоких гор, или, правильнее, холмов, стоящих то отдельными островками, то вытянувшихся в продольные хребты. Эти горы возвышаются лишь на несколько сот футов над окрестными равнинами и изобилуют голыми скалами. Их ущелья и долины всегда заняты сухими руслами потоков, в которых вода бывает только во время сильного дождя, да и то лишь на несколько часов. По таким сухим руслам расположены колодцы, доставляющие воду местному населению. Текучей воды не встречается нигде на всем протяжении от реки Толы до окраины собственно Китая, то есть почти на 900 верст [960 км]. Только летом, во время дождей, здесь образуются на глинистых площадях временные озера, которые затем высыхают в период жаров.

Почва в собственно Гоби состоит из крупнозернистого красноватого гравия и мелкой гальки, к которой примешаны различные камни, как, например, иногда, агаты. Местами встречаются полосы желтого сыпучего песка, Впрочем далеко не столь обширные, как в южной части той же самой пустыни.

Подобная почва, конечно, не способна производить хорошую растительность, а потому Гоби очень бедна даже травою. Правда, по калганской дороге совершенно оголенные пространства встречаются довольно редко, но зато везде трава едва достигает фута [0,3 м] вышины и почти не покрывает красновато-серого грунта. Только иногда, в тех местах, где летняя влага более задерживается почвою, является злак, называемый монголами дырисун—*Lasiagrostis splendens* [правильно дэрэс—чий блестящий], растущий всегда кустами от 4 до 5 футов вышиной и твердый как проволока. Здесь же иногда приютится какой-нибудь одинокий цветок, а если почва солонцевата, то является бударгана—*Kalidium gracile* [поташник тонкий]—любимый корм верблюдов. Во всех других местах лук, мелкая полынь, несколько других сложноцветных и злаков составляют преобладающую растительность пустыни. Деревьев и кустарников нет вовсе, да и возможно ли им развиваться, когда, помимо всех других неблагоприятных физических условий, зимние и весенние ветры бушуют здесь изо дня в день с такою силою, что даже вырывают с корнем низкорослую полынь и, скручивая ее в большие снопы, катают их по пустынным равнинам.

Население в собственно Гоби попадаетея несравненно реже, чем в предшествовавшей ей степной полосе. Действительно, разве только монгол да его вечный спутник верблюд могут свободно обитать в этих

местностях, лишенных воды и леса, накаляемых летом до тропической жары, а зимою охлаждающихся чуть не до полярной стужи (20).

Вообще Гоби, своею пустынностью и однообразием, производит на путешественника тяжелое, подавляющее впечатление. По целым неделям сряду перед его глазами являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие (зимою) желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые изборозжденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногого дзерена — *Antelope gutturosa* [*Procapra gutturosa*]. Мерно шагают тяжело навьюченные верблюды, идут десятки, сотни верст, но степь не изменяет своего характера, а остается попрежнему угрюмой и неприветливой... Закатится солнце, ляжет темный полог ночи, безоблачное небо заискрится миллионами звезд, и караван, пройдя еще немного, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись из-под тяжелых вьюков, и тотчас же улягутся вокруг палатки погонщиков, которые тем временем варят свой неприхотливый ужин. Прошел еще час, заснули люди и животные — и кругом опять воцарилась мертвая тишина пустыни, как будто в ней вовсе нет живого существа...

Поперек всей Гоби, из Урги в Калган, кроме почтового тракта, содержимого монголами, существует еще несколько караванных путей, где обыкновенно следуют караваны с чаем. На почтовом тракте, через известное расстояние¹, выкопаны колодцы и поставлены юрты, заменяющие наши станции; по караванному же пути монгольские стойбища сообразуются с качеством и количеством подножного корма. Впрочем, на такие пути прикочевывает обыкновенно лишь бедное население, зарабатывающее от проходящих караванов то милостыней, то пастьбой верблюдов, то продажей сушеного скотского помета, так называемого аргала. Последний имеет громадную ценность как в домашнем быту номада, так и для путешественника, потому что составляет единственное топливо во всей Гоби.

Однообразно потянулись дни нашего путешествия. Направившись средним караванным путем, мы обыкновенно выходили в полдень и шли до полуночи, так что делали, средним числом, ежедневно 40—50 верст. Днем мы с товарищем большей частью шли пешком впереди каравана и стреляли попадавшихся птиц. Между последними вороны—*Corvus согах*—вскоре сделались нашими отъявленными врагами за свое нестерпимое нахальство. Еще вскоре после выезда из Кяхты я заметил, что несколько этих птиц подлетали к вьючным верблюдам, шедшим позади нашей телеги, садились на вьюк и затем что-то тащили в клюве, улетая в сторону. Подробное исследование показало, что нахальные птицы расклевали один из наших мешков с провизией и таскали оттуда сухари. Спрятав добычу в стороне, вороны снова являлись за поживою. Когда дело разъяснилось, то все воры были перестреляны, но через несколько времени явились новые похитители и подверглись той же участи. Подобная история повторялась почти каждый день, во все время нашего переезда из Кяхты в Калган.

Вообще нахальство воронов в Монголии превосходит всякое вероятие. Эти столь осторожные у нас птицы здесь до того смелы, что воруют у монголов провизию чуть не из палатки. Мало того, они садятся на спины

¹ Всего от Урги до Калгана 47 почтовых станций, на расстоянии около тысячи верст.

верблюдов, пущенных пастись, и расклевывают им горбы. Глупое, трусливое животное только кричит во все горло да плюет на своего мучителя, который, то взлетая, то снова опускаясь на спину верблюда, пробивает сильным клювом часто большую рану. Монголы, считающие грехом убивать птиц, не могут ничем отделаться от воронов, которые всегда сопутствуют каждому каравану. Положить что-либо съедомое вне палатки невозможно: оно тотчас же будет уворовано назойливыми птицами, которые, за неимением лучшей поживы, обдирают даже невыделанную шкуру на ящиках с чаем.

Вороны, а летом коршуны, были нашими заклятыми врагами во время экспедиции. Сколько раз они воровали у нас даже препарированные шкурки, не только что мясо, но зато и сколько же сот этих птиц поплатилось жизнью за свое нахальство.

Из других пернатых в Гоби нам встречались часто лишь пустыnnики [или копытки] и монгольские жаворонки. Оба эти вида составляют характерную принадлежность Монголии.

Пустынный — *Syrnhartes paradoxus*, открытый и описанный в конце прошлого столетия знаменитым Палласом⁽²¹⁾, распространяется через всю Среднюю Азию до Каспийского моря, а на юг встречается до Тибета. Эта птица, называемая монголами больдуру и китайцами саджи, держится исключительно в пустыне, где питается семенами нескольких видов трав (мелкой полыни, сульхира и других). Большой или меньший урожай этих трав обуславливает количество зимующих пустынников, которые в огромном числе скопляются зимою в пустынях Ала-шаня, будучи привлекаемы туда вкусными семенами сульхира — *Agriophyllum gobicum*. Летом часть этих птиц является в наше Забайкалье и выводит там детей. Яйца, числом три, кладутся прямо на землю, без всякой подстилки; самка сидит на них довольно крепко, несмотря на то, что эти птицы вообще осторожны. Зимою, в том случае, когда на Монгольском нагорье выпадает большой снег, пустынники, гонимые голодом, спускаются в равнины Северного Китая и держатся здесь большими стадами; но лишь только погода несколько изменится к лучшему, они тотчас же улетают в свои родные пустыни. Полет описываемой птицы замечательно быстрый, так что когда несется целая стая, то еще издали слышен особый дребезжащий звук, как бы от сильного вихря; при этом птицы издают короткий, довольно тихий звук. По земле пустынный бегаёт очень плохо, вероятно, вследствие особого устройства своих ног, пальцы которых срослись между собой, а подошва подбита бородавчатой кожей, отчасти напоминающей пятку верблюда.

После утренней покормки пустынники всегда летят на водопой, к какому-нибудь ключу, колодцу или соленому озерку. Здесь вся стая предварительно описывает несколько кругов, чтобы удостовериться в безопасности, а затем опускается к воде и, быстро напившись, улетает прочь. Места водопоев аккуратно посещаются описываемыми птицами, которые прилетают сюда иногда за несколько десятков верст, если ближе того нет воды.

Монгольский жаворонок — *Melanocorypha mongolica*, один из самых крупных представителей своего рода, держится только в тех местах Гоби, где она превращается в луговую степь. Поэтому описываемый вид встречается в пустыне лишь спорадически, но зато зимою скопляется большими стадами, в несколько сот, иногда тысяч экземпляров. Всего чаще мы видали этих жаворонков на южной окраине Гоби; в собственно Китае они также не редки, по крайней мере зимой.

Монгольский жаворонок—лучший певун центрально-азиатской пустыни. В этом искусстве он почти не уступает своему европейскому собрату. Кроме того, он обладает замечательной способностью передразнивать голоса других птиц и часто вклеивает их в строфы своей собственной песни. Поет, поднимаясь вверх, подобно нашему жаворонку, а также часто сидя на каком-нибудь выдающемся предмете, например, камне или кочке. Китайцы называют описываемого жаворонка бай-лин, очень любят его пение и часто держат в клетках.

Подобно пустынным, весной монгольские жаворонки подвигаются на север в Забайкалье и выводят там детей; впрочем, большая часть их остается в Монголии. Гнездо устраивается, как у европейского вида, на земле, в небольшом углублении, и в нем бывает от трех до четырех яиц. В монгольской пустыне, где холода перемежаются всю весну, описываемые жаворонки гнездятся очень поздно, так что мы находили в юго-восточной окраине Монголии совершенно свежие яйца в начале и даже в половине июня. На зимовку описываемый вид отлетает в те части Гоби, где нет или очень мало снега. Несмотря на холода, достигающие здесь иногда до -37°C ¹, жаворонки удобно зимуют и держатся обыкновенно по зарослям травы дырисун, мелкие семена которой составляют в это время их главную пищу. В подобном факте, замечаемом и на некоторых других видах птиц, мы видим прямое указание на то, что многих из наших пернатых на зиму угоняет к югу не холод, а бескормица.

Монгольский жаворонок распространяется к югу до северного изгиба Желтой реки, а затем, минуя Ордос, Ала-шань и гористую область Ганьсу, вновь появляется в степях озера Куку-нор. Вместе с описанным видом жаворонков—*Otocoris albigula*, *Alauda piscoletta* [жаворонки: рогатый—*Eremophila alpestris* и серый—*Calandrella piscoletta*] и лапландские пуночки—*Plectrophanes lapponica* [лапландский подорожник—*Calcarius lapponica*]; последние, впрочем, встречались большими стадами только в земле цахаров (чахаров), то есть в юго-восточной окраине Гоби.

Из млекопитающих, свойственных этой пустыне, можно назвать пока только два характерных вида: пищуху и дзерена.

Пищуха—*Lagomys ogotono* [пищуха даурская—*Ochotona daurica*], или, как монголы ее называют, оготоно², принадлежит к тому роду грызунов, который, по устройству своих зубов, считается близким родственником зайца. Сам зверек достигает величины обыкновенной крысы и живет в норах, выкапываемых им в земле. Местом такого жительства пищухи выбирают исключительно луговые степи, преимущественно всхолмленные, а также долины в горах Забайкалья и северной окраины Монголии. В бесплодной пустыне этот зверек не встречается, поэтому его нет вовсе в средней и южной части Гоби³.

Оготоно вообще замечательное животное. Норы свои эти зверьки обыкновенно устраивают обществом, так что где встретится одна такая нора, там, наверное, найдутся их десятки, сотни, иногда даже тысячи. Зимой, в сильные холода, оготоно не показываются из своих подземных жилищ⁴, но лишь только холод немного спадёт, они вылезают из нор

¹ И даже более, по наблюдениям, производимым в Урге (22).

² То есть «куций».

³ Но оготоно очень много в юго-восточной луговой окраине Монголии [в пустыне], а главное в полупустыне в северо-западной части Гоби этот вид заменяется пищухой Прейса—*O. prissei*.

⁴ Зимней спячке эти зверьки не подвержены.

и, сидя у входа их, греются на солнце, или торопливо перебегают из одной норы в другую. В это время слышится их голос, много похожий на писк обыкновенной мыши, только гораздо громче. У бедного оготоно столько врагов, что ему постоянно приходится быть настороже. Ради этого он часто только до половины высовывается из норы и держит голову кверху, чтобы не прозевать опасность. Лисицы-корсаки, волки, а всего более сарычи, ястреба, соколы и даже орлы ежедневно уничтожают бесчисленное множество описываемых пищух. Проворство крылатых разбойников на таких охотах изумительно. Я сам много раз видал, как сарыч бросался сверху на оготоно так быстро, что зверек даже не успевал юркнуть в свою нору. Однажды, на наших глазах, подобную историю проделал даже орел, бросившись на пищуху, сидевшую у входа норы, с высоты, по крайней мере, 30 или 40 сажен. Сарычи — *Buteo ferox* [степной канюк — *B. rufinus*] — исключительно питаются пищухами, так что даже места своей зимовки в Гоби сообразуют, главным образом, с количеством описываемых грызунов. При известной плодовитости этих последних только подобное истребление препятствует их чрезмерному размножению.

В характере пищухи сильно преобладает любопытство. Завидя подходящего человека или собаку, этот зверек подпускает к себе шагов на десять и затем мгновенно скрывается в норе. Но любопытство берет верх над страхом. Через несколько минут, из той же самой норы, снова показывается головка зверька, и если предмет страха удаляется, то оготоно тотчас же вылезает и снова занимает свое прежнее место.

Еще особенность оготоно, свойственная и некоторым другим видам пищух, состоит в том, что они на зиму заготавливают себе запасы сена, которое складывают у входа в норы. Сено это припасается зверьками обыкновенно в конце лета, тщательно просушивается и складывается в стожки, весом от 4 до 5, а иногда даже до 10 фунтов [4 кг]. Такое сено служит пищухе как для подстилки логовища в норе, так и для пищи зимой, но очень часто труды оготоно пропадают даром, и монгольский скот поедает его запасы. В таком случае бедный зверек должен всю зиму перебиваться высушенной травой, которую находит вблизи своей норы.

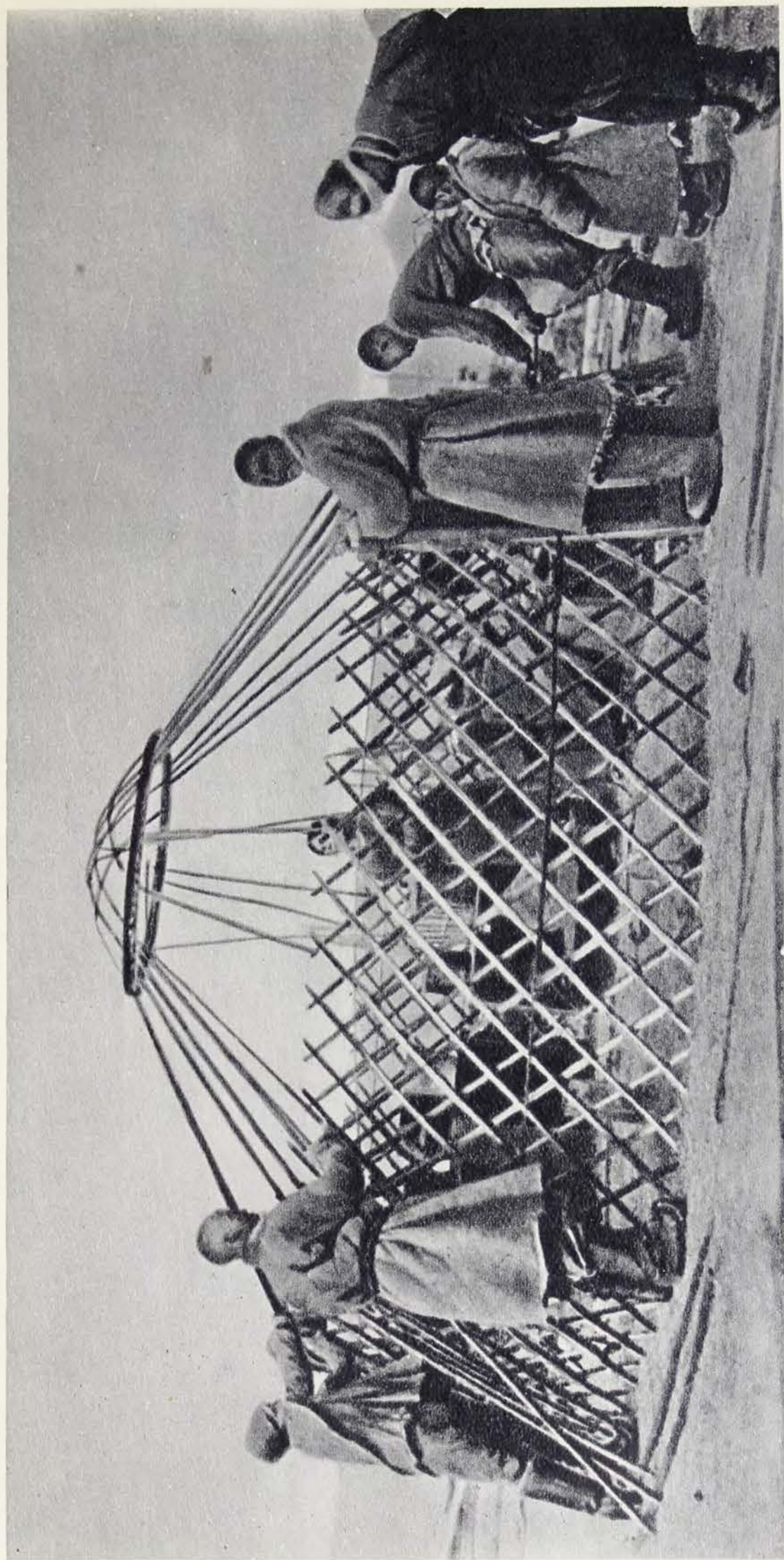
Замечательно, как долго оготоно может оставаться без воды. Положим, зимой он довольствуется кое-когда выпадающим снегом, а летом дождем; за неимением последнего является роса, хотя, впрочем, довольно здесь редкая. Но, спрашивается, что пьет оготоно в течение всей весны и осени, когда водяных осадков на Монгольском нагорье часто не бывает по целым месяцам, а сухость воздуха достигает крайних пределов?

Распространение описываемого зверька к югу доходит до северного изгиба Хуан-хэ; далее он заменяется иными видами.

Дзерен — *Antilope gutturosa* [*Procapra gutturosa*] — есть вид антилопы, достигающей величины обыкновенной косули и свойственной Гобийскому нагорью, притом восточной, менее пустынной его части. Впрочем, дзерены встречаются и в Западной Монголии¹, а также на озере Куку-нор, где проходит южная граница их распространения.

Описываемые антилопы всегда держатся стадами, в которые собираются иногда несколько сот, даже до тысячи экземпляров. Но подобные скопления бывают лишь в местах особенно обильных кормов; всего же чаще дзерены встречаются обществами от 15 до 30 или до 40 экземпляров (22).

¹ В Ала-шане дзеренов нет вовсе; здесь пустыня для них слишком уже дика и бесплодна.

Установка монгольской юрты

Изготовление войлока (Халха)

Избегая, по возможности, близкого соседства человека, они все-таки живут на лучших пастбищах пустыни и, подобно монголам, кочуют с одного места на другое, соображаясь с количеством подножного корма. Подобные перекочевки иногда производятся очень далеко, в особенности летом, когда засуха гонит дзеренов на привольные пастбища Северной Монголии и даже в южные части нашего Забайкалья. Зимой глубокий снег принуждает их кочевать часто за несколько сот верст, на места малоснежные, или вовсе бесснежные.

Описываемый зверь принадлежит исключительно степной равнине и тщательно избегает гористых местностей. Впрочем, дзерены держатся и в холмистых степях, в особенности весной, когда их привлекает туда молодая зелень, скорее развивающаяся на солнечном пригреве. Кустарников и высоких зарослей травы дырисун они тщательно избегают, и только в период рождения детей, что происходит в мае, самки являются в подобные местности, чтобы укрыть в них новорожденных. Впрочем, эти последние, уже через несколько дней после появления на свет, везде следуют за матерью и бегают так же быстро, как и взрослые.

Голос описываемой антилопы можно услышать очень редко; он состоит у самцов¹ из отрывистого, довольно громкого рывканья. Внешние чувства дзерена развиты превосходно. Он одарен отличным зрением, слухом и превосходным обонянием; быстрота его бега удивительная; умственные способности также стоят на значительной степени совершенства. Благодаря всем этим качествам описываемые антилопы не так легко даются своим врагам — человеку и волку.

Охота за дзеренами очень трудна, во-первых, по осторожности самого зверя, а во-вторых, по чрезвычайной его крепости на рану. В открытой степи дзерены не подпускают охотника ближе 500 шагов, а если напуганы преследованием, то бегут на расстояние вдвое большее. Подкрасться на равнине из-за каких-нибудь закрытий также весьма мудрено, потому что описываемые животные тщательно избегают подобных местностей. Только в холмистых степях удастся подойти шагов на 300 и, в редких случаях, даже на 200 или того менее, но и тогда невозможно наверное рассчитывать на добычу. Положим, на расстоянии 200 шагов из хорошего штуцера в дзерена можно попасть наверное, но пуля убивает зверя наповал лишь тогда, если поразит сердце, голову или позвоночный столб. Во всех других случаях дзерен убегает даже с смертельной раной и очень часто пропадает для охотника; с перебитой ногой он бежит еще так быстро, что его невозможно поймать даже на хорошей лошади. Для охоты необходим штуцер с большой настильностью полета пули. Это условие чрезвычайно важно, так как при стрельбе на большие расстояния нет возможности верно определить дистанцию, и пуля то не долетает, то перелетает через зверя. К штуцеру также необходимы сошки, которые в употреблении у всех сибирских охотников и без которых невозможно метко стрелять на большие расстояния, при долгой и скорой ходьбе, когда, вследствие усиленного обращения крови, руки держат ружье далеко не так твердо, как при спокойном стоянии. Словом, с первым шагом в азиатские пустыни охотник должен позабыть свою европейскую практику и поучиться многому у местных зверопромышленников.

Монголы, с своими плохими фитильными ружьями, охотятся за дзеренами следующим образом. В степи, где много антилоп, охотники

¹ Голоса самки я не слышал ни разу.

выкапывают небольшие ямки, на известном расстоянии одна от другой, и не показываются сюда в течение нескольких недель для того, чтобы дзерены по привычке к этим ямкам, с первого раза всегда возбуждающим сильное подозрение осторожных животных. Затем охотники едут к приготовленному месту и залегают в ямки, а другие их товарищи, соображаясь с направлением ветра, гонят антилоп к засадкам, из которых зверей убивают шагов на 50, иногда и того менее. Загонщикам необходима большая сноровка и полное знание характера дзерена, иначе все дело пропадет даром. Так например, никогда не следует скакать на захват стада, потому что в подобном случае антилопы всегда бросаются сами наперерез всаднику и часто убегают в противоположную сторону. Обыкновенно загонщики, заехав далеко вокруг дзеренов, направляются к ним тихонько, как будто не обращая на зверей никакого внимания, часто останавливаются, едут шагом в сторону и, подвигая мало-помалу стадо впереди себя, нагоняют его, наконец, на залегших охотников.

Другой способ охоты номадов за дзеренами состоит в том, что монгол едет в степь на смирном и приученном к делу верблюде. Заметив антилоп, охотник слезает с своего животного и, ведя его в поводу, подвигается тихоньку к зверям, стараясь спрятаться за туловищем верблюда так аккуратно, чтобы шаги приходились в такт шагам животного. Дзерены сначала настораживаются, но, видя одного только верблюда, который монотонно ступает, пощипывая траву, подпускают к себе укрытого охотника на сотню шагов и даже ближе.

К концу лета, к периоду течки, дзерены бывают очень жирны и усердно преследуются монголами из-за своего вкусного мяса, а также из-за шкур, употребляемых для зимней одежды. Впрочем, такие шубы, шерстью вверх, номады носят редко и сбывают их нашим купцам в Урге или Кяхте. Кроме охоты с ружьем, монголы добывают дзеренов особыми ловушками, сделанными из крепкой травы дырисун и имеющими форму башмака. Когда животное попадет в такой башмак ногой, он до того режет и колет, что дзерен делается сильно хром, а иногда даже и вовсе не может ходить.

Кроме человека, сильно истребляют дзеренов волки, делая на них, по словам монголов, облавы целым обществом. Наконец, между этими антилопами бывают, по временам, сильные падежи, чему я сам был свидетелем зимой 1871 года.

При следовании в Калган мы встретили дзеренов в первый раз в 350 [373 км] верстах за Ургою. Нечего и говорить, какое впечатление производили на меня и моего товарища эти стада еще невиданных нами зверей. Целые дни гонялись мы за ними, к крайнему огорчению наших монголов, принужденных волей-неволей иногда ждать нас с караваном по целым часам. Ропот наших подводчиков достиг крайней степени и утишился лишь тогда, когда мы подарили им одну из убитых антилоп.

Несмотря на все бесплодие и пустынность Гоби, дорога, по которой мы шли в Калган, была сильно оживлена чайными караванами, которые встречались нам ежедневно по несколько десятков раз. Немного ниже я сделаю описание этих оригинальных караванов, а теперь буду продолжать о Монгольском нагорье.

Миновав, после Халхи, аймак монголов сунитов, а вместе с ним и самую бесплодную часть Гоби, мы вступили снова в более плодородную степную полосу, которая на юго-востоке, подобно тому как на севере, окаймляет собой дикую и пустынную средину Монгольского нагорья.

Почва снова делается шероховатой и покрыта превосходной травой, на которой пасутся многочисленные стада, принадлежащие монголам-сахарам. Эти последние считаются пограничной стражей собственно Китая, состоят поочередно на государственной службе и разделены на восемь знамен. Район сахаров занимает в ширину верст 200, но вдоль нагорья, то есть с востока к западу, он раскинулся на протяжении почти втрое большее.

Находясь в постоянном соприкосновении с китайцами, сахара утратили в настоящее время не только характер, но даже и тип чистокровных монголов. Одежда у сахаров чисто китайская, и по наружности они ближе подходят к китайцам, имея всего чаще вытянутую или дугообразную, но не плоскую, округленную физиономию. Причиной такого изменения родного типа служат частые браки между сахарами и китайками; от такого смешения рождаются здесь так называемые эрлидзы, т. е. дву-утробные.

Хотя орошение сахарской земли все еще очень бедное, но здесь уже начинают кое-где попадаться озера, между которыми Ангули-нор достигает значительной величины. Ближе к окраине нагорья изредка встречаются даже небольшие речки, и здесь впервые является культура и оседлая жизнь. Китайские деревни и обработанные поля ясно говорят путешественнику, что он оставил уже за собой дикую пустыню и вступает в страну, более приветную для человека.

Наконец, далеко впереди на горизонте, показываются неясные очертания того хребта, который служит резкой границей между высоким, холодным нагорьем Монголии и теплыми равнинами собственно Китая. Этот хребет носит вполне альпийский характер. Крутые боковые скаты, глубокие ущелья и пропасти, остроконечные вершины, иногда увенчанные отвесными скалами, наконец, вид бесплодия и дикости — вот общий характер этих гор, по главному гребню которых тянется знаменитая Великая стена. В то же время описываемый хребет, подобно многим другим горам внутренней Азии, окаймляющим с одной стороны высокое плато, а с другой более низкие равнины, вовсе не имеет подъема со стороны нагорья. До последнего шага путешественник идет между холмами волнистого плато, а затем перед его глазами вдруг раскрывается удивительнейшая панорама. Внизу, под ногами очарованного зрителя, встают, словно в причудливом сне, целые гряды высоких гор, отвесных скал, пропастей и ущелий, прихотливо перепутанных между собой, — а за ними расстилаются густо населенные долины, по которым серебристой змеей выются многочисленные речки. Контраст между тем, что осталось позади, и тем, что лежит впереди, поразительный. Не менее велика и перемена климата. До сих пор, во все время нашего перехода через Монгольское нагорье, день в день стояли морозы, доходившие до -37°C и постоянно сопровождаемые сильными северо-западными ветрами, хотя снегу было вообще очень мало, а местами он и вовсе не покрывал землю. Теперь, с каждым шагом спуска через окраинный хребет, мы чувствовали, как делалось теплее, и, наконец, прибыв в город Калган, встретили, несмотря на конец декабря, совершенно весеннюю погоду. Такова климатическая перемена на расстоянии всего 25 верст [27 км], лежащих между названным городом и высшей точкой спуска с нагорья. Эта последняя имеет 5 400 футов [1 646 м] абсолютной высоты, между тем как город Калган, расположенный при выходе из окраинного хребта в равнину, поднимается лишь на 2 800 футов [858 м] над морским уровнем.

Этот город, называемый китайцами Чжан-цзя-коу¹, запирает собой проход через Великую стену и составляет важный пункт торговли Китая с Монголией². В Калгане считается до 70 тысяч жителей, исключительно китайцев, между которыми много магометан, известных в Китае под общим именем «хой-хой». Здесь же живут два протестантских миссионера и несколько наших купцов, занимающихся транспортировкой чая через Монголию в Кяхту.

Хотя в последнее время, вследствие усиления морской перевозки, сухопутный транзит чая через Монголию значительно уменьшился, но, по словам наших купцов, ежегодно еще отправляется из Калгана в Ургу и Кяхту до 200 тысяч ящиков, каждый весом около трех пудов. Чай этот доставляется в Калган из плантаций возле города Хань-коу³, частью сухопутно, частью на европейских пароходах до Тянь-дзина; затем половина его передается на руки нашим купцам, для дальнейшей отправки, а другая препровождается в Кяхту или Ургу самими же китайцами. Подводчиками служат монголы, которые от подобной перевозки зарабатывают большие деньги. Извоз производится только осенью, зимой и самой ранней весной (до апреля), летом же все верблюды отпускаются в степь на поправку, линяют и запасаются силами для новой работы.

Чайные караваны составляют весьма характерное явление Восточной Монголии. Ранней осенью, то есть в начале сентября, со всех концов этой страны направляются в Калган длинные вереницы верблюдов, отгулявших летом на свободе степи и теперь снова оседланных для того, чтобы тащить каждому на своей спине, через пустыню, по четыре чайных ящика, то есть целых 12 пудов [196,5 кг]. Это выюк обыкновенный для монгольского верблюда, но на более сильных из них прибавляется еще пятый ящик. Монголы подражаются везти чай или прямо в Кяхту, или только до Урги⁴, так как далее горы и часто глубокие снега страшно затрудняют верблюдов. В последнем случае чай доставляется из Урги в Кяхту на двухколесных подводах, запряженных волами⁵.

Средняя цена за провоз одного ящика из Калгана до Кяхты равняется трем ланам, так что каждый верблюд зарабатывает в один курс 12 лан, то есть 25 рублей на нашу звонкую монету⁶. Обыкновенно же, в течение зимы, караван успеет сходить из Калгана в Кяхту два раза⁷, следовательно хозяин верблюдов получает по 50 рублей за каждого из них. Погонщик для ухода и выюченья полагается по два человека на двадцать пять животных, так что расходы перевозки в сущности очень невелики, и подрядчик пользуется огромным чистым барышом даже в том случае, если в течение зимы у него пропадет несколько верблюдов от усталости или от худого корма. Караванные верблюды в особенности часто приходят в негодность вследствие того, что протирают себе пятки и делаются хромыми или сбивают

¹ Название «Калган» происходит от монгольского слова «Халга», то есть за-става [а также: щит, барьер, защита, преграда, ворота, дверь].

² Сюда идут также наши сукна, плис и пушные товары.

³ Этот город лежит на нижнем течении Янцзы-цзяна, или Голубой реки. Здесь находятся чайные фабрики русских и других европейцев.

⁴ Часть чая здесь и остается для потребления монголов.

⁵ Летом, когда имеется достаточно подножного корма, сообщение между Калганом и Ургою производится также на быках.

⁶ Средняя цена китайского лана в Калгане равняется 2 руб. 8 коп. на наши серебряные рубли.

⁷ Обрато из Кяхты в Калган караваны идут большей частью пустыми; реже везут кое-какие товары, или дерево, сушеные грибы, соль, волос и шерсть.

спину от небрежного вьюченья. В первом случае монголы связывают животное, валят его на землю и подшивают на рану кусок кожи, заменяющий подошву, так что хромота большей частью проходит; верблюд же со сбитой спиной делается уже негоден к извозу в этом году, и отпускается в степь на поправку. Принимая во внимание даже известный процент потерянных и испорченных верблюдов, все-таки монгол, владеющий хотя бы только несколькими десятками этих животных, получает на них очень большие заработки. Между тем, есть не мало подводчиков, которые владеют несколькими сотнями верблюдов, частью собственных, частью взятых в наем у бедных монголов, которым самим не стоит отправляться в извоз с несколькими животными. Повидимому, подобные заработки должны сделать монголов богатыми, но на деле этого не бывает, и редкий из них увозит к себе домой несколько сот рублей; все остальные деньги переходят в руки китайцев.

Последние эксплуатируют простодушных монголов самым бессовестным образом. Навстречу каждому каравану, приходящему осенью за чаем, выезжает несколько китайцев и приглашают хозяина остановиться у них. Квартира отводится даровая; внимание и услуги оказываются полные. Монгол, с которым в другое время китаец не станет говорить, валяется теперь на нарах фанзы богатого купца, который сам или его приказчики подают трубку своему гостю и исполняют малейшие его желания. Монгол принимает все это за чистую монету и поручает своему хозяину рассчитаться за него с тем купцом, у которого он берет чай на извоз. Этого только и нужно китайцу. Получив деньги, которые платятся всегда вперед, он обсчитывает своего доверителя самым бессовестным образом, а затем предлагает ему то тех, то других товаров, на которые накладывает двойные цены. Далее, часть денег идет на уплату податей, на взятки чиновникам, еще часть прокучивается и, в конце концов, монгол уезжает из Калгана в путь с самым ничтожным остатком своего огромного заработка. Часть этого последнего он неминуемо должен отдать в кумирни, так что номад возвращается домой почти с пустыми руками⁽²⁴⁾.

Сухопутная транспортировка чая из Ханькоу в Кяхту так дорога¹, что цена кирпичного чая, потребляемого исключительно монголами и сибирским населением, увеличивается одной доставкой втрое против его стоимости на фабриках. Время, потребное на переход каравана от Калгана до Кяхты, простирается от 30 до 40 дней, смотря по уговору с подрядчиком монголом. При перевозке чая из Ханькоу в Кяхту каждый ящик обернут в толстую шерстяную попону; в Кяхте эти попоны сбрасываются, чайные ящики обшиваются невыделанной кожей и отправляются в Европейскую Россию на телегах или санях, смотря по времени года.

Калган, как упомянуто выше, запирает собой один из проходов через Великую стену, которую мы увидели здесь в первый раз. Она сложена из больших камней, связанных известковым цементом. Впрочем, величина каждого камня не превосходит нескольких пудов, так как, по всему вероятию, работники собирали их в тех же самых горах и таскали сюда на своих руках. Сама стена в разрезе имеет пирамидальную форму, при вышине до трех сажен и около четырех в основании. На более выдающихся пунктах, иногда даже не далее версты одна от другой, выстроены квадратные башни. Они сделаны из глиняных кирпичей, наложенных попеременно

¹ Перевозка каждого ящика чая из Ханькоу в Калган обходится также по три лаа.

по длине и ширине и проклеенных известью. Величина башен различна; наибольшие из них имеют по шести сажен в основании боков и столько же в высоту.

Описываемая стена извивается по гребню окраинного хребта и, спускаясь в поперечные его ущелья, запирает их укреплениями. В подобных проходах только и годится к чему-либо вся эта постройка. В горах же самый характер местности делает их недоступными для неприятеля; между тем, здесь также сложена стена и всё в одинаковых размерах. Мне случилось даже видеть, как эта постройка, примыкая к совершенно отвесной скале, не довольствовалась такой естественной преградой, но, оставляя узкий проход, обходила скалу по всей ее длине, иногда весьма значительной. И к чему творилась вся эта гигантская работа? Сколько миллионов рук работало над ней! Сколько народных сил потрачено задаром! История гласит нам, что описываемую стену выстроили за два слишком века до Р. Х. [до нашей эры] китайские владыки, с целью оградить государство от вторжения соседних номадов. Но та же самая история говорит, что периодические напоры варваров никогда не разбивались об эту искусственную преграду, за которой китайскому государству недоставало и недостает другой, более прочной защиты — нравственной силы самого народа.

Впрочем, Великая стена, длину которой китайцы считают в 5 тысяч верст и которая протянулась, с одной стороны, в глубь Маньчжурии, а с другой — далеко за верхнее течение Желтой реки¹, вовсе не такова в местностях, удаленных от Пекина. Здесь она строилась на глазах богдохана и его важнейших сановников и потому представляет действительно гигантскую работу; в местах же, удаленных от надзора высшей администрации, знаменитая Великая стена, которую европейцы привыкли считать характерной принадлежностью Китая, представляет не более, как разрушенный временем глиняный вал, сажени три вышиной. Об этом упоминают миссионеры Гюк и Габе в описании своего путешествия по Монголии и Тибету² (26), да и нам самим привелось, в 1872 году, видеть подобную же стену на границе Ала-шаня и Гань-су.

Пять дней провели мы в Калгане, окруженные самым радушным гостеприимством Матреницкого и нескольких других соотечественников, купцов-коммиссионеров, занимающихся транспортировкой в Кяхту чая, принадлежащего нашим же владельцам фабрик в городе Ханькоу. Место жительства русских купцов в Калгане находится за городом, при выходе из того живописного ущелья, которым проходят через окраинный хребет³. Выгода загородного помещения тем велика, что здесь нет той грязи и вони, которые составляют самую характерную принадлежность всех городов Небесной империи [Китая].

Подобно всем другим иностранцам в Китае, наши купцы ведут свои дела через компрадоров, то есть китайцев, которым доверяются торговые сделки своими соотечественниками. Впрочем, наши калганские купцы, из которых иные знают китайский язык, еще достаточно самостоятельны в торговых операциях, тем более, что им часто приходится иметь дело прямо с подрядчиками монголами. В Тянь-дзине же и во всех других портах Китая, открытых европейцам, компрадоры составляют необходимую принадлежность каждого торгового дома. Через них ведутся все дела,

¹ До крепости Цзян-юй-гуань в провинции Гань-су.

² *Нис. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet*. Т. II, p. 29.

³ Кроме этого прохода, к Калгану ведет еще другое ущелье со стороны города Долон-нор.

и такой доверенный грабит своего доверителя самым беззастенчивым образом, так что, через несколько лет, обыкновенно открывает свою собственную торговлю.

Компрадоры китайцы, живущие у иностранцев, выучиваются говорить на том или другом языке, смотря по тому, к какой нации принадлежит их хозяин. Русская речь дается китайцам всего труднее¹; не говоря уже про выговор и коверкание слов, само построение фразы всегда делается самым невероятным образом.

«Шибко твоя мастер стреляй еси», говорил мне один из калгановских компрадоров, видя, как я стрелял в лет каменных голубей. «Твоя кушья буду не буду», спрашивал тот же самый китаец, предлагая что-либо съедомое. В Урге мы также видели несколько подобных грамотеев. Один из них, как гласила злая молва, некогда занимался подделкой русских ассигнаций и сбывал их монголам. На наш вопрос — промышляет ли он теперь таким делом, китаец отвечал: «како можно, таперь твоя бумажка худо еси; пиши, пиши (то есть текст на ассигнации), мало, мало наши люди делай можно, а лицо (то есть портрет) шибко мудрено еси».

Об иностранцах, живущих в Китае, калганский компрадор высказал нам такое мнение: «Твоя люди все равно Пэ-лин, Фа-гуа² нету; твоя люди, наши люди одали³, хорош еси; Пэ-лин, Фа-гуа худо еси». Нечего сказать, приятно было слушать подобную похвалу китайца, который уверял, что «мы вовсе не походим на французов и англичан, но все равно что китайцы, хороши еси».

Однако такое мнение, может быть принадлежащее и лично калганскому компрадору, не избавляет русских от общей ненависти китайцев ко всем европейцам и общей для всех нас клички «ян-гуйза», то есть заморский чорт.

Другого имени европеец здесь не услышит, и мы, с первого шага в собственно Китай, на опыте почувствовали, дочего безотрадно тяжело положение европейского путешественника в пределах Небесной империи. Но об этом речь еще впереди, а теперь будем продолжать по порядку.

Благодаря содействию калганских земляков, мы наняли у китайцев для переезда в Пекин [Бэйпин] две верховые лошади и несколько мулов под багаж. Европейцы обыкновенно ездят здесь в носилках, которые несут два мула, но мы взяли верховых лошадей потому, что при верховой езде удобнее могли познакомиться с страной, нежели из закрытых носилок.

Расстояние от Калгана до Пекина — около 210 верст [224 км], и его обыкновенно проезжают в четверо суток. Дорогой останавливаются в гостиницах, содержимых большей частью магомметанами, переселившимися сюда из Восточного Туркестана. Для ян-гуйзы, то есть для европейца, вход в хорошие гостиницы чрезвычайно затруднителен, а потому путешественника везут в самые плохие постоялые дворы, несмотря на то, что за все берут двойную, тройную, а иногда и десятичную плату. Но тут уже речь не о деньгах; рад-радехонек, чтобы пустили хотя в какой-нибудь сарай, после того как 6—7 часов сряду просидишь на лошади и продрогнешь на ночном морозе. Несмотря на то, что европейцы в Китае обыкновенно платят за все щедрой рукой, общая ненависть к заморским чертям до того велика, что нас иногда не хотели пускать на ночлег, несмотря

¹ Русскому языку китайцы обыкновенно выучиваются в Кяхте; между монголами мы не видели ни одного, который хотя бы сколько-нибудь говорил по-русски (26).

² Именем «Пэ-лин» китайцы называют англичан, «Фа-гуа» — французов.

³ «Одали» значит все равно; это одно из слов нашего забайкальского наречья.

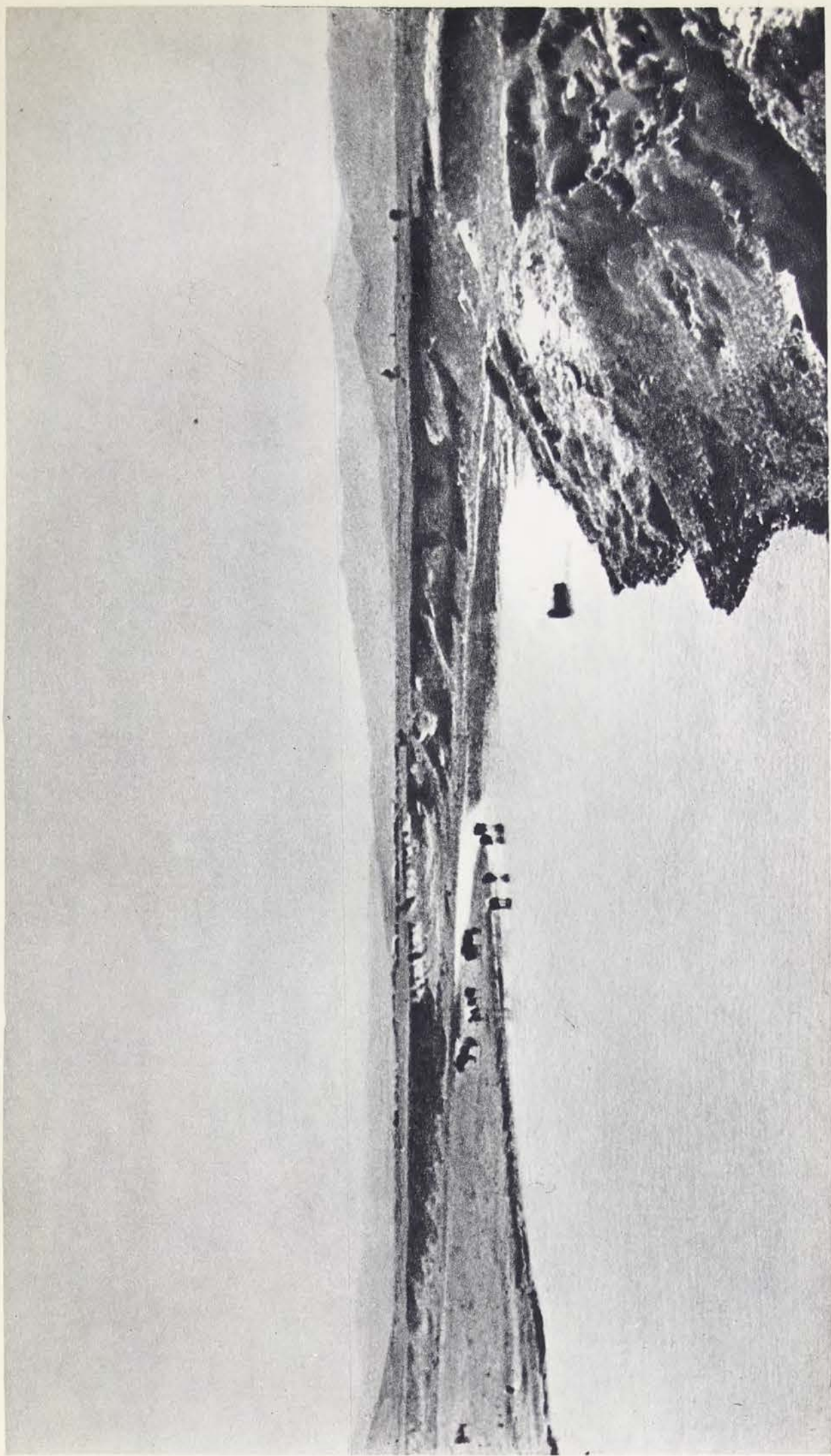
на посредничество наших подводчиков китайцев. Это случилось именно в городе Ша-чан, где мы принуждены были ездить целый час от одной гостиницы к другой и предлагать десятичную цену за право переночевать в грязной, холодной фанзе.

Незнание языка также служило нам великой помехой, в особенности на станциях, где приходилось спрашивать чего-нибудь съестного. Хорошо еще, что в Калгане я записал некоторые названия китайских кушаний, и с этим меню мы проехали до Пекина. Не знаю, как другим по вкусу приходится китайская кухня, в которой кунжутное масло¹ и чеснок играют первую роль, но для нас китайские яства в гостиницах казались отвратительными, тем более, что, видя в мясных лавках ослиные ляжки, продаваемые для еды, мы всегда имели справедливое подозрение, что и нас кормят той же самой ослиатиной. Сами китайцы не брезгают никакой гадостью, и некоторые из них едят даже собак. При вторичном посещении Калгана мы видели, как китайские мясники купили монгольского верблюда, больного чесоткою настолько, что все тело было покрыто язвами, зарезали его и тут же продавали мясо. Дохлая скотина обыкновенно съедается, и, конечно, ослы, продаваемые в мясных лавках, попали сюда не насильственной смертью, так как китаец, при своей скаредности, ни за что не согласится убить на мясо вьючное животное, если оно хотя сколько-нибудь еще способно к работе. Теперь можно себе представить, с каким аппетитом кушает европеец предлагаемые ему в китайских гостиницах блюда, зная всю неразборчивость гастрономического вкуса своих хозяев.

С выходом из Калгана, а вместе с тем из окраинного хребта Монгольского нагорья, перед глазами путешественника раскрывается широкая равнина, густо заселенная и превосходно обработанная. Деревни имеют опрятный вид, совершенно противоположно городам. Дорога сильно оживлена: по ней тянутся вереницы ослов, нагруженных каменным углем, телеги, запряженные мулами, пешеходные носильщики и, наконец, собиратели помета, который так дорого ценится в Китае. Здесь везде, не исключая и городов, можно видеть взрослых мужчин, с корзинкой на левой руке и лопаткой в правой, с утра до вечера бродящих по улицам или дорогам и собирающих помет, брошенный животными или людьми. Подобные сцены иногда доходят до смешного, когда видишь, как китаец стоит возле испражняющегося верблюда и старательно держит свою корзинку под известной частью животного. Собираемый помет употребляется на удобрение полей или как топливо.

В расстоянии 30 верст [32 км] от Калгана, на окраине вышеупомянутой равнины, которая имеет почву глинисто-песчаную и частью каменистую, стоит большой город Сюань-ха-фу, обнесенный, как и все китайские города, глиняной зубчатой стеной, совершенно похожей на стену нашего московского Китай-города. Далее отсюда дорога ведет через скалистый хребет, ущельем, по которому течет быстрая и довольно широкая речка Ян-хэ. В более узких и сжатых местах ущелья путь пробит в скалах, и вообще дорога хороша для колесной езды. Затем, минуя город Дзи-ман, путешественник снова выходит на равнину, которая достигает от 10 до 12 верст ширины и тянется к западу между двумя хребтами гор. Один из них — тот самый, через который только что лежал путь, а другой, гораздо

¹ Китайцы, как известно, не едят ни молока, ни масла и вовсе не держат рогатого скота.

Река Хара по маршруту Н. М. Пржевальского

Ледоход на р. Орхон (Северная Монголия)

более высокий и величественный, составляет наружную ограду второго уступа, которым Восточно-Азиатское нагорье спускается к равнине, раскинувшейся по берегу Желтого моря. Действительно, начиная от Калгана вплоть до города Ча-доу, который лежит при входе в вышеупомянутый хребет, абсолютная высота местности уменьшается довольно равномерно, и путешественник все еще пребывает на плато, высоко поднятом над уровнем моря¹. Затем от Ча-доу начинается спуск через второй окраинный хребет, который называется у китайцев Си-шан [Гунду-шань] и, подобно калганским горам, развивается вполне лишь на наружной стороне плато, к равнине своего подножья.

Дорога через описываемый хребет проходит ущельем Гуань-гоу, которое начинается близ Ча-доу и тянется до города Нань-коу, лежащего при выходе из гор в Пекинскую равнину. Ущелье Гуань-гоу в верхних своих частях имеет лишь от 10 до 15 сажен [21—32 м] ширины и со всех сторон замыкается громадными отвесными скалами гранита, порфира, серого мрамора и глинистого сланца. Дорога, некогда вымощенная каменными плитами, теперь находится в полном запущении, так что ехать по ней даже верхом крайне затруднительно. Тем не менее здесь проходят, конечно, с очень большим трудом, китайские двухколесные телеги и даже иногда караваны верблюдов с чаем из Пекина.

По гребню описываемого хребта тянется вторая, так называемая внутренняя Великая стена, по своим размерам и постройке много превосходящая калганскую. Здешняя стена сложена из больших плит гранита, а на вершине убрана кирпичными зубцами; на более высоких пунктах расположены сторожевые башни. Сверх того, за главной стеной, в стороне Пекина, выстроено еще три добавочных стены, которые лежат в расстоянии трех или четырех верст одна от другой и боками своими, вероятно, примыкают к главной постройке. Все эти стены запирают ущелье Гуань-гоу парными воротами, но в последней из них к Пекину устроено трое ворот. Здесь же валяются две старинные чугунные пушки, сделанные, как говорят, для китайцев иезуитами.

Тотчас за стенами ущелье Гуань-гоу несколько расширяется, хотя все еще несет дикий, но в то же время очаровательный характер. Горные ручьи с шумом и водопадами бьются здесь по камням, а под нависшими скалами везде виднеются китайские фанзы, виноградники и небольшие сады фруктовых деревьев. Наконец, путешественник достигает города Нань-коу, который лежит на 1 000 футов [300 м] ниже Ча-доу, несмотря на то, что расстояние между этими городами только 23 версты [24,5 км].

Таким образом, вся ширина горной окраины Восточно-Азиатского нагорья, от высшей точки спуска с Калганского хребта до выхода в Пекинскую равнину при Нань-коу, составляет около 200 верст [свыше 200 км]. К западу эта окраина, вероятно, расширяется, прорезывается несколькими параллельными цепями гор и частью упирается в северный изгиб Хуань-хэ; к востоку же разделенные горные цепи соединяются в один широкий горный массив, который протянулся к Печилийскому [Чжилийскому, или Бохайскому] заливу Желтого моря².

¹ Абсолютная высота Калгана 2 800 футов [853 м], а города Ча-доу — 1 600 футов [488 м].

² Вся эта цепь гор известна у китайцев под общим именем Тхай-хань; она тянется на юго-запад к верхнему течению Желтой реки в губернию (провинцию) Хэ-нань, на восток до Корейского залива. *Иакинф*. Статистическое описание Китайской империи, ч. 1. стр. 5.

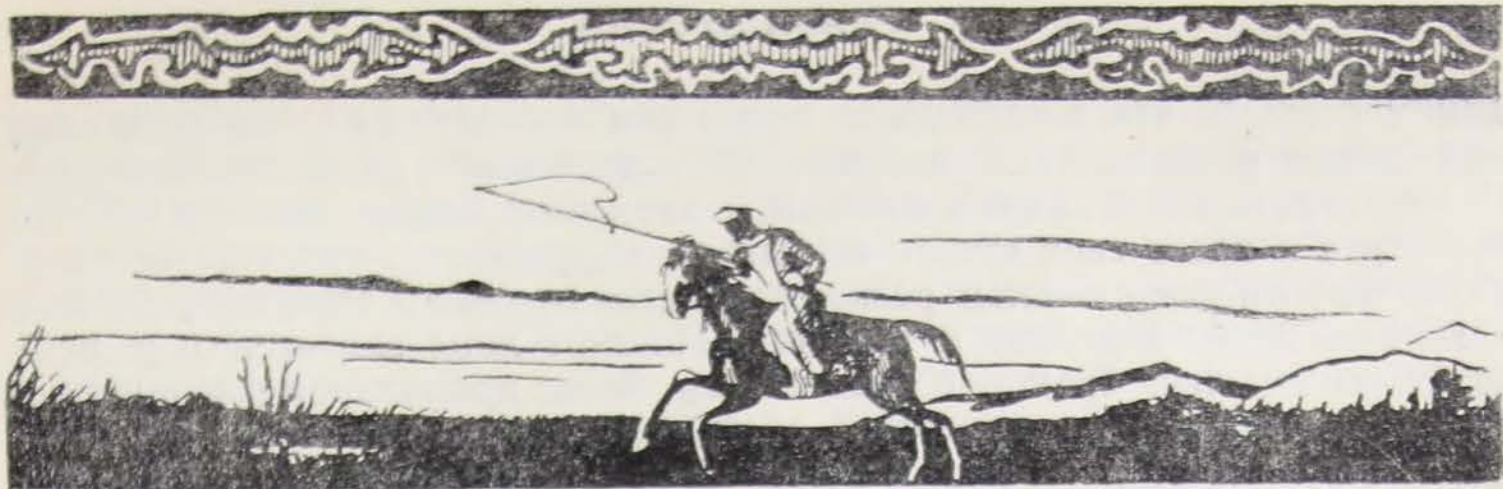
От Нань-коу остается только один день пути до Пекина, то есть не более 50 верст. Местность здесь — совершенная равнина, очень немного поднятая над уровнем моря¹. Наносная почва этой равнины, состоящая из глины и песка, везде превосходно обработана. Деревни встречаются на каждом шагу; многочисленные рощи кипариса, древовидного можжевельника, сосны, тополя и других деревьев, указывающие обыкновенно места кладбищ, придают много разнообразия и красоты равнинному ландшафту. Климат делается еще теплее, так что здесь, в период наших крещенских морозов, термометр в полдень иногда поднимается в тени выше нуля. О снеге нет и помину; если он изредка и выпадает ночью, то обыкновенно стаивает в следующий же день. Везде встречаются зимующие птицы: дрозды, вьюрки, дубоносы, стренатки, грачи, коршуны, голуби, дрофы и утки.

С приближением к столице Небесной империи густота населения увеличивается все более и более. Сплошные деревни образуют целый город, так что путешественник, совершенно незаметно, подъезжает к пекинской стене и вступает в знаменитую столицу Востока⁽²⁷⁾.

---

¹ Город Пекин имеет лишь 120 футов [36,6 м] абсолютной высоты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОНГОЛЫ

Наружность, одежда и жилище монголов. — Их обыденная жизнь, характер, язык и обычаи. — Религия и суеверие. — Административное разделение и управление Монголии.

Настоящая глава посвящается этнографическому описанию Монголии потому, что при дальнейшем повествовании о ходе путешествия рассказы, касающиеся населения, могли быть вставлены лишь отрывочными частями, не всегда рельефными. При описании физико-географического характера и природы посещенных местностей, равно как различных приключений нашего странствования, можно было бы уделить для населения лишь соответствующие уголки, которые, будучи разбросаны по различным главам, легко могли не обратить на себя внимание читателя. Для избежания такого неудобства я решился сгруппировать рассказ о населении Монголии в одну главу, изложить в ней характерные черты быта номадов, а затем пополнять их мелкими подробностями уже при историческом изложении путешествия.

Если начать с описания наружности, то за образец коренного монгола, бесспорно, следует взять обитателя Халхи, где всего более сохранилась чистокровная монгольская порода. Широкое плоское лицо с выдающимися скулами, приплюснутый нос, небольшие, узко прорезанные глаза, угловатый череп, большие, оттопыренные уши, черные, жесткие волосы, весьма редкие на усах и бороде, смуглый, загорелый цвет кожи, наконец, плотное, коренастое сложение, при среднем или даже большом росте — вот характерные черты наружности каждого халхасца.

В других частях своей родины монголы далеко не везде удержали столь чистокровный тип. Внешнее, иноземное влияние всего сильнее проявилось на юго-восточной окраине Монголии, издавна соседней владениям собственно Китая. И хотя кочевая жизнь номада трудно мирится с условиями культуры оседлого племени, но все-таки, в течение столетий, китайцы успели, тем или другим путем, настолько упрочить свое влияние на

диких соседей, что в настоящее время эти последние на половину уже окитаились в местностях, лежащих непосредственно за Великой стеной. Правда, кроме немногих исключений, монгол здесь все еще живет в войлочной юрте и пасет свое стадо, но как по наружности, так еще более по характеру он уже слишком резко отличается от своего северного собрата и гораздо более подходит к китайцу. Плоское лицо заменилось у него, вследствие частых браков с китайками, более правильной физиономией китайца, а в одежде и домашней обстановке номад считает щегольством и достоинством подделываться под китайский тон. Самый характер кочевника изменился здесь чрезвычайно сильно: его уже не так манит дикая пустыня, как города густо населенного Китая, в которых он успел познакомиться с выгодами и наслаждениями более цивилизованной жизни.

Подобно китайцам монголы бреют голову, оставляя только небольшой пучок волос на затылке и сплетая их в длинную косу; ламы же бреются дочиста¹. Усов и бороды ни те ни другие не носят, да они и растут крайне плохо. Обычай носить косу введен в Китае маньчжурами, после того, как они, в половине XVII века, овладели Небесной империей. С тех пор коса считается внешним признаком подчиненности царствующей Дачиньской династии⁽²⁸⁾, и такое украшение должны носить все народы, подвластные Китаю.

Монголки не бреют волос, но сплетают их в две косы, которые украшают лентами, кораллами или бисером и носят спереди, по обеим сторонам груди; замужние женщины часто носят одну косу сзади. Сверху волос накладываются серебряные бляхи с красными кораллами, которые в Монголии ценятся очень дорого; бедные заменяют кораллы простыми бусами, но сами бляхи обыкновенно делаются из серебра, или, как редкое исключение, из меди. Подобный наряд надвигается на верхнюю часть лба; кроме того, в уши вдеваются большие серебряные серьги, а на руках носят кольца и браслеты.

Одежда монголов состоит из кафтана, вроде халата, сделанного обыкновенно из синей китайской дабы, китайских сапог и плоской шляпы с отвороченными вверх полями; рубашек, равно как и нижнего платья, номады большей частью не носят. Зимой они надевают теплые панталоны, бараньи шубы и теплые шапки. Для щегольства летний халат делается очень часто из шелковой китайской материи; сверх того, чиновники носят китайские курмы. Как халат, так и шуба всегда подвязаны поясом, за которым повешены, на спине или сбоку, неизменные принадлежности каждого монгола: кисет с табаком, трубка и огниво. Кроме того, у халхасцев за пазухой всегда имеется табакерка с нюхательным табаком, угощение которым составляет первое приветствие при встрече. Но главное щегольство номада заключается в верховой сбруе, которая часто украшается серебром.

Женщины носят халат, несколько отличный от мужского, и притом без пояса; сверху же обыкновенно надевают род фуфайки без рукавов. Впрочем, покрой платья, равно как и прическа прекрасного пола значительно изменяются в различных местностях Монголии⁽²⁹⁾.

Универсальное жилище монгола составляет войлочная юрта (гыр), одна и та же во всех закоулках его родины. Каждая такая юрта имеет круглую форму с конической вершиной, где находится отверстие для

¹ Для бритья употребляются китайские ножи, а волосы смачиваются теплой водой.

выхода дыма и для света. Бока юрты делаются из деревянных палок¹, скрепленных таким образом, что, будучи раздвинуты, они образуют квадратные клетки, около фута в поперечнике. Такая решетка состоит из нескольких частей, которые, при установке жилья, связываются между собой веревками, оставляя с одной стороны место для деревянной двери, имеющей фута 3 вышины при несколько меньшей ширине и служащей лазейкой во внутренность юрты. Последняя бывает различна по величине, но, всего чаще, имеет от 12 до 15 футов [3,7—4,6 м] в диаметре и около 10 футов [3 м] от земли до верхнего отверстия.

Сверху боков и двери накладываются палки, которые прикрепляются петлями к тонким верхушкам клетчатых боков, а свободными концами вставляются в дырки круга, сделанного из обручей. Этот круг помещается над серединой юрты, имеет фута 3 или 4 в диаметре и служит верхним отверстием.

Когда бока, дверь, верхние палки, словом, весь остов юрты, установлен и закреплен веревками, тогда он обтягивается со всех сторон войлоками, зимой обыкновенно двойными, на дверь и трубу накладываются войлочные покрывки — и жилище готово. Внутри его, по середине, помещается очаг; на стороне, противоположной входу, ставятся бурханы [боги], а по бокам различный домашний скарб. Вокруг очага, на котором целый день горит огонь, раскладываются войлоки, а в зажиточных юртах даже ковры для сиденья и спанья. Кроме того, у богатых, всего чаще у князей, бока юрты внутри обвешиваются бумажными, а иногда даже шелковыми материями, и делается деревянный пол. Для неприхотливого быта номада юрта составляет незаменимое жилище. Ее можно быстро разбирать и переносить на другое место; в то же время она служит достаточной защитой от холода, зноя и непогоды. Действительно, в юрте, в то время, когда горит огонь, довольно тепло, даже в самый сильный мороз. На ночь труба закрывается войлочной покрывкой, и огонь гасится; тогда температура в юрте не особенно высока, но все-таки здесь гораздо теплее, нежели в палатке. Летом войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных⁽³⁰⁾.

Монгол никогда не пьет сырой, холодной воды, но всегда заменяет ее кирпичным чаем, составляющим в то же время универсальную пищу номадов.

Этот продукт монголы получают от китайцев и до того пристрастились к нему, что без чаю ни один номад — ни мужчина ни женщина — не могут существовать и нескольких суток. Целый день, с утра до вечера, в каждой юрте на очаге стоит котел с чаем², который беспрестанно пьют все члены семьи; этот же чай составляет первое угощенье каждого гостя.

Вода употребляется обыкновенно соленая, а если таковой нет, то в кипяток нарочно прибавляется соль. Затем крошится ножом или толчется в ступе кирпичный чай, и горсть его бросается в кипящую воду, куда прибавляется также несколько чашек молока. Для того чтобы размягчить твердый, как камень, кирпич чаю, его предварительно кладут, на несколько минут, в горящий аргал, что, конечно, придает еще более аромата

¹ Дерево, необходимое для юрт, монголы получают, главным образом, из той части Халхи, которая обильна лесами.

² Домашняя посуда у монголов далеко не разнообразна. Ее составляют: чугунный котел для варки пищи, чайник, чашки, уполовник, кожаный мех или деревянная кадка для воды и молока, деревянные корытца для подачи мяса; сюда еще следует отнести: железный таган, щипцы для подкладки аргала и изредка китайский топор.

и вкуса всему напитку. На первый раз угощение готово. Но в таком виде оно служит только для питья, вроде нашего шоколада и кофе или прохладительных напитков. Для более же существенной еды монгол сыплет в свою чашку с чаем сухое жареное просо и, наконец, в довершение всей прелести, кладет туда масло, или сырой курдючный жир. Выпить в течение дня 10 или 15 чашек, вместимостью равных нашему стакану — это порция самая обыкновенная даже для монгольской девицы; взрослые же мужчины пьют вдвое более¹. При этом нужно заметить, что чашки, из которых едят номады, составляют исключительную собственность каждого лица. Чашки составляют известного рода щегольство, и у богатых встречаются из чистого серебра китайской работы; ламы иногда делают их из человеческих черепов, которые разрезаются пополам и оправляются в серебро.

Рядом с чаем молоко в различных видах составляет постоянную пищу монголов. Из него приготавливаются: масло, пенки, арэка и кумыс. Пенки делаются из неснятого молока, которое кипятят на медленном огне, потом дают отстояться и, сняв сгустившиеся сливки, сушат их; для вкуса сюда прибавляют иногда жареное просо. Арэка приготавливается из кислого снятого молока; из него же делается «арел» [арул], наподобие сухих и мелких кусочков сыра. Наконец, кумыс (тарасун) [наиболее распространен айрик] приготавливается из кобыльего или овечьего молока. В течение всего лета он составляет самое лучшее угощение, так что монголы постоянно ездят друг к другу, чтобы попробовать тарасуна, которым обыкновенно услаждаются допьяна. Все вообще номады чрезвычайно склонны к спиртным напиткам, хотя пьянство у них далеко не такой поголовный порок, как в иных более цивилизованных странах. Водку монголы достают от китайцев, закупая ее в самом Китае, во время пребывания там с караванами, или приобретая от китайских торговцев, которые летом ездят по всей Монголии с различными мелкими товарами, выменивая их на шерсть, шкуры и скот. От такой торговли китайцы получают большие барыши, так как дают обыкновенно товары в долг, налагая за это громадный процент, а с другой стороны, принимают по самой низкой цене предметы, служащие уплатой вместо денег.

Хотя чай и молоко составляют, в течение круглого года, главную пищу монголов, но весьма важным подспорьем к ней, в особенности зимой, служит баранье мясо. Это такое лакомое кушанье для каждого номада, что, желая похвалить что-либо съедомое, он всегда говорит: «так вкусно, как баранина». Баран даже считается, как и верблюд, священным животным. Впрочем, весь домашний скот у номадов служит эмблемой достоинства, так что именами «бараний, лошадиный или верблюжий» окрещиваются даже некоторые виды растительного и животного царства². Самой лакомой частью барана считается курдюк, который, как известно, состоит из чистого жира. Монгольские бараны к осени до того отъедаются, иногда на самом плохом, повидимому, корме, что кругом бывают покрыты слоем сала в дюйм [25 мм] толщиной. Но чем жирнее это животное, тем оно лучше для монгольского вкуса³. Из убитого барана

¹ Определенного времени для обеда у монголов нет; они едят и пьют чай целый день, когда захочется или случится.

² Например, именем хони-арца, то есть баранья арца, называют древовидный можжевеловый куст; яма-арца (козлиная арца) — тую; хони-шулюсунь — рысь и т. д.

³ Замечателен способ, которым монголы убивают барана для еды: они распарывают животному брюхо, всовывают туда руку и, доставши сердце, жмут его, пока баран не издохнет [смерть наступает от того, что пальцем прорывается артерия].

не пропадает решительно ничего, даже кишки идут в дело; из них выжимают содержимое, затем наливают кровью и варят полученные таким образом колбасы.

Обжорство монголов бараниной превосходит всякое вероятие. За один присест номад может съесть более 10 фунтов мяса, но выдаются и такие гастрономы, которые в течение суток съедают целого барана средней величины. Во время пути баранья ляжка составляет обыкновенную ежедневную порцию одного человека при экономном расходовании запасов. Зато монгол может пробыть целые сутки без пищи, но раз он добрался до нее, то ест в буквальном смысле «один за семерых».

Для еды баранину всегда варят; жарится же на вертеле как лакомство только одна грудина. Зимой, во время дороги, когда замерзшее мясо требует долгого времени, чтобы свариться как следует, монголы едят его полусырым, обрезывая сверху обварившийся немного кусок и снова опуская его в чашу, когда дело дойдет до совершенно сырого мяса. В случае спешности номад прячет себе кусок баранины на дорогу и кладет его на спину верблюда, под седло, чтобы сохранить от мороза. Отсюда, во время пути, вытаскивается спрятанная закуска, облепленная шерстью и провонявшая верблюжьим потом, но это несколько не нарушает аппетит монгола. Бараний отвар номады пьют как чай, а иногда прибавляют в него просо или кусочки теста, вроде нашей лапши, и получают таким образом суп. Перед едой, обыкновенно уже наливши себе чашку, ламы и некоторые набожные из простых людей бросают частичку, в виде жертвоприношения на огонь, а если его нет, то просто в сторону. Для жертвоприношения жидкой пищей в нее обмакивают средний палец правой руки, с которого уже стряхивают куда нужно приставшие частицы.

Едят монголы всегда руками. Мясо подносят ко рту большим куском, захватывают, сколько возможно, зубами и затем ножом отрезают забранное в рот возле самых губ. Кости объедаются до безукоризненной чистоты и некоторые из них еще разбиваются, чтобы добыть внутренний мозг. Бараньи лопатки всегда разламываются и потом уже бросаются; оставить лопаточную кость целою считается за грех.

Кроме баранины как специального кушанья, монголы едят также козлов, лошадей, в меньшем количестве рогатый скот, и еще реже верблюдов. Хлеба монголы не знают, хотя не отказываются есть китайские булки, а иногда дома готовят лепешки и лапшу из пшеничной муки. Вблизи нашей границы номады даже едят черный хлеб, но подальше, внутрь Монголии, его не знают, и те монголы, которым мы давали черные сухари, попробовав их, обыкновенно говорили, что «в такой еде нет ничего приятного, только зубами стучаешь».

Птиц и рыбы монголы, за весьма немногими исключениями, вовсе не едят и считают такую пищу поганой. Отвращение их в этом случае до того велико, что однажды на озере Куку-нор с нашим проводником сделалась рвота, в то время, когда он смотрел, как мы ели вареную утку. Этот случай показывает, до чего относительно понятия людей даже о таких предметах, которые, повидимому, поверяются только одним чувством⁽³¹⁾.

Исключительное занятие монголов и единственный источник их благосостояния составляет скотоводство; количеством домашних животных здесь меряется богатство человека. Из этих животных номады разводят всего более баранов, лошадей, верблюдов, рогатый скот и в меньшем числе держат коз. Впрочем преобладание того или другого вида домашних животных различно в различных местностях Монголии. Так, наилучших

верблюдов и наибольшее их количество можно встретить только в Халхе, земля сахаров изобилует лошадьми; в Ала-шане разводятся преимущественно козы, на Куку-норе обыкновенная корова заменяется яком⁽³²⁾.

По богатству и обилию домашних животных на первом месте стоит Халха, жители которой вообще весьма зажиточны. Несмотря на недавний падеж, истребивший бесчисленное множество рогатого скота и овец, здесь все еще можно видеть огромные стада, принадлежащие одному хозяину; редкий халхасец не владеет несколькими стами баранов. Последние все без исключения курдючные⁽³³⁾; только в Южной Монголии, именно в Ордосе и Ала-шане, курдючная овца заменяется широкохвостой, а на Куку-норе особым видом с длинными (до 1,5 фута) винтообразно закрученными рогами.

Получая от домашних животных все необходимое: молоко и мясо для пищи, шкуры для одежды, шерсть для войлоков и веревок, притом еще зарабатывая большие деньги как от продажи этих животных, так равно и от перевозки на верблюдах различных тяжестей по пустыне, — номад живет исключительно для своего скота, оставляя на втором плане заботу о себе самом и о своем семействе. Перекочёвки с места на место соображаются исключительно с выгодами стоянки для домашних животных. Если для последних хорошо, то есть корм имеется в изобилии и есть водопой, то монгол не претендует ни на что остальное. Уменьше номада обращаться со своими животными и его терпение в этом случае достойны удивления. Упрямый верблюд делается в руках этого человека покорным носильщиком, а полудикий степной конь послушной и смиренной верховой лошадью. Кроме того, номад любит и жалеет своих животных. Он ни за что в свете не заседлает верблюда или лошадь ранее известного возраста, ни за какие деньги не продаст барашка или теленка, считая грехом убивать их в детском возрасте.

Скотоводство составляет единственное и исключительное занятие монголов. Промышленность у них самая ничтожная и ограничивается только выделкой некоторых предметов, необходимых в домашнем быту, как-то: кож, войлоков, седел, узд, луков; изредка приготавливаются огнивы и ножи. Все же прочие предметы домашней обстановки и одежды монголы приобретают от китайцев и, в самом небольшом числе, от русских торговцев в Кяхте и Урге. Горного промысла у номадов не существует. Внутренняя торговля в Монголии почти исключительно меновая; внешняя — ограничивается Пекином и соседними городами Китая. Сюда монголы гонят на продажу скот, везут соль, кожи и шерсть, а взамен того берут мануфактурные товары. Уход за скотом — единственная забота монгола, но это дело далеко не требует усиленного труда. Верблюды и лошади бродят в степи без всякого присмотра, и только летом, раз в сутки, приходят на водопой к колодцу; пастьба же рогатого скота и овец обыкновенно лежит на женщинах или подростках семьи. У богатых монголов, владеющих тысячами домашних животных, должность пастухов исполняют нанятые работники, в которые идут только по крайней нужде самые бедные и бездомовные люди. Затем доение скота, сбор молока и масла, приготовление пищи, рядом с другими работами по хозяйству — все это лежит почти исключительно на женщинах. Мужчины обыкновенно ничего не делают и только с утра до вечера скачут из одной юрты в другую, чтобы напиться чаю или кумысу, и поболтать с соседом. Охота, до которой номады вообще очень страстны, служит до известной степени развлечением скучной, однообразной жизни кочевника. Однако монголы не имеют хорошего

Семья монголов у юрты (Халха)

Монгольская княгиня (Халха)

оружия. Даже фитильное ружье встречается у них не везде, но иногда заменяется луком и стрелами. Кроме охоты, не малым развлечением номадов служат путешествия к различным кумирням для богомоления или на конские скачки.

С наступлением осени несколько изменяется жизнь монголов. Они собирают своих отгулявших в течение лета верблюдов и ведут их в Калган или в Куку-хото [по-китайски Гуйсуй, ныне главный город провинции Суйюань], чтобы взять подряд на извоз: в первом месте чай до Кяхты, а во втором, то есть в Куку-хото, продовольствие китайским войскам, расположенным в Улясутае и Кобдо, или купеческие товары, назначенные в те же самые города. Третья, несравненно меньшая, часть верблюдов употребляется на извоз соли из ее месторождений в осадочных озерах Монголии в ближайšie города собственно Китая. Таким образом, в течение осени и зимы, все верблюды Северной и Восточной Монголии находятся в работе и приносят своим хозяевам огромные барыши. Затем, с наступлением апреля, извозы прекращаются, истомленные животные отпускаются в степь, а их хозяева предаются отдыху и полной бездеятельности в течение 5—6 месяцев.

Самые ничтожные расстояния, хотя бы только в несколько сот шагов, монгол никогда не пройдет пешком, но непременно усядет на лошадь, которая для этого постоянно привязана возле юрты. Стадо свое номад также пасет сидя на коне, а во время путешествия с караваном разве только в страшный холод слезет с верблюда, чтобы пройти версту, или много две, и разогреть окоченевшие члены. От постоянного пребывания на коне даже ноги номада немного выгнуты наружу, и он охватывает ими седло так крепко, как будто прирос к лошади. Самый дикий степной конь ничего не поделает с таким наездником, каков каждый монгол. Верхом на скакуне номад действительно в своей сфере; он никогда не ездит шагом, редко даже рысью, но всегда как ветер мчится по пустыне. Зато монгол любит и знает своих лошадей; хороший скакун или иноходец составляет его главное щегольство, и он не продаст такого коня даже в самой крайней нужде. Пешая ходьба до того во всеобщем презрении у номадов, что каждый из них считает стыдом пройти пешком даже в юрту близкого соседа.

Одаренные от природы сильным телосложением и приученные сизмальства ко всем невздам своей родины, монголы пользуются вообще отличным здоровьем. Они необыкновенно выносливы ко всем трудностям пустыни. Целый месяц сряду, без отдыха, идет монгол, в самую глубокую зиму, с караваном верблюдов, нагруженных чаем. День в день стоят 30-градусные морозы, при постоянных северо-западных ветрах, еще более увеличивающих стужу и делающих ее нестерпимой. А между тем номад, следуя из Калгана в Кяхту, постоянно имеет ветер встречу, и по 15 часов в сутки сидит, не слезая с своего верблюда. Нужно быть действительно железным человеком, чтобы вынести такой переход; монгол же делает в продолжение зимы взад и вперед четыре конца, которые, в общей сложности, составляют 5 000 верст [5 300 км]. Но натолкните того же самого монгола на другие, несравненно меньшие, но неведомые для него трудности и посмотрите, что будет. Этот человек с здоровьем, закаленным как железо, не сможет пройти пешком, без крайнего истомления, 20—30 верст; переночуя на сырой почве, простудится как какой-нибудь избалованный барин; лишенный два-три дня кирпичного чаю, будет роптать во все горло на свою несчастную судьбу.

В умственном отношении у монголов нельзя отнять большой сметливости, рядом с которой идут хитрость, лицемерие и обман; впрочем последние качества развиты преимущественно у жителей окраин Монголии, соседних Китаю. Среди же чистого монгольского населения нравственная испорченность присуща, главным образом, ламам. Простые монголы, или, как они называются, «хара-хун», то есть черные люди, не испорченные ни китайским соседством, ни ламскими нравоучениями, большей частью добрые, простодушные люди.

Но если, с одной стороны, в умственном отношении монголу нельзя отказать в сметливости, то опять-таки эта сметливость, как и другие черты характера номада, направлена в исключительную сторону. Монгол знает отлично родную пустыню и сумеет найти здесь в самом безвыходном положении, предскажет наперед дождь, бурю и другие изменения в атмосфере, отыщет, по самым ничтожным приметам, своего заблудившегося коня или верблюда, чутьем угадает колодец и так далее. Но попробуйте растолковать номаду что-либо, выходящее из круга его обычной деятельности: будет слушать вас с вытаращенными глазами, несколько раз сряду спросит об одном и том же и все-таки не поймет часто самой простой вещи. Перед вами сразу является уже не тот человек, каким вы знали его в родной обстановке. Нет, теперь вы видите ребенка, детски любопытного, но в то же время неспособного усвоить самых простых и обыденных понятий.

Вообще любопытство, часто доходящее до крайности, весьма присуще монголам. Во время хода каравана по местностям населенным они беспрестанно подъезжают справа и слева, часто скачут к вам за несколько верст и после обычного «менду», то есть здравствуй, начинает расспрашивать: куда и зачем едете? что везете? нет ли продажных товаров? где и почему покупали верблюдов? и так далее. Один приезжий сменяет другого, иногда является целая куча, и все лезут с одними и теми же расспросами. На месте остановки еще хуже: не успеешь, бывало, развьючить верблюдов, как монголы являются уже со всех сторон, смотрят, щупают вещи и целым кагалом лезут в палатку. Не только оружие, но даже самые ничтожные вещи, например, сапоги, ножницы, всякий замок на сундуке, словом — все до мельчайших подробностей возбуждает любопытство гостей, которые при этом непременно лезут с просьбой подарить им то одно, то другое. Расспросам нет конца. Каждый новоприезжий начинает сызнова и теперь прежние посетители объясняют и показывают ему ваши вещи, причем если только будет возможно, то непременно попросят что-нибудь, словно на память.

Из обычаев монголов путешественнику резко бросается в глаза их обыкновение всегда ориентироваться по странам света, никогда не употребляя слов «право или лево», словно эти понятия не существуют для номадов. Даже в юрте монгол никогда не скажет: с правой или с левой руки, а всегда на восток или на запад от него лежит какая-либо вещь. При этом следует заметить, что лицевой стороной у номадов считается юг, но не север, как у европейцев, так что восток приходится левой, а не правой стороной горизонта.

Все расстояния у монголов меряются временем езды на верблюдах или лошадях; о другой более точной мере номады не имеют понятия. При вопросе — далеко ли до такого места? монгол всегда отвечает: столько-то суток ходу на верблюдах, столько-то на верховом коне. Но так как скорость езды, равно как и количество времени, употребляемого для нее в течение

одних суток, могут быть различны, смотря по местным условиям и по личной воле ездока, то номад никогда не преминет добавить: «если хорошо будешь ехать», или «если тихо поедешь». При этом следует заметить, что в Халхе средний переезд в сутки на вьючных верблюдах можно принимать в 40 верст, а на верховых лошадях от 60 до 70. На Куку-норе же монголы ходят с верблюдами несколько тише, так что здесь 30 верст можно принять за среднюю величину передвижения в одни сутки. Скорость хода хорошего верблюда простирается от 4 до 4,5 версты в час, если животное навьючено; без вьюка же верблюд проходит от 5 до 6 верст в час.

Единицей измерения времени у монголов служат сутки; более дробной меры, например наших часов, номады не знают. Календарь монголов тот же самый, что у китайцев, и печатается в Пекине на монгольском языке. Счет месяцев производится по фазам луны; но одни из этих месяцев имеют по 29, другие по 30 дней. Через это от каждого лунного года остается неделя до полного обращения земли вокруг солнца. Из такого остатка, через три года в четвертый, накапливается лишний месяц, который, по гаданию пекинских астрологов, прикладывается то к зиме, то к лету, то к другим временам года. Этот месяц не имеет особенного названия, а служит двойником какому-либо из известных месяцев, так что в високосном году бывает два января или два июля и так далее. Новый год считается с первого дня цаган-сара, то есть белого месяца, и приходится обыкновенно во второй половине нашего января или в первых числах февраля. С цаган-сара принимается начало весны, и этот месяц празднуется во всех буддийских землях. Кроме того, у монголов считаются праздниками и носят имя «цэртын» 1-е, 8-е и 15-е числа каждого месяца.

Для более крупного измерения времени служит период 12 лет. Каждый год в этом цикле носит название какого-либо животного, а именно:

1-й год . . .	хулугуна (мышь)	7-й год . . .	мори (лошадь)
2-й » . . .	уқыр (корова)	8-й » . . .	хони (овца)
3-й » . . .	бар (тигр)	9-й » . . .	мэчит (обезьяна)
4-й » . . .	толай (заяц)	10-й » . . .	такя (курица)
5-й » . . .	лу (дракон)	11-й » . . .	нохой (собака)
6-й » . . .	мого (змея)	12-й » . . .	гахай (свинья)

Далее, 12-летний период, повторенный пять раз, образует новый цикл, который служит мерой времени вроде наших веков. Возраст человека считается всегда по первому циклу, и если монгол, имеющий, положим, 28 лет, говорит, что теперь его год «заяц», то это значит, что после двух полных 12-летних периодов, ему наступил четвертый год⁽³⁴⁾.

Обращаясь к языку монголов, я считаю долгом прежде всего оговорить, что, при многочисленности других работ экспедиции и при неимении хорошего переводчика, нам невозможно было заняться подробным изучением этого языка и его отличий в различных местностях Монголии. Это пробел очень большой в этнографических исследованиях, но он прежде всего зависел от ничтожности материальных средств, которыми располагала экспедиция; при достаточности этих средств я мог бы нанять хорошего переводчика, который специально знал бы только свое дело. При том же положении, в котором мы находились, единственный переводчик, который был с нами, не мог, часто в течение целого дня, улучшить свободной минуты для исполнения своей прямой обязанности. Да кроме того, при своей умственной ограниченности, он вовсе не мог быть полезным в тех случаях, где нужны были сметливость и такт.

Во всей Монголии господствует один монгольский язык, который вообще обилён словами, но в различных частях описываемой страны различается, хотя и не особенно резко, наречиями и выговором слов. Подобное различие в особенности заметно между северными и южными монголами; у последних некоторые слова совершенно непонятны халхасцам.

Так например:	В Халхе	В Ала-шане	В Халхе	В Ала-шане
Ночь . . .	шунн	су	Халат . . .	зупса лабышик
Баран . . .	хонн	хой	Чаша . . .	имбу хайса
Вечер . . .	удыши	асхын	Сукно . . .	цымбу дахар
Чайник . . .	шаху	дебырь	Порох . . .	дари шорой
Сапоги . . .	гутул	гудусу	Молоко . . .	су юсу
Мясо . . .	махан	идэ	Сюда . . .	наша наран
Шуба . . .	дэль	дыбыль	Туда . . .	инь-ши тыгэй

Кроме того, южные монголы отличаются более мягким выговором некоторых букв и произносят к, ц, ъ, как х, ч и ь; например, цаган (белый) превращается в чагань, Куку-хото в Хуху-хото и так далее.

В самой постройке фраз, вероятно, существуют у южных монголов изменения, так как наш переводчик иногда не понимал целого выражения, но в то же время никак не мог объяснить, в чем именно заключается затруднение. «Бестолково говорят», обыкновенно выражался он в подобном случае — и только.

Мне кажется, что китайские слова очень мало проникли в испорченный монгольский язык, но к нему значительно примешались слова тангутские у монголов Куку-нора и Цайдама. Китайское же влияние на юго-восточной и южной окраинах Монголии, сильно изменив характер монголов, отразилось на их языке не столько наплывом чужеземных слов, сколько изменением общего характера говора, который здесь является более монотонным и флегматичным, нежели в Халхе, где чистокровный монгол всегда говорит громко и отрывисто.

Письмена монгольские, подобно китайским, располагаются в вертикальных строках, которые читаются от левой руки к правой¹ (35). Печатных книг на родном языке у монголов довольно много, так как, по распоряжению китайского правительства, в конце прошлого века, особой комиссией в Пекине сделаны были переводы на монгольский язык разных сочинений исторических, учебных и священных. Монгольское уложение также на монгольском языке, и он, наравне с маньчжурским, употребляется во всех делах. В Пекине и Калгане находятся училища для обучения монгольской грамоте, а календарь и некоторые книги постоянно печатаются на монгольском языке. Грамотность у монголов принадлежит князьям, дворянам и ламам; последние обучаются также по-тибетски, князья же и дворяне по-монгольски и по-маньчжурски. Простолюдины обыкновенно безграмотны [ныне в МНР свыше трети населения грамотны].

Все вообще монголы, не исключая и женщин, чрезвычайно словоохотливы. Потолковать с кем-нибудь за чашкой чая составляет первое удовольствие номада. При встрече он тотчас же спрашивает: «что нового?» и не поленился съездить сообщить какую-нибудь новость своему приятелю, живущему за 20 или 30 верст. Через это различные вести и слухи разносятся по Монголии с непонятной для европейца быстротой, словно по

¹ Нынешние монгольские буквы изобретены в XIII веке нашей эры при хане Хубилае.

телеграфу. При нашем путешествии местные жители, за несколько сот верст впереди, обыкновенно уже знали о нас, часто с мелкими подробностями и еще чаще с бесконечными преувеличениями.

В разговоре монголов резко бросается в глаза беспрестанное употребление слов «дзэ» [дза] и «сэ» [сэйн]; оба они значат «хорошо» и приклеиваются чуть не к каждой фразе. Кроме того, эти слова служат как знак утверждения, вроде нашего: «да, так». Слушая какое-нибудь приказание или рассказ чиновника, монгол, после известных промежутков, обыкновенно поддакивает своим неразлучным «дзэ» или «сэ». Для обозначения хорошего или худого качества какого-либо предмета и вообще желая похвалить или осудить что-либо, монгол вместе с «дзэ» и «сэ», а иногда и без них, показывает большой палец или мизинец своей правой руки. Первый знак выражает похвалу, второй—дурное качество или вообще отрицание хорошего. К каждому равному себе монгол всегда обращается со словом «нохор», то-есть товарищ; этот эпитет соответствует нашему «милостивый государь» или французскому «Monsieur» (36).

Песни монголов всегда заунывные, предметом их служат рассказы о прежней жизни и подвигах номадов¹. Монгол поет всего чаще дорогой, когда он идет с караваном; впрочем и в юрте можно услышать пение, но женщины вообще поют гораздо реже, нежели мужчины. Особые певцы, которые иногда странствуют по Монголии, всегда с удовольствием слушаются кочевниками. Из музыкальных инструментов у монголов существуют только флейта и балалайка; пляски у номадов мы не видали ни разу, да они, кажется не знают ее вовсе (37).

Судьба женщины у монголов незавидная. Узкий горизонт жизни номада для нее смыкается еще более. Находясь в полном подчинении своему мужу, монголка весь век проводит в юрте, занимаясь уходом за детьми и различными работами по хозяйству. В свободное время она садится за шитье одежды или какого-нибудь наряда, для чего во всей Халхе употребляется китайский шелк. Ручные работы монгольских женщин часто оказываются замечательно хороши по вкусу и отчетливости исполнения.

Законная жена у монгола бывает только одна, но сверх того дозволяется иметь наложниц², которые живут вместе с законной супругой. Последняя считается старшей и заправляет хозяйством; дети, от нее рожденные, пользуются всеми правами отца, тогда как сыновья от наложниц не считаются законными и не имеют права на наследство. Только с дозволения правительства монгол может вполне усыновить побочное дитя.

При браках важным считается родство с мужской стороны и притом даже в далеком колене; родство же с женской стороны не принимается в уважение. Кроме того, для счастья молодых необходимо благоприятное сочетание астрологических знаков³, под которыми родились жених и невеста; иногда невыгодное расположение таких знаков расстраивает брак.

Жених за свою невесту должен заплатить ее родителям, по предварительному уговору, часто значительный выкуп (калым) скотом, платьем, а иногда и деньгами; жена с своей стороны приносит юрту со всей

¹ Самая обыденная песнь, которую можно услышать во всей Монголии, есть «дагнь-хара», то есть «о вороном жеребенке».

² Наложницы поступают во владение мужчины без всяких брачных обрядов.

³ По знакам зодиака монголы считают свой двенадцатилетний период времени.

обстановкой¹. При несогласиях в семейной жизни, или просто из прихоти, муж может прогнать свою жену, но и жена имеет также право оставить нелюбимого мужа. В первом случае монгол не может требовать уплаченный за жену выкуп и оставляет у себя только часть приданого; если же жена сама расходится с мужем, то должна возвратить часть скота, отданного за нее перед свадьбой. Затем, после развода, монгольская женщина считается свободной и может выйти за другого. Подобный обычай часто порождает различные любовные истории, которые разыгрываются в глуши пустыни и никогда не попадут ни в один роман.

По своим нравственным качествам монгольские женщины добрые матери и хорошие хозяйки, но далеко не безукоризненно верные жены.

В домашней жизни жена почти равноправна с мужем, но зато во всех внешних делах, касающихся, например, перекочевки на иное место, уплаты долга, покупки чего-нибудь и так далее мужчины кладут приговор, не спрашивая согласия своих жен. Однако, как исключение из общего правила, нам случалось видеть монголок, которые заправляли не только хозяйством, но даже всеми другими делами и в буквальном смысле держали под башмаком своих мужей.

Относительно наружности монгольских женщин европейцу трудно высказать похвалу. Коренной тип расы — главным образом, плоское лицо и выдающиеся скулы — сразу портят каждую физиономию. Притом же грубая жизнь в юрте и влияние сурового климата обуславливают полное отсутствие нежности, а с ней и привлекательности в нашем смысле этого слова. Впрочем, как редкое исключение, в Монголии, всего скорее в княжеских семействах, попадаются иногда очень хорошенькие девушки. К таким счастливицам толпой являются поклонники, так как номады вообще падки на прекрасный пол. Количество женщин в Монголии гораздо менее числа мужчин, чему причиной служит, главным образом, безбрачие лам⁽³⁸⁾.

В домашней жизни монгол отличный семьянин, горячо любящий своих детей. Всегда, когда нам случалось что-либо давать номаду, он делил полученное поровну между всеми членами семьи, хотя бы от такого дележа, например кусочка сахара, каждому пришлось получить лишь по небольшому зернышку. Старшие члены семьи у монголов пользуются большим уважением, в особенности старики, советы или даже приказания которых всегда свято исполняются. Рядом с этим монгол чрезвычайно гостеприимный человек. Каждый может смело войти в любую юрту и его наверно тотчас же угостят чаем или молоком; для хорошего же знакомого номад не откажется добыть водки или кумысу и даже заколоть барана.

Встретившись дорогой с кем бы то ни было, знакомым или незнакомым, монгол тотчас же приветствует его словами: «менду, менду-сэ-бэйна», соответствующими нашему «здравствуй». Затем начинается взаимное угощение нюхательным табаком, для чего каждый подает свою табакерку другому и при этом обыкновенно спрашивает: «мал-сэ-бейна», «та-сэ-бейна», то есть здоров ли ты и твой скот? Вопрос о скоте ставится на первом плане, так что о здоровье своего гостя монгол осведомляется уже после

¹ Подробное описание монгольской свадьбы находится у *Тимковского*. Путешествие в Китай, ч. III, стр. 311—321, и у *Нис'а*. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. I, p. 298—303.

того, когда узнает, здоровы и жирны ли его бараны, верблюды и лошади. В Ордосе и Ала-шане приветствие при встрече выражается словами: «амур-сэ» (здоров ли ты?), а на Куку-норе всего чаще тангутским «тэму», то есть здравствуй. Взаимное нюхание табаку в Южной Монголии производится гораздо реже, на Куку-норе же и вовсе не встречается.

По поводу вопроса о здоровье скота с европейцами новичками, едущими из Кяхты в Пекин, иногда случаются забавные истории. Так, однажды какой-то юный офицер, недавно прибывший из Петербурга в Сибирь, ехал курьером в Пекин. На монгольской станции, где переменяли лошадей, монголы тотчас же начали лезть к нему с самым почетным, по их мнению, приветствием — с вопросом о здоровье скота. Получив, через переводчика казака, осведомление своих хозяев о том, жирны ли его бараны и верблюды, юный путешественник начал отрицательно трясти головой и уверять, что у него нет никакого скота. Монголы же со своей стороны ни за что не хотели верить, чтобы состоятельный человек, да еще притом чиновник, мог существовать без баранов, коров, лошадей или верблюдов. Нам лично в путешествии много раз приходилось слушать самые подробные расспросы о том: кому мы оставили свой скот, отправляясь в такую даль, сколько весит курдюк нашего барана, часто ли мы едим дома такое лакомство, сколько у нас хороших скакунов и т. д.

В Южной Монголии, для выражения взаимного расположения, служат «хадаки», то есть небольшие, в виде полотенца, куски шелковой материи, которыми обмениваются гость и хозяин. Эти хадаки покупаются у китайцев и бывают различного качества, которым, до известной степени, определяется расположение встречающихся личностей¹.

Тотчас после приветствия у монголов начинается угощение чаем, причем особенной учтивостью считается подать гостю раскуренную трубку. Уходя из гостей, монголы обыкновенно не прощаются, но прямо встают и выходят из юрты. Проводить гостя до его коня, привязанного в нескольких шагах, считается особым расположением хозяина; таким почетом всегда пользуются чиновники и важные ламы.

Хотя раболепие и деспотизм развиты у монголов в высшей степени, так что произвол начальника обыкновенно заменяет всякие законы, но рядом с таким рабством, является, как аномалия, большая свобода отношений между начальниками и подчиненными. Увидев чиновника, монгол становится перед ним на колени и делает приветствие, но после такого униженного выражения своей покорности садится рядом с тем же самым чиновником, разговаривает с ним и курит трубку. Привыкши с детства ничем не стеснять самого себя, он и в данном случае не терпит долго стеснения, но тотчас же дает простор своим привычкам. Для путешественника-новичка такое явление может показаться знаменательным фактом свободы и равенства монголов, но, вникнув глубже в сущность дела, легко заметить, что здесь проявляется только дикая, необузданная натура номада, который требует простора лишь своим детским привычкам и совершенно апатичен к страшной деспотии в социальной жизни. Тот самый чиновник, рядом с которым монгол курит трубку и беседует за панибрата, может наказать своего собеседника, отобрать у него несколько баранов и вообще безапелляционно совершить какую угодно несправедливость.

¹ В Халхе хадаки служат вместо монеты, но мало употребляются для взаимных подарков.

Взятничество и подкуп в Монголии, так же как и в Китае, развиты до крайней степени; за взятку здесь можно сделать все и без взятки ровно ничего. Самое вопиющее преступление останется безнаказанным, если только преступник сунет изрядный куш властям; наоборот, совершенно справедливое дело ничего не значит без известного приложения. И эта гниль идет через весь строй администрации, начиная от хошунного писаря и кончая владетельным князем.

Если затем обратимся к религиозным верованиям номадов, то увидим, что ламаистское учение пустило здесь такие глубокие корни, как, быть может, ни в одной другой стране буддийского мира¹. Созерцание, поставляемое монголами высшим идеалом, в сочетании с образом жизни номада, заброшенного в пустыню, и породило тот страшный аскетизм, который заставляет его отрешаться от всякого стремления к прогрессу, а взамен того искать, в туманных и отвлеченных идеях о божестве и загробной жизни, конечную цель земного существования человека².

Богослужение монголов отправляется на тибетском языке³; священные их книги также тибетские⁴. Из них знаменитейшая есть Ганчжур; она состоит из 108 томов и включает в себе, кроме предметов религиозных, историю, математику, астрономию и прочее. В кумирнях служение обыкновенно совершается три раза в течение дня: утром, в полдень и вечером. Зов к молитве производится трубением в большие морские раковины. Собравшись в кумирню, ламы садятся на полу или на лавках и читают нараспев священные книги. По временам к такому монотонному чтению присоединяются возгласы, которые делает старший из присутствующих, а за ним повторяют и все остальные. Затем, при известных расстановках, бьют в бубны или в медные тарелки, что еще более усиливает общий шум. Такое моление производится иногда несколько часов сряду и делается более торжественным, когда в кумирне присутствует кутухта. Последний всегда сидит на престоле в особом облачении, имея лицо, обращенное к кумирам; служащие же ламы стоят впереди святого, с кадилами в руках, и читают молитвы.

Употребительнейшая молитва, которая не сходит с языка каждого ламы, а часто и простого монгола, состоит всего из четырех слов: «Ом мани падме хум». Мы напрасно старались добиться перевода этого изречения⁵. По уверению лам, в нем заключается вся буддийская мудрость, и это четырехсловие пишется не только в кумирнях, но везде и всюду⁽⁴⁰⁾.

Кроме обыкновенных кумирен⁶, в местностях, от них удаленных, в Монголии устраиваются дугуны, то есть молельни внутри юрт. Наконец, везде на перевалах и на вершинах высоких гор складываются из камней,

¹ Время распространения буддизма в Монголии в точности неизвестно; рядом с ним у монголов еще существуют кое-какие остатки шаманства, одной из древнейших религий Азии⁽³⁹⁾.

² Мы не коснемся здесь, хотя бы в самых общих чертах, философии буддизма, подробное исследование которого можно найти на русском языке в сочинении профессора Васильева «Буддизм» [В. П. Васильев. Буддизм, его догматы, история и литература. Спб., 1857—1869].

³ Которого иногда не понимают сами ламы. Тибетские письмены, противоположно китайским и монгольским, располагаются не в вертикальных, но в горизонтальных строках и читаются от левой руки к правой.

⁴ Как упомянуто выше, эти книги переведены на монгольский язык.

⁵ Объяснение, впрочем довольно запутанное, вышеприведенной молитвы, находится у Тимковского. Путешествие в Китай, ч. III, приложение в конце книги, стр. 7—37.

⁶ Которые в Монголии называются сумо, реже кит, или дацан [сумэ, хид, хурэ].

Монголца в старинной прическе (Халха)

Монгол-лама (Северная Монголия)

в честь духа горы, иногда большие кучи, называемые «обо». К таким «обо» монголы питают суеверное уважение, проходя мимо, всегда бросают в общую кучу, в виде жертвоприношения, камень, какую-нибудь тряпку, или клочок шерсти с верблюда. При более важных из этих «обо» летом ламами совершаются богослужения, и народ собирается на празднества.

Во главе всей иерархии буддизма стоит, как известно, тибетский далай-лама, который имеет свое пребывание в Лассе и владеет Тибетом на правах государя, считающегося вассалом Китая. В сущности же подчинение далай-ламы китайскому императору только номинальное и выражается в подарках, которые он посылает богдохану однажды в три года.

Равноправным далай-ламе по своей святости (но не по политическому значению) считается другой тибетский святой — Бань-цин-эрдэни; затем третье лицо буддийского мира есть ургинский кутухта. Далее следуют остальные кутухты, или гыгены, которые живут по различным кумирням Монголии или в самом Пекине; таких гыгенов считается в Монголии более сотни¹. Все они составляют земное воплощение святых, до высшей степени усовершенствовавших свою нравственную природу, никогда не умирают, но только переходят из одного тела в другое. Вновь возродившийся гыген отыскивается ламами той кумирни, где жил его предшественник, и утверждается в своем звании далай-ламой. Этот последний, в большинстве случаев, должен сам указать себе преемника, но при таком значении, секретно, всегда играет главную роль китайское правительство, под влиянием которого наместник великого святого всего чаще выбирается из бедных и неизвестных фамилий. Личное ничтожество далай-ламы, при отсутствии родственных связей с сильными фамилиями страны, служит для китайцев лучшим ручательством если не подчинения Тибета, то по крайней мере безопасности со стороны непокорного соседа. И, действительно, Китаю есть из-за чего похлопотать. Явись на далайламском престоле талантливая, энергичная личность, то по одному слову этого человека как по голосу самого бога номады восстали бы от Гималаев до Сибири. Одушевленные религиозным фанатизмом и ненавистью к своим угнетателям, дикие орды явились бы в пределы собственно Китая и легко могли натворить ему великих бед.

Влияние всех вообще гыгенов на невежественных номадов безгранично. Помолиться святому, коснуться его платья или получить благословение считается великим счастьем, которое, впрочем, обходится не дешево, так как всякий верующий должен непременно сделать при этом известное приношение, иногда довольно значительное. Вообще в кумирнях Монголии, в особенности больших или чем-либо прославившихся, стекаются значительные богатства, приносимые сюда богомольцами, приходящими часто из далеких местностей.

Однако подобные пилигримства, так сказать, только частные. Главная святыня всех номадов — Ласса, и туда ежегодно отправляются огромные караваны поклонников, которые, несмотря на тысячи различных трудностей далекого пути, считают величайшим счастьем и особенной заслугой перед богом совершить подобное путешествие. Дунганское восстание прекратило на целых 11 лет странствования монгольских богомольцев в Тибет, но теперь, с занятием восточной части Гань-су китайскими

¹ Всего 103. *Иакинф*. Статистическое описание Китайской империи, ч. II, стр. 60 [*Иакинф* (Бичурин), Спб., 1842, ч. 1—2, о Монголии часть II, стр. 35—118].

войсками, подобные путешествия возобновились попрежнему. Их предпринимают иногда даже и женщины, к чести которых следует сказать, что они вообще менее ханжи нежели мужчины. Подобное явление происходит, быть может, потому, что на женщинах в Монголии лежат все домашние работы, так что они мало имеют времени заниматься религиозными вопросами. Притом, на окраинах Монголии, соседних Китаю, религиозность населения далеко меньше, нежели во внутренних частях описываемой страны.

Сословие духовных, или так называемых лам¹, в Монголии чрезвычайно многочисленно. К нему принадлежит, по крайней мере, одна треть, если не более, всего мужского населения, избавленного по этому случаю от всяких податей и повинностей². Сделаться ламою очень нетрудно. Родители по собственному желанию еще в детстве назначают своего сына на подобное поприще, бреют ему всю голову и одевают в красную или желтую одежду. Это составляет внешний знак будущего назначения ребенка, которого затем отдают в кумирню, где он учится грамоте и буддийской мудрости у старых лам³. В некоторых первоклассных кумирнях, как например в Урге и Гумбуме⁴, устроены для этой цели особые школы с подразделением их на факультеты. По окончании курса в такой школе лама поступает в штат какой-либо кумирни, или занимается лечением как доктор.

Для получения высших духовных степеней каждый лама должен выдержать определенный экзамен в познании буддийских книг и строгих правил иночества. Духовные степени посвящения лам идут в следующем порядке: камба, гэлун, гэцул и баньди. Каждой из этих степеней присвоено отличие в одежде⁵, особые места при богослужении и особые правила строгой жизни. Самый важный духовный чин есть камба или каньбу: он получает посвящение прямо от кутухты, и сам посвящает в низшие должности. Впрочем кутухты также обязаны проходить все степени посвящения, но они достигают их гораздо скорее нежели простые смертные.

Сообразно степеням посвящения ламы при кумирнях занимают определенные должности, а именно: цябарци — прислужник при священнодействии; пярба — эконо́м; кэсгуй — благочинный; умзат — дирижер пения; дэмци — казначей; сорджи — настоятель кумирни.

Сверх должностных лиц при каждой кумирне состоит множество (часто несколько сот, а иногда 1 000 и более) других лам, которые не знают никакой работы, кроме молений, и живут исключительно на счет приношений усердных верующих. Наконец, есть такие ламы, которые вовсе не были отдаваемы своими родителями в науку, так что остались безграмотными; тем не менее они носят красную ламскую одежду и титул ламы, который считается весьма почетным у номадов.

¹ Собственно ламами называется у монголов высшее духовенство; вообще же духовное лицо носит имя хуварак. Однако первое название употребляется гораздо чаще нежели последнее.

² Штатные ламы, то есть состоящие при известных должностях в кумирнях, совершенно освобождены от всяких повинностей; за нештатных платят их семейства.

³ Иногда такие ученики поступают к ламам, живущим не в кумирнях, но у себя в юртах.

⁴ Кумирня Гумбум находится в провинции Гань-су, недалеко от города Синина.

⁵ Одежда лам всегда желтая с красным поясом или красной перевязью через левое плечо. При богослужении, смотря по степеням посвящения, употребляются особые желтые мантии и высокие, также желтые, шапки [лам изм называют поэтому религией желтошапочников, или желтой].

Все ламы обязаны вести безбрачную жизнь; вследствие такого ненормального положения между ними процветает разврат в различных формах.

Женщины, по достижении определенного возраста, могут также поступать в духовное сословие. Для этого они принимают посвящение, бреют голову и обязываются исполнять правила строгой жизни. Подобно ламам, они могут также носить желтую одежду. Такие монахини называются шабианиза и встречаются довольно часто, преимущественно между вдовыми старухами.

Ламское сословие составляет самую страшную язву Монголии, так как занимает лучшую часть мужского населения, живет паразитом на счет остальных собратий, своим безграничным на них влиянием, тормозит народу всякую возможность выйти из того глубокого невежества, в которое он погружен.

Но если, с одной стороны, религиозные верования пустили столь глубокие корни среди номадов, то, с другой, в неменьшей степени здесь развито и суеверие. Различные черти и колдовство грезятся монголу на всяком шагу. В каждом неблагоприятном явлении природы он видит действие злого духа, в каждой болезни его же поущение. Обыденная жизнь номада исполнена самых суеверных примет. Так, в облачную погоду и после заката солнца нельзя ни давать, ни продавать молока, — иначе скот передохнет; то же самое произойдет, если сидеть на пороге юрты; есть сидя на корточках — грех: через это что-нибудь дурное приключится в пути; вперед про дорогу говорить нельзя — застигнет ненастье или метель. Имя отца и матери говорить также нельзя — грех; после лечения какой-либо скотины в течение трех дней нельзя ничего ни дать, ни продать и тому подобное.

Однако эти и другие приметы — еще малая доля монгольского суеверия; нужно видеть, насколько здесь распространено гадание и различное колдовство. В этом искусстве упражняются не только все шаманы и большая часть лам, но часто даже и простые смертные, кроме женщин. Гадания производятся главным образом на ламских четках и на китайских чохах, конечно с приговором различных заклинаний. Пропала ли у монгола скотина, потерялась ли трубка или огниво — он тотчас же бежит к гадалщику, чтобы узнать, где искать потерянное. Нужно номаду ехать в дорогу — он непременно гадает о благополучии пути; наступит засуха — целый хошун зовет к себе шамана и платит большие деньги, чтобы он заставил небо бросить на землю благотворную влагу; схватит вдруг монгола какая-нибудь крутая болезнь — вместо медицинской помощи к нему является лама отчитывать чертей, будто бы забравшихся в грешное тело больного.

Десятки, сотни раз убеждается номад в обмане своих гадалщиков и колдунов, но его детская вера в их могущество не колеблется. Один удачный случай — и все предшествовавшие ошибки предсказателя забыты; он попрежнему слывет пророком. Притом же мудрецы этого рода обыкновенно такие выжиги, что легко умеют заранее выпытать все, что им нужно знать для своей профессии. Многие из них так часто обманывают других, что наконец начинают сами искренно верить в свою сверхъестественную силу.

По смерти монгола труп его обыкновенно выбрасывается в поле, на съедение птицам и зверям. Ламы определяют при этом, в какую сторону света покойник должен быть положен головой. Трупы князей, гыгенов

и важных лам закапываются в землю, закладываются камнями или, наконец, сжигаются. Поминовение умершего производится ламами, за известное вознаграждение, в течение 40 дней. Бедные, не имеющие возможности заплатить ламе, лишаются подобной чести, но зато богатые отдают иногда большое количество скота по разным кумирням, и там поминовение их умершего родственника продолжается 2—3 года.

Подчинив своей власти почти всю Монголию¹ в конце XVII века, китайцы оставили в ней прежнее удельное устройство, но организовали его в более правильную систему и, сохранив полную самостоятельность князей в делах внутреннего управления, поставили их в то же время под строгий надзор пекинского правительства. Здесь в Министерстве внешних сношений (Ли-фань-юань) сосредоточиваются все дела, касающиеся описываемой страны, и важнейшие из них идут на решение богдохана. В административном отношении Монголия имеет военно-территориальное устройство и разделяется на уделы или княжества, называемые аймаками². Каждый аймак состоит из одного или нескольких хошунов, то есть знамен, которые делятся также на полки, эскадроны и десятки. Как аймаки, так и хошуны управляются наследственными князьями, которые признают себя вассалами китайского богдохана и лишены права вступать в какие-либо внешние сношения помимо Пекина.

Ближайшими помощниками хошунного князя в делах внутреннего управления служат тосалакчи, звание которых наследственно; таких тосалакчи в хошуне бывает один, два или четыре. Хошунный князь — вместе с тем и начальник войск своего знамени; при нем находятся два помощника (мэйрен-чжан-гин), а в каждом полку — полковник (чжалан-чжангин)⁽⁴¹⁾ и эскадронные командиры (сомун-чжангин)³. Войсками всех хошунов одного аймака заведует особый дзянь-дзюнь из монгольских князей.

Хошунные князья обязаны ежегодно собираться на сейм (чулхань)⁴. Председателем такого сейма назначается, по выбору, который-либо из князей и утверждается в своем звании богдоханом. На подобных сеймах решаются лишь дела внутреннего управления; сеймы подчинены ведению губернаторов ближайших провинций Китая⁵.

¹ По географическому своему положению нынешняя Монголия занимает пространство от верховьев Иртыша на западе до Маньчжурии на востоке и от сибирской границы на севере до Великой стены и магометанских земель по Тянь-шаню на юге. Впрочем, южная граница переходит Великую стену и в бассейне озера Куку-нор, глубокой излучиной вдается к югу.

² Северная Монголия, т. е. Халха, состоит из 4 аймаков, в которых 86 хошунов; Внутренняя и Восточная Монголия с Ордосом содержат 25 аймаков, разделенных на 51 хошун; земля цахаров разделяется на 8 знамен; Ала-шань образует один аймак с 3 хошунами; Куку-нор с Цайдамом заключают 5 аймаков с 29 хошунами. Западная Монголия, или так называемая Чжунгария [Джунгария], содержит 4 аймака с 32 хошунами, но так как монголов здесь немного, сравнительно с китайскими переселенцами, то эта страна была, до дунганского восстания, разделена на 7 военных округов. Аймак Урянхов делится на 17 хошунов. Подробные сведения об административном разделении Монголии можно найти у *Иакинфа*. Статистическое описание Китайской империи [1842], ч. II, стр. 88—112, и у *Тимковского*. Путешествие в Китай [1824], ч. III, стр. 228—287. Из этих двух источников почерпнуты мною сведения относительно разделения и управления Монголии; разузнать об этом самому, во время путешествия, было невозможно.

³ В каждой эскадроне полагается два офицера, шесть урядников и 150 рядовых.

⁴ Сверх того сеймы созываются в экстренных случаях.

⁵ Так например, губернатор в Куку-хото [по-китайски Гуйсуй] заведует Ордосом, западным Тумытом и другими ближайшими аймаками Монголии; губернатору города Синина (в провинции Гань-су) подчинен весь Куку-нор с Цайдамом, два западных аймака Халхи, подведомственные улясутайскому дзянь-дзюню, и т. д.

Некоторые местности Монголии, соседние к собственно Китаю, преобразованы совершенно на китайский образец. Таковы суть: область Чен-ду-фу за Великой стеной, к северу от Пекина; аймак Цахар (Чахар) к северо-западу от Калгана и область Гуй-хуа-чен (Куку-хото), лежащая еще западнее к северному повороту Желтой реки. Кроме того Западная Монголия (Чжунгария) до дунганского восстания разделялась на семь военных округов¹, управлявшихся по особому положению⁽⁴²⁾.

Княжеские достоинства в Монголии разделяются на шесть степеней, в следующем порядке: хан, цинь-ван, цзянь-ван, бэйлэ, бэйзэ и гун⁽⁴³⁾. Кроме того существуют владетельные цзасак-тайцзи (джасак-тайджи)². Большая часть владетельных князей ведет свой род от Чингис-хана. Княжеский титул наследует только старший сын от законного брака по достижении 19 лет и с утверждения богдохана. При неимении законных сыновей князь может передать свой титул одному из побочных детей или ближайшему родственнику; на это также испрашивается разрешение императора. Остальные дети князей поступают в сословие дворян — тайцзи, разделенных на четыре класса⁽⁴⁴⁾. Таким образом число князей в Монголии не увеличивается (всех их около 200), но зато число дворян растет с каждым годом.

Князья, как сказано выше, не имеют никаких политических прав и состоят в полном подчинении пекинскому правительству, которое зорко блюдет за всеми их действиями. Все эти князья состоят на жалованье богдохана³, от которого также зависит повышение их из одной степени в другую. Кроме того за некоторых из монгольских князей выдают принцесс императорского двора⁴ для того, чтобы родственными узами более укрепить подчинение номадов власти Небесной империи. Каждый князь, однажды в 3 или 4 года, обязан являться в Пекин к новому году для поздравления богдохана. При этом князь должен представить в виде дани подарки, заключающиеся, главным образом, в верблюдах и лошадях. В ответ на это он получает подарки (серебро, шелковые материи, одежды, шапки с павлиньими перьями и пр.), всегда гораздо более ценные. Вообще владение Монголией требует ежегодно значительных затрат со стороны Китая⁵, но зато оно обеспечивает Срединное государство от возможных вторжений беспокойных номадов.

Число жителей в Монголии не определено с точностью: Иакинф полагает его в 3 миллиона, Тимковский — только в 2. Во всяком случае население крайне незначительно, в сравнении с обширностью самой страны,

¹ Из них два — Урумцы и Баркюль [Урумчи и Баркуль] — относились к провинции Гань-су.

² Название «цзасак» означает в Монголии каждого владетельного князя [князь — правитель].

³ Князь 1-й степ. получает ежегодно 2 000 лан серебром и 25 кусков шелковой материи

» 2-й	»	»	»	1 200	»	15	»	»	»
» 3-й	»	»	»	800	»	13	»	»	»
» 4-й	»	»	»	500	»	10	»	»	»
» 5-й	»	»	»	300	»	9	»	»	»
» 6-й	»	»	»	200	»	7	»	»	»
Тзасак-тайцзи	»	»	»	100	»	4	»	»	»

⁴ Эти царевны также получают определенное жалованье от Пекинского двора; им дозволяется приезжать в Пекин только однажды в 10 лет.

⁵ Одно жалованье князей стоит ежегодно 120 000 лан серебра и 3 500 кусков шелковых тканей.

но иначе и быть не может, принимая во внимание условия кочевого быта и бесплодие большей части монгольских пустынь. Приращение населения, по всему вероятно, также идет чрезвычайно туго, чему причиной безбрачие лам и различные болезни (сифилис, оспа, тиф), иногда свирепствующие между номадами⁽⁴⁵⁾.

Сословия монгольского народа составляют: князья, дворяне (тайцзи), духовенство и простолюдины. Первые три класса пользуются всеми правами: простолюдины суть полусвободные военные поселяне, которые отбывают земские повинности и военную службу.

Монгольские законы заключаются в особом Уложении, изданном китайским правительством. Этим Уложением должны руководствоваться все князья в делах своего управления; маловажные дела решаются согласно обычаям, существующим издревле. Система наказаний основана на денежных штрафах, далее следует ссылка; уголовные преступления и крупное воровство иногда наказываются смертью; телесное наказание существует для простолюдинов, а также для разжалованных по суду дворян и чиновников. Подкуп, взяточничество и другие злоупотребления, как в администрации, так и в судопроизводстве, развиты до крайней степени.

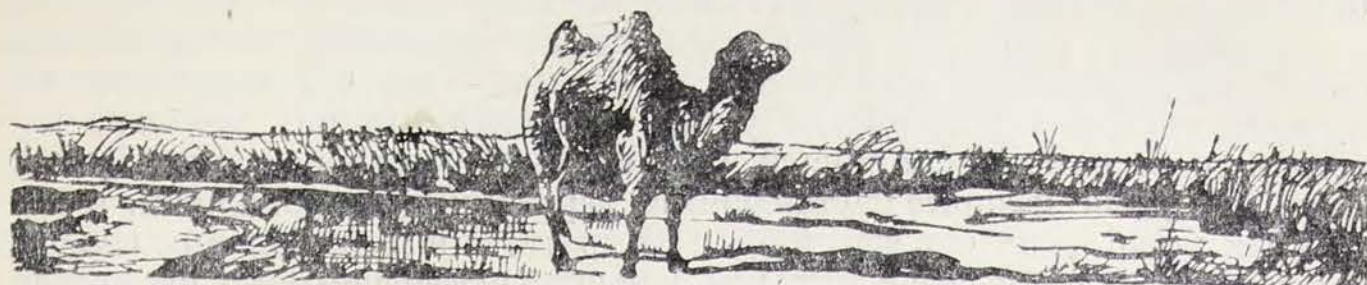
Подати народ платит только своим князьям со скота; в экстренных случаях (например при поездке князя в Пекин, или на сейм, женитьбе его детей, переноске стойбища и пр.) делаются особые сборы⁽⁴⁶⁾. Китаю монголы не платят никаких податей и только отбывают военную повинность, от которой духовенство освобождено. Войско состоит исключительно из кавалерии. Каждые 150 семейств образуют эскадрон¹; шесть таких эскадронов составляют полк; полки одного хошуна образуют знамя. Снаряжение воины должны делать на свой счет, но оружие получают от казны². При полном призыве людей на службу Монголия должна выставить 284 000 человек, но в сущности едва ли соберется скоро и десятая часть. Аймачные дзян-дзюни обязаны делать смотры и поверять исправность оружия, но все это заменяется обыкновенно взятками с каждого хошуна. Китайскому правительству подобное явление отчасти и на-руку, так как оно показывает, что прежний воинственный дух номадов с каждым годом все более и более дряхлеет⁽⁴⁷⁾.

¹ Воинская повинность обязательна для мужчин 18—60-летнего возраста; из трех мужчин в семье один увольняется от военной службы.

² Вооружение до крайности плохо. Оно состоит из длинных пик, сабель, луков и фитильных ружей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА МОНГОЛЬСКОГО НАГОРЬЯ

[25 февраля (9 марта)—24 апреля (6 мая) 1871 года]

Снаряжение экспедиции в Пекине. — Скучность наших денежных средств. — Затруднения с китайскими пеньгами. — Характер монгольской горной окраины к северу от Пекина. — Город Доло-н-нор. — Песчаные холмы Гучин-гурбу. — Травяной пожар. — Озеро Далай-нор. — Производство съемки. — Путь от Доло-нора в Калган. — Богдоханские пастбища. — Климат весны. — Описание верблюда.

Пекин, или, как его называют китайцы, Бэй-цзин¹, был исходным пунктом нашего путешествия. Здесь мы нашли самое радушное гостеприимство со стороны наших соотечественников, членов дипломатической и духовной миссий, и прожили почти два месяца, снаряжаясь в предстоящую экспедицию. Знакомство мое с Пекином очень не велико. Обширность города, чуждый европейцу и оригинальный быт китайцев, наконец, незнание их языка — все это было причиной того, что я не мог познакомиться в подробности со всеми достопримечательностями столицы Небесной империи. Скажу откровенно, что на меня лично она произвела крайне неприятное впечатление. Да и едва ли может понравиться свежему человеку город, в котором помойные ямы и толпы голых нищих² составляют необходимую принадлежность самых лучших улиц. Прибавьте к этому нахальную назойливость китайцев и кличку «ян-гуйза», с приложением часто других ругательств, и вы можете себе представить, насколько приятны для европейца прогулки по улицам богдоханской столицы. К довершению прелестей здесь сплошь и рядом можно видеть китайцев, занятых «необходимым делом», и собирателей помета, расхаживающих с корзинками в руках.

¹ Слово «Бэй-цзин» по-китайски означает «Северная столица». По южно-китайскому произношению оно выговаривается «Бэ-гин»; отсюда, вероятно, европейцы и переделали «Пекин».

² Говорят, число нищих в Пекине простирается до 40 000; они имеют своего главного начальника (короля), который облагает известными поборами все лавки в городе.

Вонь в городе невообразимая; улицы если иногда и поливаются, то обыкновенно из помойных ям, куда стекают все нечистоты.

Глиняные стены, за которыми помещаются жилые фанзы, да ряды лавок, разукрашенных всевозможным образом, — вот что составляет наружную обстановку пекинских улиц; главнейшие из них довольно широки и проведены прямой линией. Освещение города производится бумажными фонарями, которые поставлены на деревянных треножниках, в расстоянии нескольких сот шагов один от другого; в этих фонарях изредка зажигаются сальные свечи. Впрочем, в ночном освещении здесь нет особенной надобности, так как китайцы обыкновенно оканчивают все свои уличные дела к закату солнца, так что с наступлением сумерек почти никого не видно даже в самых многолюдных частях города.

Весь Пекин состоит из двух частей: Внутреннего города (Нэй-чен), где находится императорский дворец, и Внешнего (Вай-чен), который по величине гораздо менее первого¹. Каждая из этих частей богдоханской столицы обнесена глиняной зубчатой стеной, которая во Внутреннем городе имеет более 20 верст в окружности, при высоте в 33 фута [10 м] и толщине около 60 футов [18 м]; в ней сделано девять ворот, которые запираются по закату солнца и открываются с его восходом. Стена Внешнего города имеет в окружности только 15 верст [16 км] и семь ворот; в ней, равно как в первой стене, устроены башни на известном расстоянии одна от другой².

Помещения пяти иностранных посольств³, пребывающих в Пекине, расположены вместе, в одном квартале южной части Внутреннего города, близ ворот Цянь-мынь. Наша духовная миссия помещается в так называемом Северном подворье (Бей-гуань)⁴, в северо-восточном углу городской стены. Сверх того во Внутреннем городе находятся католические храмы⁵, несколько помещений протестантских миссионеров и таможня. Вот и все обиталища европейцев в Пекине; купцы — как наши, так и иностранные — по трактату не могут открывать здесь свою торговлю.

Не легко было нам снаряжаться в предстоящий путь. Воспользоваться чьим-либо советом в данном случае мы не могли, так как никто из наличных европейцев, пребывавших в то время в Пекине, не переступал за Великую стену в западном направлении. Мы же стремились попасть на северный изгиб Желтой реки [Хуан-хэ], в Ордос и далее, к озеру Куку-нор — словом, в страны, почти совершенно неведомые для европейцев. При таких обстоятельствах пришлось угадывать чутьем всю необходимую обстановку экспедиции и самый способ путешествия.

Зимний переезд от Кяхты до Пекина, равно как дальнейшее пребывание в этом городе убедили меня, что путешествие в застенных владе-

¹ Названия «Внутренний» и «Внешний» город неправильны, так как оба они лежат рядом, но не заключают в себе один другого. Богдоханский дворец находится собственно в императорском городе (Хуан-чен), который лежит в середине Внутреннего. Подробное описание столицы Небесной империи и всех ее достопримечательностей находится в переводном с китайского сочинении монаха *Иакинфа*. Описание Пекина, 1829 г.

² Весь Пекин, не считая предместий, имеет в окружности около 30 верст (58 ли, каждая ли — 267,75 русской сажени). Цифра его населения неизвестна, но, по всему вероятно, не слишком велика, так как в самом городе много развалин и пустопорожних мест.

³ Русского, английского, французского, германского и американского.

⁴ Южное наше подворье, где находится дипломатическая миссия, называется «Юань-гуань».

⁵ Бэй-тан, Си-тан и Дун-тан.

ниях Китая может быть успешным только при полной независимости путешественника, его спутников и вьючных животных от местного населения, враждебно смотрящего на всякие попытки европейцев проникнуть во внутренние области Небесной империи. Напрасно искали мы в Пекине монгола или китайца, который согласился бы сопутствовать нам в предстоящем странствовании. Большая денежная плата, обещание награды в случае благополучного исхода пути и другие приманки в этом роде не могли победить подозрительности и трусости китайцев и монголов, иногда соглашавшихся идти за хорошие деньги, но потом один за другим отказывавшихся от своего обещания. Видя полную невозможность отправиться в далекую экспедицию, мы решили купить верблюдов и управляться с ними самим с двумя казаками, которые должны были сопутствовать нам в путешествии.

На первый раз мы приобрели семь вьючных верблюдов и две верховые лошади. Далее следовало снарядить багаж и запастись всем необходимым хотя на один год, так как мы не надеялись попасть прямо на Куку-нор, но рассчитывали в течение первого года исследовать местности по среднему течению Желтой реки и затем возвратиться в Пекин. Заготовленный багаж состоял главным образом из оружия и охотничьих снарядов. Те и другие весили очень много, но это была статья первостепенной важности, так как, независимо от стрельбы птиц и зверей для препарирования из них чучел, охота должна была служить — и действительно служила — единственным источником нашего пропитания в местностях, опустошенных дунганами, или в тех, где китайское население не хотело продавать нам съестных припасов, думая выпроводить от себя непрошенных гостей голодом. Кроме того оружие служило нам личной защитой от разбойников, которых впрочем мы ни разу не видали в течение всего первого путешествия. Весьма вероятно, это и случилось именно потому, что мы были хорошо вооружены. Поговорка: «если желаешь жить в мире, то будь готов к войне» и здесь нашла свое правдивое применение.

Вторую половину нашего багажа составляли все необходимые принадлежности для препарирования чучел и сушения растений, как-то: пропускная бумага, доски для прессования, пакля для набивки чучел, гипс, квасцы и прочее и прочее. Все это было уложено в четыре больших ящика, которые сильно давили спину верблюдам, но были крайне необходимы для укладки чучел и высушенных растений. Наконец, я купил рублей на 300 различных мелочных товаров с тем, чтобы разыгрывать роль купца. Однако впоследствии оказалось, что эти товары были только лишней обузой; торговля ими сильно тормозила научные исследования и не могла служить достаточной ширмой наших истинных целей. Личный наш запас продовольствия состоял из ящика коньяку, пуда сахару и двух мешков с просом и рисом; мясо надеялись добывать охотой.

Малое количество запасов для личного употребления обуславливалось скудостью тех денежных средств, которыми располагала экспедиция. На первый год путешествия было ассигновано от Военного министерства, Географического общества и Петербургского ботанического сада в общей сложности 2 500 рублей, считая в том числе и мое жалованье; на второй и третий годы была сделана прибавка, и на экспедицию отпускалось 3 500 рублей. Мой спутник подпоручик Пыльцов получал в первый год 300 рублей, а во второй и третий — по 600. Я говорю откровенно о денежных средствах экспедиции именно потому, что скудость этих средств как нельзя более тормозила самый успех дела. Так, например, платя каждому из

своих казаков по 200 рублей в год звонкой монетой, на готовом содержании, я не мог взять с собой более двух человек, и через то должен был, вместе с своим товарищем, вьючить верблюдов, пасти их, собирать на топливо аргал и так далее, словом — исполнять все черные работы экспедиции; при лучших условиях это время могло быть посвящено научным исследованиям. Далее, я не мог взять переводчика монгольского языка, который специально знал бы только свое дело и был бы, конечно, крайне полезен во многих случаях. Мой казак-переводчик был в то же время и работник, и пастух, и повар, словом — беспрестанно исполнял то ту, то другую работу и только урывками мог служить своему прямому назначению. Наконец, наше нищенство было причиной того, что во время путешествия мы не один раз голодали, не имея возможности добыть охотой или заплатить двойную цену за барана, которого нам иначе не хотели продавать. По возвращении в Пекин, после первого путешествия, я с улыбкой слушал вопрос одного из членов иностранных посольств, когда он интересовался знать, каким образом мы перевозим с собой в экспедиции большой груз серебра, так как золото вовсе не ходит в Монголии. Что бы подумал этот самый господин, если бы он знал, что, уходя из Пекина на целый год, мы имели в наличности только 230 лан, то есть 460 рублей?

К довершению затруднений даже те деньги, которые следовали на экспедицию, были выданы мне не сполна, но должны были высылаться в Пекин по полугодиям от Военного министерства и за год вперед от Географического общества и Ботанического сада. Обязательное содействие генерала Влангали вывело нас из столь критического положения, и я получил взаимобразно, из сумм миссии, деньги за год вперед; а при отправлении во второе путешествие даже более (48).

Наши серебряные рубли в Пекине промениваются средним числом по два на один лан китайского серебра. Нужно заметить, что в Китае не существует определенной монеты, за исключением самой мелкой, так называемых «чох», сделанных из сплава меди с цинком; серебро же везде принимается по весу и качеству. Единицей веса служит лан, который приблизительно равняется 8,7 нашего золотника [37,1 г]¹; десятая доля лана называется цян, а десятая часть цяна — фын; 16 лан составляют гин. Вес лана бывает тройкий: казенный, рыночный и малый. Лучшим серебром считается «ямбовое», то есть то, из которого отливаются ступкообразные слитки (ямбы), каждый весом около 50 лан. На таких слитках выбивается казенное клеймо или клеймо той торговой фирмы, где отлита ямба. В ямбах всего реже можно встретить свинец или чугун, которые иногда вкладываются в более мелкие куски серебра. Для розничной платы ямбы или вообще серебро разрубается на куски большей или меньшей величины, смотря по надобности.

Отвешивание серебра производится в большой торговле на весах с двумя чашками и коромыслом, в мелкой же продаже или покупке серебро взвешивается на особых весах, имеющих форму нашего безмена. При таких отвешиваниях напрактиковавшийся китаец непременно обвесит вас, придавая коромыслу безмена известное положение, смотря по тому, приходится ли получать или отдавать серебро. Качеством последнего вас также непременно обманут, в особенности если серебро получается мелкими кусками, среди которых всегда окажется несколько кусочков плохого металла.

¹ Средним числом 11 лан составляют наш фунт [409,5 г].

При этом необходимо знать, что мелкие расплаты обыкновенно производятся чохами¹, которые до того тяжелы, что на наш серебряный рубль этой монеты приходится средним числом 8 фунтов [3,28 кг]. Понятно, что нет никакой возможности запастись такими деньгами в достаточном количестве², но всегда необходимо менять по мелочам. Затруднения еще более увеличиваются тем обстоятельством, что в Китае не только каждый город, но часто даже местечко имеют свой собственный счет денег. Так например, есть местности, где 30 чох считаются за 100, или 50, 78, 80, 92, 98 за 100; словом, нужно долго трудиться, чтобы выдумать подобную галиматью, которая может существовать разве только в Небесной империи. Впрочем, подобный счет не исключает и правильного, когда каждая монета считается одна за одну. Такой счет называется монголами «манчан»; другой же, то есть неправильный, «дзелен». При покупке чего-либо всегда необходимо знать, каким образом производится плата манчаном или дзеленом, иначе разница стоимости вещи выходит очень значительная.

Если прибавить ко всему этому разницу меры и веса для различных местностей Китая, то можно себе представить, каким обманам и притеснениям подвергается путешественник, даже при самых ничтожных покупках. Чтобы избежать неприятностей при отвешивании серебра, и притом соблюсти известную экономию в своих денежных средствах, я купил средние веса (рыночные), но они почти всегда оказывались недостаточными, между тем как при получениях обыкновенно нехватало до истинного веса. Размен серебра на чохи также всегда приносил большие убытки, так как часто невозможно было узнать истинного курса серебра, который меняется чуть не с каждым десятком верст³. Словом, с первого до последнего рубля, истраченного нами в течение экспедиции, мы всегда платили не малый процент пронырству и плутовству местного населения и всегда были обчитываемы, обвешиваемы и обманываемы самым бессовестным образом.

Благодаря содействию нашего посланника мы получили от китайского правительства паспорт на путешествие по всей Юго-восточной Монголии до Гань-су и, окончив свои сборы, выступили 25 февраля из Пекина. Горячими пожеланиями счастья и успеха напутствовали нас пекинские соотечественники, среди которых нам так уютно жилось почти два месяца. Теперь обстановка круто переменилась: неотразимое настоящее сурово звало нас к себе и рисовало впереди то радостную надежду успеха, то робкое сомнение в возможности достигнуть желанной цели...

Кроме казака, привезенного из Кяхты, с нами теперь был командирован еще казак, из числа состоящих при нашем пекинском посольстве. Как тот, так и другой могли оставаться при нас только временно и должны были замениться двумя новыми казаками, назначенными в нашу экспедицию, но еще не прибывшими из Кяхты. При таких обстоятельствах мы не могли сразу пуститься вглубь Монголии, но предприняли сначала исследование тех местностей этой страны, которые лежат на север от Пекина к

¹ Для удобства счета чохи связываются по 500 штук на нитки, которые продаются в квадратные отверстия, сделанные в каждой из этих монеток.

² Вес чох, полученных на 100 рублей, равняется 20 пудам; следовательно, составляет груз на трех верблюдов, которые сами стоят 240 рублей, не считая необходимого к ним погонщика.

³ Так например, в Пекине на лан серебра дают 1 500 чох, считая одна за одну; в Долон-норе — 1 600; в Калгане — 1 800; в Даджине (в Гань-су) — 2 900, а в Донкыре (также в Гань-су) — 5 000. Громадная разница в двух последних городах, вероятно, временная, и зависит от безмерного возвышения цен на все вообще предметы в этих местах после дунганского разорения.

городу Долон-нор. Здесь мне хотелось: во-первых, познакомиться с характером горной окраины, окаймляющей, как и у Калгана, Монгольское плато, во-вторых, наблюдать весенний пролет птиц. Для последней цели удобным пунктом могло служить озеро Далай-нор, лежащее на Монгольском нагорье в 150 верстах к северу от города Долон-нор. С берегов этого озера мы предполагали спуститься опять на юг до Калгана, заменить здесь своих казаков новыми, которые должны были прибыть в непродолжительном времени, и затем уже двинуться в западном направлении, к северному изгибу Хуан-хэ. Чтобы облегчить свой груз, мы отправили часть багажа прямо в Калган, а с собой взяли только самое необходимое на два месяца. Проводника монгола или китайца не могли найти даже на столь короткое время, а потому двинулись в путь лишь вчетвером.

Первоначально мы направились на город Гу-бей-коу, который замыкает собой проход через Великую стену¹ и лежит в 115 верстах к северу от столицы Небесной империи. Местность сначала несет прежний характер равнины, сплошь покрытой деревнями и орошаемой рекой Бай-хэ, а потом ее притоком Чао-хэ; по дороге попадаются местечки и небольшие города.

На второй день пути горы, до сих пор видневшиеся вдали на горизонте, стали ближе подходить к нашей дороге, и наконец, верст за 20 от Гу-бей-коу, начались предгорья окраинного хребта. Этот последний имеет здесь несколько иной характер, чем у Калгана. Обе ветви западной горной окраины — калганская и нанькоуская, направляясь к Гу-бей-коу, сливаются в один широкий горный массив, который служит попрежнему наружной оградой высокого плато Монголии к равнинам собственно Китая.

Гу-бей-коу не велик и обнесен с трех сторон глиняным валом, а с четвертой примыкает к Великой стене. Не доходя двух верст до города выстроен глиняный форт, запирающий к стороне Пекина дорогу через небольшое, но довольно узкое ущелье. Собственно горы в своем полном развитии начинаются по северную сторону Гу-бей-коу.

Несмотря на конец февраля, в Пекинской равнине уже стояла превосходная весенняя погода. Днем бывало даже жарко и термометр в полдень в тени поднимался до $+14^{\circ}$ С. Река Бай-хэ очистилась от льда и по ней плавали пролетные стада уток — *Anas rutila*, *A. boschas* [утка красная — *Tadorna feruginea*, и кряква — *Anas platyrhynchos*] и крахалей — *Mergus merganser* и *M. serrator* (большой и длинноносый). Эти птицы, вместе с другими водными и голенастыми, в конце февраля и в начале марта появляются большими стадами не только возле Пекина, но даже и возле Калгана, где климат заметно суровее. Не решаясь пуститься на север, до которого в это время еще не коснулось благодатное дыхание весны, пролетные гости держатся по заливным полям, орошаемым тогда китайскими земледельцами. В хорошее, ясное утро нетерпеливые стада пробуют летать на нагорье, но, застигнутые холодом и непогодой, снова возвращаются в теплые равнины, где с каждым днем умножается число пернатых переселенцев. Наконец, желанный час наступает. Согрелись немного пустыни Монголии, начали таять льды Сибири — и стадо за стадом спешит бросить тесную чужбину и понестись на родной, далекий север...

От Гу-бей-коу, по направлению к городу Долон-нор, горная окраина имеет в ширину около 150 верст [160 км] и состоит из нескольких парал-

¹ Между Калганом и Гу-бей-коу есть еще один проход через Великую стену; его запирает крепость (если только можно назвать этим именем квадратную глиняную стену) Ду-ши-коу.

лельных цепей, которые тянутся с запада на восток. В общем все эти горы достигают лишь средней высоты¹, хотя часто принимают альпийский характер. Долины между ними обыкновенно узки (0,5—1 верста) и местами превращаются в ущелья, запертые высокими скалами гнейса и гранулита. Небольшие ручьи встречаются довольно часто, но значительная речка по нашему пути была только одна — Шанду-гол или Лу-ан-хэ. Она вытекает из окраинного хребта Монгольского нагорья на северном его склоне, обтекает кругом город Долон-нор, а затем прорывает всю горную окраину и выходит в равнину собственно Китая⁽⁵⁰⁾.

Крутые горные скаты везде покрыты густой травой, а далее, внутрь окраины, — кустарниками и лесами. Последние состоят из дуба, черной или реже белой березы, осины, сосны и изредка ели², по долинам растут ильмы и тополи. Среди кустарных пород чаще всего встречаются: дуб с непадающими листьями, рододендрон, дикий персик, шиповник, изредка леспедеца и грецкий орех. Леса растут только по северную сторону реки Луан-хэ и тянутся отсюда на восток к городу Жэ-хэ [Чэндэ], летней резиденции богдохана. Все эти леса составляют заповедные облавные места, в которых охотились прежние китайские императоры, но эти охоты прекратились с тех пор, как в 1820 году богдохан Кя-кин [Цзяцин] был убит во время облавы. В настоящее время заповедные леса сильно истребляются, несмотря на охранительную стражу. По крайней мере в том месте, где мы проходили, лишь изредка можно было увидеть большое дерево, а множество пней свидетельствовали о недавних и сильных порубках.

Из зверей мы видели только косуль — *Cervus pygargus* [*Capreolus pygargus*], хотя, по словам местных жителей, здесь водятся олени, изюбри и тигры. Из птиц везде множество фазанов — *Phasianus torquatus*, куропаток — *Perdix barbata*, *P. chukar* [серая куропатка — *P. daurica* и каменная — *Alectorix kakelik*] и каменных голубей [*Columba rupestris*]; реже встречаются дятлы — *Picus sp.*, стрелатки — *Emberiza cioides* [красноухая овсянка] и *Pterorhinus davidii* [*Janthocinkla d.*]. Вообще в орнитологической фауне мы нашли не особенное разнообразие, но это быть может потому, что многие виды еще не прилетели в то время.

В административном отношении описываемая окраина составляет округ Чень-ду-фу и причисляется к губернии Чжи-ли [ныне провинция Хэбэй]. Хотя эти местности лежат за Великой стеной, следовательно вне пределов собственно Китая⁽⁵¹⁾, но китайское население здесь исключительно преобладает: монголов нет ни одного человека. Все горные долины покрыты деревнями или отдельными фанзами³, среди которых расстилаются обработанные поля. Однако здешние узкие долины не представляют удобного местожительства, и среди населения сильно распространен зоб, так что очень часто можно встретить обезображенных этой болезнью.

По дороге нам часто попадались транспорты на подводах, ослах, а частью и верблюдах, которые везли в Пекин рис и просо; кроме того туда же гнали большие стада свиней — любимого мяса китайцев.

¹ Здесь нигде нет особенно выдающихся вершин, а тем более вечноснеговой горы Пе-ча, о которой упоминают миссионеры Жербильон и Фербиет [Вербиет], а за ними и Риттер. Впрочем опровержение существования этой горы, достигающей, по словам вышеназванных миссионеров, 15 000 футов [4 570 м] абсолютной высоты, сделано еще в 1856 году, нашими учеными Васильевым и Семеновым. См. Землеведение Азии, Риттера, пер. Семенова, ч. 1, стр. 292—295⁽⁴⁹⁾.

² Еще реже встречается низкорослая липа.

³ Городов, как в Китае, здесь нет, и нам встретились только два местечка: Пу-нин-ша и Гас-джи-тун.

По мере удаления от равнин Китая климат делался заметно холоднее, так что на восходе солнца термометр падал иногда до -14°C . Однако днем, в тихую погоду, было довольно тепло и снегу уже нигде не было, за исключением лишь северных склонов более высоких горных вершин.

Абсолютное поднятие описываемой горной окраины идет постепенно и равномерно. Гу-бэй-коу, расположенный на южной стороне гор, поднят над уровнем моря лишь на 700 футов [213 м], а город Долон-нор имеет 4 000 футов [1 219 м] абсолютной высоты. Последний лежит уже на высоком плато Монголии, которое тотчас же раскинулось перед нами, лишь только мы вышли из гор окраины. Резкой каймой этой последней с монгольской стороны служит высокий альпийский хребет, который, по словам местных жителей, потянулся отсюда далеко на север. По всему вероятно, это и есть Большой Хинган, отделяющий Маньчжурию от Монголии. Там, где мы перешли названный хребет, он вполне развивается лишь в горной окраине, но к стороне Монголии дикие горы вдруг меняют свою физиономию и превращаются в невысокие, куполообразные холмы. Также резко изменяется здесь и характер природы: деревья и кустарники вдруг исчезают; не видно уже более ни скал, ни высоких горных вершин. Взамен всего этого раскидывается холмистая степь, и на ней являются характерные животные монгольских равнин: пищуха, дзерен и монгольский жаворонок.

17 марта мы пришли в город Долон-нор, который, по сделанному мной наблюдению высоты Полярной звезды, лежит под $42^{\circ}16'$ северной широты. Сопровождаемые толпою любопытных зевак, мы долго ходили по улицам города, отыскивая гостиницу, в которой можно было бы остановиться, однако нас нигде не пустили, отговариваясь тем, что нет свободного места. Истомленные большим переходом и промерзшие до костей, мы решились наконец воспользоваться советом одного монгола и отправились просить пристанища в монгольской кумирне. Здесь нас приняли радушно и отвели нам фанзу, в которой мы могли наконец согреться и отдохнуть.

Долон-нор, или, как его называют китайцы, Лама-мяо¹, составляет, вместе с Калганом и Куку-хото, важный пункт торговли Китая с Монголией. Монголы гонят сюда на продажу скот, везут шерсть и шкуры, а китайцы привозят для тех же монголов кирпичный чай, табак, бумажные и шелковые материи. Описываемый город не имеет стены и расположен в бесплодной песчаной равнине на берегу небольшой речки Уртын-гол, впадающей в Шанду-гол. Сам город состоит из двух частей: китайской и монгольской, находящихся в расстоянии версты одна от другой. Китайский город имеет версты две в длину и около одной в ширину; население его довольно значительно, но улицы узки и грязны. Монгольская часть Долон-нора состоит из двух больших кумирен, расположенных невдалеке одна от другой и обстроенных кругом фанзами, в которых живут ламы—до 2 тысяч человек. Впрочем, число это значительно увеличивается летом, с приходом различных богомольцев. При кумирнях находится училище для мальчиков, предназначенных впоследствии быть ламами.

Наибольшую достопримечательность Долон-нора составляет отливка различных богов и других принадлежностей кумирен, не только для всей Монголии, но даже отчасти и для Тибета. Статуи идолов, приготовляемые из бронзы или чугуна, бывают различной величины и формы. Отделка

¹ Китайское название «Лама-мяо» означает в переводе: «монастырь ламы», а монгольское имя «Долон-нор» означает: «семь озер», которые действительно находились когда-то возле города; теперь они засыпаны песком.

их большей частью замечательно хороша по исполнению, в особенности если принять во внимание, что вся работа производится руками и притом одиночными мастеровыми или в отдельных фанзах.

Проведя в Долон-норе одни сутки, мы отправились на озеро Далай-нор, лежащее отсюда в 150 верстах к северу. Дорога вскоре переходит реку Шанду-гол, недалеко от которой нам встретились развалины старинного города, известные у монголов под именем Цаган-балгасу, что в переводе означает: «белые стены» [«балгас» применяется часто для обозначения города в развалинах]. От прежних построек здесь уцелела только одна невысокая (1,5—2 сажени вышины) кирпичная стена, сильно разрушенная временем. Эта стена имеет форму квадрата, и ею обнесена площадь около полуверсты в длину и сажень 100 в ширину; внутреннее пространство представляет собой луг, без всяких следов бывшего жилья. Местные монголы ничего не умели рассказать нам об этом памятнике прошлого.

Верстах в 40 от Долон-нора, мы вступили в пределы аймака Кэшиктэн¹. Начиная отсюда, вплоть до озера Далай-нор, тянутся песчаные холмы, известные у монголов под именем Гучин-гурбу, то есть тридцать три. Такое название имеет, вероятно, целью охарактеризовать бесчисленное множество этих холмов, которые достигают вышины футов 30, 50, иногда даже 100 [10—30 м] и без всякого порядка насажены один возле другого. Описываемые холмы большей частью состоят из песка, местами совершенно оголенного, чаще же покрытого травой или тальником; изредка попадаются здесь: дуб, липа, черная и белая береза. В зарослях этих деревьев водится множество лисиц и куропаток; в меньшем числе встречаются косули и волки. Местами выдаются небольшие долины, удобные для обработки, но по причине безводия этой местности монгольские кочевки попадают очень редко, хотя кое-где есть даже китайские деревни. Множество дорог, проложенных китайцами, приезжающими сюда из Долон-нора за дровами, пересекаются во всевозможных направлениях, так что без проводника очень легко сбиться с истинного пути. Это удовольствие испытали и мы в первый же день своего путешествия в холмах Гучин-гурбу. Ориентироваться здесь невозможно, так как вовсе нет резких контуров местности: взберешься на один холм, перед глазами торчат новые десятки таких же горок, сделанных как будто по одной мерке. По словам монголов пески Гучин-гурбу начинаются у верховьев реки Шара-мурени и тянутся верст на 80 [85 км] западнее озера Далай-нор.

Лишь только 25 марта мы пришли на берега этого озера, как в ту же ночь перед нами явилось великолепное зрелище травяного пожара. Хотя в горах окраины мы часто встречали подобные пожары, производимые в это время местными жителями для очистки сухой прошлогодней травы, но та картина, которую мы видели на Далай-норе, далеко превосходила все прежние своей грандиозностью.

Еще с вечера замелькал огонек на горизонте и спустя часа два-три он разросся громадной огненной линией, быстро подвигавшейся по широкой степной равнине. Небольшая гора, пришедшаяся как раз в середине пожара, вся залилась огнем, словно громадное освещенное здание, выдвигающееся из общей иллюминации. Затем представьте себе небо, окутанное облаками, но освещенное багровым заревом, бросающим вдоль своей

¹ Слово «Кэшиктэн» по-монгольски означает: «счастливый». Монголы объясняли нам, что их княжество получило такое название потому, что осталось последним при разделении Восточной Монголии на нынешние аймаки [кэшик — подарок, сюрприз, неожиданное счастье].

красноватый полусвет. Столбы дыма, извиваясь прихотливыми зигзагами и также освещенные пожаром, высоко поднимаются кверху и теряются там в неясных очертаниях. Широкое пространство впереди горящей полосы освещено довольно полно, а далее ночной мрак кажется еще гуще и непрозрачнее. На озере слышатся громкие крики птиц, встревоженных пожаром, но на горящей равнине все тихо и спокойно.

Озеро Далай-нор¹ лежит на северной окраине холмов Гучин-гурбу и по своей величине занимает первое место среди других озер Юго-восточной Монголии. Формой оно приближается к сплюснутому эллипсу, вытянутому большей осью от юго-запада к северо-востоку. Западный берег имеет несколько выдающихся заливов; очертание же других берегов почти совершенно ровное. Вода описываемого озера соленая, и, по словам местных жителей, оно очень глубоко, но этому едва ли можно верить, так как на расстоянии сотни и более шагов от берега глубина не превосходит 2—3 футов [до 1 м]. Окружность Далай-нора простирается до 60 верст [до 65 км], и в него впадают четыре небольшие речки: Шара-гол² и Гунгыргол с востока, Холэ-гол [Холай-гол] и Шурга-гол с запада. В озере водится много рыбы, из которой мы поймали только три вида: губача — *Diplophysa* sp. [*D. dalaica*, *D. intermedia*, *D. nasalis*, *D. costata*], головля — *Squalius* sp. [*S. mongolicus*] и колюшку — *Gasterosteus* [*G. stenurus*]³ (5²). Летом рыба в значительном количестве заходит в береговые речки, и для ее ловли на берега Далай-нора являются с ранней весны несколько сот китайцев, большей частью бездомных бродяг, которые живут здесь до глубокой осени.

Окрестности описываемого озера представляют солонцеватые равнины на востоке и севере и холмистые степи на западе; к южному берегу подходят холмы Гучин-гурбу, и здесь же лежит небольшая группа гор, у подошвы которой расположена кумирня Дархан-ула и китайская деревня. Жители этой последней занимаются исключительно торговлей с монголами, которые летом собираются сюда в большом числе для богослужения. Усердные верующие в это время покупают у китайцев, промысляющих рыболовством, живую рыбу и отпускают ее обратно в озеро, думая заслужить этим прощение грехов.

Абсолютная высота Далай-нора достигает 4 200 футов [1 280 м], а потому климат здесь столь же суровый, как и в остальной Монголии. В начале апреля едва показывались забереги и лед, достигающий 3 футов [0,9 м] толщины, растаивает здесь окончательно лишь в конце апреля или в начале мая.

Расположенное среди безводных степей Монголии, озеро Далай-нор служит великой станцией для пролетных птиц водяных и голенастых. Действительно, в конце марта мы нашли здесь множество уток⁴,

¹ То есть «озеро-море» в переводе монгольского названия.

² По словам монголов эта речка вытекает из озера Ганга-нор, которое лежит верстах в 20 к востоку от Далай-нора; при устье Шара-гола находится порядочное болото, единственное на Далай-норе.

³ Более поймать нам не удалось, так как озеро стояло еще замерзшим, а в речках рыбы было очень мало.

⁴ Из уток преобладали: *Anas boschas* [кряква—*Anas platyrhynchos*], *A. crecca* [чирок-свиистунок—*Querquedula crecca*], *A. glacialis* [чирок-клоктун—*Querquedula formosa*], *A. acuta* [шилохвость], *A. falcata* [касатка]; в меньшем числе встречались: *Anas rutila* [красная утка—*Tadorna feruginea*], *A. tadorna* [пеганка—*Tadorna t.*], *A. cyreata* [широконоска—*Spatula c.*], *A. roscilrhynchos* [черная кряква], *A. strepera* [серуха] и *Fuligula clangula* [гоголь—*Bucephala c.*].

Производство колес для монгольских телег

гусей¹ и лебедей². Крохали³, чайки⁴ и бакланы⁵ встречались в меньшем числе, равно как журавли⁶, цапли⁷, колпицы⁸ и шилоклювки⁹. Два последних вида, вместе с другими голенастыми, стали появляться лишь с начала апреля; хищных птиц было вообще мало¹⁰, равно как и мелких пташек.

Отлагая подробный рассказ о пролете и образе жизни этих птиц до специального орнитологического описания, которое будет помещено во втором томе настоящего сочинения, я скажу теперь только, что все вообще пролетные птицы сильно спешат перенестись через пустыни Монголии. Так, на Далай-норе в холодные бурные дни скоплялись огромнейшие стада гусей и уток, но лишь только выпадала хорошая погода, как озеро пустело до нового наплыва пернатых странников.

Сильные и холодные ветры, постоянно господствующие на Далай-норе, много мешали нашим охотничьим экскурсиям; однако, несмотря на это, мы столько били уток и гусей, что исключительно продовольствовались этими птицами. Иногда даже запас переполнялся через край и мы стреляли уже из одной охотничьей жадности; лебеди давались не так легко, и мы били их почти исключительно пулями из штуцеров⁽⁵³⁾.

После тринадцатидневного пребывания на берегах Далай-нора мы направились прежним путем в город Долон-нор, чтобы следовать отсюда в Калган. Холмы Гучин-гурбу, через которые нужно было вновь проходить, смотрели так же уныло, как и прежде, но их тишина теперь изредка нарушалась великолепным пением *Saxicola isabellina* [*Oenanthe is.*—каменка-плясунья]. Эта птица, свойственная всей Средней Азии, не только исполняет строфы своей собственной песни, но многое заимствует от других птиц и очень мило их передразнивает.

Производство глазомерной съемки, вследствие однообразия местности, было крайне затруднительно; впрочем эта работа представляла не мало трудностей и в течение всей экспедиции.

При исполнении съемки во время путешествия необходимо было всегда соблюдать, во-первых, точность самой работы, а во-вторых, держать это в секрете от местного населения. Оба условия были одинаково важны. Знай местный люд, в особенности китайцы, что я снимаю на карту их страну, затруднения нашего путешествия увеличились бы вдвое, и едва ли бы мы могли свободно пройти по густо населенным местностям. К великому счастью, в течение всех трех лет экспедиции я ни разу не был пойман с поличным, то есть с картой, и никто не знал, что я снимаю свой путь.

¹ Преобладал *Anser segetum* [видимо, малый гуменник—*A. serrirostris*]; в достаточном числе был *A. cinereus* [*A. anser*—серый гусь], редко *A. cygnoides* и *A. grandis* [*Cygnopsis cygnoides*—сухонос].

² *Cygnus musicus* и *C. olor* [лебедь-кликун—*C. cygnus* и лебедь-шипун]. Первый вид преобладал, хотя и второй являлся в достаточном числе.

³ *Mergus merganser* [большой крохаль], *M. albellus* [луток—*Mergellus a.*], *M. serrator* [длинноносый крохаль]—вообще немного.

⁴ *Larus ridibundus* [обыкновенная чайка].

⁵ *Phalacrocorax carbo*.

⁶ *Grus monachus* [черный журавль] и *Gr. leucauchen* [даурский журавль—*Gr. vipio*]; последний редок.

⁷ *Ardea cinerea* [цапля серая].

⁸ *Platalea leucorodia*.

⁹ *Recurvirostra avocetta*.

¹⁰ Из хищников чаще других встречались: *Milvus govinda* [черный коршун—*M. korschun*] и *Circus rufus* [камышовый лунь—*C. aeruginosus*].

Для производства съемки я имел буссоль Шмалькальдера, которую, как известно, всегда ставят на воткнутый в землю кол при визировании на данный предмет. При моих условиях делать это было невозможно, не возбудив подозрения, и потому, жертвуя меньшим большему, я решился вовсе не брать кола. Взамен его при визировании я всегда держал буссоль обеими руками перед своими глазами до тех пор, пока магнитная стрелка не устанавливалась как следует. В случае же, если эта стрелка продолжала долго колебаться в обе стороны, то я брал среднее число градусов между крайними величинами такого колебания. Расстояния всегда измерялись по часам, скоростью шага верблюда; масштаб работы был принят десять верст в английском дюйме¹ [1 : 420 000].

Съемка производилась мной во время пути и заносилась в небольшую записную книжку, которую я всегда носил в кармане и в нее записывал все замеченное в виду самого предмета. Такая аккуратность крайне необходима для всякого путешественника, которому ни в каком случае нельзя полагаться на память. Все записанное в карманной книжке в тот же день переносилось в дневники, а съемка — на разграфленные листы бумаги, тщательно прятавшиеся в один из сундуков.

Самый порядок работы был следующий: сделав визирование по направлению своего пути и заметив показание часов, я проводил в карманной книжке линию приблизительно в том же направлении, записывал в конце этой линии число показанных градусов и ставил здесь цифру, обозначающую номер засечки по порядку. Затем я следовал вместе с караваном, рисуя по бокам местность на глаз и засекая буссолью лишь наиболее важные предметы. Наконец, направление первоначального пути изменялось. Тогда я высчитывал по часам число пройденных верст², отмечал их в книжке против номера засечки и опять визировал по новому направлению. Последнее иногда трудно было правильно определить, в особенности, когда мы ходили без проводника. В таком случае я брал буссолью несколько направлений, записывал их градусы и отмечал впоследствии под номером засечки тот из них, по которому мы действительно шли.

Часто случалось, что я не мог сделать засечку в данном месте, так как на нас смотрели в это время китайцы или монголы; тогда я откладывал эту засечку до более удобного случая и делал ее назад, уже по пройденному пути. Иногда же в течение целого дня по местностям населенным нас сопровождал то тот, то другой из жителей; в таком случае я уезжал вперед или оставался позади и делал свои засечки. С проводником, когда он бывал у нас, приходилось еще хуже³. Нужно было, как говорится, «втереть ему очки в глаза», и мы действительно всегда удачно исполняли такую задачу. Для этой цели, с первого же знакомства с нашим будущим спутником, я показывал ему бинокль, говоря, что дорогой постоянно смотрю в эту машинку, для того, чтобы знать, нет ли поблизости зверей или птиц, за которыми можно было бы поохотиться. В простоте душевной монгол не различал бинокль от буссоли, и так как мы действительно часто стреляли дорогой антилоп и птиц, то наш проводник искренно верил, что мое

¹ Прилагаемая при настоящей книге маршрутно-глазомерная карта моего пути уменьшена в четыре раза против оригинала.

² Средняя скорость шага вьючного верблюда составляет 4—4,5 версты в час, смотря по местности. В горах такая правильность хода сильно изменяется, и там часто приходится прибегать к глазомеру для определения пройденных расстояний.

³ Каждый наш проводник, конечно, был вместе с тем и шпионом, которого необходимо было опасаться более нежели кого-либо другого из местных жителей.

смотрение в хитрую машинку ведет к разглядыванию зверей. Несколько раз мне удалось подобным же образом обмануть китайских и монгольских чиновников, когда те лезли с расспросами, для чего я ношу буссоль; вместо нее тотчас же подсовывался бинокль, который также находился при мне во время пути.

Случалось, что иногда было крайне необходимо сделать засечку, а между тем возле нас находилось несколько монголов, приехавших поглазеть на невиданных людей. В таком случае мой товарищ старался занять их чем-нибудь интересным, а между тем я, оставшись как будто по нужде, делал свое дело. Словом, приходилось пускаться на тысячи хитростей и прибегать ко всевозможным притворствам, чтобы выполнить свою задачу среди того недружелюбия, которым везде встречало нас местное, в особенности китайское население.

По приходе на место, после развьючения верблюдов, установки палатки, сбора аргала и других необходимых работ, которые мы исполняли вместе с своими казаками, я тотчас же переносил всю съемку того дня на разграфленный лист бумаги. При этом никогда не упускалась и осторожность. Обыкновенно я сам затворялся в палатке, а для караула ставил у входа в нее или своего товарища или одного из казаков. Часто случалось прерывать занятие по случаю приезда каких-нибудь зевак—чиновников или монголов. Избавившись от этих посетителей, я оканчивал работу свою и прятал ее до следующего перехода.

При делании карты я наносил на нее: направление нашего пути, жилые оседлые пункты (города, деревни, фанзы, кумирни, но не переносные юрты), колодцы, озера, реки и ручьи, хотя бы самые незначительные, наконец, горы, холмы и общую конфигурацию местности, насколько можно было ее видеть по сторонам. Важные данные, добытые путем расспросов, наносились пунктиром или с оговоркой, что они не были лично проверены. Для более правильной постановки карты мной определена была в течение экспедиции, посредством небольшого универсального инструмента, географическая широта 18 наиболее важных пунктов¹. Производство съемки, как оно ни кажется просто, являлось одной из самых трудных работ экспедиции, так как, не говоря уже о всевозможных уловках, для отвода глаз местному населению, частое слезание с лошади при засечках сильно утомляло, в особенности во время летней жары. Наконец, ради той же съемки мы очень часто не могли пользоваться прохладной ночью для перехода, но должны были тащиться днем, иногда в самый сильный жар. Подобные хождения не только портили наших верблюдов, но часто в конец истомляли и нас самих.

Миновав город Долон-нор, куда я заехал с одним из казаков, чтобы сделать необходимые покупки, мы пошли далее по дороге, ведущей в Калган. До этого города от Долон-нора 230 верст [245 км], и дорога очень хорошая колесная. Движение по ней весьма значительно, и нам часто попадались китайские двухколесные телеги, запряженные быками и нагруженные различными товарами. Кроме того по этой же дороге возят в Калган соль, добываемую, по словам монголов, из самосадочного озера, верстах в 200 севернее озера Далай-нор. Для проезжих на описываемой дороге выстроены постоянные дворы, в которые мы ни разу не заходили, предпочитая чистую палатку и свежий воздух той грязи и вони, какая всегда

¹ К сожалению, я не мог определить долготу тех же самых пунктов, хотя бы разницей показаний хронометров, если бы таковые имелись у нас в экспедиции.

господствует в китайских гостиницах. При этом в своей палатке мы могли легче отделаться от нахальной назойливости монголов или китайцев, обыкновенно являвшихся толпами, лишь только мы останавливались вблизи жилого места.

Кроме постоянных дворов на долоннорской дороге встречаются и китайские деревни, особенно ближе к Калгану; монгольских юрт также много, и везде бродят многочисленные стада баранов, коров и лошадей.

В топографическом отношении описываемая местность представляет обширные холмистые степи, с почвой из супеси и частью солонцеватой, но везде покрытой превосходной густой травой. Деревьев и кустарников нигде нет, но зато чаще, чем в других местах Монголии, здесь встречаются ручьи и небольшие озера. Вода в последних гадка до отвращения. Если желаете иметь понятие о ее свойствах, то возьмите стакан чистой воды, положите туда чайную ложку грязи, щепотку соли для вкуса, извести для цвета, а гусяного помета для запаха, — и вы как раз получите ту жидкость, которая наполняет большую часть монгольских озер. Однако монголы нисколько не гнушаются подобным нектаром и круглый год варят на нем свой чай; мы сами в течение экспедиции не один десяток раз пили подобную воду за неимением лучшей.

Обширные и привольные степи, по которым мы проходили от Долоннора, служат пастбищами для табунов богдохана. Каждый такой табун, называемый у монголов даргу (⁵⁴), состоит из 500 лошадей и находится в заведывании особого чиновника, всеми же ими заведует один главный начальник. Из этих стад выбираются лошади для войска во время войны.

Здесь кстати сказать несколько слов о монгольских лошадях. Характерные их признаки составляют: средний или даже малый рост, толстые ноги и шея, большая голова и густая, довольно длинная шерсть, а из особых качеств — необыкновенная выносливость. На самых сильных холодах монгольские лошади остаются на подножном корму и довольствуются скудной травой, за неимением же ее едят, подобно верблюдам, бударгану и кустарники; снег зимой обыкновенно заменяет им воду. Словом, наша лошадь не прожила бы и месяца при тех условиях, при которых монгольская может существовать без горя.

Почти без всякого присмотра бродят огромные табуны лошадей на привольных пастбищах северной Халхи и земли сахаров. Эти табуны обыкновенно разбиваются на косяки, в которых бывает 10—30 кобыл, под охраной жеребца. Последний ревниво блюдет своих наложниц и ни в каком случае не позволяет им отлучаться от стада; между предводителями косяков часто происходят драки, в особенности весной. Монголы, как известно, страстные любители лошадей и отличные их знатоки; по одному взгляду на лошадь номад верно оценит ее качества. Конские скачки также весьма любимы монголами и обыкновенно устраиваются летом при больших кумирнях. Самые знаменитые скачки бывают в Урге, куда соревнователи приходят за многие сотни верст. От кутухты назначаются призы, и выигравший первую награду получает значительное количество скота, одежды и денег.

Богдоханские пастбища находятся, главным образом, в районе аймака сахаров¹, земля которых тянется от Кэшиктэна более чем на 500 верст к западу, до аймака дурбутов. Сахары преобразованы на китайской образец, разделены на восемь знамен и состоят поочередно на

¹ Эти пастбища тянутся и далее, почти до города Куку-хото.

государственной службе. Под близким влиянием китайцев они совершенно утратили характер и даже наружность чистокровных монголов, о чем уже говорилось в первой главе.

Что касается весеннего климата посещенных нами теперь местностей Юго-восточной Монголии, то главную его характеристику составляли: холода, ветры и сухость воздуха.

Ночные морозы продолжались здесь не только в марте, но даже и в апреле; 20 числа этого месяца, вода небольшого озера, возле которого мы ночевали, замерзла к восходу солнца на дюйм толщины, так что лед держал человека. Подобные сюрпризы, как увидим впоследствии, перепадают на монгольском плато даже и в мае.

В подспорье к морозам ветры, преимущественно северо-западные, господствовали на нагорье в течение всей весны почти без перерыва. Тихая погода выпадала редко и то обыкновенно лишь на несколько часов. При ветре всегда становилось холодно, и много раз эти ветры превращались в сильную бурю. Тогда давала себя знать монгольская степь. Тучи песку, пыли, а на солончаках — мелкой соли, поднятые ураганом в воздух, затемняли солнце, которое начинало светить тускло, как сквозь дым, а затем становилось и вовсе не видно, так что в полдень иногда делалось не светлее, чем в сумерки. На расстоянии версты не видно было гор, а ветер с такой силой бил крупным песком, что даже верблюды, привычные ко всем трудностям пустыни, и те нередко останавливались, поворачивались задом к урагану и ожидали, пока пронесется его порыв. Воздух до того наполнялся песком и пылью, что часто против ветра невозможно было открыть глаза, а в голове возникали боль и шум, как от угара. В палатке на всех вещах ложился толстый слой пыли, и если буря случалась ночью, то утром едва можно было продрать глаза, совсем засыпанные грязью. Иногда за страшным порывом бури следовал град или дождь, как из ведра, но дождевые капли разбивались ветром в мелкую пыль. Ливень обыкновенно продолжался лишь несколько минут; затем вдруг становилось совершенно тихо, но через четверть часа или менее ветер задувал с прежней силой и вновь оканчивался минутным дождем. Напор бури иногда бывал до того силен, что наша палатка, укрепленная двенадцатью железными кольями, каждый длиной в поларшина, ежеминутно готова была слететь, и мы принуждены были привязывать ее еще к вьюкам всеми наличными веревками.

Количество атмосферных осадков было не велико: дожди или снега, как в марте, так и в апреле, перепадали лишь изредка и то обыкновенно в небольшом количестве.

Постоянные холода и ветры, господствующие весной на Монгольском нагорье, служат большой помехой для пролета птиц и сильно тормозят развитие растительности. Правда, со второй половины апреля, на солнечном пригреве начинала пробиваться зеленая трава и изредка выглядывал даже цветок прострела или лапчатки, но общее оживление природы здесь было еще незаметно. Степь имела тот же самый характер, как и зимой, с той лишь разницей, что желтый фон сухой травы заменился теперь черной пеленой после весенних пожаров. Вообще здешняя весна не имеет и тени той прелести, как в других странах умеренного пояса. Пролетные птицы бегут без оглядки от этих мест, где нет им ни пищи, ни питья, ни крова. Изредка на берегах соленого озерка степи присядет пролетное стадо, отдохнет немного и тотчас же пускается далее на север, в страны более привольные.

В заключение настоящей главы приведу рассказ о самом характерном и замечательном животном Монголии — верблюде. Он вечный спутник номада, часто главный источник его благосостояния и незаменимое животное в путешествии по пустыне. В течение целых трех лет экспедиции мы не разлучались с верблюдами, видели их во всевозможной обстановке, а потому имели много случаев изучать это животное.

Монголии свойственен исключительно двугорбый верблюд [*Camelus bactrianus*]; одногорбый его собрат, обыкновенный в туркестанских степях, здесь вовсе неизвестен. Монголы называют свое любимое животное общим именем «тымэ» [тэмэ], затем самец называется — бурун [бур], мерин — ата [ата], а самка — инга. Наружные признаки хорошего верблюда составляют: плотное сложение, широкие лапы, широкий, не срезанный косо, зад и высокие, прямо стоячие горбы¹ с большим промежутком между собой. Первые три качества рекомендуют силу животного; последнее, т. е. прямо стоячие большие горбы, свидетельствует еще, что верблюд жирен, и, следовательно, долго может выносить все невзгоды караванного путешествия в пустыне. Большой рост далеко не гарантирует хороших достоинств описываемого животного, и средней величины верблюд с вышеприведенными признаками гораздо лучше высокого, но узколапого и жидкого по сложению. Впрочем, при одинаковости возраста и других физических условий, более крупное животное, конечно, предпочитается малорослому.

Во всей Монголии наилучшие верблюды разводятся в Халхе; здесь они велики ростом, сильны, выносливы. В Ала-шане и на Куку-норе верблюды гораздо меньше ростом и менее сильны; сверх того на Куку-норе они имеют более короткую, тупую морду, а в Ала-шане более темную шерсть. Эти признаки, сколько мы заметили, сохраняются постоянно, и весьма вероятно, что верблюды Южной Монголии составляют особую породу, отличную от северной.

Степь или пустыня, с своим безграничным простором, составляет коренное местожительство верблюда; здесь он чувствует себя вполне счастливым, подобно своему хозяину — монголу. Тот и другой бегут от оседлой жизни, как от величайшего врага, и верблюд до того любит широкую свободу, что, поставленный в загон, хотя бы на самую лучшую пищу, он быстро худеет и, наконец, издыхает. Исключение составляют разве те верблюды, которых содержат иногда китайцы для перевозки каменного угля, хлеба и других тяжестей. Зато все эти верблюды представляются какими-то жалкими заморышами сравнительно с своими степными собратьями. Впрочем и китайские верблюды не выносят круглый год неволи, а на лето всегда отсылаются для поправки в ближайшие местности Монголии.

Вообще верблюд весьма своеобразное животное. Относительно неразборчивости пищи и умеренности он может служить образцом, но это верно только для пустыни. Приведите верблюда на хорошие пастбища, какие мы привыкли видеть в своих странах, и он, вместо того, чтобы отъедаться и жиреть, станет худеть с каждым днем. Это мы испытали, когда пришли с своими верблюдами на превосходные альпийские луга гор Гань-су; то же самое говорили нам кяхтинские купцы, пробовавшие было завести собственных верблюдов для перевозки чая. В том и другом случае верблюды портились, будучи лишены пищи, которую они имели в пустыне. Здесь любимыми кушаньями описываемого животного служат: лук и бударгана —

¹ Случается иногда, что у верблюда горб бывает сломан, а потому не стоит прямо; в таком случае достаточно, если он большой и твердый.

Kalidium gracile [поташник тонкий], далее следует дырисун, низкая полынь, зак [дзак], или саксаул — *Haloxylon* sp. [зайсанский] в Ала-шане и хармык — *Nitraria Schoberi* [селитрянкa Шобера] в особенности, когда поспеют его сладко-соленые ягоды. Вообще соль безусловно необходима для верблюдов, и они с величайшим удовольствием едят белый соляной налет, или так называемый гуджир, обильно покрывающий все солончаки и часто выступающий из почвы, даже на травяных степях Монголии. При отсутствии гуджира верблюды едят, хотя с меньшей для себя пользой, чистую соль, которую им необходимо давать раза два или три в месяц. В случае, если описываемые животные долго не имели соли, то они начинают худеть, хотя бы пища была в изобилии. Тогда верблюды часто берут в рот и жуют белые камни, принимая их за куски соли. Последняя, в особенности если верблюды долго ее не ели, действует на них как слабительное. Отсутствием гуджира и солонцеватых растений, вероятно, можно объяснить то обстоятельство, что верблюды не могут жить на хороших пастбищах горных стран. Кроме того для них здесь нет широкого простора пустыни, по которой наше животное бродит на свободе целое лето.

Продолжая о пище верблюдов, следует сказать, что многие из них едят решительно все: старые побелевшие кости, собственные седла, набитые соломой, ремни, кожу и тому подобное. У наших казаков верблюды съели рукавицы и кожаное седло, а монголы однажды уверяли нас, что их караванные верблюды, долго голодавшие, съели тихомолком старую палатку своих хозяев. Некоторые верблюды едят даже мясо и рыбу; мы сами имели несколько таких экземпляров, которые воровали у нас повешенную для просушки говядину. Один из этих обжор подбирал даже ободранных для чучел птиц, воровал сушеную рыбу, доедал остатки собачьего супа; впрочем подобный гастроном составлял редкое исключение из своих собратьев.

На пастбище верблюды наедаются вообще скоро, часа в два — три, а затем ложатся отдыхать или бродят по степи. Без пищи монгольский верблюд может пробыть дней восемь или десять, а без питья осенью и весной дней семь; летом же, в жары, мне кажется, верблюд не выдержит без воды более трех или четырех суток. Впрочем способность быть больше или меньше без пищи и питья зависит от личных качеств животного: чем моложе оно и жирнее, тем, конечно, выносливей. Нам лично, в течение всей экспедиции, только однажды, именно в ноябре 1870 года, не пришлось поить своих верблюдов шесть суток сряду и они все шли бодро. Во время же летних переходов нам никогда не приходилось оставлять верблюдов без воды долее двух суток. Собственно их следует тогда поить каждый день, а осенью и весной можно давать воду через день или два без всякой порчи животного. Зимой верблюды довольствуются снегом, и их никогда не поят.

Нравственные качества верблюда стоят на весьма низкой степени: это животное глупое и в высшей степени трусливое⁽⁵⁵⁾. Иногда достаточно выскочить из-под ног зайцу и целый караван бросается в сторону, словно бог знает от какой опасности. Большой черный камень или куча костей часто также вызывают не малое смущение описываемых животных. Свалившееся седло или вьюк до того пугают верблюда, что он, как сумасшедший, бежит куда глаза глядят, а за ним часто следуют и остальные товарищи. При нападении волка верблюд не думает о защите, хотя одним ударом лапы мог бы убить своего врага; он только плюет на него и кричит во все горло. Даже вороны и сороки обижают глупое животное. Они садятся ему на спину и расклеивают ссадины от седла, и иногда прямо клюют горбы;

верблюды и в этом случае только кричат да плюют. Плевание всегда производится пережеванной пищей и составляет признак раздраженного состояния животного. Кроме того рассерженный верблюд бьет лапой в землю и загибает крючком свой безобразный хвост. Впрочем злость не в характере этого животного, вероятно, потому, что оно ко всему на свете относится апатично. Исключение составляют только самцы в период течки, которая происходит в феврале. Тогда они делаются очень злы и нападают не только на других верблюдов, но иногда даже и на людей. Сокоупление не может производиться без помощи человека⁽⁵⁶⁾. Самка носит 13 месяцев и производит на свет одного детеныша, или, как редкое исключение, двух¹; при рождении животному также помогают люди. Молодой верблюжонок в первые дни своего существования самое беспомощное животное, так что его даже подкладывают к матери для сосания молока. Затем, когда новорожденный начнет ходить, он везде следует за матерью, которая горячо любит свое детище, и, разлучившись с ним, тотчас начинает глухо, но громко реветь.

Недолго продолжается свободная жизнь новорожденного верблюда. Уже через несколько месяцев его начинают привязывать возле юрты, чтобы отделить от матери, которую монголы сами доят как корову. На втором году верблюженку протыкают нос и вкладывают туда небольшую деревянную палочку, за которую впоследствии привязывается веревка (бурундук)⁽⁵⁷⁾, служащая вместо узды. Далее его приучают по команде ложиться, для чего монголы обыкновенно дергают за бурундук, приговаривая: сок, сок, сок. Через два года после рождения верблюда уже берут с караваном, чтобы приучить к путешествию по пустыне, в три года на нем начинают ездить верхом; в четыре выючат небольшим выюком, а в пять лет животное уже вполне готово для работы.

Под выюком верблюд может ходить до глубокой старости, т. е. лет до 25, а иногда и более; лучшим временем считается период от 5 до 15 лет. Живет верблюд более 30 лет, а при хороших условиях даже до 40.

Для переноски тяжестей верблюда предварительно седлают, а затем уже кладут на него выюк. В Халхе для каждого седла употребляется шесть или даже восемь войлоков, которыми обертывают горбы и спину животного; затем в войлоки кладутся особые деревянные палки, на которые давит выюк². В Южной Монголии вместо войлоков чаще употребляются набитые соломой мешки (бамбаи), к которым уже прикрепляются палки. Хорошее выюченье — вопрос первостепенной важности для караванной езды, так как плохо завьюченный верблюд скоро обивает себе спину и делается негодным к службе, пока рана не заживет. Для скорейшего лечения такой ссадины монголы каждый день обливают ее своей мочой, или промывают соленой водой; иногда же дают собакам сгрызать струны илизывать рану. Подобные сбоины всего труднее залечиваются летом, когда мухи кладут в них свои яйца.

Осенью, перед отправлением в караван, монголы предварительно выдерживают без пищи своих откормившихся летом верблюдов в течение десяти и более дней³. Все это время верблюды стоят возле юрты привя-

¹ Самка верблюда, после рождения детеныша, целый год остается свободной, так что детей приносит только через два года.

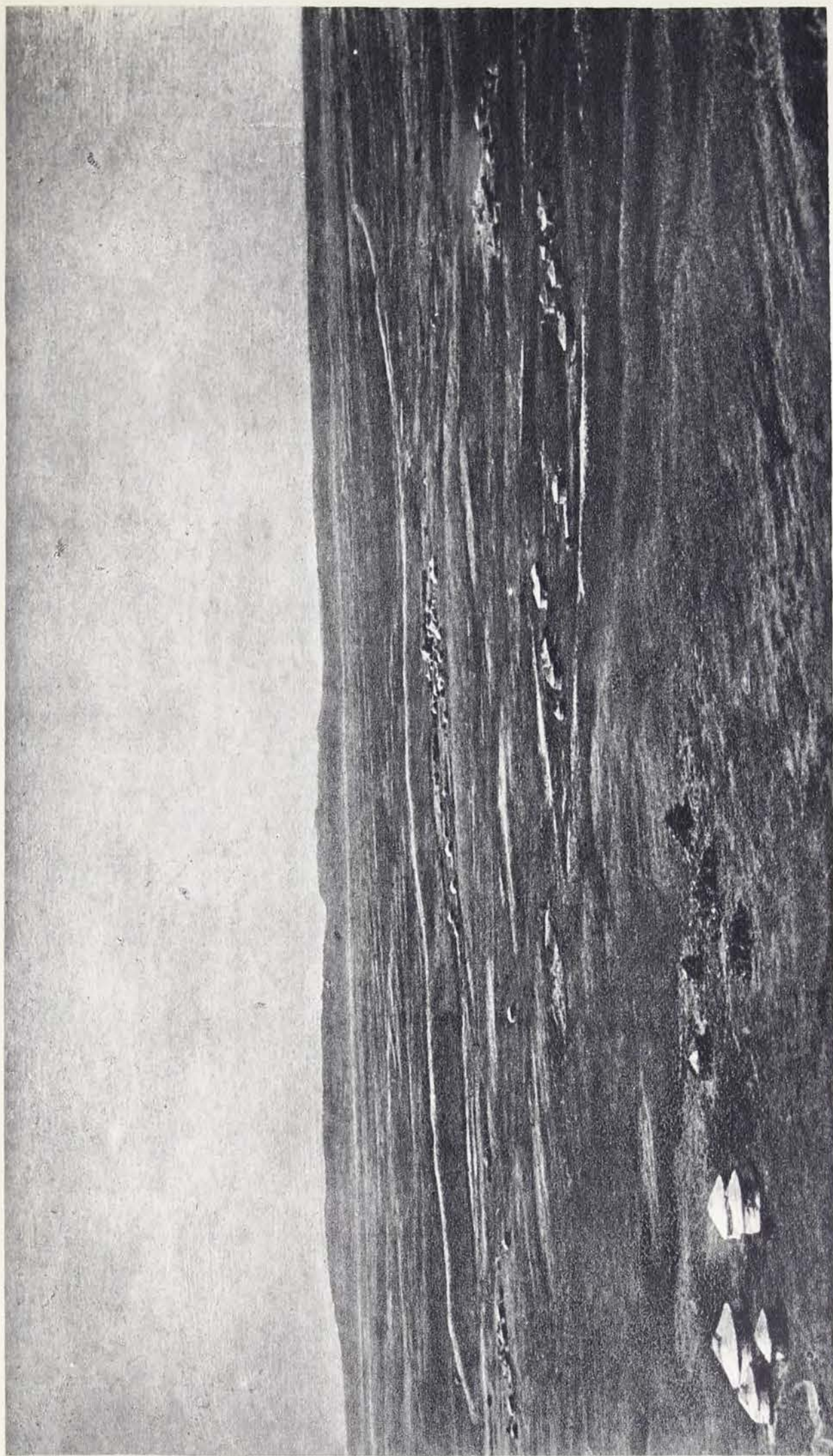
² Выюк всегда крепко привязывается к седлу веревками; исключение составляют чайные ящики, которые только пристегиваются один к другому поверх седла.

³ Один из наших калганских купцов уверял меня, что он выдерживал таким образом своих верблюдов без пищи (но только с водопоем через два дня) в течение 17 суток.

Г. Бэйпин. Угольные холмы. Дворец и парк

Типичный ландшафт юго-восточной части Гоби. Юрты в пустыне

занными за бурундуки к длинной веревке, протянутой по земле и прикрепленной к кольям, вбитым в почву. Пищи им не дают вовсе и только через два дня на третий водят на водопой. Подобное постничество перед работой необходимо для верблюда, у которого через это, по словам монголов, опадает брюхо и делается прочнее запасенный летом жир.

Средняя величина вьюка, который может нести верблюд без отягощения, равняется 12 пудам [около 200 кг]. Столько обыкновенно кладут в чайных караванах, где на каждое животное вьючат четыре ящика чаю, каждый весом в 3 пуда. Нелегченые самцы (буруны) могут поднимать 15 пудов [около 250 кг], и им прибавляется пятый ящик чаю. Впрочем количество бурунов у монголов невелико; их держат только для приплода. Ко вьючной же езде они менее пригодны, чем атаны, или даже самки, так как в период течки делаются очень злы и беспокойны.

Кроме веса вьюка важен и его объем. Слишком громоздкий вьюк неудобен, так как ветер, напирая на него, мешает свободно идти животному; равно и слишком тяжелая, при малом объеме, кладь скоро портит спину верблюда, так как давление в этом случае производится только на небольшую поверхность седла. Монголы, при перевозке серебра, никогда не вьючат более 7 пудов на того же самого верблюда, на которого свободно кладут 12 пудов чаю. С обыкновенным вьюком верблюд легко проходит верст 40 в сутки и может идти так без перерыва целый месяц. Затем, отдохнув дней десять или недели две, он опять готов в подобное путешествие и работает таким образом целую зиму, то есть месяцев шесть или семь. Зато к концу подобного сезона верблюд страшно худеет, и монгол отпускает его на целое лето в степь для поправки. Подобный отпуск крайне необходим для животного, которое в противном случае не может прослужить более года. Мы в экспедиции главным образом оттого много и теряли верблюдов, что ходили на них круглый год, и притом целое лето без отдыха.

На летнем корме и на свободе верблюд снова жиреет к осени и обрастает шерстью. Собственно линяние начинается в марте, и к концу июня шерсть вся вылезает, так что верблюды становятся совершенно голыми. В это время они очень чувствительны к дождю, холоду и вообще ко всем изменениям атмосферы. Тело их слабо, и даже небольшой вьюк скоро сбивает спину; словом, это период болезни верблюда. Затем его тело начинает покрываться мелкой, как бы мышинной, шерстью, которая окончательно вырастает лишь к концу сентября. Тогда самцы, в особенности буруны, довольно красивы, с своими длинными гривами под низом шеи и на голених передних ног.

Во время пути с караваном зимой верблюдов никогда не расседлывают и по приходе на место тотчас же пускают на покормку; летом же в жары их необходимо расседлывать каждый день, иначе вспотевшая спина скоро сбивается. Такое расседлывание летом производится не тотчас лишь снимутся вьюки, но спустя час или два, пока верблюды немного остынут. Тогда их можно уже пускать и на покормку или поить; но в сильный жар необходимо покрывать спину войлоком, иначе солнце так нажжет это место, что оно скоро сбеется под вьюком. Словом, летом с верблюдами в караване множество возни и все-таки невозможно избежать, чтобы большая часть их не испортилась. Монголы, полные знатоки своего дела, ни за какие блага не ходят летом в караване на верблюдах; мы же, конечно, преследовали другие цели, а потому и портили много своих животных.

Верблюд чрезвычайно любит общество себе подобных и в караване идет до последних сил. Если он остановился от истомления и лег, то никакие

побои¹ не заставят подняться бедное животное, которое мы обыкновенно бросали на произвол судьбы. Монголы в подобных случаях едут в ближайшую юрту и поручают тамошним хозяевам своего уставшего верблюда, который через несколько месяцев обыкновенно выхаживается, если только имеет пищу и питье.

Верблюд, увязший в грязи, также всегда портится и начинает быстро худеть, впрочем такие случаи бывают редки, так как в Монголии нет болот. После дождя описываемое животное не может ходить по глинистой почве, оно скользит на своих гладких подошвах и падает. Однако с верблюдами возможно ходить по горам, даже самым высоким. Мы сами испытали это, пройдя два раза по 500 верст через Гань-су и перевалив здесь в каждый из концов по восьми перевалов не ниже 12 тысяч футов [3 660 м] над уровнем моря. Правда, наши верблюды сильно попортились в этих горах, но все-таки показали, что с ними возможно идти через любые альпы. При следовании в Лассу через Северный Тибет, верблюды поднимаются на перевалы в 16 тысяч футов [4 880 м] над уровнем моря и даже более, хотя часто гибнут здесь от разрежения воздуха. Правда, верблюды, побывавшие на подобных высотах, считаются навсегда испорченными и, по словам монголов, никогда уже не поправляются на пастбищах более низкой Халхи. Наоборот, халхаские верблюды, приведенные на Куку-нор, имеющий вдвое большую абсолютную высоту, чувствуют себя здесь хорошо и скоро отъедаются на солонцеватых лугах по берегам названного озера.

Летом верблюды целый день бродят по степи без всякого присмотра и только раз в сутки приходят к колодцу своего хозяина для водопоя. Во время же пути с караваном их укладывают на ночь возле палатки, рядом один возле другого, и привязывают бурундуками ко вьюкам или к протянутой веревке. В сильные холода зимой погонщики-монголы часто сами ложатся между верблюдами, чтобы потеплее провести ночь. Во время пути в караване верблюды привязываются один к другому за бурундуки, которые не должны прикрепляться наглухо, иначе животное порвет себе нос, в случае если сильно рванется в сторону или попятится назад.

Кроме переноски вьюков верблюд годится для верховой езды и даже может быть запряжен в телегу. Под верх верблюда седлают тем же седлом, что и лошадь⁽⁵⁸⁾, затем садится всадник и заставляя животное встать. Для слезания обыкновенно кладут верблюда, хотя при поспешности можно и прямо спрыгнуть со стремени. Под верхом верблюд идет шагом или бежит рысью, галопом или вскачь он не пускается. Зато рысь у животного такова, что его догонит разве только отличный скаковой конь. В сутки на верховом верблюде можно сделать верст 100 и ехать таким образом на одном и том же животном целую неделю.

Кроме пользы, как от вьючного и от верхового животного, монголы получают от верблюда шерсть и молоко. Последнее густо, как сливки, но сладко и неприятно на вкус⁽⁵⁹⁾; масло, приготовляемое из этого молока, также далеко хуже коровьего и много походит на перетопленное сало. Из верблюжьей шерсти монголы вьют веревки, но большей частью продают ее китайцам, для сбора этой шерсти животное стригут в то время, когда оно начинает линять, то есть в марте.

Несмотря на свое железное здоровье, верблюд, привыкший жить постоянно в сухом воздухе пустыни, чрезвычайно боится сырости.

¹ Верблюды весьма чувствительны к побоям, так что сильный удар плетью заставлял тело в месте удара распухнуть.

Когда наши верблюды пролежали несколько ночей на сырой почве гор Гань-су, то все они простудились и начали кашлять, а на теле у них стали появляться какие-то гнойные нарывы. И если бы мы через несколько месяцев не ушли на Куку-нор, то все наши животные непременно бы передохли, как то действительно случилось с верблюдами одного ламы, пришедшего в Гань-су вместе с нами.

Из болезней верблюдов всего чаще поражает чесотка (хомун [хаму] по-монгольски). У заболевшего животного все тело покрывается мало-помалу гнойными язвами, шерсть вылезает, и, в конце концов, верблюд издыхает. Кроме чесотки у верблюдов иногда бывает сап. От первой болезни монголы лечат козлиным супом, который льют в горло животного, а самые язвы присыпают жженым купоросом, нюхательным табаком или выжигают порохом. На Куку-норе все болезни верблюдов и других домашних животных лечатся ревенем, но везде монголы держат в строгом секрете способы своего лечения. В сырую погоду верблюды часто заболевают кашлем; тогда для них самое лучшее лекарство—есть кусты тамарикса, который в изобилии растет по долине Хуан-хэ и изредка встречается в некоторых других частях Южной Монголии.

Во время караванных хождений, в особенности по тем местам Гоби, где много мелкой гальки, верблюды часто протирают себе подошвы ног, начинают хромать и затем вовсе не могут идти. Тогда монголы связывают ноги хромоту верблюду, валят его на землю и подшивают к протертой подошве кусок толстой шкуры. Операция эта весьма мучительна, так как для подшивки служит широкое шило, которым протыкаются дырки прямо в подошве животного; зато, после починки лапы, верблюд скоро перестает хромать и попрежнему несет вьюк.

... 24 апреля утром мы вновь стояли в той точке окраинного монгольского хребта, откуда начинается спуск к Калгану. Опять под нашими ногами раскинулась величественная панорама гор, за которыми виднелись зеленые, как изумруд, равнины Китая. Там царила уже полная весна, между тем как сзади, на нагорье, природа только что начинала просыпаться от зимнего оцепенения. По мере спуска по ущелью сильно ощущалось близкое влияние теплых равнин; в самом же Калгане мы нашли деревья уже покрытые листьями, а в окрестных горах собрали до 30 видов цветущих растений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА МОНГОЛЬСКОГО НАГОРЬЯ

(Продолжение)

[3 (15) мая—11 [23] июля (87) года]

Следование из Калгана на Желтую реку.—Миссионерская станция Си-инза.—Хребты Шара-хада и Сума-хада.—Каменный баран, или аргали.—Аймаки урюгов и западных тумытов [тумэтов].—Навязчивость монголов.—Наша торговля прекращается.—Недружелюбие и плутовство китайцев.—Хребет Ин-шань.—Кумирня Батгар-шейлун.—Горная антилопа.—Горы Муни-ула.—Их лесная и альпийская области.—Предание о происхождении этих гор.—Наше двухнедельное пребывание в них.—Посещение города Бауту [Баотоу].—Переправа через Хуан-хэ в Ордос.

Двухмесячное хождение в юго-восточном углу Монголии дало нам возможность ознакомиться с характером предстоящего путешествия и оценить до некоторой степени ту обстановку, которая нас ожидает в дальнейшем странствовании. Недружелюбие населения, не раз проявляемое то в той, то в другой форме, ясно показывало, что нам не найти друзей впереди и что, следовательно, во всем без исключения мы должны полагаться лишь на самих себя.

В Калгане караван наш переформировался. Сюда прибыли теперь из Кяхты два новых казака, назначенные в нашу экспедицию, а бывшие мои спутники должны были возвратиться домой. Один из новых казаков был бурят, а другой русский; первый должен был служить переводчиком, а второй заправлять хозяйством. В то же время эти казаки, вместе с нами, должны были исполнять все работы экспедиции, как-то: вьючить и пасти верблюдов, седлать лошадей, устанавливать палатку, собирать на топливо аргал и прочее. Все это вместе составляло непрерывную работу, которая тем чувствительнее сказывалась для нас, что отрывала много времени от научных занятий. Однако иначе устроиться не было возможности, так как, при скудных средствах экспедиции, я не мог взять с собой более двух казаков; нанять же в подмогу им монгола или китайца нельзя было ни за какие деньги.

Число наших вьючных животных увеличилось теперь покупкой нового верблюда, так что всего состояло налицо восемь верблюдов и две лошади. На последних ехали мы с М. А. Пыльцовым; два верблюда были под верхом у казаков, а остальные шесть тащили вьюки, всего весом, думаю, пудов до 50; лягавая собака Фауст довершала собой состав нашего небольшого каравана.

Когда все сборы были окончены, мы с товарищем написали в последний раз несколько писем на родину и 3 мая вновь поднялись на Монгольское нагорье (60). На следующий же день мы свернули с кяхтинского пути влево и направились к западу по почтовой дороге, ведущей в город Кукухото. В продолжение трех дней путь наш лежал по холмистой степи, занятой кочевьями монголов, а затем явилось китайское население, которое спорадически встречается по всей юго-восточной окраине Монголии. Китайцы селятся здесь, приобретая у монголов годные к обработке земли покупкою или арендным содержанием. С каждым годом число таких земледельцев увеличивается, так что культура распространяется здесь более и более, оттесняя к северу коренных обитателей степи — монгола с его стадами и быстрогого дзерена.

Проходя китайскими деревнями, мы неожиданно встретили в одной из них, именно в Си-инза, католических миссионеров, которые учредили здесь свою станцию. Всех миссионеров трое — два бельгийца и один голландец¹. Впрочем в это время в Си-инза находился только один проповедник, а два других его товарища жили верстах в 40 отсюда, южнее — в деревне Ель-ши-сан-фу. Мы встретили самый радужный прием со стороны патера, находившегося в Си-инза, и, по его предложению, на следующий день поехали вместе к другим его товарищам, где нашли не меньшее гостеприимство. В разговорах с нами миссионеры жаловались на то, что христианская пропаганда весьма туго распространяется между монголами, столь приверженными к буддизму. Среди же индифферентных в деле религии китайцев проповедь идет успешнее, хотя и здесь крещение принимают большей частью из материальных выгод. Продажность и безнравственность местного люда, по словам миссионеров, превосходит всякое описание. Для большего успеха своего дела миссионеры устроили училище для китайских мальчиков. Последних проповедники содержат на свой счет, и только подобная приманка заставляет китайцев отдавать сюда детей на воспитание. Основавшись еще недавно в Си-инза, миссионеры намерены были выстроить здесь церковь и европейский дом. Действительно, когда спустя десять месяцев мы снова проходили через эти места, двухэтажный довольно большой дом был уже готов, и в нем жили все три проповедника.

Кроме Си-инза, в Юго-восточной Монголии еще четыре пункта заняты католическими миссионерами (иезуитами), именно: деревня Си-ван-за, верстах в 50 к северо-востоку от Калгана; потом один проповедник обитает возле города Жэ-хэ, другой к северу от города Ню-чжуан и, наконец, еще один в верховьях реки Шара-мурень [Шара-мурэн], возле «черных вод», откуда Гюк и Габе начали в 1844 году свое путешествие в Тибет.

В Ель-ши-сан-фу мы видели бывшего спутника Гюка — Сам-дашембу. Этот человек, настоящее имя которого Сэн-тэн-чимба, родом полу-монгол, полу-тангут, имеет 55 лет от роду и пользуется еще очень хорошим здоровьем. Сам-дашемба много рассказывал нам о различных приключениях своего путешествия, равно как и о местностях, по которым лежал путь;

¹ В конце 1871 года в эту станцию прибыл еще один миссионер из Европы.

но на предложение отправиться вновь в Тибет с нами отказался, говоря что уже стар для подобного путешествия.

По рекомендации миссионеров мы наняли в Си-инза, за пять лан в месяц, одного крещеного монгола для присмотра за верблюдами и как работника в помощь нашим казакам. Кроме того этот монгол знал хорошо по-китайски, так что в случае нужды мы надеялись иметь в нем и переводчика. Однако все эти надежды разрушились очень скоро. На первом же переходе наш новый спутник убежал, укравши у нас нож и револьвер. Все это он сотворил ночью и вероятно заранее обдумал свой план, так как с вечера лег с нашими казаками не раздеваясь.

Чтобы предупредить миссионеров о подобном поступке их крестника, я съездил в Си-инза и рассказал, как было дело. Миссионеры обещали мне принять все меры к отысканию вора, мать которого пасла у них коров, и действительно, несколько дней спустя, когда мы ушли уже довольно далеко, нас догнал посланный китаец и принес револьвер; последний был отобран миссионерами у самого вора, который, рассчитывая, что мы ушли, вернулся через несколько дней в свою юрту.

Вышеприведенный случай послужил нам хорошим уроком и еще раз убедил ни в чем не доверять местному люду. Во избежание ночного воровства решено было с этих пор поочередно караулить ночью. Мы с товарищем дежурили каждый по два часа до полуночи, а затем до рассвета караулили казаки. Правда, подобные дежурства были чрезвычайно утомительны после всех трудов дня, но они являлись необходимостью, по крайней мере на первое время пути среди враждебного населения. В бдительности заключалась вся наша сила, так как можно было ручаться, что местный люд никогда не решится сделать открытое нападение на четырех хорошо вооруженных «заморских чертей».

Ночные караулы продолжались у нас недели две, но потом мы их прекратили и довольствовались тем, что всегда спали с ружьями и револьверами под изголовьем.

После расспросов, сделанных с помощью миссионеров в деревне Си-инза, мы решили несколько изменить свой путь и, минуя Куку-хото, направиться севернее этого города прямо на большие лесные горы, которые, по словам китайцев, стоят на самом берегу Желтой реки. Для нас подобное изменение маршрута было очень радостно, так как мы прямо попадали в такие места, которые, по всему вероятно, могли доставить большую научную добычу; во-вторых, мы избавлялись от посещения китайского города, где все неприятности от местного люда обыкновенно увеличиваются до крайности.

Миновав небольшую кумирню Тшортши, которую описывает в своем путешествии Гюк¹, мы вышли к озеру Кыры-нор² и свернули здесь вправо с кукухотоской почтовой дороги³. На противоположной стороне обширной равнины, раскинувшейся теперь перед нами, ясно виднелся горный кряж, известный у монголов под именем Шара-хада, то есть Желтый хребет (⁶¹). Такое название присвоено этим горам, вероятно, по обилию желтоватых известковых скал, которыми они обрываются к долине Кыры-нора. Возвышение описываемого хребта над упомянутой долиной не пре-

¹ Нис. *Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet*. Т. I, p. 127.

² Озеро Кыры-нор летом высыхает. В 10 верстах к северо-востоку от этого озера видны остатки каких-то старинных валов; другой вал, вероятно бывший пограничным, мы видели в той же равнине Кыры-нора, недалеко от хребта Шара-хада.

³ Почтовые станции на этой дороге содержатся монголами.

восходит 1 000 футов, но особенность его заключается в том, что, поднимаясь отвесными обрывами с долины Кыры-нора, горы представляют далее, на всю свою ширину, холмистое плато с превосходными степными пастбищами, на которых даже держатся дзерены. На противоположной, то есть западной стороне, Шара-хада менее обрывист, хотя и здесь склон его обозначен резкой полосой крутых скатов. Ширина описываемого хребта, в том месте, где мы его перешли, около 27 верст, а общее направление — от юго-запада к северо-востоку.

На юго-восточной окраине Шара-хада, в неширокой скалистой полосе, появляются кустарники, среди которых преобладают: лещина — *Ostryopsis davidiana*, желтый шиповник — *Rosa pimpinellifolia*, дикий абрикос — *Prunus* sp. и таволга — *Spiraea* sp. Несколько реже встречаются: барбарис — *Berberis* sp., таранушка — *Ribes pulchellum* [смородина красивая], кизильник — *Cotoneaster* sp. [ргай], жимолость — *Lonicera* sp. и можжевельник — *Juniperus communis*. В этих кустарниках мы встретили в первый раз в Монголии довольно много насекомых, так что мой товарищ, собиравший энтомологическую коллекцию, нашел здесь хорошую поживу.

Параллельно горам Шара-хада, в расстоянии от них около 50 верст, тянется другой хребет Сума-хада¹, который имеет более дикий характер. Впрочем, скалы и альпийские формы здесь также развиты лишь на окраинах хребта, который затем внутри представляет мягкие очертания и довольно пологие скаты, покрытые превосходной травой, местами даже обработанные китайцами.

Абсолютная высота описываемых гор более нежели Шара-хада², но возвышение над окрестными равнинами у обоих хребтов почти одинаково. Характерное же отличие Сума-хада заключается в том, что все скалы, которые состоят здесь почти исключительно из гранита, имеют округленные бока и обтертые, сглаженные поверхности, так что носят несомненные следы действия ледников⁽⁶²⁾.

В скалистой полосе описываемых гор также растут кустарники, тех же самых пород, что и в Шара-хада; кроме того, из деревьев мы нашли здесь: ильм — *Ulmus* sp. [вяз], ольху — *Alnus* sp. и клен — *Acer ginnala*; последний, впрочем, довольно редок. Замечательно, что как здесь, так и во всех других горах Монголии, без изъятия, кустарная и древесная растительность развивается исключительно на северных склонах гор и ущелий; даже в невысоких холмах Гучин-гурбу — и там кустарники растут преимущественно на северной стороне каждого холма.

В горах Сума-хада мы в первый раз встретили самое замечательное животное высоких нагорий Средней Азии, именно горного барана, или аргали — *Ovis argali*³. Этот зверь, достигающий величины лани, держится в описываемых горах там, где в изобилии находятся скалы; впрочем весной, когда молодая зелень лучше на луговых скатах гор, аргали иногда встречаются здесь вместе с дзеренами.

Аргали держатся постоянно раз избранного места, и часто одна какая-нибудь гора служит жилищем для целого стада в течение многих лет.

¹ Шара-хада и Сума-хада, вероятно, составляют отроги окраинного хребта Монгольского нагорья, но не продолжают далеко к северу [Сума-хада значит стреласкала].

² Абсолютная высота подошвы Сума-хада в юго-восточной его окраине составляет 5 600 футов [около 1 700 м].

³ Именем «аргали» монголы называют самку этого барана; самец же называется уголдзе; китайское имя аргали — пан-ян⁽⁶³⁾.

Конечно это возможно только в том случае, если зверь не преследуется человеком, что действительно происходит в горах Сума-хада. Живущие здесь монголы и китайцы почти вовсе не имеют оружия и притом такие плохие охотники, что не могут убить аргали, конечно не из сострадания к этому животному, а просто по неумению. Звери, со своей стороны, до того привыкли к людям, что часто пасутся вместе с монгольским скотом и приходят на водопой к самым монгольским юртам. С первого раза мы не хотели верить своим глазам, когда увидели, не далее полуверсты от нашей палатки, стадо красивых животных, которые спокойно паслись по зеленому скату горы. Ясно было, что аргали еще не знают в человеке своего заклятого врага и не знакомы с страшным орудием европейца.

Проклятая буря, свирепствовавшая тогда целые сутки, не давала нам возможности тотчас же отправиться на охоту за такими чудными зверями, и с лихорадочным нетерпением мы с товарищем ожидали, пока уймется ветер. Однако на первой охоте мы не убили ничего, именно потому, что еще не были знакомы с характером аргали, и притом до того горячились, видя красивого зверя, что сделали несколько промахов на близком расстоянии. Следующая охота поправила эту неудачу, и мы убили двух старых самок.

Аргали превосходно видит, слышит и чует по ветру. Если бы это животное не было так доверчиво к человеку в горах Сума-хада, то охота за ним представляла бы великие трудности. Здесь же аргали до того привыкли к людям, что спокойно смотрят на охотника, когда тот находится в расстоянии 500 шагов.

Самое лучшее время для охоты — утро и вечер. С рассветом аргали выходят пастись на горные лужайки, всего чаще на вершинах гор, а в сильно ветренную погоду — между скалами. Обыкновенно они ходят небольшими обществами в 5—15 экземпляров и очень редко в одиночку. Во время покормки то один, то другой зверь поднимаются на ближайшую скалу, осмотреть окрестности; постояв там несколько минут, а иногда полчаса, сторож сходит к своим и принимается за еду. Впрочем в Сума-хада аргали до того уверены в своей безопасности, что часто не высылают сторожей и пасутся в ложбинах между скалами, где подкрасться к ним, на близкое расстояние, очень легко. После утренней покормки описываемые звери ложатся отдыхать, всего чаще в скалах, и проводят здесь время до вечера.

Выстрел поражает стадо ужасом; оно со всех ног бросается в противоположную сторону, но, отбежав немного, останавливается рассмотреть — в чем опасность. Иногда аргали продолжают стоять так долго, что спрятавшемуся охотнику можно успеть вновь зарядить даже и не скорострельное ружье. Монголы говорили нам, что если повесить какой-нибудь предмет (например одежду), который обратит на себя внимание аргали, то звери долго будут стоять на одном месте, рассматривая диковинку, а охотник тем временем может подкрасться к ним с удобной стороны. Сам я только однажды испытал подобный способ, повесив на воткнутый в землю шомпол свою красную рубашку и привлеки этим на четверть часа внимание убежавшего стада.

Убить наповал аргали чрезвычайно трудно, так как он удивительно крепок на рану. Случалось, что пробитый пулей насквозь в грудь, с разорванными внутренностями, зверь еще пробежал несколько сот шагов и только там падал мертвым. Если один из стада убит и упал, то остальные его товарищи обыкновенно останавливаются, отбежав немного, и смотрят на своего

собрата; в это время они делаются еще смелее относительно охотника. Голоса аргали я никогда не слышал.

Период течки описываемых животных происходит по словам монголов в августе, но долго ли продолжается — не знаю. В это время самцы часто дерутся между собой, и можно себе представить, каковы бывают удары рогов, пара которых у взрослого животного весит более пуда. Самка ходит беременной около семи месяцев и в марте родит одного, редко двух, детенышей. Маленький аргали вскоре всюду следует за матерью и не отстает от нее в прыганье по скалам. Если самка убита, то молодой прячется поблизости, лежит очень туго и вскакивает лишь в крайнем случае. С молодыми самки ходят всего чаще по две вместе, или небольшими стадами, в которых бывают также и самцы; последние никогда не обижают маленьких собратьев и, за исключением времени течки, живут между собой в мире и согласии.

Вообще аргали очень добрый зверь. Кроме человека он подвергается преследованию со стороны волков, которые иногда ловят неопытных молодых. Впрочем это едва ли удается часто, так как аргали даже на ровном месте бегают очень быстро, а в скалах, в несколько прыжков, далеко оставляет за собой своего преследователя.

Рассказы о том, что самец в случае опасности бросается в глубокие пропасти на свои рога, чтобы не разбиться, — чистейшая выдумка. Я лично несколько раз видел, как самец прыгал с высоты от 3 до 5 сажень, но он всегда падал на ноги и даже старался скользнуть по скале, чтобы уменьшить силу удара.

Кроме Сума-хада в Юго-восточной Монголии аргали водятся в горах, скаймляющих северный изгиб Хуан-хэ, и в Алашаньском хребте; далее, в горах Гань-су и в Тибете, этот зверь заменяется другим, близко сродным видом.

Прошел май, лучший из весенних месяцев, но далеко не таковым был он в здешних местах. Постоянные ветры, преимущественно северо-западные и юго-западные, продолжали господствовать с такой же силой, как и в апреле; утренние морозы стояли до половины описываемого месяца, а 24 и 25 числа были еще порядочные метели. Рядом с холодами выпадали, хотя и редко, сильные жары, дававшие чувствовать, что мы находились под 41° северной широты. Притом хотя погода по большей части стояла облачная, но дожди шли редко, а это обстоятельство, вместе с перемежающимися холодами, сильно задерживало развитие растительности. Даже в конце мая трава только что поднималась от земли и, рассаженная редкими кустиками, почти вовсе не прикрывала грязно-желтого фона песчано-глинистой почвы здешних степей. Правда, кустарники, изредка растущие по горам, большей частью были в цвету, но низкие, корявые, усаженные колючками, притом же разбросанные небольшими кучами между камнями, они мало оживляли общую картину горного ландшафта. Поля, обрабатываемые китайцами, также еще не зеленели, так как, вследствие поздних морозов, хлеба здесь сеют обыкновенно в конце мая, или в начале июня. Словом, на всей здешней природе виднелась печать апатии и полного отсутствия энергичной жизни; все гармонировало между собой, хотя и в отрицательную сторону. Даже певчих птиц было очень немного, да и тем некогда петь при постоянных бурях. Идешь бывало по долинам или горам — и только изредка запоет чеккан, стренатка или жаворонок, закаркает ворон, отрывисто свистнет пищуха и громко закричит клушица; затем все тихо, уныло, безжизненно...

Вблизи восточной окраины Сума-хада оканчивается земля сахаров и далее следует аймак уротов [уратов], который потянулся далеко к западу до Ала-шаня. К югу уреты граничат с кукухотскими тумытами и Ордосом, к северу — с сунитами и Халхою. В административном отношении описываемый аймак разделяется на шесть хошунов: Дурбут, Минган, Барунгун, Дунду-гун, Дзун-гун и Дархан-быль. Главное управление всех этих частей, то есть стойбище аймачного князя, находится в местности Улан-сабо [Улан-цаб], в хошуне дурбутов.

Уреты по наружности много отличаются от сахаров и гораздо более напоминают чистокровных монголов; впрочем нравственная сторона их также испорчена китайским влиянием.

Ближайшие соседи уротов—западные, или кукухотские, тумыты [тумэты], главное управление которых находится в Куку-хото, и, подобно сахарам, иногда живут в одних деревнях с китайцами—то в юртах, то, реже, в фанзах. Кое-где у них заводится земледелие, перенятое от китайцев, но большей частью находится в самом жалком состоянии.

Хотя, по принятому нами решению, мы держали себя как можно дальше от местного населения, но все-таки должны были большей частью разбивать свою палатку вблизи жилых мест, так как только здесь можно было найти воду. В подобных случаях мы выбирали из двух зол меньшее и старались присоседиться к монголам. Последние обыкновенно тотчас же являлись в нашу палатку с расспросами о том: кто мы такие, куда едем, что продаем и так далее.

Разыгрывая роль купца, я волей-неволей должен был принимать подобных гостей, которые всегда просили показать товары, пересматривали их и затем начинали торговаться. При этом курьезным вопросам не было конца. Так например, один покупатель спрашивал продажный магнит, другой медвежью желчь, третий детские игрушки, четвертый медные бурханы и так далее. Очень часто после часовой беседы посетители уходили, ничего не купив, говоря, что очень дорого.

Торговля полностью была поручена казаку-буряту, весьма смысленному в делах подобного рода; однако продажа товаров очень туго подвигалась вперед¹, отнимая много времени у казака-переводчика. Притом же местное население, весьма опытное в торговых сделках, сразу понимало, что грошовая торговля не составляет истинной цели нашего путешествия, так как при самых лучших условиях она не может окупить издержек на вьючных животных. Чтобы избавиться от постоянных посетителей, которые являлись под предлогом покупки товаров и своей назойливостью до крайности мешали нашим научным работам, я решил в один прекрасный день прекратить свою торговую профессию, все товары были сложены во вьюки, покупатели прогнаны и лавочка закрыта². Сам же я объявил себя с этих пор чиновником (ноионом) (64), путешествующим без всякой определенной цели, просто для того, чтобы видеть неизвестные страны. Правда, в подобное объяснение местные жители мало верили, но мы обыкновенно говорили, что им до наших целей нет никакого дела, так как об этом знает их царь, который выдал билет на беспрепятственное путешествие в его земле.

Зато какими свободными чувствовали мы теперь себя, когда дело пошло на чистоту и не нужно было притворствоваться. С этих пор все лишние

¹ Несмотря на то, что на все товары, купленные в Пекине, мы положили только 25—30% их стоимости на месте.

² Впоследствии эти товары были проданы все разом в Ала-шане.

посетители обыкновенно прогонялись, и мы принимали только тех из них, в которых имели какую-либо необходимость. При подобных посещениях конечно прежде всего устраивалось чаепитие, и затем начинались обоюдные расспросы. Разговоры монголов обыкновенно вертятся около трех предметов в следующем порядке их интереса для номадов: скот, лекарство и религия.

Первый предмет, то есть скот, составляет самую важную суть для монгола, так как этим меряется все его благосостояние; поэтому при встрече и спрашивается всегда о здоровье скота прежде чем о здоровье хозяина или его семьи.

Лекарства составляют другой предмет всегдашних разговоров монголов, чрезвычайно падких на всякие лечения. Видя перед собой европейца, которого номады признают если не полубогом, то по крайней мере великим колдуном, монгол тотчас же старается извлечь пользу из столь необыкновенного человека и выпытать у него какой-нибудь секрет относительно лечения болезней. Мое собрание растений еще более убеждало местный люд в том, что я непременно доктор по профессии, а впоследствии я и действительно попал в великие врачи, вылечив нескольких человек хинином от лихорадки.

Наконец религиозные верования, поглотившие весь внутренний мир номада, но не разъяснимые в своей сущности, стоят самым очередным вопросом его умственной жизни. Поэтому монгол, при всяком удобном случае, заводит разговор о религии, ее обрядах, чудесах гыгенов и тому подобное. При этом он всегда является фанатиком и никогда не решится сомневаться в истинах своего ученья.

Превращение мое из купца в чиновника оказалось весьма благоприятным для нашего путешествия, так как мы могли теперь держать себя более самостоятельно относительно местного населения, что неудобно было делать под фирмой торговца.

Направляясь к Желтой реке и не имея проводника, мы шли по расспросам. Тут-то и являлись великие затруднения, во-первых, по незнанию нами китайского языка, а во-вторых, по подозрительности и недружелюбию населения, в особенности китайского. Случалось, что нам вовсе не хотели показывать дорогу, или, что еще хуже, указывали ее совсем в иную сторону. Мы блудили почти на каждом переходе и иногда делали понапрасну десяток или более верст.

Как на зло, приходилось часто идти по местности с густым китайским населением, где всякие затруднения еще более увеличивались. Обыкновенно при нашем проходе через деревню поднималась большая суматоха: все старые и малые выбегали на улицу, лезли на заборы или на крыши и смотрели на нас с тупым любопытством. Собаки лаяли целым кагалом и бросались драться к нашему Фаусту; испуганные лошади брыкались, коровы мычали, свиньи визжали, куры с криком уходили куда попало — словом, творился страшный шум и хаос. Пропустив верблюдов, один из нас оставался, чтобы расспросить дорогу. Тут подходили к нему китайцы, но, вместо прямого ответа на вопрос, они начинали осматривать и щупать седло или сапоги, удивляться ружью, расспрашивать, куда мы едем, откуда, зачем и так далее. Рассказ же о дороге отлагался в сторону и только в лучших случаях китаец указывал рукой направление пути. При множестве пересекающихся дорог между деревнями, такое указание конечно не могло служить достаточным руководством, так что мы шли наугад до другой деревни, где повторялась та же самая история.

В одном из китайских местечек, встреченных по пути, в Цаган-чулутае¹, нам пришлось променять несколько лан на чохи и сделать кое-какие покупки. Зная по прежним опытам, как трудно извернуться в подобном случае, в особенности не владея китайским языком, я нанял монгола пособить мне в столь премудром деле. Действительно, преграды начались с первого шага. Как обыкновенно, по приходе в Цаган-чулутай, нас встретили и проводили кагалом, а затем, когда караван прошел, я отправился в лавки. В первой из них сказали, что мое серебро нехорошо, между тем как это было самое лучшее калганское серебро; во второй лавке уверяли, что внутри серебряных слитков положен чугун; в третьей вовсе отказались менять и, наконец, только в четвертой дело пошло на лад. Долго осматривал здесь лавочник серебряные куски, стучал ими, нюхал и, наконец, в виде одолжения, предложил 1 400 чох за лан, тогда как местные жители меняют тот же самый лан по 1 800 чох. Поднялся, как обыкновенно, спор; мой монгол оказался весьма ретивым, уговаривал лавочника, показывал ему с причмокиванием серебро, жал пальцы в рукаве и наконец сотворил сделку по 1 500 чох за лан. Такое количество выходило, считая манчаном, то есть одну чоху за одну; дзеленом же в Цаган-чулутае считается по 60 чох за 100. Это было уже четвертое или пятое изменение счета денег, начиная от Долон-нора.

Превосходные пастбища, которые мы везде встречали в земле сахаров, кончились хребтом Сума-хада, так что далее наши лошади и верблюды начали быстро худеть на плохом корме. Кроме того для верблюдов уже давно не было гуджира, так как от самой кяхтинской дороги нигде не попадались солончаки. Поэтому мы очень обрадовались, когда встретили небольшое соленое озерко Дабасун-нор [Давстай-нур], где наши вьючные животные могли вдоволь наесться своей любимой соли.

Абсолютная высота местности к западу от Сума-хада остается по-прежнему весьма значительной, но орошение делается здесь еще скудное, в особенности с приближением к тем горам, которые стоят на берегу Желтой реки и известны у географов под именем Ин-шаня² [Инь-шань].

Этот хребет возникает на Монгольском нагорье, возле города Кукухото³, и тянется отсюда высокой, отвесной стеной по берегу северного изгиба Хуан-хэ. Верстах в 250 западнее своего начала описываемые горы резко оканчиваются в долине Желтой реки скалистой грядой Муни-ула. Впрочем на всем своем протяжении Ин-шань несет один и тот же дикий альпийский характер и резко отличается от других гор Юго-восточной Монголии обилием леса и воды.

На продолжении Ин-Шаня, далее по северному колену Хуан-хэ, стоят горы Шейтен-ула, а за ними — хребет Хара-нарин-ула, который тянется от речки Халютай в северные пределы Ала-шаня. Обе эти группы гор отличаются от собственно Ин-шаня по своему физическому характеру, да притом и соединяются с ним не прямо, но посредством других гор, иногда сильно мельчающих в своих размерах; такой перерыв в особенности значителен между Шейтен-ула и Хара-нарин-ула⁴.

¹ Собственно Цаган-чулу, что по-монгольски означает «белые камни».

² Местные жители вовсе не знают такого названия и различают именами только отдельные части описываемых гор.

³ В более обширном смысле Ин-шанем называют все горы от северного изгиба Хуан-хэ, через землю сахаров, к верховьям Шара-мурени и далее в пределы Маньчжурии. *Иакинф*. Статистическое описание Китая, ч. II, стр. 38.

⁴ В письме, помещенном в «Известиях Императорского Русского Географического общества» (т. VIII, № 5, 1872 года, стр. 174), я сказал, что хребет, стоящий

Кроме того Шейтен-ула отличается от Ин-шаня гораздо меньшей высотой, совершенным отсутствием леса и воды. Горы же за рекой Халютай, хотя достигают большой высоты и имеют вполне альпийский характер, но также безлесны и притом составляют хребет окраины, то есть развиваются вполне лишь к долине Хуан-хэ, которую отделяют от высокого плато, лежащего по другую их сторону.

Мы пришли в Ин-шань в той его части, которая известна у монголов под именем Сырун-булык [булак]. После унылых и безлесных степей невыразимо отрадно было увидеть горный лес и отдохнуть в зеленой чаще деревьев. В тот же день мы отправились на охоту и, взобравшись на высокую вершину, в первый раз увидели отсюда Желтую реку, которая извивалась по обширным равнинам Ордоса.

На следующий день мы хотели после полудня идти далее, чтобы более углубиться в горы, но неожиданный случай принудил нас остаться на прежнем месте. Часов в 10 утра поднялась сильная гроза с проливным дождем, и так как наша палатка неосмотрительно была поставлена на сухом русле горного потока, выходявшего из двух ущелий, то через несколько минут отсюда хлынули ручьи, прямо на наше убогое жилище. Мигом оно было затоплено водой, которая начала уносить разные мелкие вещи; ручей имел глубину менее фута [0,3 м], но все-таки наделал нам много хлопот. К счастью, одна половина палатки пришлась на более возвышенном месте, не затопленном сразу водой; сюда перетаскали мы свои измокшие пожитки, а затем устроили из войлоков плотину, которой оградили багаж от напора воды. Положение было весьма неприятное, но оно продолжалось не более получаса. Лишь только кончилась гроза и дождь перестал, быстро родившийся ручей иссяк, так что только наши мокрые вещи, разложенные теперь на просушку, свидетельствовали о постигшей нас катастрофе⁽⁶⁵⁾.

На другой день мы сделали небольшой переход в 15 верст и остановились возле кумирни Батгар-шейлун, называемой китайцами Удань-Джоу. Эта кумирня живописно расположена среди диких скалистых гор и считается одной из важнейших в Юго-восточной Монголии. Великолепный храм выстроен здесь в четыре этажа, а кругом его теснится куча домов, служащих жилищами ламам. Число последних простирается до 2 тысяч, но оно увеличивается летом до 7 тысяч; кроме того в Батгар-шейлун приходит множество богомольцев, иногда из местностей весьма отдаленных. Мы сами встретили весной возле озера Далай-нор монгольского князя, отправлявшегося молиться в описываемую кумирню. Вместе с князем ехал целый обоз различных пожитков и кроме того гналось стадо баранов. На вопрос: к чему эти животные?—нам отвечали, что они служат для продовольствия и что сам князь ежедневно кушает только жирный курдюк, а остальное мясо поедает свита.

Приношениями усердных верующих содержится вся орда лам в Батгар-шейлуна, где кроме того еще живут три гыгена. Сверх того этой кумирне принадлежит большая полоса земли, где не имеют права селиться китайцы¹; здесь только пасутся стада, от которых молоко и масло идет

по левому берегу долины Хуан-хэ от реки Халютай до пределов Ала-шаня, «не соединяется ни с Иншаньскими, ни с Алашаньскими горами». При более точном исследовании этих местностей весной 1872 года, оказалось, что между Хара-нарин-ула и Шейтен-ула существует связь посредством гряды холмов, иногда прерывающихся, по словам монголов. В свою очередь Шейтен-ула через Шохойн-дабан [то есть известковый хребет] связывается с собственно Ин-шанем. Относительно же отдельности всех этих групп от Алашаньских гор не может существовать ни малейшего сомнения.

¹ Такие земли находятся при всех больших кумирнях Монголии.

на продовольствие лам. Последние занимаются отчасти фабрикацией глиняных богов и продают их проходящим богомольцам. В описываемой кумирне есть также училище для воспитания мальчиков, предназначенных впоследствии быть ламами.

В огромных скалах, окружающих кумирню Батгар-шейлун, водится много горных антилоп, но охота здесь запрещена ламами, которые считают грехом убивать животное вблизи святого храма¹. Однако соблазн добыть шкуру этого зверя был так велик, что на другой день вечером я отправился в горы, и, переночевав там, рано утром убил молодого самца.

Так как этот небольшой зверь² не встречался нам нигде, кроме Ин-шаня, то я скажу теперь несколько слов об его привычках и образе жизни.

Подобно другим горным антилопам, описываемый вид выбирает для жительства самые дикие и неприступные скалы альпийских гор. Здесь антилопы держатся в одиночку, реже парами, и в течение целого дня скрываются в укромных местах. На таких лежбищах зверь подпускает охотника очень близко и вскакивает только в самом крайнем случае.

Перед вечером горные антилопы выходят из своих убежищ, кормятся целую ночь и продолжают это час или два по восходе солнца, а затем укладываются на лежбища. Любимыми, даже исключительными, их пастбищами служат альпийские луга и в особенности небольшие лужайки между скалами. Перед выходом сюда, равно как и во время самой покормки, описываемый зверь часто взбирается на вершину или на выступ скалы и стоит подолгу, чтобы осмотреть окрестности и увериться в безопасности. При этом он часто посещает одно и то же место, так что здесь накапливается большая куча (иногда гарнца два) (66) мелкого помета, издали очень похожего на зерна жженого кофе. Во время остановки, равно как и на спокойном ходу, горная антилопа беспрестанно помахивает своим черным, довольно длинным хвостом. На пастбище можно изредка услышать и голос описываемого зверя как отрывистое, не очень громкое, рывканье.

По своему характеру горная антилопа чрезвычайно осторожное животное. Заметив опасность, оно бросается на уход очень быстро, скачками, а в крайнем случае спрыгивает в глубокие ущелья. Я сам был свидетелем, как одна такая антилопа, заметив меня очень близко, прыгнула со скалы в 100 футов [30м] вышиной и преблагополучно ушла. Во время ее полета вниз, гнездившиеся в отвесе этой скалы горные ласточки с криком бросились на зверя.

После скачка обыкновенно слышится глухой удар о камни,—это стукнули копыта ловкого зверя, у которого, кстати сказать, ноги очень толсты сравнительно с небольшой величиной тела. Зимняя шкура горной антилопы употребляется местными жителями на теплые одежды и стоит около рубля на наши деньги.

На третий день нашего пребывания возле Батгар-шейлуна к нам неожиданно явился небольшой отряд китайских солдат с офицером, который потребовал наш паспорт. Оказалось, что ламы из кумирни, подозревая, что мы шпионы дунган, дали знать в ближайший китайский город Бауту [Баотоу], откуда и были присланы солдаты. Последние явились к нам в боевом порядке, с зажженными фитилями у своих ружей и с обнаженными

¹ Подобные запрещения охоты вблизи кумирен встречались нам и в других частях Монголии.

² Убитый мною молодой самец горной антилопы, весил около пуда; монголы уверяли, что и старый самец тянет разве немного более.

саблями. Вся эта комедия разыгралась скоро. Мы пригласили офицера в свою палатку, где показали ему пекинский паспорт, который сразу произвел большое впечатление. Пока переписывался этот вид, я угостил офицера чаем с русским сахаром, затем подарил ему перочинный ножик, и мы расстались друзьями; только впоследствии оказалось, что солдаты украли у нас несколько мелких вещей.

От кумирни Батгар-шейлун мы направились в горы Муни-ула, составляющие, как сказано выше, западную оконечность Ин-шаня. Последний на всем своем протяжении носит, вероятно, один и тот же характер, а потому более подробное описание западной гряды может служить общей характеристикой всего хребта.

Протянувшись верст на 100 между двумя долинами — одной на севере, а другой, прилегающей к Хуан-хэ, на юге, Муни-ула стоит резко очерченной полосой, имеющей в ширину около 25 верст. Наивысшие точки этих гор поднимаются более чем на 8 000 футов [около 2 500 м] абсолютной высоты¹, быть может, даже до 9 000 футов [около 2 750 м], но нигде не достигают снеговой линии. Главная ось Муни-улы идет почти самой серединой хребта, спускающегося к северу и югу крутыми скатами, изоброжденными скалистыми ущельями и узкими долинами. Вообще весь описываемый хребет изобилует скалами и имеет дикий, альпийский характер, который всего более развивается на южном склоне гор.

Горные породы Муни-ула² состоят из гранита, сиенитового гранита, обыкновенного гнейса и роговообманкового, гранулита, порфира и пород новейшего вулканического образования. Окраины описываемого хребта безлесны и покрыты лишь редкими кустарниками дикого персика, лещины и желтого шиповника, тех же самых пород, какие уже встречались в хребтах Шара-хада и Сума-хада. Затем, с поднятием в горы, кустарники делаются чаще и появляются отдельные деревья: сосна — *Pinus silvestris* и низкорослый вяз — *Ulmus* sp. На расстоянии 8—10 верст от северной окраины хребта (а на южной не далее 2 верст от наружного края гор) приблизительно с высоты 5 300 футов [1 615 м]³, начинаются леса, которые с поднятием вверх делаются больше и гуще. И здесь леса эти растут главным образом в северных ущельях; притом в этих ущельях боковые скаты, обращенные к югу, чаще бывают оголены, нежели покрыты деревьями. Даже на южном склоне Муни-ула, где в общем леса встречаются в большем количестве, нежели на северной стороне, и здесь они растут преимущественно в ущельях, обращенных к северу.

Главные преобладающие породы описываемых лесов суть: осина — *Populus tremula*, черная береза — *Betula daurica*, и ива — *Salix* sp. Последняя встречается то в виде кустарника, то дерева до 20 футов [6,1 м] вышины; осина достигает несколько большей высоты, а черная береза имеет обыкновенно меньшие размеры. Из других древесных пород в лесах Муни-ула растут: белая береза — *Betula alba*, тополь — *Populus laurifolia* [лавролистный], ольха — *Alnus* sp., рябина — *Sorbus aucuparia* и абрикос — *Prunus*

¹ Высшей точкой Муни-ула считается гора Шара-орой, лежащая ближе к западной оконечности хребта; ее высоту измерить нам не удалось, так как мы не были в той части гор. Определенные же мною вершины в средней части Муни-ула имели 7 400 футов [2 256 м] абсолютной высоты; гора Шара-орой, без сомнения, превышает их футов на 1 000. Для устранения недоразумений следует сказать, что в хребте Муни-ула существуют две вершины, называемые Шара-орой; одна из них лежала недалеко от нашего пути, но определить ее высоту также не удалось.

² Вместе с хребтом Сырун-булык.

³ На южном же склоне гор, вероятно, ниже.

sp.¹ Изредка попадает дуб — *Quercus mongolica*, карликом в 7 футов [2,1 м] вышины, липа — *Tilia* sp., таких же размеров, можжевельник — *Juniperus communis*, и туя — *Biota orientalis*; последняя встречается исключительно на южном склоне гор и притом лишь в нижнем поясе лесов. К характеристике этих последних должно отнести то обстоятельство, что здесь вовсе нет ели.

Из кустарников в самом большом количестве растет лещина — *Ostryopsis davidiana*, достигающая 3—4 футов [0,9—1,2 м] вышины и образующая часто густой подлесок, иногда же сплошь зарастающая горные скаты, лишенные деревьев. Из других кустарниковых видов в меньшем числе попадают розовый шиповник — *Rosa acicularis* [иглистый], малина — *Rubus idaeus*, таранушка — *Ribes pulchellum* [смородина красивая], калина — *Viburnum opulus*, дерен — *Cornus* sp., крушина — *Rhamnus argutta*, таволга — *Spiraea* sp., и леспедеца — *Lespedeza bicolor*, столь распространенная в лесах южного Амура.

В долинах, лежащих ближе к окраине гор, сухие русла горных потоков густо окаймлены желтым шиповником, диким персиком, бояркой — *Crataegus sanguinea*, и барбарисом — *Berberis* sp. Здесь иногда вьется ломонос — *Clematis* sp., покрывающий то тот, то другой куст красивой шапкой своих желтых цветов, а свободные лужайки густо поросли пустырником — *Leonurus sibiricus* и двумя видами дикого лука — *Allium odorum*, *A. anisodidium* [душистый и разноножковый].

Более разнообразия, нежели деревья и кустарники, представляет травянистая растительность описываемых гор. По лесам здесь, как и в Европе, красуются ландыши — *Convallaria majalis*, майники — *Majanthemum bifolium*, и анемоны [лесной и бородчатый] — *Anemone silvestris*, *A. barbulata*; старые знакомцы костяника — *Rubus saxatilis*, и земляника — *Fragaria* sp., попадают также нередко; рядом с ними цветут: *Sacalia hastata* [какалия], *Echinosperrum* sp. [липучка], несколько видов горошка — *Vicia*, *Polygonatum officinale* [купена], *Phlomis umbrosa* [зопник теневой], *Agrimonia* sp. [репейник], *Asplenium* sp. — папоротник [аспленium] местами сплошь покрывает сырую лесную почву.

На лесных лугах растут: пионы — *Paeonia albiflora*, *Hemerocallis* sp. [красноднев], *Lilium tenuifolium* [лилия тонколистная], герань — *Geranium* s., кипрей [иван-чай, *Epilobium angustifolium*], валериана — *Valeriana officinalis*, и лапчатка — *Potentilla anserina* [гусиная].

Во влажных лесных ущельях и возле горных ключей травы еще разнообразней. Здесь везде можно встретить: бузульник — *Ligularia* sp., мытник — *Pedicularis resupinata* [цельнолистный], водосбор [зеленоцветный] — *Aquilegia viridiflora*, [девясил британский] — *Inula britanica*, буркунчик — *Medicago lupulina* [медунка хмелевая], веронику — *Veronica sibirica* [сибирскую] — *Veronica* sp., три или четыре вида лютика — *Ranunculus*, гравилата — *Geum strictum* [прямой], бубенчик — *Adenophora* sp., тысячелистник — *Achillea mongolica* [монгольский], а по мусорным местам паслен — *Solanum* sp., и крапиву — *Urtica angustifolia*.

Наконец, по открытым скатам гор цветут: гвоздика — *Dianthus seguieri*, ночная фиалка — *Hesperis trichosepala* [левкой], мак — *Papaver alpinum*, очиток — *Sedum Aizoon*, мордовник — *Echinops dauricus* [даурский], лук — *Allium* sp., *Koeleria cristata* [тонконог], *Statice* sp. [кермек], *Pardanthus* sp., пестроцвет [и другие].

¹ Абрикос растет преимущественно на оголенных скатах гор.

В общем растительность гор Муни-ула много напоминает собой сибирскую флору; однако описываемые леса несут совершенно иной характер нежели наши сибирские. Здесь не видно роскошной растительности, столь поражающей путешественника на берегах Амура и Уссури. Деревья обыкновенно невысоки и тонкоствольны, кустарники низки и корявы, а иссохшие сучья ив, торчащие на живых экземплярах, выступают крайне непривлекательно на общем зеленом фоне. Горные ручьи, текущие почти везде по лесным ущельям, лишь только выходят в более широкие долины или за окраину хребта, тотчас же исчезают под землей, так что далее вьется сухое русло, в котором вода бывает на час или два во время сильного ливня. Притом, несмотря на охранительную стражу, леса Муни-ула нещадно истребляются окрестными китайцами; все большие деревья повыврублены, и только пни свидетельствуют о том, что некогда здесь были довольно крупные экземпляры.

Вслед за полосой лесов лежит область альпийских лугов, занимающих самые верхние части описываемого хребта. После однообразного и бедного нижнего пояса, где преобладают лишь редкие, корявые кустарники, после сырых зарослей лиственных лесов, одевших собой все средние скаты гор, взор с отрадой останавливается на яркой зелени и пестром ковре цветов роскошного горного луга. Невысокая густая трава покрывает здесь все скаты и ложбины, оставляя голыми только скалы и отдельные камни, которые своим желтовато-серым цветом резко контрастируют с очаровательной зеленью лугов, испещренных самыми разнообразными цветами. Кусты таволги — *Spiraea* sp., и курильского чаю — *Potentilla fruticosa*, *Trollius* sp. [купальница]; кровохлебка (альпийская) — *Sanguisorba alpina*, синюха — *Polemonium coeruleum*, различные лютики — *Ranunculus*, и многие другие виды, уже поименованные при описании лесной флоры, заливают описываемые луга то желтым, то белым, то коричнево-красным, то синим колерами, частью перемешанными между собой, частью расположенными отдельными полосами. И еще восхитительнее становятся эти луга ранним утром, когда взошедшее солнце играет цветами радуги в каплях сильной ночной росы, а окрестная тишина нарушается только пением чеккана или горной щеврицы; в то же время отсюда открывается чудный вид на Хуан-хэ и раскинувшиеся за ней равнины Ордоса.

Животная жизнь в горах Муни-ула, против ожидания, встречается далеко не в обилии. Из крупных млекопитающих здесь водятся только: олень — *Cervus elaphus?*, козуля — *Cervus pygargus* [*Capreola* p.], горная антилопа, волк — *Canis lupus*, и лисица — *Canis vulpes* [*Vulpes* v.], но нет ни одного вида кошачьего семейства, хотя, по словам местных жителей, здесь прежде держались барсы и даже тигры¹. Из грызунов в лесах вероятно живут мелкие виды мышей и полевок, а в долинах окраины гор встречаются: заяц — *Lepus tolai*, повсеместный в Монголии, и суслик — *Spermophilus* sp. [*Citellus* sp.], последний величиной в крысу. Заметив человека, или просто от скуки, он вытягивается, как свеча, на задних лапках возле своей норы и громко, отрывисто пищит.

Среди птиц более разнообразия, но все-таки орнитологическая фауна Муни-ула бедна, принимая во внимание обилие лесов в этих горах. Вероятно, крутые переходы от холода к жаре, от затишья к буре, от чрезвычайной сухости к сильной влажности, мешают многим китайским видам

¹ Впрочем монголы уверяли нас, что барсы водятся и теперь в Ин-шане, но только не на Муни-ула, а ближе к городу Куку-хото.

проникать даже в лучшие места Монгольского нагорья. В самых диких и неприступных скалах альпийской области описываемых гор гнездятся: гриф — *Vultur monachus* [черный гриф—*Aegypius m.*] и ягнятник — *Gypaetos barbatus*, две громадные птицы, достигающие слишком 9 футов [2,7—2,8 м] в размахе крыльев. Рядом с ними живут: стриж — *Cypselus leucoruga* [белозадый стриж — *Apus pacificus*], крикливая галка — *Fregilus graculus* [альпийская галка—*Pyrroshacorax g.*] и каменный голубь—*Columba rupestris*, а по альпийским лугам горная щеврица — *Anthus rosaceus*? В лесной области являются мелкие певуны: горихвостка — *Ruticilla aurea* [*Phoenicurus a.*], овсянка — *Emberiza sp.*, поползень — *Sitta sinensis* [*S. evropea s.*], крапивник — *Troglodytes sp.*, синица — *Poecile cincta* [сероголовая гайка — *Parus c.*], *Phylloperuste superciliosa* [пеночка-зорничка — *Phylloscopus inornatus*], *Pterorhinus davidii*, *Drymoca extensicauda*; по деревьям стучат дятлы—*Picus sp.*, редко—*Picus martius* [дятел желна—*Dryocopus m.*]; утром и вечером отрывисто токуют фазаны — *Phasianus torquatus*. Наконец с заходом солнца везде раздается однообразное постукивание [большого] козодоя—*Caprimulgus jotaca* [*C. indicus*], которого в Сибири зовут «кузнецом».

Ниже предела лесов, в сухих горных долинах и в скалах держатся: каменный дрозд — *Petrocincla saxatilis* [*Monticola s.*], каменка-плясунья—*Saxicola isabellina* [*Oenanthe is.*], удод — *Upupa epops*, серая и каменная куропатки — *Perdix barbata*, *P. chukar* [*P. daurica*, *Alectoris kakelic*]. Последний вид встречается также в скалах альпийской области и всегда обращает внимание охотника своим громким, почти неумолкаемым клохтаньем.

Резкое отличие Муни-ула от других хребтов Юго-восточной Монголии породило между монголами легенду о происхождении вышеописанных гор. Эта легенда гласит, что в давние времена, лет тысячу, или более тому назад, в Пекине жил кутухта, который, несмотря на свое божеское происхождение, предавался такой непристойной жизни, что был арестован по повелению богдохана. Разгневанный подобным насилием, святой кутила сотворил огромную птицу и повелел ей перевернуть столицу своего государя. Тогда утраченный богдохан освободил кутухту из-под ареста, и тот отменил приказание, данное птице; последняя успела только приподнять город с одного конца, отчего Пекин до сих пор лежит немного покато.

Затем чудотворец решил бросить негостеприимный город и переселиться в Тибет. Двинувшись в путь, он благополучно достиг берега Хуан-хэ, но здесь китайцы не соглашались перевезти его на другую сторону реки. Вновь разгневанный святой решил теперь отомстить не на шутку. Двинувшись в Северную Монголию, он выбрал в Алтайских горах огромный горный кряж, привязал его к стремянам своей лошади и потащил на берег Хуан-хэ с тем, чтобы перебросить привезенные горы через эту реку и, остановив ее течение, затопить всю окрестную страну. Тогда защитником несчастных жителей явился сам Будда, который упрямил кутухту смирить свой гнев и пощадить невинных. Святой внял голосу бога и поставил горы на берегу реки в память своего могущества; сам же бросил в Хуан-хэ пояс, перешел по нему, как по мосту, на противоположную сторону реки и отправился в Тибет.

Оставив Муни-ула на берегу Хуан-хэ, кутухта повернул ее так, что прежняя северная сторона стала южной и наоборот. Поэтому, говорят местные монголы, и лесов более на южном склоне этих гор, тогда как обыкновенно везде леса растут в большем обилии на северных сторонах горных

хребтов. Сам же хребет оттого не похож на другие горы нашей страны, что он не здешний, но пришелец с севера.

Другое предание гласит, что в горах Муни-ула некогда жил Чингис-хан во время войны с Китаем. Он обитал на горе Шара-орой¹, и там до сих пор еще находится железная чаша, в которой великий завоеватель варил себе пищу; однако этой чаше никто не может видеть. Здесь только ежегодно летом совершается служение ламами из ближайшей кумирни Мыргын (Мэргэн). Самое название Муни-ула дал описываемым горам также Чингис-хан, которому как охотнику весьма понравилось это место своим обилием зверей.

Монголы уверяют, что на той же горе Шара-орой есть окаменелый слон, а еще где-то в горах зарыта большая куча ямбового серебра, но что этот клад охраняется злыми духами и взять его невозможно. Рассказчики объясняли, что заветное серебро лежит на вершине горы в огромной яме, закрытой сверху чугунной дверью, с небольшим отверстием, сквозь которое виден клад. Некоторые смельчаки ухитрились зимой опускать в яму сырое мясо для того, чтобы к нему примерзли ямбы. Но лишь только начинали тянуть за веревку и примерзший слиток приближался к отверстию, как тотчас отпадал назад и вытащить его из заколдованного места было невозможно.

Целых три дня употребили мы на то, чтобы ощупью забраться в горы Муни-ула, куда ни китайцы ни монголы не хотели показать нам истинной дороги. Мы сами пробовали идти то по той, то по другой долине и сначала крайне неудачно, так как узкая долина вскоре превращалась в ущелье, запиравшее дальнейший путь; мы возвращались обратно и повторяли то же самое в следующей пади. Наконец, на третий день своих поисков, мы нашли речку Ара-мыргын-гол [Ара-мэргэн-гол], по которой дошли почти до ее истока близ главного гребня гор и здесь в лесу, на небольшой лужайке, разбили свою палатку.

Появление наше в горах и остановка там произвели переполох между окрестными монголами и китайцами, которые увидели европейцев в первый раз² и не знали, за кого именно принимать нас. Толкам и догадкам о нашем прибытии не было конца. Ламы прибегли даже к гаданию и запретили всем монголам продавать нам что-либо съестное. Такой приказ исходил от настоятеля кумирни Гымпин и оказался для нас весьма чувствительным, так как наши запасы в это время были на исходе. Мы надеялись добыть мяса охотой, но, не зная гор, в течение нескольких дней сряду не могли убить ни одного зверя, а потому питались исключительно просяной кашей. Наконец, я убил косулю; тогда монголы, видя, что голодом нас не выгонишь, стали продавать нам масло и молоко.

Добыча птиц на чучела была не велика, как и вообще от самого Калгана; кроме бедности пернатых вообще теперь наступил период их линяния, следовательно большая часть экземпляров не годилась для препарирования и еще более среди растений, так как теперь настала пора цветения многих видов трав. Дожди, обыкновенно сопровождаемые грозами, в течение всего июня перепали очень часто, и прежняя сухость воздуха сменилась теперь большой сыростью. В то же время, совершенно противоположно маю, кончились сильные, почти постоянные бури, а

¹ Ближайшей к середине хребта, а не на той, которая находится в западной его части.

² За четыре года до нашего посещения Муни-ула здесь был французский натуралист миссионер Armand David, который приехал тогда из Пекина в Ордос.

взамен их наступили затишья и жары. Благодаря всему этому, растительная жизнь в июне начала развиваться с большей энергией, и уже в первой половине названного месяца зазеленели доселе желто-серые степи и оголенные горные скаты. Цветы начали показываться в значительном количестве и разнообразии, хотя степи Юго-восточной Монголии¹ далеко нельзя сравнить по красоте с лугами наших стран. Здесь нигде не встретишь сплошного ковра цветов или мягкой блестящей зелени нашего лугового дерна. Наоборот, эти степи в самую лучшую пору растительной жизни несут унылый характер; в них все монотонно, все выкроено как будто по одной мерке. Трава, растущая кустиками, везде одинаковой вышины и лишена яркой зелени, а цветы не имеют блестящих колеров. Только возле редких ключей изменяется такой характер растительности, и более яркая зелень, а иногда полоса цветущего касатика свидетельствуют о лучших условиях растительной жизни.

В продолжение двухнедельного пребывания в горах Муни-ула мы часто отправлялись на охотничьи экскурсии, иногда даже ночевали в горах, чтобы охотиться самым ранним утром. Однако, несмотря на это, мы не убили ни одного оленя, хотя их здесь довольно много. Но теперь именно эти звери всего усерднее преследовались местными охотниками-монголами, ради своих молодых рогов, которые, как известно, очень дорого ценятся в Китае. Самыми лучшими считаются те рога, которые имеют третий отросток и которые при своей значительной величине еще достаточно наполнены кровью. За такие рога покупатели платят от 50 до 70 лан; более старые рога уже не годятся, так как начинают твердеть и превращаться в кость.

Спрос на оленьи рога в Китае так велик, что их целыми тысячами отправляют сюда из нашей Сибири через Кяхту, куда доставляют партиями на почтовых из местностей иногда очень отдаленных. Кроме того множество таких рогов скупается на Амуре китайцами и препровождается в Пекин через Маньчжурию.

Во время своего пребывания на Амуре и теперь я часто расспрашивал, для какой цели служат в Китае молодые оленьи рога², но никогда не мог узнать об этом достоверно. Китайцы держат такое употребление в строгом секрете. Впрочем, по слухам, эти рога, изготовленные особым образом, употребляются сынами Небесной империи как сильно возбуждающее средство. Не знаю, насколько это справедливо, но во всяком случае молодые рога играют, вероятно, немаловажную роль в китайской медицине, иначе они не требовались бы ежегодно в таком большом количестве и за них не платили бы огромные деньги⁽⁶⁷⁾.

В альпийских горах Муни-ула нам в первый раз пришлось познакомиться вполне со всеми трудностями горной охоты. Могу сказать по опыту, что для нее нужен человек закаленного здоровья и физически крепкий. Много раз приходится быть на краю опасности, еще более переносить трудностей, о которых житель равнин не имеет понятия. Не говоря уже про ходьбу по крутым, чуть не отвесным скатам, которые до того утомляют человека, что он иногда не в состоянии сделать, не отдохнув, еще десяток шагов — огромные скалы с узкими, часто выветрившимися, выступами, глубокие, отвесные ущелья, или каменные россыпи, метко называемые

¹ Собственно к западу от хребта Сума-хада, там, где мы провели лето; в земле сахаров степные луга, вероятно, представляют в это время более отрадный вид.

² По-сибирски «панты».

в Сибири «чортовой каменкой», представляют целый ряд опасностей далеко не малых. Иногда один неверный шаг, один оборвавшийся под ногами камень — и поминай как звали охотника.

Притом же сама охота в горах крайне неблагоприятна. Здесь все зависит от случая, и никогда нельзя рассчитывать наверняка; сплошь и рядом добыча уходит из самых рук, не только зверь, но даже и птица. Случается, вдруг увидишь какой-нибудь хороший экземпляр, но мгновение — и он скроется в лесной чаще, поднимается на скалу или перелетит на противоположную сторону ущелья.

Относительно зверей еще труднее, так как здесь само животное весьма осторожно и притом почти всегда имеет возможность заранее заметить или почуять охотника. Иногда зверь выскочит или пробежит близко, но в лесной чаще его нельзя видеть; иногда мелькнет на скале, но тотчас же скроется за ее выступом, так что охотнику слышен только стук копыт или грохот сброшенных камней. Даже в лучшем случае, когда придется увидеть животное, то и тогда часто невозможно верно прицелиться, потому что руки не твердо держат ружье после долгого лазанья по крутизне. Наконец, случается, что смертельно раненые уходят, а убитые падают в неприступные пропасти; зато иногда один удачный выстрел вознаграждает охотника за все перенесенные им трудности.

Но горы доставляют много и отрадных минут. Взобравшись на высокую вершину, с которой открывается далекий горизонт на все стороны, чувствуешь себя свободней и по целому часу любуешься панорамой, которая расстилается под ногами. Громадные, отвесные скалы, запирающие мрачные ущелья или увенчивающие собой вершины гор, также имеют много прелести в своей оригинальной дикости. Я часто останавливался в таких местах, садился на камень и прислушивался к окружающей меня тишине. Она не нарушалась здесь ни говором людских речей, ни суматохой обыденной жизни. Лишь изредка раздастся воркованье каменного голубя и пискливый крик клушицы, поползет по отвесной стене краснокрылый стенолаз или наконец высоко из-под облаков с шумом спустится к своему гнезду гриф, а затем попрежнему кругом все станет тихо и спокойно...

Под конец своего пребывания в горах Муни-ула мы наняли в услужение монгола, по имени Джюльджига, и вместе с ним направились в китайский город Бауту¹ [Баотоу], расположенный по южную сторону Ин-шаня. В этом городе мы должны были сделать закупки риса и проса для дальнейшего путешествия, а затем уже переправиться на другую сторону Хуан-хэ — в Ордос.

Чтобы попасть на противоположную сторону Муни-ула, необходимо было перовалить через эти горы; мы пошли на перевал, неподалеку которого стояли и чрез который обыкновенно ездят на мулах или ослах местные жители. Перевал здесь не труден, тропинка очень хороша и делается несколько круче только на южном склоне; далее она направляется по ущелью, где течет речка Убыр-мыргын-гол² [Убур-мэргэн-гол], и, пройдя 16 верст вниз по ней, выходит в долину Хуан-хэ.

Здесь характер местности и природы изменился чрезвычайно резко. Горы круто спустились в долину; леса, горные ручьи, цветущие луга — все сразу кончилось, а взамен того явилась степь — песчаная, безводная и гладкая, как пол. Исчезли звери и птицы, обитающие в горах; не стало

¹ Этот город собственно называется Си-Бауту, в отличие от местечка Ара-Бауту, которое лежит неподалеку от него.

² Эта речка, равно как и Ара-мыргын-гол, выйдя из гор, исчезает под землей.

слышно гуканья дикого козла, клохтанья куропаток, стуканья дятла и пения мелких птичек. Взамен всего этого явились дзерены, жаворонки и мириады кузнечиков, которые своей неумолкаемой трескотней наполняли дневную тишину во время сильного жара.

По выходе из гор мы направились к востоку долиной, лежащей между Ин-шанем и левым берегом Хуан-хэ. Эта долина большей частью густо населена китайцами, деревни которых скучены ближе к горам, вероятно во избежание сильных разливов Желтой реки. Обширные поля везде превосходно обработаны и на них засеяны: просо, пшеница, ячмень, гречиха, овес, рис, кукуруза, картофель, конопля, горох, бобы, местами тыквы, арбузы, дыни и мак. Благодаря более низкому положению долины Хуан-хэ и защите ее горами с севера некоторые хлеба начинали поспевать, а ячмень уже был совсем готов, и его убирали с полей.

На другой день пути мы сделали переход в 40 верст и, после полудня, пришли в город Бауту, который лежит в 7 верстах от берега Желтой реки и верстах в 50 западнее города Цаган-куренья, описанного Гюком¹. Бауту довольно обширен и обнесен квадратной глиняной стеной, каждая сторона которой имеет в длину 3 версты. Число жителей мы не могли узнать, но население здесь довольно велико; Бауту ведет обширную торговлю с соседними частями Монголии, то есть с уротами, Ордосом и Ала-шанем. Здесь находится даже чугунный завод для приготовления больших чаш, в которых китайцы и монголы варят свою пищу. Внешний вид описываемого города, как вообще в Китае, грязный и крайне непривлекательный для европейца (68).

Лишь только мы вошли в городские ворота, где стоит караул, как у нас тотчас же спросили паспорт и, получив его, один из солдат повел нас в ямын, то есть городское управление. Перед воротами этого судилища мы простояли со всем своим караваном минут 20, окруженные толпой китайцев, сбегавшихся посмотреть на невиданных еще «заморских чертей». Наконец из ямына вышли несколько полицейских и объявили, что нас желает видеть мандарин, начальник всех здешних войск. Повернув в соседнюю улицу, мы скоро подъехали к жилищу китайского генерала, где нам предложили слезть с лошадей и войти во двор пешком. В воротах у нас отобрали ружья и затем повели к мандарину, который, весь в красном одеянии, ожидал в дверях своей фанзы. Наш монгол, увидя такого важного начальника, тотчас же бросился перед ним на колени; мы с товарищем и казак-переводчик раскланялись по-европейски. Пригласив нас затем в свою фанзу и посадив здесь меня и моего помощника (монгол и казак стояли), мандарин приказал подать чаю. Затем он начал спрашивать: откуда мы? зачем сюда пришли? куда едем? и так далее. Когда я объявил о своем желании пройти через Ордос в Ала-шань, то мандарин ответил, что это очень опасно, так как по дороге везде шляются разбойники. Зная, что в Китае без взятки ничего сделать нельзя, я уклонился от рассказа насчет дальнейшего пути и велел своему казаку передать, что желаю подарить мандарину на память хорошую русскую вещь, именно часы. Такое предложение произвело свое действие. Мандарин сначала как будто отказался от подарка, но потом поблагодарил за него и обещал дать нам свободный пропуск в Ордос. Обрадовавшись такому удачному обороту дела, мы раскланялись с китайским генералом и просили его приказать помочь нам отыскать квартиру.

¹ Нус. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. Т. I. p. 309.

Получив в провожатые нескольких полицейских, в сопровождении огромной толпы, ожидавшей нас перед воротами фанзы мандарина, мы отправились в город искать помещения. Несколько раз полицейские заходили то в одну, то в другую фанзу и, получив отказ, или, вернее, содрав с хозяина взятку, вели нас далее. Наконец, мы пришли к одному купцу, у которого стояли солдаты, и здесь, после долгих споров, нам указали небольшую и невообразимо грязную фанзу. Напрасно мы уверяли хозяина, что заплатим ему сколько угодно за лучшее помещение; такового не оказывалось, и мы поневоле должны были довольствоваться отведенной конурой.

Развьючив верблюдов, мы стаскали в свою фанзу все вещи и думали отдохнуть, но толпа народа, запрудившая собой не только двор, но даже целую улицу, не давала нам ни минуты покоя. Напрасно мы заперли окно и двери фанзы, в которой остановились; то и другое было выломано, и нас окружила куча нахалов, среди которых всего более замечалось грубых и дерзких солдат. Некоторые из этих непрошенных гостей позволяли себе даже ощупывать нас, но, получив пинка, со смехом отходили в сторону и начинали ругаться. Полицейские, которым я обещал заплатить за усердие, старались всеми силами удержать напор толпы, и дело несколько раз доходило до драки. Наконец, заперли ворота дома; тогда любопытные начали лезть на крышу и оттуда спускались во двор. Так прошло до самого вечера, когда наконец толпа разошлась и мы, утомленные всеми тревогами дня, легли спать. Однако жара в фанзе и беспрестанно шлявшиеся солдаты, жившие по соседству, не дали нам отдохнуть, так что с восходом солнца мы встали с сильной головной болью и решили, сделав необходимые покупки, поскорей уходить из города.

С первым нашим шагом на улицу повторилась вчерашняя история. Толпа тесной стеной окружала нас, несмотря на усердие тех же самых полицейских, которые своими длинными косами, как плетью, стегали на обе стороны, чтобы очистить для нас проход. Едва мы заходили в лавку, как она была уже полна народу, так что хозяин, испугавшись подобного нашествия, ничего не хотел продавать и только просил, чтобы мы поскорее уходили от него. Наконец, по протекции тех же полицейских, мы зашли к одному купцу во двор и там, в задней фанзе, купили, что было нужно.

По возвращении на квартиру нам предстояло испытать вчерашнюю участь, но теперь наши охранители-полицейские, получившие уже от нас кусок серебра, заперли ворота и начали пускать любопытных за деньги. Признаюсь, не совсем приятно было разыгрывать роль каких-то невиданных зверей, но это оказалось меньшим из двух зол; по крайней мере зрители являлись к нам теперь не сотнями, но десятками и вели себя гораздо благопристойнее.

Около полудня пришли сказать, что мандарин желает опять нас видеть, и мы отправились к нему, захватив обещанные часы. В ожидании приёма нас привели в солдатскую казарму, где мы пробыли с полчаса и видели домашний быт китайских воинов. Число их в городе Бауту простирается до 5 тысяч человек, среди которых всего более южных китайцев, называемых здесь «хотанами»; кроме того есть маньчжуры и в небольшом числе солоны. Все эти войска вооружены фитильными и изредка европейскими ружьями, саблями и длинными бамбуковыми пиками с огромным красным флагом на конце древка.

Деморализация и распущенность солдат превосходят всякое описание, для мирных жителей они чистые разбойники. Ко всему этому воины

Небесной империи почти поголовно преданы курению опиума. В казармах везде виднелись зажженные светильни и возле них курящие, рядом с окончившими такое занятие и погруженными в глубокий сон. Не зная, чем отучить своих солдат от такой пагубной привычки, их генерал еще вчера спрашивал, не знаем ли мы какого-нибудь лекарства от опиума, и предлагал заплатить за это большие деньги.

Мандарин принял нас сегодня в той же самой фанзе и, получив часы, начал расспрашивать про Россию: далеко ли отсюда наша столица? как обрабатывают у нас землю? и так далее. В то же время он рассматривал бывшее на нас одеяние (статское) с такой подробностью, что дело доходило даже до рубашки и сапог. Во время обычного чаепития нам поднесли ответные подарки, заключавшиеся в небольших шелковых мешочках, в которых монголы носят за поясом свои табакерки. Поблагодарив за это мандарина, мы объявили ему, что желаем сегодня уходить из города, и просили приказать не задерживать нас на перевозе через Хуан-хэ. Обещание было дано, и мы расстались с китайским генералом. Немного спустя нам принесли от него пропускной билет и наш пекинский паспорт, так что мы могли свободно идти далее. Завьючив верблюдов, в сопровождении огромной толпы, мы вышли наконец из города и вскоре достигли перевоза Лан-хайза, где должны были переправиться на другую сторону Желтой реки.

Для перевозки как людей, так и животных, здесь служат плоскодонные баркасы, сажени 4 [8,5 м] длиной и около 2 [4,3 м] в ширину. Борты этих баркасов поднимаются фута на 3 [около метра] над водой, а так как сходней не имеется, то через подобный барьер должны лазить все животные, в том числе и верблюды.

В Лан-хайзе прежде всего началась речь о плате, и после долгих споров, нас согласились перевезти за 4 тысячи чох, что составляет четыре рубля нашей звонкой монеты. Затем развьючили верблюдов и стаскали на баркас все вещи. Потом завели сюда лошадей и наконец принялись устанавливать верблюдов. С последними было не мало возни, так как трусливые животные ни за что не хотели идти в воду, а тем более лезть в барку. Тогда с десяток китайцев упирали доску плашмя в зад животного и пихали его к баркасу, между тем несколько человек старались втащить туда веревками передние ноги верблюда, который при этом плевал и кричал во все горло, но наконец все-таки попадал в баркас. Здесь его тотчас же укладывали и привязывали так, чтобы нельзя было встать во время переезда.

Наконец, после двухчасовой работы, укладка нашего каравана кончилась, и нас потащили на веревках вверх по реке. Заведя таким образом около версты, баркас пустили вниз по течению и на веслах пристали к противоположному берегу. Здесь вскоре все было выгружено, и мы очутились в Ордосе.

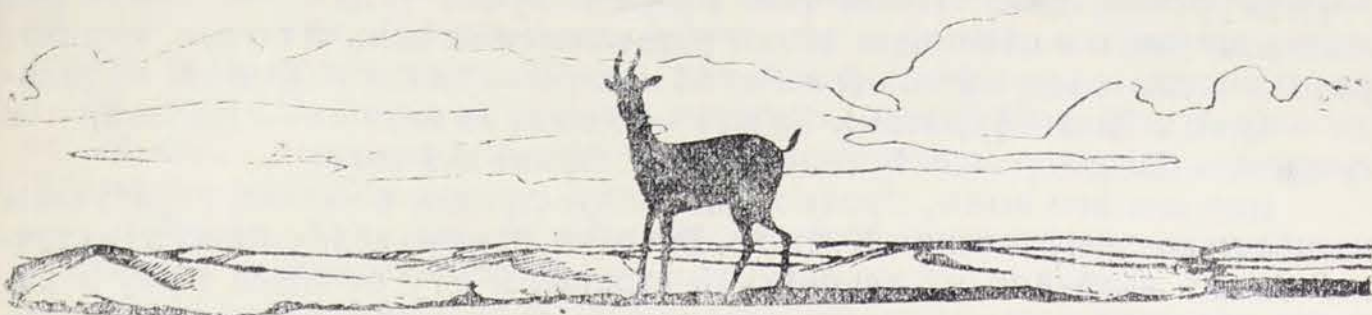

Женщины-монголки за сбором аргала — топлива для очага

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОРДОС

[13 (25) июня—2 (14) сентября 1871 года]

Географическое положение Ордоса и его административное разделение.—Описание северного изгиба Хуан-хэ.—Характер ее долины.—Пески Кузунчи.—Пребывание на озере Цайдемин-нор.—Монгольские предания о Чингис-хане.—Дальнейший путь.—Антилопа хара-сульта.—Кумирня Шара-дзу.—Одичавший рогатый скот.—Обычный порядок наших вьючных хождений.—Горы Арбус-ула.—Приключение в городе Дын-ху.

Ордосом называется страна, лежащая в северном изгибе Хуан-хэ и ограниченная с трех сторон—с запада, севера и востока—названной рекой, а с юга прилегающая к провинциям Шэнь-си и Гань-су⁽⁶⁹⁾. Южная граница обозначается той же самой Великой стеной, с которой мы познакомились у Калгана. Как там, так и здесь эта стена отделяет культуру и оседлую жизнь собственно Китая от пустынь высокого нагорья, где возможно только кочевое, пастушеское состояние народа.

По своему физическому характеру Ордос представляет степную равнину, прорезанную иногда по окраинам невысокими горами. Почва везде песчаная, или глинисто-соленая, неудобная для возделывания. Исключение составляет только долина Хуан-хэ, где является оседлое китайское население. Абсолютная высота описываемой страны, вероятно, заключается между 3—3,5 тысячами футов [900—1 100 м]¹, так что Ордос составляет переходный уступ к Китаю со стороны Гоби; от последней он отделяется горами, стоящими по северную и восточную сторону Желтой реки.

В древние времена Ордос был добычей различных завоевателей, попеременно сменявших друг друга. В половине XV века нашей эры здесь впервые явились монголы, а затем, в конце XVI или в начале XVII века,

¹ Так как долина Хуан-хэ имеет недалеко от города Бауту 3 200 футов [975 м] абсолютной высоты, а в 27 верстах [28,5 км] западнее города Дын-ху кипение воды показало 3 500 футов [1 067 м] абсолютного поднятия.

описываемая страна подпала под власть сахаров¹, которые вскоре признали над собой господство вновь возникшего на китайском престоле маньчжурского дома. После того Ордос получил устройство, общее для всех номадов, и в настоящее время разделяется на семь хэшунов, которые расположены следующим образом: на севере — Далды и Хангин, на западе — Отоки Засак [Дзасак], на юге — Ушин, на востоке — Джунгар и в середине — Ван; городов в описываемой стране нет вовсе.

Как сказано выше, Ордос лежит полуостровом в колене, образуемом изгибами среднего течения Хуан-хэ. Эта река, одна из величайших в Восточной Азии, вытекает из альпийской страны, к югу от озера Куку-нора, долго извивается здесь между исполинскими цепями гор и наконец при городе Хэ-чжеу [Хэчжоу] входит в пределы собственно Китая. Отсюда, или правильнее от города Лан-чжеу [Ланчжоу, ныне главный город провинции Гань-су], Хуан-хэ течет прямо на север, с небольшим уклоном к востоку, и сохраняет такое направление на протяжении пяти градусов широты. Далее, остановленная в своем стремлении к северу вздутием Гоби и горами Ин-шань, Желтая река круто поворачивает к востоку, течет таким образом около 50 географических миль [свыше 370 км], а затем вдруг изменяет это направление и стремится к югу, даже за параллель своих истоков. Отсюда Хуан-хэ снова поворачивает под прямым углом к востоку и, близ города Кайфын-фу [главный город провинции Хэнань-Кайфын], главное русло уходит в Печилийский залив, тогда как другая, засорившаяся ветвь направляется в Желтое море. Подобное изменение нижнего течения Хуан-хэ произошло весьма недавно, именно в 1855 [ошибка: 1853] году, когда описываемая река, прорвав плотины около города Кайфын-фу потекла новым руслом в Печилийский залив, где впадает более чем на 400 верст [430 км] выше своего прежнего устья. Капризные извороты Хуан-хэ и обилие летних дождей в гористой области ее верхнего течения обуславливают то обстоятельство, что эта река подвержена частым и сильным наводнениям, причиняющим иногда огромные бедствия.

Переправившись в Ордос, мы решили двинуться далее не кратчайшим диагональным путем, которым следовали Гюк с Габе и прежние миссионеры (Мартини⁽⁷⁰⁾, Жербильон), но по самой долине Желтой реки. Путь этот представлял более интереса для изысканий зоологических и ботанических, нежели пустынная внутренность Ордоса; сверх того нам хотелось разрешить вопрос о разветвлении Хуан-хэ на ее северном изгибе.

Мы прошли по берегу Желтой реки 434 версты [463 км] — от переправы против города Бауту до города Дын-ху² [Дэнкоу], — и результатом произведенных изысканий явился тот факт, что разветлений Хуан-хэ, при северном ее изгибе, не существует в том виде, как их обыкновенно изображают на картах, и река в этом месте переменяла свое течение.

Чтобы излагать в последовательном порядке, я сделаю предварительно общий очерк характера исследованной нами части Желтой реки, равно как и ее долины, а затем уже буду продолжать о самом ходе нашего путешествия в Ордосе.

Извиваясь довольно значительно для реки больших размеров, Хуан-хэ течет со скоростью до 300 футов в минуту [1,5 м в секунду].

¹ С этого времени Ордос получил свое настоящее имя; в древности эта страна называлась Хэ-нань, а еще ранее Хэ-дао.

² Чагансубар-хан на картах Клапрота и Кипперга⁽⁷¹⁾.

по долине¹, окаймленной с севера Ин-шанем и его западными продолжениями, а с юга — полосой сыпучих песков, известных у монголов под именем Кузупчи. Берега реки, равно как и ее дно, состоят из липкой глины; вода чрезвычайно мутная, так что, исследуя ее в отстое, я нашел 1,3% грязи (72). Впрочем сильная мутность, придающая воде желтовато-серый цвет, не вредна для здоровья, в особенности если дать грязи хотя немного отстояться.

Ширина Хуан-хэ, во всем пройденном нами пространстве, почти одинакова и зависит от высокого или низкого стояния воды. Против гор Дын-ху я измерил буссолью ширину описываемой реки и нашел ее равной 203 сажням [433 м]. Приблизительно столько же, или немного разве более, Хуан-хэ имеет (при среднем уровне воды) и против г. Бауту, где мне не удалось сделать измерения, так как китайцы зорко следили за нами во время переправы. Глубина Желтой реки весьма значительна, и перейти ее в брод нигде нельзя; речным пароходам ходить здесь, как кажется, весьма удобно (73). По крайней мере теперь по Хуан-хэ постоянно плавают большие барки, которые развозят продовольствие китайским войскам, расположенным по левому берегу реки.

Говорят, что на проезд от герода Бауту до города Нин-ся нужно сорок дней, а вниз по реке, между теми же самыми пунктами, барки плывут только семь дней.

Во всем пройденном нами пространстве Хуан-хэ не имеет заливов, но течет в ровных, низких берегах; глинистая почва и быстрое течение обуславливают здесь то явление, что берега реки постоянно подмываются и обваливаются.

От меридиана западного угла Муни-улы, как на правой, так и на левой стороне Хуан-хэ, отделяются рукава, достигающие от 25 до 40 сажень [53—85 м] ширины. Эти рукава вскоре опять соединяются с главной рекой, и только один из них, именно Бага-хатун [Бага-хатын], тянется довольно далеко к востоку. Что же касается до рукавов, обозначаемых на правом берегу северного изгиба Хуан-хэ (западнее Муни-улы), то здесь их теперь вовсе не существует вследствие изменения течения реки. Последняя оставила свое прежнее русло и направляется верст на 50 южнее. Старое русло, называемое монголами Улан-хатун (74), сохранилось очень хорошо, и мы видели его во время обратного следования из Ала-шаня в Пекин. Монголы единогласно говорили, что между старым руслом и нынешней Желтой рекой существуют два рукава, протянувшиеся до западного конца Муни-улы, где возникают новые ветви реки. По всему вероятно эти два рукава и есть те самые, которые обозначены на некоторых картах с южной стороны Хуан-хэ, направляющейся теперь по третьему, то есть самому южному из прежних рукавов.

Подобное изменение русла Желтой реки произошло, вероятно, не особенно давно. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что земля Ордос считается теперь не до нынешнего течения реки, но переходит через нее и тянется до старого русла. Местные монголы рассказывали нам по преданию, что когда Хуан-хэ, после сильных летних дождей, переменила свое прежнее направление и потекла южнее, то между ордосцами и уртами возникла тяжба за пограничную черту. Для разбора

¹ Такую скорость течения мы наблюдали вблизи берега во время нашей переправы возле города Бауту; посредине река текла, вероятно, еще быстрее; впрочем, быстрота течения зависит от более или менее низкого стояния воды, которая во время нашей переправы была на среднем уровне.

этого дела из Пекина приезжала комиссия, которая решила, что ордосская земля должна считаться попрежнему, то есть до высохшего русла реки. Действительно, теперь одни и те же хошуны Ордоса лежат по правой и по левой стороне Хуан-хэ; это опять-таки указывает, что Желтая река изменила свое течение уже после разделения ордосской земли на нынешние хошуны.

Долина Хуан-хэ, в описываемой части ее течения, имеет ширину от 30 до 60 верст и наносную глинистую почву¹. На северной стороне реки эта долина весьма расширяется западнее гор Муни-ула, тогда как на южном берегу в то же время она сильно суживается песками Кузупчи, близко подходящими к самой Хуан-хэ.

Северная долина, за исключением лишь небольшой части, прилегающей к горам, где почва делается песчаной и каменистой, везде удобна для обработки и густо покрыта китайскими деревьями. То же самое можно сказать и про долину южного берега Желтой реки, от места нашей переправы², почти до меридиана западного угла Муни-улы. Здесь эта долина везде носит луговой характер, прорезана несколькими речками, а местами, подалее от реки, образует небольшие болота и озера. На заливных лугах является травянистая флора: *Odontites rubra* [зубчатка], *Aster tataricus* [астра татарская], *Panicum mandshuricum* [просо маньчжурское], *Calystegia acetosaefolia* [вьюнок щавелеволистный], *Echinops turczaninowii* [мордовник], *Sonchus brachyotus* [осот короткоухий], *Statice aurea* [жермек золотистый], *Sophora flavescens* [софора желтоватая], *Cynanchum acutum* [ласточник вьющийся], *Vincetoxicum sibiricum* [ласточник сибирский], *Vincetoxicum* sp. [ласточник]; виды: *Ranunculus* [лютик], *Tanacetum* [пижма], *Oxytropis* [остролодка], *Plantago* [подорожник], *Stachys* [чистец], *Spergularia* [торичник], *Adenophora* [бубенчик], и другие, так что местами эти луга совершенно походят на наши европейские. Ближе к реке растут: густая полынь — *Artemisia* sp., и колосник *Elymus* sp. [волоснец], которые далее к западу сплошь покрывают, вместе с лозой — *Salix* sp., большие площади. Болота и их окраины густо поросли тростником — *Phragmites communis*; в местах же, не покрытых им, являются: водяной шильник — *Alisma plantago*, водяная сосенка [*Hippuris vulgaris*], виды: *Scirpus* [камыш], *Elaeocharis* [водолюб], *Cyperus* [сыть], *Juncus* [ситник], *Utricularia* [пузырчатка], *Cicuta* [цикута], *Butomus* [сусык], *Monochoria* [монохория], *Pedicularis* [мытник, вшивица], *Lactuca* [латук].

Пески Кузупчи здесь не прямо подходят к долине Хуан-хэ, но отделяются от нее песчано-глинистой окраиной, которая везде обрывается отвесной стеной футов в 50 [15 м], иногда даже до 100 [30 м] вышины и, по всему вероятно, некогда составляла берег самой реки.

Вышеупомянутая окраина покрыта небольшими (7—10 футов [2—3 м] вышины) буграми, поросшими главным образом полевым чернобыльником — *Artemisia campestris* [полынь полевая] и золотарником — *Saragana* sp. [карагана]. Здесь же встречается в большом количестве одно из характерных растений Ордоса, именно лакричевый корень — *Glycyrrhiza uralensis* [солодка уральская], называемый монголами чихирс-

¹ Нам несколько раз случалось под слоем глины, в 2—3 фута [0,6—0,9 м] глубиной, встречать голый песок; впрочем толщина наносного глинистого слоя вблизи реки, вероятно, гораздо больше, так как вышеприведенный результат мы находили возле песков Кузупчи, следовательно на окраине долины Хуан-хэ.

² Следует оговорить, что плодородная и обработанная долина южного берега Хуан-хэ тянется к востоку, гораздо далее места нашей переправы через Желтую реку.

буя, а китайцами — со или сого. Это растение, принадлежащее к семейству бобовых, имеет корень длиной в 4 фута [1,2 м], или более, при толщине до 2 дюймов [5 см] у основания. Впрочем таких размеров корень достигает в полном возрасте; у молодых же экземпляров он бывает не толще большого пальца руки, хотя также имеет в длину фута три [до метра] и даже четыре [1,3 м]. Для выкапывания описываемого корня употребляются железные лопаты с деревянными ручками. Работа эта весьма тяжела, так как корень почти вертикально углубляется в твердую глинистую почву, притом же он растет в местностях безводных, где приходится работать под жгучими лучами солнца.

Партии промышленников, всего чаще монголов и монголок, нанятых китайцами, приходя на место сбора, устраивают центральное депо, куда ежедневно сносятся все добытые корни. Здесь их кладут в яму, чтобы предохранить от засыхания на солнце; затем у каждого отрезают тонкий конец и боковые отпрыски. Далее корни, в виде палок, связываются в пучки каждый весом в сто гинов, грузятся на барки и отправляются вниз по Хуан-хэ. Китайцы уверяли нас, что лакричный корень идет в Южный Китай, где из него готовят особенное прохладительное питье⁽⁷⁵⁾.

От меридиана западного угла Муни-улы характер долины южного берега Хуан-хэ (вверх по реке) изменяется довольно резко. К прежней плодородной глинистой почве здесь примешивается соль, иногда в таком количестве, что покрывает землю белым налетом; болот и речек, изредка попадавшихся в предшествовавшей полосе, здесь нет вовсе, так что, за исключением Хуан-хэ, нельзя встретить капли воды.

Вслед за изменением характера почвы изменяется характер и растительности. Прежние луга с флорой, если не богатой, то все-таки довольно разнообразной¹, исчезают, а взамен того описываемая долина везде поросла тростеполевицей — *Calamagrostis* sp. [вейник] и дырисуном — *Lasiagrostis splendens* [чий, дэрэс]. Последний злак достигает сажени [2 м] вышины и растет кустами, притом же тверд, как проволока, так что с большим трудом можно сорвать хотя одну соломинку. Кустарные заросли делаются гораздо больше и часто покрывают обширные площади по берегу Хуан-хэ². Между этими кустарниками преобладает почти исключительно один вид, именно тамарикс — *Tamarix* sp., достигающий иногда размера дерева в 20 футов [6 м] вышиной, при толщине от 3 до 4 дюймов [8—10 см].

Сыпучие пески, которые в предшествовавшей полосе находились в расстоянии 20 и более верст от берега Хуан-хэ, здесь продвигаются к ней гораздо ближе и местами посылают к самой реке небольшие рукава. Эти пески, как сказано выше, называются у монголов Кузупчи. Такое имя в переводе значит «ошейник» и выбрано весьма удачно, так как описываемые пески стоят резкой каймой долины Хуан-хэ от меридиана города Бауту верст на 300 вверх по течению Желтой реки; затем они переходят на левую сторону Хуан-хэ и наполняют собой весь Ала-шань.

Пески Кузупчи состоят из невысоких (40—50, редко 100 футов) [13—30 м] холмов, насаженных один возле другого и образовавшихся из мелкого желтого песка. Верхний слой этого песка, будучи сдуваем

¹ В долине Хуан-хэ и в оазисах песков Кузупчи мы собрали с половины июля до конца августа 137 видов цветущих растений; горы Муни-ула доставили в конце июня и в начале июля 163 вида; Впрочем некоторые горные виды встречались также и по долине Желтой реки.

² Эти кустарники растут и на противоположном берегу Хуан-хэ.

ветром то на одну, то на другую сторону холмов, образует здесь рыхлые насыпи, вроде снежных сугробов¹.

Неприятное, подавляющее впечатление производят эти оголенные желтые холмы, когда заберешься в их средину, откуда не видно ничего, кроме неба и песка, где нет ни растения ни животного, за исключением лишь желто-серых ящериц — *Phrynoscephalus* sp. [круглоголовок], которые, бродя по рыхлой почве, изукрашили ее различными узорами своих следов. Тяжело становится человеку в этом, в полном смысле, песчаном море, лишенном всякой жизни: не слышно здесь никаких звуков, ни даже трещания кузнечика — кругом тишина могильная... Недаром же местные монголы сложили несколько легенд про эти ужасные пески. Они говорят, что здесь было главное место подвигов двух героев — Гэсэр-хана и Чингис-хана, что, сражаясь с китайцами, эти богатыри убили множество людей, трупы которых по воле божьей были засыпаны песком, принесенным ветром из пустыни. До сих пор еще, говорили нам с суеверным страхом монголы, в песках Кузупчи, даже днем, можно слышать стоны, крики и тому подобные звуки, которые производят души покойников. До сих пор еще ветер, сдувающий песок, иногда оголяет различные драгоценные вещи, как например, серебряные сосуды, которые стоят совершенно наружу, но взять их невозможно, так как подобного смельчака тотчас же постигнет смерть.

Другое предание гласит, что Чингис-хан, теснимый своими врагами, поставил пески Кузупчи как ограду с одной стороны, а реку Хуан-хэ заворотил с прежнего ее направления к северу и таким образом оградил себя от нападения.

Однако в песках Кузупчи, ширина которых простирается, по словам монголов, от 15 до 80 верст, не везде царствуют смерть и запустение. Местами, ближе к наружной окраине, здесь попадаются небольшие оазисы, покрытые довольно разнообразной растительностью, среди которой преобладает красивый саженный кустарник чагеран — *Hedysarum* sp. [копеечник], весь залитый в августе своими розовыми цветами; кроме того здесь растут небольшие деревья: *Calligonum* sp. [жузгун], *Tragopyrum* sp. [гречишник], и знаменитое крестоцветное — *Rugionium cornutum* [пугионий рогатый]. До сих пор растение это известно было только по двум небольшим веточкам, добытым в прошлом столетии естествоиспытателем Гмелином⁽⁷⁶⁾ и сохранившимся в музеях Лондона и Штутгардта. К крайнему своему сожалению, я не знал о редкости *Rugionium*, а потому взял в свой гербарий лишь несколько экземпляров, наравне с другими видами. Описываемое растение попадает часто в песках Кузупчи и достигает здесь формы куста в 7 футов [2,1 м] вышины, при толщине у корня от 1 до 1,5 дюйма [2,5—3,8 см].

Верстах в 300 [320 км] к западу от меридиана города Бауту пески Кузупчи переходят на левую сторону Хуан-хэ, долина которой (на правой стороне реки) еще раз изменяет свой характер и делается совершенно бесплодной. К глинисто-соленой почве здесь примешивается песок,

¹ Подпочва песков Кузупчи состоит из твердой глины, такой же, как и в долине Хуан-хэ. Подобное явление служит сильным подтверждением той гипотезы, что Ордос некогда был дном озера, прорвавшего себе выход к океану нынешним руслом Хуан-хэ; бывшие мели этого озера сделались теперь сыпучими песками. Вероятие такого явления отчасти подтверждается и историческими преданиями китайцев о великих потопах, происходивших в области нынешней Хуан-хэ, за 3 100 и 2 300 лет до нашей эры. *Ritter*. Землеведение Азии, пер. Семенова, т. 1, стр. 484.

иногда довольно крупный, а сама долина, в особенности ближе к берегу Желтой реки, избороздена рытвинами или высохшими руслами дождевых потоков. Растительность делается чрезвычайно бедной, так что почва большей частью совершенно обнажена и усажена, как кочками, невысокими [3—6 футов] буграми, по которым растет низкий корявый хармык — *Nitraria schoberi* [селитрянка Шобера], *Zygophyllum* sp. [парнолистник и еще какой-то кустарник из семейства бобовых, с кожистыми, не опадающими зимой листьями].

Образование вышеупомянутых бугров можно объяснить действием ветров, поднимающих в воздух песок и пыль. То и другое задерживается корявыми кустарниками и, накапливаясь, мало-помалу образует небольшое возвышение, на которое поднимаются сами кустарники и скрепляют его своими корнями; затем дожди обмывают бока такого кургана и делают их как бы окопанными лопатой.

Вместо песков Кузупчи теперь на окраине долины Хуан-хэ тянутся пологие холмы, которые, повышаясь, мало-помалу переходят в высокий скалистый хребет, стоящий против города Дын-ху и протянувшийся далее к югу, параллельно течению Желтой реки. Вышеупомянутые холмы, сколько можно видеть издали, несут характер прилежащей к ним долины, то есть совершенно бесплодны. По всему вероятно такова же и внутренность всего Ордоса, который местными жителями называется Боро-тохой, то есть серый (а не зеленый) луг [тохой — локоть, в переносном значении излучина, поворот].

Абсолютная высота долины Хуан-хэ, в пройденном нами пространстве, изменяется весьма мало, так что кипение воды на озере Цайлемин-нор дало 3 200 футов [975 м], в 27 верстах [29 км] западнее города Дын-ху — 3 500 футов [1 067 м]¹ и почти в середине между этими пунктами, у подошвы крайних гор левого берега Желтой реки, также 3 500 футов [1 067 м].

Животная жизнь в долине Хуан-хэ не особенно богата. Из млекопитающих здесь водятся чернохвостые антилопы — *Antilope subgutturosa* [джейран — *Gasella* s.], зайцы толай — *Lepus tolai*, лисицы, волки и мелкие грызуны. Из птиц всего чаще попадаются: фазаны — *Phasianus torquatus*, жаворонки: полевой — *Alauda arvensis*, серый — *A. pipiloletta* [*Calandrella* p.], хохлатый — *Galerida cristata*, *Saxicola deserti*, *S. oenanthe* [пустынная и обыкновенная каменка], и удода — *Upupa epops*. По болотам и озерам водятся: гуси — *Anser cygnoides* [сухонос — *Cygnopsis* c.], *A. cinereus* [*A. anser* — серый гусь], утки — *Anas boschas* [*A. platyrhynchos* — кряква], *A. acuta* [шилохвость], *A. rutila* [красная утка — *Tadorna ferruginea*] и другие, лунь — *Circus rufus* [камышовый лунь — *C. aeruginosus*], крачки — *Sterna leucoptera* [белокрылая крачка — *Hydrochelidon* l.], *Sterna* sp. [крачки], ходулочники — *Hypsibates himantopus* [*Himantopus* h.], шилоклювки — *Recurvirostra avocetta*, бекасы — *Scolopax gallinago* [*Capella* g.], *S. megalis* [азиатский бекас — *Capella stenura*], и мелкие кулички — *Totanus ochropus* [кулик-черныш — *Tringa o.*], *Totanus glareola* [кулик-фифи — *Tringa* g.], *Tringa subminuta* [длиннопалый песочник — *Erolia* s.]. По самой реке носится обыкновенная чайка — *Larus ridibundus*, а на обрывистых берегах нередко можно видеть неподвижно сидящего орлана — *Haliaeetus macei* [долгохвост — *H. leucorhynchus*]. Вообще, Ордос, как и вся Монголия, не богат птицами, так что в долине Хуан-хэ и в оазисах песков Кузупчи мы нашли только 104 вида пернатых. Породы

¹ Это место собственно принадлежит уже Алашаньской равнине.

рыб в Желтой реке, вероятно, также не слишком разнообразны. По крайней мере своей небольшой сетью мы поймали только шесть видов: сома — *Silurus asotus*, карпа — *Cyprinus carpio*, карася — *Carassius vulgaris*, головля — *Squalius chinensis* и два новых вида, быть может, даже два новых рода из семейства *Cyprinidae*⁽⁷⁷⁾. Вместе с рыбой было добыто несколько экземпляров черепах — *Trionyx* sp. [мягкопанцирных], которые в значительном количестве водятся в Хуан-хэ.

Что же касается обитателей Ордоса, то после дунганского разорения в 1869 году население по долине Хуан-хэ нам встречалось только верст на 90 к западу от переправы Лан-хайза; далее нет никого, и даже прежние тропинки заросли травой, так что от них не осталось и следа. Местами попадается разоренная деревня или наполовину растерзанный волками скелет убитого дунганами монгола. Тогда невольно приходят на память слова Гумбольдта⁽⁷⁸⁾, что «как историк, следящий за веками, так и путешественник, странствующий по земле, всюду находят однообразную, безотрадную картину враждующего человечества...»

Перейдем к продолжению рассказа о самом путешествии.

На следующий день, после переправы через Хуан-хэ, мы должны были еще переправляться через ее рукав Бага-хатун, который имеет сажен 50 ширины [107 м] и отстоит на 10 верст от главной реки. Самый перевоз, называемый Ли-ван-ди, содержат китайцы, содравшие с нас порядочный куш за переправу. На другой стороне перевоза мы разбили свою палатку с тем, чтобы итти далее на следующий день ранним утром. Однако совершенно неожиданно мы должны были простоять здесь четверо суток. Причиной этому был сначала сильный дождь, ливший целый день и до того растворивший глинистую почву долины Хуан-хэ, что верблюды совсем не могли итти; затем один из наших верблюдов, недавно купленный в городе Бауту, ушел, и его искали целых два дня казак с монголом.

Между тем мы поневоле должны были сидеть у самого перевоза Ли-ван-ди, где нашу палатку беспрестанно посещали все проезжающие китайцы и монголы, страшно надоедая своей назойливостью. Однажды несколько китайских солдат даже требовали, чтобы мы подарили им ружье или револьвер, и грозили, в случае отказа, притти гурьбой отнять эти вещи. Мы вытолкали негодяев из своей палатки и обещали стрелять, если они вздумают явиться к нам с целью грабежа.

Наконец ушедший верблюд был отыскан, и мы двинулись к озеру Цайдемин-нор [Цайдамин-нор], про которое узнали от монголов. На берегах этого озера, обильного, как нам говорили, дичью и хорошими пастбищами, мы надеялись провести недели две с тем, чтобы дать отдохнуть нашим верблюдам, сильно изнуренным постоянными переходами. Мы сами также нуждались в отдыхе и притом, живя на месте, полнее могли изучить характер флоры и фауны долины Хуан-хэ. Наконец, в течение всего июля, день в день, стояли такие жары, что делали почти невозможным выючные хождения, хотя бы небольшими переходами. Правда, в тени термометр не показывал более +37°C, но зато солнце жгло невыносимо и иногда накаляло не только песок, но даже глину, до +70°C, так что верблюды не могли ступать своей голой подошвой и беспрестанно трясли ногами, обжигаемыми раскаленной почвой. Вода в Желтой реке нагревалась до +24,5°C, а в озерах и болотах ее температура доходила до +32,3°C. Хотя дожди, обыкновенно сопровождаемые грозами, падали часто, но они временно освежали атмосферу. Лишь только небо разъяснивало, солнце начинало жечь попрежнему, и жара становилась тем

чувствительнее, что в это время стояло затишье или дул слабый юго-восточный ветер.

Ожидания наши относительно озера Цайдемин-нор действительно исполнились. Это болотистое озеро¹ битком было набито утками и гусями, доставлявшими нам продовольствие; на окрестных лугах удобно могли пастись верблюды, а у соседних монголов мы могли доставать сколько угодно масла и молока. К довершению благ мы разбили свою палатку на берегу светлого ручья Тахылга, впадающего в озеро, и таким образом имели под боком превосходное место для купанья. Словом, теперь нам выпала такая стоянка, какой ни прежде ни после мы не находили во всей Монголии.

По дороге к Цайдемин-нору нам встретилось еще озеро Ургун-нор, на берегу которого, равне как и в прилежащей части долины Хуан-хэ, рассыпано довольно густое китайское население. Вместе с китайцами здесь живет много монголов, частью в юртах, в меньшем же числе в китайских фанзах. Эти монголы изредка занимаются земледелием, но такая работа далеко не по нутру характеру номадов, а потому поля их сразу можно отличить от китайских. В одном только монголы не отстали здесь от китайцев — именно в курении опиума. Этот губительный порок страшно распространен в Китае, куда опиум, как известно, доставляется англичанами из Индии. Кроме того китайцы сами готовят себе одуряющее зелье и для этой цели засевают маком большие поля. Так как подобное производство запрещено законом, то нам случалось несколько раз видеть в долине Хуан-хэ поля мака, засеянные среди густых зарослей тростника и тростеполевицы для того, чтобы укрыть их от глаз чиновников. Последние, конечно, не истребят запрещенного поля, но тем не менее не преминут содрать с хозяина взятку за контрабандный посев.

Привычка курить опиум быстро проникает от китайцев к соседним монголам, но вглубь Монголии этот порок еще не распространился. Курильщики опиума до того пристращаются к своей отраве, что не могут пробыть без нее одних суток. Пагубное действие опиума отражается на всем организме; каждого курителя можно сразу узнать по его бледному, старческому лицу и исхудалому телу. Я сам попробовал однажды покурить немного опиума; действия он никакого на меня не произвел, а вкусом отчасти напоминает жженые перья.

Расположившись на берегу ручья Тахылга, мы каждодневно посвящали время экскурсиям и охоте, а в сильный жар отдыхали и часто купались. Наши казаки отказывались от последнего удовольствия, боясь черепах², которые водятся в ручье. Монголы приписывают этому созданию особенную чародейственную силу и, в доказательство своих слов, находят какие-то тибетские буквы, будто бы изображенные под низом тела черепахи. Кроме того монголы запугали наших казаков рассказами, что черепаха впивается в тело купающихся людей, так что оторвать ее нет возможности. Единственное средство спасения состоит в том, чтобы привести белого верблюда или белого козла, которые, увидав впившуюся черепаху, начнут кричать, и тогда она сама выпустит свою жертву. Монголы рассказывали нам, что прежде в ручье Тахылга вовсе не было черепах, как вдруг однажды появилось здесь это странное создание. Удивленные жители

¹ Озеро Цайдемин-нор, в сущности, представляет болото, сплошь поросшее тростником, толкачиком, ситником и другими болотными травами.

² Здесь тот же самый вид черепах, что и в Хуан-хэ—*Trionyx* sp.

не знали, что делать, и обратились за советом к гыгену ближайшей кумирни, который объяснил, что появившаяся черепаха будет хозяином ручья и есть животное священное. С тех пор один раз в месяц производится у истока Тахылга богослужение ламами из соседней кумирни.

Для определения географической широты озера Цайдемин-нор я производил здесь астрономическое наблюдение. Собравшиеся монголы не знали, как объяснить себе мое занятие, и начали было подозревать в нем колдовство. К счастью, я вспомнил, что в конце июля, именно в то время, когда делалось наблюдение, ночью появляется на небе много падающих звезд, и по окончании своей работы объявил собравшейся толпе, что сегодня по небу будут летать звезды. В другом случае монголы не обратили бы на такое явление никакого внимания, но теперь они все желали проверить справедливость моего предсказания и, убедившись в этом в ту же ночь, уже не смотрели подозрительно на мои наблюдения. Так иногда находчивость, даже в самых мелочных случаях, может облегчить путешественнику достижение его цели. Например, кипение воды для определения абсолютной высоты местности мы производили открыто, часто в присутствии монголов, и уверяли их, что это наш обряд при молитве к богу.

В 11 верстах [11,7 км] на северо-восток от озера Цайдемин-нор, недалеко от берега Хуан-хэ, стоит довольно высокий куполообразный холм, называемый монголами Тумыр-алху [Тумур-алха, то есть железный молоток], а китайцами Джю-джин-фу. Здесь, по словам монголов, погребена супруга Чингис-хана. Предание об этом гласит следующее. У одного из монгольских князей, именно Гичин-хана, была красавица-жена, которая так понравилась великому завоевателю, что он грозил войной в случае, если законный супруг не уступит ему эту женщину. Устрашенный князь согласился на такое требование, и Чингис-хан, вместе с новоприобретенной супругой, отправился в Пекин. При проезде через землю нынешних сахаров прекрасная невольница ушла от своего обладателя и направилась к Хуан-хэ; на противоположном берегу этой реки она насыпала холм и спряталась в нем. Когда же погоня, посланная Чингис-ханом, приближалась, то бедная женщина, не видя средства спасения, утопилась в Хуан-хэ, вследствие чего монголы называют эту реку Хатун-гол, то есть барыня-река. Тело утопленницы было отыскано и по повелению Чингис-хана похоронено в железном склепе, в том же самом холме, который она насыпала для своего спасения; этот холм и есть Тумыр-алху.

Вообще в Ордосе, более чем где-либо в Монголии, сохранилась память о Чингис-хане; по крайней мере мы всего чаще слышали здесь рассказы о великом завоевателе. Наиболее интересные из таких легенд предание о белом знамени и о будущем воскресении Чингис-хана.

Первая из этих легенд говорит, что Чингис-хан был великий охотник. Бродя однажды в горах Муни-ула, он встретил там также охотника русского, у которого спросил: «давно ли он охотится и много ли убил зверей». «Я охочусь, — отвечал незнакомец, — уже несколько лет, но убил только одного волка». «Как так? — воскликнул завоеватель: — За это время я убил несколько сот зверей». «Но мой волк был особенный, — отвечал русский; — этот зверь имел две сажени длины и ежедневно съедал по десятку других животных; убивши его, я сделал более пользы нежели ты». «Если так, то ты молодец, — сказал Чингис-хан. — «Пойдем в мою юрту, я подарю тебе, что хочешь».

Приглашенный охотник, русский, отправился в юрту Чингис-хана. Здесь ему всего более понравилась одна из наложниц завоевателя, и этот последний, чтобы сдержать слово, должен был подарить своему гостю просимую женщину. Но так как она была одна из любимых жен Чингис-хана, то на прощанье он подарил ей в память привязанности свое белое знамя. Вместе с этим подарком русский и его новая жена отправились в Россию. Где они там поселились — неизвестно, но только белое знамя нашего великого государя и до сих пор еще в вашей стране, говорили монголы.

Еще интереснее предание о будущем воскресении Чингис-хана.

Прах его, по словам монголов, покоится в кумирне, находящейся в Южном Ордосе, в хошуне Ван, в 200 верстах к югу от озера Дабасуннора¹. Здесь тело великого завоевателя, уложенное в два гроба, один серебряный, а другой деревянный, поставлено в желтой шелковой палатке, помещенной в середине кумирни; вместе с гробом в этой палатке находится и оружие Чингис-хана. В расстоянии 10 верст от главной кумирни выстроена другая, меньшая, в которой погребены двадцать ближайших родственников великого завоевателя.

Сам он, умирая, сказал своим приближенным, что снова встанет, самое дальнее, через тысячу, а самое ближнее через восемьсот лет. В гробу Чингис-хан лежит словно спящий человек, хотя этого никто не видел из простых смертных.

Каждый вечер к покойнику ставят жареного барана или конину, и к утру он все это съедает.

Монголы считают, что со дня смерти Чингис-хана прошло 650 лет, так что до ожидаемого воскресения осталось от 150 до 350 лет. По словам тех же монголов, ко дню такого чуда в Китае также воскреснет какой-то богатырь, с которым будет сражаться Чингис-хан, победит его и выведет свой народ из Ордоса в Халху — коренную родину монголов.

Мы не могли узнать, как называется кумирня, где покоится тело Чингис-хана. Монголы неизвестно почему не хотели сказать названия этого святилища, к которому, по их словам, ежегодно стекаются толпы богомольцев.

После десятидневной стоянки возле озера Цайдемин-нор мы направились вверх по долине Хуан-хэ. Первый переход был до речки Хурей-хунду, а второй до другой такой же речки Хурай-хунды, которая оказалась последней, встреченной нами в Ордосе. Обе вышеназванные речки приходят изнутри описываемой страны; они нешироки, мелки, имеют быстрое течение и чрезвычайно мутную воду, которая после дождя, размывающего глинистую почву, делается от грязи густой, как патока. Монголы и тут придумали объяснение такого явления. Они говорят, что Хуан-хэ, имея сама мутные волны, не хочет принимать чистой воды; поэтому, добавляли рассказчики, и ручей Тахылга впадает в озеро Цайдемин-нор, а не в главную реку, которая не допускает к себе его светлые струи.

На реке Хурай-хунды мы пробыли три дня, посвятив все это время охоте за чернохвостыми антилопами, которые встретились нам здесь в первый раз.

¹ Такое предание не согласуется с показанием истории, по которой тело Чингис-хана после его смерти в 1227 году нашей эры вблизи города Нин-ся увезено на север и похоронено недалеко от истоков Толы и Керулена. Ritter. Землеведение Азии, пер. Семенова, стр. 618 и 619.

Чернохвостая антилопа [джейран], или, как ее называют монголы, хара-сульта¹—*Antilope subgutturosa* [*Gasella s.*], по своей величине и наружному виду очень много походит на дзерена, но отличается от него небольшим черным хвостом (7—8 дюймов длиной) [170—200 мм], который обыкновенно держит кверху и часто им помахивает. Эта антилопа обитает в Ордосе и в Гобийской пустыне, распространяясь к северу приблизительно до 45° северной широты; к югу хара-сульта идет через весь Ала-шань до Гань-су, а затем, минуя эту провинцию, равно как и бассейн озера Куку-нор, вновь встречается в солено-болотистых равнинах Цайдама.

Местом своего жительства описываемый зверь выбирает самые дикие, бесплодные части пустыни или небольшие оазисы в голых сыпучих песках. Совершенно противоположно дзерену хара-сульта избегает хороших пастбищ, но довольствуется самым скудным кормом, лишь бы только жить подальше от человека. Для нас всегда было загадкой, что пьет в таких местах хара-сульта. Правда, судя по следам, она не отказывается приходить ночью к ключам и даже колодцам, но мы иногда встречали этого зверя в такой пустыне, где на сотню верст нет капли воды. Вероятно, описываемая антилопа может долго пробыть без питья, питаясь некоторыми сочными растениями из семейства солянковых.

Хара-сульти держатся обыкновенно в одиночку, парами или небольшими обществами от 3 до 7 экземпляров; очень редко случается встретить, и то зимой, стадо в 15—20 голов, а большего числа вместе мы не видали ни разу. Притом стадо всегда живет своим обществом и никогда не смешивается с дзеренами, если даже бродит с ними, что случается редко, на одних и тех же пастбищах.

Вообще описываемый зверь гораздо осторожнее дзерена. Обладая превосходным зрением, слухом и обонянием, он легко избегает хитростей охотника. Притом же хара-сульта, подобно другим антилопам, очень крепка на рану, и это обстоятельство усиливает трудность охоты.

Вечером и ранним утром хара-сульти ходят на покормку, но днем обыкновенно лежат, для чего в местностях халмистых всегда выбирают подветренную сторону холмов. Лежачего зверя чрезвычайно трудно заметить, так как цвет его меха совершенно подходит под цвет песка или желтой глины. Несравненно удобнее высмотреть хара-сульту на пастбище или на вершине какого-нибудь холма, где этот зверь любит иногда стоять по целому часу. Тогда самый лучший случай охотнику, который непременно заранее должен увидеть антилопу, иначе подкрасться к ней будет невозможно.

Спугнутая хара-сульта пускается на уход скачками, но, отбежав несколько сот шагов, останавливается, поворачивается в сторону охотника, несколько минут наблюдает в чем дело и затем опять скачет далее. Преследование по пятам ни к чему не ведет; можно наверное сказать, что зверь уйдет далеко и притом будет держать себя еще осторожнее прежнего.

Много потратили мы с товарищем времени и труда, чтобы убить первую хара-сульту. Целых два дня проходили мы даром, и только на третье утро мне удалось убить великолепного самца, подкравшись к нему довольно близко. По-настоящему одиночную хара-сульту, равно как и дзерена, не следует стрелять на расстоянии более 200 шагов — можно наверное сказать, что из десяти выстрелов девять пропадут даром. Однако

¹ Слово «хара-сульта» означает «чернохвостая».

подобное правило весьма трудно исполнять на практике. В самом деле, вы ходили уже час или два, беспрестанно взбираясь с одного песчаного холма на другой, ноги ваши вязли по колено в сыпучий песок, пот льет с вас градом — и вдруг перед вами стоит желанный зверь на 200 шагов. Вы очень хорошо знаете, что ближе подойти невозможно, что при малейшей оплошности хара-сульта уйдет навсегда, что нужно дорожить каждым мгновением, наконец в руках у вас штуцер, бьющий на отмеренное расстояние превосходно в самую малую мишень... Сообразив все это, скажите — как не соблазниться выстрелом. Поднимаете прицел, приложите, выцелите как можно лучше — грянул выстрел, и пуля взрывает песок, не долетая или перелетая через антилопу, которая мгновенно скрывается из глаз. Скопфуженный и огорченный такой неудачей, пойдешь бывало к тому месту, где стоял зверь, отмеряешь расстояние и увидишь, что ошибся на 40 шагов или даже более. Ошибка грубая, но она неминуемо произойдет, когда нужно определить расстояние вдруг, часто лежа, или едва высунув из-за бугра голову и не имея возможности видеть промежуточные предметы. Без сомнения, штуцер с большой настильностью полета пули в данном случае всего пригоднее, но такого ружья у нас не было в первый год экспедиции.

Выше упомянуто, что хара-сульта держится в самой дикой пустыне, но как исключительный случай мы встретили в ноябре 1870 года при возвращении из Ала-шаня в Пекин довольно много этих антилоп в долине Хуан-хэ, возле хребта Шейтен-ула, где они держались вблизи китайского населения и обработанных полей. Здесь хара-сульта, вопреки своему нраву, были очень не пугливы, конечно потому, что присмотрелись к людям и никогда не были преследуемы ими. Период течки у хара-сульта бывает в ноябре; молодых они выводят в мае. По своему числу этот зверь обитает в Монголии несравненно в меньшем количестве, чем дзерен⁽⁷⁹⁾.

По выходе от реки Хурай-хунды мы вскоре достигли монгольской кумирни Харганты, откуда дорога ведет через пески Кузупчи к соленому озеру Дабасун-нор. Это озеро, описанное Гюком¹, лежит в расстоянии около 100 верст от берега Хуан-хэ и, по словам монголов, имеет в окружности около 30—40 верст. Добываемая здесь соль везется в соседние провинции Китая.

Миная дабасуннорскую дорогу, мы направились по долине Хуан-хэ и через день пути встретили еще одну, разоренную дунганами, кумирню, по имени Шара-дзу. В этой кумирне, одной из обширнейших во всем Ордосе, некогда жило до двух тысяч лам и два или три гыгена, но теперь не было ни души человеческой. Только стада каменных голубей, клушиц и ласточек гнездились в опустошенных храмах и фанзах. Эти последние, то есть фанзы, расположены вокруг кумирни и большей частью сохранились в целости, но главный храм сожжен, вместе со всеми своими пристройками, находившимися в общей ограде. Глиняные статуи богов разбиты или разрублены на куски и валяются на земле; некоторые из них еще сидят на своих местах, но изрублены саблями и исколоты пиками. Огромная статуя Будды, находившаяся в главном храме, стоит с пробитой грудью, в которой дунганы искали сокровищ, часто сохраняемых здесь ламами. Листы священной книги Ганчжур везде разметаны на полу вместе с другими обломками, покрытыми толстым слоем пыли.

¹ Нис. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. I, p. 330—334.

А между тем еще так недавно сюда стекались тысячи и тысячи народа, чтобы поклониться воображаемой святыне. Как и в других кумирнях, здесь все было рассчитано на то, чтобы завлечь и напугать детское воображение монголов. Многие боги изображены с самыми свирепыми и страшными лицами; они сидят то на львах, то на слонах, быках или лошадях, то дают чертей, змей и тому подобное. Стены кумирни, там, где они уцелели, разрисованы также картинами подобного рода.

«Как же вы веруете в глиняных богов?»—спросил я у монгола, вместе с которым ходил по развалинам кумирни. «Боги наши,—отвечал он,—только жили в этих идолах, а теперь они улетели на небо».

От кумирни Харганты, далее вверх по южной стороне Хуан-хэ, мы уже не встречали населения, и только раза два-три нам попались небольшие стойбища монголов, занимавшихся добыванием лакричного корня. Причиной такого опустения было, как упомянуто выше, дунганское нашествие, которому Ордос подвергся за два года до нашего посещения. Впрочем оседлое китайское население на южном берегу Хуан-хэ, западнее меридиана Муни-ула, и прежде было незначительно, так как долина Желтой реки здесь сильно суживается песками Кузупчи; притом почва делается солонцеватой и большей частью покрыта сплошными зарослями лозы или тамарикса. В этих кустарниках мы нашли весьма замечательное явление — одичавший рогатый скот; о нем мы слышали еще ранее от монголов, которые объяснили нам и происхождение такого скота.

Прежде, до дунганского разорения, ордосские монголы имели большие стада, и иногда случалось, что быки или коровы отбивались от этих стад, бродили по степи и делались до того дикими, что изловить их было чрезвычайно трудно. Эти одичавшие животные держались там и сям по всему Ордосу. Когда же дунгане ворвались в эту сторону с юго-запада и начали всё истреблять на своем пути, то многие жители, застигнутые врасплох, бросали имущество и убегали, думая только о собственном спасении. Оставленные ими стада паслись без присмотра и вскоре так одичали, что инсургенты не могли их поймать и забрать с собой. Затем дунгане ушли из Ордоса, а одичавшие животные продолжают бродить на свободе и держатся главным образом в кустарниках долины Хуан-хэ, так как имеют здесь под боком воду и пастбища.

Одичавший рогатый скот встречается обыкновенно небольшими обществами от 5 до 15 экземпляров; только старые быки ходят в одиночку. Замечательно, как быстро столь неуклюжие и отупевшие от долгого рабства создания приобрели все привычки диких животных. Целый день коровы лежат в кустах, видимо скрываясь от людей, но с наступлением сумерек выходят на пастбища, где проводят ночь. Заметив человека или почувяв его по ветру, не только быки, но даже коровы тотчас же пускаются на уход и бегут далеко. Дикими свойствами и ревностью в особенности отличаются молодые экземпляры, родившиеся и выросшие уже на воле.

Охота за одичавшим скотом довольно затруднительна, и мы, за все время пребывания своего в Ордосе, убили только четырех быков. Монголы совсем не предпринимают подобных охот, так как боятся еще итти в Ордос, а с другой стороны крепкое животное легко выносит удар фитильного гладкоствольного ружья, пуля которого обыкновенно состоит из кусочка чугуна или камешка, облитого свинцом. Устроив правильные облавы, в особенности зимой, в кустах, где держится одичавший скот, можно без труда перебить множество этих животных, число которых во всем Ордосе монголы полагают приблизительно до двух тысяч голов. Без

сомнения, этот скот со временем будет истреблен или переловлен теми же самыми монголами, которые возвратятся в Ордос. Здесь нет ни обширности ни приволья травяных равнин Южной Америки, где, как известно, расплодилось громаднейшее стадо от немногих экземпляров, ушедших из испанских колоний.

По словам монголов, вскоре после разорения Ордоса, в здешних степях водились также одичавшие овцы, но они теперь все истреблены волками; верблюды же еще бродят в небольшом числе, и нам удалось поймать одного, впрочем молодого.

В первый раз мы встретили одичавший скот в 30 верстах западнее кумирни Шара-дзу. Так как мяса у нас в запасе не имелось, то мы решили воспользоваться столь удобным случаем, чтобы добыть себе продовольствие. Однако сначала охота наша была неудачна, именно потому, что мы слишком рассчитывали на тупоумие коров; наконец, на третий день, рано утром, я подкрался очень близко к двум быкам, дравшимся между собой в кустах, и двойным выстрелом из охотничьего штуцера положил обоих бойцов на месте.

Такая удача была весьма радостным для нас событием, так как теперь мы могли насушить себе в дорогу несколько пудов мяса. Перетащив лучшие части убитых животных к своей палатке, мы принялись резать говядину тонкими пластами для просушки ее на солнце. Такая приманка привлекла множество коршунов, так что пришлось с ружьем в руках караулить развешенное мясо; вместе с коршунами являлись орланы-долгохвосты — *Haliaeetus masei* [*H. leucorhynchus*], и попадали за это в нашу коллекцию.

Пока сушилось мясо, мы занимались рыбной ловлей в пересохшем рукаве Хуан-хэ, возле которого стояли. Здесь, в небольших и неглубоких ямах, где сохранилась вода, держалось множество рыбы, так что мы своим небольшим бреднем, длиной всего в 3 сажени [6 м] ловили в непродолжительное время по 2—3 пуда [33—49 кг] карпов и сомов; последний вид очень часто попадает в Хуан-хэ. Из пойманной рыбы мы выбирали для себя лучшую, а остальную отпускали обратно.

Охота за быками и просушка мяса принудили нас пробыть восемь дней на одном и том же месте. Зато мы теперь были обеспечены продовольствием на долгое время и могли быстро идти далее, тем более, что обедневшая растительность и фауна долины Хуан-хэ уже не представляли особенного интереса.

19 августа мы двинулись в путь. Пески Кузупчи попрежнему протянулись слева, а справа наша дорога определялась течением Хуан-хэ. Местами густые кустарники весьма затрудняли следование, да, кроме того, множество комаров и мошек сильно надоедали как нам, так и нашим верблюдам. Последние в особенности не любят этих насекомых, которых нигде нет в пустынях Монгольского нагорья.

В первый день пути мы ночевали возле перевоза Гурбундуты¹, не далеко от которого, в окраине песков Кузупчи, расположено небольшое соленое озеро того же имени. Мы сами не видали этого озера, но, по рассказам монголов, оно имеет около 4 верст в окружности. Слой осадочной соли здесь от 0,5 до 2 футов [0,15—0,6 м] толщины; разработкой ее занимаются китайцы и нанятые ими монголы; затем соль сплавляется на барках вниз по Хуан-хэ.

¹ В пространстве между городами Бауту и Дын-ху на Хуан-хэ существуют три перевоза: Дяю-джин-фу, Гурбундуты и Мантин.

Другой особенностью, которую мы встретили несколько дней спустя, были остатки старинного города времен Чингис-хана. Эти исторические развалины находятся среди песков Кузупчи, на расстоянии 30 верст от берега Желтой реки, откуда они видны довольно хорошо. По словам монголов это был укрепленный и весьма обширный город. Его квадратная стена имела в каждом фесе по 15 ли (около 8 верст) [свыше 8 км], при вышине и толщине в 7 сажен [15 м]; внутри были выкопаны колодцы в 50 сажен [107 м] глубиной. Теперь все занесено песком, и только одни стены местами еще хорошо сохранились. Особых легенд об этом месте мы не слышали никаких; монголы говорят только, что описываемый город был выстроен по повелению Чингис-хана.

Летние жары, приутихшие было в половине августа, в последней трети этого месяца возобновились с прежней силой и опять страшно истомляли нас в пути. Хотя мы всегда вставали с рассветом, но укладка вещей и выюченье верблюдов, вместе с питьем чая — без чего ни монголы ни казаки ни за что в свете не шли в дорогу — отнимали часа два и даже более времени, так что мы трогались в путь, когда солнце уже порядочно поднималось на горизонте. На последнем зачастую не видно было ни одного облачка, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка — и все это обыкновенно служило для нас нерадостным предзнаменованием жаркого дня.

Порядок наших выючных хождений всегда был один и тот же. Мы с товарищем ехали впереди своего каравана, делали съемку, собирали растения или стреляли попадавшихся птиц; выючные же верблюды, привязанные за бурундуки один к другому, управлялись казаками. Один из них ехал впереди и вел в поводу первого верблюда, а другой казак, вместе с проводником-монголом, если таковой был у нас, замыкали шествие.

Так идешь бывало часа два, три по утренней прохладе; наконец солнце поднимается высоко и начинает жечь невыносимо. Раскаленная почва пустыни дышит жаром, как из печи. Становится очень тяжело: голова болит и кружится, пот ручьем льет с лица и со всего тела, чувствуешь полное расслабление и сильную усталость. Животные страдают не менее нас. Верблюды идут разинув рты и облитые потом, словно водой; даже наш неутомимый Фауст бредет шагом, понунив голову и опустив хвост. Казаки, которые обыкновенно поют песни, теперь смолкли, и весь караван тащится молча, шаг за шагом, словно не решаясь передавать друг другу и без того тяжелые впечатления.

Если на счастье попадетя дорогой монгольская юрта или китайская фанза, то спешишь туда со всех ног, намочишь голову и фуражку, напьешься воды, а также напоишь лошадей и собаку; разгоряченным же верблюдам воды давать нельзя. Однако такая отрада продолжается не долго; через полчаса или менее все сухо попрежнему, и опять жжет тебя палящий зной.

Наконец, приближается полдень — надо подумать об остановке. «Далеко ли до воды? — спрашиваешь у встречного монгола и с досадой услышишь, что нужно пройти еще 5—6 верст. Добравшись наконец до колодца и выбрав место для палатки, мы начинаем класть и развьючивать верблюдов. Привычные животные уже знают в чем дело и сами поскорее ложатся на землю¹. Затем ставится палатка и стаскиваются в нее необходимые

¹ После развьюченья верблюдов летом нельзя тотчас же ни поить ни пускать на пастбище, но предварительно необходимо продержать их часа два на месте, чтобы дать животным остынуть.

Дойка верблюдицы

вещи, которые раскладываются по бокам; в середине же расстилается войлок, служащий нам постелью. Далее собирается аргали варится кирпичный чай, который зимой и летом был нашим обычным питьем, в особенности там, где вода оказывалась плохого качества. После чая, в ожидании обеда, мы с товарищем укладываем собранные дорогой растения, делаем чучела птиц, или, улучив удобную минуту, я переношу на план сделанную сегодня съемку. Такая работа в жилых местах обыкновенно прерывается несколько раз по случаю прихода монголов из ближайших юрт; эти гости, как обыкновенно, лезут со всевозможными расспросами или просьбами, и, в конце концов, так надоедают, что мы их прогоняем вон.

Между тем пустой желудок сильно напоминает, что время обеда уже наступило, но несмотря на это, нужно ждать, пока сварится суп из зайцев, или куропаток, убитых дорогой, или из барана, купленного у монголов. Впрочем последнее кушанье мы имели редко, так как часто вовсе нельзя было купить барана, или нужно было платить очень дорого; поэтому охота составляла главный источник нашего продовольствия.

Часа через два по приходе на место обед готов, и мы принимаемся за еду с волчьим аппетитом. Сервировка у нас самая простая, вполне гармонирующая с прочей обстановкой: крышка с котла, где варится суп, служит блюдом, деревянные чашки, из которых пьем чай — тарелками, а собственные пальцы заменяют вилки; скатерти и салфеток вовсе не полагается. Обед оканчивается очень скоро; после него мы снова пьем кирпичный чай; затем идем на экскурсию или на охоту, а наши казаки и монгол-проводник поочередно пасут верблюдов.

Наступает вечер; потухший огонь снова разводится, на нем варится каша и чай. Лошади и верблюды пригоняются к палатке и первые привязываются, а последние сверх того укладываются возле наших вещей, или неподалеку в стороне. Ночь спускается на землю, дневной жар спал и заменился вечерней прохладой. Отрадно вдыхаешь в себя освеженный воздух и, утомленный трудами дня, засыпаешь спокойным, богатырским сном.

Во время одной из стоянок на берегу Хуан-хэ верховая лошадь моего товарища оборвалась с крутого берега в реку и утонула. Потеря эта была для нас весьма чувствительна, так как другой лошади купить было негде, и Пыльцов принужден был временно ехать на верблюде. Виновником гибели лошади оказался монгол Джюльджига, которому тогда поручено было пасти наших животных и который вместо этого улегся спать в кустах.

Верстах в 80 выше города Дын-ху пески Кузупчи переходят на противоположную сторону Хуан-хэ, и ее долина (с восточной стороны) делается крайне бесплодной. Взамен песчаной каймы здесь являются пологие холмы, которые, постепенно повышаясь, превращаются против города Дын-ху в высокий и скалистый хребет, называемый Арбус-ула [по В.А. Обручеву — Арбисо-ула]. Этот хребет тянется вверх по Хуан-хэ, все приближаясь к ней, и наконец упирается почти в самый берег в том месте, где на противоположной стороне Желтой реки возникает громадная гряда Алашаньских гор¹. По монгольскому преданию одна из скалистых вершин Арбус-улы, имеющая столовидную форму, служила наковальной кузнецу Чингис-хана. Этот кузнец был необыкновенного роста, так

¹ По словам монголов Арбус-ула только 5 верст не доходит до берега Хуан-хэ, на противоположной стороне которой тотчас же возникает Алашаньский хребет.

что, сидя на земле, далеко превышал гору и ковал на ней различное оружие и лошадей великому завоевателю.

2 сентября мы пришли к городу Дын-ху, расположенному на западном берегу Хуан-хэ, куда мы также должны были переправляться, чтобы следовать далее по Ала-шаню. Посещение Дын-ху не обошлось для нас без приключений, даже более неприятных, чем в городе Бауту.

Еще за несколько верст до города китайцы заметили наш караван и толпой высыпали на городскую стену, откуда удобнее было видеть вдаль. Затем, лишь только мы поровнялись с городом, от него отвалила барка, в которой сидело человек 25 солдат; переплыв на нашу сторону, они потребовали паспорт.

Мы разбили свою палатку на берегу Хуан-хэ, как раз против города, и я отправил со своим паспортом к китайскому начальнику монгола Джюльджиги, вместе с которым уехали и солдаты. Через полчаса монгол возвратился; с ним приехал чиновник, объявивший, что меня желает видеть мандарин и просит показать ему ружье и нашу собаку; про то и другое он, вероятно, узнал от Джюльджиги. Переодевшись, я отправился в барке на противоположную сторону Хуан-хэ, взяв с собой казака-бурята и монгола; последний должен был служить переводчиком китайского языка, который он знал очень хорошо.

Лишь только барка пристала к берегу, как нас окружила огромная толпа, все наличные обитатели Дын-ху. Этот последний очень невелик и весь разорен дунганами; уцелела только одна глиняная стена, имеющая не более полуверсты в окружности и до того ветхая, что, кажется, достаточно удара дубиной, чтобы сделать брешь в любом месте. Жителей в Дын-ху нет, исключая гарнизона, который состоял первоначально из 1 000 человек, но теперь, вследствие побегов, уменьшился на половину.

В сопровождении всей толпы мы направились внутрь стены, где меня встретили несколько офицеров и указали фанзу, в которой нужно было ждать, пока нас пригласит к себе мандарин, командующий всем гарнизоном. Отведенная фанза служила квартирой одного из офицеров, но как снаружи, так и в особенности внутри, мало чем отличалась от обыкновенного хлева. В виде украшения по стенам в ней висели длинные связки чеснока, дополнявшего своим прекрасным запахом общую гармонию всей обстановки.

Минут через десять пришли сказать, что начальник нас ожидает, и мы отправились в его фанзу. Мандарин сидел за столом в желтой мантии и преважно спросил: кто я такой и зачем пришел в эти страны? На это я отвечал, что путешествую из любопытства; притом же собираю растения на лекарства и делаю чучела птиц, чтобы показать их у себя на родине; кроме того имею немного товаров для торговли с монголами; наконец, мы с товарищем оба чиновники, о чем значится и в нашем пекинском паспорте.

«Но ваш паспорт, вероятно, фальшивый, так как печать его и подпись мне неизвестны»,—вдруг возразил мандарин, не оставлявший своей прежней надутой позы. В ответ на это я сказал, что едва ли знаю по-китайски несколько десятков слов, следовательно не могу сам написать себе паспорт, а с китайскими фабрикантами подобного дела также не знаком. «Какие у вас товары?»—продолжал мандарин. «По большей части пекинские, для простых монголов, так как русские вещи мы все уже распродали», был мой ответ. «Но вы имеете оружие?». «Оно не продажное,—отвечал я,—так как по трактату мы не имеем права ввозить в Китай товар подоб-

ного рода; ружья же и револьверы служат нам защитой от нападений разбойников». «Покажите мне свое ружье и выстрелите из него в цель». — «Хорошо, — отвечал я, — пойдемте на улицу». Я имел с собой двухствольный штуцер Ланкастера, а казак — дробовик; из последнего я убил в лет ласточку, а из штуцера разбил кирпич, поставленный вместо мишени. Видя такие результаты, китайский начальник пожелал сам выстрелить, но даже и близко не попал около цели.

Между тем принесли напоказ несколько старых английских солдатских ружей и двухствольных пистолетов. Мандарин зарядил одно ружье и выстрелил из него в камень шагов на 20, но и тут не попал; затем он сделал еще несколько выстрелов и, наконец, кажется за пятым, разбил кирпич. Удовольствовавшись таким успехом, он пошел в свою фанзу; нас же повели в квартиру одного офицера, куда принесли арбуз, чай и какой-то суп — видимо, это было угощение.

Через полчаса нас снова позвали к китайскому начальнику. «Я должен осмотреть ваши вещи и переписать их, — сказал он; — объявите мне, сколько у вас оружия и какое именно!». «Хорошо, извольте», — отвечал я. Пришел писарь и самым подробным образом записал, сколько у нас штуцеров, гладкоствольных ружей, револьверов, пороху, пуль и тому подобное. Между тем совершенно стемнело и фанзу мандарина осветили сальной свечой и ночником, в котором горело кунжутное масло.

Затем аудиенция продолжалась не долго. Мандарин попросил только продать ему штуцер и, получив отказ, велел перевезти нас обратно через Хуан-хэ. Придя в палатку, мы к великой радости нашли здесь своего Фауста, который ездил с нами и затерялся в городе; оказалось, что, соскучась ожиданием и напуганный шумом толпы, он переплыл обратно Желтую реку на глазах моего товарища.

На следующий день утром к нам явился чиновник, сопровождаемый десятком солдат в форменных красных блузах, и объявил, что он прислан мандарином сделать ревизию нашим вещам. Начался осмотр, но он производился самым небрежным образом, так что съемочные работы, которые я запрятал в самую глубь одного из ящиков, благополучно пережили эту катастрофу. Впрочем одной из благоприятствовавших нам причин было то обстоятельство, что в это время у нас варился суп, из которого солдаты вытаскивали всю говядину и были заняты этим делом гораздо более нежели ревизией вещей.

После осмотра чиновник объявил, что мандарин просил прислать ему посмотреть револьвер и вчерашний штуцер. Сначала я не хотел давать этих вещей, но когда чиновник сказал, что начальник приказал ему не показываться без них на глаза, то я отдал с условием, чтобы за нами тотчас же прислали барку для перевозки на противоположную сторону Хуан-хэ. Действительно, через час явилась барка, на которой мы уложили и перевезли через реку все наши вещи. За верблюдами же обещали приехать вторично; при них остались мой товарищ с одним из казаков.

Сложив все перевезенные вещи во дворе фанзы, стоявшей на берегу Хуан-хэ и служившей амбаром для хранения соли, я пошел к мандарину с просьбой приказать перевезти также наших верблюдов и дать нам билет для дальнейшего следования по Ала-шаню. На это китайский начальник отвечал, что он сам лично желает обревизовать наши вещи и тотчас же отправился вместе со мной туда, где они были сложены. Осматривая наши пожитки, мандарин стал отбирать и передавать своему слуге то, что ему более нравилось, под предлогом рассмотреть все это хорошенько дома

и возвратить обратно. Взято было: два одноствольных нарезных пистолета, револьвер в ящике, кинжал, две пороховницы, фонарь и десть писчей бумаги. Видя, что ревизия превращается в грабеж, я приказал своему переводчику передать мандарину, что мы не затем пришли сюда, чтобы нас грабили; тогда китайский генерал удовольствовался забранными вещами и отказался от дальнейшего осмотра.

Между тем верблюдов все еще не перевозили под предлогом, что поднялся ветер и они могут утонуть. Наконец, когда я пристал энергично к мандарину, он велел перевезти наших животных, которые не могли залезть в барку с высокими бортами, а потому их привязали веревками за головы к той же самой барке и потащили через быструю реку в 200 сажень [427 м] шириной. Нечего говорить, что подобная ванна была не особенно полезна для верблюдов, которые вообще сильно боятся воды.

Лишь только перевезли верблюдов, я отправился к мандарину за паспортом, но мне сказали, что он спит и что я могу подождать до завтра. Выведенный из терпения, я велел тогда передать китайскому генералу, что если он не отдаст мне паспорта, то мы пойдем и без него, но будем жаловаться в Пекине на подобные притеснения.

Не знаю, как были переданы эти слова мандарину, но только через четверть часа опять явился к нам чиновник с десятком солдат и объявил, что мандарин вновь приказал переписать наши вещи и не отпускать нас без билета. На этот раз переписка ограничилась только счетом, сколько у нас ящиков, кожаных сум и мешков; солдаты остались под предлогом охранения этих вещей от воров, но в сущности для того, чтобы караулить самих нас.

Положение наше было крайне тягостное, тем более, что нас постоянно окружала толпа нахальных солдат, позволявших себе различные дерзости; к довершению трудностей один из моих казаков заболел и не мог тронуться с места.

К вечеру начался дождь, но мы не могли найти себе приюта и должны были ночевать под открытым небом, так как палатку негде было поставить в узком дворе, в котором помещались и все десять наших верблюдов. Пришлось покориться необходимости; мы расчистили от верблюжьего помета небольшую площадку и улеглись здесь на войлоках. К счастью, дождь скоро перестал, и ночь была ясная; солдаты по очереди сторожили в воротах двора.

На следующий день нас заставили ждать до самого полудня, говоря, что мандарин еще спит; когда же я хотел идти лично удостовериться в этом, то солдаты не пустили меня в город. Между тем несколько раз приходил доверенный от мандарина, прося подарить его начальнику все забранные им вещи, в том числе и штуцер Ланкастера. Я отказал наотрез, говоря, что не настолько богат, чтобы дарить каждому встречному китайскому генералу оружие, которое стоит несколько сот рублей.

После полудня пришли сказать, что мандарин встал, и принесли ящик со штуцером, но в нем не оказалось пороховницы и коробки пистона. «Ваш начальник украл отсюда две вещи», — сказал я пришедшему чиновнику и послал своего переводчика объяснить то же самое мандарину. Сам я уже не хотел идти к нему, считая неприличным иметь дело с подобным господином.

Через час казак вернулся и принес пустую пороховницу, но пистонов мандарин не отдал, говоря, что они нужны ему самому. Вместе с тем казак передал, что генерал все время просил его уговорить меня пода-

рить ему остальные забранные вещи. Пришедший вместе с казаком слуга ожидал ответа и еще раз получил отказ, с которым отправился к своему господину. Вскоре этот слуга возвратился и объяснил, что мандарин просит продать ему взятые вещи. Я сначала отказал и в продаже, но потом, по совету одного монгольского зангина [см. примечание к главе II], с которым мы в это время хорошо сошлись, согласился на подобную сделку, с тем только условием, чтобы нам тотчас был дан паспорт и проводник. То и другое явилось очень скоро, но только вместо назначенных за вещи 67 лан мандарин прислал всего 50 лан, говоря, что остальные деньги отдаст мне при следующем свидании. Я не желал из-за пустяков начинать новую историю, велел выючить верблюдов и, несмотря на наступавший вечер, мы выступили из Дын-ху.

Дорогой к нам присоединился монгольский зангин и рассказал, что когда мандарин узнал о том, что я хочу уходить без его позволения, то, рассердившись, закричал: «Я отрублю ему за это голову» и велел приставить к нам караул. Вот каким уважением пользуются до сих пор европейцы в Китае, где для нас не существует даже и другого имени, как «заморский чорт».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АЛА-ШАНЬ

[3 (15) сентября—14 (26) октября 1871 года]

Общий характер Алашаньской пустыни. — Местные монголы. — Наше следование по северному Ала-шаню. — Город Дынь-юань-ин. — Алашаньский князь и его сыновья. — Лама Балдын-Сорджи. — Продажа наших товаров. — Нынешний далай-лама. — Предсказание о стране Шамбалы. — Парадное свидание с алашаньским князем. — Алашаньский хребет. — Охота за куку-яманами. — Причины возвращения в Калган.

Южная часть высокого нагорья Гоби, к западу от среднего течения Хуан-хэ, представляет собой дикую и бесплодную пустыню, населенную монголами олютами и известную под именем Ала-шаня, или Заордоса. Страна эта наполнена голыми сыпучими песками, которые тянутся к западу до реки Эцзинэ [Эдзин-гол], на юге упираются в высокие горы провинции Гань-су, а на севере сливаются с бесплодными глинистыми равнинами средней части Гобийской пустыни. Эти естественные пределы составляют и политические границы Ала-шаня, прилегающего на севере к Халхе и уротам, а в остальных частях к Гань-су и небольшой части Ордоса.

В топографическом отношении описываемая страна представляет совершенную равнину, по всему вероятно некогда бывшую, подобно Ордосу, дном обширного озера или внутреннего моря. На такой факт указывают: равнинная площадь всей страны, твердая глинисто-соленая почва, сверху которой насыпан песок, и, наконец, озера осадочной соли, образовавшиеся в самых низких местах, там, где скопились последние остатки прежних вод.

Алашаньская пустыня, на многие десятки, даже сотни верст, представляет одни голые сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром, или засыпать песчаным ураганом. Иногда эти пески так обширны, что называются монголами «тынгери» [тэнгри], то есть «небо». В них нигде нет капли воды; не видно ни птицы, ни зверя, и мертвое запустение наполняет невольным ужасом душу забредшего сюда человека.

Ордосские Кузупчи в сравнении с алашаньскими песками кажутся миниатюрой; притом же там, хотя изредка, можно встретить оазисы, покрытые свежей растительностью. Здесь нет даже и подобных оазисов; желтый песок тянется на необозримое пространство или сменяется обширными площадями соленой глины, а ближе к горам — голой гальки. Растительность, там где она есть, крайне бедна и включает в себе лишь несколько видов уродливых кустарников и несколько десятков пород трав. Между теми и другими на первом плане следует поставить саксаул, называемый монголами заком — *Haloxylon* sp., и траву сульхир — *Agriophyllum gobicum* [цульхир или кумарчин гобийский].

В Ала-шане саксаул является деревом от 10 до 12 футов [3—3,7 м] вышины, при толщине в 0,5 фута¹, и растет редким насаждением всего чаще на голом песке. На поделки описываемое дерево негодно, потому что крохко и дрябло; зато оно горит превосходно. Безлистные, но сочные и торчащие, как щетка, ветви зака составляют главное питание алашаньских верблюдов. Кроме того, под защитой этих деревьев монголы ставят свои юрты и укрываются здесь лучше, нежели в голой степи, от зимних холодов; в подобных же местах, то есть там, где растет зак, говорят, можно скорей достать воду посредством колодцев.

Распространение зака в Ала-шане весьма ограничено; он встречается только в северной части этой страны. В Гоби описываемое дерево растет приблизительно до 42° северной широты⁽⁸⁰⁾; впрочем здесь оно встречается спорадически только там, где залегают голые пески².

Трава сульхир для обитателей Ала-шаня еще важнее нежели зак и, без преувеличения, может быть названа «даром пустыни». Она достигает 2 футов вышины (редко 3 футов) [0,6—0,9 м] и растет на голом песке, обыкновенно по окраинам лишенных всякой растительности песчаных площадей. Это колючее солянковое растение цветет в августе, а мелкие его семена, доставляющие вкусную и питательную пищу, созревают в конце сентября. Урожай сульхира бывает хорош в дождливое лето; в засуху же он пропадает, и тогда алашаньские монголы голодают круглый год.

Для добывания семян сульхира монголы собирают эту траву и обмолачивают ее на голых глинистых площадях, какие часто попадаются среди песков. Самые семена сначала поджаривают на медленном огне, потом толкут в ступе и получают довольно вкусную муку, которую едят, заваривая чаем. Мы сами питались сульхирной мукой в Ала-шане и даже взяли ее на обратный путь. В то же время сульхир служит отличной пищей для домашних животных; его чрезвычайно любят не только верблюды, но даже лошади и овцы. Кроме Ала-шаня сульхир растет в Ордосе и в середине Гоби, там, где встречается голый песок; мы нашли это растение также и в Цайдаме. Из других растений в Ала-шане преобладают большей частью виды, уже встреченные в Ордосе. На глинистых площадях в описываемой стране всего чаще растут: бударгана, хармык, часто образующий кочковатые бугры, колючий вьюнок — *Convolvulus tragacanthoides*³, полевой чернобыльник и изредка золотарник; из трав здесь встречаются: *Inula ammophila* [девясил песчаный], *Sophora flavescens* [софора желтова-

¹ Изредка попадаются экземпляры в 18 футов (5,5 м) вышины, при толщине ствола в 1 фут (0,3 м).

² Кроме того зак растет в Ордосе и Цайдаме; это дерево через всю Среднюю Азию распространяется в наш Туркестан⁽⁸¹⁾.

³ Этот низкий и страшно колючий кустарник, растущий обыкновенно кучинами, монголы называют дзара, то есть еж.

тая], *Convolvulus ammani* [вьюнок Аммана], *Peganum* sp. [гармала], *Narphyllum* sp. [рута, гаплофилл], *Astragalus* sp. [астрагал] и другие. Но вообще растительность пустыни, крайне бедная, корявая, едва поднимающаяся над землей, производит впечатление чрезвычайно неприятное. Здесь нигде нет энергичной жизни, но на всем лежит печать вялости и апатии; все растет как будто нехотя, по принуждению, получая от бедной почвы лишь настолько, чтобы не погибнуть совершенно.

Как бедна флора Ала-шаня, так не богата и его фауна. Крупных млекопитающих в пустыне нет никаких, кроме хара-сульта; затем здесь встречаются волк, лисица, заяц, а в зарослях зака изредка ёж—*Erinaceus auritus*? Из мелких грызунов в обилии попадаются только два вида песчанок—*Meriones* sp.¹; один из них живет исключительно в зарослях зака и до того дырявит землю своими норами, что часто совершенно нельзя ехать верхом. Целый день слышится писк этих зверьков, столь же скучный и однообразный, как вся вообще природа Ала-шаня.

Среди птиц самой замечательной следует считать холо-джоро²—*Podoces hendersoni*, которая величиной почти с нашу сойку, а налету напоминает удода. Это в полном смысле птица пустыни и встречается исключительно в самых диких ее частях. Чуть только местность принимает лучший характер, холо-джоро исчезает; поэтому она вместе с хара-сульты служит для путешественника всегда нерадостным явлением. По нашему пути холо-джоро встеречалась до Гань-су, а затем вновь появилась в Цайдаме; на север она распространяется в Гоби, приблизительно до 44° 30' северной широты³.

Из других птиц в Ала-шане чаще попадаются пустынные — *Syrhaptes paradoxus*, прилетающие сюда на зимовку огромными стадами, жаворонки—*Alauda pispoletta*, *Otocoris albigula*, *Galerita cristata* [*Calandrella* p., *Eremophila alpestris*, то есть жаворонки серый, рогатый, а также хохлатый], *Saxicola deserti* [пустынная каменка—*Oenanthe* d.], а в зарослях зака воробьи—*Passer* sp. Сверх того летом здесь держатся красавки-журавли—*Grus virgo*, которые питаются ящерицами, в бесчисленном множестве водящимися в пустыне. За неимением болот журавли приходят пить к колодцам и делаются весьма доверчивы, так как никем не преследуются.

Вот и все почти птицы, которых можно найти в Алашаньской пустыне. Пролетные стада несутся здесь высоко, не останавливаясь. По крайней мере мы только по вечерам видали здесь иногда стада журавлей, садившихся на песок, чтобы провести ночь и ранним утром лететь далее. Даже сороки и вороны не встречаются в алашаньской равнине; только коршун изредка пронесется над палаткой путешественника, надеясь поживиться остатком обеда.

Из пресмыкающихся в пустыне бесчисленное множество ящериц круглоголовок—*Phrynoscephalus* sp., в меньшем числе ящурок—*Eremias* sp., которые попадают здесь на каждом шагу. Эти ящерицы составляют почти исключительную пищу журавлей, сарычей и коршунов; даже чайки прилетают сюда за подобной поживой с Хуан-хэ; волки, лисицы

¹ [Видимо, автор имеет в виду большую песчанку—*Rhombomys opimus*, или, что менее вероятно, полуденную песчанку—*Pallasiomys meridianus*.]

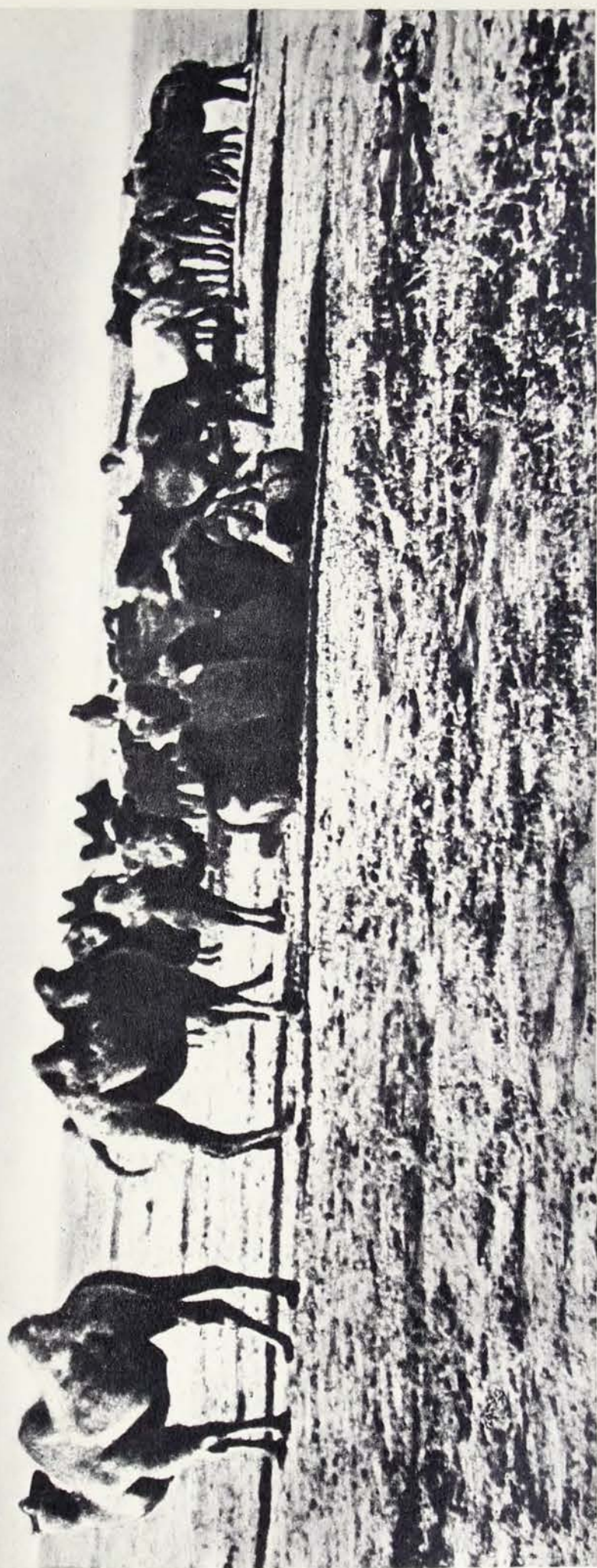
² Это монгольское имя в переводе означает «саврасый иноходец» и дано названному виду за его быстрый бег, напоминающий рысь иноходца (82).

³ Между тем эта птица далеко идет к западу, так как ее нашла или, лучше сказать, впервые открыла экспедиция Форсита [Т. Д. Форсайт], снаряженная в 1870 году английским правительством из Лагора в Яркенд (83).

Типичная монгольская овца (Халха)

У колодца в Гоби

и монгольские собаки также питаются названными пресмыкающимися за неимением чего-либо лучшего.

Население Ала-шаня составляют монголы-олюты, к которым также принадлежит часть обитателей Куку-нора, тургуты [торгоуты] и наши калмыки. По своему наружному виду алашаньские монголы много отличаются от халхасцев и представляют что-то среднее между ними и китайцами. Язык алашаньских монголов значительно отличается от халхаского и, сверх того, в сравнении с последним, характеризуется более мягким и скорым произношением слов.

Алашаньские монголы вообще весьма бедны. Они занимаются главным образом разведением верблюдов, которых употребляют для перевозки соли и разных китайских товаров. Овцы, лошади, равно как и рогатый скот, здесь содержатся в самом малом количестве по неимению для них пастбищ; в большом числе встречаются козы, а в горах пасутся стада яков, принадлежащих владетельному князю и его сыновьям.

В административном отношении Ала-шань разделяется на три хошуна, но вообще население в этой стране очень невелико. Оскудению местного населения еще более помогли дунгане, разорившие Ала-шань в одно время с Ордосом¹. Такой участи избежал только город Дынь-юань-ин [Динъюаньин], единственный в описываемой стране; он составляет местопребывание владетельного князя и лежит по западную сторону Алашаньских гор.

Сюда мы направились, выйдя из Дын-ху. Впрочем, сделав один переход, мы простояли три дня возле юрты знакомого монгольского зангина. У него мы купили верблюда и променяли двух своих, сбивших себе спины; кроме того необходимо было дать покой больному казаку, который, к счастью, начал поправляться. Прежний наш проводник Джюльдига был оставлен нами в городе Дын-ху, а взамен него мы получили, все от того же зангина, другого проводника, который хотя был монгол, но исповедывал магометанство и оказался отличным человеком. С ним мы пошли в город Дынь-юань-ин, до которого от Дын-ху считается 187 верст [200 км]. Дорога состоит из тропинки, иногда совершенно теряющейся в песках, так что нужно отлично знать местность, чтобы не заблудиться. Населения мы не видали вовсе, но в расстоянии 25—30 верст здесь выкопаны колодцы, и при них стоят почтовые юрты.

На втором переходе мы встретили небольшое озерко Цаган-нор и возле него великую редкость здешних стран — родник чистой холодной воды. Две большие ивы осеняли это место, которое считается святым у монголов. Мы несказанно обрадовались подобной находке, так как уже более месяца не пили хорошей воды и, ради такого открытия, учинили дневку.

Светлые струйки родника бегут всего несколько десятков сажен, но орошаемая ими площадка представляет яркозеленый луг, покрытый травами, какие нигде не встречаются в пустыне.

Пролет птиц, начавшийся в конце августа, много усилился в сентябре, так что в первой трети этого месяца считалось в пролете уже восемнадцать видов. Но пролётные птицы следуют, главным образом, по долине Хуан-хэ и только в небольшом числе перелетают Алашаньскую

¹ По сведениям, сообщенным нам местными монголами, в Ала-шане после дунганского разорения осталось около тысячи юрт. Полагая средним числом на каждую юрту от 5 до 6 человек, мы получим все население этой страны в 5—6 тысяч душ.

пустыню. Жутко иногда приходится здесь этим крылатым странникам. Многие из них, истомленные жаждой или голодом, погибают в пустыне, и я несколько раз находил здесь мертвых дроздов, у которых по вскрытии желудок оказывался совершенно пустым. Мой товарищ однажды встретил в сухом ущелье, почти близ самого гребня высоких Алашаньских гор, кряковную утку, до того обессилевшую, что ее можно было поймать руками.

Летние жары теперь кончились, так что мы без особенного утомления делали свои переходы. Сыпучие пески, сложенные небольшими холмами, как и в Ордосе, расстилались вокруг нас безграничной желтой площадью, убегавшей за горизонт. Тропинка вилась между ними по зарослям зака и переходила менее узкие рукава самых песков, там, где они становились поперек дороги. Беда заблудиться, гибель тогда путнику верная, в особенности летом, когда пустыня накаляется, словно печь.

Верст за 70 до города Дынь-юань-ин голые пески уходят вправо от дороги, а взамен их расстилается глинисто-песчаная равнина, покрытая главным образом редкими кустами полевого чернобыльника, называемого монголами шаральджа и употребляемого ими на топливо. Равнина эта тянется до самых Алашаньских гор, которые стоят громадной стеной и видны очень ясно за целую сотню верст; на некоторых вершинах уже лежал в это время снег, хотя вышеназванные горы нигде не достигают снеговой линии.

14 сентября мы пришли в город Дынь-юань-ин и в первый раз за все время экспедиции встретили радушный прием от местного князя, по приказанию которого навстречу нам выехали трое чиновников и проводили нас в заранее приготовленную фанзу. Впрочем еще за целый переход до города нас также встретили три чиновника, посланные князем узнать, кто мы такие. Одним из первых вопросов этих посланцев было: «не миссионеры ли мы?», и когда был дан отрицательный ответ, то нам начали жать руки и объяснять, что в случае, если бы мы оказались миссионерами, князь не велел пускать нас к себе в город. Вообще в числе причин, обусловивших успех нашего путешествия, на видном месте следует поставить то обстоятельство, что мы никому не навязывали своих религиозных воззрений.

Город Дынь-юань-ин, как сказано выше, составляет местопребывание Алашаньского владетельного князя. Он лежит в 15 верстах к западу от средней части Алашаньских гор и в 80 верстах к северо-западу от большого китайского города Нин-ся¹, в провинции Гань-су. Китайцы называют описываемый город Ва-ян-фу, а монголы Алаша-ямын, то есть управление Ала-шаня.

Дынь-юань-ин состоит из крепости, глиняная стена которой имеет полторы версты [около 2 км] в окружности. Во время нашего посещения стена эта была приведена в оборонительное положение, и на ее зубцах везде были сложены камни или бревна для отбития неприятельского штурма. Впереди главной стены, с северной стороны, устроены также из глины три небольшие укрепления, обнесенные палисадом.

Внутри крепости живет сам князь; здесь также находятся китайские лавки и помещены монгольские войска. Вне главной ограды расположено было прежде несколько сот фанз, но они все сожжены дунганами, которые однако не могли взять самую крепость. Зато все, что находилось вне ее,

¹ Монголы называют этот город Иргай [то есть кызыльник].

подверглось разорению, в том числе и загородный дворец князя, устроенный в одной версте от города и окруженный небольшим парком. Этот парк, в котором прежде имелись даже пруды с водой, представляет очаровательное место в сравнении с унылым видом окрестной пустыни.

Такова наружность города Дынь-юань-ин. Обратимся к описанию его обитателей. Среди них самой замечательной личностью служит, конечно, владетельный князь, или, как его называют здесь, «амбань»¹. Он состоит в разряде князей второй степени и владеет Ала-шанем на правах средневекового феодала. По своему происхождению этот князь монгол, но совершенно окитаившийся, тем более, что он состоит в родственных связях с богдоханским домом, откуда получил в замужество одну из принцесс. Несколько лет тому назад эта жена умерла, и амбань теперь содержит наложниц.

Сам князь, человек лет 40, имеет довольно благообразную физиономию, хотя всегда бледен, так как сильно предан курению опиума. По своему характеру он взяточник и деспот самого первого разбора. Пустая прихоть, порыв страсти или гнева, словом — личная воля, заменяют всякие законы и тотчас же приводятся в исполнение, без малейшего возражения с чьей бы то ни было стороны. Впрочем такой порядок существует во всей Монголии и во всем Китае без исключений.

Запершись внутри своей фанзы, Алашаньский князь все время проводит в курении опиума и никогда не показывается на улице; в прежнее время он часто ездил в Пекин, но теперь восстание дунган прекратило подобные поездки.

Амбань имеет трех взрослых сыновей, из которых старший со временем будет его наследником; средний сын попал в гыгены, а младший, по имени Сия², не имеет никакой определенной должности.

Гыген, красивый юноша 21 года, с живым и пылким характером, но совершенно испорчен воспитанием, не терпит ни малейшего противоречия и считает собственное мнение непогрешимым. Притом, будучи весьма недалеким по уму и развитию, он блуждает, как во мраке, среди всего сумбура, постоянно толкуемого ему приближенными ламами, о его перерождениях, чудесах и святости. Не отдавая себе в этом ни малейшего отчета, гыген относится ко всему апатично и видит только в своем звании источник огромной власти и богатств, приносимых ему усердными верующими. Но в то же время молодая душа ищет чего-то лучшего и не удовлетворяется жизнью, заключенной в узкие рамки ежедневных молитв, предсказаний и благословений. Чтобы найти для себя хотя какой-нибудь простор, гыген страстно предан охоте и по целым дням ездит с ватагой лам травить лисиц в окрестностях города. Впоследствии он купил у нас охотничье ружье и постоянно стрелял птиц в своем загородном саду. Но и тут нет бедному гыгену покоя от различных поклонений. Однажды, будучи на охоте с моим товарищем, он просил его прогнать всех этих поклонников, так как они ходили сзади гурьбой и пугали птиц. Конечно буддийскому святому не подобает заниматься охотой, но приближенные ламы не смеют и намекнуть об этом своему владыке, который держит их в суровой дисциплине. По случаю дунганского восстания гыген сформировал

¹ Имени князя узнать мы не могли, так как монголы считают грехом произносить имена своих начальников, а тем более передавать эти имена кому-либо чужому.

² Имя и титул этого князя, как он сам написал в моем дневнике: Олос-он-Тушие гун дурбан дзыргэ Нэмэнсэн Балчинбандзаргучан. Титул же и имя гыгена: Адаша-ин Цин-ван хошун-уон Саин Батаргулокчи сумэ Ном-он хан джамцуванджил.

из всех лишних лам отряд в 200 человек, вооружил его английскими гладкоствольными ружьями, привезенными из Пекина, и посылает против восставших, которые еще часто появляются в пределах Ала-шаня.

Младший сын алашаньского князя Сия по характеру отчасти походит на гыгена и чрезвычайно склонен к разгульной жизни. Он сам нам говорил, что не терпит книг и вообще науки, но очень любит войну, охоту и верховых лошадей. Действительно, на охоте, которую для нас устроили оба брата, он показал себя таким отличным наездником, что во время скачки за лисицей далеко оставил за собой всех своих спутников.

Старшего сына мы видели только однажды, и потому я не могу про него ничего сказать. Приближенные его говорят, что по своему характеру этот князь не походит на братьев, но держит себя уединенно и важно, как подобает будущему правителю.

Кроме вышеописанных личностей следует упомянуть еще об одном ламе, по имени Балдын-Сорджи, который состоит при князе и его детях в качестве доверенного лица, исполняющего разные поручения. Сорджи в ранней юности бежал в Тибет, пристроившись к каравану богомольцев; проведя в Лассе восемь лет, он изучил буддийскую мудрость и возвратился обратно в Ала-шань уже ламой. От природы хитрый и сметливый, Сорджи вскоре приобрел расположение амбана и сделался его приближенным. По поручению князя он каждый год ездит в Пекин за различными покупками и даже один раз был в Кяхте, а потому знает русских. Для нас Сорджи был чрезвычайно полезен своей услужливостью и тем значением, каким он пользовался в городе. Без него мы, быть может, не встретили бы столь радушного приема со стороны князя и его сыновей. Сорджи находился также в числе трех лиц, высланных князем вперед узнать, кто мы такие. Он потом объяснил алашаньскому амбану, что мы действительно русские, а не какие-либо другие иностранцы. Впрочем монголы всех европейцев крестят общим именем русских, так что обыкновенно говорят: русские-французы, русские-англичане, разумея под этими именами французов и англичан; притом номады везде думают, что эти народы находятся в вассальной зависимости от цаган-хана, то есть белого царя.

При вступлении в Дынь-юань-ин нас еще за городом ожидала огромная толпа народа, которая затем направилась вслед за нами и битком набилась во двор китайской гостиницы, где была отведена нам квартира. Хозяин гостиницы, как видно, не особенно был доволен нашим постоем и долго не находил ключа, чтобы отпереть дверь фанзы, предназначенной для нас. Наконец ключ отыскался; мы развьючили верблюдов, стаскали в фанзу свои вещи и, наскоро поевши, легли спать, так как наступил уже вечер и мы сильно были утомлены большим переходом.

На следующий день с раннего утра нам уже не давали покоя любопытные зеваки, которые толпой стояли на дворе и лезли в нашу фанзу или прорывали бумагу, которой обыкновенно заклеиваются китайские окна, и смотрели сквозь сделанные отверстия. Напрасно по распоряжению князя к нам отрядили несколько солдат, чтобы отгонять народ, и в то же время, вероятно, наблюдать за нашими действиями. Выгоняли одну толпу—через 10 минут набиралась новая; так было ежедневно в течение всего нашего пребывания в Дынь-юань-ине, в особенности в первое время. Не было возможности ничего решительно делать, потому что достаточно было высморкаться, чтобы возбудить общее внимание и привлечь новых зевак. Поневоле приходилось сидеть, сложа руки;

в грязной фанзе, в то время, когда наступила пора самого горячего пролета птиц, а под боком находились громадные и при том лесистые Алашаньские горы. Но путешественник, более чем кто-либо, зависит от случайностей,—и мы должны были покориться своей судьбе.

Через два дня по приходе в алашаньский город мы имели свидание с двумя младшими сыновьями князя—гыгеном и Сия, через пять дней со старшим их братом и только через восемь дней с самим амбанем. Всем им необходимо было сделать подарки, о которых нас спрашивали еще высланные навстречу чиновники. Не имея с собой для подобной цели никаких особенных вещей, я подарил самому князю карманные часы и испортившийся anerоид; старшему сыну — бинокль; гыгену и Сия—различные мелочи, главным образом, охотничьи принадлежности и порох. В ответ на это мы получили от князя и его сыновей также подарки довольно ценные: пару лошадей, мешок ревеня и голову русского сахара, которая попала в Ала-шань из Кяхты. Кроме того наши приятели гыген и Сия подарили на память о них: мне — серебряный браслет, а моему товарищу — золотое кольцо.

Вообще как сам амбань, так в особенности гыген и Сия, были очень расположены к нам и постоянно старались выказать это расположение. Они каждый день присылали нам из своего сада целые коробки арбузов, яблок и груш, которые мы истребляли через меру, после долгих лишений в пустыне; старый князь прислал нам однажды обед из множества различных китайских кушаний. С гыгеном и Сия мы ездили несколько раз на охоту и довольно часто бывали у них по вечерам, беседуя иногда до глубокой ночи. Хотя трудно было объясняться через переводчика, но все-таки мы проводили здесь время с удовольствием, тем более, что освобождались от невольного ареста в своей фанзе. Молодые князья вели себя совершенно непринужденно, смеялись, шутили, и дело иногда доходило даже до разных игр и гимнастических упражнений.

В беседах с нами гыген и Сия с лихорадочным любопытством спрашивали о Европе, тамошней жизни, людях, машинах, железных дорогах, телеграфах и так далее. Наши рассказы казались для них сказкой и пробуждали желание видеть все это собственными глазами; князья не шутя просили нас свозить их в Россию. Иногда нам приносили на показ различные европейские вещи, купленные в Пекине и Кяхте, как например револьверы, трости с кинжалом, машинки с игрой, часы и даже флаконы с одеколоном.

Между тем свидание с старым князем все откладывалось под различными предлогами, а до тех пор нас не хотели пустить в горы. Лама Сорджи и другие чиновники посещали нас каждый день, и мы продали им все свои пекинские товары с барышом от 30 до 40%. Несравненно выгоднее пошли русские товары (иголки, мыло, ножки, бусы, табакерки, зеркальца), которых, правда, у нас было очень немного, всего на несколько десятков рублей, но которые дали нам средним числом 700% барыша. Конечно подобный случай составляет исключение, но мне кажется, что если завести правильную торговлю не только здесь, но вообще в Монголии, то можно иметь барыш в весьма крупных процентах. Конечно, нужно уметь повести дело и знать, какие именно требуются товары. Мне кажется, на первом плане должны стоять: плис, сукно, сафьян, которые и теперь ввозятся от нас в Китай в значительном количестве. Но едва ли не больший сбыт найдут здесь различные железные вещи, как, например, ножницы, ножи, бритвы, а также медные кувшины, чугунные чаши и так

далее. Все это предметы самые необходимые для домашнего обихода номадов, которые получают теперь такой товар от китайцев, но чрезвычайно плохого качества. Дальнейшим предметом ввоза могут служить: желтый и красный люстрин, употребляемый ламами на одежду, кораллы, очень дорого ценимые в Монголии, парча, красные бусы, иголки, карманные часы, табакерки, зеркала, стереоскопы, бумага, карандаши и тому подобные мелочи.

Одним из самых усердных наших посетителей был лама Сорджи, который приходил к нам по нескольку раз в день и много рассказывал о Тибете. Между прочим он сообщил, что богомольцы, приходящие в Лас-су, могут видеть далай-ламу не иначе, как заплатив за это на первый раз от 3 до 5 лан; на второй и следующие разы за лицезрение воплощенного божества взимается один лан. Но подобная плата установлена только для бедных, которые притом имеют даровое помещение и продовольствие за счет тибетского владыки. Богатые же и князья, приходящие на поклонение, подносят далай-ламе большие, иногда даже громадные подарки.

Нынешний далай-лама — мальчик 18 лет и, по рассказам буддистов, попал на свой престол следующим образом. Незадолго до смерти старого далай-ламы к нему пришла молиться одна тибетская женщина, в которой святой прозрел мать своего будущего заместника. Тогда он дал ей хлеб и каких-то ягод, съевши которые, эта женщина получила зачатие. Далай-лама указал на нее как на мать своего преемника и вскоре умер. Действительно, когда ребенок родился, то в эту самую минуту из столба, которым была подперта юрта, потекло молоко, что и было знамением призвания и великой святости новорожденного⁽⁸⁴⁾.

Другой весьма интересный рассказ, слышанный нами от Сорджи, было предсказание о Шамбалыне, той обетованной земле буддистов, куда со временем перейдут из Тибета все последователи этой религии.

Вышеназванная страна есть остров, лежащий где-то далеко на Северном море. В нем очень много золота, хлеб родится необыкновенной величины, бедных нет вовсе; словом, Шамбалын течет медом и млеком. Переход сюда буддистов должен произойти через 2 500 лет со дня предсказания о таком событии; с тех пор прошло 2 050 лет, так что ожидать осталось сравнительно немного.

Самое дело произойдет следующим образом.

В Западном Тибете живет один гыген, который как живое воплощение божества никогда не умирает, но только перерождается из одного тела в другое. Незадолго перед наступлением срока предсказанного события этот святой родится сыном у государя Шамбалына. Между тем дунгане взволнуются еще более нежели теперь и разорят весь Тибет. Тогда тибетский народ под предводительством далай-ламы покинет свое отечество и отправится в Шамбалын, где будет принят и поселен на хороших землях вышеупомянутым святым, занявшим после смерти отца престол государства. Между тем дунгане, ободренные успехами в Тибете, покорят всю Азию, потом Европу и нахлынут на Шамбалын. Тогда святой государь соберет войска, победит дунган, прогонит их в свою страну и сделает буддийскую веру господствующей во всех подвластных землях.

Вышеупомянутый гыген и теперь секретно посещает Шамбалын. Для этого он имеет особенного коня, который стоит постоянно оседланным и возит своего господина в одну ночь из Тибета в обетованную землю и обратно. О подобных похождениях простые люди узнали совершенно

случайно. Именно, у гыгена был работник, который однажды ночью вздумал съездить к себе домой и, ничего не подозревая, взял тихомолком священного коня. Тот взвился стрелой и понесся вдаль. Через несколько часов езды начали показываться леса, озера, реки, которых вовсе нет на родине работника, так что этот последний, испугавшись, повернул коня обратно. При этом он отломил ветку дерева, чтобы погонять лошадь, если она устанет; но этого не случилось, и к рассвету работник снова был возле кумирни, обтер с коня пот, выводил его и поставил на прежнее место.

Между тем проснувшийся святой тотчас же узнал о случившемся и, призвав к себе работника, спросил, куда он ездил нынешней ночью. Уличенный так неожиданно, работник не стал заператься, но объявил, что сам не знает, где был. Тогда святой сказал ему. «Ты немного не доехал до счастливой земли Шамбалы, куда мой конь только и знает дорогу. Покажи ветку, которую ты привез с собой; смотри, таких деревьев нет в Тибете, они растут недалеко от Шамбалына».

* * *

Наконец, на восьмой день нашего пребывания в Дынь-юань-ине, мы получили приглашение на свидание с амбанем. Предварительно лама Сорджи, вероятно, по наущению самого князя, спрашивал у нас: каким образом мы будем приветствовать их повелителя — по своему ли обычаю или по монгольскому, то есть падать на колени. Получив, конечно, ответ, что мы будем кланяться князю по-европейски, Сорджи начал просить, чтобы перед амбанем стал на колени хотя бы наш казак-переводчик, но и в этом было решительно отказано.

Самое свидание происходило в 8 часов вечера в приемной фанзе амбана. Эта фанза очень хорошо убрана; в ней даже стоит большое европейское зеркало, купленное за 150 лан в Пекине. На столах в нейзильберовых [мельхиоровых] подсвечниках горели стеариновые свечи, и было приготовлено для нас угощение из орехов, пряников, русских леденцов со стихами на обертках, яблок, груш и прочего.

Когда мы вошли и поклонились князю, то он пригласил нас сесть на приготовленные места, казак же стал у дверей. Кроме амбана в фанзе находился китаец — богатый пекинский купец, как я узнал впоследствии. В дверях фанзы и далее в прихожей стояли адъютанты князя и его сыновья, которые должны были присутствовать при нашем приеме.

После обычных расспросов о здоровье и благополучии пути амбань сказал, что с тех пор, как существует Ала-шань, в нем не был еще ни один русский, что он сам видит этих иностранцев в первый раз и очень рад нашему посещению.

Загем он начал расспрашивать про Россию: какая у нас религия, как обрабатывают землю, как делают стеариновые свечи, как ездят по железным дорогам и, наконец, каким образом снимают фотографические портреты. «Правда ли, — спросил князь, — что для этого в машину кладут жидкость человеческих глаз?» «Для такой цели, — продолжал он, — миссионеры в Тянь-дзине [Тянь-цзинь] выкалывали глаза детям, которых брали к себе на воспитание; за это народ возмутился и умертвил всех этих миссионеров¹. Получив от меня отрицательный ответ, князь начал просить привезти ему машину для снимания портретов, и я едва мог

¹ Действительно, в Тянь-дзине в июле 1870 года возмущившаяся чернь вырезала 20 французов и 3 русских; последние подвернулись случайно. Агитаторы этого возму-

отделаться от подобного поручения, уверив, что дорогой стекла машины непременно разобьются.

Далее князь спросил, сколько подати платят нам французы и англичане, думая, что они находятся в вассальной зависимости от России. Когда я отвечал амбаню, что на этот счет ничего не знаю, то он начал сильно допытывать: с нашего ли согласия или самовольно вышеназванные народы воевали с Китаем. «Во всяком случае,—продолжал князь,—наш богдохан только по своей бесконечной милости отпустил этих варваров из-под стен своей столицы и не истребил их до единого человека; в наказание же за дерзость с них взята была большая контрибуция»¹.

Между тем бывшие в приемной сыновья князя, наши приятели гыген и Сия, кивали нам пальцами, смеялись, толкали под бока казака-переводчика и школьничали различными манерами, пользуясь тем, что этого не видит их отец. Вообще отношения молодых князей к своему родителю самые рабские: дети боятся отца страшно и беспрекословно исполняют все его приказания. Притом князья постоянно действуют через шпионов, по крайней мере они не стыдились, даже при нас, шептаться с приближенными ламами—что сказал отец, что делает брат и так далее; относительно же своих подчиненных князья держат себя полными деспотами.

Наша аудиенция продолжалась около часа; на прощание князь подарил казаку-переводчику 20 лан и разрешил нам сходить поохотиться в соседние горы. Сюда мы отправились на следующий день и разбили свою палатку в вершине ущелья, почти близ гребня самого хребта. Верблюды наши остались на попечение приятеля Сорджи в городе, равно как и казак, который опять заболел сильнее прежнего; причиной его болезни была, главным образом, тоска по родине. От князя были посланы с нами провожатые и еще один лама, вероятно, в качестве надсмотрщика.

Горы, в которых мы теперь поселились, находятся, как сказано выше, в 15 верстах к востоку от города Дынь-юань-ин и составляют границу между Ала-шанем и провинцией Гань-су. Весь хребет известен под именем Алашаньского [по-китайски—Цзялянь-шань]. Он поднимается от самого берега Хуан-хэ, в том месте, где с противоположной стороны в нее упирается ордосский Арбус-ула, то есть верстах в 80—90 южнее города Дын-ху. Отсюда описываемый хребет тянется с севера на юг вдоль левого берега Желтой реки, но постоянно удаляется от нее. Общая длина всего хребта, по словам монголов, простирается на 200—250 верст [213—267 км], но ширина его крайне незначительна и в средних частях не превосходит 25 верст [27 км]. Между тем описываемые горы со всех сторон круто поднимаются из долины и несут вполне дикий, альпийский характер. Этот последний еще сильнее выражается на восточном их склоне, изборожденном громадными (иногда 700—800 футов по отвесу) [приблизительно 210—250 м] скалами, глубокими ущельями и пропастями, сло-

---

щения уверили народ, что французские сестры милосердия, которые берут к себе на воспитание детей, впоследствии выкалывают им глаза, чтобы получить необходимую жидкость для изготовления фотографических портретов. Слух этот, как видно, разнесся по всему Китаю, и ему охотно поверили.

¹ Мнение о том, что во время последней войны французов и англичан с Китаем были побеждены не китайцы, но европейцы, существует везде во Внутренней Азии, где нам приходилось путешествовать. Действительно, в глазах азиатских народов, не знающих истинных подробностей этого дела, неприятель, стоявший под городом своего противника и не разоривший его, считается не победителем, но побежденным. Китайское правительство, вероятно, ловко воспользовалось этим случаем и распустило между своими верноподданными слух о победе над европейцами (⁸⁵).

вом, всеми принадлежностями диких альп. Отдельные вершины нигде не поднимаются резко над гребнем хребта, наивысшие точки которого, Баян-цумбур [Баян-сумбур] и Бугутуй, находятся около его середины. Первая из этих гор имеет 10 600 футов [3 231 м] абсолютной высоты, последняя поднимается приблизительно футов на 1 000 [метров на 300] выше. Но между обеими названными горами описываемый хребет понижается настолько, что здесь лежит единственный через него перевал, по которому дорога ведет в большой китайский город Нин-ся.

Несмотря на свою вышину, Алашаньские горы нигде не достигают снеговой линии. Даже на самых высших точках весной снег растаивает совершенно, хотя здесь он иногда выпадает еще в мае и июне, в то время, когда в соседних равнинах идет дождь¹. Вообще количество жидких осадков в описываемых горах довольно значительно, но они все-таки чрезвычайно бедны водой; даже ключи здесь встречаются как редкость, а значительных ручьев, по словам монголов, во всем хребте только два². Причина такого явления заключается в том, что Алашаньские горы, при высоком своем поднятии над окрестными равнинами, имеют столь незначительную ширину, что стоят совершенно стеной. Выпадающая влага не может задерживаться на таких крутых скатах и, следовательно, не может питать ручьи или родники. Во время сильного ливня здесь образуются целые реки, которые стремительно несутся в соседнюю пустыню и исчезают там в песках, или, расплываясь на глиняных площадях, образуют временные озера; но как быстро появляются такие потоки, так быстро и пропадают, лишь только прекратится дождь.

Узкая, но очень высокая скалистая гряда Алашаньских гор, выдвинутая подземными силами словно стена среди соседних равнин, представляет своим положением весьма характерную особенность. Тем более, что эти горы стоят совершенно обособленно и, сколько нам удалось узнать, не соединяются с хребтами верхней Хуан-хэ, но оканчиваются в песчаных пустынях юго-восточного Ала-шаня. Из горных пород в описываемом хребте встречаются: сланцы, известняки, фельзит, фельзитовый порфир, гранулит, гнейс, слюдяной песчаник и породы новейшего вулканического происхождения: на вершине горы Бугутуй скалы иногда состоят из кварцевого конгломерата. Кроме того в Алашаньском хребте находятся залежи превосходного каменного угля³.

Окраины Алашаньских гор, ближайšie к равнинам, покрыты лишь травой и мелким, редким кустарником, но далее, приблизительно от 7 500 футов [около 2 300 м] абсолютной высоты, на западном склоне растут леса, состоящие из ели с примесью осины и лозы. На восточной стороне гор леса начинаются, вероятно, ниже, но там преобладает малорослая осина, к которой в небольшом числе примешивается белая береза, сосна и древовидный можжевельник. Густой подлесок в описываемых лесах образуется преимущественно из таволги и лещины, а в верхнем поясе из колючей караганы — *Caragana jubata*, называемой монголами

¹ В сентябре, когда мы в первый раз увидели Алашаньские горы, на некоторых вершинах на северных склонах уже лежал снег; с конца этого месяца в верхнем и среднем поясе гор всегда падал снег вместо дождя.

² Оба эти ручья стекают с горы Бугутуй. Один из них, Бугутуй-гол, течет на западном, а другой — Кэшиктэ-мурон [Мурэн] — на восточном склоне гор; выйдя в пустыню, оба эти ручья, как обыкновенно в Монголии, исчезают.

³ Этот уголь до дунганского разорения разрабатывался в небольшом количестве китайцами.

«верблюжий хвост» [тэмэн-сул]. Самые верхние части гор заняты альпийскими лугами¹.

В описываемых горах прежде жило довольно много монголов, и находились три кумирни, но все это разорено дунганями.

Орнитологическая фауна Алашаньского хребта, вопреки нашему ожиданию, оказалась весьма бедной, чему главной причиной, мне кажется, служит безводие этих гор. Правда, во время нашего здесь пребывания стояла уже глубокая осень и большая часть птиц улетела на юг, но такую же бедность пернатых мы встретили в этих горах и летом 1873 года.

Из оседлых птиц Алашаньских гор самая замечательная ушастый фазан — *Crossoptilon auritum*, называемый монголами хара-такя [хара-тахия], то есть черная курица. Он принадлежит к особому роду, отличающемуся от прочих фазанов присутствием на задней части головы удлинённых пучков перьев, вроде ушей совы. Хара-такя ростом гораздо больше обыкновенного фазана, имеет сильные ноги и большой крышевидный хвост, в котором четыре средних пера удлинены и рассучены. Общий цвет перьев тела свинцово-голубой, перья хвоста имеют стальной отлив и белое основание, удлинённые ушные перья и горло белого цвета, голые щеки, как и ноги, красные. Самка по оперению совершенно походит на самца. Ушастые фазаны держатся осенью небольшими стадами, вероятно выводками (4—10 экземпляров), в лесах хвойных и лиственных. По словам монголов прежде этих птиц было много в Алашаньских горах, но в снежную зиму 1869/70 года большое количество погибло от голода и холода; впрочем, и теперь хара-такя встречается здесь довольно часто.

Из других птиц мы нашли в Алашаньских горах оседлыми: грифа — *Vultur monachus* [гриф черный — *Aegyptius m.*], ягнятника — *Gypaetos barbatus*, стенолаза — *Tichodroma muraria*, синицу — *Parus cinctus* [*Parus cinctus*]; поползня пушистого — *Sitta villosa*; дубоноса — *Hesperiphona speculigera* [дубонос арчевый — *Mycerobas carnipes*], *Pterorhinus davidii* [перенос Давида], и два вида куропаток — *Perdix barbata*, *P. chukar* [куропатки бородатая и каменка — *P. daurica* и *Alectoris kakelik*]. Пролетными или отлетающими в конце сентября здесь были только: краснозобый дрозд — *Turdus ruficollis*, *Ruticilla erythrogastra* [краснобрюхая горихвостка], *Accentor montanella* [завирушка горная], *Nemura cyanura* [синехвостка]. Валовой пролет птиц к этому времени уже окончился, трава посохла, листья на деревьях и кустарниках поблекли или опали; вместо дождя падал снег, по ночам стояли морозы, так что вообще в горах пахло уже глубокой осенью.

Еще менее разнообразия, нежели среди птиц, встречается между млекопитающими Алашаньских гор; зато бедность видов вознаграждается здесь обилием экземпляров, в особенности крупных животных. За все время своего пребывания в описываемых горах как в первый, так и во второй раз мы нашли здесь только восемь видов млекопитающих, а именно: оленя — *Cervus sp.*, который держится преимущественно в хвойных лесах западного склона гор; кабаргу — *Moschus moschiferus*; горного барана — *Ovis sp.*, называемого монголами куку-яман [*Pseudos burghel*], то есть голубой козел, во множестве обитающего на восточной, более скалистой стороне хребта. Из хищных здесь водятся волки, лисы и хорьки — *Mustela sp.*, а из грызунов пищуха — *Lagomys sp.* [*Ocho-*

¹ Более подробное описание флоры Алашаньских гор будет сделано в XIV главе.

tana sp.] и мышь — Mus sp., кроме того, монголы уверяли нас, что в северных безлесных частях хребта водятся аргали.

Олени в Алашаньских горах встречаются в значительном количестве благодаря тому обстоятельству, что охота за этими зверями запрещена князем. Однако тихомолком они все-таки убиваются, в особенности летом в период вырастания столь дорогих в Китае молодых рогов. Во время нашего пребывания в горах у оленей происходила течка, и громкий призывный голос самцов днем и ночью раздавался в лесах. Нечего и говорить, как действовали эти звуки на меня и на моего товарища. С раннего утра до поздней ночи лазили мы по горам, преследуя осторожных животных, и наконец убили старого самца, шкура которого была препарирована для коллекции.

Еще интереснее были наши охоты за горными баранами, которые во множестве обитают в Алашаньском хребте, избирая местом жительства самые дикие скалы верхнего пояса гор. Этот зверь ростом немного более обыкновенного барана. Цвет шерсти буровато-серый или буровато-коричневый; верх морды, грудь, передняя сторона ног, полоса, ограничивающая бока от брюха, и самый кончик хвоста — черные; брюхо белое, задняя сторона ног изжелта-белая. Рога пропорционально велики, подняты от основания немного кверху, а концами загнуты назад. Самка немного меньше самца; цвет черных частей тела у ней не столь ярок; рога маленькие, плоские, почти прямостоячие.

Куку-яманы держатся в одиночку, парами, или, наконец, небольшими стадами — от 5 до 15 экземпляров. Как исключение, они собираются иногда в большие стада, и мой товарищ встретил однажды общество приблизительно в сотню экземпляров. В стаде один или несколько самцов принимают на себя должность вожаков и охранителей. При опасности они тотчас дают сигнал громким и отрывистым свистом, до того похожим на свист человека, что я в первый раз принял этот голос за сигнал охотника; самки также свистят, но только гораздо реже самцов.

Испуганный баран бросается опроретью на уход по скалам, часто совершенно отвесным, так что, смотря на него, недоумеваешь: каким образом это большое животное может так ловко лазить по самым неприступным местам. Для куку-ямана достаточно самого малого выступа, чтобы удержаться на нем в равновесии на своих толстых ногах. Иногда случается, что камень оборвется под тяжестью зверя, и с грохотом полетит вниз; ну, думаешь, оборвался и баран — но он, как ни в чем не бывало, скачет далее по скале. Заметив охотника, в особенности если тот появился неожиданно и близко, куку-яман свистнет раза два-три и, сделав несколько скачков, останавливается рассмотреть, в чем опасность. В это время он представляет отличную цель для меткой пули; нужно только не мешкать, а то зверь, постояв несколько секунд, снова свистнет и пустится скакать далее. При спокойном состоянии, то есть вне опасности, куку-яман ходит шагом или тихим галопом, причем иногда держит голову вниз.

Куку-яман вообще очень осторожен и не пропускает без внимания ничего подозрительного. Обоняние, слух и зрение развиты у него превосходно; по ветру невозможно подойти к зверю и на двести шагов. Перед вечером он выходит на пастбище. Любимым местом пастбища служат альпийские луга. Утром, когда солнце поднимется уже довольно высоко, куку-яман снова отправляется в родные скалы. Здесь он иногда по целым часам стоит на каком-нибудь выступе неподвижно, как истукан, и только изредка повертывает головой то в одну, то в другую сторону. Мне

случалось видеть, что при подобном отдыхе зверь, помещавшийся на покатоности камня, имел свой зад выше головы, но такое положение повидимому несколько для него не затруднительно. В полуденные часы горные бараны ложатся отдыхать обыкновенно на выступах скал и летом всего чаще на северной их стороне, вероятно потому, что здесь прохладнее; иногда куку-яман здесь засыпает и при этом ложится на бок, вытягивая ноги, как собака.

Течка описываемых зверей происходит, по словам монголов, в ноябре и продолжается около месяца. Тогда, днем и ночью, слышится призывной голос самцов, очень похожий, как говорят, на бляение козы; в это же время самцы сильно дерутся между собой. Впрочем, даже вне периода течки, они частенько бодаются, подпрыгивая при этом и ударяя друг друга рогами, как наши домашние козлы. Страсть к дракам у куку-яманов так велика, что у взрослых самцов концы рогов бывают постоянно обломаны. Молодых, которых бывает один, реже два, горные бараны выводят в мае; детеныш ходит с матерью до новой течки.

Охота за куку-яманами крайне затруднительна; однако ею занимаются некоторые алашаньские монголы и бьют баранов из своих фитильных ружей. Впрочем недостаток хорошего оружия заменяется у этих охотников отличным знанием местности и привычек зверя. Взрослый самец дает около двух пудов [свыше 30 кг] мяса¹; осенью эти звери делаются очень жирны и чрезвычайно вкусны. Шкуры куку-яманов, выделанные без шерсти, монголы употребляют для шитья мешков, охотничьих панталон и тому подобного.

Во время пребывания в Алашаньских горах мы с товарищем по целым дням охотились за описываемыми животными. Не зная местности, я брал с собой в проводники охотника-монгола, до тонкости изучившего горы и характер куку-яманов. Ранней зарей выходили мы из палатки и поднимались на гребень хребта, лишь только солнце показывалось из-за горизонта. В ясное и тихое утро панорама, расстилавшаяся отсюда перед нами по обе стороны гор, была очаровательная. На востоке узкой лентой блестела Хуан-хэ, и словно алмазы сверкали многочисленные озера, рассыпанные возле города Нин-ся; к западу широкой полосой уходили из глаз сыпучие пески пустыни, на желтом фоне которых, подобно островам, пестрели зеленеющие оазисы глинистой почвы. Вокруг нас царил полная тишина, изредка нарушаемая голосом оленя, зовущего свою самку.

Отдохнув немного, мы шли осторожно в ближайšie скалы восточного склона гор, более обильного куку-яманами. Подойдя к отвесному обрыву, мой проводник, а за ним и я высовывали сначала одну лишь голову и смотрели вниз. Оглядевшись самым тщательным образом все выступы и кусты, мы выползали вперед на несколько вершков и продолжали осмотр. Так происходило на каждой скале или, лучше сказать, с каждого отвесного ее обрыва. Часто, не довольствуясь одним осмотром, мы выслушивали, нет ли шороха от шагов отыскиваемого зверя или не скатился ли где сброшенный им камень. Иногда мы и сами спускали большие камни в лесистые ущелья, чтобы выгнать оттуда куку-яманов. Полет такого камня всегда бывает великолепный. Едва держась, лежит выветрившаяся глыба, так что достаточно небольшого усилия, чтобы толкнуть ее вниз. Медленно отделяется она от родной скалы и медленно начинает

¹ Взрослый невыпотрошенный самец куку-ямана весит около трех пудов [до 50 кг]; самка на пуд [16 кг] легче.

катиться, но с каждой секундой скорость движения возрастает, так что наконец камень несется в ущелье со свистом и быстротой ядра, ломая на пути порядочные деревья. Вслед за главной глыбой, летят другие меньшие камни, сброшенные с своего места, и в конце концов на дно ущелья прилетает, с глухим дребезжащим гулом, целая куча обломков. Эхо долины вторит общему шуму, спугнутые звери и птицы несутся в другие части ущелья, но через несколько минут попрежнему все станет тихо и спокойно.

Иногда целых полдня проводили мы, высматривая баранов, и все таки не находили их. Нужно иметь соколиное зрение, чтобы отличить на большое расстояние серую шкуру куку-ямана от такого же цвета камней, или, что еще хуже, разглядеть животное, лежащее в кустах. Мой проводник видел далеко; случилось, что он на несколько сот шагов замечал одни рога животного, которые я не мог разглядеть даже в бинокль.

Затем мы начинали подкрадываться к замеченному зверю. Для этого иногда нужно было обходить очень далеко, спускаться почти в отвесные пропасти, прыгать с камня на камень или через широкие трещины, лепиться по карнизам утесов, словом, с каждым шагом быть на краю опасности. Руки царапались в кровь, сапоги и платье рвались немилосердно, но все это забывалось, в надежде выстрелить по желанному зверю. Но увы! Эти надежды часто разрушались самым немилосердным образом. Случалось, что во время подкрадывания нас замечал другой куку-яман и свистом давал знать об опасности своему собрату или оборвавшийся под ногами камень предупреждал осторожного зверя, — и он в одно мгновение скрывался из глаз. Обида в подобных случаях была сильная; все труды пропадали даром, и снова начинали мы прежнюю историю, то есть высматривали и выслушивали других куку-яманов.

Но когда дело поворачивало в лучшую сторону и нам удавалось подкрасться к барану шагов на 200 или на 150, а иногда и того ближе, тогда с замирающим сердцем высовывал я свой штуцер из-за обрыва скалы, прицеливался — и через мгновение выстрел уже гремел отрывистыми перекатами по ущельям диких гор, а простреленный куку-яман падал на камень или катился вниз, оставляя широкий кровавый след. Иногда же, будучи только ранен, баран бросался на уход; тогда пускался в дело другой ствол штуцера, и вторая пуля укладывала зверя. Вообще куку-яман чрезвычайно крепок на рану и часто уходит даже смертельно раненый. Мне случалось однажды пробить самку этого зверя раз за разом тремя пулями — в бок, шею и зад, — и она все-таки еще бегала в продолжение четверти часа.

Спустившись к убитому барану, мы потрошили его, причем монгол забирал все внутренности и даже кишки, выжав из них предварительно содержимое; затем он связывал ноги зверя, забрасывал его на спину, и с этой тяжелой ношей мы шли к своей палатке¹.

Когда весенняя засуха выжжет всю траву на горах, тогда куку-яманы питаются листьями и не отказываются для этого даже залезать на деревья. Конечно, такой случай может быть исключением, но я сам видел в мае 1871 года в крайнем хребте долины левого берега Хуан-хэ, двух этих зверей на развесистом ильме сажени две [4 м] вышиной. Заметив баранов на дереве, не далее 60 шагов от себя, я сначала не поверил глазам и

¹ Охотники-монголы, для облегчения тяжести при переноске, обыкновенно отрубают голову убитому куку-яману.

опомнился только тогда, когда животные соскочили на землю и пустились на уход. Один из них тут же поплатился жизнью.

Вообще куку-яманы, как сказано выше, великие мастера лазанья, но и они иногда попадают в безвыходное положение. Так однажды в горах озера Куку-нор я застал на огромной скале стадо из 12 экземпляров. Каким образом оно забралось туда, я до сих пор не могу объяснить, потому что скала с трех сторон была совершенно отвесна, а с четвертой примыкала к каменной россыпи, по которой можно было пройти разве только мыши. Параллельно вышеописанной скале тянулась в расстоянии сотни шагов от нее другая, на которую доступ был гораздо легче и откуда я вдруг увидел куку-яманов. Старый самец стоял прямо против меня на таком узком карнизе, где едва мог уместить свои копыта. Я пустил в него пулю, которая пробила зверя позади груди. Несколько мгновений стоял он шатаясь, видя гибель неминуемую. Наконец силы изменили... скользнуло одно копыто, потом другое, и красивый зверь полетел в пропасть сажен 60 глубиной. Глухими перекатами раздалось эхо грохнувшейся тяжести... Испуганное стадо не знало, на что решиться, и, сделав несколько прыжков вдоль гребня скалы, опять остановилось. Раздался другой выстрел,—и самка рухнула в то же самое ущелье, куда перед тем упал самец. Зрелище было потрясающее. Я сам не мог удержаться от волнения, видя, как два больших зверя, кувыркаясь, полетели в страшную глубину. Но страсть охотника превозмогла силу впечатления. Я снова зарядил свой штуцер и снова пустил две пули в куку-яманов, которые не знали, куда деваться от испуга. Так стрелял я с одного места семь раз, пока наконец звери не решились на отчаянное дело: они спустились вниз по гребню скалы и спрыгнули здесь с обрыва сажен в 12 [метров 25] вышиной.

Кроме Алашаньских гор куку-яманы водятся в большом числе в хребте, окаймляющем долину левого берега Хуан-хэ при северном изгибе этой реки, но их вовсе нет ни на Муни-ула, ни в других более северных горах Монголии. На юге этот зверь встречается очень часто в горах озера Куку-нор и Северного Тибета, но заменяется здесь разновидностью, быть может даже особым видом [*Pseudois pahoor*].

После двухнедельного пребывания в Алашаньских горах мы вернулись в Дынь-юань-ин и решили отсюда идти обратно в Пекин, чтобы завестись там деньгами и всем необходимым для нового путешествия. Действительно, как ни тяжело было отказаться от намерения идти на озеро Куку-нор, до которого оставалось только около 600 верст [640 км.] следовательно менее месяца пути, но иначе поступить было невозможно. Несмотря на бережливость, доходившую до скряжничества, у нас, по приходе в Ала-шань, осталось менее 100 рублей денег, так что только продажей товаров и двух ружей мы могли добыть средства на обратный путь. Кроме того находившиеся при нас казаки оказались ненадежными и ленивыми, а с такими сподвижниками невозможно было предпринять новый путь, более трудный и опасный, нежели пройденный. Наконец, паспорт из Пекина у меня был только до Гань-су, так что, опираясь на это, нас могли и не пустить в названную провинцию.

С тяжелой грустью, понятной лишь для человека, достигшего порога своих стремлений и не имеющего возможности переступить через этот порог, я должен был покориться необходимости — и повернул в обратный путь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРОД КАЛГАН

[15 (27) октября—31 декабря 1871 г. (12 января 1872 г.)]

Болезнь моего товарища.—Озеро осалочной соли Джаратай-дабасу.—Хребет Хара-нарин-ула.—Характеристика дунганей [дунган].—Долина левого берега Желтой реки.—Трудности зимнего путешествия.—Пропажа наших верблюдов.—Невольная стоянка возле кумирни Шырегы дау [Ширэгэ-дау].—Прибытие в Калган.

Утром 15 октября мы оставили город Дынь-юань-ин и направились обратно в Калган. Накануне выхода мы провели вечер у своих приятелей гыгена и Сия, которые с непритворной грустью расставались с нами и просили притти обратно как можно скорее. Мы подарили им свои фотографические карточки и старались уверить, что никогда не забудем того радушного приема, который нашли в Ала-шане. В самую минуту нашего выхода явился лама Сорджи и еще чиновник, которые принесли последний прощальный привет от сыновей князя и проводили нас за город.

Теперь нам предстоял далекий, трудный путь, так как от Дынь-юань-ина до Калгана расстояние (по Монголии) около 1 200 верст [1 280 км], которые мы должны были пройти без остановок. Между тем приближалась зима с сильными морозами и ветрами, столь обыкновенными в Монголии в это время года. Наконец, к довершению зол, мой спутник Михаил Александрович Пыльцов вскоре по выходе из Дынь-юань-ина заболел тифозной горячкой так сильно, что мы принуждены были простоять девять дней возле ключа Хара-моритэ в северных пределах Ала-шаня.

Положение моего товарища становилось тем опаснее, что он вовсе был лишен медицинской помощи, и хотя мы имели с собой некоторые лекарства, но мог ли я удачно распорядиться ими, не зная медицины. К счастью молодая натура переломила, и Михаил Александрович, все еще крайне слабый, мог кое-как сидеть на лошади, хотя ему приходилось иногда так круто, что он падал в обморок. Тем не менее мы должны были итти день в день, от восхода до заката солнца.

Желая познакомиться с характером левого берега Желтой реки и гор, окаймляющих здесь ее долину, я предпринял путь через землю уротов, которая граничит с Ала-шанем. В северной части этого последнего, в расстоянии 100 верст [107 км] от города Дынь-юань-ин, мы встретили огромное озеро осадочной соли, называемое монголами Джаратай-дабасу. Это озеро занимает самое низкое место во всем Ала-шане и поднято над морским уровнем лишь на 3 000 футов [945 м]. В окружности Джаратай-дабасу имеет около 50 верст, и превосходная осадочная соль лежит здесь прямо на поверхности земли, слоем от 2 до 6 футов [0,6—1,8 м] толщиной. Однако разработка этого естественного богатства самая ничтожная; ею занимаются лишь несколько десятков монголов, которые возят соль на верблюдах в китайские города Нин-ся и Бауту.

Для добывания соли сначала счищают тонкий слой наносной пыли, сверху белой от соляного налета, а затем разрыхляют соль¹ железными лопатами и моют ее в воде, которая тотчас накапливается в выкопанных ямках. Затем соль насыпают в мешки и выючат на верблюдов, от 7 до 10 пудов [115—164 кг] на каждого. На месте платится за соль с каждого выючного верблюда по 50 чох, то есть по 5 копеек на наши деньги; столько же дается работникам. Для надзора за разработкой соли на берегу Джаратай-дабасу живет особый монгольский чиновник, а весь сбор поступает в казну князя. Этот последний получает сверх того большие заработки от своих верблюдов, которых отдает внаймы извозчикам соли с тем, чтобы они платили ему девять десятых чистого барыша, а одну десятую получали бы за свои труды. Монголы говорили нам, что выюк соли с каждого верблюда продается в городе Бауту от 1,5 до 2 лан.

Окрестности описываемого озера почти вовсе лишены растительности и представляют самый унылый вид, в особенности летом, когда жара здесь до того нестерпима, что разработка соли прекращается.

Блестящая соляная поверхность Джаратай-дабасу издали кажется водой, вблизи же льдом. Обман до того велик, что на наших глазах стада пролетных лебедей, видимо обрадованные встретить воду в пустыне, опускались почти до самой поверхности мнимого озера, но, убедившись в своей ошибке, с тревожным криком поднимались снова вверх и летели далее.

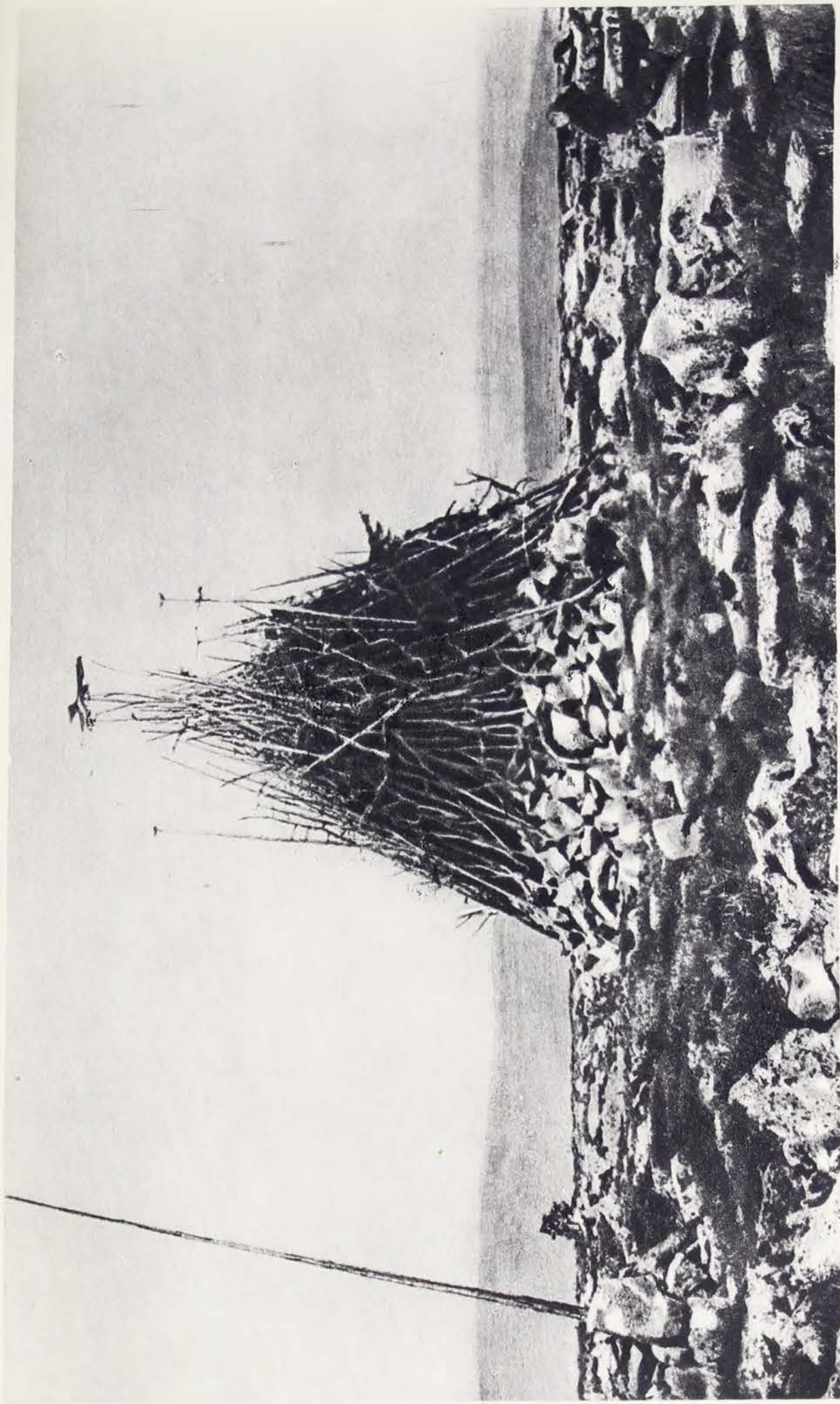
В северной части Ала-шаня, недалеко от ключа Хара-моритэ, где мы стояли по случаю болезни Пыльцова, высится сравнительно небольшая, но дикая и скалистая горная группа Хан-ула, или Халдзын-бургонту [Халдзан-бурхантэ], которая составляет последнее вздутие хребта, окаймляющего долину левого берега Хуан-хэ. Этот хребет называется монголами Хара-нарин-ула². Он возникает от реки Халютай и, протянувшись в юго-западном направлении около 300 верст [320 км]³, оканчивается в северных пределах Ала-шаня. Здесь описываемый хребет расплывается невысокими скалистыми холмами в песчаных равнинах, и только южные его отроги, поднявшись в Хан-ула до значительной высоты, но потом вновь измельчавшие, тянутся немного далее озера Джаратай-

¹ Соль лежит то совершенно чистая, то с узкими прослойками грязи.

² Что в переводе означает «черные острые горы». Впрочем такое название весьма мало известно местным жителям, и мы слышали его лишь от нескольких лам [собственно «черные тонкие горы»].

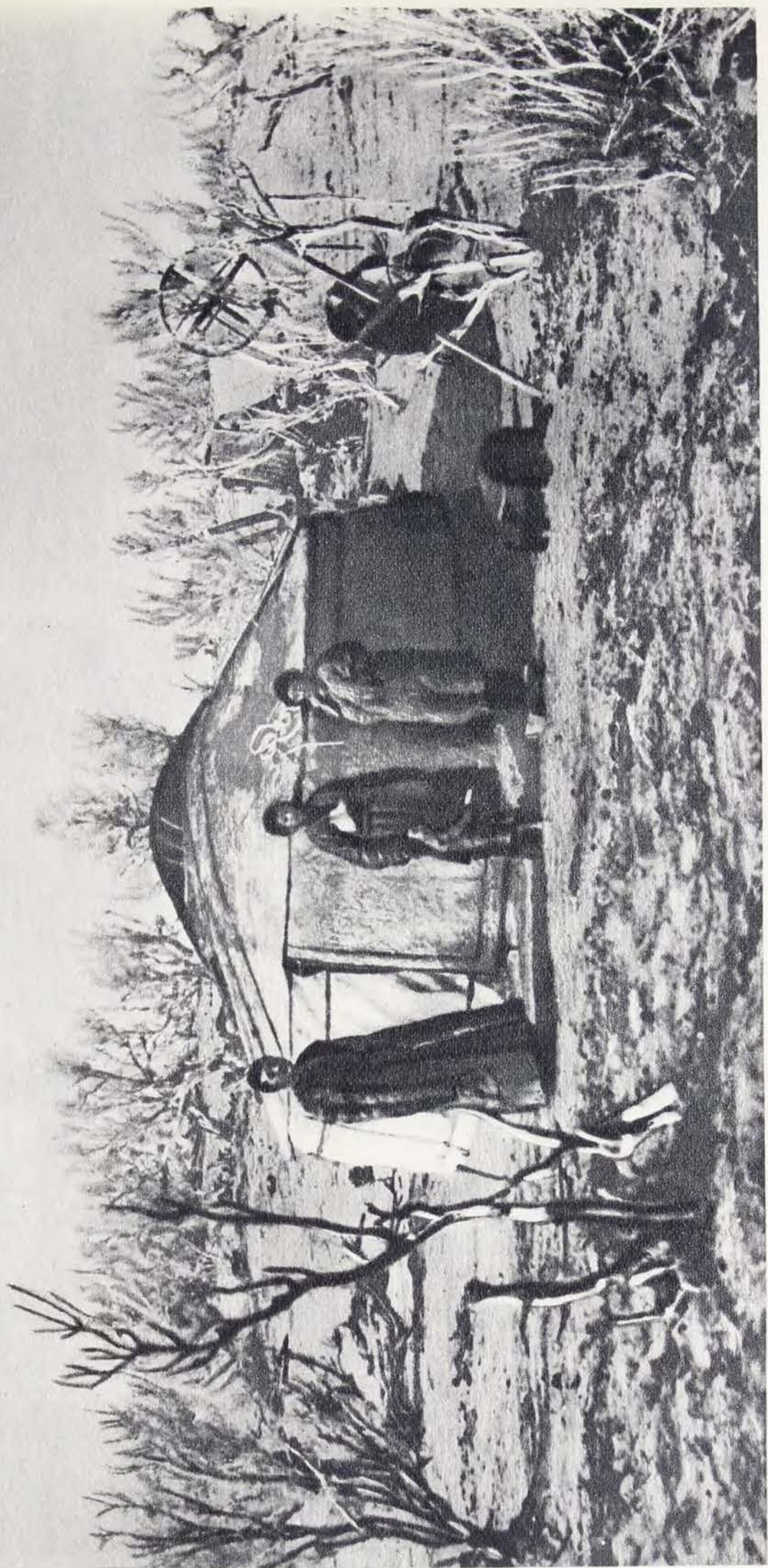
³ Если же считать крайнюю юго-западную оконечностью описываемых гор не группу Хан-ула, а ее холмистые продолжения на западной стороне озера Джаратай-дабасу, то общая длина описываемого хребта будет около 370 верст [около 400 км].

Священный знак «обо» на горном перевале Хануин-ундур
(Монголия)

Стойбище в Гоби среди саксаульника

дабасу. К востоку Хара-нарин-ула соединяется грядами невысоких, иногда быть может прерывающихся холмов с Шейтен-ула, следовательно и с Ин-шанем. На юге описываемый хребет отделяется от Алашаньских гор песчаными пустынями, более сотни верст шириной.

Подобно Калганским горам, Хара-нарин-ула составляет хребет окраины, то есть окаймляет собой высокое поднятие Гоби от более низкой долины Хуан-хэ, так что разница местностей, лежащих по восточную или по западную сторону описываемого хребта, доходит до 2 400 футов [приблизительно 730 м]. Развиваясь вполне только в долине Желтой реки, окраинный хребет стоит здесь везде отвесной стеной, изредка прорезанной узкими ущельями. Наибольшей высоты он достигает в середине¹, но и на всем своем протяжении несет характер дикости и бесплодия. Огромнейшие скалы гранита, роговообманкового гнейса, фельзитового порфира, сиенита, фельзита, известняка и глинистого сланца бороздят бока описываемых гор и часто увенчивают их вершины, а обширные россыпи выветрившихся горных пород иногда сбегают до самого дна ущелий. Здесь, и кое-где на свободных склонах гор, торчит кустик дикого персика или тощий ильм, а затем везде мало даже травы. Тем не менее животная жизнь в горах довольно обильна: по скалам водится очень много куку-яманов, а на западной стороне, где горы представляют более мягкие формы, живут аргали. Особенность описываемого хребта состоит в том, что в нем встречается довольно много воды в виде ключей и ручьев; это тем более замечательно, что сами горы совершенно безлесны.

От Хан-ула перед нами лежали два пути: один в долину Хуан-хэ, вдоль подошвы хребта, ее окаймляющего, а другой — по западную сторону тех же самых гор, то есть по высокому плато земли уротов. Я избрал последний путь для того, чтобы познакомиться в этом месте с характером Гобийского нагорья.

Мы поднялись на него исподволь, через невысокие скалистые холмы окраинного хребта, который, как сказано выше, здесь сильно мельчает в своих размерах. На нагорье местность сначала напоминает пустыни Ала-шаня, оставаясь, так же как и там, крайне бесплодной и часто покрытой голыми сыпучими песками. Растительность чрезвычайно бедна; всего более попадает полевой чернобыльник и колючий вьюнок. Но по мере удаления к северо-западу почва улучшается и, наконец, верстах в 120 далее границы Ала-шаня, делается глинистой или глинисто-хрящеватой и покрывается мелкой степной травой. Здесь тотчас же являются обитатели монгольских степей — дзерены, которых нет во всем Ала-шане.

С поднятием на нагорье климат быстро изменился. В равнинах Ала-шаня в течение всего октября стояла прекрасная осенняя погода, настолько теплая, что даже во второй половине этого месяца температура в полдень, в тени, доходила до $+12,5^{\circ}\text{C}$, а 25 числа поверхность песка нагрелась до $+43,5^{\circ}\text{C}$; по ночам хотя и стояли морозы, но они были не велики, и термометр на восходе солнца не падал ниже $-7,5^{\circ}\text{C}$.

Между тем, лишь только мы перешли за хребет Хара-нарин-ула, как сразу наступили сильные холода, и 3 ноября нас угостила здесь такая пурга, какую впору было бы видеть в Сибири, да и то целым месяцем позднее. При сильнейшей буре с северо-запада и при холоде в -9°C метель не переставала целый день; снег, разбиваемый ветром на мельчайшие частички, вместе с тучами песка крутился сверху, снизу и со всех

¹ Между горами Хоир-богдо и Нарин-шорон.

сторон. В 10 шагах не было видно больших предметов, а против ветра невозможно было открыть глаза или перевести дух. О выходе в путь нечего было и думать, так что мы все время сидели в своей палатке и лишь по временам выходили из нее откопать наметенные сугробы, чтобы они не раздавили наше убогое жилище. К вечеру метель еще более усилилась, так что наши верблюды, пущенные в полдень на пастбище, поневоле оставлены были ночью на произвол судьбы и отыскались лишь на следующий день.

Снег выпал на несколько дюймов, везде нанесло большие сугробы, и сильные морозы начали стоять день в день. Все это еще более усиливало трудность нашего пути, а моему больному товарищу приходилось очень жутко. Животные также сильно страдали от бескормицы. Вскоре у нас отказались идти два верблюда и одна лошадь; все они были брошены и заменены запасными животными, взятыми из Ала-шаня.

Так шли мы верст 150 по западную сторону Хара нарин-ула и, убедившись в том, что этот хребет не пускает здесь отрогов внутрь плато, им окаймляемого, перерезали крайние горы по ущелью реки Угын-гол и спустились 11 ноября в долину Желтой реки. Здесь из зимы мы опять попали в теплую осеннюю погоду, какую оставили в Ала-шане. Снегу вовсе не было, и термометр, постоянно стоявший на нагорье в полдень ниже нуля, опять поднимался иногда выше точки замерзания. Такая разница климата явилась всего на расстоянии 20 верст, которые занимает в ширину окраинный хребет.

Однако и в долине Хуан-хэ чувствовалось приближение зимы. Вода уже была покрыта льдом¹, а утренние морозы возрастали быстро и доходили на восходе солнца даже до -26°C . Зато днем бывало тепло, в особенности в тихую погоду; небо почти всегда оставалось безоблачным.

Во время нашего следования по западной стороне Хара-нарин-ула мы нигде не встречали населения. Все монголы ушли отсюда в долину Хуан-хэ, испугавшись небольшой разбойничьей партии, которая пришла из окрестностей озера Куку-нор. Подобные явления далеко не редкость в тех частях Монголии, которые сопредельны с землями, объятymi дунганским восстанием. Отряды восставших, постоянно являющиеся из этих стран, иногда составлены из всевозможного сброда, вооруженного лишь пиками или саблями и, в небольшом числе, фитильными ружьями. Тем не менее они наводят великий страх на монголов и китайцев, для которых достаточно услышать одно имя дунган, чтобы бежать без оглядки. Когда мы находились в Дынь-юань-ине, то алашаньский князь, отправляя свое войско против вышеупомянутой разбойничьей партии, прислал чиновника попросить на время военных действий наши фуражки, чтобы ими пугать неприятелей. «Разбойники наверно знают,—говорил нам посланный чиновник,—что вы находитесь здесь, и, увидя ваши фуражки, которые мы наденем на свои головы, подумают, что вы вместе с нами, и тотчас же убегут».

Начиная от сыпучих песков Ала-шаня, долина Хуан-хэ, на левом берегу ее северного изгиба, носит в общем тот же самый луговой характер, как и на правой стороне реки. Глинистая почва везде покрыта густыми зарослями высокого дырисуна, возле самой реки появляются кустарники, а ближе к горам поверхность равнины делается хрящеватой. Абсолютная высота местности, так же как и в Ордосе, не превышает 3 500 футов [при-

¹ Вероятно в это время замерзла и Желтая река. Монголы говорили нам, что Хуан-хэ близ Муни-ула замерзает в половине ноября, а вскрывается в половине марта.

близительно 1 070 м]. Везде встречается густое китайское население, которое, впрочем, теснится ближе к реке, а под горами живут монголы, бежавшие сюда с нагорья и из Ордоса. По деревням расположены китайские войска, выставленные против дунган. В пространстве между городами Нин-ся и Бауту этих войск считается до 70 тысяч, хотя сильное дезертирство уменьшило, как говорят, такую армию на половину ее списочного состава. В конце деморализованные, описываемые войска исключительно занимаются грабежами и язляются страшным бичом местного населения. Монголы несколько раз нам говорили, что «присутствие защитников, в лице китайских войск, для них хуже дунганского нашествия, так как дунгане разоряют однажды, а солдаты постоянно грабят».

Мы также не обошлись без неприятных столкновений с китайскими солдатами. Однажды они хотели отобрать у нас верблюдов под свои вьюки, а в другой раз двое солдат требовали, чтобы мы натаскали воды из колодца для их лошадей. В обоих случаях нахалы были вразумлены как следует и ушли, поджавши хвост.

Под горами окраины мы встретили старое русло Хуан-хэ (Уланхатун), которое имеет 170 сажен [363 м] ширины и сохранилось очень язственно, но совершенно сухо, так что везде поросло травой. По словам монголов это бывшее ложе реки отделяется от нынешней Хуан-хэ в том месте, где сыпучие пески Ордоса переходят в Ала-шань; далее старое русло идет под горами окраины и, изгибаясь довольно круто, соединяется с нынешней рекой вблизи западного угла Муни-улы.

Между старым руслом и настоящим течением Хуан-хэ существуют два нешироких рукава, в которых вода местами пересыхает во время жары; когда же в Желтой реке вода высока, тогда и эти рукава наполнены ею. Кроме главной реки и ее рукавов в долине Хуан-хэ воды вовсе нет, за исключением колодцев, почти всегда очень глубоких. Ручьи, которые выбегают из окраинного хребта, тотчас же теряются в почве, и ни один из них не доходит до Хуан-хэ.

В долине этой последней мы нашли несколько видов зимующих птиц: *Falco tinnunculus* [пустельга — *Cerehneis t.*], *Circus* sp. [лунь], *Plectrophanes lapponica* [подорожник лапландский — *Calcarius l.*], *Otis tarda* [дрофа], *Coturnix muta* [немой перепел — *C. japonica*], *Anas rutila* [красная утка — *Tadorna ferruginea*] и бесчисленное множество фазанов — *Phasianus torquatus*. Последние держатся по зарослям дырисуна и за неимением воды постоянно приходят пить к колодцам, так что из засады здесь можно настрелять их сколько угодно. Однако я предпочитал охоту с лягавой и с помощью Фауста на первый же раз убил 22 штуки. При этом нужно заметить, что очень много подстреленных птиц пропадает, спасаясь бегством. Собака конечно бросается по следу, но через несколько десятков шагов встречает новых, еще не спугнутых фазанов, делает по ним стойку и оставляет преследование раненого; бегают же фазан так быстро, что на ровном месте его не скоро догонит человек.

Там, где долина Хуан-хэ принимает степной характер, появилось множество хара-сульт и дзеренов, так что мы почти каждый день убивали этих зверей и были обеспечены продовольствием на дальнейший путь. Однако любимейшим яством монгола, нанятого нами в Ала-шане, и наших казаков был кирпичный чай, которого они истребляли невероятное количество. В особенности лакомым казался для моих спутников этот напиток, когда удавалось доставать молока, и чай, по выражению казаков, являлся

«беленым». Такого нектара всегда вышивалось чуть не ведро за один раз. Для меня с товарищем подобные чаепития были чистым наказанием. Случалось, что иногда нужно было спешить, но монгол и казаки непременно сначала варили чай и, только напившись его, были готовы к выступлению. Большим или меньшим количеством выпитого чая, в особенности «беленого», определялось даже расположение духа моих спутников, так что я обыкновенно смотрел сквозь пальцы на эти проклятые чаепития.

Путь наш в долине Хуан-хэ лежал вдоль хребта окраины, который тянется непрерывной стеной до реки Халютай. Отсюда горы вдруг мельчают и невысокими холмами уходят в сторону от той обрывистой каймы, которая далее обозначает собой границу долины Желтой реки. Вышеупомянутые холмы служат связью между горами окраины и хребтом Шейтен-ула, протянувшимся к востоку до реки Кундулин-гол [Хундлун, то есть поперечный]. Этот хребет невысок, но скалист, безлесен и, сколько кажется, очень беден водой.

Почти на меридиане западной оконечности Шейтен-ула стоит и западный угол Муни-ула. Между этими двумя грядами гор долина Хуан-хэ вдвигается широким рукавом, густо заселенным китайцами. В этом же самом рукаве лежит полоса сыпучих песков, которые служат для путешественника, идущего с востока, как бы преддверием страшных пустынь Ордоса и Ала-шаня.

На берегу Кундулин-гола мы вышли на старый путь и имели далее ту выгоду, что могли идти уже не ощупью, но по карте; притом не надо было делать съемки, так что одним трудом экспедиции стало меньше. Для меня лично такое обстоятельство было великой радостью, так как я освобождался теперь от кропотливой работы; притом съемка зимой, в особенности в ветреные дни, до того затруднительна, что я отморозил себе во время упражнений с буссолью по два пальца на каждой руке.

В конце ноября мы оставили долину Желтой реки и поднялись через Шохоин-дабан на более высокую окраину Монгольского нагорья, где опять наступили сильные холода. Морозы, на восходе солнца, доходили до $-32,7^{\circ}\text{C}$; к ним присоединялись часто сильные ветры и иногда метели. Все это происходило почти на тех же самых местах, где летом нас дожимали жары до 37°C . Таким образом, путешественнику в среднеазиатских пустынях приходится выносить то палящий зной, то сибирский холод, и переход от одной крайности к другой чрезвычайно крут.

Во время пути холод не так сильно чувствовался, потому что мы большей частью шли пешком. Только мой товарищ, все еще слабый и неоправившийся, должен был, закутавшись в баранью шубу, сидеть на лошади по целым дням. Зато на месте ночлега зима давала себя знать. Как теперь помню я это багровое солнце, которое пряталось на западе, и синюю полосу ночи, заходившую с востока. В это время мы обыкновенно развьючивали верблюдов и ставили свою палатку, расчистив предварительно снег, правда не глубокий, но мелкий и сухой, как песок. Затем являлся чрезвычайно важный вопрос насчет топлива, и один из казаков ехал в ближайшую монгольскую юрту купить аргала, если он не был приобретен заранее дорогой. За аргал мы платили дорого¹, но это все еще было меньшее зло; гораздо хуже становилось, когда нам вовсе не хотели продать аргала,

¹ За мешок аргала весом пуда в два [33 кг] мы часто платили по 50 копеек на наши деньги.

как это несколько раз делали китайцы. Однажды пришлось так круто, что мы принуждены были разрубить седло, чтобы вскипятить чай и удовольствоваться этим скромным ужином, после перехода в 35 верст [около 40 км] на сильном морозе и метели.

Когда в палатке разводился огонь, то становилось довольно тепло, по крайней мере для той части тела, которая непосредственно была обращена к очагу; только дым щипал глаза и делался в особенности несносным при ветре. Во время ужина пар из открытой чаши с супом до того наполнял нашу палатку, что она напоминала в это время баню, только конечно не температурой воздуха. Кусок вареного мяса почти совсем застывал во время еды, а руки и губы покрывались слоем жира, который потом приходилось соскабливать ножом. Фитиль стеариновой свечи, зажигавшейся иногда на время ужина, вгорал так глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не растаивали от огня.

На ночь мы обкладывали палатку всеми выюками и возможно плотнее закупоривали вход, но все-таки холод в нашем обиталище был немногим меньше чем на дворе, так как огня не разводилось от ужина до утра. Спали мы все под шубами или под бараньими одеялами и обыкновенно всегда раздевались, чтобы хорошенько отдохнуть. Собственно спать было довольно тепло, так как мы закутывались в свои покрывала вместе с головой, а иногда накрывались сверху еще войлоками; мой товарищ постоянно клал с собой Фауста, который всегда был очень рад подобному приглашению.

Редкая ночь проходила спокойно. Бродившие кругом волки часто пугали верблюдов и лошадей, а монгольские или китайские собаки иногда приходили воровать мясо и без церемонии забирались в самую палатку. Такие воры обыкновенно платились жизнью за свое нахальство. Тем не менее, после всякого подобного эпизода, не скоро согревался тот, кому приходилось вставать, чтобы уложить вскочивших верблюдов, выстрелить в волка или в воровку-собаку.

Утром мы вскакивали разом и, дрожа от холода, поскорее варили кирпичный чай; затем складывали палатку, выючили верблюдов и с восходом солнца по трескучему морозу отправлялись в дальнейший путь.

Казалось, что, идя по старой знакомой дороге, мы были гарантированы от многих случайностей и могли заранее рассчитывать свои переходы, но на деле вышло противное; нам пришлось, словно на закуску, испытать еще одну невзгоду. Дело состояло в следующем.

Поздно вечером 30 ноября остановились мы ночевать возле кумирни Шырегы-дзу [Ширэтэ-дзу], лежащей в 80 верстах [около 90 км] севернее Куку-хото на большом тракте, ведущем из этого города в Улясутай. Утром следующего дня все наши верблюды, числом 7, за исключением одного больного, были пущены на пастьбу возле палатки, недалеко от которой ходили верблюды других караванов, шедших из Куку-хото. Так как трава в степи в этом месте была выбита дочиста, то наши животные перешли через горку, стоящую недалеко впереди, чтобы поискать там лучшего корму и укрыться от ветра, сильно бушевавшего пять суток сряду. Спустя немного казак и наш монгол отправились пригнать к палатке ушедших верблюдов, но их уже не было за горкой, и самый след, заметаемый ветром, потерялся в массе других верблюжьих следов. Узнав о такой пропаже, я тотчас отправил тех же самых людей на поиски; они проходили целый день и осмотрели верблюдов всех караванов, стоявших поблизости, — наших животных не находилось, словно они провалились сквозь землю.

На другой день рано утром я послал казака-переводчика в кумирню Шыре-ты-дзу, во владении которой случилась эта пропажа, объявить о воровстве и просить содействия для отыскания украденных верблюдов. Когда посланный пришел в кумирню, то его едва пустили туда, а потом, посмотрев наш пекинский паспорт, в котором говорилось о содействии в необходимых случаях, местные ламы преспокойно отвечали: «Мы не пастухи ваших верблюдов, ищите сами, как знаете». Такой же точно ответ был дан и монгольским чиновником, к которому мы обратились за помощью.

В то же время окрестные китайцы не хотели продавать нам соломы для корма уцелевшего больного верблюда и двух наших лошадей; трава в степи была до того выбита верблюдами проходящих караванов, что о подножном корме нечего было и думать. Наши бедные животные томилась голодом, и одна из лошадей замерзла ночью; больной верблюд издох через два дня и лежал прямо против дверей нашей палатки, к вящему украшению всей обстановки. Таким образом мы остались с одной лошадью, да и та едва волочила ноги. Лошадь эта была спасена от голодной смерти лишь тем, что китайцы сильно разлакомились на нашего издохшего верблюда, довольно жирного, и мы променяли его на 25 снопов хорошего сена.

Между тем отправленные вновь на поиски монгол и казак вернулись через несколько дней и объявили, что они объездили большое пространство, везде расспрашивали, но ничего не могли узнать о пропавших верблюдах. Отыскать их, конечно, было невозможно без содействия местных властей, а потому я решился нанять окрестных китайцев свезти нас в Куку-хото, откуда мы надеялись достать подводы до Калгана. Однако китайцы, несмотря на свою корыстную натуру, не соблазнялись предложением большой денежной платы и ни за что не соглашались наняться к нам в подводчики, боясь, конечно, ответственности за это перед своими властями.

Положение наше становилось безвыходным. По счастью, у нас в это время было 200 лан денег, вырученных за проданные в Ала-шане товары и ружья, так что я решился послать казака с монголом в Куку-хото, чтобы купить там новых верблюдов. Но опять-таки вопрос: на чем отправить посланных, когда у нас теперь всего одна лошадь, да и та никуда не годна. Поэтому предварительно я отправился с казаком-переводчиком по монгольским юртам искать продажной лошади; проходив целый день, мы действительно купили лошадь, на которой следующим же утром казак с монголом отправились в Куку-хото. Здесь они купили новых, крайне плохих верблюдов; на них мы двинулись далее, простояв возле кумирни Шыре-ты-дзу 17 суток. Таким образом, не говоря уже про потерю времени, нам пришлось понести весьма чувствительную потерю и в материальном отношении. Прежде этого у нас также погибло достаточно животных от бескормицы, безводия, жаров, морозов, словом — от трудностей пути. Всего в течение первого года экспедиции мы потеряли 12 верблюдов и 11 лошадей; впрочем последние большей частью променявались монголам на лучшие экземпляры, конечно с немалой придачей.

Во время долгой стоянки по случаю потери верблюдов мы почти не имели занятий, так как птиц не было никаких, кроме жаворонков и пустынных. Писать также ничего не приходилось, тем более, что эта процедура весьма трудная на дворе зимой; нужно предварительно разогреть замерзшие чернила и часто подносить к огню обмокнутое в них перо,

чтобы оно не застыло. Я же всегда предпочитал писать свои дневники чернилами и только в самом крайнем случае брал карандаш; последний скоро стирается, так что потом трудно разобрать написанное.

Каждый день мимо нас шли караваны, направлявшиеся из Внутренней Монголии, а также от Улясутая, даже из Кобдо, в Куку-хото. Они везли с собой кожи и шерсть, которые меняли китайцам на просо, чай, табак, муку, бумажные ткани и другие предметы домашнего обихода. За исключением чая все остальное монголы могли бы приобретать от русских, будь у нас только более широкие торговые сношения с Монголией. Кобдо, Улясутай и Урга — главные пункты северной и притом самой богатой части этой страны — лежат у нашей сибирской границы, а между тем все товары привозятся в вышеназванные города из Китая, да и сами жители ездят за покупками туда же, делая тысячи верст по пустыне и оставаясь в дороге несколько месяцев⁽⁸⁶⁾.

В хорошие, тихие дни я отправлялся на охоту за дзеренами, которых было довольно много верстах в пяти от нашей палатки. В это время у дзеренов происходил повальный падеж; болезнь состояла в том, что зверя начинало сильно слабеть, и он вскоре умирал. По степи везде валялись издохшие дзерены, которых ели вороны или волки и собирали, также для еды, китайцы, приезжавшие в Монголию на подобную охоту даже из Куку-хото.

Получив новых верблюдов, мы пошли в Калган форсированными переходами и только простояли два дня в горах Сума-хада, чтобы поохотиться на аргали; на этот раз я убил здесь двух старых самок. Дорогой опять случилась неприятная история. Лошадь моего товарища, испугавшись чего-то, бросилась в сторону и понесла; слабый еще здоровьем Михаил Александрович не мог удержаться в седле и рухнул прямо головой на мерзлую землю так сильно, что мы подняли его без памяти. Однако он вскоре пришел в себя и отделался только ушибом.

Влияние теплого Китая на эту окраину Монголии было очень заметно; в тихие дни или при слабых юго-западных ветрах днем было тепло, так что термометр однажды, именно 10 декабря, показывал $+2,5^{\circ}\text{C}$ в тени. Но лишь только задувал западный или северо-западный ветер, преобладающий в Монголии зимой, как становилось очень холодно. Ночные морозы стояли обыкновенно посредственные: термометр на восходе солнца не опускался ниже $-29,7^{\circ}\text{C}$, но зато после облачной ночи он иногда показывал в это время только $-6,5^{\circ}\text{C}$. Погода была большей частью ясная; снег в течение всего декабря шел только три раза; местами он покрывал землю на несколько дюймов, но часто встречались пространства и вовсе бесснежные.

Вообще на монгольской окраине, прилегающей к Китаю, климат далеко не так суров, как в других, более удаленных отсюда частях Гобийского нагорья. Правда, высокое абсолютное поднятие берет свое и в описываемой полосе, но все-таки здесь гораздо реже перепадают те страшные холода, которые так постоянны в Гоби зимой. Ледяные ветры Сибири, почти всегда ясное небо, оголенная соленая почва, вместе с высоким поднятием над уровнем моря — вот те причины, которые в общей, постоянной совокупности делают монгольскую пустыню одной из суровейших стран всей Азии.

День за днем уменьшалось расстояние, отделявшее нас от Калгана, а вместе с тем увеличивалось наше нетерпение поскорее попасть в этот город. Наконец желанная минута наступила, и мы, как раз накануне

нового 1872 года, поздно вечером явились к своим калганским соотечественникам, у которых попрежнему встретили самый радушный прием.

Первый акт экспедиции был окончен. Результаты путешествия, копившиеся понемногу, теперь обрисовались яснее. Мы могли с чистой совестью сказать, что выполнили свою первую задачу,—и этот успех еще более разжигал страстное желание пуститься вновь в глубь Азии, к далеким берегам озера Куку-нор⁽⁸⁷⁾.

Великая Китайская стена близ г. Калгана

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОБРАТНОЕ СЛЕДОВАНИЕ В АЛА-ШАНЬ

[15 (27) марта—19 июня (1 июля) 1872 года]

Снаряжение во вторичную экспедицию.—Новые казаки.—Март и апрель в Юго-восточной Монголии.—Ала-шань весной.—Противодействие алашаньского князя нашему дальнейшему путешествию.—Караван тангутов, с которым мы отправляемся в провинцию Гань-су.—Характер Южного Ала-шаня.—Великая стена и город Дайжин.

Через несколько дней по возвращении в Калган я отправился в Пекин, чтобы завестись там деньгами и всем необходимым для нового путешествия. Мой товарищ с казаками остался в Калгане и заготовлял исподволь различные мелочные вещи, необходимые в экспедиции, а также покупал новых верблюдов, так как приобретенные в Куку-хото оказались никуда негодными.

Целых два месяца, январь и февраль, незаметно прошли в различных хлопотах, сборах, упаковке и отсылке в Кяхту собранных коллекций⁽⁸⁸⁾, наконец в писании отчетов об исследованиях прошедшего года. Как тогда, так и теперь мы были поставлены в крайне затруднительное положение относительно материальных средств, потому что деньги, следующие на экспедицию 1872 года, не были сполна получены в Пекине. Но эта помеха вскоре устранилась благодаря опять предупредительности генерала Влангали, который вновь ссудил мне необходимую сумму, даже превышавшую цифру полученных в текущем году⁽⁸⁹⁾. В то же время Александр Егорович выхлопотал для нас у китайского правительства паспорт на путешествие в Гань-су, Куку-нор и Тибет. Однако при этом паспорте китайцы приложили официальное уведомление, что в вышеназванных странах, объятых в настоящее время дунганским мятежом и неурядицами всякого рода, путешествовать весьма рискованно, и что поэтому китайское правительство не может поручиться за нашу безопасность.

Ввиду такого обстоятельства я решил увеличить до крайности количество нашего оружия. Вскоре я приобрел, частью в Пекине, частью в Тянь-дзине, несколько револьверов и скорострельных штуцеров. Из

новых ружей наилучшим по качеству был штуцер Бердана, который дает настильный выстрел более чем на 400 шагов, что чрезвычайно важно при стрельбе с неотмеренных расстояний. Это ружье я взял для себя. Товарищ и один из казаков получили по штуцеру Снейдера, а другой казак был вооружен магазинным (о 17 выстрелах) ружьем Henry Martini; наконец, пятый штуцер (Спенсера) был взят в запас. На эти ружья мы имели около 4 тысяч готовых патронов. Кроме того у нас в наличности считалось: 13 револьверов, два скорострельных пистолета системы Remington, двухствольный штуцер Ланкастера и четыре охотничьих ружья; к ним было взято 8 пудов [свыше 131 кг] дроби и 2 пуда [33 кг] пороху.

Таково было на этот раз наше боевое и охотничье снаряжение. Зато во всем остальном мы должны были выкраивать по узкой мерке, так как имели в своем распоряжении сравнительно небольшой куш денег. Чтобы покрыть немного расходы по снаряжению экспедиции и иметь средства на дальнейший путь, я поехал в Тянь-дзин¹ и купил там в европейских лавках рублей на 600 разных мелочных товаров, которые надеялся сбыть с большим барышом в Ала-шане. Затем, в минуту выступления из Калгана в экспедицию почти на два года, мы имели в кармане всего 87 лан [174 рубля] денег.

Личный состав нашей экспедиции теперь переформировался. Два казака, сопутствовавшие нам в прошедшем году, оказались людьми ненадежными и кроме того тосковали по родине, так что я решил отправить их домой, а взамен взять двух новых спутников из отряда, занимавшего в то время город Ургу. На этот раз выбор был чрезвычайно удачен, и вновь прибывшие казаки оказались самыми усердными и преданными людьми во все время нашего долгого путешествия. Один из них был русский, девятнадцатилетний юноша, по имени Панфил Чебаев, а другой, родом бурят, назывался Дондок Иринчинов. Мы с товарищем вскоре сблизились с этими добрыми людьми самой тесной дружбой, и это был важный залог для успеха дела. В страшной дали от родины, среди людей чуждых нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили как нельзя более весь успех экспедиции.

По прибытии новых казаков в Калган я роздал им штуцера и револьверы и каждый день производил практическую стрельбу. Затем перед выходом, мы сделали примерное отбитие нападения, для чего была поставлена мишень на 300 шагов, и каждый из нас стрелял так скоро, как только мог. Результат оказался блестящий: мишень была избита пулями, выстрелы из скорострельных штуцеров гремели не умолкая, а затем посыпались, как горох, из револьверов в другую, близкую мишень. Китайцы, собравшиеся толпой на такое зрелище и никогда не видавшие скорострелок, только качали головой, глядя на проделки «заморских чертей». Некоторые из них даже рассыпались перед нами в похвалах, говоря, что если бы у них была хотя одна тысяча подобного войска, то дунганское восстание, наверное, давно бы кончилось.

Кроме нашего неизменного Фауста, мы приобрели теперь, для караула по ночам, большую и очень злую монгольскую собаку, называвшуюся

¹ Тянь-дзин лежит в 100 верстах [свыше 100 км] к востоку от Пекина, недалеко от устья реки Бай-хэ, по которой до названного города поднимаются морские пароходы средней величины [Тянь-дзинь — ныне один из важнейших портов Китая].

Карза. Этот пес выходил с нами всю вторую экспедицию и оказал много услуг. Своих прежних хозяев, то есть монголов, он позабыл очень скоро, и был притом отъявленным врагом китайцев, что очень часто избавляло нас от назойливых посетителей. Фауст возненавидел Карзу с первого знакомства, и оба они были заклятыми врагами до самого конца экспедиции. Замечательно, что европейские собаки очень редко, почти даже никогда, не дружат ни с китайскими, ни с монгольскими псами, хотя бы жили вместе с ними долгое время.

В числе прочего снаряжения в новое путешествие мы взяли теперь с собой четыре плоских боченка для воды; в каждом из них вмещалось 3 ведра [30 л]. В первый год своего странствования мы не имели подобных боченков¹ и потому несколько раз попадали в трудное положение во время лѣтних жаров. Наученные горьким опытом, мы теперь позаботились о посуде для воды и вообще снарядились гораздо лучше нежели в первый раз. Зато для второй экспедиции багаж наш весил 84 пуда [1 370 кг] и едва умещался на девяти вьючных верблюдах. Всю эту кладь мы должны были ежедневно вьючить с двумя своими казаками, так как монгол, пришедший с нами из Ала-шаня в Калган, отказался следовать обратно на свою родину; заменить же его другим наемщиком было невозможно.

Перед самым выступлением в путь я отправил отчет о первом нашем путешествии в Географическое общество и закончил его следующими словами: «Благодаря самому радушному содействию со стороны нашего посланника в Пекине я имею теперь паспорт от китайского правительства в Куку-нор и Тибет, получил двух новых казаков, сколько кажется, надежных,—и если каждому человеку свойственно уповать на лучшее, то мы с М. А. Пыльцовым надеемся счастливо побороть те преграды, которые в здешних странах являются перед путешественником со стороны неприветливой природы и еще более враждебного люда»². Будущее оправдало такие надежды, а великое счастье довело до заветной цели...

5 марта утром мы выступили из Калгана и направились тем же самым путем, по которому в прошедшем году шли на Желтую реку и возвращались из Ала-шаня. К вечеру первого дня пути мы опять попали в суровый климат Монголии, где весна еще не начиналась, тогда как в Калгане с конца февраля сделалось уже довольно тепло, прилетели в большом количестве водяные птицы и появились насекомые. На нагорье такая картина круто переменялась. Правда, снегу здесь уже не было, но по ручьям еще везде лежали толстые накипи зимнего льда; термометр, в особенности ночью, показывал порядочный мороз³, дул сильный холодный ветер, пролетных птиц еще не было видно,—словом, монгольская степь имела вполне зимний характер.

Подобно тому, как весной прошедшего года, так и теперь, морозы, бури, метели и редкое тепло чередовались между собой в течение всего марта и даже первой половины апреля. Крутые переходы атмосферных явлений, в особенности тепла и холода, были чрезвычайно резки. Так, например, 13 марта в 1 час пополудни в тени было +22°С, а на другой день в то же самое время термометр показывал —5°С. Или, после нескольких теплых дней в конце марта, сопровождавшихся даже грозой, накануне

¹ Монголы при поездках в Гоби летом всегда берут с собой подобные боченки, которые у них называются хубинами; наливши водой, эти хубины вьючат по два на каждого верблюда.

² Известия Русского Географического общества 1872 года, т. VIII, № 5, стр. 179.

³ До —20°С на восходе солнца даже в середине марта.

1 апреля снег выпал почти на 2 фута [0,6 м] глубины, и грянул мороз в -16°C . Затем урывками морозы и снег перепадали до последней трети апреля, после чего (в долине Хуан-хэ) вдруг начались сильные чисто летние жары.

Нынешняя ранняя весна отличалась от прошлогодней тем, что теперь чаще случались метели и сравнительно реже дули северо-западные ветры, хотя опять-таки бури являлись часто и иногда продолжались по трое суток без перерыва. Сухость воздуха попрежнему была чрезвычайно велика. Ее показывал не только психрометр, но даже губы и руки, кожа на которых растрескивалась и делалась совершенно сухой, словно отполированной⁽⁹⁰⁾.

Пролет птиц, даже в марте, был чрезвычайно бедный; всего в течение этого месяца нами замечено только 26 пролетных и прилетных видов¹, да и из них многие являлись в небольшом количестве, часто лишь единичными экземплярами. Только гуси и журавли показывались большими стадами, но они неслись высоко, почти без остановок. Даже в лесистых горах Муни-ула, где мы провели вторую треть апреля, и там число пролетных птиц, хотя бы мелких пташек, было очень невелико. По всему вероятно пролетные стада направляются к северу, главным образом по собственно Китаю, вдоль хребтов монгольской окраины, следуя здесь до последней необходимости подняться на нагорье, где их сразу встречают и голод и холод. Из теплых равнин Китая пернатые странники волей-неволей должны пуститься через безводные пустыни, за которыми лежат благодатные страны севера. Да, наша Сибирь, как ни страшно звучит это имя, действительно рай в сравнении с пустынями Монголии; в ней и весна является настоящей весной, а не такой уродливой калеккой, как в монгольских пустынях. В самом деле, здесь не только в марте, но даже и в апреле еще ничто не напоминает о пробуждении природы после зимнего оцепенения. Как тогда, так и теперь, все мертво и уныло. Желто-серая степь неприветно смотрит на путешественника и лишь изредка оглашается песнью жаворонка или чеккана, — других певцов здесь нет. Сухие русла потоков стоят попрежнему без воды, редкие соленые озера высохли сильнее нежели летом, когда их убыль пополняется дождями, а постоянные бури и холода еще более дополняют мрачную картину описываемых местностей.

В продолжение месяца с небольшим мы прошли из Калгана до хребта Муни-ула и решили пробыть здесь некоторое время, чтобы наблюдать пролет мелких пташек и собрать весеннюю флору названных гор. Прежде, возвращаясь из Ала-шаня, мы мечтали попасть вновь на Хуан-хэ в конце февраля и перейти эту реку по льду в Ордос, чтобы там, на озере Цайде-

¹ В следующем порядке их появления: *Anser segetum* [видимо, малый гуменник — *A. serrirostris*], *Anas rutila* [красная утка — *Tadorna ferruginea*], *Cygnus musicus* [лебедь-кликун — *C. cygnus*], *Milvus govinda* [черный коршун — *M. korschun*], *Vanellus cristatus* [чибис — *V. vanellus*], *Saxicola leucomela* [черный чеккан — *S. morio*], *S. isabellina* [каменка-плясунья — *Oenanthe is.*], *Motacilla paradoxa* [плисица — *M. luzonensis*], *Ruticilla erythrogastra* [краснобрюхая горихвостка — *Phoenicurus er.*], *Urupa eops* [удод], *Ardea cinerea* [цапля серая], *Anthus pratensis* [луговой конек], *Anser grandis* [гусь-сухонос — *Cygnopsis cygnoides*], *Larus ridibundus* [обыкновенная чайка], *Anas tadorna* [пеганка — *Tadorna t.*], *Anas crecca* [чирок-свистунок — *Querquedula c.*], *Anas acuta* [шилохвость], *Recurvirostra avocetta* [шилоклювка], *Aegialites cantianus* [зук приморский], *Grus virgo* [журавль-красавка], *Cygnus olor* [лебедь-шипун], *Anser cinereus* [серый гусь — *A. anser*], *Lanius major* [сорокопут — *L. phoenicurus*], *Grus cinerea* [серый журавль — *G. grus*], *Totanus calidris* [видимо, травник — *Tringa totanus*].

мин-нор, наблюдать весь весенний пролет птиц; но такие расчеты не оправдались, и мы пришли на Муни-ула лишь 10 апреля, когда валовой пролет большей части видов уже окончился. Таким образом мы должны были оставить свое прежнее намерение вторично посетить Ордос и ограничиться лишь пребыванием в горах Муни-ула.

Здесь в половине апреля растительная жизнь начала пробуждаться довольно быстро, в особенности в нижнем и среднем поясах южного склона гор. Деревья и кусты дикого персика были залиты розовыми цветами и красиво пестрели на крутых скатах, еще не одетых зеленью. По горным ущельям, в особенности в местах, доступных солнечному пригреву, зеленела свежая травка и выглядывали цветки прострела — *Pulsatilla* sp., анемона — *Anemone barbulata* (бородчатого), астрагала — *Astragalus* sp. и *Gagea* sp. [гусиного лука]. Тополь, сосна и лоза стояли в цвету; почки белой и черной березы разбухли и готовились развертываться. Вверху гор, на альпийских лугах, растительность еще не пробуждалась весенним теплом, но снегу здесь уже нигде не было, даже на самых высоких вершинах.

Казалось бы, что лесистый хребет Муни-ула, расположенный среди голых степей, как раз на перепутье от юга к северу, должен привлекать к себе множество пролетных птиц, но, как упомянуто выше, на деле оказалось совершенно противное. За все время 11-дневного пребывания в горах мы нашли только четыре лишние вида птиц¹ против тех, которых встретили здесь в июле прошедшего года; притом эти новые виды явились в самом ограниченном числе экземпляров, словно залетели сюда украдкой или случайно.

Видя, что нельзя рассчитывать на хорошую орнитологическую поживу, мы оставили 22 апреля Муни-ула и отправились в Ала-шань по долине левого берега Хуан-хэ, то есть тем же путем, которым шли зимой в Калган, только на этот раз мы решили не переходить за хребет Хара-нарин-ула. Мы провели три дня в местности, называемой монголами Холо-сун-нур, где китайские рисовые поля на большое пространство были затоплены водой, отведенной из Желтой реки. На этих разливах мы сразу встретили около 30 видов преимущественно водяных и болотных птиц, которых нынешней весной не наблюдали в сухих степях Монголии². Впрочем количество птиц и здесь было не велико; время валового пролета уже миновало, так что теперь остались только местные или запоздавшие экземпляры. Вообще относительно орнитологических изысканий нынешняя весна для нас была еще беднее нежели прошлогодняя, и мы могли

¹ *Turdus ruficollis* [краснозобый дрозд], *Emberiza pithyornus* [стренатка белошапочная], *Emberiza pusilla*, *Scolopax rusticola* [вальдшнеп].

² *Anser cygnoides* [сухонос — *Cygnopsis* c.], *Anas roscilorrhyncha* [черная кряква], *A. falcata* [касатка], *A. querquedula* [чирок-трескунок — *Querquedula* q.], *Fuligula cristata* [хохлатый черныш — *Nyroca fuligula*], *F. ferina* [красноголовый нырок — *Nyroca* f.], *Phalacrocorax carbo* [баклан], *Pelicanus crispus?* [серый пеликан], *Podiceps* sp. [поганка], *Sterna leucoptera* [белокрылая крачка — *Hydrochelidon* l.], *Totanus ochropus* [кулик-черныш — *Tringa* o.], *Tringa subminuta* [длиннопалый песочник — *Erolia* s.], *Scolopax gallinago* [бекас — *Capella* g.], *Actitis hypoleucos* [перевозчик], *Aegialites minor* [малый зуек — *Charadrius dubius*], *Platalea leucorodia* [колпица], *Ardea alba* [большая белая цапля — *Egretta alba*], *Limosa melanuroides* [большой веретенник — *L. limosa*], *Hybsibates himantopus* [ходулочник — *Himantopus* h.], *Botaurus stellaris* [выпь], *Glareola pratincola* [видимо, имеется в виду восточная тиркушка — *Glareola maldivarum*, а не луговая и степная], *Haliaeetus macei*, *Pandion* sp. [скопа], *Motacilla citreola* [желтоголовая трясогузка], *M. flava* [желтая трясогузка], *Anthus richardi* [степной конек], *Hirundo rufa* [ласточка-касатка — *H. rustica*].

сделать лишь то отрицательное наблюдение, что пролетные птицы бегут без оглядки от безводных пустынь Монголии.

Одновременно с охотой на птиц мы добывали себе также ружьем и рыбу. Именно теперь, то есть в конце апреля, происходил нерест у карпов (*Surginus carpio*), которые по утрам и вечерам в большом количестве плескались по самым мелководным местам затопленных полей. Желая полакомиться рыбой, мы брали ружья, снимали для легкости сапоги и шли туда, где замечали игравших карпов. Последние в это время так сильно заняты своим делом, что почти вовсе не замечают человека и выходят на самую поверхность воды в нескольких шагах от охотника. В это время, уловив удобный момент, можно убить рыбу, и мы каждый день добывали по несколько крупных экземпляров.

Последняя треть апреля ознаменовалась в долине Желтой реки сильными жарамы, достигавшими до $+31^{\circ}\text{C}$ в тени и нагревавшими воду на $+21^{\circ}\text{C}$, так что мы купались в канаве, отведенной китайцами из Хуан-хэ. Однако дожди почти вовсе не шли. Такое обстоятельство, конечно, не могло благоприятствовать растительной жизни. Как прежде холода, так и теперь сухие жары чрезвычайно задерживали развитие растительности. Непривлекательным желто-серым цветом отливала долина Хуан-хэ, где только изредка можно было заметить зеленый кустик травы, или одинокий цветок *Thermopsis lanceolata* [термопсис ланцетный], *Astragalus* sp. [астрагал], *Hypochaeris* sp. [гипекоум], *Potentilla* sp. [лапчатка], *Iris* sp. [ирис, касатик], боязливо приютившийся среди всеобщей картины отсутствия жизни. Те места, на которых соль выступала белым налетом, даже вблизи совершенно походили на занесенные снегом; здесь не было ни одной зеленой былинки, и только торчали иссохшие кусты дырисуна. Частые вихри кружили на подобных площадях столбы соляной пыли и бросали ее в глаза путника, словно для того, чтобы еще более дополнить мучения, которые испытывает он, идя в жару по безводной степи. Несколько отраднее являлись только те части долины Хуан-хэ, где прошлогодняя растительность была выжжена весенними пожарами; там с начала мая появилась молодая, зеленая травка.

В хребте, окаймляющем долину левого берега Желтой реки, растительная жизнь также была крайне бедна. Высокие скалы, крутые, усеянные россыпями, склоны этих гор имели теперь ту же самую физиономию, как и зимой. Даже в горных ущельях здесь было не лучше. Голый песок, валуны и россыпи, да редкие корявые деревья ильма, дикого персика, или, наконец, кусты золотарника — вот что являлось здесь перед глазами путешественника. Там, где пробивался тощий источник, который, пробежав несколько десятков сажен, снова скрывался под землей, словно боясь ужасов окрестной пустыни, — даже и там узкая кайма зеленой травы обыкновенно была дочиста выедена монгольскими козами.

Граница Ала-шаня ознаменовалась появлением сыпучих песков, наполняющих, как известно, весь Зордос. Бедность растительности, несмотря на лучшее время весны (половина мая), здесь была еще большая. В общем физиономия страны почти не отличалась от той, какую нашли мы здесь в прошедшем году глубокой осенью: те же неоглядные желтые пески, те же площади зака, те же глинистые бугры с корявыми кустами хармыка. Если изредка и выглядывала какая-нибудь цветущая травка: *Sophora flavescens* [софора желтоватая], *Tournefortia arguzia* [турнефорция], *Convolvulus ammanni* [вьюнок Аммана], *Peganum* sp. [гармала], *Carduus* sp. [чертополох], *Convolvulus fragacanthoides* [вьюнок колючий],

Nitraria Schoberi [селитрянка Шобера — хармык], *Calligonum mongolicum* [жузгун монгольский], то она являлась как будто чуждой пришелицей среди этой мачехи-природы. Правда, два-три вида кустарников — *Convolvulus tragacanthoides*, *Nitraria schoberi*, *Calligonum mongolicum* были теперь в цвету, но они росли обыкновенно лишь в глинистых местах и притом так разбросанно, что вовсе не украшали общую картину грустного ландшафта.

Про животную жизнь можно сказать еще менее утешительного. Правда, в долине Хуан-хэ, на заливных полях, держались водяные и голенастые птицы, в зарослях дырисуна токовало много фазанов и попадались кое-какие пташки, но все это кончилось с появлением алашаньских песков. Здесь птиц теперь было даже меньше нежели прошедшей осенью, когда некоторые виды прилетают в эти места на зимовку; услышать не только пение, но даже простой писк птицы в алашаньских пустынях теперь было редкостью.

Такая же мертвенность царствовала и в горах, ограждающих долину левого берега Хуан-хэ. Когда, в первых числах мая, охотясь за куку-ямами, я ночевал близ вершины горы Хоир-богдо, то как вечер, так и раннее утро здесь наступали так же мертво, как зимой: слышался лишь голос стрелатки да отвратительные крики клушиц и коршунов.

Под общую стать всей природы является и климат описываемых местностей. После сильных жаров, стоявших в конце апреля, 5 мая, на восходе солнца был мороз в -2°C , а затем опять начались жары; потом вновь умеренное тепло и вновь жары, доходившие в конце мая до $+40^{\circ}$ в тени.

Сильные ветры как в апреле, так и в мае дули реже нежели в прошедшем году, но все-таки и теперь иногда случались бури. Во время бурь воздух наполнялся удушливой пылью, которая затемняла солнце, толстым слоем ложилась на наши вещи, лезла в глаза, в нос, рот, словом — везде и всюду. В общем ветры были довольно изменчивы, хотя в апреле преобладали северо-западные и юго-западные зимние, а в мае — юго-восточные летние.

Дожди в мае перепали гораздо чаще нежели в апреле¹; иногда они сопровождались грозами. Но вообще эти дожди шли непродолжительное время, и сухость воздуха в пустыне была страшная. Наши вещи портились от нее, а собираемые растения необходимо было класть в гербарий полусырыми, иначе они так высыхали, что разламывались на мелкие части. Иногда даже было трудно писать дневник: обмакнутое в чернила перо так же скоро высыхало, как зимой мерзло, так что на одних и тех же местах являлась одна и та же помеха от двух совершенно противоположных причин — жара и холода.

В половине мая мы вступили в пределы Ала-шаня и вскоре встретили двух чиновников, высланных князем из Дынь-юань-ина, чтобы приветствовать нас и проводить по пустыне. Истинная же цель этой встречи заключалась в том, что князь и его сыновья желали поскорее получить наши подарки, о которых они узнали через Балдын-Сорджи. Этому ламу мы встретили в апреле возле Муни-ула, возвращающимся из Пекина, куда он ездил по поручению своего повелителя. Вручив Сорджи подарок, за услуги прошедшего года, мы показали ему в то же время подарки, которые везли алашаньским князьям. Этими весьма хорошими подарками мы наде-

¹ В мае дождливых дней было 12, в апреле дождливых и снежных дней насчиталось 6.

ялись еще более расположить в свою пользу алашаньских владетелей, от которых вполне зависело наше дальнейшее следование на озеро Куку-нор.

Встретившие теперь нас чиновники тотчас же заговорили о подарках, рассказывали, с каким нетерпением ждут их князя, и просили меня отправить эти подарки вперед. Я согласился на такое предложение и послал: старому князю — большой двухсторонний плэд и револьвер; старшему сыну — такой же плэд и микроскоп; гыгену и Сия — по скорострельному пистолету системы Remington с тысячью готовых патронов. Хотя дело было вечером, но, получив подарки, один из чиновников тотчас же уехал вперед, а другой остался с нами.

26 мая мы пришли в Дынь-юань-ин и поместились в заранее приготовленной для нас фанзе. По обыкновению от любопытных не было ни минуты покоя, так что мы наконец привязали в дверях своего жилища нашего злого Карзу, и это оказалось очень действительным средством против нахальства зевак.

В тот же день вечером мы виделись с своими приятелями — гыгеном и Сия. Мой мундир Генерального штаба, который я теперь нарочно захватил из Пекина, произвел на молодых князей большое впечатление, и они рассматривали его до малейших подробностей. Теперь еще более подтвердилось мнение, что я, вероятно, очень важный чиновник, доверенное лицо самого государя. Об этом меня постоянно спрашивали алашаньские князья в прошедшем году, но теперь, видя на мне блестящий мундир, окончательно убедились в своих догадках. С этих пор я прослыл за «царского чиновника» и с таким титулом совершил все остальное путешествие. Я сам несколько не старался разрушить подобное мнение о своей важности; для меня оно было отчасти на-руку, так как объясняло цель нашего путешествия. С этих пор местные жители везде стали говорить, что цаган-хан [русский белый царь] прислал в их сторону своего чиновника для того, чтобы он видел здешних людей и природу собственными глазами и по возвращении на родину рассказал обо всем этом своему государю.

С раннего утра следующего дня к нам начали являться Сорджи и другие поверенные князя и его сыновей, чтобы посмотреть и закупить привезенные нами товары, которые князья просили никому не продавать, кроме них. Началась прескучная процедура торговли. Один лама брал на показ микроскоп, другой стереоскоп, третий мыло или иголки, четвертый сукно и так далее; все это возвращалось одним доверенным, бралось другим и наоборот. Совершенно противоположно прошедшему году алашаньские князья оказались далеко не так падки на покупки, несмотря на то, что цены в нынешнем году мы назначили гораздо ниже прошлогодних. Одни только стереоскопы с картинками соблазнительного свойства чрезвычайно понравились старому князю, и он тотчас же купил все наличные дюжины этих фотографий. Азарт князя дошел до того, что он через своего адъютанта спрашивал: нельзя ли привезти ему из России несколько тех самых личностей, которые изображены на картинках.

Между тем нам выпал великолепный случай пройти на озеро Куку-нор. В Дынь-юань-ине мы застали недавно пришедший из Пекина караван из 27 тангутов¹ и монголов, которые вскоре отправлялись в кумирню Чейбсен, лежащую в провинции Гань-су, в 60 верстах [около 65 км] к северо-северо-востоку от города Синина и в пяти днях пути от озера Куку-нор. На наше предложение следовать вместе тангуты согласились с ве-

¹ Тангуты соплеменны тибетцам; об них будет изложено в X главе.

Памятник древности — каменная баба в Монголии

ликой радостью, надеясь найти в нас хороших защитников в случае нападения дунган. Чтобы еще более убедить будущих спутников в действительности нашего вооружения, мы устроили пальбу из штуцеров и револьверов. На это зрелище собралась большая толпа народа, и все были поражены действием скорострельного оружия; тангуты же чуть не плясали от радости, видя, каких они приобретают спутников.

Переход до Чейбсена с тангутским караваном был чистый клад, так как без этого случая мы едва ли могли бы достать себе проводника, хотя бы через Южный Ала-шань. Наша радость еще более разжигалась рассказами тангутов, что возле их кумирни лежат высокие горы, покрытые лесами, в которых водится множество птиц и зверей. Словом, дело слагалось как нельзя лучше, нужно было только вытянуть согласие алашаньского князя на следование с тангутами, которые не могли нас взять с собой без подобного разрешения.

Но тут и начались различные уловки со стороны князя, чтобы отклонить нас от следования на Куку-нор. Какая была тому побудительная причина, я не знаю; всего вероятнее, что князь получил на этот счет из Пекина должные наставления, а быть может и нагоняй за радушный прием русских в прошедшем году.

Главным действующим лицом во всех дальнейших проделках амбаня явился Балдын-Сорджи, который прежде всего пошел на ту уловку, что предлагал нам гадать у местных лам о благополучии предстоящего пути. Нечего говорить, что ответ лам был бы крайне неблагоприятный и нам напророчили бы всяких бед. С подобной же хитрости началось и в прошедшем году, когда мы впервые явились в Ала-шань. Тогда нас уговаривали объяснить откровенно, кто мы такие, страшая в противном случае узнать истину через гыгенов. Но как тогда, так и теперь, подобные условия ни к чему не привели; отказ с нашей стороны был решительный.

Тогда начались рассказы о том, что тангуты будут идти очень скоро — по 50 верст в сутки, что нам не выдержать подобных переходов, тем более по ночам. На это Сорджи получил ответ, что ему нечего заботиться о нашем спокойствии в дороге и что мы сами знаем, как поступать. Видя опять неподатливость с нашей стороны, Сорджи начал рассказывать, что по дороге в Чейбсен лежат высокие горы, что верблюдам очень трудно, а быть может и совсем нельзя будет пройти через них, что пусть мы лучше подождем месяц или два и тогда амбань даст нам проводников до Куку-нора. Между тем тот же самый лама в прошедшем году, и даже несколько дней тому назад, уверял нас, что проводника на Куку-нор в Ала-шане нельзя достать ни за какие деньги, потому что все страшно боятся дунган и не пойдут, если бы даже посылаемого устраивали казнью. Кроме того, чтобы еще лучше поймать нас на удочку, один монгольский чиновник, конечно по приказанию того же Сорджи, передал нам, будто по секрету, что князь велел в ямыне приготовить двух проводников на Куку-нор и даже в Тибет, если мы пожелаем идти в эту страну.

Между тем день за днем откладывалось наше свидание с самим князем под предлогом, что он нездоров; истинная же причина таких отсрочек заключалась вероятно в том, что князь опасался моего настойчивого требования отправить нас с караваном тангутов. Старшего сына мы также еще не видали, а гыген и Сия после первого свидания не приглашали уже нас к себе, хотя сами несколько раз приезжали к нам. Вообще со стороны алашаньских князей мы далеко не встретили теперь того радушия, как в прошедшем году.

С другой стороны, еще хуже было наше положение относительно материальных средств. Из 87 лан денег, взятых нами в экспедицию, теперь осталось только 50 лан, а между тем для дальнейшего путешествия необходимо было купить шесть новых верблюдов и двух лошадей. Из 11 верблюдов, с которыми мы вышли из Калгана, трое погибли дорогой, равно как и обе наши лошади. Добыть денег мы могли только продажей привезенных товаров. Знай алашаньский князь, что мы находимся в таком положении, он без всяких хлопот мог бы задержать нас, не покупая только товаров и запретив то же самое кому-либо другому из своих подданных. Раз же тангутский караван ушел из Дынь-юань-ина, то мы и с деньгами наверное не попали бы на Куку-нор. Вот в какое положение ставили нас наши нищенские средства!

Но счастье и на этот раз повезло нам удивительно. Гыген согласился дать за скорострельный штуцер Спенсера шесть верблюдов, с придачей 100 лан деньгами. Правда, он ставил этих верблюдов по 50 лан за каждого, но зато и я назначил за ружье цену в 11 раз большую той, за которую его купил¹, так что по поговорке «клин выгонялся клином». Получив еще около 120 лан за другие товары, мы уже располагали средствами, правда незначительными, но все-таки могли действовать решительнее. Я объявил Сорджи, что непременно пойду с тангутами и требовал, чтобы амбань прислал мне деньги за взятые товары или возвратил их обратно.

Вечером 1 июня, накануне отхода тангутского каравана, Сорджи пришел к нам и объявил, что амбань приказал тангутам остаться еще на два дня в городе. В течение этих дней лама продолжал уговаривать нас остаться, уверяя, что князь очень опечален нашим скорым уходом из Алашаня. Для большего впечатления Сорджи твердил, что амбань очень любит не только русских, но и все их товары, а именно: стереоскопы, оружие, сукно, мыло, свечи и прочее, забавно перебирая по пальцам, считал хитрый лама. При этом он просил подарить князю и его старшему сыну по ружью или какие-нибудь другие хорошие вещи, хотя бы даже русское платье. Вообще бессовестность, до которой доходили в своем попрошайничестве как сам амбань, так и его сыновья, переходила всякие пределы. Через своих доверенных они лезли к нам со всевозможными просьбами, и дело доходило до того, что, ожидая приезда князей, мы должны были прятать многие вещи, во избежание попрошайничества со стороны своих гостей.

После настоятельных требований мне принесли наконец от князя деньги за товары, всего 258 лан. Присоединив этот куш к прежней выручке, мы располагали теперь 500 лан денег и 14 верблюдами.

Счастье повидимому совершенно поворотило в нашу сторону. Завтрашнее выступление с тангутским караваном было решено окончательно, и хотя мы не получали от князя уведомления об этом, но нам уже не говорили, чтобы остаться. Приближенные амбаня, казалось, также были уверены, что мы завтра уйдем, и гыген прислал нам в подарок пару лошадей.

С лихорадочной радостью — тем более сильной после всех пережитых в последние дни испытаний — мы до поздней ночи увязывали свои вещи, седлали верблюдов и вообще собирались в путь. Утром, лишь только рассветло, мы уже были на ногах и начали выючить верблюдов. Половина их была готова, как вдруг к нам прибегает один из тангутов и объявляет, что

¹ Я купил это ружье с тысячью готовых зарядов в Пекине за 50 долларов, а продал гыгену за 400 лан.

они сегодня не выходят, так как получено известие о шайке дунган, стоящей недалеко от Дынь-юань-ина. Не поверив тангуту, я отправил своего товарища с казаком разузнать, в чем дело; посланные вскоре вернулись обратно и объяснили, что тангутский караван уже совершенно готов к выступлению.

Между тем пришел Сорджи и начал также говорить о дунганах, но когда, выведенный наконец из терпения таким наглым обманом, я обругал ламу русским словом, то он стал объяснять, что тангуты сами не хотят итти с нами, что они худые люди, хотя до сих пор постоянно отзывался с похвалой о них.

В это время я получил известие, что тангутский караван выходит из города. Тогда мы завьючили остальных верблюдов и, окруженные густой толпой, вышли со двора своей фанзы с намерением итти вслед за караваном. Не успели мы сделать сотни шагов, как к нам подъехал Сия и начал говорить, что получено известие о дунганах, что хотя тангутский караван ушел, но его пошлют тотчас же вернуть; при этом молодой князь уговаривал нас остаться, пока разъяснится дело. Вместе с Сия приехал и тангутский лама, начальник каравана, тот самый, который до сих пор так сильно желал итти вместе с нами. Теперь этот лама, конечно по приказанию князя, начал говорить то же самое, что Сия, советовал нам остаться и подождать.

Появление тангутского ламы и его крутой переход в другую сторону было для нас конечно важнее нежели все прежние страдания алашаньского князя. В будущем спутнике мы видели теперь уже не друга, но врага, и могли ли мы при таких условиях сильно напирать на то, чтобы непременно итти с тангутским караваном.

Тогда я решился употребить последнее средство, хотя и знал, что едва ли оно поведет к чему-либо. Я спросил у Сия: дает ли он мне честное слово, что нас не обманывают и что тангуты не уйдут без нас? «Даю, даю охотно, ручаюсь вам в этом», — отвечал Сия, видимо обрадованный как-нибудь достигнуть цели, то есть удержать нас хотя на сегодня. Лама, начальник каравана, также стал уверять, что непременно возьмет нас с собой. Затем мы отправились в загородный сад князя и разбили там палатку в ожидании, что будет далее.

Трудно описать наше волнение, в особенности в первые минуты. Действительно, подобная история была слишком тяжела. Заветная цель давнишних стремлений, для которой понесено уже было столько трудов и которая, казалось, должна была быть непременно достигнутой, теперь сразу отдалялась бог знает на какое время. Пусть сначала, в первые дни нашего прихода в Дынь-юань-ин, нам отказали бы итти с тангутами, тогда горе все еще было на половину, — мы сами не думали встретить такой благоприятный случай; теперь же подобный отказ становился вдвое тяжелее после того, как мысль об успехе уже сроднилась с нами.

В тревожном ожидании провели мы весь этот день. Сорджи и другие ламы теперь не показывались к нам на глаза, и только к вечеру приехал Сия, которого я начал стращать тем, что буду жаловаться в Пекине на подобное насилие со стороны алашаньских властей. Молодой князь, видимо конфузясь участием во всем этом деле, просил меня обождать немного и уверял, что тибетский караван ни в каком случае не уйдет без нас. Наученный прежними опытами, я плохо верил подобному обещанию и уже размышлял о том, в какую часть Монголии направиться для дальнейших исследований, как вдруг, перед вечером следующего дня, 5 июня, к нам опять приехал Сия и объявил, что тангутский караван стоит неподалеку от города

и мы можем завтра идти вместе с ним, так как нарочно посланный разведать о дунганах возвратился и донес, что их нет и самый слух был ложный. Конечно, все это было одна отговорка, никаких дунган не приходило, но, всего вероятнее, алашаньский князь посылал в город Нин-ся к китайскому амбаню узнать, как поступить в данном случае. Скрытность местного населения относительно путешественника так велика, что ни теперь ни после я не мог узнать, какая причина понудила князя остановить нас на два дня в самую минуту выхода. Однако теперь нам некогда было рассуждать; мы всецело предалися поглощавшей нас радости; опять надежда на успех в великом предприятии не давала нам покоя ни в остаток дня ни в течение целой ночи.

Караван, с которым мы теперь отправлялись в путь, снаряжен был в Пекине одним из важнейших монгольских кутухт, именно Джанджы-гыгеном, которому принадлежит много церквей как в Пекине, так и в Монголии, в том числе знаменитый монастырь У-тай, недалеко от города Куку-хото. Сам вышеназванный святой родился в Гань-су в кумирне Чейбсен, куда и направлялись теперь наши будущие спутники. Состав их был самый пестрый. Всего в караване считалось, кроме нас четверых, 37 человек, из которых 10 были ламы-воины, посланные как охранители алашаньским гыгеном. Большая часть остальных людей состояла из тангутов, уроженцев кумирни Чейбсен; кроме того здесь находилось несколько монголов, отправлявшихся на богомолье в Лассу. На всю эту братию состояло в наличности 72 верблюда и около 40 лошадей или мулов вместе с нашими животными. Начальниками каравана были два ламы-донира (казначей), родом тангуты, очень хорошие и услужливые люди. Чтобы еще более расположить этих командиров в свою пользу, я подарил каждому из них по небольшому пледу.

Все участники каравана были вооружены фитильными ружьями, частью пиками и саблями. Вообще они слыли за чрезвычайно храбрых, просто отчаянных людей, решившихся в такое страшное время идти в те места, где живут и разбойничают дунганы. Однако впоследствии опыт показал, что смелость наших сотоварищей была не особенно велика, даже при опасности только воображаемой.

Ламы-воины имели гладкоствольные европейские ружья, купленные китайским правительством у англичан и присланные в Ала-шань из Пекина. Ружья эти весьма плохого качества и еще более испорчены небрежным содержанием. В своих красных форменных блузах, с красными повязками на головах, притом верхом на верблюдах, описываемые ламы представляли оригинальный вид, хотя, конечно, по воинским достоинствам не отличались от прочих своих соотечественников.

Но самой замечательной личностью всего каравана был тангут Рандземба, отправлявшийся из Пекина в Тибет. Этот человек, лет 40, откровенный и добродушный, вместе с тем был страшный говорун, любил помочь каждому и вмешаться во всякое дело. Словоохотливость Рандзембы, обыкновенно рассказывавшего обо всем с самыми выразительными жестами, была так велика, что мы прозвали его «многоглаголивый Аввакум». Имя это тотчас же разнеслось по всему каравану и с этих пор Рандзембу никто уже не называл иначе, как Аввакум.

Главной страстью нового Аввакума было охота и стрельба в цель; последняя составляла любимое занятие всего каравана. Почти каждый день по приходе на место тот или другой из наших спутников, улучив свободную минуту, начинал стрелять в мишень. Являлись зрители, сначала

безучастные, но потом, раззадорившись мало-помалу, приносили свои ружья, и начиналась общая пальба. Рандземба всегда был главным действующим лицом подобных стрельбищ. Достаточно было ему услышать выстрел, и, несмотря ни на какое занятие, даже сон после большого перехода и сильной усталости, наш Аввакум прибегал босой, с заспанными глазами, и тотчас же начинал давать советы: как нужно поставить мишень, какой положить заряд, чем исправить ружье и так далее. Вместе с тем, слывя хорошим стрелком, он обыкновенно пристреливал плохо бившие ружья в таком количестве зарядов, что от сильной отдачи у Рандзембы правое плечо было постоянно распухшим.

Во время пути Аввакум ехал верхом на лошади, предоставляя двум своим товарищам вести заеьюченных верблюдов. Сам же беспрестанно заезжал то в ту, то в другую сторону, высматривая, нет ли где хара-сульт, и, заметив последних, тотчас же скакал к нам с предложением стрелять, или иногда подкрадывался сам, предварительно вырубив огонь и зажегши фитиль своего ружья. Товарищи Аввакума, на которых одних лежала дорогой вся забота о вьючных животных, видимо не особенно были довольны подобными поисками зверей. Однажды они решились даже прибегнуть к крутой мере и заставили Рандзембу вести верблюдов. С удивлением увидели мы своего приятеля восседающим уже не на лошади и ведущего в поводу вьючных животных. Однако подобное заключение продолжалось недолго для вольнолюбивого Аввакума. На беду его спутников в этот день, как нарочно, много встречалось антилоп. Рандземба, имевший возможность видеть с верблюда очень далеко, беспрестанно провожал и встречал далеко не равнодушными глазами этих животных, и когда, наконец, мы погнались за одной из хара-сульт, до того увлекся, что вовсе забыл о своих верблюдах и завел их в рытвину. Тогда товарищи Аввакума, видя, что из блудного сына проку не будет, прогнали от верблюдов Рандзембу, снова воссевшего с великой радостью на лошадь и попрежнему принявшегося гоняться за хара-сультами.

На другой день после нашего прибытия тангутский караван выступил в путь. Дорогой мы с своими верблюдами шли в хвосте этого каравана, чтобы не задерживать остальных спутников при случайных остановках, как например, для поправки вьюка или чего-либо другого в этом роде. Хотя после продажи товаров в Дынь-юань-ине прежний багаж наш значительно уменьшился, но взамен того мы купили 7 пудов [114 кг] рису и проса, которых, как мы слышали, нельзя достать в разоренной Гань-су¹. Другие мелочные закупки, как например запасные веревки, войлоки и тому подобное, до того увеличили нашу кладь, что мы попрежнему едва уложили ее на девять верблюдов. Но теперь нам еще труднее было вчетвером управляться со всей этой обузой, так как мы должны были идти не по своей воле и ни в чем не отставать от своих спутников. Напрасно старался я нанять в работники какого-нибудь алашаньского монгола и предлагал за это красную цену, — никто не соглашался идти с нами. Едва-едва, и то за плату по рублю в сутки, мы уговорили нескольких людей каравана пасти по ночам наших верблюдов вместе со своими; затем на нашу долю выпадало столько работы, что о научных исследованиях в пути нечего было и думать.

¹ Насколько в путешествии обходится все дорого, хорошо можно видеть в данном случае. За 7 пудов проса и риса мы заплатили в Ала-шане около 15 рублей, но для того, чтобы возить эту провизию, потребовался верблюд, который стоил 100 рублей и впоследствии погиб в Гань-су.

Обыкновенно мы вставали около полуночи, чтобы избежать дневного жара, и, сделав переход верст в 30—40, останавливались возле колодца или за неимением его сами копали яму, куда набиралась соленая вода. Наши товарищи, из которых иные ходили несколько раз взад и вперед по здешним пустыням, превосходно знали дорогу и чутьем угадывали места, где можно было достать воду, иногда на глубине не более 3 футов [около 1 м]. В колодцах, изредка попадавшихся по пути, вода была большей частью очень дурна, да притом в эти колодцы дунганы иногда бросали убитых монголов. У меня до сих пор мутит на сердце, когда я вспомню, как однажды, напившись чаю из подобного колодца, мы стали поить верблюдов и, вычерпав воду, увидели на дне гнилой труп человека.

На местах остановок отдохнуть было невозможно. Раскаленная почва пустыни дышала жаром, как из печи, в воздухе часто не колыхал ни малейший ветерок, а тут нужно было ежедневно расседлывать и заседлывать верблюдов, у которых, в противном случае, во время жаров, тотчас сбивается спина. Водопой наших животных также занимал более часа времени, так как воду приходилось таскать маленьким черпаком, да притом каждый верблюд пьет за раз 2-3 ведра. Поить же верблюдов летом, в сильные жары, необходимо каждый день, конечно если есть для этого вода. Даже ночью, в течение нескольких часов, улученных для отдыха, мы спали, вследствие крайнего физического истощения, самым тревожным сном.

В первые дни шествия с тангутским караваном наша палатка постоянно была наполнена любопытными. Их интересовало все до мельчайших подробностей, не говоря уже об оружии; расспросам не было конца. Самая ничтожная вещица осматривалась и обнюхивалась по нескольку раз; при этом нужно было постоянно рассказывать об одном и том же то одному, то другому посетителю. Эта была крайне тяжелая, но неминуемая доля, в противном случае, мы не могли приобрести расположения своих спутников, от которых вполне зависели в дороге.

Собирание растений, производство метеорологических наблюдений и писание дневника возбуждали также не мало любопытства, даже подозрения. Чтобы отклонить от себя последнее, я объяснил своим спутникам, что записываю в книгу то, что видел, чтобы не забыть об этом по возвращении на родину, где с меня потребуют отчета; растения собираю на лекарства, чучела птиц и зверей везу на показ, а метеорологические наблюдения произвожу для того, чтобы узнать вперед про погоду. В последнем все были твердо уверены, после того как я предсказал однажды дождь вследствие понижения анероида. Титул «царского чиновника», поехавший со мной из Дынь-юань-ина, много помог отклонить недоверчивость наших сотоварищей. При всем том нельзя было производить некоторых крайне интересных наблюдений, как например, магнитных, астрономических, измерений температуры почвы и воды в колодцах и тому подобное, — это возбудило было неотклонимое подозрение. Жертвуя меньшим большему, я решился сделать все это на обратном пути, равно как глазомерную съемку. На этот раз я удовольствовался маршрутом, да и то крайне не полным, так как у меня не было карманного компаса¹, да притом мы постоянно окружены хотя несколькими из своих спутников. Неотвязчивость последних доходила до крайности. Случалось иногда, что, видя настоятельную необходимость занести что-либо в свою карманную книжку, я умышленно

¹ Оба своих маленьких компаса я вынужден был подарить алашаньским князьям.

отставал от каравана, как будто по нужде, и сидя на корточках, записывал виденное. Да и в подобном случае следовало быть крайне осторожным, так как достаточно было кому-нибудь поймать меня только один раз, и тогда уже невозможно было отклонить самого сильного подозрения насчет нашего путешествия.

Собирание растений дорогой представляло также не мало затруднений. Не успевали мы бывало сорвать какую-нибудь травку, как уже нас окружала целая толпа спутников, с неизменными вопросами: «ямур эм»?¹ или «цисык сейхэн бэйна?» [цэцэг сайхан бай на]². Если же случалось убивать птичку, то, без преувеличения, все наличные люди каравана подъезжали, каждый с одними и теми же вопросами: какая это птица? хорошо ли ее мясо? как я убил? и так далее. Волей-неволей на всю подобную назойливость нужно было смотреть сквозь пальцы, но такое при творство становилось по временам чересчур тяжело.

От Дынь-юань-ина путь наш лежал сначала на юг, а потом мы повернули почти прямо к западу на город Даджин, находящийся уже в пределах провинции Гань-су.

По своему физическому характеру Южный Ала-шань ничем не отличается от северных и средних частей этой страны и также представляет пустыню в полном смысле слова. Только сыпучие пески здесь еще обширнее и не даром заслужили свое монгольское название «Тынгери» [тэнгри], то есть небо. Эти-то Тынгери составляют и южную кайму Алашаньской пустыни, которая простирается к востоку, по словам монголов, до самой Хуан-хэ, а к западу до реки Эцзинэ. По пути нам пришлось переходить Тынгери на протяжении 15 верст в самом узком месте их восточного рукава и здесь можно было вполне познакомиться с характером этих песков.

Подобно тому, как и в других частях Ала-шаня, Тынгери представляют собой бесчисленные холмы, разбросанные без всякого порядка и тесно стоящие один возле другого. Эти холмы, достигающие от 50 до 60 [15-18 м] и изредка даже 100 футов [30,5 м] вышины, состоят из мелкого желтого песка, насыпанного на твердую глинистую почву, местами оголенную на несколько сажен. Изредка на таких глинистых площадках, а иногда и на самом песке, торчит несколько кустиков тимурии волосатой—*Psamma villosa*, полевого чернобыльника или, еще реже, какое-то невысокое деревцо из семейства бобовых. Но столь скудная растительность несколько не нарушает мертвого характера здешней пустыни, в которой из живых существ можно встретить лишь ящерицу и небольшого черного жучка. Страшно накаляемый солнцем голый песок беспрестанно переносится ветром с одного холма на другой, а в промежутках этих холмов образуются то воронкообразные, то продольные ложбины. Эти ямы чрезвычайно затрудняют ходьбу, в особенности для вьючных животных, которым приходится беспрестанно лазить с одного холма на другой и вязнуть глубоко в рыхлой почве. Тропинки здесь нет следа, и только кое-где валяющийся сухой помет верблюдов, а иногда и их скелеты, указывают направление пути; обыкновенно же в таких местах идут напрямик, ориентируясь по солнцу. Беда, если спутников застигнет буря. Тогда вершины песчаных холмов закурятся сначала словно дымом, а затем воздух наполнится тучами песка, который затемняет солнце. Самое лучшее идти по таким местам вскоре после

¹ Какое это лекарство?

² Цветок хорош ли? [Прекрасен ли цветок?]

дождя, когда песчаная почва делается довольно твердой, так что верблюды вязнут не глубоко и, в случае ветра, воздух не наполняется песком, пока его не просушит солнце, что впрочем происходит очень скоро.

На глинистых площадях, которые сменяют собой голый песок, в Южном Ала-шане, так же как и в Северном, всего более растет бударгана и хармык, иногда полевой чернобыльник и корявый низкий кустарник — *Sarcosygium xanthoxylon* [парнолистник — желтодревесный *Zygorhillum* х.]; зак здесь вовсе не встречается. Кроме того поверхность глинистых площадей в южных частях описываемой страны обыкновенно слегка волниста, и местами здесь раскиданы небольшие горки, иногда вытянувшиеся в короткие хребты. В этих безводных холмах, обыкновенно не поднимающихся выше нескольких сот футов над окрестностями, часто вовсе нет растительности, а если она и существует, то ничем не отличается от той, которая свойственна соседней пустыне.

Во время нашего следования с тангутским караваном мы нигде не встречали населения. Все было разорено и истреблено дунганами, партии которых и теперь еще иногда проходили по Южному Ала-шаню, отправляясь в дальний путь. По дороге часто валялись человеческие скелеты, а в двух разоренных кумирнях мы нашли целые груды трупов, полугнилых и объеденных волками.

Миновав пески Тынгери, мы направились вдоль их южной окраины по глинистой бесплодной равнине, покрытой исключительно двумя видами солончаковых растений, и вскоре увидели впереди величественную цепь гор Гань-су. Словно стена поднимались эти горы над равнинами Ала-шаня и далеко на горизонте, пока в неясных очертаниях выплывали снеговые гряды Кулиан и Лиан-чжу. Еще переход — и эти величественные громады предстали нам во всем блеске своей нерукотворной красоты. Пустыня кончилась также чрезвычайно резко. Всего на расстоянии двух верст от голых песков, которые потянулись далеко к западу, расстилались обработанные поля, пестрели цветами луга и густо рассыпались китайские фанзы. Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здесь так близко между собой, что удивленный путник едва верил собственным глазам.

Столь резкая физическая граница, кладущая с одной стороны предел кочевой жизни номада, а с другой не пропускающая за себя культуру оседлого племени, обозначается той самой Великой стеной, с которой мы познакомились возле Калгана и Гу-бей-кэу. От этих мест описываемая стена тянется к западу по горам, окаймляющим Монгольское нагорье, обходит с юга весь Ордос и примыкает к Алашаньскому хребту, составляющему естественную преграду к стороне пустыни. Далее, от южной оконечности Алашаньских гор, Великая стена идет по северной границе провинции Гань-су, мимо городов Лан-чжеу, Гань-чжеу и Су-чжеу [Лянчжоу, Гань-чжоу, Сучжоу] до крепости Цзя-юй-гуань.

Однако там, где мы теперь проходили Великую стену (если только можно употребить здесь это название), она вовсе не походит на ту гигантскую постройку, которая воздвигнута в местностях, ближайших к Пекину. Вместо каменной громады мы увидели на границе Гань-су только глиняный вал¹, сильно разрушенный временем. По северную сторону этого вала (но не в нем самом), расположены на расстоянии 5 верст одна от другой сторожевые глиняные башни, каждая сажени 3 [6 м] вышиной и столько же в квадрате у основания. Теперь эти башни совершенно заброшены, но

¹ Сажени 3 вышиной, при такой же толщине у основания [6—6,5 м].

Қушқы-китайцы у фанзы

прежде в каждой из них жило по 10 человек, обязанность которых состояла в том, чтобы передавать сигналами весть о вторжении неприятеля. Подобная сторожевая линия тянулась, как говорят, от Илийской провинции до самого Пекина, и известия по ней передавались с чрезвычайной быстротой. Сигналом служил дым, который поднимался с вершины башни, для чего здесь зажигался огонь. Монголы уверяли нас, что в подобном случае употреблялся волчий помет, смешанный с небольшим количеством бараньего; по наивным уверениям рассказчиков дым от такого аргала всегда поднимается вертикально, хотя бы даже в сильный ветер.

В двух верстах за Великой стеной лежит небольшой город Даджин [Да-дзинь], уцелевший от дунганского разорения. Во время нашего прохода здесь стояла тысяча человек китайского войска, солон, пришедших из Маньчжурии с берегов Амура. Все они хорошо знали русских, некоторые даже говорили кое-как по-русски и к крайнему нашему удивлению приветствовали нас словами: «здаластуй, како живешь?»

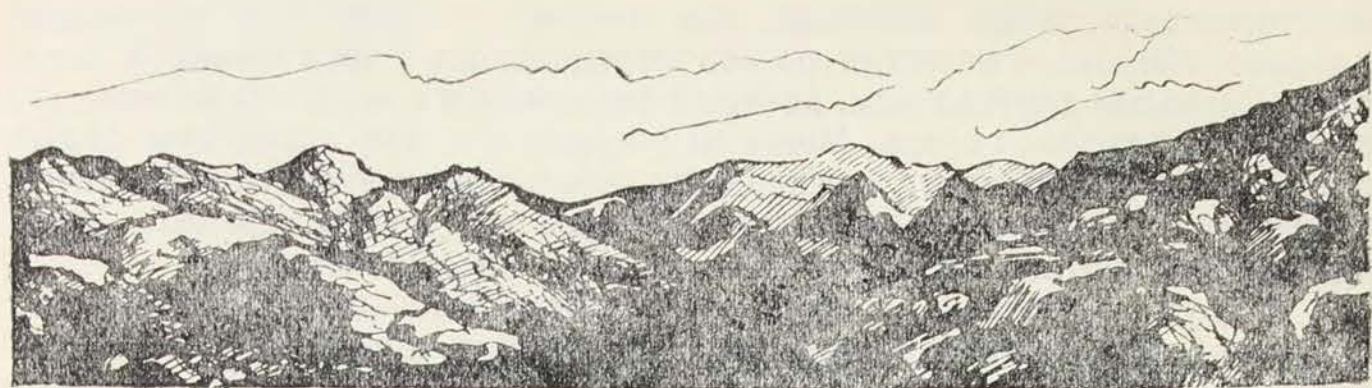
Караван наш не пошел в самый город, но остановился тотчас за глиняным валом, где мы надеялись хотя немного избавиться от непрошенных гостей. Не тут-то было! В одно мгновение весть о нашем прибытии облетела весь город, и к нам повалили огромные толпы любопытных зевак. Не довольствуясь осмотром «заморских чертей» издали, китайцы лезли к нам в палатку и не давали ни минуты покоя. Напрасно гнали мы их от себя, даже травили собакой, ничто не помогало; уходила одна толпа, на смену ей являлась другая, и снова начиналась прежняя история. Вместе с тем приезжали различные чиновники, которые просили показать им ружья и что-нибудь подарить. Получив отказ, они требовали наши паспорта и грозились не пустить далее. Такие испытания продолжались целых два дня, то есть все время, которое мы простояли вблизи Даджина. В последнем мы нашли большую редкость, превосходные кислые булочки, печеные на дрожжах¹. Ни прежде ни после мы не встречали подобного хлеба, которого конечно набрали побольше в дорогу. Откуда зашло сюда такое хлебопечение, я не знаю, хотя солон говорили нам, что они лишь несколько лет тому назад научили местных пекарей подобному искусству, перенятому на Амуре от русских².

Более удобный путь из Ала-шаня в кумирню Чейбсен, а вместе с тем в город Синин и на озеро Куку-нор, лежит на города Са-янь-чин [Саяндзин] и Джуи-лин, но мы взяли западнее и попали в Даджин собственно для того, чтобы избавиться от китайских городов и густого населения, которое везде рассыпано по восточной, более удобной дороге. Наши спутники так хорошо знали, каким притеснениям они подвергнутся со стороны китайских властей и солдат, путешествуя в районе густого населения, что решились лучше идти горными тропинками, ведущими от Даджина к Чейбсену, по местностям мало населенным или разоренным дунганами.

¹ В Китае хлеб употребляется лишь белый и притом всегда пресный.

² Впрочем миссионер Гюк, в своем описании путешествия по Татарии, говорит о превосходных кислых хлебах, встреченных им в Гань-су, возле города Са-янь-чин, следовательно также недалеко от Даджина. *Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 33.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРОВИНЦИЯ ГАНЬ-СУ

[20 июня (2 июля)—14 (26) октября 1872 года]

Переход от Даджина до кумирни Чейбсен.—Описание этой кумирни.—Народ далды.—Горы Гань-су.—Очерк их климата, флоры и фауны.—Наше легкое пребывание в этих горах.—Горы Соди-соруксум и Гаджур.—Озеро Демчук.—Опасная стоянка возле Чейбсена.—Сборы на Куку-нор.—Следование к Мур-засаку.—Характер бассейна верхнего течения реки Тэтунг-гола.—Мы на берегах Куку-нора.

Утром 20 июня мы оставили Даджин и в тот же день поднялись на горы Гань-су⁽⁹¹⁾, где сразу встретили новый климат и новую природу. Высокое абсолютное поднятие, огромные горы, иногда достигающие пределов вечного снега, черноземная почва, наконец чрезвычайная сырость климата и, как следствие ее, обилие воды—вот что нашли мы с первым шагом на гористом плато Гань-су, отстоящем всего на 40 верст [42 км] от пустынь Ала-шаня. Флора и фауна также изменились чрезвычайно резко: богатейшая травянистая растительность покрыла собой плодородные степи и долины, а густые леса осенили высокие и крутые горные склоны; животная жизнь явилась также в богатом разнообразии.

Но будем продолжать по порядку.

Подобно тому, как и в других горах Монголии, окраинный хребет Гань-су развивается вполне к равнине Ала-шаня, но на противоположной стороне спуски его коротки и пологи. Даже вечноснеговые гряды Кулиан и Лиан-чжу⁽⁹²⁾, которые оставались верстах в 50 [53 км] вправо от нашего пути, и те, сколько были видны издали, не резко спускаются к стороне нагорья и имеют здесь, то есть на южном скате, только небольшие, спорадически разбросанные пласты снега.

От подошвы окраинных гор до высшей точки перевала подъем направляется по ущелью, замкнутому отвесными скалами глинистого сланца; дорога довольно хороша, даже удобна для колесной езды. Сами горы высоки, с крутыми боковыми скатами, покрытыми превосходными пастбищами,

а возле гребня даже и небольшими лесами, которые, впрочем, остались в стороне от нашего пути.

Недалеко за перевалом, отстоящим на 28 верст [30 км] от наружной окраины описываемых гор, лежит небольшой китайский городок Да-и-гу, разоренный дунганями, но занятый, во время нашего прохода, тысячей китайских солдат. Абсолютная высота этого города равняется 8 600 футов [2 621 м], между тем как Даджин поднимается лишь на 5 900 футов [1 798 м] над уровнем моря¹.

Оставляя влево городок Сун-шань [Сушань-чен], также разоренный дунганями, мы пошли напрямик по холмистой степи, которая раскинулась тотчас за окраинным хребтом, отделяя его от других гор, потянувшихся высоким гребнем впереди нас.

Теперь нам уже не нужно было заботиться ни о пастбищах, ни о воде, так как ручьи текли в каждой ложбине, а сама степь была покрыта превосходной травой и совершенно напоминала луга наших стран. Правда, местность была вообще холмиста, но она носила и настолько степной характер, что здесь снова появились, даже в большом числе, дзерены, которых нет в Ала-шане. Вместе с дзеренами мы встретили небольшой табун одичавших лошадей, брошенных на произвол судьбы после дунганского разорения. Теперь эти лошади сделались настолько пугливы, что мы напрасно старались поймать хотя одну из них.

Следы дунганского истребления встречались на каждом шагу. Деревни, попадавшиеся очень часто, все были разорены, везде валялись человеческие скелеты, и нигде не было видно ни одной живой души. Наши спутники трусили ужасным образом: ночью они даже не раскладывали огня, на каждом привале святили свои ружья и постоянно просили нас ехать впереди. Вскоре все эти опасения разыгрались довольно смешным образом.

В долине реки Чагрын-гол ламы увидели нескольких человек, поспешно убежавших в горы. Воображая, что это дунгане, и притом обрадовавшись, что неприятелей так мало, наши спутники тотчас же начали стрелять, хотя до беглецов было очень далеко. Мы с товарищем и казаками бросились к тому месту, где началась пальба, думая, что действительно случилось нападение, но, увидав, в чем дело, остались зрителями подвигов своих спутников. Последние продолжали стрелять все более и более, хотя никого из беглецов уже не было видно. После выстрела каждый стрелявший кричал несколько секунд во все горло, а потом принимался заряжать ружье. Точно так же поступают китайские солдаты и дунгане во время боя; выстрелы у них непременно сопровождаются самыми неистовыми криками для устрашения врага.

Настрелявшись вдоволь, наши храбрые воители пустились в погоню и поймали одного человека, оказавшегося китайцем. Впрочем, быть может, он был и дунган, так как магометане-китайцы ничем не отличаются от своих собратьев конфуциева учения. Пойманного решено было казнить по приходе на место ночлега; до тех пор он должен был идти с нашим караваном. Дорогой китаец отстал и спрятался в густой траве, но был отыскан и, во избежание нового побега, привязан своей косою к хвосту верхового верблюда.

¹ С подъемом на нагорье Гань-су наш anerоид уже не показывал более, так что в дальнейшем путешествии мы делали все измерения абсолютной высоты только точкой кипения воды.

По приходе на место картина была еще лучше. Китайца привязали к вьюку и тут же, рядом с ним, начали точить саблю, которой намеревались отрубить пленнику голову. В это время между ламами шел горячий спор, одни хотели непременно казнить, другие помиловать. Китаец, знавший по-монгольски, хорошо понимал, о чем идет речь, но сидел совершенно спокойно. Мало того, когда сварился чай и ламы начали его пить, то по привычке они начали угощать и пленного китайца, словно гостя. К крайнему нашему удивлению, китаец стал пить чай с таким аппетитом, как будто у себя дома; ламы наливали ему чашку за чашкой, а сами вели прежний спор относительно казни. Такая история показалась нам чересчур отвратительной, и мы поскорее отправились на экскурсию в соседние горы. Возвратясь к вечеру, мы увидели китайца еще живым и узнали, что, благодаря заступничеству начальника каравана, несчастный был помилован и оставлен на привязи лишь до утра.

Перейдя порядочную речку Чагрын-гол, которая течет на юго-запад к городу Джун-лин¹ [Пинфансян], мы снова вступили в горы, не составляющие уже хребта окраины, но нагроможденные на высоком плато этой части Гань-су. Описываемый хребет сопровождается с севера течение самого большого из притоков верхней Хуан-хэ, именно Тэтунг-гола, или Да-тун-хэ²; на южном берегу той же реки стоит другой, не менее громадный хребет. Все эти горы будут описаны подробно несколько ниже, а теперь я буду продолжать о нашем следовании к кумирне Чейбсен.

От Чагрын-гола наш путь, то есть подъем на горный хребет, лежал ущельем реки Ярлын-гол³ по хорошей и удобной для колесной езды дороге, заброшенной со времени дунганского разорения; жителей попрежнему нигде не было. Несколько раз нам встречались места бывших промыслов золота, которым, как говорят, очень богаты все здешние горные речки. Окрестные горы чрезвычайно обильны водой и несут вполне альпийский характер. Подобно тому как Муни-ула, в Алашаньском хребте и в большей части других гор Монголии дикий характер преобладает в наружной окраине хребта, где сгруппировываются самые громадные скалы; ближе же к перевалам горы имеют более мягкие формы. Впрочем и здесь иногда являлись исполинские вершины, как например гора Гаджур, которая стояла вправо от нашего пути; кое-где на ней лежали остатки зимнего снега, но вечноснеговых вершин в описываемом хребте не было видно.

В то же время горы, по которым мы теперь проходили, начали изобиловать сперва кустарниками, а потом и лесами, в особенности на своем южном склоне; превосходные луга расстилались везде по долинам и открытым скатам верхнего пояса. Новые виды растений попадались на каждом шагу, чуть не каждый выстрел доставлял какую-нибудь новую птицу; но все эти сокровища нам удавалось только хватать мимоходом, так как наши спутники, спеша в свою кумирню и боясь дунган, шли без остановок. К довершению несчастья ежедневно лили дожди, и сырость стояла ужасная;

¹ Этот город лежит на Чагрын-голе, в 35 верстах [38 км] ниже того места, где мы перешли названную речку, которая, кажется, впадает в реку Тэтунг-гол [в непосредственной близости от Хуан-хэ].

² Первое название этой реки монгольское и тангутское, последнее—китайское; кроме того монголы называют ее «Улан-мурень» [Тэтунг и Датун—видимо только разные транскрипции].

³ Эта речка впадает в Чагрын-гол; идя по ее ущелью, мы встретили в одной из береговых скал высеченное на камне изображение Майдари, сажени две вышиной [4,3 м].

собранные коллекции не было возможности просушить дорогой, и они портились; ружья и все железные вещи ржавели до крайности.

Перейдя через перевал, который имеет весьма пологий подъем и только несколько более крутой спуск, мы остановились ночевать в горах. Здесь опять случилась история. Наши казаки, ходившие перед вечером за дровами, заметили в одном из ближайших ущелий огонь и возле него каких-то людей. Тотчас об этом было дано знать в лагерь, и здесь все зашевелилось. Предполагая, что виденные люди дунгане, дожидаящиеся ночи для нападения на нас, мы решили идти к ним, пока еще не совершенно стемнело. Из людей каравана к нам присоединилось 8 человек и в том числе приятель Рандземба. Войдя в ущелье, мы начали осторожно подкрадываться к огню, но бывшие при нем люди заметили нас и пустились на уход. Тогда ламы с криком бросились за убежавшими, но погоня оказалась невозможной в густых кустах, при наступивших уже сумерках с сильным дождем. Мы все собрались возле огня, на котором варилась в чугунной чаше какая-то еда; тут же лежал мешок с различными пожитками. Судя по костру, людей при нем было очень немного; полагая, что это, быть может, и не дунгане, наши товарищи стали кричать ушедшим по-монгольски, тангутски и китайски, приглашая их вернуться к костру. В ответ на это из кустов, росших по скату горы, раздался выстрел, и пуля просвистала возле нас. За такую дерзость мы решили проучить стрелявшего и пустили десятка полтора пуль по направлению дыма, склублившегося на месте выстрела с горы; ламы также принялись стрелять, и Рандземба, конечно, был главным действующим лицом. Долго после этого он не мог ничего рассказать про действие скорострельных ружей и, возвратясь в лагерь, на все вопросы своих товарищей только твердил: «Ай, лама, лама! Ай, лама, лама, лама!»,¹ тряс головой и махал руками, выражая тем удивление, переходившее границы.

Ночью решено было караулить, и мы легли спать, как обыкновенно, с ружьем под изголовьем. Не успел я еще задремать как возле самой нашей палатки раздался выстрел и крик. Схватив штуцера и револьверы, мы выскочили на двор, но оказалось, что это стрелял наш караульный на воздух. «Для чего ты делал это?» — спросил я у него. «А для того, чтобы разбойники знали, что мы караулим», — отвечал лама. Такой способ караула нам пришлось видеть впоследствии и в китайских войсках, по крайней мере у милиции, собранной для защиты кумирни Чейбсен [П. К. Козлов пишет: Чойбзен].

Утром следующего дня вся предшествовавшая история разъяснилась. Лишь только рассвело, как пришли два охотника тангута и объявили, что люди, убежавшие вчера от костра, были они с двумя другими товарищами, из которых один стрелял, принявши нас за дунган. Что сделалось затем с ним, после нашей ответной стрельбы, они не знают. Вместе с тем пришедшие просили возвратить им мешок с одеждой, забранный ламами; однако наши спутники не возвратили этого мешка, да еще отколотили тангутов за то, что их товарищ смел стрелять в нас.

Двинувшись в путь, мы вскоре увидели, в первый раз, кочевья тангутов, их черные шатры и стада длинношерстных яков, называемых у монголов сарлоками. Затем, перевалив еще несколько отрогов главного хребта, мы вышли на берег Тэтунг-гола и остановились на ночевку вблизи тангутской кумирни Чертынтон [Чортэнтан]. Благодаря своему

¹ Такое выражение употребляется тангутами в смысле нашего: «ах, боже мой!».

неприступному положению в горах, эта кумирня уцелела от дунган, и в ее окрестностях сгруппировалось довольно густое тангутское население.

Подробно о тангутах я буду говорить в следующей главе; теперь же упомяну только, что по своему наружному виду они много напоминают наших цыган, и такое сходство бросилось нам в глаза с первого же раза.

Река Тэтунг-гол, там, где мы теперь на нее вышли, то есть в среднем течении, имеет сажен 20 [приблизительно 43 м] ширины и быстро мчится по своему ложу, усеянному валунами всевозможной величины. Местами запертая с боков громадными отвесными скалами, эта буйная река прихотливо ломает русло, ревет и мечется между камнями. Там, где горы отодвигаются немного в сторону, Тэтунг всегда образует живописную долину; в одном таком месте приютилась под громадными скалами кумирня Чертынтон.

Ее настоятель гыген оказался весьма любознательным человеком. Узнав о прибытии русских, он тотчас же пригласил нас к себе пить чай и познакомиться. Мы, с своей стороны, подарили гыгену стереоскоп, которым святой остался чрезвычайно доволен, так что у нас сразу завязались хорошие отношения, даже дружба. К сожалению, этот гыген, родом тангут, не говорил по-монгольски, так что необходимо было призвать переводчика тангутского языка. Мы объяснились с помощью своего казака-бурята и этого переводчика, отправляя каждую фразу через два лица к третьему и таким же путем получая ответ. Чертынтонский гыген был даже художником и впоследствии нарисовал картину, изображавшую наше первое с ним свидание (⁹³).

Долина Тэтунг-гол врезана очень глубоко в горный массив Гань-су, так что кумирня Чертынтон поднимается лишь на 7 200 футов [2 195 м] над уровнем моря. Это было самое низкое место, найденное нами во всей гористой области Гань-су, но, конечно, далее к востоку, то есть к стороне Хуан-хэ, долина Тэтунг понижается еще более.

Переправа через Тэтунг-гол вброд возможна только при низком стоянии воды, да и то крайне затруднительна, а потому через реку устроен мост в 3 верстах [3,2 км] выше кумирни Чертынтон. Так как верблюды со вьюком не могли пройти сквозь узкие ворота, поставленные на обоих концах этого моста, то нам пришлось развьючивать своих животных и нанимать китайцев перетаскать поклажу на другую сторону реки. Здесь разбили мы свою палатку и принуждены были простоять пять суток по случаю болезни казака Чебаева. Спутники наши не могли ожидать так долго, а потому одни отправились в кумирню Чейбсен, до которой оставалось уже не более 70 верст [75 км].

Невольная пятидневная остановка возле Тэтунг-гола была для нас как нельзя более приятна, так как мы могли в это время сделать несколько экскурсий в соседние горы и хотя немного познакомиться с их флорой и фауной. Богатство той и другой привели меня к решению вернуться сюда из кумирни Чейбсен и посвятить целое лето более подробному изучению гор, окрестных кумирне Чертынтон.

По словам наших спутников и местных жителей с вьючными верблюдами невозможно было пройти через горный хребет, стоящий по правую (южную) сторону Тэтунга ¹, а потому мы оставили своих животных на пастбище возле Чертынтонна ² и принуждены были нанять китайцев перевезти

¹ Впоследствии оказалось, что переход с вьючными верблюдами здесь возможен, хотя и очень затруднителен.

² Здесь же были оставлены и все верблюды тангутского каравана.

на мулах и ослах наш багаж в кумирню Чейбсен. За эту перевозку мы заплатили 17 лан, и 1 июля двинулись вверх по одному из притоков Тэтунга, именно по реке Рангхта-гол. Узкая тропинка ведет здесь ущельем, где живут тангуты, частью в черных палатках, более же в деревянных избах. Окрестные горы сплошь покрыты лесами, которые в верхнем поясе заменяются густой массой кустарников. Громадные скалы торчат со всех сторон и запирают собой узкие боковые ущелья; скаты гор вообще чрезвычайно круты. На самом перевале тропинка вьется зигзагами чуть не по отвесной горе; вьючным животным итти здесь чрезвычайно трудно. Зато с перевала открывается великолепный вид на холмистую равнину, которая раскинулась тотчас за горами. Я никогда не забуду, как однажды с того же самого перевала мы увидели эту равнину, сплошь покрытую кудреватыми, ярkobелыми облаками, в то время как над нами блистало солнце на совершенно ясном, темно-голубом небе.

К стороне, противоположной Тэтунг-голу, описываемый хребет обрывается крутым и коротким склоном¹. Далее расстилается обширная холмистая и частью гористая площадь, потянувшаяся к городу Синину, за которым вновь виднеются громадные отчасти снеговые горы. Вся эта площадь превосходно обработана и густо заселена китайцами, тангутами и племенем далды. Здесь же расположены города: Ним-би и Уям-бу, а далее к западу — Синин [тибетское Зилин], Донкыр [Дангар] и Сэн-гуан. Последний из них, равно как и Синин, во время нашего прихода находились во власти магометанских инсургентов.

Из трех вышеупомянутых племен, населяющих собой эту часть провинции Гань-су², я опишу теперь только народ далды³, который обитает на небольшом сравнительно пространстве в окрестностях городов Ним-би, Уям-бу, Синина и кумирни Чейбсен; вблизи последней описываемое племя по числу составляет половину всего населения.

По своему наружному виду далды гораздо ближе подходят к монголам, нежели к китайцам, хотя, подобно последним, живут оседло в фанзах и занимаются земледелием, но не скотоводством. Лицо у описываемого народа плоское и округленное, скулы выдавшиеся, глаза и волосы черные, рост средний, иногда большой; сложение тела довольно плотное. Мужчины бреют бороду⁴ и голову, но оставляют косы, так же как и китайцы; молодые женщины сплетают все волосы на затылке и носят из дабы [материала] особый головной убор квадратной формы, безобразно больших размеров. Пожилые женщины не носят подобного убора, но сплетают свои волосы позади головы в косу, а спереди разделяют их на две половины. Одежда как мужчин, так и женщин походит на таковую же у китайцев, смешанно с которыми, равно как и с оседлыми тангутами, живет описываемое племя. Религия у далдов буддийская.

¹ От Тэтунг-гола, по ущелью реки Рангхэта, до высшей точки перевала 34 версты [36 км]; между тем как на южном спуске, от того же самого перевала до выхода из гор, только 9 верст [9,6 км].

² Эта провинция на севере граничит с Монголией, на востоке с губернией Шэньси, на юге с Сычуанью и Куку-нором. На западе Гань-су, до последнего восстания дунган, выдавалась очень длинным рукавом, захватывая округа Баркюль и Урумци на Восточном Тянь-шане⁽⁹⁴⁾.

³ О тангутах будет изложено в следующей главе; китайцы в Гань-су те же самые, что и в остальном Китае; монголы встречаются лишь в верховьях Тэтунга, в тех местностях, которые по своему административному разделению относятся к Куку-нору.

⁴ В противоположность монголам и китайцам, у далдов, кажется, сильно растет борода.

Мы только мимоходом видели этот народ¹, а потому я не могу сообщить о нем более подробных сведений⁽⁹⁵⁾. «Худые люди и плохого ума», — говорили нам про далдов монголы; по словам тех же рассказчиков язык описываемого племени составляет смесь монгольских, китайских и собственных слов².

На северной окраине вышеупомянутой холмистой площади лежит кумирня Чейбсен, которая была исходным пунктом всех наших исследований в Гань-су.

Эта кумирня находится в 60 [64 км] верстах к северо-востоку от Синина, под 37°3' северной широты, по произведенному мною наблюдению высоты полярной звезды и под 70°38' восточной долготы от Пулково [100°58' от Гринвича], по приблизительному вычислению на существующих картах. Абсолютная высота местности равняется здесь 8 900 футов [2 713 м]. Описываемая кумирня состоит из главного храма, обнесенного глиняной стеной, и других меньших пристроек, к которым примыкают несколько десятков, быть может даже с сотню, фанз. Все они разорены дунганями за три года до нашего прихода; уцелел от погрома только один главный храм, защищенный стеной.

Храм этот сделан из кирпича и имеет квадратную форму, общую всем буддийским кумирням. Бока кумирни расположены по странам света, а с юга находится вход с тремя дверями; перед этим входом выстроена каменная эстрада, на которую едут несколько ступенек. Крыша кумирни имеет форму обыкновенных кровель, то есть поката на обе стороны; она обита листами вызолоченной меди, а по углам приделаны изображения драконов.

В середине храма как главное божество помещен Шакьямуни [Сакья-Муни], то есть Будда, сделанный из вызолоченной меди и представляющий собой сидящего человека, сажени 2 вышиной. Перед этим кумиром постоянно горит лампа и стоят большие томпаковые [мельхиоровые] сосуды с водой, водкой, рисом и ячменной мукой. Справа и слева от Будды поставлено по одному, также большому идолу, перед которыми находятся сосуды с едой, но огонь постоянно не горит.

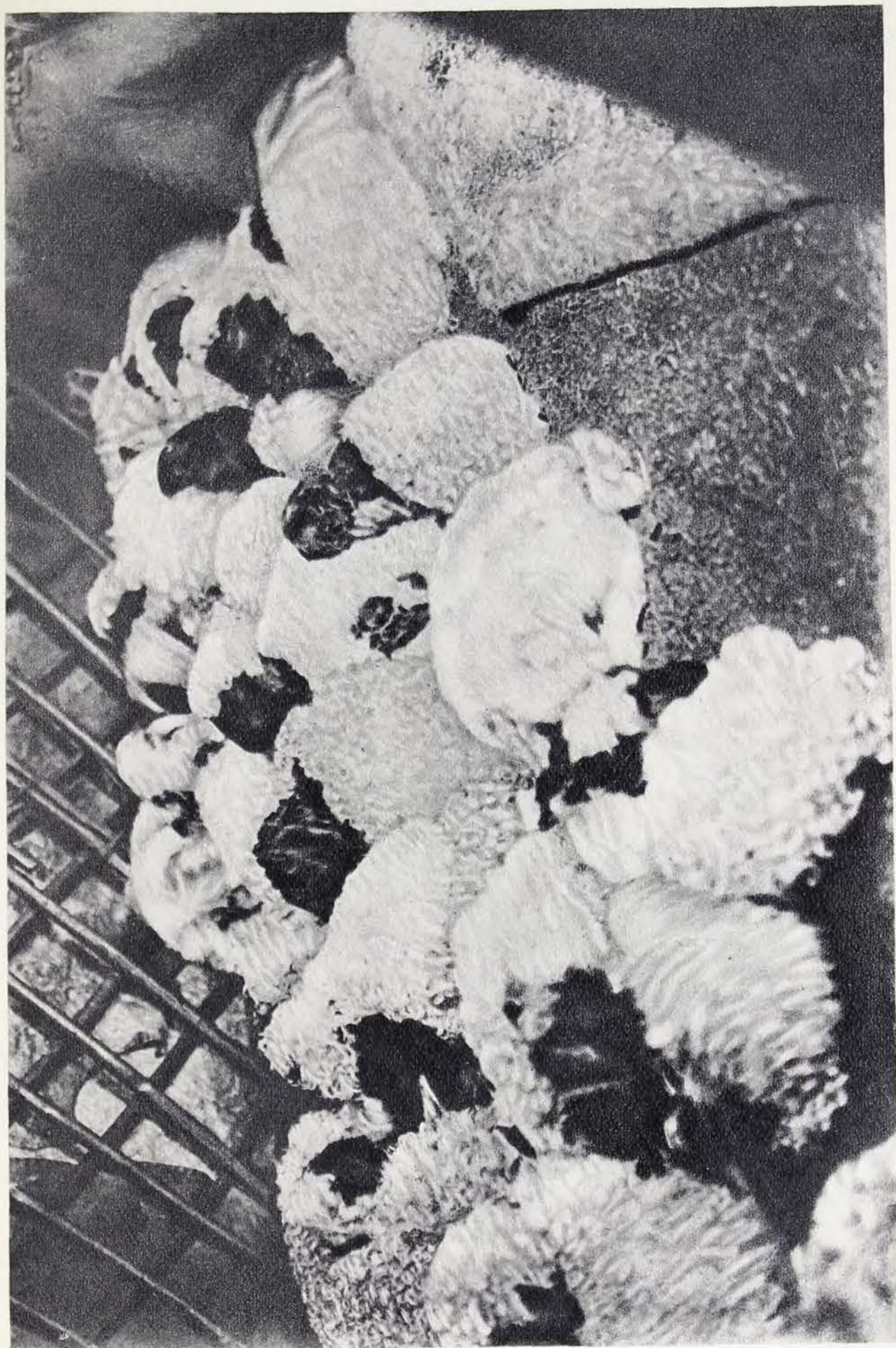
Вокруг трех стен кумирни помещается в шкафах 1000 мелких медных божков, величиной от 1 до 2 футов [0,3—0,6 м]; каждый из них имеет особенную позу и атрибуты, между которыми есть до безобразия циничные.

Вся эта тысяча богов была сделана по заказу Джанджы-гыгена в Долон-норе и перевезена оттуда в Ала-шань; отсюда до Чейбсена транспорт доставил на свой счет алашаньский князь.

Двор, на котором расположена описываемая кумирня, обнесен квадратной галлереей, примыкающей к главной стене. Бока этой галлерей имеют каждый в длину около сотни шагов, и все исписаны картинами, представляющими подвиги различных богов и героев. Здесь фантазии, притом самой грубой, нет конца: змеи, черти, различные страшилища — все это перемешано во всевозможных формах и положениях.

¹ Возле Чейбсена далды живут не ближе 7—8 верст; не возбуждав крайнего подозрения, мы не могли отправиться к ним для изучения особенностей этого племени; узнавать об этом по расспросам также было крайне затруднительно.

² Любопытные замечания, почерпнутые из китайских источников, о племени далдов, равно как и о других народах, населяющих Гань-су, сделаны нашим пекинским синологом архимандритом Палладием и помещены в «Известиях Императорского Русского Географического общества» за 1873 год, № 9, стр. 305.

Ягнята в юрте холодной весной

Як (сарлык) — самец

На решетке, ограждающей бока галлерей, устроены, в расстоянии сажени [2 м] одна от другой, небольшие железные урны, куда вложены молитвы, написанные на бумаге. Усердные верующие, ежедневно являющиеся в кумирню, не довольствуются одним изустным чтением молитв, но в то же время вертят урны, так что по их понятиям вдвойне умилоствляют бога.

Число лам в кумирне Чейбсен, во время нашего там пребывания, простиралось до 150¹; кроме того здесь жил гыген. Содержание Чейбсена производится на счет Джанджы-гыгена и добровольных приношений богомольцев. Для последних в большие праздники устраивается угощение из чая с молоком и жареной ячменной муки, так называемой дзамбы. Последняя составляет универсальное кушанье всех тангутов и монголов в Гань-су и Куку-норе. Приготовление ее производится самым простым способом: сначала поджаривают голый [голозерный] ячмень² на огне, а потом мелют его на жерновах и получают муку, которую заваривают горячим чаем и едят вместо хлеба.

Кроме лам, состоящих при кумирне, в Чейбсене во время нашего пребывания находилось около тысячи человек милиции (из монголов, китайцев, тангутов и далдов), собранной здесь для защиты от дунган, владения которых лежали всего на расстоянии 15 верст [16 км] от кумирни. Сдунганской стороны постоянно являлись партии, которые угоняли скот. Пешие, притом почти безоружные милиционеры³ ничего не могли сделать конным дунганам, действовавшим днем под стенами самой кумирни.

В окрестностях этой последней, именно в 7 верстах (7,5 км) к востоку, находится такая же глиняная стена с башнями, какую мы встретили на границе Гань-су. По словам местных жителей этот вал, сильно разрушенный временем, тянется от Синина, через город Тэтунг [Датун], до города Гань-чжеу [Ганьчжоу].

По приходе в Чейбсен мы были встречены своими дорожными приятелями — донирами — и поместились в большой пустой фанзе, которая служила складом продовольствия и идолов, получивших почему-либо отставку. В этом просторном помещении мы могли разложить и просушить собранные дорогой коллекции, сильно пострадавшие от страшной сырости, какая встречается везде на нагорье Гань-су. Как обыкновенно, с первого же дня не было отбоя от любопытных, приходивших смотреть на невиданных людей и надоедавших невыносимо с раннего утра до поздней ночи. Едва мы выходили из своей фанзы, как являлась густая толпа, не отстававшая даже и в том случае, если кому-либо из нас приходилось отправиться за необходимым делом. Наши коллекции всего более возбуждали удивления и догадок. Некоторые начали подозревать, что собираемые растения, шкуры птиц и прочее — все очень ценные вещи, но только местные жители не знают в них толку. Впрочем, моя репутация, как доктора, собирающего лекарства, несколько рассеяла подобные подозрения.

Целую неделю пробыли мы в Чейбсене, занимаясь снаряжением в горы на остальную часть лета. Прежде всего мы купили за 110 лан четырех мулов и наняли к себе в услужение монгола, знавшего тангутский язык.

Закупка других мелочей оказалась весьма затруднительной, так как по случаю разъездов восставших дунган торговля находилась в сильном

¹ До дунганского восстания этих лам, как говорят, здесь было вдвое более

² Порода ячменя, разводимая в Гань-су, дает голое зерно.

³ Вооружение их заключалось почти исключительно в пиках.

застое. Однако, благодаря посредничеству дониров, мы достали необходимое, хотя за все пришлось платить очень дорого. Здесь кстати сказать, что в Чейбсене мы встретили опять новый счет денег, новый вес и меру. Так на лан серебра здесь давали, средним числом, 6 500 чох, считая 50 за 100; единица веса гин явился двух сортов: один заключал в себе 16 лан, а другой 24 лана; к общей мере емкости сыпучих тел — ду — здесь присоединилась новая — шин [шэн], содержащий в себе около пяти гинов дзамбы или ячменя¹.

Оставив всю лишнюю кладь в Чейбсене, мы завьючили необходимые вещи на купленных мулов, а также на двух своих лошадей, и 10 июля отправились обратно в горы, лежащие по среднему течению Тэтунга, вблизи кумирни Чертынтон.

Здесь я сделаю отступление и попытаюсь набросать общую характеристику гор, наполняющих собой исследованную нами часть провинции Гань-су, то есть ту, которая лежит к северу и северо-западу от озера Куку-нор.

Неширокая котловина этого альпийского озера со всех сторон замыкается горами, составляющими непосредственное продолжение тех громадных хребтов, которые наполняют собой северо-восточный угол Тибета и страну, орошаемую верхним течением Желтой реки. Отсюда, то есть от верховьев Хуан-хэ, горные массивы двойным рукавом, с севера и юга, обходят озеро Куку-нор и тянутся еще далеко к западу², образуя как бы полуостров, резко ограниченный с юга соляными болотами Цайдама, а с севера обширными равнинами Гоби. К стороне этой последней горы Гань-су, как мы видели выше, обрываются крутой стеной, за которой лежит высокое плато, протянувшееся через Куку-нор и Цайдам до хребта Бурхан-Будда, составляющего северную окраину еще выше поднятого Тибетского нагорья.

Если обратимся теперь к горам собственно Гань-су в исследованной нами части этой провинции, то увидим, что они состоят здесь из трех параллельных между собой хребтов. Один из них окаймляет высокое плато к стороне Ала-шаня, а два другие нагромождены на этом плато и сопровождают течение самой большой из здешних рек — Тэтунг-гола. На востоке, с приближением к Хуан-хэ, описываемые горы, как говорят, значительно понижаются, но зато по мере удаления к западу, они растут все более и более, так что наконец достигают пределов вечного снега в истоках рек Эцзинэ-гол и Толай-гол³. Очень может быть, что здесь все три горных хребта соединяются между собой или образуют новые разветвления, но во всяком случае западнее истоков вышеназванных рек горы Гань-су снова мельчают в своих размерах и вскоре оканчиваются быть может явственным хребтом, а быть может и расплываются в общем поднятии Гоби.

Все эти горы известны у китайцев под общим именем Сюэ-шань, или Нань-шань. Отдельные хребты не имеют особенных названий, а потому, во избежание сбивчивости, я назову тот из них, который стоит по левую сто-

¹ «Шин», составляющий 0,1 «ду», употребляется в Китае, но нам в путешествии эта мера встретилась впервые в Чейбсене [100 гинов или цзинов составляют 1 дань (мешок) [то есть 59 кг]].

² По сведениям, собранным от местных жителей, горы, окружающие Куку-нор, тянутся верст на 500 к западу от этого озера [и переходят в Куэнь-лунь].

³ Река Эцзинэ-гол [Эдзин-гол], вместе с своим левым притоком Толай-гол, течет прямо на север и орошает сначала возделываемые земли возле городов Гань-чжеу и Су-чжеу, а затем выходит в пустыню и впадает в озеро Со-го-нор [а также в соседнее озеро Гашинун-нор].

рону Тэтунга, «Северным», а правый — «Южным»; горы же к стороне Алашаня назовутся «Окраинным хребтом». Такие имена я даю только для удобства описания, без всякого намерения приурочить их к названным горам на будущее время (⁹⁶).

Как и Северный, так и Южный хребты во многом сходны между собой, всего же более в дилом, вполне альпийском характере. Узкие и глубокие ущелья, громаднейшие скалы, везде чрезвычайно крутые склоны — вот общий топографический характер того и другого хребта. Отдельные вершины поднимаются по среднему течению Тэтунг-гола до высоты 14 000 футов ¹ [4 270 м], но не достигают пределов вечного снега. Снежные горы, как сказано выше, отодвигаются далее к западу и лежат вблизи городов Лань-чжеу и Гань-чжеу, а также в верховьях Тэтунга и Эцзинэ; кроме того снеговая гряда виднеется за городом Синином. Затем, в остальной горной части Гань-су, к западу от Хуан-хэ, равно как и в бассейне озера Куку-нор вечноснеговых вершин нет вовсе.

Хотя перевал через Северный хребет ниже и гораздо менее затруднителен, нежели перевал через горы по южную сторону Тэтунга, но первый хребет имеет более высокие вершины, из которых одна (Конкыр) ², даже вечноснеговая. Высокие горы как в том, так и в другом хребте почитаются тангутами святыми и носят название «амнэ», то есть «прародитель». Всех их 13. Они лежат в среднем и, частью, в верхнем течении Тэтунга, но в Южном хребте таких «амнэ» считается только три, именно: Тчалеб, Бсягар и Гумбум-дамар. В Северном же хребте святые горы, начиная от запада к востоку, идут в следующем порядке: Мэла, Конкыр, Намрки, Чжокар, Паргут, Ртахцы, Шорун-дзун, Марнту, Джагыри и Сэньбу ³.

Из горных пород в хребтах Гань-су преобладают: глинистый и хлоритовый сланцы, известняк, фельзит, гнейс и частью диорит. Минеральные же богатства заключаются в каменном угле и в золоте, которое, по словам местных жителей, находится почти во всех горных речках; каменноугольные залежи разрабатываются китайцами вблизи кумирни Чертынтон (⁹⁷).

Гористая область Гань-су подвержена землетрясениям, которые иногда бывают так сильны, что, по рассказам жителей, разрушают даже фанзы. Мы лично только однажды ⁴ наблюдали здесь слабый подземный удар, произведший легкое сотрясение почвы (⁹⁸).

Что касается до климата описываемой гористой части Гань-су, то он прежде всего характеризуется обилием еодных осадков, в особенности летом, отчасти осенью и весной; зимой же, по словам жителей, погода стоит большей частью ясная, очень холодная в дни ветренные и довольно теплая во время затишья. Летом дожди идут почти каждый день, не только в самых горах, но даже и в местностях значительно от них удаленных. Мы наблюдали в июле 22 дождливых дня, в августе — 27, в сентябре — 23. Впрочем из последних 12 были снежные, так как, начиная с 16 сентября, везде уже шел снег, не только в горах, но и в долинах. Результатом такого обилия влаги является чрезвычайная сырость почвы и обилие горных ручьев или речек, которые текут в каждом ущелье (⁹⁹).

Средняя температура лета довольно низка, в особенности если принять во внимание, что описываемые местности лежат под 38° северной

¹ Гора Гаджур в Северном хребте.

² Эта гора лежит в верховьях Тэтунга вблизи города Ю-нань-чень.

³ Не знаю почему к святым горам не причисляются очень высокие вершины: Гаджур на Северном хребте и Соди-соруксум в Южном.

⁴ 29 июля [10 августа] 1872 года, в 10 часов утра, в Южном хребте.

широты. В альпийской области гор даже в июле трава по ночам покрывалась инеем и шел снег в виде крупы. В течение августа верхний пояс гор довольно часто покрывался снегом, но он растаивал на солнечных лучах; с сентября же выпадавший здесь снег уже не таял.

Летом, когда проглядывало солнце, то оно грело сильно, но слишком больших жаров не было, и наивысшая температура, замеченная нами в июле (в глубокой долине Тэтунга), достигала $+31,6^{\circ}\text{C}$ в тени. Относительно ветров можно сказать, что они были вообще слабы и преобладали в юго-восточном направлении; кроме того часто стояли затишья. Грозы случались всего более в июле и сентябре¹; в последнем месяце они приходили иногда вместе со снегом и даже сильной метелью.

Флора гор Гань-су, как следовало ожидать, очень богата и разнообразна. Обилие влаги, превосходная черноземная почва², наконец, разнообразие физических условий, от дна глубоких долин до предела вечного снега, — все это дает возможность развитию разнообразной растительности. Впрочем собственно лесами, в нашем смысле этого слова, богат только Южный хребет и то лишь на своем северном склоне³. Подобное явление, то есть произрастание лесов исключительно на северных склонах гор, встречается не только в сухих горах Монголии, как например на Муни-ула и в Алашаньском хребте, но даже в богатых влагой и сырым климатом хребтах Гань-су. Словно и здесь деревья ищут защиты от солнца, которое без того не особенно часто проглядывает во время лета.

Как обыкновенно в горных странах, леса Гань-су растут исключительно в нижнем поясе гор, от дна глубоких долин, приблизительно, до 9,5 или до 10 тысяч футов [2900—3050 м]. Здесь, на горных склонах, а в особенности в ущельях, по берегам быстрых ручьев, растительность является в таких размерах и разнообразии, каких до сих пор мы нигде не встречали в горах Монголии. Высокие стройные деревья, густые кустарники, часто сплотившиеся в непроницаемые заросли, разнообразные цветы — все это живо напоминало мне роскошную лесную природу Амурского края; но здесь отрадное впечатление становилось еще сильнее после бесплодия Алашаньской пустыни.

С первым шагом в леса Гань-су перед путешественником являются как знакомцы его родины, так и новые, еще не виданные им породы. Из последних на первом плане стоит береза — *Betula bojapattra* [гималайская], с красноватой корой. Дерево это достигает от 35 до 40 футов [приблизительно 10—12 м] вышины, при толщине от 1 до 1,5 фута [0,3—0,45 м], по наружному виду совершенно походит на обыкновенную березу, с той лишь разницей, резко бросающейся в глаза, что кора у описываемого вида опадает, так что висит целыми кучами на стволе. Тангуты употребляют эту тонкую и мягкую кору для заверток, вместо бумаги. Рядом с этой незнакомкой растет и наша белая береза — *Betula alba*; оба вида в самом нижнем поясе лесов составляют преобладающие породы.

Далее является осина — *Populus tremula*, то разбросанно, то реже, сплошным насаждением; сосна — *Pinus massoniana* [сосна Массона] и ель — *Picea obovata*, также то в одиночку, то сплошь по горным склонам. Развесистый тополь — *Populus sp.* и ива — *Salix sp.* растут почти исклю-

¹ В июле мы наблюдали 14 гроз, в августе — 2, в сентябре — 9, но вообще эти грозы были не сильны и не продолжительны.

² Только на безлесных скатах гор и в самом верхнем их поясе почва глинистая.

³ В Северном хребте, возле кумирни Чертынтон, лесов немного; говорят, что далее к западу и эти горы покрыты густым лесом.

чительно по горным долинам. Наша рябина — *Sorbus aucuparia*, и рядом с ней другой вид — *Sorbus* sp. с белыми алебастрового цвета ягодами; оба деревца достигают лишь 2 сажен [4,3 м] высоты, но очень красиво стоят часто рядом друг с другом. Древовидный можжевельник — *Juniperus* sp., до 20 футов [6 м] вышиной и иногда в толщину более фута; в противоположность другим лесным породам, он растет всего более на южных, то есть на солнечных скатах гор и поднимается в область альпийских кустарников почти до 12 тысяч футов [3 660 м] абсолютной высоты. Тангуты и монголы считают этот можжевельник священным и употребляют его ветви для курения при богослужении.

Кустарные породы в описываемых лесах, как обыкновенно, всего роскошнее развиваются в горных ущельях по берегам ручьев. Здесь перед глазами путешественника являются: двухсаженный жасмин — *Philadelphus coronarius*, сплошь залитой в июне своими пахучими цветами; два вида шиповника — *Rosa* sp., один с белыми, другой с розовыми цветами; два вида двухсаженного барбариса — *Berberis* sp., из которых один усажен колючими шипами в 1,5 дюйма [около 4 см] длиной; китайская бузина — *Sambucus chinensis*, крыжовник — *Ribes* sp., огромными кустами в 10 футов [3 м] вышиной, с крупными, но кислыми желтовато-белыми ягодами; малина [колючая] — *Rubus pungens* с превосходными красновато-желтыми ягодами. Другой вид малины — *Rubus idaeus* совершенно походит на нашу европейскую, но достигает высоты не более 2 футов [0,6 м] и растет по открытым горным склонам, исключительно в поясе альпийских кустарников. Далее следуют семь или восемь видов жимолости — *Lonicera*, из которых один доставляет съедобные продолговатые синие ягоды.

Из других кустарных пород в лесах Гань-су встречаются: таволга — *Spiraea* sp., черная смородина — *Ribes* sp., вишня — *Prunus* sp. [антинка], бересклет — *Evonymus* sp., дикий перец — *Daphne altaica* [дафна алтайская], кизильник — *Cotoneaster* sp. [ргай], изредка — *Hydrangea pubescens* [гидрангия] и амурский кустарник — *Eleutherococcus senticosus* [элеутерокок]. Но землячка последнего — *Lespedeza* [леспедеча] доходит только до Муни-ула; ее нет ни в Алашаньском хребте, ни в горах Гань-су; точно так же здесь вовсе нет лещины, которая в таком обилии растет в двух вышеназванных горных хребтах.

Продолжая далее о кустарниках Гань-су, следует сказать, что берега горных ручьев здесь часто обрастают ивой — *Salix* sp., и высокой, (до 15 футов) [4,6 м] облепихой — *Hippophaë rhamnoides*, гнилые колючки которой сильно затрудняют ходьбу, а по открытым горным склонам растут: боярка — *Crataegus* sp., желтая карагана — *Caragana* sp. и белый курильский чай — *Potentilla glabra*.

Травянистая растительность описываемых лесов еще более разнообразна. На влажной черноземной почве везде растет во множестве земляника — *Fragaria* sp., а там, где эта почва делается мшистой, красивый мытник — *Pedicularis* sp. [вшивица] сплошь заливают небольшие площадки своими розовыми цветами. В самых лесах и по лесным лужайкам рассыпаны: пионы — *Paeonia* sp., бузульник — *Ligularia* sp., валериана — *Valeriana* sp., василистник — *Thalictrum* sp., герань — *Geranium* sp., водосбор — *Aquilegia* sp., *Pyrola rotundifolia* [грушанка круглолистная], черемша — *Allium victorialis*, кровохлебка [обычная] — *Sanguisorba officinalis*, *Rubia javana* [рубия], *Prenanthes* sp. [латук], *Pleurospermum* sp. [плевросперм], ломонос — *Clematis* sp., вьется по кустарникам, а кипрей, или иван-чай — *Epilobium angustifolium*, местами сплошь покрывает своими розовыми

цветами луговые горные скаты. Несколько позднее, во второй половине лета, в тех же лесах являются: *Aconitum lycoctonum*, *A. volubile* [борец желтый и борец вьющийся], живокость — *Delphinium* sp., пижма — *Tanacetum* sp., *Orobus lathyroides* [сочевичник], *Pyrethrum sinense* [ромашник китайский], девясил [британский] — *Inula britannica*, еонючка — *Cimicifuga foetida*; папоротники — *Polypodium vulgare* [многоножка], *Adiantum pedatum* [адиант], *Asplenium* sp. [асплений], также в изобилии встречаются в описываемых лесах.

По открытым склонам гор лесного пояса растут: виды камнеломки — *Saxifraga*, красная лилия — *Lilium tenuifolium*, змееголовник — *Dracoscephalum ruyschiana*, *Senecio pratensis* [крестовник луговой], *Schultzia* sp. [шульция], *Allium* sp. [лук], *Gentiana* sp. [горечавка], *Ajuga* sp. [живучка].

В открытых горных долинах лесной области весной во множестве цветет касатик — *Iris* sp. [ирис], а затем летом здесь встречаются: астра — *Aster tataricus* [татарская], щавель [кислый], — *Rumex acetosa*, кислец — *Polygonum polymorphum* [гречишник], первоцвет — *Primula sibirica* [сибирский], незабудка — *Myosotis* sp., володушка — *Bupleurum* sp., *Gentiana* sp. [горечавка], *Anemon* sp. [анемон, ветреница], *Artemisia* sp. [полынь], *Melica* sp. [перловник], *Elymus* sp. [волоснец], *Spodiopogon* sp. [сподиопогон], *Lolium* sp. [плевел], виды — *Ranunculus* [лютик], *Oxytropis* [остролодка] и *Potentilla* [лапчатка].

Один из видов последнего рода, именно наша обыкновенная гусиная лапчатка — *Potentilla anserina*, известная здесь под именем джума, доставляет съедобный корешок, который осенью или весной во множестве выкапывается китайцами и тангутами. Вынутые из земли корешки сначала моют и сушат, а затем отваривают в воде и едят с маслом или рисом; вкусом они походят на фасоль или орехи.

Злак *Lolium* sp. [плевел], встречающийся также и в Алашаньском хребте, известен как ядовитая трава (хоро-убусу по-монгольски) для всякого скота и в особенности для верблюдов; местные животные знают подобное свойство этой травы и не едят ее.

Самым замечательным растением лесной области служит лекарственный ревень — *Rheum palmatum*, называемый монголами шара-мото¹ [шармод], а тангутами — джумца. Я расскажу о нем несколько подробнее, так как это растение, сколько кажется, еще не исследовалось до сих пор европейцами на месте своей родины.

Описываемый ревень имеет у корня от 3 до 4 больших, темнозеленых лопастных листьев², из середины которых вырастает цветочный стебель от 7 до 10 футов [2—3 м] вышины, при толщине у корня в полтора дюйма [4 см]³. У старых экземпляров число корневых листьев иногда восходит до 10 и даже более, но в таком случае у них всегда бывает и несколько цветочных стеблей, так что собственно на каждый такой стебель приходится не более 3—4 листьев. Черешок листа в разрезе овальной формы и толщиной в палец; он имеет иногда до 26 дюймов [66 см] длины; снизу зеленоватый, сверху красноватого цвета, он весь покрыт тонкими красноватыми черточками, длиной 1—2 линии [2,5—5 мм]. Цветочный стебель на своих узлах пускает небольшие листья, а мелкие белые цветки насажены на вто-

¹ То есть желтое дерево.

² Наибольший ревенный лист, нами виденный, имел в длину, то есть по главной своей жиле, 2 фута [0,6 м], а в ширину, то есть между вершинами боковых лопастей, — 3 фута [0,9 м].

³ Это размеры вполне взрослого экземпляра.

ричных (с боковыми отпрысками) стебельках, которые отходят под острым углом от главного ствола, приблизительно с $\frac{2}{3}$ его высоты.

Самый корень имеет продолговатую, округленную форму и пускает от себя множество длинных, тонких отпрысков¹; длина этих отпрысков, равно как величина главного корня зависят от возраста растения. У вполне взрослого экземпляра корень достигает фута [0,3 м] длины, при такой же почти толщине², снаружи он покрыт бурой, шероховатой корой, которую срезавают ножом при сушке растения.

Главное время цветения ревеня бывает в конце июня и в начале июля; впрочем, некоторые экземпляры цветут раньше, а другие позже этого срока; семена созревают во второй половине августа.

По словам местных жителей корень хорош на лекарство весной и осенью; в период же цветения он делается ноздреватым, хотя мы не заметили этого на экземплярах, добытых в середине лета. Главнейший сбор ревенного корня производится тангутами, и частью китайцами, в сентябре и октябре. Со времени дунганского восстания этот промысел много уменьшился, а в некоторых местах даже вовсе прекратился. Прежде он производился так деятельно, что только труднодоступность горных лесов гарантировала описываемое растение от полного истребления. Впрочем, в горах, вблизи кумирни³ Чертынтон, лекарственный ремень встречается довольно редко, но, по словам тангутов, его очень много далее к западу, в верховьях рек Тэтунга и Эцзинэ. Здесь и прежде производилась наибольшая добыча ревенного корня, который затем свозился, да и теперь свозится, в Синин — главный пункт ревенной торговли. Во время нашего пребывания в Гань-су в Синине ремень продавался, средним числом, по 10 гинов на лан серебра, то есть по 21 копейке за гин на нашу звонкую монету.

Из Синина ремень отправляется зимой сухопутно, а весной на барках по Хуан-хэ, в Пекин, Тянь-дзин и другие китайские порты, где сбывается европейцам. Здесь цена его уже увеличивается в 6—10 раз против сининской стоимости³. Прежде большая масса ревеня направлялась из Синина в Кяхту, но теперь эта доставка прекратилась вследствие восстания дунган. Возобновить такую торговлю в настоящее время не особенно затруднительно; следует только снарядить из Кяхты в Синин или хотя в Нин-ся, караван, который мог бы закупить партию ревеня. Для охраны такого каравана в дороге необходимо иметь с десятков вооруженных людей.

При сушке ревенного корня от него сначала отрезают все боковые отпрыски и потом очищают ножом наружную кору; далее толстый корень разрезают на части, нанизывают их на бечевки и вешают для просушки в тень, обыкновенно под крышами фанз, на свободном доступе воздуха. Последнее условие необходимо: ремень, высушенный на солнце, как говорят, портится; с толстых боковых отпрысков также очищают кожу и сушат их вместе с большими корнями.

В горах Гань-су лекарственный ремень растет от подошвы глубоких долин до предела лесной растительности, то есть приблизительно до 10 тысяч футов [свыше 3 000 м] над морским уровнем. Как исключение, он

¹ Число боковых отпрысков у старого корня иногда простирается до 25; наибольшие из них имеют у основания полтора дюйма [4 см] в диаметре, при длине около 21 дюйма [53 см].

² Впрочем, как исключение, бывают корни еще больших размеров.

³ Во время моего посещения Тянь-дзина ремень продавали здесь от 60 до 90 лан за 100 гинов; у нас стоимость ревеня простирается от 3 до 5 рублей и даже более за фунт.

встречается и выше этой границы, но всегда выбирает для себя ущелья с влажной черноземной почвой и притом почти исключительно на северных склонах гор. Только изредка это растение попадает в ущельях, обращенных к югу, и еще реже на безлесных горных скатах.

В местностях, нами исследованных, тангуты сеют ревеня в огородах возле своих жилищ; для посева они употребляют семена и молодые экземпляры, найденные в лесу. Сеять семенами можно осенью и ранней весной, но для успешного развития растения необходимо, чтобы землею был мелкий, чистый, рыхлый и притом влажный чернозем. По словам тангутов, на третий год после посева семенами, корень вырастает величиной в кулак, но настоящих размеров он достигает лишь по прошествии 8—10 и даже более лет. Тангуты сеют ревеня в весьма малом количестве, собственно для домашнего употребления, так как этим корнем они лечат не только самих себя, но даже и свой скот. Не знаю, существует ли культура ревеня в больших размерах в других частях Гань-су; впрочем, местные жители уверяли нас, что много ревеня нигде не сеют. Если это правда, то подобное явление можно объяснить лишь обилием в здешних местностях дикого ревеня.

Подобное изучение физических условий, при которых растет лекарственный ревеня, приводит меня к тому убеждению, что его культура возможна в наших пределах во многих местах, как например в Амурском крае, в Байкальских горах, на Урале и на Кавказе. Для опыта я собрал достаточно семян, которые передал в Ботанический сад [ныне Ботанический институт Академии наук СССР в Ленинграде].

Кроме гор Гань-су, лежащих к северу от озера Куку-нор, лекарственный ревеня растет, по рассказам местных жителей, в горах на южной стороне того же озера, а также в снеговых грядках к югу от Синина и в хребте Ёнграй-ула, близ истоков Желтой реки. Распространяется ли отсюда описываемое растение в соседнюю гористую область провинции Сычуань, мы не могли узнать положительно, но лекарственного ревеня нет в безлесных горах Северного Тибета. Таким образом, область распространения этого растения, по собранным нами сведениям, ограничивается альпийскими областями озера Куку-нор и верховьев Желтой реки.

Кроме лекарственного ревеня в горах Гань-су встречается еще другой вид — *Rheum spiciforme* [ревень колосистый], который растет исключительно в альпийской области, имеет тонкий ветвистый корень, иногда длиной в 4 фута [1,2 м], но на лекарство не годен¹. Вышеназванный вид растет также на Гималаях и в Тянь-шане; его сухие листья мы часто встречали зимой в пустынях Северного Тибета.

Лесная область в горах Гань-су поднимается, как сказано выше, приблизительно до 10 тысяч футов [3 050 м] над уровнем моря; далее вверх она заменяется областью альпийских кустарников и лугов. Здесь уже не видно высоких деревьев², но взамен их является сплошная масса густых кустарников, среди которых преобладают рододендроны. Последних мы нашли здесь четыре вида и, по определению ботаника Максимовича, все они оказались новыми. В особенности замечателен один вид, который поднимается могучим кустом иногда до 12 футов [3,7 м] вышины, имеет большие, кожистые, не опадающие зимой листья и пахучие белые цветы. По количе-

¹ Тангуты называют этот вид зарчиом и монголы курмэ-шара-мого.

² За исключением лишь древовидного можжевельника, который восходит на высоту до 12 тысяч футов [3 660 м].

ству этот рододендрон преобладает между своими собратьями и заходит из альпийской области довольно низко в пояс лесов.

Характерными кустарниками альпийской области, кроме рододендронов, служат: карагана — *Caragana jubata* [верблюжий хвост], та же самая, что и в Алашаньском хребте, желтый курильский чай — *Potentilla tenuifolia*, таволга — *Spiraea* sp., *S. altaica* [таволга алтайская] и верба — *Salix* sp. [ива]. Почва этих кустарных зарослей сплошь выстлана мхом — *Hypnum* sp. [гипнум], который начинает преобладать уже и в верхнем поясе лесов. В области альпийских кустарников также можно заметить, что кустарная растительность всего лучше развивается по скатам гор, обращенным к северу.

Луга альпийской области, то разбросанные небольшими площадками среди кустарников, то одевающие сплошь верхние склоны гор, представляют такое богатство и разнообразие травяной растительности, какое невозможно описать в сжатом очерке, тем более, что среди растений гор Гань-су встречается много совершенно новых видов. Характерными растениями описываемых лугов являются: различные виды мака — *Papaver*, мытника — *Pedicularis*, живокости — *Delphinium*, камнеломки — *Saxifraga*, генцианы — *Gentiana* [горечавки], лютика — *Ranunculus*, лапчатки — *Potentilla*, лука — *Allium*, сибирская астра — *Aster sibiricus*, *Erigeron* sp. [мелколепестник], *Saussurea graminifolia* [соссюрея злаковолостая], *Leontopodium alpinum* [эдельвейс], *Antennaria* sp. [кошачья лапка], *Polygonum* sp. [гречишник], *Trollius* sp. [купальница], *Parnassia* sp. [белозор], *Androsace* sp. (проломник). По скалам и между ними растут: различные виды первоцвета — *Primula*, *Draba* [крупка], хохлатки — *Corydalis*, селезеночник — *Chrysosplenium* sp., очиток — *Sedum* sp., *Isopyrum* [изопирум], *Arenaria* sp. (песчанка), а по каменистым россыпям — прикрыт *Aconitum* sp. [борец], бузульник — *Ligularia* sp., *Saussurea obvallata* [соссюрея окутанная] и другие.

Все эти травы, равно как и кустарники альпийской области, во второй половине июня являются в полном цвету, так что здешние горные скалы в это время бывают залиты то ярко желтым цветом курильского чая, то белым, красным или лиловым цветами рододендронов и *Caragana jubata*; между этими главными колерами рисуются яркие краски других цветов то в одиночку, то небольшими группами. Но не долговечна бывает здесь столь роскошная жизнь! В начале июля уже отцветают рододендроны и *Caragana*, а в первой половине августа утренние морозы делаются настолько значительны, что и травянистые породы гибнут одна за другой.

Альпийские луга роскошны, приблизительно, до высоты в 12 тысяч футов [3 660 м] над морским уровнем. Выше этого поднятия температура делается уже слишком холодна, ветры и непогоды господствуют слишком часто и не дают, как следует, развиваться даже луговой растительности. Сначала то та, то другая травка, поднимающиеся внизу на 2—3 фута [около 0,6—0,9 м] вышины, являются здесь карликами, ростом лишь в несколько дюймов, наконец — и они исчезают. Мох, лишай и кое-где прютившийся цветок разбросаны клочками на огленной почве и по каменным россыпям, лежащим у подножия скал, узенчивающих собой почти все выдающиеся вершины. Такие россыпи — продукт выветривания и разложения тех же самых скал вблизи своих родных твердынь — состоят из крупных осколков, но чем далее вниз, тем эти камни мельчают все более и более, словно разбиты рукой человека. Всесокрушающая сила времени являет здесь свою работу самым наглядным образом. Твердые горные породы не могут устоять

против атмосферных влияний, которые подтачивают частичку за частичкой и мало-помалу сокрушают гигантские скалы.

В россыпях обыкновенно зарождаются горные ключи, которые затем бегут в ущелья и долины. Вблизи своего истока струйка воды едва слышно журчит под камнями и не показывается наружу. Скатившись немного далее, она уже вьется узкой лентой, а затем, соединившись с несколькими такими же источниками, образует быстрый ручей, который, с шумом и водопадами, стремится вниз по каменному ложу.

Фауна гор Гань-су всего богаче птицами; млекопитающих мы нашли здесь 18 видов; земноводных и рыб очень мало; насекомых также немного. Такое явление, то есть бедность насекомых и почти полное отсутствие земноводных, вероятно, обуславливается неблагоприятными условиями сурового и непостоянного горного климата.

Млекопитающие, найденные нами в Гань-су в диком состоянии, принадлежат только к трем отрядам: хищных, грызунов и жвачных; даже из насекомоядных и рукокрылых мы не встретили здесь ни одного вида. Крупные животные вообще редки в горах Гань-су, потому что сильно преследуются охотниками тангутами; кроме того, при значительном населении в описываемых горах, звери не имеют возможности свободно размножаться. Впрочем, кабарга — *Moschus moschiferus* — встречается здесь очень часто; из других жвачных в горах Гань-су живут: куку-яман — *Ovis* sp., олень — *Cervus* sp. и косуля — *Cervus pygargus* [*Capreolus* sp.]. Эта последняя, найденная нами на Муни-ула, вовсе не встречается в промежуточном Алашаньском хребте¹.

Между грызунами особого внимания заслуживают сурки — *Arctomys robustus* [тибетский сурок — *Marmota himalayana*], везде встречающиеся в горах до высоты более 12 тысяч футов [3 660 м]². Маленькая пищуха — *Zagomys thibetanus* [пищуха тибетская — *Ochotona tibetana*] в громадном количестве населяет более открытые местности, тогда как другой вид этого рода живет исключительно, и притом в небольшом числе, в скалах и россыпях верхнего пояса альпийской области. Слепыши — *Siphneus* sp.³, — также весьма многочисленны по открытым долинам и луговым скатам нижнего пояса гор. Здесь же часто встречается маленькая полевка — *Arvicola* sp. [*Microtus* sp.?], в небольшом числе заяц — *Lepus* sp., а в горных лесах изредка попадает летяга — *Pteromys* sp., отличная от сибирской.

Вот и все представители отрядов жвачных и грызунов; остаются теперь хищные. Среди этих последних из кошачьего семейства в горах Гань-су живет одна дикая кошка — *Felis* sp., но тигров и барсов вовсе нет. Далее в небольшом числе здесь обитает один вид медведя — *Ursus* sp., а затем — хорек — *Mustela* sp., барсук — *Meles* sp., лисица — *Canis vulpes* [*Vulpes* v.] и два вида волка: один обыкновенный — *Canis lupus*, а другой меньше его ростом и красноватого цвета⁴ [видимо красный волк].

Гораздо более, нежели млекопитающими, горы Гань-су обильны птицами, которых мы нашли здесь 106 оседлых, или гнездящихся, и 18

¹ К сожалению, мы не убили в горах Гань-су ни одной косули, чтобы решить, наверное, составляет ли здешнее животное вид *Cervus pygargus*, общий Северо-восточной Азии.

² В Северном Тибете мы видали норы сурков на высоте 15 тысяч футов над уровнем моря [4 570 м].

³ [Повидимому, имеется в виду либо цохор — *Myospalax*, либо слепушонка — *Ellobius*].

⁴ Этого волка нам не удалось видеть, но местные жители знают его хорошо.

пролетных видов. Первая цифра довольно значительна, если принять во внимание, что она почти вся падает только на пять отрядов: хищных, кричащих, певчих, голубиных и куриных; из водяных и голенастых в горах Гань-су гнездится только один вид. Затем и вышеупомянутые 5 отрядов распределены крайне неравномерно: громадный перевес над всеми остальными стоит на стороне певчих птиц; далее следуют хищные, куриные, кричащие и голубиные¹.

Сравнивая список птиц Гань-су с таковым же списком пернатых видов, свойственных Монголии, можно видеть, что эти страны, несмотря на свое близкое соседство, характеризуются различными орнитологическими фаунами. Такое явление, подобно тому, как и в области растений, обуславливается, конечно, крайней противоположностью физических: условий той и другой страны. Не вдаваясь в подробности, скажу здесь только, что в Гань-су мы нашли 43 новых, против Монголии, видов птиц. Это число еще более увеличится, если из списка монгольских видов исключить встреченные на горах Муни-ула и Алашаньских. В общем, среди птиц Гань-су встречаются представители сибирской, китайской, гималайской и тянь-шаньской фауны.

Из отряда хищных здесь на первом плане являются грифы трех видов: снежный — *Gyps nivicola* [*G. fulvus*], черный — *Vultur monachus* [*Aegyptius m.*] и ягнятник — *Gypaetos barbatus*; последний, как известно, водится и в Европе, а два первые исключительно свойственны Азии. В особенности замечателен снежный гриф, могучая птица чалого цвета, до 10 футов [3 м] в размахе крыльев. Других хищников в горах Гань-су вообще немного, но грифы обитают здесь в таком количестве, какого нам нигде не привелось более видеть.

В отряде кричащих нет особенно замечательных видов. Стрижи — *Cypselus leucoruga* [белозадый стриж — *Apus pacificus*], во множестве гнездятся по скалам нижнего пояса гор, а в лесах кукуют кукушки — *Cuculus sp.*, и стучат дятлы — *Picus sp.*, *Picus martius* [дятел-желна — *Dryocopus m.*]. Замечательно, что японский козодой — *Caprimulgus jotaca* [большой козодой — *C. indica*], столь распространенный во всей Восточной Азии, уже не встречается западнее Муни-ула, так что его нет ни в Алашаньском хребте, ни в горах Гань-су.

Далее следует самый обильный видами отряд певчих птиц, которыми богата как лесная, так и альпийская области описываемых гор. Из наиболее характерных пород горным лесам свойственны: большая белоголовая горихвостка — *Phoenicurus leucoscephala*, которая держится

¹ Следующая табличка нагляднее покажет распределение птиц Гань-су по отрядам:

	Гнездящиеся и оседлые	Пролетные	Всего
1) Хищные (Rapaces)	12	2	14
2) Кричащие (Scansores)	7	0	7
3) Певчие (Oscines)	74	5	79
4) Голубиные (Columbae)	3	0	3
5) Куриные (Gallinaceae)	9	0	9
6) Голенастые (Grallatores)	1	7	8
7) Водяные (Nataortes)	0	4	4
	106	18	124

При специальной обработке орнитологического отдела моего путешествия эти цифры могут, конечно, незначительно измениться; теперь они показаны так, как записаны на месте [эта приведенная классификация птиц, давно устаревшая, ныне сильно переработана].

исключительно по берегам горных ручьев вместе с проворной оляпкой — *Cinclus caschmiriensis* [*C. cinclus*], камчатский соловей — *Calliope kamtschatkensis* [соловей-красношейка — *Luscinia calliope*], маленький снигирь — *Pyrhula* sp. с оранжевой грудью, красный снигирь — *Pyrhula erythrina* [*P. pyrrhula*], красивый вьюрок — *Carpodacus* sp., крошечный королек — *Troglodytes nipalensis* [крапивник], несколько видов *Phylloperuste* [пеночка], голубая сорока — *Pica cyana* [*Cyanapica c.*]. Близко сродные дроздам *Pterorhinus davidii* и *Trochalopteron* sp. [тимелия] оживляют своими голосами густые кустарные заросли по берегам горных ручьев; в особенности замечательны два последние вида своим подвижным характером и превосходным звонким свистом.

Высокому лесу свойственны три вида дроздов — *Turdus* sp., из которых два, кажется, будут новыми; все они превосходные певуны; четыре вида синиц — *Parus* sp., завирушка — *Accentor multistriatus* [*Prunella tephriatus*] и большой дубонос — *Hesperiphona speculigera* [*Mycerobas carnipes*] [арчевый дубонос]. Последний впрочем держится исключительно по можжевельным деревьям, ягодами которых он и питается.

В альпийской области мы встречаем: краснокрылого стенолаза — *Tichodroma muraria*, который беспрестанно лазит и норхает по скалам. Здесь же живут: большой — *Carpodacus* sp. [чечевица] — отличный певун, два вида альпийской клушицы — *Fregilus alpinus*, *F. graculus* [клушица — *Pyrhocorax pyrrhocorax*, альпийская галка — *P. graculus*], ласточка — *Chelidon* sp., бархатно-голубой каменный дрозд — *Grandala coelicolor*, горная шеврица — *Anthus rosaceus*, и два вида завирушки — *Accentor nipalensis* [*Prunella n.*], *A. rubeculoides*, из которых первая великая мастерица пения. Несколько ниже в кустарниках держатся: красивая металлически-фиолетового цвета синичка — *Leptopoeile sophiae*, красновато-розовый — *Carpodacus rubicilla* [большая чечевица — *Erythrina r.*], *Calliope pectoralis* [черногрудая красношейка — *Luscinia p.*], *Schoenicolas p.* [овсянка] с длинным розовым хвостом, а в более открытых долинах — чечетка *Linota brevirostris* [*Acanthis flavirostris*], *Montifringilla adamsi* [вьюрок Адамса] и *Montifringilla* sp.

Из голубиных и куриных альпийской области принадлежат: каменный голубь — *Columba rupestris*, обыкновенный и в нижнем поясе гор; другой вид горного голубя — осторожный — *Columba leucoconota* [белогрудый голубь] держится в самых диких и неприступных скалах верхнего пояса гор. Здесь же, на каменных россыпях, обитает большая, неугомонно-крикливая скалистая куропатка — *Megaloperdix tibetanus* [тибетский улар — *Tetraogallus tibetanus*], называемая тангутами кунмо, а монголами — хайлык [хойлик]. Рядом с ней, в зарослях рододендронов и караганы, живет кундык — *Tetraophasis obscurus* и куропатка — *Perdix* sp., отличная от монгольской. Пониже, в лесной области, представителями куриных служат: новый вид рябчика — *Bonasia* sp. [*Tetrastes sewerrowi*], больше нашего величиной и темного цвета, редкий — *Itagines geoffroyi*, фазан — *Phasianus elegans* [*P. straushi*] и другой его собрат, уже встреченный в Алашаньском хребте, ушастый фазан — *Crossoptilon auritum* — великолепная птица свинцово-голубого цвета.

Из водяных птиц в горной области Гань-су не гнездится ни одного вида, да и пролетные бывают как редкость, а из голенастых здесь обитает только один кулик — *Ibidorhyncha struthersii* [серпоклюв], который держится по горным речкам, изобилующим галькой.

Отправившись из Чейбсена обратно в горы, окрестные кумирне Чертынтон, мы вели здесь свои исследования, передвигаясь с места на место

и выбирая наиболее благоприятные пункты, в которых останавливались столько времени, сколько это нужно было для научных работ. Ежедневные дожди и чрезвычайная сырость служили нам все время великой помехой, так как ни растения, ни чучела птиц не просыхали как следует; только урывками могли мы пользоваться ясной погодой и сушили в это время собранные коллекции. В альпийской области гор к постоянным дождям часто присоединялся снег и ночные морозы; притом же теперь почти все птицы находились в сильном линянии, так что из десяти убитых экземпляров иногда только один или два годились для препарирования. Но зато растения, по крайней мере в июле, были в полном цвету и доставили нам 324 вида, в числе 3 тысяч экземпляров; между тем птиц мы собрали не более 200 штук. Насекомых было очень мало не только в альпийской области, но даже и в нижнем поясе гор. Правда, это отзывалось весьма невыгодно на нашей энтомологической коллекции, но зато, в похвалу горам Гань-су, следует сказать, что здесь нет вовсе ни комаров ни мошек. Я лично мог вполне оценить такую благодать, испытав великие муки от этих кровопийц во время своих странствований по лесам Амура.

Охотой на крупных зверей мы почти не занимались, так как их в горах вообще мало, да притом мы не имели для этого времени, будучи заняты исключительно собиранием коллекций. За все время пребывания в горах я убил только двух куку-яманов, так что для продовольствия мы купили у тангутов двух небольших яков.

Всего несноснее было то время, когда дождь лил, не переставая, по несколько суток. Тогда мы принуждены были сидеть сложа руки в мокрой палатке, не видя даже окрестных гор, так как облака обыкновенно покрывали весь альпийский пояс. Случалось, что мы попадали в середину грозовой тучи, так что молния сверкала справа, слева и ниже нас. Мокрота и сырость в нашей палатке стояли невообразимые¹; оружие чистилось каждый день, а патроны на штуцер Снейдера так отсырели, что давали на половину осечки. Только в самом нижнем поясе гор и в долине Тэтунг-гола мы находили лучшую погоду; здесь изредка выпадали даже жаркие дни. Однако вода в горных речках и в самом Тэтунге была настолько холодна, что мы ни разу не купались в течение целого лета.

Первоначально мы провели несколько дней в южной окраине Южного хребта, а затем, перевалив через этот хребет, устроили свою стоянку вблизи горы Соди-соруксум, которая считается высшей точкой этой части гор. Пользуясь ясной погодой, я отправился на вершину Соди-соруксума, чтобы определить ее высоту точкой кипения воды. Поднявшись тысячи на 3 футов [приблизительно 900 м] выше нашей стоянки, я взобрался на желанную вершину, откуда передо мной раскрылась дивная панорама. Долина Тэтунга, узкие ущелья, прихотливо сбегавшие к ней со всех сторон, Северный хребет и его снеговые вершины далеко на западе — все это явилось в такой чудной картине, какую невозможно передать словами. Я первый раз в жизни находился на подобной высоте, впервые видел под своими ногами гигантские горы, то изборозжденные дикими скалами, то оттененные мягкой зеленью лесов, по которым блестящими лентами извивались горные речки. Сила впечатления была так велика, что я долго не мог оторваться от чудного зрелища, долго стоял, словно очарованный, и сохранил в памяти этот день как один из счастливейших в целой жизни.

¹ Сырость была так велика, что мы купили у тангутов ручной раздувательный мех, без которого нельзя было развести огня; такие меха во всем употреблении у жителей горной области Гань-су.

Но, торопясь сборами в палатке, я позабыл взять с собой зажигательные спички¹ и никак не мог добыть огня выстрелами из штуцера, так что должен был отложить свое измерение до другого раза. Через день я опять взошел на Соди-соруксум, на этот раз уже со всеми принадлежностями для кипячения. «Ну, гора, сейчас твоя тайна будет открыта», сказал я, устроив свой кипятильник, — и через несколько минут знал, что Соди-соруксум подымается на 13 600 футов [4 145 м] над уровнем моря. Однако такая высота еще не захватывает здесь снеговой линии, и я видел маленькие кусочки льдистого снега лишь под скалами, в местах, укрытых от солнечных лучей.

Проведя июль в горах по южную сторону Тэтунг-гола, мы перешли в первых числа августа в Северный хребет и поставили свою палатку на высоте 12 тысяч футов [3 660 м] у подножия исполинской вершины горы Гаджур. Здесь мы пробыли около двух недель; все это время дожди шли почти не переставая, а 7 и 9 августа были такие метели, что земля совершенно покрылась снегом и местами намело порядочные сугробы. Понятно, что при таких условиях научная добыча не могла быть велика. Притом же время цветения не только альпийской, но и вообще горной флоры становилось уже на исходе, так что из общего числа растений, добытых нами в течение лета, на весь август приходится только 40 видов.

Вершина Гаджура состоит из громадных недоступных скал, внутри которых лежит небольшое озерко Демчук². Оно имеет сажен 100 длины и около 35 ширины [213 × 75 м]; доступ сюда возможен только с одной стороны сквозь узкое воротообразное ущелье. Само озерко считается у тангутов святым, так что здесь часто совершаются моления как простыми верующими, так и ламами из кумирни Чертынтон. Настоятель этой последней, наш приятель гыген, прожил в пещере на берегу Демчука целых семь лет и уверяет, что видел однажды, как со дна озера поднялась большая сивая корова, поплавала несколько времени на поверхности воды и снова опустилась в глубину. С тех пор озеро приобрело еще большее почитание от всего местного тангутского населения.

Абсолютная высота Демчука 13 100 футов [3 990 м], и положение этого озерка действительно замечательно. Узкая ложбина, тихие, светлые воды, со всех сторон громаднейшие скалы, сквозь которые едва виднеется небольшая полоса неба, наконец могильная тишина, лишь изредка нарушаемая стуком обвалившегося камня, — все это особенным, торжественным образом настраивает душу человека. По крайней мере я провел здесь под таким впечатлением более часа и уходя верил в возможность для неразвитого ума облечь в таинственную святость этот тихий уголок.

Другое подобное озерко, по имени Косин, также образованное горными ключами, я видел близ вершины Соди-соруксума, но там оно лежит на открытой площади, а не в такой таинственной обстановке, как на Гаджуре. Впрочем и Косин считается святым с тех пор, как однажды дух (злой или добрый, не знаю) выгнал отсюда охотника-тангута, бросившись на него в виде сивого яка³; вследствие этого охота на Соди-соруксуме, равно как и на других святых горах (амнэ), строго запрещена.

¹ Замечательно, что эти спички венской фабрикации продаются китайцами даже в алашаньском городе Дынь-юань-ине, куда они попадают через Пекин.

² Собственно здесь два озерка, но первое гораздо менее Демчука и лежит немного ниже его.

³ Замечательно, что в сказочных преданиях тангутов, как и у нас, играют роли «сивые» коровы, яки и прочее.

Еще одно тангутское предание про Гаджур гласит, что эта гора прислана сюда каким-то далай-ламой из Тибета на показ местным жителям, какие громады имеются в святой стране.

Недоступные скалы Гаджура, состоящие из фельзита, известняка и глинистого сланца, поднимаются над уровнем озера Демчук приблизительно (на-глаз) футов на 1 000 [около 300 м], так что эта гора немного выше Соди-соруксума. Однако и здесь, только в ущельях северной стороны, укрытых от солнца, я видел небольшие пласты¹ льдистого снега, не растаивающего во время лета.

В горах по южную сторону Тэтунг-гола тангутское население довольно значительно, хотя оно и разбросано здесь спорадически, соображаясь с тем, какие местности более или менее подвергаются набегам дунганских отрядов. Вблизи кумирни Чертынтон, как упомянуто выше, тангуты сгруппировались всего более², но зато далее, в Северном хребте, как, например возле Гаджура, не было уже решительно ни души. Здесь часто встречались партии дунган, отправлявшиеся из города Тэтунг³ в восточную часть Гань-су. Страх перед ними был так велик, что наш монгол, нанятый в Чейбсене, ни за что не хотел идти на Гаджур, отговариваясь незнанием местности. Он успокоился лишь тогда, когда мы наняли в проводники еще одного тангута, близко знакомого со всеми здешними горами. Оба они, монгол и тангут, переговорили о чем-то потангутски и согласились идти. Мне кажется, что наши проводники наперед условились между собой дать вместе тягу, если на нас нападут дунгане. Впрочем подобное решение для нас имело мало значения, так как мы и без того не могли рассчитывать на вооруженное содействие своих вожатых. Несравненно важнее были разнесшиеся слухи о нашем удивительном искусстве стрелять и о необыкновенных ружьях; наконец, везде охотно верили тому, что я колдун или святой, знающий обо всем наперед, и что меня не может убить пуля. Такое мнение тангуты не раз высказывали нам в глаза, и я, пользуясь случаем, приказал своим казакам передавать, будто по секрету, что это действительно правда. Тем не менее мы постоянно были настороже и поочередно караулили ночью в опасных местах. Все сношения с местными жителями прекращались с наступлением сумерек во избежание того случая, что под видом друзей к нам могут притти ночью и враги. Однако последние не явились ни разу, хотя во время нашего пребывания на Гаджуре вблизи этой горы прошло несколько партий дунган, по всему вероятно знавших о нашем местожительстве.

Со второй половины августа растительная и животная жизнь в горах начала замирать очень быстро, так что к концу этого месяца здесь наступила совершенная осень. На деревьях везде показались желтые листья, а поспевшие кисти красной или белой рябины, и в особенности барбариса, украшали собой кустарные заросли ущелий. В альпийской области гор в это время трава уже почти совсем посохла, и только кое-где можно было встретить запоздавший цветок. Веселые птички исчезали отсюда одна за другой; они летели на юг или спускались в более теплый и более обильный пищей нижний пояс гор.

¹ 100—150 футов длины, 10—15 ширины и 2—4 фута толщины [30—46; 3—4,6; 0,6—1,2 м].

² Верстах в 12 ниже кумирни Чертынтон, по долине Тэтунга, живут китайцы, занимающиеся земледелием; местность эта уцелела от дунганского разорения.

³ Этот город лежит на реке Тэтунг-гол, верстах в 100 выше кумирни Чертынтон [на современных картах — Датун].

Научная добыча стала слишком незначительна, а потому мы решили вернуться в Чейбсен и попытаться пробраться отсюда на озеро Куку-нор. По пути мы захватили своих верблюдов, которые паслись возле кумирни Чертынтон и сильно исхудали в течение лета на непривычном для них корме. Кроме того, от постоянной сырости у всех верблюдов открылся кашель, а на теле начали появляться какие-то гнойные струпья. Словом, наши животные испортились настолько, что едва-едва годились хотя бы на непродолжительный путь.

1 сентября мы явились в Чейбсен, где в наше отсутствие нападения дунган усилились до крайней степени. Пешие, почти безоружные милиционеры, защищающие кумирню и собранные теперь здесь в числе до 2 тысяч человек, ничего не могли сделать конным повстанцам. Эти последние подъезжали к самой стене Чейбсена и, зная, что нас там нет, кричали: «Где же ваши защитники русские с своими хорошими ружьями? Мы пришли драться с ними». В ответ на это милиционеры посылали иногда выстрелы, но пули фитильных ружей не попадали в цель. Наши приятели-донеры, бывшие главными распорядителями в кумирне, ждали нашего возвращения как манны небесной и, смешно даже сказать, прислали к нам в горы просить поскорее притти в Чейбсен, защищать его от дунган. Ну,—думали мы, когда возвратились из гор,—теперь нам наверное придется встретиться с инсургентами, среди которых в особенности отличался один богатырь, заколдованный от смерти, по уверению чейбсенских воинов. Мы просили их рассказать приметы этого богатыря, всегда ездившего на пегой лошади, и решили прежде других угостить именно его пулями Снейдера и Бердана.

Тем не менее положение наше было очень опасное, так как мы не могли поместиться теперь с своими верблюдами в кумирне, битком набитой народом, но должны были разбить палатку в одной версте отсюда на открытой луговой равнине. Здесь мы прежде всего организовали защиту на случай нападения. Все ящики с коллекциями, сумы с различными пожитками и запасами, равно как верблюжьи седла, были сложены квадратом, так что образовали каре, внутри которого должны были мы помещаться при появлении повстанцев. Здесь стояли наши штуцера с примкнутыми штыками и кучами патронов, а возле них лежало десять револьверов. На ночь все верблюды укладывались и привязывались вокруг нашего импровизированного укрепления и своими неуклюжими телами еще более загромождали подступ, в особенности верховым людям. Наконец, чтобы не пускать пуль даром, мы отмерили во все стороны расстояния и заметили их кучами камней.

Наступила первая ночь. Все заперлось в кумирне, а мы остались одни-одинешеньки, лицом к лицу с инсургентами, которые могли явиться сотнями, даже тысячами, и задавить нас числом. Погода была ясная, и мы долго сидели при свете луны, рассуждая о прошлом, о далекой родине, о родных и друзьях, так давно покинутых. Около полуночи трое из нас легли спать, не раздеваясь, а один остался на карауле, который мы держали поочередно до утра. Совершенно спокойно прошел и следующий день. Дунгане канули, словно в воду; не показывался даже и заколдованный богатырь. На третьи сутки повторилось то же самое, так что ободренные обитатели Чейбсена пригнали из кумирни свое стадо и начали пасти его возле нашей палатки. Шесть суток простояли мы у Чейбсена и далеко не нарочно подвергали себя подобной опасности: своей рискованной стоянкой мы покупали возможность пробраться на озеро Куку-нор.

Прямой путь к последнему от Чейбсена лежит на города Сэн-гуань¹ и Донкыр, направляясь через которые, можно достигнуть берегов озера в пять суток. Но так как Сэн-гуань в это время был занят дунганами, то нам, конечно, нечего было и думать пройти по этой дороге. Нужно было поискать другого пути, и он действительно нашелся благодаря нашему великому счастью. На третий день нашей стоянки возле Чейбсена сюда пришли с верховьев Тэтунга, из хошуна Мур-засак, три монгола, которые, пробираясь ночью по горным тропинкам, пригнали на продажу стадо баранов. Через несколько времени эти монголы должны были возвращаться обратно и могли служить для нас превосходными проводниками, — нужно только было уговорить их взяться за это дело. Для вящего успеха я обратился к своему приятелю чейбсенскому дониру и сделал ему хороший подарок. Подкупленный этим, донир уговорил пришедших монголов провести нас в их хошун, то есть в Мур-засак, с платой 30 лан за расстояние, не превышающее 135 верст.

Главное препятствие, ставившее втупик наших будущих вожатых, заключалось в том, что мы с своими вьючными верблюдами не имели возможности идти ночью по горным тропинкам; следуя же днем, очень легко могли встретить дунган, которые постоянно ездят через горы из Сэн-гуаня в город Тэтунг. Вот тут-то и помогла нам рискованная стоянка возле Чейбсена. «С этим людьми вы не бойтесь дунган, — говорил донир вожатым монголам, — посмотрите, мы с двумя тысячами человек запираемся в своей кумирне, а они вчетвером стоят в поле, и никто не смеет их тронуть. Подумайте сами: разве простые люди могут это сделать? Нет, русские наперед все знают, и их начальник непременно великий колдун или великий святой». Такая аргументация, приложенная к соблазнительной цифре 30 лан, окончательно победила нерешительность мурзасакских монголов. Они объявили, что готовы вести нас, но только просят погадать при них же о том, в какой день лучше отправиться в путь. Мне кстати нужно было сделать определение широты Чейбсена, и я достал свой универсальный инструмент, которым определил высоту солнца, а потом сделал магнитное наблюдение. Наши будущие спутники смотрели на все это с вытаращенными глазами, а затем принялись гадать по-своему.

Когда наблюдения были окончены, я объявил, что отправлением в путь следует обождать. Такая отсрочка для нас была необходима для того, чтобы свезти все коллекции в кумирню Чертынтон и оставить их там на хранение с большей безопасностью, нежели в Чейбсене, который могли взять дунганы. По гаданию монголов также выходило, что следует не торопиться выходом, и кроме того необходимо было дать подмерзнуть горным болотам. Посоветовавшись, мы решили назначить свое выступление на 23 сентября, а до тех пор хранить все это в тайне. Получив в задаток 10 лан, наши вожатые ушли в Чейбсен, а мы, не желая более торчать под носом у дунган, отправились обратно в горы и расположились в южной окраине Южного хребта. Отсюда мой товарищ съездил в кумирню Чертынтон и сдал тамошнему гыгену на хранение ящики с коллекциями, которые невозможно было тащить с собой на Куку-нор.

12-дневная наша стоянка в Южном хребте прошла почти даром для научных исследований, так как лесов на южном склоне этих гор нет вовсе, а альпийская область теперь совсем опустела и многие горные вершины

¹ У местных жителей этот город известен более под монгольским именем «Му-байшинга» [город плохих домов].

уже покрылись снегом. Притом дожди и метели продолжались попрежнему почти каждый день. Валовой пролет мелких пташек происходил всю первую половину сентября, а 16 числа этого месяца множество журавлей, чуть видно в облаках, тянулись к югу.

Между тем под Синином начались военные действия против дунган со стороны китайских войск, которые в числе 25 тысяч пришли в июле нынешнего года в Гань-су и расположились в городах Ним-би [Нянь-бо] и Уямбу. В следующей главе я расскажу о «доблестных» подвигах китайцев под Синином, теперь же упомяну только, что ради продовольствия этих войск везде было запрещено продавать съестные продукты, и мы с большим трудом при пособии чейбсенского донира могли сделать необходимые запасы продовольствия. А между тем нужно было закупить провианта на целую зиму, так как на Куку-норе, по общему уверению, нельзя достать решительно ничего¹. Впрочем наши запасы, при крайней ограниченности в деньгах, не могли быть особенно разнообразны; притом достать можно было только дзамбу да плохую пшеничную муку. Той и другой мы купили около 20 пудов [328 кг]; кроме того у нас еще оставалось почти 4 пуда [65 кг] риса и проса, привезенных из Ала-шаня. Все эти запасы составляли вьюк на четырех верблюдов. За несколько дней до нашего выхода на Куку-нор тангутский караван, пришедший с нами в Чейбсен, вновь отправился в Пекин. Пользуясь этим случаем, мы послали с ним письма и официальные донесения. В них я уведомлял, что отправляюсь на Куку-нор и, быть может, попаду туда, но что пройти отсюда до Лассы в Тибете нам невозможно по неимению денег⁽¹⁰⁰⁾.

Наконец наступил желанный день нашего отправления, и 23 сентября, после полудня, мы вышли из Чейбсена. Как сказано выше, путь наш должен был лежать по горным тропинкам, лежащим в середине между двумя дунганскими городами: Сэн-гуань и Тэтунг². Исхудалым и полубольным верблюдам путь по горам был слишком труден, а потому мы разложили свою кладь на всех вьючных животных, да кроме того взяли одного мула из числа приобретенных для летних экскурсий³.

Первый небольшой переход прошел благополучно. но на другой день утром, недалеко от кумирни Алтын, случилась история. Проводники заранее говорили нам, что здесь опасно, так как китайские солдаты караулят тропинку и грабят всех проходящих, будь то свои или дунгане. На это мы отвечали, что для нас решительно все равно, кто бы ни были нападающие грабители, и что мы встретим пулями китайцев так же, как и дунган. Действительно, лишь только мы показались в виду кумирни Алтын, как из лоцины, в расстоянии версты от нас, выскочили человек 30 конных, которые сделали несколько выстрелов на воздух и с криком бросились к нашему каравану. Когда всадники подскакали шагов на 500, я приказал своим проводникам махать им и кричать, что мы не дунгане, но русские, и что если на нас сделают нападение, то мы станем сами стрелять. Вероятно не расслышав таких вразумлений, китайцы продолжали скакать и приблизились шагов на 200, так что мы чуть-чуть не открыли пальбу. К счастью дело уладилось благополучно. Видя, что мы стоим с ружьями в руках и не пугаемся криков, китайцы остановились, слезли

¹ Впоследствии это оказалось вздором, и мы покупали дзамбу в ставке кукунорского вана.

² Расстояние между этими городами около 70 верст [75 км].

³ Остальных трех мулов мы продали.

с лошадей и пришли к нам, уверяя, что они ошиблись, приняв нас за дунган. Конечно, это была одна отговорка, так как дунгане никогда не ездят на верблюдах; китайские солдаты имели в виду ограбить наш караван в случае, если бы мы струсили их криков и убежали от своих вьючных животных. Через несколько верст повторилась та же самая история от другой партии, засевшей на тропинке, но и здесь китайцы ушли, ничем не поживившись.

На третий день пути предстоял самый опасный переход через две большие дунганские дороги из Сэн-гуаня в город Тэтунг. Первую из этих дорог мы минули благополучно, но с вершины перевала, ведущего на другой путь, мы увидели в расстоянии двух верст от себя кучу конных дунган, быть может, человек около сотни. Впереди их гнали большое стадо баранов, и эти кавалеристы были, по всему вероятно, конвой. Заметив наш караван, конные сделали несколько выстрелов и столпились при выходе из ущелья, по которому мы шли. Нужно было видеть, что делалось в это время с нашими проводниками. Полумертвые от страха, они дрожащим голосом читали молитвы и умоляли нас уходить обратно в Чейбсен; но мы хорошо знали, что отступление только ободрит дунган, которые на лошадях все-таки легко могут догнать наш караван, и потому решили идти на пролом. Маленькой кучкой из четырех человек, со штуцерами в руках, с револьверами за поясом, двинулись мы впереди наших верблюдов, которых вели проводники-монголы, чуть было не убежавшие при нашем решении идти вперед. Однако, когда я объявил, что в случае бегства мы будем стрелять в них прежде, чем в дунган, то наши сотоварищи волей-неволей должны были следовать за нами. Положение наше действительно было весьма опасным, но иного исхода не предстояло, — вся наша надежда заключалась в превосходном вооружении, незнакомом дунганам.

Расчет оказался верен. Видя, что мы идем вперед, дунгане сделали еще несколько выстрелов и, наконец, подпустив нас не ближе как на версту (так что мы еще не начали стрелять из штуцеров), бросились на уход в обе стороны большой поперечной дороги. Тогда мы свободно вышли из ущелья, перешли большую дорогу и стали подниматься на следующий очень крутой и высокий перевал. К довершению трудностей, наступил вечер, и поднялась сильнейшая метель, так что наши верблюды едва-едва могли взобраться по тропинке. Спуск был еще хуже, сделалось совершенно темно, и мы ощупью полезли вниз, беспрестанно спотыкаясь и падая. Наконец, после часа подобной ходьбы мы остановились в таком узком ущелье и густых кустарниках, что едва нашли место для палатки и только после больших усилий могли развести огонь, чтобы отогреть на нем окоченевшие члены.

Следующие пять дней пути прошли без всяких приключений, и мы благополучно достигли ставки Мур-засака, который имел свое местопребывание на берегу Тэтунг-гола, всего в 12 верстах [13 км] от дунганского города Ю-нань-чень¹. Тем не менее начальник этого монгольского засака, принадлежащего в административном отношении уже к Куку-нору, жил постоянно в великой дружбе с дунганями, которые покупали у него скот и привозили на продажу свои товары.

Благодаря письму чейбсенского донира к Мур-засаку, в котором он отрекомендовал меня чуть ли не родственником самого богдохана, мы

¹ Монгольское название этого города — Шадын-хого.

получили двух проводников до следующего тангутского стойбища, почти на самых верховьях Тэтунга. Конечно, при этом не обошлось без подарков самому Мур-засаку; проводникам же я платил теперь каждому по два цина в сутки и давал продовольствие.

Дорога от Мур-засака к тангутской стоянке все время шла по левой стороне Тэтунга и была гораздо лучше той, которую мы имели от Чейбсена. Путь наш затруднялся только каждодневным снегом, растаивавшим на солнце и разводящим сильную грязь, в которой беспрестанно падали наши чуть живые верблюды. К удивлению, тангутский зангин, до которого от Мур-засака было 55 верст [59 км], оказался очень хорошим, услужливым человеком и, получив от нас в подарок 5 аршин плису [3,6 м] да 1 000 иголок, прислал в ответ барана и фунтов 10 [4 кг] сарлочьего масла. У тангутов мы пробыли сутки; получив затем новых проводников, мы оставили долину Тэтунга¹ и повернули на юг, прямо к озеру Куку-нор.

Пройденный нами бассейн верхнего течения Тэтунг-гола несет вполне гористый характер, большей частью такой же дикий, как и возле кумирни Чертынтон. Как там, так и здесь два главных хребта — один с севера, другой с юга — сопровождают течение описываемой реки, пуская от себя боковые отроги, которые в Южном хребте служат разделом притоков самого Тэтунга и других речек, текущих то в Силин-гол², то в Куку-нор. Самая большая из этих речек, встреченная нами на пути, была Бугук-гол; она составляет приток Силин-гола и течет в превосходной, чрезвычайно живописной долине. На левой стороне Тэтунга Северный хребет вблизи города Ю-нань-чень круто поворачивает к северу, к истокам реки Эцзинэ. В то же время эти горы делаются еще выше, скалистее и выдвигают из себя вечноснежную вершину Конкыр, одну из священных гор тангутской земли.

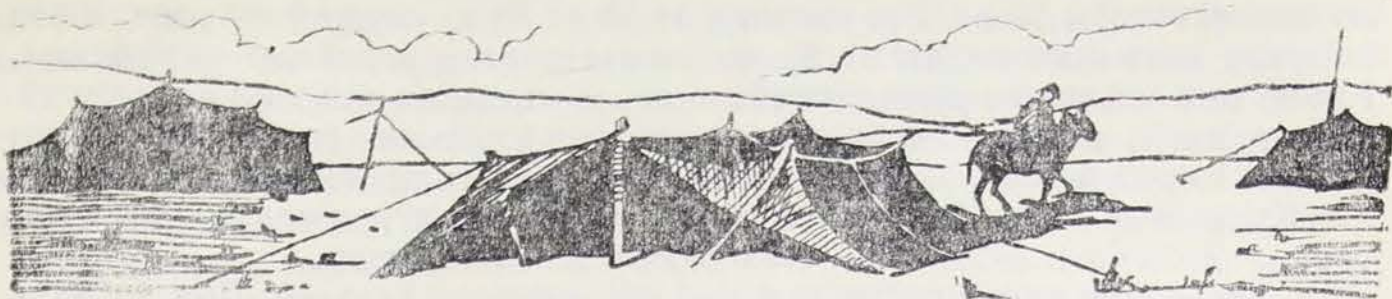
Южный хребет, в пространстве от Чейбсена до Мур-засака, везде покрыт на своих северных склонах кустарниками, к которым в долине Бугук-гола присоединяется в небольшом количестве еловый лес; скаты же, обращенные на юг, попрежнему представляют превосходные пастбища. Далее, за Мур-засаком, к верховьям Тэтунга, и в особенности за невысоким перевалом через водораздел между бассейном этой реки и Куку-нором, характер гор изменяется: они мельчают в своих размерах (за исключением лишь главного хребта), мало имеют скал, везде представляют пологие скаты, обыкновенно занятые кочковатыми болотами, которые преобладают везде и по долинам. Кустарники совсем исчезают, за исключением лишь желтого курильского чая, местами сплошь покрывающего большие площади. Словом, все возвещает близость степей Куку-нора, в равнину которого мы вышли 12 октября, а через день разбили свою палатку на самом берегу озера.

Мечта моей жизни исполнилась. Заветная цель экспедиции была достигнута. То, о чем недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже в осуществленный факт. Правда, такой успех был куплен ценой многих тяжелых испытаний, но теперь все пережитые невзгоды были забыты, и в полном восторге стояли мы с товарищем на берегу великого озера, любуясь на его чудные, темно-голубые волны...

¹ Отсюда до истоков Тэтунга, по словам тангутов, не более 60—70 верст [65—75 км].

² Силин-гол [Силин-хэ, китайское—Шихэ] составляет один из правых притоков верхнего течения Желтой реки; на нем лежит большой город Синин [тибетское Зилин].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТАНГУТЫ И ДУНГАНЕ

Наружность, язык, одежда и жилище тангутов. — Их занятия, пища и характер. — Магометанское восстание в Западном Китае. — Действия инсургентов в Гань-су. — Меры китайцев. — Деморализация китайских войск. — Взятие ими города Сицина.

Тангуты, или, как их называют китайцы, си-фань, одноплеменные тибетцам¹ (101). Они занимают гористую область Гань-су, Куку-нор, восточную часть Цайдама, но всего более бассейн верхнего течения Хуан-хэ, распространяясь отсюда к югу до Голубой реки, а может быть и далее. За исключением Куку-нора и Цайдама вышеназванные местности у тангутов носят общее имя Амдо и считаются их территорией, хотя описываемое племя живет большей частью смешанно с китайцами и отчасти с монголами.

По своему наружному типу тангуты резко отличаются как от тех, так и от других, но, как упомянуто в предыдущей главе, отчасти напоминают цыган. Общий рост их средний, частью даже большой, сложение коренастое, плечи широкие. Волосы, брови, усы и борода у всех, без исключения, черные; глаза черные, обыкновенно большие или средней величины, но не узко-прорезанные, как у монголов. Нос прямой, иногда (не особенно редко) орлиный или вздернутый кверху; губы большие и довольно часто отвороченные. Скулы хотя отчасти и выдаются, но не резко, как у монголов; лицо вообще продолговатое, но не плоское; череп круглый; зубы отличные, белые. Общий цвет кожи и лица смуглый, у женщин иногда матовый; кроме того женщины вообще меньше ростом, нежели мужчины.

В противоположность монголам и китайцам у тангутов сильно растут усы и борода, но они всегда их бреют. Волосы на голове также бреют, оставляя косу на затылке; ламы же, как и у монголов, бреют всю голову.

¹ Предки нынешних тибетцев были тангуты, пришедшие в Тибет из Куку-нора в IV веке до Р. Х. [нашей эры]. Иакинф. Статистическое описание Китая, ч. II, стр. 145.

Женщины носят длинные волосы, разделяя их по середине и сплетая по бокам головы, в мелкие косички от 15 до 20 на каждой стороне; в эти косички щеголихи вплетают бусы, ленты и тому подобные украшения. Кроме того женщины румянят себе лицо, употребляя для этой цели китайские румяна, а летом землянику, которая в изобилии растет по горным лесам. Впрочем обычай румяниться мы заметили только в Гань-су; на Куку-норе и в Цайдаме его нет, быть может, потому, что здесь трудно доставать снадобья, необходимые для этой цели.

Таковы по наружности тангуты, обитающие в Гань-су. Другая ветвь этого народа, так называемые хара-тангуты¹, живущие в бассейне Куку-нора, в восточной части Цайдама и на верховьях Желтой реки, отличаются от своих собратьев большим ростом, более черным цветом кожи, а всего резче разбойничьим характером; кроме того хара-тангуты не носят кос и бреют всю голову.

Исследование тангутского языка представляло для нас огромные трудности, во-первых, по неимению переводчика, а во-вторых, по крайней подозрительности самих тангутов. Записать какое-либо слово на виду рассказчика — это значило навсегда закрыть себе возможность разузнать о чем бы то ни было, так как подобный случай мигом бы разнесся по всей окрестной стране и подозрениям не было бы конца. Затем, так как мой казак-переводчик, и без того крайне плохой драгоман, вовсе не знал по-тангутски, то мы могли объясняться через него лишь с теми тангутами, которые знали монгольский язык, что встречается очень редко². Несравненно скорее можно было найти монгола, знающего тангутский язык, какого мы действительно имели во время своего летнего пребывания в горах Гань-су. Но и в таком случае для разговора с тангутом необходимо было каждую фразу выслушивать и переводить через два лица к третьему, что, конечно, крайне утомительно и неудобно. Обыкновенно я говорил своему казаку по-русски, он передавал по-монгольски монголу, а этот последний уже по-тангутски переводил тангуту. Если прибавить сюда умственную ограниченность нашего казака-переводчика, бестолковость монгола и подозрительность тангута, то можно себе представить, насколько удобно было для нас производить лингвистические исследования в тангутской стране⁽¹⁰²⁾. Только при удобных случаях, и притом урывками, между кучей других занятий, удавалось мне иногда поговорить с тангутом и украдкой записать несколько слов. Понятно, что при таких условиях можно было подметить очень немногое в языке, совершенно чуждом для европейца.

Речь тангутов всегда идет скороговоркой, и их язык, сколько кажется, характеризуется следующими особенностями:

Обилием односложных, отрывисто произносимых слов; например, ток (молния), чсю (вода), рца (трава), хця (волосы).

Сочетанием иногда значительного числа согласных: мдзугеё (пальцы), намрцаа (год), рдзэваа (месяц), ламртон—ламà (рай).

Гласные в конце слов часто произносятся протяжно: пчи (мул), шаа (мясо), дзя (чай), вёе (муж), сзя (шляпа); иногда гласные выговариваются протяжно и в середине слов: сэазюю (земля), дбоа (табак) [так называемые долготные гласные, подобно звуку «а» в слове «август»].

¹ То есть черные тангуты [тибетское племенное название—панака].

² По-китайски же говорят почти все тангуты, живущие в Гань-су.

Окончание «н» в конце слов выговаривается протяжно и притом в нос [нг], как французское «n»: лун (ветер), шан (лес), сьбчен (ручей); окончание же слов на «м» произносится отрывисто: лам (дорога), она́м (гром).

«Г» в начале слов произносится как латинское «h»: го́ма (молоко); «к» — иногда с придыханием, будто «кх»: кхика (хребет), дюдкхук (кисет); «ч» иногда выговаривается как «цч»: цчё (собака); «р» в начале слов, при сочетании с одной или несколькими гласными, произносится едва слышно: рга́нму (жена), рму́хаа (облака).

Одежда тангутов делается из сукна или из бараньих шкур, что обуславливается местным климатом, чрезвычайно сырым летом и холодной зимой. Летняя одежда как мужчин, так и женщин состоит из серого суконного халата, который достаёт только до колен, китайских или собственного произведения сапог и войлочной, обыкновенно серой, низкой шляпы, с широкими полями. Рубашек и панталон тангуты никогда не носят, так что даже зимой шубы надеваются прямо на голое тело; верхние части ног обыкновенно остаются непокрытыми исподним платьем⁽¹⁹³⁾. Богатые надевают халаты из синей китайской дабы, что уже считается щегольством, а ламы, так же как и у монголов, носят красную, реже желтую, одежду.

Вообще одеяние тангутов далеко беднее нежели монголов, так что шелковый халат, сплошь и рядом попадающийся в Халхе, в тангутской стране можно встретить только как исключительную редкость. Но какова бы ни была одежда и время года, тангут постоянно опускает свой правый рукав, так что рука и часть груди этой стороны остаются голыми; подобная привычка не покидается даже в дороге, конечно если тому благоприятствует состояние погоды.

Многие щёголи делают оторочку своей одежды барсовыми шкурами, получаемыми из Тибета, и сверх того в левом ухе носят большую серебряную серьгу с вставленным в нее красным гранатом. Затем огниво и ножик за поясом на спине, кисет и трубка на левом боку — необходимые принадлежности костюма каждого тангута. Кроме того, на Куку-норе и в Цайдаме все они, равно как и монголы, носят за поясом длинные широкие тибетские сабли. Железо на этих саблях крайне плохое, хотя цена их очень высока: по 3—4 лана за самый простой клинок и до 15 лан за клинок с лучшей отделкой.

Женщины, как упомянуто выше, носят ту же самую одежду, что и мужчины; только при парадном одеянии они навешивают через плечи широкие полотенца, украшенные белыми кружками, около дюйма [2,5 см] в диаметре. Эти кружки делаются из раковин и насаживаются один от другого на расстоянии двух дюймов [5 см]. Кроме того, красные бусы, подобно тому, как и у монголов, составляют самую существенную сторону щегольства богатых женщин.

Универсальное жилище тангута составляет черная палатка, сделанная из грубой и редкой, как сито, шерстяной ткани¹. Палатка прикрепляется к четырем кольям по углам, а бока ее притягиваются на петлях к земле; в середине почти плоской верхушки находится продольный разрез, шириной около фута [0,3 м], для выхода дыма; этот прорез закрывается во время дождя и на ночь.

Только в богатой лесами гористой области Гань-су черная палатка заменяется иногда деревянной избой или фанзой, там, где тангуты

¹ Такая ткань готовится из шерсти яков.

живут вместе с китайцами и подобно им занимаются хлебопашеством. По своему наружному виду тангутские деревянные избы сильно напоминают наши курные белорусские, но постройка этих изб хуже. В них вовсе нет деревянного пола, и даже самые стены сделаны без сруба, прямо из неотесанных бревен, положенных одно на другое. Промежутки между бревнами замазываются глиной, а плоская крыша состоит из накатника, сверху которого насыпана земля; в середине такой крыши устроено, вроде окна, отверстие для выхода дыма.

Но и подобное жилище слишком комфортно, в сравнении с черной палаткой. Здесь, по крайней мере, тангут защищен от непогоды, между тем как в черном шатре его то мочит летний дождь, то морозит зимний холод⁽¹⁰⁴⁾.

Главное занятие тангутов — скотоводство, которое доставляет все необходимое для их незатейливой жизни. Из домашнего скота тангуты разводят всего более яков и баранов (не курдючных), в меньшем числе держат лошадей и коров. Богатство скота вообще весьма велико, что конечно обуславливается обилием превосходных пастбищ по горам Гань-су и в степях озера Куку-нор; там и здесь нам нередко случалось видеть стада сарлоков в несколько сот, а баранов даже в несколько тысяч голов, принадлежащих одному хозяину. Но владельцы подобных стад все-таки живут в грязных, черных палатках, как и самые бедные из их собратьев. Много-много если богатый тангут наденет дабовый халат вместо простого суконного да съест лишний кусок мяса, — во всем остальном жизнь этого человека ничем не отличается от жизни его прислуги.

Характерным животным тангутской земли и неразлучным спутником тангута является длинношерстый як. Это животное разводится также в Алашаньских горах и в большом числе содержится монголами северной части Халхи, обильной горами, водой и привольными пастбищами. Все это составляет необходимое условие для яка, который живет хорошо исключительно в местностях гористых и притом значительно поднятых над уровнем моря. Вода составляет необходимую потребность для яков; они очень любят купаться и так ловко плавают, что на наших глазах не раз переплывали быстрый Тэтунг-гол, даже со вьюком на спине. По величине домашние яки равняются нашему обыкновенному рогатому скоту, а по окраске шерсти бывают черные или пестрые, то есть черные с белыми пятнами; совершенно белые яки встречаются лишь изредка.

Несмотря на свое вековое рабство, як достаточно сохранил буйный нрав дикого животного; движения его быстры и ловки; в раздраженном состоянии он делается опасным для человека своей свирепостью.

Как домашнее животное як в высшей степени полезен. Он не только доставляет шерсть, превосходное молоко и мясо, но употребляется и для перевозки тяжестей. Правда, чтобы завьючить яка, нужно большое искусство и терпение, но зато он с кладью в 5—6 пудов [80—96 кг] отлично идет по высоким и крутым горам, иногда самыми опасными тропинками. Верность и твердость шага описываемого животного изумительны: як лезет иногда по таким карнизам, где едва бы мог пробраться козел или дикий баран. В тангутской земле, где мало верблюдов, яки служат почти исключительно вьючными животными и на них отправляются большие караваны из Куку-нора в Лассу.

В горах Гань-су стада яков пасутся почти без всякого присмотра; целый день они бродят на пастбищах, а на ночь пригоняются к палаткам своих хозяев.

Богатые тангуты

Молоко, доставляемое коровами яков, превосходного вкуса и густо, как сливки; масло, из него приготовляемое, всегда желтого цвета и по качеству далеко выше масла коровьего⁽¹⁰⁵⁾. Словом, як во всех отношениях чрезвычайно полезное создание, и нельзя не пожелать, чтобы это животное распространилось у нас в Сибири и в тех местах Европейской России, которые могут доставить ему привольную жизнь, как, например, на Уральских горах и на Кавказе, тем более, что подобная акклиматизация не представит особенных затруднений. В Урге можно купить сколько угодно яков, заплатив от 20 до 30 рублей за штуку; доставка же их летом в Европейскую Россию обойдется не слишком дорого.

Тангуты ездят на яках даже верхом. Для управления животным, как при верховой езде, так и при вьючной, яку продевают сквозь ноздри большое и толстое деревянное кольцо, за которое привязана веревка, заменяющая узду.

Яки охотно скрещиваются с домашними коровами и быки от такой помеси, называемые монголами и тангутами хайнык⁽¹⁰⁶⁾, гораздо сильнее и выносливее для вьючной езды, а потому ценятся несравненно дороже.

Небольшая часть из виденных нами тангутов, живущих вместе с китайцами в окрестностях Чейбсена, занимается земледелием, но оседлая жизнь, видимо, не понутру их подвижной натуре. Оседлые тангуты всегда завидуют кочерым собратьям, которые с своими стадами бродят с пастбища на пастбище; притом пастушеская жизнь, конечно, всего менее доставляет забот ленивому характеру этого народа.

На своих кочевьях тангуты всегда располагаются по несколько юрт вместе и очень редко живут в одиночку, что сплошь и рядом делают монголы⁽¹⁰⁷⁾. Вообще характер и привычки обоих этих народов совершенно противоположны. В то время как монгол привязан исключительно к сухой, бесплодной пустыне и боится сырости более чем всех других невзгод своей родины⁽¹⁰⁸⁾, тангут, обитающий в стране, лежащей рядом с Монголией, но прямо противоположной ей по своему физическому характеру, сделался человеком совсем иного закала. Влажность климата, горы, роскошные пастбища — вот что манит к себе тангута, который ненавидит пустыню и боится ее как смертельного врага.

В лесных горах Гань-су некоторые тангуты, только очень немногие, занимаются точением деревянной посуды — чашек для еды и для сохранения масла; впрочем последнее сберегается главным образом в сарлочьих или бараньих брюшинах.

Более других развитое, можно сказать даже единственное, занятие тангутов — это сучение сарлочьей (реже бараньей) шерсти для сукна, из которого делается вся местная одежда. Сучение производится как дома, так и походя, на длинной (3—4 фута) [0,9—1,2 м] палке, к вершине которой приделана рогулька для висячего веретена. Однако тангуты сами не ткут сукна из приготовляемых ниток, но отдают эту работу китайцам. Замечательно, что в Гань-су мерение сукна при покупке (по крайней мере у тангутов) производится размахом рук, так что величина меры и сообразно тому плата за нее зависят от роста покупателя⁽¹⁰⁹⁾.

В тангутской стране, где кирпичный чай, по случаю дунганских смут, очень дорог, его заменяют сушеными головками желтого лука, в изобилии растущего по горам, и еще какой-то травой, которую сушат и прессуют наподобие табака. Главная фабрикация такого чая происходит

в городе Донкыре¹, а потому он известен под именем «донкырского». Отвратительный настой этой травы тангуты приправляют молоком и пьют в невероятном количестве. Подобно тому как и у монголов, котел с чаем целый день не сходит с очага, и чаепитие производится наверное около 10 раз в день; каждый гость непременно угощается чаем.

Необходимую принадлежность чая составляет дзамба, горсть которой сыплется в чашку, до половины наполненную чаем, и затем разминается здесь руками в крутое тесто, к которому для вкуса подбавляется масло и сушеный творог (чурма). Впрочем подобные добавления встречаются только у зажиточных; бедные же довольствуются одной дзамбой с чаем. Это составляет главную пищу тангутов², которые вообще мало едят мяса (¹¹⁰). Даже богатый тангут, владеющий несколькими тысячами голов скота, редко убьет для себя барана или сарлока.

После чая и дзамбы тангуты едят всего более тарык [тибетское — шо], то есть вскипяченное скисшее молоко, с которого предварительно сняты сливки для масла. Тарык самая любимая молочная пища тангутов, и его можно найти в каждой палатке; сверх того, богатые готовят из творога с маслом особый сыр, но это уже считается великой роскошью.

Так как тангуты, за весьма малыми исключениями, сами не занимаются земледелием, то для покупки дзамбы, равно как и прочего необходимого, они ездят в город Донкыр, составляющий самое важное торговое место описываемого народа. Сюда тангуты гонят скот, везут шкуры, шерсть и меняют все это на дзамбу, табак, дабу, китайские сапоги и прочее, так что торговля в Донкыре главным образом меновая. На Куку-норе и в Цайдаме даже цена вещей определяется не деньгами, но количеством баранов, идущих за нее в обмен.

Приветствие при встрече у тангутов состоит в том, что они вытягивают горизонтально обе руки и говорят «ака-тэму», то есть «здравствуй». Слово «ака», подобно тому как у монголов «нохор», выражает здесь то же, что наше «господин» или «милостивый государь», и часто употребляется в разговорах (¹¹¹). При первом знакомстве и вообще при посещении кого-либо, в особенности важного лица, тангуты всегда дарят шелковый хадак; качеством хадаков до некоторой степени определяется взаимное расположение гостя и хозяина.

Жен у тангутов бывает по одной, но, сверх того, они держат наложниц (¹¹²). На женщинах лежат все домашние работы, и они, сколько кажется, равноправны с мужчинами в домашней жизни. Замечательно, что у тангутов существует обычай воровать чужих жен, конечно с тайного согласия этих последних. В подобном случае уворованная женщина принадлежит уже похитителю, который платит за нее прежнему супругу выкуп, иногда весьма значительный. Как женщины, так и мужчины в тангутской земле считают свои года со дня зачатия, так что к общему числу прожитых лет всегда прикладывается год, проведенный в утробе матери (¹¹³).

Подобно монголам, тангуты чрезвычайно усердные буддисты и при том страшно суеверны. Различное колдовство и гаданье, рядом с процессиями религиозного культа, встречаются у описываемого народа на каждом шагу. Усердствующие богомольцы ежегодно отправляются в Лассу. Ламы у тангутов во всеобщем почитании, и влияние их на народ безгранично. Только кумирни в тангутской земле встречаются реже нежели в Монголии,

¹ Этот город лежит в 20 верстах [21 км] к западо-северо-западу от Синина.

² Равно как и монголов, живущих в Гань-су, Куку-норе и Цайдаме.

так что гыгены, которых здесь также довольно много, иногда живут в черных палатках вместе с простыми смертными. Последние по окончании жизни не зарываются в землю, но выбрасываются в лес или степь на съедение грифам и волкам.

Все тангуты управляются собственными чиновниками, подведомственными китайскому правителю Гань-су. Последний имел свое местопребывание в Синине, но, по занятии этого города инсургентами, перебрался в Джун-лин; после же взятия Синина китайскими войсками осенью 1872 года ганьсуйский амбань вновь занял свою прежнюю резиденцию.

Магометанское восстание, охватившее в начале прошлого десятилетия все западные владения Китая и имевшее сначала, повидимому, все шансы на успех в борьбе с маньчжурской властью, в настоящее время находится в полном упадке. Достигнув с первого раза своей главной цели — освобождения из-под ненавистной китайской власти на громадном пространстве земель, лежащих к западу от Великой стены и верховьев Желтой реки, инсургенты, или, как мы их называем, дунгане¹, а китайцы — хой-хой, остановили свои наступательные действия и ограничились только мелкими операциями в соседних местностях Китая и Монголии. Разорение Ордоса и Ала-шаня на востоке, Улясутая, Кобдо и Булунь-тохоя на западе были последними крупными подвигами хой-хоев, которые вслед за тем начали терпеть поражения от китайцев, предпринявших наконец решительные наступательные действия к востоку от верхнего течения Хуан-хэ. Здесь мы были личными свидетелями борьбы инсургентов и китайских войск, а потому нижеследующий рассказ будет касаться только действий обеих сторон в провинции Гань-су.

Здесь магометанское восстание началось в 1862 году и первоначально также ознаменовалось важными успехами инсургентов. Три больших города — Синин, Тэтунг и Су-чжеу — вскоре очутились в их власти; китайские гарнизоны были вырезаны или приняли магометанство и перешли на сторону мятежников. Однако рядом с этими освободившимися городами китайцы продолжали держать гарнизоны во многих других городах (Джун-лин, Са-янь-чин, Даджин, Лан-чжеу, Гань-чжеу), оставшихся за ними, так что Гань-су не была совершенно потеряна для Китая. Земли хой-хоев и китайцев лежали здесь не только в самом близком соседстве, но иногда даже в чересполосном владении, и ни та ни другая сторона не предпринимала каких-либо энергических действий.

При таком положении дел мелкие операции сделались вскоре главной целью освободившихся хой-хоев и, заменив всякие другие стремления, повели дело магометанского восстания к упадку прежде, нежели оно достигло прочных политических результатов. Вместо того, чтобы дружно двинуться за Желтую реку прямо к Пекину и под его стенами решить вопрос о самостоятельном существовании магометанского государства на востоке Азии, дунгане начали действовать врозь небольшими партиями, для которых добыча служила главной приманкой.

Между тем, в случае энергических наступательных действий против Китая, инсургенты имели большие шансы на успех. Не говоря уже про

¹ Такое имя совершенно неизвестно ни китайцам ни самим магометанам тех местностей, которые были нами посещены во время путешествия. Китайцы называют именем хой-хой всех вообще магометан, живущих в пределах Китая. Эти магометане — суниты, но распадаются на несколько толков.

известную трусость и деморализацию китайских войск, хой-хои тотчас же нашли бы себе громадную поддержку в собственных провинциях Небесной империи со стороны магометанского населения, одушевленного полной ненавистью к маньчжурскому владычеству и готового, при первом появлении своих западных братьев, поднять знамя восстания. Если же при этом знать, что магометан в собственно Китае считается от 3 до 4 миллионов¹, и что, по сравнению с китайцами, они отличаются более энергичным характером, да притом связаны в одно целое религиозными узами, то станет понятно, насколько смелое наступление дунган грозило гибелью если не самому существованию Небесной империи, то во всяком случае маньчжурскому владычеству, тем более, что в это время на юге Китая шло восстание тайпингов и мусульман, не имевших, впрочем, ничего общего с делом дунган. С двух сторон, юга и запада, беда великая грозила пекинскому правительству, но ни те, ни другие инсургенты не сумели воспользоваться своими первоначальными удачами, дали возможность Китаю оправиться от первых ударов и потом перейти в наступательное положение.

Другой важной ошибкой со стороны хой-хоев было то, что они не поняли, какую громадную выгоду в борьбе с Китаем могли бы извлечь, расположив в свою пользу монголов, также страшно ненавидящих китайцев. Одинаковое стремление к освобождению из-под тяжелого китайского ига сблизило бы номадов с дунганами, и оба эти народа, хотя совершенно чуждые друг другу по вере и характеру, могли рука об руку идти к достижению одной и той же цели. Между тем дунгане, с самого начала своего восстания, начали зверствовать с монголами так же, как с китайцами, и тем самым конечно восстановили против себя номадов.

Все вышеизложенные шансы борьбы магометанских инсургентов с Китаем могли иметь место только при условии общего руководителя восстания. Этого-то и недоставало дунганам. Каждый большой город, с известным округом действовал по собственному усмотрению и имел собственных независимых начальников — ахунов или ходжей². Насколько же была бы легка борьба с Китаем, видно из того, что дунгане, даже при полной разрозненности своих действий успели в 1869 году разорить Ордос и Ала-шань, несмотря на 70-тысячное китайское войско, расположенное по среднему течению Хуан-хэ. В следующем году инсургенты разгромили Улясутай, а еще через год Кобдо — главные пункты Западной Монголии³. В обоих этих городах находились китайские гарнизоны, но они спрятались при появлении инсургентов и не оказали им нисколько сопротивления.

Отряды дунган в конце восстания, как в Гань-су, так равно и пределах Монголии, составлены из всевозможного сброда, иногда наполовину безоружного; остальные имеют пики или сабли и в небольшом количестве фитильные ружья. При отрядах часто следуют старики и женщины, чтобы собирать отобранное у противника и везти его домой под прикрытием остальной части партии.

Расскажу об осаде ими кумирни Чейбсен, происходившей за три года до прибытия нашего в Гань-су. Рассказ этот передан нам несколькими защитниками названной кумирни.

¹ По приблизительному определению нашего пекинского синолога архимандрита Палладия. Труды членов Пекинской духовной миссии 1866 года, т. IV, стр. 450.

² Так Гань-су, Синин, Тэтунг и Су-чжеу с своими округами были совершенно независимы друг от друга.

³ Булунь-тохой был разорен в 1873 году.

Эта последняя обнесена квадратной глиняной стеной, футов 20 [метров 6] вышины, при длине боков около 40 сажен [89 м]. В середине этих фасов, равно как и по углам ограды, устроены небольшие башни, в которых могут помещаться защитники, в числе от 15 до 20 человек на каждую башню. Сама стена покрыта деревянной крышей, покатою на обе стороны. Вокруг главной ограды разбросано около сотни фанз, также обнесенных небольшой глиняной стеной. Внутри кумирни вовсе нет колодца, а вода добывается из ключа, протекающего вне построек.

Летом 1868 года несколько тысяч дунган пришли к Чейбсену, с намерением взять и уничтожить эту кумирню. Защитники ее — китайцы, монголы и тангуты — в числе тысячи человек заперлись в главной ограде. Инсургенты без труда заняли наружные фанзы, а затем приступили к атаке главной стены. Однако, несмотря на всю свою хилость, она оказалась довольно твердой для простых ломов, употреблявшихся дунганами вместо всяких других стенобитных орудий, так что первый приступ был неудачен. Между тем наступило время пить чай, — а занятие это считается в Китае настолько важным, что даже не пропускается во время сражения, — и дунгане отошли в свой лагерь, расположенный в одной версте от Чейбсена. Осажденные тем временем выбежали из кумирни, на глазах своих врагов набрали воды из ручья, и также принялись пить чай. На следующий день повторилось то же самое: дунгане вновь атаковали кумирню и вновь отошли в полдень к своим палаткам для чаепития. Так происходило шесть суток; наконец хой-хой, видя невозможность взять новую Сарагоссу, ушли во-свосяси, и Чейбсен уцелел.

Однако, несмотря на страшную вражду хой-хоев к китайцам и наоборот, те и другие не отказываются входить между собой в различные торговые сделки. В Гань-су, где, как сказано выше, владения дунган лежат в близком соседстве с китайскими землями, сплошь и рядом можно слышать, что хой-хой такого-то места дружны с такой-то кумирней или местечком и ведут там торговлю. Так например, дунгане из города Тэтунг слыли заклятыми врагами кумирни Чейбсен и ее окрестностей, между тем как они были в большой дружбе с гыгеном кумирни Симни, лежащей на реке Тэтунг, верстах в 60 к северу от Чейбсена. В Симни тэтунгские хой-хой постоянно торговали и никого не трогали. Точно так же, на верховьях Тэтунг-гола, начальник одного из кукунорских хошунов, именно Мурзасака, как уже сказано в предыдущей главе, от самого начала магометанского восстания ни разу не ссорился с дунганами города Ю-нань-чень и был для них поставщиком скота с озера Куку-нор.

Подобные порядки могут существовать, конечно, только в Китае, к разбору оборонительных действий которого против хой-хоев в Гань-су мы теперь и перейдем.

Потеряв в течение нескольких лет весь Восточный Туркестан, притяньшанские земли и большую часть провинции Гань-су, китайское правительство поняло страшную опасность, которая ему грозит со стороны западно-магометанского восстания, и решило употребить все средства, чтобы не дать инсurreкции [восстанию] прорваться в северные провинции собственно Китая. С этой целью устроена была оборонительная линия на естественном рубеже, именно по среднему и верхнему течению Хуан-хэ. Здесь расположилось 70-тысячное китайское войско, частью занявшее гарнизоны в городах: Куку-хото, Бауту, Дын-ху, Нин-ся, Лан-чжеу и других, частью же расквартированное небольшими отрядами в промежуточных деревнях. Сверх того усилены были гарнизоны в тех городах Гань-су, которые

еще остались во власти китайцев. На первый раз тем все и кончилось. Дунгане, удовлетвоваввшись своими успехами, главным же образом освобождением из-под китайской власти, прекратили наступательные действия и занялись бессмысленным разорением страны, а китайские гарнизоны, запершись в своих глиняных стенах, оставались спокойными зрителями этих «подвигов» повстанцев.

Китайские войска, расположенные по Хуан-хэ и в Гань-су, приведены сюда из южных провинций Китая и слынут у местных жителей под именем «хотанов»; в небольшом числе здесь есть также солоны из Маньчжурии. Все они вооружены саблями, фитильными и частью европейскими гладкоствольными ружьями, купленными китайским правительством у англичан. У хотанов изредка встречаются двухствольные английские пистолеты, а у солоньев тульские двухстволки, которыми они запаслись вероятно на Амуре. Кавалеристы и некоторые из пехотинцев имеют длинные бамбуковые пики, украшенные большим красным флагом с изображением дракона.

Офицеры и солдаты почти без исключения преданы курению опиума и не могут пробыть без него даже одного дня. Не только в казармах, но и во время похода, хотя бы под самым носом у неприятеля, китайские воины не покидают своей пагубной привычки и каждодневно накуриваются до бесчувствия одуряющего зелья. Результатом этого является расслабление, как физическое, так и нравственное, и решительная неспособность солдат переносить труды и лишения военного времени.

Действительно, китайские войска, помимо всех других своих качеств, уже тем представляют верную жертву смелому, энергичному неприятелю, что не могут быть сполна настороже, хотя бы в течение нескольких суток. Каждый день часть солдат и офицеров непременно накурится опиума и будет спать мертвецким сном. Аванпостной службы и рекогносцировок здесь не существует; все сведения о неприятеле получаются только через шпионов. Но столько же неспособны китайские солдаты и к трудностям физическим. В дождь и непогоду, да еще ночью, каждый из этих воинов выйдет из фанзы или из палатки разве только под страхом смертной кани. В поход все пехотинцы едут или верхом или на подводах; пешком китайский солдат ни за что в свете не сделает и нескольких переходов. Ему трудно даже нести на себе оружие, и он часто кладет свое ружье и пику на подводу или на верблюда, а сам едет совершенно свободно, словно на прогулке.

По приходе на место ночлега солдаты тотчас же рассыпаются грабить и воровать у жителей что попало: один тащит курицу, другой поросенка, третий мешок муки, четвертый корм для своей лошади, словом — фуражировка идет как будто в неприятельском городе, отданном на разграбление. Офицеры также деятельно участвуют в подобной операции, с той лишь разницей, что получают награбленное от солдат, но не сами ходят грабить и воровать. Жалоб никаких не принимается да и не бывает; жители рады, чтобы только их самих не трогали.

Подобное шествие защитников отечества до того знакомо местному населению, что монголы, услышав о прохождении китайских войск, укрываются от дороги на целые сотни верст или прячутся в горных ущельях вместе с своими стадами; караваны же избирают нарочно окольный путь, чтобы только не встретиться с проходящими солдатами.

Грабежи производятся и в местах постоянного расквартирования войск. Здесь солдаты, ограбив первоначально ближайшие окрестности, собираются небольшими партиями и отправляются на фуражировку, иногда

на несколько дней, в места более удаленные. Часть привезенной добычи получает начальник, и все проходит благополучно. Сами начальники, начиная от простого унтер-офицера до командира корпуса, воруют от казны решительно все, что только возможно. Главную же доходную их статью составляют умершие и дезертиры, на которых обыкновенно еще долго получается все содержание. Дезертирство здесь развито до таких страшных размеров, что у многих командиров вместо тысяч солдат остались только сотни, и вообще говорят, что 70-тысячное войско на Хуан-хэ на деле заключает в себе не более 30 тысяч человек. От пекинского правительства все это скрывается, во-первых, из боязни ответственности, а во-вторых, для того, чтобы получать содержание по списочному составу, которого в действительности не существует и половины.

Подобные преступления и вообще нравственная распущенность китайских войск нисколько не исправляются жестокими наказаниями. Не говоря уже про бамбуковые палки, которыми виновных дуют по пяткам за малый проступок, дезертирство, неповиновение, а иногда и грабеж здесь наказываются смертью. Но строгость закона оказывается бессильной там, где преступления составляют не единичное явление, а общий порок целой массы. На место казненного грабителя является другой такой же мародер, вслед за повешенным дезертиром бегут еще целые десятки, и деморализация войск растет с каждым годом.

Магометанское восстание в Гань-су в течение целых 10 лет находилось в одном и том же положении. Китайские войска занимали гарнизоны в городах, оставшихся во власти Небесной империи, а рядом с ними жили освободившиеся хой-хои. Те и другие грабили друг друга, но о каких-либо военных предприятиях не было и помину. Китайский правитель Гань-су жил в городе Джун-лин, а в бывшей его резиденции Синине властвовал дунганский ахун¹.

Наконец в Пекине решили прибегнуть к энергичным военным действиям против инсургентов в Гань-су и отправили сюда новое 29-тысячное войско. Главной целью китайцев было овладение городом Синином, важным по своему большому населению и в особенности по торговле. Подвигаясь крайне медленно, небольшими эшелонами, китайские войска прибыли наконец, в июне 1872 года, в Гань-су и расположились в двух городах — Ним-би и Уям-бу, лежащих верстах в 40—50 от Синина. Здесь воины Небесной империи провели целых два месяца в полном бездействии, занимаясь только грабежом окрестностей, и дали возможность инсургентам собрать в Синин до 70 тысяч человек. Наконец в сентябре китайцы двинулись к названному городу и расположились под его стенами, в которых по обыкновению заперлись все защитники. Главным страшилищем этих последних были четыре европейские пушки, привезенные китайскими войсками из Пекина. Эти орудия, по всему вероятно гладкоствольные, везлись каждое шестью мулами, были обернуты в красную шелковую материю и к ним, под страхом смертной казни, не смел близко подходить ни один из жителей. При пушках находились ядра и даже гранаты, оказавшие величайшую услугу китайскому войску. Именно, когда началось сражение, то есть китайцы атаковали Синин и бросили в него несколько гранат, разорвавшихся на улицах, то дунгане совсем растерялись от ужаса. К довершению своего несчастья они подняли одну не лопнувшую гранату и, собравшись большой кучей рассмотреть такую диковинку, вздумали добыть

¹ Говорят, что о потере Синина не доносили в Пекин целых три года.

из нее порох. Во время этой операции от неосторожного обращения гранату разорвало, убило несколько присутствовавших, а главное, навело на остальных такой панический страх, что успех китайских войск был обеспечен подобным ничтожным случаем. Впрочем драка продолжалась еще несколько дней, и наконец китайцы овладели частью стены, а дунгане заперлись в каком-то другом укреплении.

В это время получено было известие о бракосочетании пекинского богдохана. В китайском лагере тотчас же прекратились военные действия, и солдаты устроили театр в ознаменование такого радостного события. Целую неделю сряду продолжались театральные представления, фейерверки и тому подобные увеселения, причем конечно большая часть солдат и офицеров были пьяны или накуривались до бесчувствия опиума. И это производилось бок о бок с непобежденным еще врагом! Будь у дунган хотя бы одна сотня смелых людей, они могли бы в ночном нападении вырезать тысячи китайских солдат и разогнать остальных.

Отпраздновав свадьбу богдохана, китайские войска возобновили военные действия и вскоре овладели всем Синином. Тогда началось поголовное истребление побежденных. Очевидцы рассказывали нам, что китайские солдаты, утомившись убивать оружием, собирали дунган большими кучами, без различия пола и возраста, гнали их в горы и сталкивали там в пропасти; так истреблено было, как говорят, до 10 тысяч человек.

По взятии Синина китайцы перевезли туда вновь правителя Гань-су и в течение зимы овладели тремя другими дунганскими городами: Сэнгуанем, Ю-нань-ченем и Тэтунгом. Здесь помилование получали только те инсургенты, которые соглашались отречься от магометанства и принять буддизм. Множество дунган ушло на запад к своим единоверцам.

Получив затем новые подкрепления из Пекина, китайские войска продолжали наступление к западу и летом 1873 года овладели важным пунктом инсургентов — городом Су-чжеу¹. О дальнейших действиях китайцев пока еще нет точных сведений. Во всяком случае им предстоит теперь дело более трудное — борьба с кашгарским Якуб-беком⁽¹¹⁴⁾.

¹ По слухам, все жители этого города были поголовно истреблены.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КУКУ-НОР И ЦАЙДАМ

[15 (27) октября—21 ноября (3 декабря) 1872 года]

Описание озера Куку-нор.—Легенда о его происхождении.—Окрестные степи.—Дикий осел, или хулан [кулан].—Местные монголы и харатангуты.—Административное разделение Куку-нора.—Наше свидание с тибетским посланником.—Рассказы о кумире Гумбум.—Река Бухайнгол.—Южно-Кукунорский хребет.—Соляное озеро Далай-дабасу.—Меня принимают за святого и доктора.—Страна Цайдам.—Сведения о диких верблюдах и лошадях.—Переход до границы Тибета.

Озеро Куку-нор, называемое тангутами Цок-гумбум, а китайцами—Цин-хай¹, лежит к западу от города Синина, на высоте 10 500 футов [3 200 м] над уровнем моря. По своей форме оно представляет эллипсис, вытянутый большой осью от запада к востоку. Окружность описываемого озера простирается от 300 до 350 верст [320—370 км]; точной меры узнать было невозможно, но местные жители говорили нам, что нужно две недели для обхода озера пешком и от 7 до 8 дней для объезда его на верховой лошади⁽¹¹⁵⁾.

Берега Куку-нора не извилисты и очень мелки; вода соленая, не годная для питья. Но эта соленость придает поверхности описываемого озера превосходный темно-голубой цвет, на который обращают внимание даже монголы и удачно сравнивают его с цветом голубого шелка. Вообще вид Куку-нора чрезвычайно красив, в особенности когда мы застали это озеро поздней осенью и окрестные горы, уже покрытые снегом, стояли белой рамкой широких, бархатно-голубых вод, убежавших к востоку от нашей стоянки за горизонт.

С береговых гор в Куку-нор течет много небольших речек, но более значительных притоков считается восемь; из них самый большой Бухайнгол [Бычья река], впадающий в юго-западный угол описываемого озера.

¹ Монгольское имя означает «Голубое озеро», китайское—«Синее море»; перевод же тангутского названия Куку-нора мы не могли узнать достоверно. У местных и вообще у южных монголов описываемое озеро называется Хуху-нор, то есть твердая буква «К» переделывается в более мягкий звук «Х».

Как и на других больших озерах, даже слабый ветер разводит здесь сильное волнение¹, так что Куку-нор редко бывает спокоен и то лишь на самое короткое время. Сильные ветры, по словам жителей, господствуют здесь в период замерзания озера, что происходит около половины ноября; вскрывается же оно в конце марта, следовательно бывает покрыто льдом 4,5 месяца (¹¹⁶).

В западной части Куку-нора, верстах в 20 от его южного берега, лежит скалистый остров², имеющий в окружности от 8 до 10 верст. Здесь построена небольшая кумирня, в которой живут 10 лам. Летом сообщение их с берегом прервано, так как на всем Куку-норе нет ни одной лодки и никто из жителей не занимается плаванием по озеру. Зимой к отшельникам-ламам приходят по льду богомольцы и приносят в дар масло или дзамбу; в это время сами ламы также отправляются на берег собирать для себя подавание (¹¹⁷).

Куку-нор обилен рыбой, но рыболовством занимаются здесь лишь несколько десятков монголов, которые возят свою добычу на продажу в город Донкыр. Снарядами для рыбной ловли служат небольшие сети; ими ловят преимущественно в береговых речках. Рыба, которую нам случилось видеть у монголов или ловить самим, вся принадлежала к одному только виду, именно *Schizopygopsis nov. sp.* Однако рыбаки уверяли нас, что в озере водятся несколько других пород рыб, но они редко их ловят своими жалкими снарядами (¹¹⁸).

О происхождении Куку-нора у местных жителей существует легенда, которая гласит, что нынешнее озеро некогда находилось под землей в Тибете, там где теперь стоит Ласса, и уже заведомо для людей перешло на свое настоящее место³. Такое событие совершилось следующим образом.

Во времена очень древние, когда еще не существовало нынешней резиденции далай-ламы, один из тибетских царей вздумал построить великолепный храм в честь Будды и, выбрав для этого место, приказал начать работу. Несколько тысяч людей трудились целый год, но когда здание было почти готово, оно вдруг разрушилось само собой. Работу начали снова и опять, лишь только довели до конца, храм рухнул от неизвестной причины; то же самое повторилось и в третий раз. Тогда удивленный и уstraшенный царь обратился к одному из гыгенов для разъяснения причины подобного явления. Однако пророк не мог дать удовлетворительного ответа, но объявил своему повелителю, что в далеких странах востока есть святой, который один из всех смертных знает желаемую тайну и, что если удастся выпытать ее у него, тогда постройка храма будет окончена благополучно. Получив подобный ответ, тибетский царь выбрал заслуженного ламу и послал его искать вышеупомянутого святого.

В течение нескольких лет посланный лама объездил почти все буддийские земли, посетил знаменитые кумирни, виделся и говорил с различными гыгенами, но нигде не мог найти человека, указанного тибетским пророком. Огорченный неудачей своей миссии, посланник решился возвра-

¹ Миссионер Гюк уверяет (*Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 189*), что в Куку-норе замечен прилив и отлив. Я нарочно вбивал вежи в озеро и убедился, что правильного периодического повышения и понижения воды здесь нет. Вообще описания Гюка, начиная от Куку-нора, поразительно неверны, о чем мы будем не раз говорить впереди.

² По словам местных жителей на Куку-норе только один остров.

³ Эта легенда рассказана и у Гюка (*Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 193—199*). В своем рассказе я мог только прибавить о происхождении острова на Куку-норе.

титься домой и на этом обратном пути проезжал обширные степи на границе Тибета с Китаем. Здесь однажды у него сломалась пряжка у подпруги седла, и путник, чтобы починить ее, зашел в одинокую бедную юрту, видневшуюся невдалеке. В этой юрте он увидел слепого старика, который был занят молитвой, но приветствовал своего гостя и предложил ему взять новую пряжку от собственного седла. Затем старик пригласил ламу пить чай и стал расспрашивать, откуда он и куда ездил. Не желая без нужды разглашать цель своего путешествия, посланец отвечал, что он родом с востока и ездит теперь молиться по разным кумирням. «Да, мы счастливы, — сказал старик, — что имеем много прекрасных храмов, каких нет в Тибете. Там напрасно принимаются строить большую кумирню; это здание никогда не устоит, потому что в том месте, где его хотят воздвигнуть, находится подземное озеро, которое колеблет почву. Только ты должен хранить этот секрет в тайне, потому что если кто-нибудь из тибетских лам его узнает, тогда воды подземного озера придут сюда и погубят нас».

Лишь только старик окончил свою речь, как путник вскочил с места, объявил, что он именно есть тибетский лама, которому нужно было узнать секрет, сел на свою лошадь и ускакал. Отчаяние и страх овладели стариком. Он начал громко звать о помощи, и когда, наконец, пришел один из его сыновей, пасший невдалеке стадо, то старик велел ему тотчас оседлать коня, догнать ламу и отнять у него «язык». Под этим словом святой разумел свою тайну и, отдавая приказание сыну отнять ее, тем самым уполномочивал его убить путника. Но слово «хылэ» [хэл, хил] по-монгольски означает язык у человека или животных и также язычок в пряжке подпруги. Поэтому, когда посланный догнал ламу и объяснил ему, что его отец требует возвратить «хылэ», тот отстегнул взятую у старика пряжку и беспрекословно ее отдал. Получив такой «хылэ», сын возвратился к своему отцу и, когда последний узнал, что привезена пряжка от подпруги, а сам лама уехал далее, то воскликнул: «Такова, вероятно, воля божия, теперь все кончено, мы погибли!» Действительно, в ту же ночь раздался страшный подземный гул, земля раскрылась и из нее полилась вода, которая вскоре затопила обширную равнину. Множество стад и людей погибло, в том числе и проболтавшийся старик. Наконец, бог сжалился над грешниками. По его велению явилась чудовищная птица, взяла в свои лапы огромную скалу в горах Нан-шань и бросила ее на то отверстие, откуда изливалась вода. Прибыль последней была остановлена, но затопленная равнина осталась озером; спасительная же скала явилась на нем островом, который существует и донныне.

Северный и южный берега Куку-нора близко окаймлены горами, которые, на восточной и западной стороне озера, несколько отодвинуты от него. В узком пространстве, оставляемом окраинными горами, расстилаются превосходные степи, несущие характер лучших частей Гоби и отличающиеся от нее только обилием воды¹. Контраст климата, флоры и фауны этих степей с соседними водами Гань-су удивительный. Постоянные дожди, снега и чрезвычайная сырость, преследовавшие нас во все время пребывания в горах, заменились теперь прекрасной осенней погодой, стоявшей изо дня в день. Но в то же время, вместо альпийских лугов, лесов и влажной

¹ На северной стороне Куку-нора только половина расстояния между берегом озера и горами занята гладкой равниной; далее следуют пологие и невысокие холмы, которые часто обрываются к стороне озера отвесными стенами от 6 до 10 сажен [13—22 м] вышиной. Эти обрывистые стены идут параллельно нынешнему берегу Куку-нора, и, по всему вероятно, составляли некогда также его берега (119).

черноземной почвы, перед нами раскинулись глинисто-соленые равнины, покрытые превосходной степной травой и высоким дырисуном. Явились также всегдашние обитатели монгольской степи — дзерены и пищухи вместе с жаворонками и пустынниками. Как среди птиц, так и среди млекопитающих мы встретили в степях Куку-нора новые, незнакомые еще виды, свойственные уже тибетским пустыням.

Между птицами, прежде других здесь бросается в глаза огромный жаворонок — *Melanocorypha maxima*, ростом больше скворца; он держится по кочковатым болотам и отлично поет. Далее очень часто встречаются два вида *Montifringilla*? [вьюрок] и *Podoces humilis* [саксаульная сойка], которые живут исключительно в норах, выкапываемых пищухами. Монгольский пустынный — *Syrrhaptes paradoxus* [саджа] попадает в описываемых степях гораздо реже, нежели его собрат пустынный тибетский — *Syrrhaptes thibetanus* [саджа тибетская], который больше ростом и отличается совершенно другим голосом. Голенастых птиц мы уже не застали в Куку-норе, а из водяных видели в небольшом количестве: гусей — *Anser cinereus*, [гуси серые — *A. anser*], уток — *Anas boschas*, *A. rutila*, *A. crecca*, *Fuligula cristata* [кряква — *A. platyrhyncha*], красная утка — *Tadorna ferruginea*, чирок-свистунок — *Querquedula crecca*, хохлатый черныш — *Nyroca fuligula*, бакланов — *Phalacrocorax carbo* и чаек — *Larus ichtyaetus*, *L. ridibundus* [черноголовый хохотун и обыкновенная чайка]. На этот раз мы предполагали, что осенний пролет уже окончился, но весенние наблюдения в следующем году показали, что озеро Куку-чор очень бедно водяными и голенастыми птицами.

Из хищных грифы и ягнятники ежедневно прилетают на берега Куку-нора за поживой, а в самых степях встречается множество сарычей — *Buteo ferox* [*B. rufinus*], соколов — *Falco* sp. и орлов — *Aquila* sp., которые, по всему вероятно, здесь зимуют, питаясь бесчисленными пищухами — *Lagomys* sp. [*Ochotona* sp.].

Этот зверек, по наружности, величине и голосу близко подходящий к монгольскому оготоно, населяет степи Куку-нора, равно как и луговые окраины соседних гор, в бесчисленном количестве. Часто на несколько квадратных верст почва до того изрыта норами, что невозможно ехать рысью на лошади. Сотни, тысячи пищух в хорошую погоду снуют во всех направлениях, торопливо перебегая от одной норы к другой, или сидят неподвижно, греясь на солнце. Орлы, сарычи и соколы, а также волки, лисицы и корсаки ежедневно истребляют множество этих грызунов, но их плодовитость вознаграждает все потери.

Самым замечательным животным кукунорских степей может считаться дикий осел, или хулан, называемый тангутами джан — *Equus kiang* ⁽¹²⁰⁾ Этот зверь по величине и наружности походит на мула; цвет его шерсти сверху тела светлокориичневый, снизу чисто белый¹. Хулан встречен был

¹ Вот более подробное описание взрослого самца-хулана.

Туловище плотное, округленное, спина вогнутая; шея средней длины и толщины; голова большая, лоб выпуклый; уши большие, прямостоячие; ноздри большие, широкие и вкось поставленные; ноги сильные, тонкие; копыта малые, ступковидные; хвост длинный, маловолосистый; грива короткая, прямостоячая; глаза большие, коричневые.

Голова, верхняя часть шеи, спина и бока светлокориичневые; шерсть на туловище неплотно прилегает к телу, но космата и расположена вихрами; грива черноватая; такого же цвета узкая полоса тянется от нее по хребту спины и переходит на хвост, на котором длинные волосы совершенно черные. Перед и низ морды, горло, грудь, нижняя часть боков, зад, весь низ тела и ноги чисто белого цвета; наружная сторона

нами в первый раз на верховьях Тэтунг-гола, там где горы Гань-су делаются безлесными и принимают луговой характер. Начиная отсюда, дикий осел распространяется через Куку-нор и Цайдам в Северный Тибет, но в самом большом количестве живет на привольных лугах озера Куку-нора.

Впрочем степи не составляют исключительного местопребывания описываемого животного; оно не избегает и гор, если только в них имеются пастбища и хорошая вода. В Северном Тибете мы встречали иногда хуланов в высоких горах, где они паслись вместе с куку-яманами.

Хуланы обыкновенно держатся стадами от 10 до 50 голов; табуны в несколько сот экземпляров встретились нам лишь в степях Куку-нора. Впрочем и здесь такие стада, вероятно, образуются случайно, и мы не раз видали, как они разбивались на несколько партий, уходящих в разные стороны.

Каждое отдельное стадо состоит из кобыл, которыми предводительствует жеребец. Смотря по возрасту, силе и смелости последнего, число кобыл бывает больше или меньше, так как первым условием вербовки подобного гарема, по всему вероятно, служат личные качества вожака. Старые, опытные самцы собирают в один косяк иногда до полусотни наложниц, тогда как молодые жеребцы довольствуются пятью или десятью кобылами. Очень молодые, или особенно несчастливые жеребцы, бродят в одиночку и только издали могут завидовать благополучию более взрослых и счастливых соперников. Последние неусыпно наблюдают за подобными подозрительными личностями и ни в каком случае не позволяют им приближаться к своим гаремам.

Когда косячный жеребец заметит другого, близко подходящего к стаду, то бросается навстречу своему сопернику, бьет его копытами, кусает и всеми силами старается прогнать подальше. Подобные драки бывают особенно сильны в период течки, которая, по словам монголов, происходит в сентябре и продолжается с месяц. В это время самцы, как и у многих других животных, делаются чрезвычайно ревнивыми и задорными, так что сами нарочно отыскивают противников; время рождения молодых происходит, как говорят, в мае. Жеребята, вероятно, часто погибают от различных причин, так как в самых больших стадах мы видали обыкновенно лишь несколько жеребят, которые неотлучно следовали за своими матерями.

Внешние чувства хулана развиты превосходно: он видит и чует удивительно. Убить это животное очень трудно, в особенности в равнинной местности. Здесь самое лучшее итти прямо к стаду, которое подпускает охотника шагов на 500 и в редких случаях даже на 400. Но на такое расстояние даже из превосходного штуцера нельзя рассчитывать на верный выстрел, тем более, что хулан удивительно крепок на рану. При подходе на открытой местности никогда не следует спускаться во встречные рвы, или вообще в углубления почвы, так как хуланы в подобном случае тотчас подозревают засаду и пускаются на уход. Изредка на пересеченной местности удается подкрасться к описываемому зверю шагов на 200 или ближе, но и в таком случае хулан не будет убит наповал, если пуля не попадет в мозг, сердце или позвоночный столб. Даже с перебитой ногой он еще

передних ног светлобланжевая; уши снаружи светлокоричневые, внутри белые; верхние их концы черные.

Вышина в стоячем положении, то есть от земли до вершины лба, 5 футов 4 дюйма [1,62 м]; у зашейка—4 фута 7,5 дюйма [1,41 м]; длина тела, меряя от вершины носа по изгибу шеи до основания хвоста—7 футов 0,5 дюйма [2,14 м]; вес—от 10 до 12 пудов [160—200 кг].

ухитряется бежать, но вскоре залегает где-нибудь во рву или в яме. Всего удобнее подкарауливать хуланов на водопое, как то и делают местные жители, которые весьма ценят мясо этого животного, в особенности осенью, когда оно бывает очень жирно.

Испуганный хулан пускается бежать всегда под ветер, подняв вверх свою большую безобразную голову и оттопырив тонкий, мало волосистый хвост. Во время бега стадо следует за гожаком, обыкновенно вытянувшись в одну линию. Отбежав несколько сот шагов, оно останавливается, толпится в кучу и, повернувшись к предмету испуга, смотрит сюда в течение нескольких минут; при этом жеребец выходит вперед и старается разузнать в чем дело. Если охотник продолжает наступать, то хуланы опять бросаются на уход и бегут на этот раз уже гораздо дальше. Но вообще описываемый зверь далеко не так осторожен, как то может казаться при первом с ним знакомстве. Голос хулана я слышал только два раза: однажды, когда жеребец загонял отбившихся от стада самок, а в другой раз, когда он дрался с другим самцом. Этот голос слышен как глухое, но довольно громкое и отрывистое рывканье, соединенное с храпением.

Население Куку-нора и сопредельной ему страны Цайдам составляют монголы и хара-тангуты. Кукунорские монголы, подобно алашаньцам, принадлежат к олютам [олёты]; из других монгольских поколений здесь живут в небольшом числе: тургуты [торгоуты], халхасцы и хоиты [хойты]¹.

От тангутов кукунорские монголы переняли самый образ жизни и иногда помещаются также в черных палатках; впрочем далее от берегов озера к Цайдаму палатка снова заменяется войлочной юртой⁽¹²¹⁾.

В большем числе нежели монголы на Куку-норе живут хара-тангуты, которые распространяются отсюда в Цайдам, но всего более скучены на верховьях Желой реки. Здесь они называются салырами², исповедуют магометанство и участвуют в восстании прогив Китая⁽¹²²⁾. Кукунорские хара-тангуты только номинально подчинены китайскому правителю Гань-су; они считают своим законным государем тибетского далай-ламу и управляются собственными чиновниками, не подчиняясь начальникам монгольских хошунов, в которых живут.

Специальное занятие хара-тангутов, обитающих на Куку-норе и в Цайдаме, составляют разбои и грабежи, которым подвергаются всего более местные монголы.

Не довольствуясь грабежом ближайших окрестностей, хара-тангуты отправляются на свой промысел в отдаленные местности, как например в западный Цайдам. Разбойники обыкновенно снаряжаются небольшими партиями, человек в 10, и каждый из них ведет в поводу запасную лошадь или даже две на случай, если верховая издохнет в дороге. Вьючные верблюды везут продовольствие для партии, которая иногда промышляет два, три месяца. По возвращении домой, вместе с награбленной добычей, разбойники как люди религиозные спешат заслужить перед богом прощение совершенных грехов. Для этого они отправляются на берег Куку-нора, где несколько десятков монголов промышляют рыболовством, покупают, а иногда и прямо отнимают у рыбаков пойманную рыбу и снова отпускают ее в озеро.

Разбои хара-тангутов в кукунорской и цайдамской стране начались, по словам монголов, лет 80 тому назад, и с тех пор продолжаются непре-

¹ Иакинф. Статистическое описание Китая, ч. II, стр. 90.

² Кроме того далее к югу, на верхнем течении Голубой реки, живут тангуты голык [нголок].

рывно. Китайские правители Гань-су смотрели и смотрят на это дело сквозь пальцы, так как получают от разбойников большие взятки. Все жалобы монголов остаются втуне, и хара-тангуты грабят безнаказанно по всей монгольской стране.

О происхождении хара-тангутов, равно как кукунорских монголов олютов, местная монгольская легенда гласит следующее.

Несколько сот лет тому назад на Куку-норе жил народ тангутского племени, называвшийся ёгуры¹; он исповедывал буддизм и принадлежал к красношапочной секте². Вышеупомянутые ёгуры постоянно грабили караваны богомольцев, направлявшихся из Монголии в Тибет, а потому олютский владетель Гуши-хан, властвовавший на северо-западе Монголии, прислал на Куку-нор свое войско для усмирения разбойников. Действительно, ёгуры были частью истреблены, частью ушли на северо-запад нынешней Гань-су и смешались там с прочим населением.

По усмирении ёгуров часть олютских войск ушла обратно на север, а другая осталась на постоянное жительство в кукунорских землях и образовала здесь большую часть нынешнего монгольского населения. Сверх того несколько сот олютов отправились в Тибет, где в настоящее время их потомки размножились до 800 юрт, разделенных на восемь хошунов. Эти монголы живут в шести днях пути к юго-западу от деревни Напчу³, занимаются земледелием и, по имени речки Дамсук, на которой они основали свою оседлость, называются дамсук-монголы⁽¹²⁴⁾.

Из числа истребленных олютами ёгуров, потому же монгольскому преданию, спаслась одна старуха с тремя беременными дочерьми и ушла с ними на правую сторону верхней Хуан-хэ. Здесь ее дочери родили трех сыновей, от которых и произошли хара-тангуты, или, как они сами себя называют, банык-коксум [панака-сум]. Эти последние, переселившись много лет спустя вновь на Куку-нор, подвергались сначала нападениям со стороны монголов, но потом, размножившись, сами принялись за грабежи.

«Если бы убили тогда этих проклятых девок, — говорили нам рассказчики монголы, — то теперь бы не было хара-тангутов, и мы жили бы спокойно». По словам тех же монголов со времени прибытия олютов на Куку-нор сменилось уже восемь поколений.

В административном отношении страна Куку-нор далеко переходит за пределы бассейна самого озера. К ней относятся на севере верховья Тэтунг-гола, на юге все пространство до Тибета, то есть область истоков и самого верхнего течения Хуан-хэ и страна Цайдам, далеко протянувшаяся в северо-западном направлении. Все это разделяется на 29 хошунов, из которых 5 лежат на правой (то есть западной) стороне верхней Хуан-хэ, 5 составляют Цайдам, а остальные 19 находятся в бассейне Куку-нора и на верховьях Тэтунг-гола. За исключением 5 хошунов, лежащих на правой стороне верхней Хуан-хэ и находящихся в прямом ведении сининского амбана⁴, все остальные административные части Кукунорской страны подчинены двум цзюнь-ванам: Цин-хай-вану и Мур-вану. Каждый из них

¹ Не уйгуры ли? Только уйгуры не тангутского, но монгольского племени (123).

² В Тибете буддизм распадается на две секты: красношапочную и желтошапочную. Коренное различие этих сект состоит в том, что первая допускает женитьбу лам, а последняя обязывает их вести безбрачную жизнь (125).

³ Деревня Напчу лежит близ южной подошвы хребта Танла, в 12 днях пути от Лассы, на дороге, по которой следуют в Тибет богомольцы с севера.

⁴ По словам монголов население этих хошунов состоит почти исключительно из тангутов.

заведует 12 хошунами; первый владеет большей, западной частью страны, а последний меньшей, восточной половиной⁽¹²⁶⁾.

По выходе из гор Гань-су наши верблюды, истомленные трудной дорогой, сделались окончательно негодными к дальнейшему пути. По счастью, на Куку-норе было много верблюдов, так что мы без труда и очень дешево променяли своих усталых животных, приплатив средним числом от 10 до 12 лан за каждого. Теперь мы снова владели 11 свежими верблюдами. Но, увы! в кармане у нас осталось менее 100 лан денег. С такой ничтожной суммой нечего было и думать добратся до Лассы, хотя обстоятельства этому вполне благоприятствовали. Именно, через несколько дней по прибытии нашем на Куку-нор, к нам приехал тибетский посланник, который отправлен был в 1862 году далай-ламой с подарками к богдохану, но попал сюда как раз в то время, когда началось дунганское восстание в Гань-су и Синин был занят инсургентами. С тех пор, то есть целых 10 лет, этот посланник жил на Куку-норе, или в городе Донкыре, не имея возможности пробраться в Пекин и не смея ворочаться назад в Лассу. Услышав, что четверо русских прошли через ту страну, которую он не решается пройти с сотнями своих конвойных, тибетский посланник приехал «посмотреть на таких людей», как он сам выразился.

Этот посланник, по имени Камбы-нанту, оказался очень любезным, предупредительным человеком и предлагал нам свои услуги в Лассе. В то же время он уверял, что далай-лама будет очень рад видеть у себя русских и что мы встретим самый радушный прием в столице тибетского владыки. С грустью слушали мы такие рассказы, зная, что только один недостаток материальных средств мешает нам пробраться в глубь Тибета. А скоро ли выпадет такой благоприятный случай для другого путешественника? Да и сколько затрат потребуется вновь для достижения цели, которая могла бы быть теперь выполнена сравнительно небольшими средствами. Имей мы на Куку-норе 1 000 лан денег, то наверное дошли бы до Лассы, а оттуда могли предпринять путь на озеро Лоб-нор, или в какие-либо другие местности.

Таким образом, вынужденные отказаться от намерения пройти до столицы Тибета, мы тем не менее решили идти вперед до крайней возможности, зная, насколько ценно для науки исследование каждого лишнего шага в этом неведомом уголке Азии.

Проводников мы брали попрежнему по два и получали их от монгольских, а иногда и от тангутских нойонов (чиновников) частью за подарки, частью опираясь на письмо чейбсенского донира к Мур-засаку и на свой пекинский паспорт, в котором говорилось, что при нас находятся в услужении два человека из подданных Небесной империи. Это было прописано в паспорте на тот случай, если мы найдем к себе монголов или китайцев; мы же, по совету чейбсенского донира, выдали такое обстоятельство за приказание давать нам проводников и действительно получали их на Куку-норе и в Цайдаме.

Один из проводников, взятых нами на Куку-норе, был некогда штатным ламой в кумирне Гумбум [Кумбум], находящейся в 30 верстах [32 км] к югу от города Синина. Эта кумирня, одна из знаменитейших во всем ламаистском мире, выстроена на месте рождения реформатора буддийской религии Дзон-кава [Дзонхава, Цзонкаба]. По уверению буддистов различные чудеса ознаменовали великую святость этого человека. Так, из родильной рубашки, зарытой в землю, выросло дерево, листья которого испещрены тибетскими буквами. Дерево это цело до сих пор, помещается на особом

Яки под вьюками

дворе и составляет главную святыню Гумбума. Монголы называют его «занда-мото» [дзандан-мод, дословно — сандаловое дерево], но то же самое название они дают древовидному можжевельнику и вообще всякому хорошему дереву. Так, например, видя ореховые приклады наших ружей или дубовый ящик, они всегда говорили, что это «занда-мото». По словам проводника-ламы листья на святом дереве величиной и формой напоминают листья нашей липы. Изображения на них тибетской азбуки, конечно, или делаются ламами, или дополняются воображением усердных верующих. Да и дерево, по всему вероятно, принадлежит к какому-нибудь из видов, свойственных Гань-су, так как оно растет на открытом воздухе, следовательно может выносить здешний суровый климат. Если же оно почитается всеми буддистами святым и единственным в своем роде, то это еще не служит доказательством его оригинальности. Мало ли какие почитания и верования мы видим даже и в Европе¹.

Гумбум славится также своей медицинской школой, в которой обучаются молодые ламы, промышленяющие впоследствии лечением больных. Летом ученики отправляются в окрестные горы и собирают там травы, на целительных свойствах которых, главным образом, основана вся тибетская медицина. Конечно в этой последней множество шарлатанства и невежества, но по всему вероятно есть и такие открытия, сделанные случайно, путем опыта, которые неизвестны европейской науке. Мне кажется, что человек, специально знакомый с медициной, мог бы сделать дорогие приобретения, если бы исследовал серьезно средства лечения, употребляемые тибетскими и монгольскими докторами.

В прежние времена в Гумбуме считалось до 7 тысяч лам, но теперь число их уменьшилось на несколько сот после того, как эта кумирня потерпела разорение от дунган, которые пощадили только главный храм и святое дерево. Однако слава этого места так велика, что, без сомнения, все разоренное вскоре будет опять возобновлено.

От выхода на Куку-нор в северо-западной его части путь наш лежал сначала по северному, а потом по западному берегу озера. Минувя несколько небольших речек, мы встретили наконец самый большой из всех притоков Куку-нора — Бухайн-гол, который вытекает из гор Нань-шань и, по словам монголов, имеет в длину около 400 еерст [приблизительно 430 км, в действительности оказалось около 220—250 км]. В своем низовье, то есть там, где проходит тибетская дорога, описываемая река имеет около 15 сажен [32 м] ширины и почти везде проходима вброд; глубина на подобных местах не более 2 футов [0,6 м]. Вообще Бухайн-гол представляет собой реку самых скромных размеров, и тем с большим удивлением читали мы на берегу же Бухайн-гола описание миссионера Гюка про страшную переправу тибетского каравана, с которым он следовал в Лассу, через 12 рукавов этой реки. По словам патера его спутники считали свой переход через Бухайн-гол весьма удачным, так как из всего каравана только один человек сломал ногу да утонули два яка. Между тем у Бухайн-гола, там, где его переходит тибетская дорога, всего один рукав, да и там бывает вода лишь в период дождей; сама же река так мелка, что в ней может утонуть разве заяц, а не такое сильное и отлично плавающее животное, как сарлок,

¹ Но если монголам простительно верить в чудесное дерево, то, мне кажется, не совсем удобно рассказывать про тибетскую азбуку на его листьях миссионеру Гюку, который уверяет, что видел такое чудо собственными глазами и хотя сначала подозревал обман лам, но потом убедился в действительности этого сверхъестественного явления.

Нис. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 116.

В марте следующего года мы прожили целый месяц на низовье Бухайн-гола и, бродя ежедневно по берегу его за птицами, часто с товарищем вспоминали гюковское описание страшной реки, через которую нам приходилось переходить по несколько десятков раз в течение одной охоты¹.

Долина Бухайн-гола имеет верст 12 или 15 ширины и за ней тотчас же стоит высокий хребет, который идет по южную сторону Куку-нора, а затем по словам местных жителей тянется к западу верст на 500. Этот хребет, за неимением для него местного имени, я буду называть Южно-Кукунорским², в отличие от Северно-Кукунорских, то есть Ганьсуйских гор, с которыми он, вероятно, сливается при своем западном продолжении⁽¹²⁷⁾.

Подобно тому, как горы на северной стороне Куку-нора отделяют его бассейн от гористой, влажной и лесистой области Гань-су, так и Южно-Кукунорский хребет служит резкой границей плодородных степей Голубого озера от тех пустынь, которые идут далее по Цайдаму и Тибету. Действительно, северный склон описываемого хребта еще во всем напоминает горы Гань-су и, большей частью, покрыт кустарниками или мелким лесом, обилён водой и превосходными лугами; между тем южная сторона тех же самых гор носит совершенно монгольский характер. Глинистые скаты здесь большей частью оголены или только кое-где покрыты древовидным можжевельником, сухие русла рек лишены воды, роскошных лугов нет и помину. Все это служит преддверием той пустынной равнины, которая раскинулась по южную сторону описываемых гор и совершенно напоминает собой Ала-шань. На глинисто-соленой почве здесь растут только дырисун, бударгана и хармык; являются хара-сульты и холо-джоро, всегда предсказывающие своим присутствием самую дикую пустыню. Здесь же находится соленое озеро Джаратай-дабасу, имеющее в окружности около 40 верст. Превосходная осадочная соль лежит в этом озере пластом до фута [0,3 м] толщины; у берегов же такой слой не толще дюйма [2,5 см]. Отсюда соль возят в город Донкыр; для надзора за разработкой ее на берегу Джаратай-дабасу живет особый монгольский чиновник³.

¹ Вот подлинные слова Гюка: «Шесть дней спустя после нашего отхода пришлось переходить Пухайн-гол, реку, которая имеет свои источники у подошвы гор Нань-шань и впадает в Голубое море. Ее воды не очень глубоки, но, будучи разделены на двенадцать рукавов, весьма близких один к другому, занимают пространство более одного лье (4,16 нашей версты) в ширину. Мы имели несчастье прибыть к первому рукаву Пухайн-гола задолго до рассвета; вода была покрыта льдом, но не настолько твердым, чтобы он мог заменить мост. Лошади, прибывшие первыми, испугались и не смели двигаться вперед; они остановились на берегу и дали время подойти вьючным якам. Вскоре весь караван собрался на одном пункте; невозможно выразить беспорядка и смятения, которые царствовали среди этого громадного сборища, окруженного мраком ночи. Наконец несколько всадников погнались своих лошадей и проломали лед во многих местах. Тогда караван вошел как ни попало в реку; животные толкались и брызгали водой со всех сторон, лед трещал, люди кричали; суматоха была ужасная. Перебравшись через первый рукав, необходимо было начинать тот же самый маневр на втором, потом на третьем и на следующих. Когда наступил день, святое посольство еще барахталось в воде. Наконец, после большого утомления физического и нравственного, мы имели счастье оставить позади себя двенадцать разветвлений Пухайн-гола и вышли на сухую землю; но все наши поэтические идеи исчезли, и мы начали находить такой способ путешествия крайне отвратительным. Однако же, казалось, все были веселы. Говорили, что переход через Пухайн-гол совершился удивительно благополучно. Только один человек сломал ногу, и утонули два яка».

Рус. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. Т. II, p. 203.

² Странно, почему Гюк ни одним словом не упоминает об этом огромном хребте.

³ Замечательно, что на месте платят за соль от каждого вьючного верблюда по две пачки (около 0,25 фунта [100 г] гуамяна (род вермишели, приготовляемой китайцами из теста); впрочем на Куку-норе ходячей монетой служит также и масло.

Пустынная равнина, на которой находится вышеописанное соленое озеро, имеет в ширину верст 30 и далеко тянется к востоку, будучи окаймлена с севера Южно-Кукунорскими горами, а с юга другим хребтом, им параллельным; к западу от Джаратай-дабасу оба эти хребта вскоре соединяются между собой.

Немного далее этого соединения, при выходе из узкой долины, образованной речкой Дулан-гол, лежит урочище Дулан-кит¹, где находится местопребывание Цин-хай-вана, то есть правителя западной части кукунорской земли. Прежде этот князь имел свою ставку на берегу Куку-нора, но постоянные гребежи тангутов принудили его перебраться в более удаленное место. Насколько же серьезны эти грабежи, можно видеть из того, что разбойники у этого же самого вана отняли в течение трех лет 1 700 лошадей.

Сам кукунорский ван умер за год до нашего прихода²; наследником его остался старший сын, 20-летний юноша, который еще не был утвержден в своем звании китайскими властями³ и правил под опекой своей матери, довольно молодой и энергичной женщины. Как ее, так и молодого князя, мы встретили возле озера Джаратай-дабасу; они ехали в город Донкыр по каким-то делам. Молодой князь только смотрел на нас с тупым любопытством; княгиня же потребовала паспорт и, прочитав его, сказала своим приближенным: «Эти люди, быть может, посланы нашим царем посмотреть, что делается здесь и донести ему об этом». Затем она велела дать нам проводников, и мы расстались после свидания, продолжавшегося менее получаса.

Но радушный прием мы встретили в самой ставке Цин-хай-вана от его дяди, который помогает своему племяннику в делах управления. Этот дядя, гыген по профессии, имел некогда свою собственную кумирню, но ее разорили дунгане. Гыген несколько раз бывал в Пекине и Урге, где видал русских. Вообще он оказался очень хорошим человеком и, получив от нас подарки, прислал в ответ небольшую юрту, которая впоследствии сильно пригодилась нам в Тибете. Но всего приятнее для нас было то, что гыген запретил своим подданным ходить без дела в нашу палатку, так что мы, единственный раз в течение экспедиции, могли спокойно стоять вблизи жилого места.

Действительно, назойливость местного люда была самым тяжелым бременем во все время нашего путешествия, начиная с первого до последнего шага. Везде лезли смотреть на нас, как на какое-нибудь диво, и хотя мы обыкновенно употребляли крутые меры относительно непрошенных гостей, но все-таки не могли избавиться от того, чтобы не принимать различных местных чиновников как монгольских, так и тангутских. В особенности часты сделались подобные посещения с выходом на Куку-нор, когда везде разнесся слух, что появились четверо каких-то невиданных людей и между ними один великий святой Запада, который идет в Лассу, чтобы познакомиться с далай-ламой — великим святым Востока. Поводом к такому производству меня в полубоги служили прежде всего наши

¹ Слово «кит» [хид] означает церковь [обитель, часовня], и действительно здесь есть небольшая кумирня.

² Цин-хай-ван умер в 1871 году. За его поминки, заплачено было в несколько кумирен до 1 000 голов разного скота, в том числе около 300 сарлоков; сверх того послано в Тибет, для той же цели, несколько сот лан денег.

³ Оба кукунорских вана подчинены сининскому амбаню, то есть губернатору Гань-су.

хождения по Гань-су, битком набитой разбойниками. Затем пальба из невиданных ружей, охоты за зверями, которых мы били иногда на большие расстояния, стрельба в лет птиц, препарировка их шкур, наконец, неразгаданная цель нашей поездки — все это вместе заставляло местный люд смотреть на нас как на особенных, таинственных людей. Когда же к нам приезжали различные гыгены и даже сам тибетский посланник, то население видело в этом полное подтверждение своих догадок и окончательно убедилось в том мнении, что я великий хубилган, то есть святой. Такое обстоятельство нам было отчасти выгодно, так как слава святого облегчала наш путь и гарантировала, до известной степени, от различных неприятностей; но, с другой стороны, я не мог отделаться от разных благословений, предсказаний и тому подобных нелепостей.

Тангуты и монголы приходили иногда толпами, чтобы помолиться не только нам, но даже нашим ружьям, а местные князья несколько раз привозили своих детей, прося меня наложить на них руку и этим знаменем благословить на целую жизнь. При нашем приходе в Дулан-кит собралась толпа, человек в 200, которые молились нам, стоя на коленях по сторонам дороги.

От желающих получить предсказания не было отбоя. Ко мне приходили узнавать не только о судьбе дальнейшей жизни, но также о пропавшей скотине, потерянной трубке и тому подобном; один тангутский князёк серьезно добивался узнать средство, через которое можно заставить его бесплодную жену иметь хотя нескольких детей. Хара-тангуты, постоянно разбойничающие на Куку-норе, не только не решались напасть на наш караван, но даже переставали грабить в тех местах, где мы проходили. Монгольские князья, начальники хошунов, не один раз являлись к нам с просьбой защитить их от хара-тангутов и приказать последним возвратить награбленный скот.

Обаяние нашего имени превосходило всякое вероятие. Так, идя в Тибет, мы оставили в Цайдаме лишний мешок с дзамбой, и местный князь, принимая его на хранение, с радостью говорил нам, что этот мешок будет теперь стеречь весь его хошун от разбойников-тангутов. Действительно, когда спустя три месяца мы возвратились к тому же самому князю, он тотчас подарил нам двух баранов в благодарность за то, что в течение всего этого времени в его хошуне не показывался ни один грабитель из боязни украсть вещи, оставленные русскими.

Нелепейшим рассказам про наше всемогущество не было конца. Так, везде шла молва, что хотя нас только четверо, но, в случае нападения, по одному моему слову, является целая тысяча людей и сражается за меня, притом везде уверяли, что я могу по произволу располагать стихиями, пускать болезни на скот или на людей и прочее и прочее. И я уверен, что пройдет немного лет, как предание о нашем путешествии в этих странах превратится в легенду, изукрашенную различными вымыслами фантазии.

Рядом с званием святого мне навязана была профессия доктора, титул которого я получил еще с первых месяцев нашей экспедиции. Поводом к такому мнению послужило собирание растений; кроме того, несколько удачных лечений от лихорадки хинином окончательно убедили монголов в моих докторских способностях. Затем слава искусного врача прошла со мной через всю Монголию, Гань-су, Куку-нор и Цайдам. В двух последних странах в особенности много являлось к нам различных больных и преимущественно женщин.

В расстоянии двух дней пути от ставки Цин-хай-вана оканчивается горная страна, наполненная отрогами Южно-Кукунорского хребта и далее расстилаются гладкие, как пол, равнины Цайдама¹ (128). Эти равнины резко ограничены с севера западным продолжением Южно-Кукунорских гор, на юге — тибетским хребтом Бурхан-Будда, а с востока — горными грядами, служащими связью между двумя этими хребтами; на западе же равнины Цайдама уходят безграничной гладью за горизонт и тянутся, по словам местных жителей, до самого озера Лоб-нор (129).

Цайдамские равнины, бывшие, по всему вероятно, в недавнюю геологическую эпоху дном огромного озера, представляют сплошное болото, почва которого настолько пропитана солью, что эта соль местами лежит толстой (0,5—1 дюйма) [1,2—2,5 см] корой наподобие льда. Затем здесь довольно часто встречаются топи, небольшие речки и озера, а в западной части описываемой страны² находится большое озеро Хара-нор. Из рек самая большая Баян-гол, которая в том месте, где мы ее переходили (по льду), имеет 230 сажен [491 м] ширины, но незначительную глубину, всего фута 3 [0,9 м] и топкое, иловатое дно. По словам монголов Баян-гол вытекает из озера Тосо-нор, на восточной окраине гор Бурхан-Будда и, пробежав верст около 300 [около 320 км], теряется в болотах западного Цайдама.

Глинисто-соленая почва этой страны, конечно, не способна производить разнообразной растительности. За исключением лишь нескольких видов болотных трав, местами образовавших площади вроде лугов, все остальное пространство покрыто тростником, вышиной от 4 до 6 футов³ [от 1,2 до 1,8 м]. Сверх того на местах, где посуше, является в изобилии хармык — *Nitraria Schoberi*, найденный нами уже в Ордохе и Ала-шане, но достигающий здесь размеров саженного куста [2 м]. Его сладко-соленые ягоды, обыкновенно всегда очень урожайные, составляют, подобно алашаньскому сульхиру, главную пищу как людей, так и животных Цайдама. Местные жители, монголы и тангуты, поздней осенью собирают подсохшие на ветках ягоды хармыка и делают из них запас на целый год. Эти ягоды варят в воде и едят, смешав с дзамбой; кроме того пьют сладко-соленый отвар.

Ягодами хармыка питаются почти все птицы и звери Цайдама, не исключая даже волков и лисиц; верблюды также очень любят подобное лакомство. Впрочем в Цайдаме зверей мало, чему причиной, вероятно, соленая почва, которая сильно портит подошвы лап и копыта животных. Лишь изредка здесь можно встретить хара-сульту или хулана и несколько чаще волка, лисицу или зайца. Малое количество зверей обусловливается еще тем обстоятельством, что летом болота Цайдама кишат

¹ Административная граница Цайдама проходит в 25 верстах [26,5 км] на юго-запад от Дулан-кита.

² В хошуне Курлык.

³ Между тем Гюк описывает Цайдам следующим образом: «15 ноября мы оставили великолепные равнины Куку-нора и прибыли к монголам Цайдама (о Южно-Кукунорском хребте ни слова не упоминается). Лишь только мы перешли реку того же имени (вероятно дело идет о Баян-голе, который в пятнадцать раз шире столь подробно описанного патером Бухайн-гола), как страна резко изменяет свой вид. Природа делается печальной и дикой; почва, бесплодная и каменистая (между тем как там сплошные болота, на которых нет ни одного камня), кажется, с трудом производит несколько высушенных и пропитанных селитрой кустарников... Каменная соль и буроокислый натр изобилуют на этой почве, бесплодной и почти совершенно лишенной хороших пастбищ».

Исч. *Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet*. Т. II, p. 213.

мирадами комаров, мошек и оводов, так что даже местные жители откочевывают на это время в горы с своими стадами¹.

Из птиц в Цайдаме всего более водяных и голенастых, но так как мы были здесь поздней осенью и возвращались обратно ранней весной, то очень мало видели тех и других; зато мы нашли в изобилии особый вид фазана — *Phasianus* sp.⁽¹³⁰⁾, отличный от монгольского и от ганьсуйского. Кроме того мы встретили здесь несколько зимующих птиц, как-то: *Ruticilla erythrogastra* [краснобрюхая горихвостка — *Phoenicurus erythrogaster*], *Carpadacus rubicilla* [большая чечевица — *Erythrura rubicilla*], *Buteo ferox* [сарыч — *B. rufinus*], *Circus* sp. [лунь], *Anthus pratensis* [луговой конек], *Anas boschas* [кряква — *A. platyrhynchos*], *Rallus aquaticus* [пастушок].

Население Цайдама составляют те же самые монголы, что на Куку-норе, и хара-тангуты; впрочем последние обитают только в восточной части описываемой страны.

В административном отношении Цайдам относится к Куку-нору и разделяется на пять хошунов: Курлык, Барун, Дзун, Куку-бэйлэ и Тайджи. По словам одного из местных князей все население в Цайдаме составляет около 1 000 юрт, следовательно, от 5 до 6 тысяч человек, полагая средним числом от 5 до 6 душ на каждую юрту или тангутскую палатку.

Монголы сообщали нам, что болота Цайдама тянутся к западо-северо-западу дней на 15 пути от того места, по которому мы шли; далее, на протяжении нескольких дней ходу, залегает голая глина, за которой находится степное и частью холмистое место Гаст [Гас], обильное водой и пастбищами. Однако здесь никто не живет, но водится множество хуланов; за ними приезжают охотники с озера Лоб-нор, до которого от Гаста всего семь дней пути. Вообще из Восточного Цайдама, где мы были, до озера Лоб-нор, по уверению местных жителей, около месяца пути, следовательно 750—900 верст [800—960 км], полагая на каждый дневной переход 25—30 верст [27—32 км]. За хорошую плату в Цайдаме можно найти проводника по крайней мере до Гаста, откуда уже не трудно попасть и на Лоб-нор⁽¹³¹⁾.

Такой путь, кроме громадной важности географических исследований, представил бы возможность решить в высшей степени интересный вопрос о диких верблюдах и диких лошадях. В существовании тех и других нас единогласно уверяли монголы Цайдама и подробно описывали каждое животное.

По словам рассказчиков дикие верблюды обитают в достаточном числе в Северо-западном Цайдаме², где местность представляет совершенную пустыню с сухой глинистой почвой, поросшей бударганой. Вода здесь встречается чрезвычайно редко, но верблюды не стесняются этим и ходят на водопой за целую сотню верст, а зимой довольствуются снегом.

Дикие верблюды живут небольшими обществами от 5 до 10, редко до 20 экземпляров; в большие стада никогда не соединяются. По своей наружности они мало отличаются от домашних верблюдов; только у диких туловище тоньше и морда острей; кроме того у них шерсть имеет сероватый цвет.

¹ Замечательно, как невыгодно действует на скот обилие насекомых; в Цайдаме летом бараны и другие домашние животные бывают гораздо менее жирны нежели зимой, на гораздо худшем корме, но зато без докучливых мошек и комаров.

² В хошуне Курлык, в местностях Куку-сай и Сыртын-махай, до которых от Дулан-кита около 15 дней пути. В Сыртын-махае живут монголы — до 60 юрт.

Монголы Западного Цайдама охотятся за дикими верблюдами и бьют их для еды, преимущественно поздней осенью, когда эти животные бывают очень жирны. Отправляясь на такую охоту, промышленники берут с собой большой запас льду, чтобы не погибнуть от безводия тех местностей, в которых водятся дикие верблюды. Последние, вероятно, не особенно осторожны, если их можно бить из фитильных ружей. Монголы говорили нам, что дикий верблюд отлично обоняет и видит вдаль, но на близком расстоянии зрение его гораздо хуже. В феврале, в период течки, самцы делаются чрезвычайно смелы и иногда прибегают к караванам, которые следуют из Цайдама в город Аньси-чжоу. Случается, что караванные верблюды уходят тогда вместе с дикими и уже более не возвращаются.

Кроме Цайдама мы и прежде слышали рассказы монголов о диких верблюдах, которые водятся в земле тургутов и в пустынях от озера Лоб-нор к Тибету. Об этих животных слышал также Шау во время своего путешествия из Индии в Яркенд⁽¹³²⁾, и об них упоминается в китайских источниках. Но какие это верблюды? Прямые ли потомки диких родичей, или ушедшие в пустыню, одичавшие и размножившиеся на воле? Такой вопрос, конечно, невозможно решить по монгольским рассказам, но в пользу первого положения говорит то обстоятельство, что домашние верблюды не могут совокупляться, а следовательно и плодиться без помощи человека¹ (133).

Дикие лошади, которых монголы называют дзерлик-аду², весьма редко встречаются в Западном Цайдаме, но в большом количестве водятся в степях озера Лоб-нор. По словам рассказчиков эти лошади держатся обыкновенно большими стадами и чрезвычайно осторожны, так что, будучи испуганы человеком, бегут без оглядки несколько дней и возвращаются на прежнее место лишь через год или два. Дикие лошади цветом все гнедые, но имеют черный хвост и гриву, которая у взрослых жеребцов бывает так велика, что свешивается почти до земли. Убить это животное чрезвычайно трудно, и цайдамские монголы никогда за ними не охотятся⁽¹³⁴⁾.

Равнины Цайдама ниже степей Куку-нора на 1 700 футов [518 м], а потому и климат здесь сравнительно теплее, тем более, что в Цайдаме нет охлаждающего влияния поверхности огромного озера⁽¹³⁵⁾.

С выходом нашим из гор Гань-су, то есть с половины октября и весь ноябрь, стояла отличная осенняя погода, большей частью ясная. Хотя ночные морозы были постоянно большие (до $-23,6^{\circ}\text{C}$ в октябре и до $-25,2^{\circ}\text{C}$ в ноябре), но днем всегда было тепло³, если только солнце не пряталось за облака или не дул сильный ветер. Последнее случалось довольно редко, так что мы как нельзя более наслаждались прекрасной сухой погодой после непрерывных дождей и снегов Гань-су. В половине октября озеро Куку-нор было еще свободно от льда, который покрывал только кое-где мелкие заливы; речки же, и в том числе Баян-гол, замерзли окончательно к половине ноября. Снегу вовсе не было; если он изредка и выпадал⁴, то сдувался ветром или таял на солнце. Впрочем местные жители говорили нам, что в Цайдаме и на Куку-норе даже зимой снегу бывает

¹ Но не приобретают ли домашние верблюды такой способности на воле, после нескольких лет свободной жизни?

² То есть «дикий табуи» [аду — также: лошади в табуне, на воле].

³ При наблюдениях в 1 час пополудни термометр в первый раз показал ниже нуля только 28 октября.

⁴ Снег, выпадающий здесь, равно как и в Гань-су, так сильно блестит, что местные жители, за неимением очков, завязывает глаза пучком черных волос из хвоста яка.

очень мало; не особенно много идет его тогда и в горах Гань-су, где в зимний период большей частью стоит ясная погода.

Покинув ставку Цин-хай-вана, мы перешли через бесплодную солонцеватую равнину, на которой лежат два соленых озера — Сырхэ-нор и Дулан-нор, а потом перевалили через невысокий горный кряж, составляющий отрог Южно-Кукунорского хребта. Здесь перед нами раскинулись, необозримой гладью, равнины Цайдама, за которыми вздымался стеной хребет Бурхан-Будда. Несмотря на то, что до этих гор лежало еще более 120 верст, они виднелись совершенно ясно простым глазом, а в бинокль можно было различить чуть не каждую скалу. До того прозрачен осенний воздух этих пустынь!

Прежде нежели вступить в соляные болота, мы прошли неширокую волнистую равнину, которая служит переходом от болот к горам, их окаймляющим. Почва этой равнины глинистая и хрящеватая; местами же залегают сыпучие пески, на которых тотчас является и алашаньский зак [саксаул]. Глинистые площади, большей частью, бесплодны; на них растут только хармык и кое-где тамарикс. Как исключительная редкость, здесь встретились нам в нескольких местах маленькие площадки (2—3 десятины) обработанной земли, на которой местные монголы засевают ячмень и пшеницу. Более обширное поле, быть может около восьми или десяти десятин (¹³⁶), мы видели только неподалеку ставки Пинхай-вана, которому оно и принадлежит. Земледелие в Цайдаме началось очень недавно, с тех пор, как, по случаю дунганского восстания, сделалось затруднительным сообщение с городом Донкыром и местные жители не могли оттуда получать достаточно дзамбы, составляющей их исключительную пищу.

Нам пришлось итти поперек соляных болот около 60 верст [64 км]; тропинки здесь нет вовсе, так что мы двигались напрямик, то по голой соляной коре, то по замерзшей глине. Для животных итти было чрезвычайно трудно; некоторые верблюды начали хромать, а собаки едва могли ступать израненными в кровь лапами.

18 ноября мы достигли ставки начальника хошуна Дзун-засак, откуда, по приказанию кукунорского гыгена, должны были дать нам проводника до Лассы. Мы все еще скрывали, что не попадем туда, чтобы не возбудить подозрения. Хошунный князек долго затруднялся, кого с нами отправить, и дело затянулось на целых три дня. Наконец, к нам явился монгол по имени Чутун-дзамба, который девять раз ходил в Лассу проводником караванов. После долгих переговоров и обычного чаепития мы наняли этого старика очень дешево, по семи лан в месяц, при нашем продовольствии и верховом верблюде. Сверх того мы обещали Чутун-дзамбе награду за усердное исполнение своих обязанностей и на следующий день отправились в Тибет, намереваясь пройти по этой неведомой стране хотя до верховьев Голубой реки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СЕВЕРНЫЙ ТИБЕТ

[22 ноября (4 декабря) 1872—9 (21) февраля 1873 года]

Горные хребты Бурхан-Будда, Шуга и Баян-хара-ула. — Характер пустынь Северного Тибета. — Обычный путь караванов. — Баснословное обилие зверей: дивный як, белогрудый аргали, антилопы оронго и ада, волк и корсак. — Бедность птиц. — Наша зимняя жизнь. — Пыльные бури. — Монгол Чутун-дзамба, наш проводник. — Река Мурусу. — Возвращение в Цайдам.

Южной границей болотистых равнин Цайдама служит хребет Бурхан-Будда, который в то же время окаймляет собой высокое нагорье Северного Тибета. Этот хребет тянется от востока к западу и имеет в длину, по словам местных жителей, около 200 верст [около 215 км]. Восточный край Бурхан-Будды лежит недалеко от гор Ёграй-ула, и его резко ограничивает озеро Тосо-нор¹; западной же границей описываемого хребта служит река Номохун-гол, которая течет у южной подошвы Бур-Цайдама и впадает в Баян-гол².

Таким образом Бурхан-Будда стоит резко очерченной полосой как с востока, так и с запада, а всего более с севера, где он вздымается вдруг на совершенно гладких равнинах Цайдама. На всем своем протяжении описываемые горы не имеют особенно выдающихся точек, но стоят одним непрерывным гребнем⁽¹³⁷⁾.

По словам монголов Бурхан-Будда получил свое название³ несколько сот лет тому назад от одного гыгена, возвращавшегося из Тибета в Монголию. Испытав все ужасы тибетских пустынь и спустившись наконец в более теплые равнины Цайдама, святой окрестил именем самого Будды тот хребет, который стоит исполинским стражем высокого, холодного и пустынного нагорья Северного Тибета.

¹ Горы Ёграй-ула лежат недалеко от истоков Желтой реки; по словам монголов они не имеют вечных снегов, но покрыты лесами. Озеро Тосо-нор довольно узко, но в длину имеет два дня пути, то есть 50—60 верст; из него вытекает река Баян-гол.

² Река Номохун-гол вытекает из гор Шуга и имеет лишь несколько сажен ширины; при впадении этой реки в Баян-гол находятся, по словам монголов, развалины старинного города, где в давние времена жили китайские войска.

³ Это название в переводе означает «Бог Будда».

Действительно Бурхан-Будда составляет резкую физическую границу стран, лежащих по северную и южную его сторону. С этой последней, то есть с южной стороны, за описываемыми горами местность поднимается на страшную абсолютную высоту от 13 до 15 тысяч футов [приблизительно 4 000—4 600 м]¹. Столь высокое плато мы нашли на всем пространстве от Бурхан-Будды до верховьев Голубой реки, но оно тянется гораздо далее, именно до хребта Тан-ла и по всему вероятно повышается здесь еще более.

Если от равнин Цайдама подниматься на Бурхан-Будда, то от подошвы до гребня этих гор около 30 верст². Подъем довольно пологий и делается крутым лишь у самого перевала, абсолютная высота которого 15 300 футов [4 661 м]. Ближайшая же к нему вершина, называемая также Бурхан-Будда и высшая, по словам монголов, во всем хребте³, поднимается на 16 300 футов [4 971 м] над уровнем моря и на 7 500 футов [около 2 300 м] над равнинами Цайдама.

Однако, несмотря на свою огромную высоту, Бурхан-Будда нигде не достигает снежной линии. Даже в конце ноября, когда мы переходили через описываемые горы, снегу на них было чрезвычайно мало; он покрывал на несколько дюймов лишь северные склоны высших точек и самого гребня хребта. Весной, именно в феврале, на обратном пути, мы нашли то же самое: не растаивающего прошлогоднего снега не было видно здесь даже в ущельях, укрытых от солнца⁽¹³⁸⁾.

Причина такого явления, вероятно, заключается, во-первых, в том, что описываемый хребет, имея большую абсолютную высоту, не поднимается много над своей подошвой с южной стороны; обширные пустыни, здесь раскинувшиеся, летом нагреваются довольно сильно, и теплый воздух гонит снег с самых высоких вершин. Во-вторых, зимой здесь выпадает обыкновенно немного снега⁴, который идет гораздо обильнее весной, но тогда скоро тает от солнца и не может образовать массы, которая устояла бы в течение целого лета.

Общий характер хребта Бурхан-Будда заключается в его крайнем бесплодии. Горные склоны состоят здесь из глины, галечника, россыпей или обнаженных скал глинистого и кремнистого сланцев, сиенита и сиенитового порфира; эти скалы всего реже выступают на окраинах хребта, частью же и на самом его гребне. Растительности почти нет вовсе, за исключением редких уродливых кустов бударганы да желтого курильского чая; зверей и птиц также немного.

Южный склон описываемых гор в общем несколько плодороднее северного; здесь чаще встречаются ручьи и возле них что-то похожее на луга. Трава на таких местах обыкновенно вся выедена зверями или монгольским скотом, который пасется здесь летом во избежание бесчисленных насекомых, тучами населяющих в это время болота Цайдама.

Несмотря на пологое повышение, подъем на Бурхан-Будда чрезвычайно труден вследствие огромной высоты местности и разрежения через

¹ Только одна глубокая и узкая долина Номохун-гола врезана в это плоскогорье на 11 300 футов [3 441 м] абсолютной высоты.

² Между подошвой гор и солеными болотами Цайдама лежит промежуточная полоса шириной верст в 15. Эта полоса представляет покатую от гор, совершенно бесплодную хрящеватую равнину, усеянную валунами.

³ Это едва ли верно; мне кажется, что другие точки превосходят измеренную вершину, но не более как на несколько сот футов.

⁴ Монголы говорили нам, что снег на плоскогорье Северного Тибета выпадает неравномерно: в одну зиму его бывает довольно много, в другую — наоборот.

то воздуха. Силы изменяют здесь как выучным животным, так и человеку: чувствуется сильная слабость, делается одышка, голова болит и кружится. Зачастую верблюды падают мертвыми; из нашего каравана один издох мгновенно, а остальные едва-едва взойшли на перевал¹.

Спуск с Бурхан-Будда гораздо положе нежели подъем и идет на протяжении 23 верст [24,5 км] до речки Номохун-гол, узкая долина которой имеет 11 300 футов [3 441 м] абсолютной высоты; это было самое низкое место, найденное нами на всем плоскогорье Северного Тибета. От Номохун-гола местность начинает снова повышаться к другому горному хребту — Шуга, который тянется параллельно Бурхан-Будда и также резко оканчивается на западе, упираясь в равнины Цайдама².

Хребет Шуга немного длиннее, чем Бурхан-Будда. Он возникает на востоке от гор Урундуши, из которых также вытекает река Шуга-гол, окаймляющая описываемый хребет с юга. Эта река в том месте, где мы ее перешли, имела сажен 40 [метров 85] ширины³, но вообще мелководна. Она течет, по словам монголов, верст 300 [320 км] и теряется в болотистых равнинах западного Цайдама. Долина описываемой реки, подобно долине Номохун-гола, часто покрыта хорошей травой и является довольно плодородной сравнительно с бесплодием окрестных гор.

По своему характеру хребет Шуга совершенно походит на Бурхан-Будда: здесь та же мертвенность, те же голые скаты, отливающие то красным, то бурым, то синеватым или желтоватым цветами голой глины, каменных россыпей и оголенных горных пород. На гребне хребта громоздятся огромнейшие скалы известняка и эпидозита, но как спуск, так и в особенности подъем по тибетскому пути чрезвычайно пологи, хотя абсолютная высота перевала здесь немного более нежели на Бурхан-Будда⁴. Отдельные точки хребта Шуга также выше, и в средней части этих гор пять вершин достигают пределов вечного снега⁵.

Описываемый хребет составляет политическую границу Монголии (то есть Цайдама) и Тибета; однако эта граница не определена с точностью, и тибетцы называют ею горы Бурхан-Будда. Впрочем, из такой

¹ Описывая горы Бурхан-Будда, Гюк (Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. Т. I, р. 214—217) уверяет, что этот хребет замечателен присутствием на его северной и восточной стороне заразных углекислых газов. Далее следует рассказ, как сам Гюк и его спутники страдали от этих газов при восхождении на хребет. Точно так же в переводе китайского дорожника от Сирина до Лассы (в Известиях Императорского Русского Географического общества 1873 года, т. IX, стр. 298—305) говорится, что на этом пути в 23 местах встречаются «чжан-ци», то есть вредные испарения. Мы пробыли на плоскогорье Северного Тибета 80 дней и нигде не встречали ни «вредных испарений», ни «углекислых газов». Трудности же подъема на горы, равно как и вообще хождения даже на ровных местах Северного Тибетского плоскогорья, одышка и усталость, доходящие до головокружения, объясняются громадным абсолютным поднятием местности и сильным разрежением воздуха на подобной высоте. По этой же причине аргал в тибетских пустынях горит крайне плохо. Наконец, если бы действительно существовали углекислые или какие-либо другие вредные газы, то каким образом на Бурхан-Будда могли жить летом монголы со своими стадами, а далее в пустынях пастись огромнейшие стада диких животных.

² По всему вероятно Бурхан-Будда и Шуга на западной окраине имеют между собой связь и общей массой упираются в цайдамские равнины.

³ Такую ширину имело зимой распространение льда; сама речка, вероятно, гораздо уже.

⁴ Перевал через хребет Шуга имеет 15 500 футов абсолютной высоты [4 722 м].

⁵ Эти пять вершин лежали верстах в 7 к востоку от нашего пути; наглаз они поднимаются тысячи на две футов [около 600 м] выше перевала; снег на них лежал (в начале декабря и в начале февраля) обильно на северных склонах и нешироким пластом, только близ самых вершин, на южной стороне.

неопределенности особых споров быть не может, так как, начиная от Бурхан-Будда, по тибетскому пути, вплоть до южного спуска с гор Тан-ла, следовательно на протяжении почти 800 верст [приблизительно 850 км], вовсе нет населения¹. Монголы называют это место Гуресу-гадзыр, то есть звериная страна [земля], по чрезвычайному обилию здесь диких животных, о чем будет рассказано несколько ниже.

Вышеупомянутый хребет Урундуши, от которого отделяются горы Шуга и вытекает река Шуга-гол, стоит на северной стороне степи Одон-тала², изобилующей ключами и известной у китайцев под именем Син-су-хай, то есть «Звездного моря». Здесь находятся истоки знаменитой Желтой реки. Место это от того пункта, где мы перешли через реку Шуга, лежит в семи днях пути к востоку, но, к сожалению, наш проводник не знал туда дороги. Из Цайдама ежегодно в августе отправляются на Одон-тала монголы для моления и принесения жертвы богу. Эта жертва состоит из семи белых животных (один як, одна лошадь и пять баранов), которым привязывают на шею красные ленты и отпускают в соседние горы. Что делается потом с этими посвященными животными, богомольцы не знают; вероятно, их убивают тангуты или съедают волки.

В расстоянии около 100 верст к югу от гор Шуга стоит третий хребет, называемый монголами Баян-хара-ула³, а тангутами — Ёграй-вола-дакцы⁽¹³⁹⁾. Эти горы расположены на левом берегу верхнего течения Голубой реки, именуемой здесь монголами Мур-усу, и служат разделом ее бассейна от истоков Хуан-хэ.

Имея в общем направление с востока на запад, описываемый хребет в различных своих частях несет различные названия. Так западная его ветвь до реки Напчитай-улан-мурень [Чумар]⁴, называется Куку-шили; середина — собственно Баян-хара-ула; далее следуют горы Дакцы и, наконец, самая восточная часть называется Солома [видимо, Сал-ама]. Все эти горы, по словам монголов, нигде не достигают пределов вечного снега. Куку-шили занимает в длину около 250 верст; остальные же три части тянутся более чем на 400 верст, так что весь описываемый хребет имеет в длину около 700 верст [около 750 км]⁽¹⁴⁰⁾. Средней своей частью он сопровождает верхнее течение Голубой реки, но восточные и западные его окраины отходят от этой реки в стороны.

От гор Бурхан-Будда и Шуга хребет Баян-хара-ула отличается своим мягким характером и меньшей относительной высотой⁽¹⁴¹⁾. С северной стороны он едва ли возвышается (по крайней мере там, где мы видели эти горы) более 1 000 футов [300 м] над своей подошвой; на южном же склоне, то есть в долине Мур-усу, где местность понижается до 13 100 футов абсолютной высоты [почти 4 000 м], Баян-хара-ула стоит более крутой стеной. Из горных пород здесь преобладают глинистый сланец и фельзитовый порфир.

¹ Только на верховьях Мур-усу (Голубой реки), в шести днях пути вверх от устья реки Напчитай-улан-мурень, живут, как сообщали нам монголы, около 500 тангутов.

² Эта степь имеет в длину два дня пути; на юге ее лежат горы Солома [Сал-ама], составляющие восточную часть хребта Баян-хара-ула [Одон-тала с монгольского — звездная равнина].

³ Что значит в переводе: «богатые черные горы».

⁴ Эта река вытекает из снеговых гор Цаган-нир [Цаган-нуру] и, пройдя верст около 400 [425 км], впадает в Мур-усу. В своем низовье Напчитай-улан-мурень имеет (зимой) от 30 до 40 сажен [64—85 м] ширины; замечательно, что вода в этой реке солоноватая на вкус.

В общем описываемый хребет характеризуется: во-первых, своим мягким характером; скаты здесь везде пологи, скал, в особенности на северной стороне, почти нет; во-вторых, как северный, так и в особенности южные склоны богаты водой и, наконец, в-третьих, южная сторона Баян-хара-ула несравненно плодороднее всех виденных нами местностей Северного Тибета. Почва здесь делается песчаной и, благодаря значительному орошению, покрыта сравнительно хорошей травой по долинам, а частью также и по горным склонам.

Пространство между хребтами Шуга и Баян-хара-ула представляют собой страшную пустыню, поднятую до 14 500 футов [свыше 4 400 м] над уровнем моря¹. В общем вся эта площадь представляет собой волнистое плато, на котором то там, то сям разбросаны невысокие группы гор, или, правильнее, холмов, едва ли возвышающихся более 1 000 футов [приблизительно 300 м] над окрестной местностью.

Только в северо-западной части описываемого плато вздымаются громадные вечноснеговые горы Гурбу-найджи (по-тангутски Ачюн-гончик)² составляющие восточное начало великой системы Куэн-люня. Такими, по крайней мере, считают их цайдамские монголы, которые говорят, что отсюда далеко к западу тянется непрерывная цепь гор, то поднимающихся выше снеговой линии, то опускающихся ниже ее. В восточной части этой системы вечноснеговые вершины, кроме Гурбу-найджи, находятся в группах Юсун-обо и Цаган-нир [нуру].

Высокое плато между хребтами Шуга и Баян-хара-ула представляет собой общий тип пустынь Северного Тибета. Климат и природа имеют здесь ужасный характер. Почва состоит из глины, с примесью песка или гальки и почти вовсе лишена растительности. Только кое-где торчит кустик травы в несколько дюймов вышины, да изредка желто-серый лишай прикроет собой на фут или два оголенную почву. Эта последняя местами покрыта, словно снегом, белым налетом соли и везде изрыта бороздами или ямами, выдутыми постоянными бурями. Только в тех местах, где текут ключи или образуются кочковатые болота, травянистая растительность встречается в большом обилии и является что-то похожее на луга. Но даже и в подобных оазисах везде видна мертвая печать пустыни. Луговой покров состоит почти исключительно из одного вида злака³, вышиной в 0,5 фута [0,15 м], твердого, как проволока, и до того высушенного ветром, что под ногами он хрустит, как хворост, и рассыпается пылью⁴.

Абсолютная высота местности и разрежение вследствие этого воздуха здесь так велики, что небольшой переход или восхождение на незначительную горку уже сильно утомляют даже крепкого человека; во всем организме чувствуется расслабление, доходящее по временам до головокружения; ноги и руки трясутся, делается рвота. Развести огонь очень трудно, и аргал горит крайне плохо вследствие малого количества кислорода в разреженном воздухе; вода закипает на 12° R [15° C] скорей нежели на уровне моря.

¹ Озеро Буха-нор имеет 14 400 футов [4 392 м], а болото Хойтун-ширик у северной подошвы Баян-хара-ула — 14 900 футов [4 544 м] абсолютной высоты.

² Эти горы оставались верстах в 60 к западу от нашего пути.

³ Изредка попадаются и сложноцветные.

⁴ Лучшей рекомендацией, насколько «мягко» дерн на луговых площадях тибетских пустынь, может служить то обстоятельство, что наши верблюды часто накалывали здесь до крови толстейшие подошвы своих лап.

В климатическом отношении вышесписанное плато, подобно всем вообще пустыням Северного Тибета, вполне гармонирует со своей дикой природой. Страшные холода и бури господствуют здесь всю зиму; весна характеризуется также бурями и сильными метелями; лето — постоянными дождями, часто с крупным градом, и только осенью погода стоит ясная, тихая и довольно теплая. В это время обыкновенно направляются в Лассу караваны богомольцев из Монголии¹. Сборным пунктом таких караванов служит озеро Куку-нор, на привольных пастбищах которого откармливаются пришедшие с севера верблюды для нового, более трудного пути.

К монгольским пилигримам присоединяются на Куку-норе и местные, частью на верблюдах, частью же на яках. С первыми можно двигаться скорее, а потому на проход от города Донкыра до Лассы, где расстояние от 1 500 до 1 600 верст [1 600—1 700 км], потребно почти два месяца, делая ежедневно около 30 верст²; вьючные же яки идут гораздо тише, и на проход с ними того же расстояния необходимо до четырех месяцев.

Собственно дороги в тибетских пустынях нигде нет, хотя везде множество тропинок, протоптанных зверями. Караваны ходят здесь напрямик, по известным приметам местности. Подробно путь располагается следующим образом: от Донкыра по северному берегу Куку-нора и через Цайдам до хребта Бурхан-Будда от 15 до 16 дней пути; отсюда до Мур-усу — 10 дней; далее, вверх по этой реке, идут также 10 дней; потом через хребет Тан-ла до тибетской деревни Напчу — 5 дней; наконец, отсюда до Лассы еще 12 дней пути. В Напчу караваны оставляют своих верблюдов и идут далее на яках, так как местность делается очень гористой. Впрочем монголы говорили нам, что на верблюдах можно пройти до самой Мунху-дзу (Лассы), но богомольцы оставляют этих животных в Напчу потому, что далее нет для них хороших пастбищ.

Из Куку-нора, или из Донкыра, караваны отправляются всегда в начале сентября³, так что приходят в Лассу в начале ноября. Здесь они проедут 2—3 месяца и в феврале пускаются в обратный путь. Тогда к ним присоединяются тибетские купцы, которые везут в Донкыр и Синин сукно, мерлушки и разные мелкие товары. Кроме того в прежние времена, один раз в три года, отправлялся в Пекин посланник от далай-ламы с подарками к богдохану, но со времени дунганского восстания эти посольства прекратились.

Как осеннее, так и в особенности весеннее путешествие караванов через Северный Тибет никогда не обходится благополучно. Много людей, а в особенности верблюдов и яков, гибнет в этих страшных пустынях. Подобные потери здесь так обыкновенны, что караваны всегда берут в запас четверть, а иногда даже треть наличного числа вьючных животных. Иногда случается, что люди бросают все вещи и думают только о собственном спасении. Так караван, вышедший в феврале 1870 года из Лассы и состоявший из 300 человек с 1 000 вьючных верблюдов и яков, потерял вследствие глубоко выпавшего снега и наступивших затем холодов всех вьючных живот-

¹ Дунганское восстание прекратило на 11 лет подобные пилигримства из Северной Монголии. В это время караваны ходили только с Куку-нора и из Цайдама, да и то не каждый год.

² Дневок полагается только две: одна в Цайдаме у подошвы Бурхан-Будда, а другая на берегу Мур-усу.

³ Зимой или летом ходят только в исключительных случаях, так как зимой в тибетских пустынях иногда выпадает большой снег, а летом нет топлива; весь аргал делается сырым от постоянных дождей.

ных и около 50 людей. Один из участников этого путешествия рассказывал нам, что когда начали ежедневно дохнуть от бескормицы целыми десятками вьючные верблюды и яки, то люди принуждены были бросить все товары и лишние вещи; потом понемногу бросали продовольственные запасы, затем сами пошли пешком и напоследок должны были нести на себе продовольствие, так как в конце концов остались живыми только три верблюда, да и то потому, что их кормили дзамбой. Весь аргал занесло глубоким снегом, так что отыскивать его было очень трудно, а для растопки путники употребляли собственную одежду, которую поочередно рвали на себе кусками. Почти каждый день кто-нибудь умирал от истощения сил, а больные, еще живыми, все были брошены на дороге и также погибли.

Но, несмотря на все свое бесплодие и неблагоприятные климатические условия, пустыни Северного Тибета чрезвычайно богаты животной жизнью. Не видавши собственными глазами, невозможно поверить, чтобы в этих обиженных природой местностях могло существовать такое громадное количество зверей, скопляющихся иногда в тысячные стада. Только бродя с места на место, эти сборища могут находить достаточно для себя корма на скудных пастбищах пустыни. Зато звери не знают здесь своего главного врага — человека и вдали от его кровожадных преследований живут свободно и привольно¹.

Характерные и наиболее многочисленные млекопитающие тибетских пустынь суть: дикий як — *Roephagus grunniens*, белогрудый аргали — *Ovis polii* [*O. amon*], куку-яман — *Ovis* sp., антилопы — оранго *Antelope hodgsonii* [*Pantholops* h.] и ада — *Antelope* sp., хулан — *Equus kiang* [*E. hemionus kiang*] и желтовато-белый волк — *Canis* sp. Кроме того здесь живут: медведь — *Ursus* sp., манул — *Felis manul*?², лисица — *Canis vulpes* [*Vulpes* v.], корсак — *Canis corsac* [*Vulpes* c.], заяц — *Lepus tolai*, сурок — *Arctomys* sp. [*Marmota* sp.], и два вида пищухи — *Lagomys* sp. [*Ochotona*].

Часть этих животных была уже встречена нами в Гань-су и на Куку-норе, так что здесь я расскажу подробно только о собственно тибетских видах, среди которых на первом плане, несомненно, должен стоять дикий як или длинношерстый бык.

Это великолепное животное, действительно, поражает своей громадностью и красотой. Старый самец достигает почти 11 футов [3,35 м] длины без хвоста³, на который, вместе с густыми волнистыми и длинными волосами, его украшающими, приходится еще 3 фута [0,9 м]; высота животного у горба 6 футов [1,8 м]; окружность туловища по середине 11 футов [3,3 м], а вес приблизительно 35—40 пудов [570—650 кг]. Голова яка украшена огромными рогами, длиной в 2 фута 9 дюймов [84 см]⁴ и толщиной у корня 1 фут 4 дюйма [40 см] в окружности. Тело описываемого животного покрыто густой и грубой черной шерстью, которая у старых самцов принимает коричневый оттенок на спине и верхней части боков. Низ тела,

¹ Разреженность воздуха, как видно, не имеет влияния на тибетских животных, родившихся и выросших под малым давлением атмосферы.

² Манула и медведя мы лично не видали в Тибете, но о них рассказывали нам охотники в Цайдаме; кроме того я однажды видел на снегу след, принадлежавший манулу, по уверению нашего проводника. Медведи зимой были в спячке; они, по словам монголов, в большом числе живут в хребтах Бурхан-Будда и Шуга. Судя по рассказам, здешний медведь тот же самый, который обитает и в горах Гань-су.

³ 10 футов 10 дюймов, меряя от вершины носа, по горбу вдоль спины, до основания хвоста [3 м 30 см].

⁴ Меряя по наружному изгибу.

подобно хвосту, снабжен длинными черными волосами, свешивающимися в виде широкой бахромы. Шерсть на морде с проседью, которая у молодых экземпляров является на всей верхней части тела; вдоль спины у них тянется узкая серебристая полоса. Кроме того у молодых яков шерсть гораздо мягче и не имеет коричневого оттенка, но совершенно черная. Молодые самцы, хотя уже и взрослые, много меньше старых¹, но зато рога у них гораздо красивее и загибаются концами назад; между тем у старых быков рога загнуты концами более внутрь, а при основании всегда покрыты морщинистым серовато-бурым наростом.

Самки несравненно меньше самцов² и далеко не так красивы, как эти последние. Рога у них коротки и тонки; горб очень мал, волосы на хвосте и на боках туловища далеко не так роскошны, как у быков.

Чтобы иметь полное понятие о диком яке, нужно видеть это животное в его родных пустынях. Как сказано выше, это обширные плоскогорья, поднятые на 13—15 тысяч футов [приблизительно 4 000—4 600 м] абсолютной высоты. Они прорезаны громадными хребтами гор, дикими и бесплодными, как вся вообще природа этих стран. Оголенная почва только кое-где прикрыта здесь скудной травой, да и той невозможно, как следует, развиться при постоянных холодах и бурях, господствующих большую часть года. В таких негостеприимных местностях, среди самой унылой природы, но зато вдали от беспощадного человека, живет на свободе знаменитый длинношерстый бык, известный еще древним под именем «поэфагус».

Впрочем этот характерный зверь Тибетского нагорья распространяется к северу далее границы Тибета. Он встречается и, как говорят, в значительном числе на горах Гань-су, в верховьях рек Тэтунга и Эцзинэ, где в то же время проходит северная граница географического распространения описываемого животного. Но в Гань-су дикий як из года в год уменьшается в числе, будучи сильно преследуем местными жителями.

Физические качества яка далеко не так совершенны, как у других диких животных. Правда, этот зверь обладает громадной силой и превосходным обонянием, но зато зрение и слух развиты у него довольно слабо. Даже на ровной местности и в ясный день як едва ли различит на тысячу шагов человека от других предметов; в сумрачную же погоду он замечает охотника лишь на половинное расстояние. Точно так же шорох шагов или какой-либо другой шум возбуждают внимание описываемого зверя лишь тогда, когда достигнут крайней степени; зато як одарен превосходным обонянием и по ветру чует человека за полверсты, если не более.

Умственные способности яка, подобно тому, как и других быков, стоят на весьма низкой степени; об этом можно судить по чрезвычайно малому количеству головного мозга у описываемого животного.

За исключением периода течки старые быки³ бродят в одиночку или небольшими обществами от 3 до 5 экземпляров. Более молодые, но вполне взрослые самцы (приблизительно 6—10-летнего возраста) иногда присоединяются к обществу стариков, чаще же составляют особые партии в 10 или 12 голов; иногда в таком обществе бывает один, два или несколько старых животных. Затем самки, молодые самцы и телята скопляются в огромные

¹ Так например, самец шести лет имеет в длину, без хвоста, только 9,5 фута [2,9 м] и все размеры далеко не столь массивные, как у старого животного.

² Старая самка имеет в длину, без хвоста, 7 футов 3 дюйма [2 м 21 см], высота у горба 4 фута 9 дюймов [1 м 45 см]; окружность туловища по середине 7 футов [2 м 13 см]; вес ее раза в два или даже в три меньше нежели самца.

³ По словам монголов дикий як живет около 25 лет.

Монгол-охотник верхом на яке

стада по несколько сот, иногда даже до тысячи экземпляров¹. Подобным скопищам, правда, трудно кормиться на плохих пастбищах пустыни, но зато в такой массе молодые, неопытные телята гарантированы от нападений волков.

На покормке стадо яков обыкновенно ходит немного врассыпную, но отдыхает, лежа плотной кучей². В подобную же кучу оно собирается, заметив опасность, причем телята становятся внутри, а несколько взрослых самцов и самок выходят вперед и стараются разузнать, в чем дело. Если тревога произошла даром и охотник подходит ближе, а в особенности если он сделает выстрел, то вся столпившаяся громада пускается опрометью на уход, частью рысью, частью же галопом. При последнем беге, многие животные наклоняют головы книзу, хвосты загибают на спину и мчатся вперед без оглядки; пыль поднимается густым столбом, топот копыт слышен очень далеко.

Впрочем такая бешеная скачка обыкновенно продолжается недалеко — редко версту, часто же и того менее. Затем испуганное стадо начинает бежать тихой рысью и вскоре останавливается в прежнем порядке, то есть молодые внутри кучи, а взрослые по ее наружной окраине. Если охотник снова приближается, то повторяется прежняя история, и вообще однажды напуганное стадо уходит далеко.

Бег одиночного яка рысистый; вскачь он бросается только несколько шагов с места, да и то лишь тогда, когда бывает напуган. На лошади всегда легко догнать описываемого зверя, как бы он ни бежал. По горам, самым высоким и скалистым, як лазает превосходно; мы видали этих зверей на таких крутизнах, куда взобраться было впору лишь куку-яману.

Большие стада яков зимой обыкновенно держатся в местах, обильных пастбищами, тогда как отдельные самцы, или их небольшие общества, встречаются везде и всюду. В пройденной нами северной части Тибета яки-быки начали попадаться тотчас же за хребтом Бурхан-Будда, тогда как стада этих животных явились лишь возле Баян-хара-ула, а в особенности на южном склоне этих гор и по берегам Мур-усу; до тех пор только два раза мы встретили небольшие стада возле реки Шуга.

Монголы говорят, что летом, когда растет молодая трава, большие стада также доходят до Бурхан-Будда, кочуя с места на место, но на зиму они всегда возвращаются к берегам Мур-усу; старые же самцы, которым не нравятся дальние переходы, остаются на прежних местах и зимой.

Самую крупную черту характера дикого яка составляет лень. Утром и перед вечером описываемый зверь идет на пастбище, а остальную часть дня проводит в ненарушимом покое, которому предается лежа или иногда даже стоя. Одно пережевывание жвачки свидетельствует в это время, что як жив; во всем остальном он походит на истукана; даже голова остается в одном и том же положении по целым часам.

Для лежбища як выбирает всего чаще северный склон горы, или какой-нибудь обрыв, чтобы избежать солнечных лучей, так как он вообще не любит тепла. Даже в тени этот зверь всего охотнее ложится на снег, а если его нет, то на голую землю в пыль, нарочно разрывая для этого копытами глинистую почву; Впрочем довольно часто можно видеть отдыхающих яков там же, где они и паслись.

¹ Больших по численности стад мы не видали; в общем стаде бывают часто и взрослые (но не старые) самцы.

² Во время сильной бури стада и одиночные самцы обыкновенно лежат.

Места пастбищ и отдыха описываемых животных всегда сплошь покрыты пометом, который составляет единственное топливо в здешних пустынях. Монголы даже благодарят бога за то, что он дал яку такое широкое заднепроходное отверстие, что этот зверь сразу может положить полпуда помета. Действительно, если бы не имелось яка, то путешествие по тибетским пустыням было невозможно по недостатку топлива, так как здесь нигде нет даже маленького кустика.

Вода составляет необходимое условие для жизни дикого яка. Бесчисленное множество следов и помета возле незамерзающих ключей свидетельствовали нам, что эти места усердно посещаются описываемыми животными; за неимением незамерзшей воды они довольствуются снегом. Впрочем летом яку относительно питья полное приволье, так как в тибетских пустынях, независимо от значительного количества речек и ключей, везде множество небольших луж, образовавшихся в период дождей (¹⁴²). Возле таких мест обыкновенно лучше растет трава, так что неприхотливый вкус яка находит себе полное удовлетворение, и эти звери, исхудавшие в течение долгой зимы, к осени делаются снова жирными, в особенности молодые самцы и холостые самки.

Время течки, которая происходит в сентябре и продолжается целый месяц, совершенно меняет характер ленивого яка. Тогда самцы дни и ночи рыщут по пустыне, отыскивая самок и вступая в отчаянные драки с своими соперниками. Подобные турниры, по всему вероятно, бывают весьма серьезны, так как почти у всех самцов, убитых нами зимой, находились на теле знаки любовных дуэлей в виде ссадин, иногда очень больших. Мало того, у одного убитого мной яка левый рог был совсем отломан у корня, так что зверь ходил только с одним рогом. Каков же был толчок, который мог сломать громадный и чрезвычайно крепкий рог этого животного? Каковы были и головки, из которых одна могла нанести, а другая выдержать подобный удар!

Монголы говорили нам, что в период течки самцы постоянно издают голос вроде хрюканья. Это весьма вероятно, так как голос домашнего яка совершенно походит на хрюканье свиньи, только гораздо громче и несколько протяжней. Самому мне и моему товарищу ни разу не случилось услышать голос дикого яка, который, за исключением времени полового возбуждения, хрюкает чрезвычайно редко.

По словам монголов самки рожают телят в июне и притом одна и та же корова приносит детей только через год.

Одаренный громадной физической силой, як в своих родных пустынях, вдали от человека, не имеет опасных врагов, так что большая часть этих животных умирает от старости. Впрочем дикие яки подвержены болезни, называемой монголами «хомун» [хаму — чесотка], которая состоит в том, что все тело зверя, мало-помалу, покрывается коростой и шерсть на таких местах вылезает. Не знаю, влечет ли подобная болезнь за собой смерть, или як со временем выздоравливает, но только мне самому случилось убить два старых экземпляра, у которых большая часть тела была лишена волос и покрыта чесоткой.

Охота за диким яком насколько заманчива, настолько же и опасна, так как раненый зверь, в особенности старый самец, часто бросается на охотника. И тем страшнее становится это животное, что нельзя рассчитывать убить его наверное, даже при самом полном искусстве и хладнокровии стрелка. Пуля из превосходного штуцера не пробивает кости черепа, если только не попадет прямо над мозгом, количество которого ничтожно

в сравнении с громадной головой; выстрел же, направленный в туловище зверя, только в самом редком случае может убить его наповал¹. Понятно, что при таких условиях охотнику невозможно рассчитывать на верный выстрел, хотя бы даже в упор, а следовательно, нельзя и ручаться за благополучный исход борьбы с гигантом тибетских пустынь. Стрелка выручает только одна глупость и нерешительность яка, чувствующего, несмотря на свою свирепость, непреодолимый страх перед смелым человеком. Но будь як немного поумнее, то он был бы для охотника страшнее тигра, так как, повторяю, убить этого зверя сразу, наверняка, возможно лишь в самых редких случаях. Одним только числом выстрелов можно одолеть яка, а потому для охоты за ним необходимо иметь скорострельный штуцер. Конечно, здесь дело идет о старых самцах; коровы же и вообще стада этих животных бегут без оглядки при первом выстреле.

Впрочем и старые яки не всегда бросаются на охотника, но часто также уходят, будучи даже ранеными. В таком случае их всего лучше преследовать собаками, которые догоняют зверя, хватают его за хвост и принуждают останвиться. Рассвирепевший як бросается тогда то на одну, то на другую собаку и не обращает внимания на охотника. Еще удобнее и безопаснее преследовать яка, или даже целое стадо, верхом на хорошей лошади, которая без труда догоняет тяжелого зверя. К сожалению, обе наши лошади при бескормице пустыни едва волочили ноги, а потому мы ни разу не могли испытать удовольствия верховой охоты.

Зато с каким увлечением предавались мы с товарищем пешеходным охотам за яками, в особенности сначала, когда впервые встретили этих животных. Вооруженные скорострельными штуцерами, мы выходили ранним утром из своей юрты и отправлялись на поиски за желанным зверем. Заметить его нетрудно простым глазом на расстоянии нескольких верст; в бинокль же эту черную громаду видно очень далеко, хотя иногда случается обманываться, принимая большой черный камень за лежащего яка. Впрочем начиная от реки Шуга, в особенности на Баян-хара-ула и по берегам Мур-усу, этих зверей везде было такое множество, что в окрестностях нашей юрты обыкновенно всегда виднелись пасущиеся или отдыхающие одиночки и даже целые стада.

Подкрасться к дикому яку на выстрел очень не трудно, легче, чем ко всякому другому зверю. Благодаря плохому зрению и слуху описываемого животного, к нему даже на открытом месте почти всегда можно подойти шагов на 300; на такое расстояние быки (только не стадо) подпускают к себе охотника, даже заметив его издали. Не испытав преследования со стороны человека и будучи уверен в своей силе, зверь не страшится приближающегося охотника и только пристально смотрит на него, махая по временам своим огромным хвостом или закидывая его на спину. Такое маханье хвостом у яка, как домашнего, так и дикого, служит признаком раздраженного состояния: зверь начинает сердиться, видя, что хотят нарушить его покой.

Когда охотник продолжает наступать все ближе и ближе, то як убегает, изредка останавливаясь и посматривая в сторону человека; если же при этом он испуган выстрелом или ранен, то бежит много часов сряду.

В горах иногда удается подойти к яку на полсотни шагов, если только ветер не от охотника. Когда же як находился на местности открытой и я

¹ Мне только однажды удалось убить, и то молодого, яка одной пулей,² которая перебила ему позвоночный столб.

желал подойти к нему поближе, то употреблял для этой цели особенный способ. Приблизившись к зверю шагов на 300, я полз далее на коленях, подняв над головой свой штуцер с приделанными к нему для меткости стрельбы сошками¹ таким образом, что эти сошки образовали подобие рогов. При этом на охоте я был всегда одет в сибирскую кухлянку, сделанную из молодых оленьих шкур шерстью вверх, так что подобное одеяние также много обманывало близорукого зверя и он всегда подпускал шагов на 200 или даже на 100.

Приблизившись на такое расстояние, я ставил свой штуцер на сошки, поспешно доставал патроны, клал их возле себя на снятую фуражку и, стоя на коленях, начинал стрелять. Случалось, что после первой же пули зверь пускался на уход, тогда я провожал его выстрелами шагов до 600, иногда даже далее. Если же як был старый самец, то гораздо чаще вместо ухода он бросался в мою сторону, нагнув вперед рога и забросив хвост на спину. При подобном нападении всего сильнее обнаруживалась глупость описываемого животного. Вместо того, чтобы выбирать одно из двух: или уходить или смело нападать, як, сделав несколько шагов в сторону выстрела, останавливался в нерешимости, вертел хвостом и тотчас же получал новую пулю. Тогда он вновь бросался вперед и снова повторялась прежняя история, так что в конце концов зверь падал мертвым, получив с десяток, иногда даже более, пуль и все-таки не добежав до меня еще целую сотню шагов. Случалось также, что после двух-трех выстрелов як пускался на уход, но, получив еще пулю в догонку, он вновь поворачивал ко мне и опять напрашивался на выстрел. Вообще из всех убитых или раненых нами яков только двое подбежали на 40 шагов и, вероятно, подошли бы еще ближе, если бы не были убиты; но, сколько можно было заметить, чем более приближается нападающий зверь к охотнику, тем трусливее и неохотнее он наступает.

Чтобы еще более дать понятие о подобных охотах, я расскажу каким образом был убит як, шкура которого находится в нашей коллекции².

Однажды, перед вечером, мы заметили трех яков, пасшихся в горной долине, недалеко от нашей юрты. Я тотчас отправился к зверям и, приблизившись шагов на 200, выстрелил в самого большого из них. После выстрела яки пустились на уход³, но, отбежав с полверсты, остановились. Я опять подкрался к ним на 300 шагов и снова выстрелил в прежнего зверя. Оба его товарища бросились бежать, но дважды раненый великан остался на месте и потихоньку шел в мою сторону. Со мной был скорострельный штуцер Бердана. Из него я пускал в яка пулю за пулей — они били как в мишень, даже видно было, как летела пыль из того места шкуры, куда попадала пуля; но зверь все-таки то шел ко мне, то отбегал назад, получив чересчур чувствительный удар. Он находился еще шагах в 150, когда я расстрелял все бывшие со мной 13 пуль и, оставив одну в ружье на вся-

¹ Общее во всей Сибири, да и в Монголии, правило — приделывать к ружью сошки для стрельбы пулей — вовсе не так бесполезно, как то кажется с первого раза. Наоборот, такое приспособление крайне необходимо, так как после сильной и долгой ходьбы по горам или лесам нет возможности верно прицелиться прямо с руки даже самому искусному стрелку.

² Мы привезли из Тибета две шкуры яков-самцов. Обе эти шкуры, будучи высушенными, весили с рогами 7,5 пуда [123 кг], сырая же шкура описываемого зверя имеет на голове и шее 0,5 дюйма [1,3 см] толщины и весит с рогами более 10 пудов [более 164 кг].

³ Будучи в обществе нескольких сотоварищей, дикий як гораздо реже бросается на охотника нежели одиночный.

кий случай, бегом пустился в свою юрту за новыми зарядами. Здесь я пригласил своего товарища, взял одного из казаков и мы втроем отправились добывать могучего зверя. Между тем наступили сумерки, что для нас было очень невыгодно, так как меткий прицел был уже невозможен.

Когда мы пришли к тому месту, где остался як, то нашли его лежащим на земле; только поднятая голова с огромными рогами свидетельствовала, что зверь еще жив. Мы приблизились к нему шагов на 100 и выстрелили залпом; в то же мгновение як вскочил и бросился к нам. Тогда мы начали сыпать в него пулями из трех скорострельных штуцеров, но зверь все-таки приближался к нам и наконец подошел на 40 шагов. Еще залп — и як, взмахнув хвостом, пустился на уход, но, отбежав с сотню шагов, остановился. Между тем стало совершенно темно, так что я решил прекратить пальбу, тем более, что можно было ручаться, что зверь издохнет ночью от полученных ран. Действительно, на завтра утром мы нашли его уже мертвым. В туловище яка мы насчитали 15 пуль и 3 в голове; из последних ни одна не пробил толстой кости черепа¹, прикрытого кожей в полдюйма [1,2 см] толщиной.

В другой раз, бродя по горам, я вдруг увидел трех лежащих яков, которые не замечали меня за крутым скатом и спокойно отдыхали. Не думая долго, я прицелился и выстрелил; тогда все три зверя вскочили, но, не зная в чем дело, не убегали. Вторая пуля в того же самого яка попала так ловко, что убила зверя наповал; два другие его товарища продолжали стоять и, по обыкновению, махали хвостами. Третий мой выстрел был также очень удачен: он перебил второму яку ногу, и тот поневоле должен был остаться на месте. Тогда я направил свой огонь в третьего зверя, но не так скоро покончил с ним, как с двумя его товарищами. После первой же пули этот як бросился ко мне, но, пробежав с десяток шагов, остановился. Еще я посадил в него пулю, и опять як немного подвинулся в мою сторону; наконец, зверь приблизился уже на 40 шагов, когда, после седьмой пули кровь хлынула у него ручьем из горла, и великан рухнул на землю. Затем я без труда дострелил третьего яка с перебитой ногой и, таким образом, в несколько минут, не сходя с места, убил трех огромных зверей. Подойдя к ним, я увидел, что у того яка, который бросался ко мне, все семь пуль Бердана сидели в груди рядом, словно пуговицы. Нужно знать страшную силу штуцерной пули, чтобы понять, насколько был крепок зверь, который мог выдержать семь подобных ударов чуть не в упор.

После многих опытов я убедился, что всего лучше стрелять яка под лопатку и, если возможно, то в левый бок; тогда штуцерная пуля, даже на 200 шагов, пробивает зверя насквозь (останавливаясь всегда под кожей противоположной стороны) и всего скорее может задеть сердце или легкие. Впрочем малокалиберная пуля, какова у ружья Бердана, даже пронизав сердце, не сразу убивает старого яка, который после такой раны еще бегаёт несколько минут. Выстрел же описываемому зверю в голову, хотя бы в упор, самый неверный; если пуля даже большого калибра² попадет здесь не прямо против мозга, но хотя немного наискось, то она не пробивает костей черепа. Мне всегда приходило на мысль в случае если як бросится решительно, стрелять ему в упор в ногу, перебив которую, сразу можно обезоружить зверя.

¹ Одна из пуль Бердана попала в левый глаз яка, выбила этот глаз и, пройдя около дюйма [2,5 см] по кости черепа, разбилась на мелкие кусочки.

² Как например штуцера Ланкастера калибр № 16; такой штуцер был у меня в экспедиции.

Коровы и молодые самцы также чрезвычайно выносливы на рану, а потому убить самку яка очень трудно, так как они ходят стадом и нет возможности направить огонь в одно и то же животное. Притом стадо всегда гораздо осторожнее и подкрасться к нему на меткий выстрел гораздо труднее, чем к одиночному самцу. В продолжение своего зимнего пребывания в Тибете мы с товарищем убили 32 яка (не считая ушедших раненых), но из них только три были коровы.

Монголы страшно боятся дикого яка, и нам рассказывали, что караваны богомольцев, встретив в узком ущелье лежащего зверя, останавливаются и ждут, пока он уйдет в сторону. Впрочем цайдамские монголы довольно часто охотятся за яком. Главной приманкой такой охоты служит громадное количество мяса, получаемого с одного животного. Охотники собираются партией, человек в десять, и едут за хребет Бурхан-Будда, или далее на реку Шуга. Не решаясь вступить с зверем в открытый бой, монголы стараются подкрасться к яку из-за какого-нибудь прикрытия, стреляют залпом и сами прячутся, в ожидании, что будет далее. Обыкновенно раненый як, не видя никого, уходит; тогда охотники преследуют его издали и, если пули попали хорошо, то на завтра, а иногда через день или два, находят зверя мертвым. При подобной охоте, конечно, убивается редкий як, так как его стреляют из фитильных ружей, пуля которых действует несравненно слабей штуцерной. Иногда случается, что раненый монголами зверь, убежав от места стрельбы, встречает стреложенных лошадей охотников и убивает их своими могучими рогами. Кроме мяса монголы берут сердце и кровь яка, которые они считают лекарством от внутренних болезней; шкуры возят на продажу в город Донкыр, а из длинных волос хвоста и боков туловища вяют веревки.

Мясо дикого яка, в особенности жирного молодого самца или яловой коровы, очень вкусно, но все-таки хуже, чем говядина домашнего сарлока; старые же самцы имеют очень твердое мясо.

Другой, не менее замечательный зверь, встреченный нами в Северном Тибете, был белогрудый аргали (*Ovis polii*) [*O. ammon*], который по величине равняется своему монгольскому собрату, но отличается от него измененными рогами и белой грудью, покрытой удлиненными волосами, образующими подобие манишки. Мы нашли описываемое животное в первый раз в Северном Тибете, тотчас за хребтом Бурхан-Будда; далее белогрудый аргали встречался на горах Шуга и Баян-хара-ула, но везде довольно редок. Монголы сообщали нам, что аргали водятся также в Южно-Кукурнорском хребте и даже в горах Гань-су, близ истоков реки Эцзинэ, но мы не могли узнать, белогрудые они или нет. Мне кажется, что первое предположение будет вероятнее и что Ганьсуйским горам вместе с Кукурнорскими, свойственен уже тибетский вид.

Этот последний по образу жизни совершенно походит на монгольского аргали, и хотя обитает на более высоких плоскогорьях, но избегает высоких или слишком скалистых гор, а держится всего более на их окраинах и даже в невысоких холмах. В Северном Тибете часто можно видеть белогрудых аргали, пасущихся в горных долинах вместе с хуланами и антилопами.

Внешние чувства описываемого животного развиты превосходно, и аргали, противоположно другим тибетским зверям, очень осторожен, несмотря на то, что почти вовсе не преследуется человеком. Монголы убивают его в самых редких случаях, да и то лишь самок, а самцов даже не стреляют, зная, что пуля фитильного ружья не убьет этого зверя наповал.

Белогрудые аргали держатся небольшими обществами от 5 до 15 экземпляров и редко скучиваются в стада из 25 или 30 голов. В каждом стаде находятся один или чаще два-три самца, которые водят и охраняют самок. Последние безусловно верят бдительности своего предводителя, и лишь только вожак, почуяв опасность, пускается бежать, как все стадо опрометью бросается за ним. Самец обыкновенно бежит впереди и, сделав несколько сот шагов, останавливается, а за ним и все стадо. Столпившись густой кучей, оно смотрит в ту сторону, откуда явилась опасность; самец в это время часто взбирается на ближайший холм или на скалу, чтобы лучше рассмотреть в чем дело. Чудно красив в такой позе этот зверь, которого стройный стан резко обрисовывается на вершине скалы, а грудь блестит на солнце снежной белизной.

Я несколько раз задавал себе вопрос, кто красивее: як или белогрудый аргали, и лучшего ответа дать не мог, что каждый из этих зверей хорош по-своему. Мощное туловище яка, громадные рога, длинная бахрома волос, свешивающихся почти до земли, густой хвост, наконец, черная окраска зверя — бесспорно делают его весьма красивым; но, с другой стороны, стройный аргали, с большими круто изогнутыми рогами, ярко-белой грудью и гордой походкой, имеет также полное право считаться великолепным животным Тибетских пустынь.

Утром аргали пасутся по горам или в долинах, но лишь только солнце поднимется выше, как звери идут отдыхать, избирая для этого подветренный пологий скат горы, откуда можно бы было видеть далеко во все стороны. Здесь аргали разгребают сначала копытами глинистую почву, ложатся в пыль¹ и проводят на одном месте несколько часов сряду. Если отдыхает целое стадо, то самцы укладываются немного в стороне, чтобы удобнее было сторожить. Когда же общество состоит из одних самцов без самок², то они ложатся вместе, но обыкновенно головами в разные стороны. Словом, описываемый зверь никогда не забывает осторожности, и застать его врасплох очень трудно. На охоте самое лучшее заметить аргали издали и, определив направление ветра, стараться подкрасться к животному с противоположной стороны; но и тогда необходим превосходный штуцер, так как стрелять приходится редко даже на 200 шагов. За все время своих тибетских охот мы убили только 8 белогрудых аргали, из которых трое были взрослые самцы.

Период течки у описываемых зверей бывает, по словам монголов, поздней осенью; в конце ноября, когда мы пришли в Тибет, течка уже окончилась, и самцы вели себя дружелюбно. Между тем в период любви они затевают серьезные драки, следы которых остаются на изломанных концах и ссадинах рогов. Молодые, по словам монголов, рождаются в июне³. Кроме того, монголы сообщили нам, что у очень старых самцов рога иногда до того выступают своими концами впереди морды, что животное не может щипать траву и погибает с голода. Не знаю, насколько это справедливо, но в Северном Тибете лишь изредка можно встретить череп белогрудого аргали.

Рядом с этим последним и яком, характерным животным высоких нагорий Северного Тибета является антилопа, называемая монголами и

¹ Разгребание почвы, сколько можно было заметить, производится обыкновенно лишь самцами.

² В такое общество соединяются 3 или 4 самца — не более.

³ Между тем как у монгольского аргали период течки бывает в августе, а молодые рождаются в марте.

тангутами оронго — *Antilope hodgsonii* [Pantholops h.]. Самец этого вида чрезвычайно красивое животное. Ростом он больше дзерена и имеет статное туловище, на высоких тонких ногах; голова украшена большими (23 дюйма длиной) [58 см], тонкими, спереди рубчатыми, немного изогнутыми и вертикально стоящими черными рогами. В зимней шерсти верх и бока морды, бока груди и передние стороны ног черного цвета; горло, середина груди, живот и зад белые; спина бланжево-бурая¹. В общем зверь издали кажется совершенно белым; самка гораздо меньше самца, не имеет рогов и черной окраски на теле².

Оронго встречен был нами тотчас за хребтом Бурхан-Будда и распространяется отсюда, по словам монголов, на юг до гор Тан-ла. Местом своего жительства описываемый зверь выбирает горные долины и волнистые степи и по количеству составляет, после яка, преобладающий вид в пустынях Северного Тибета. Вода для оронго так же необходима, как для яка и хулана, а потому описываемые антилопы держатся исключительно в тех местах пустыни, где есть речки или ключи.

Оронго живет небольшими обществами от 5 до 20 или 40 экземпляров и только в редких случаях (например на особенно хороших пастбищах) скопляется в стада по несколько сот голов. В каждом стаде обыкновенно встречается несколько старых самцов, более опытных и осторожных нежели самки; впрочем оронго вообще мало осторожен. При бегстве стада самцы всегда следуют позади, словно прикрывая отступление; тогда как у других антилоп, например дзеренов и хара-сульт, это бывает наоборот. Во время спокойного хода или даже на быстром бегу самец постоянно держит рога вертикально, что чрезвычайно красит это грациозное животное. Притом бег у него всегда рысистый и до того быстрый, что издали невозможно заметить, как мелькают ноги. Такой рысью самец уходит даже от преследования собак или волков и далеко оставляет их позади себя.

Придя в Тибет, мы как раз застали у описываемых антилоп период течки, которая продолжается с половины ноября до половины декабря. В это время каждый взрослый самец³ находится в самом возбужденном состоянии. Он мало ест, так что запасенный летом жир быстро спадает, и, собрав вокруг себя гарем из 10 или 20 самок, строго блюдет, чтобы какая-либо из них не соблазнилась иным кавалером. Ради этого, увидев другого самца, законный владелец стада бросается к нему навстречу, наклонив вперед рога и издавая глухой отрывистый рев. Дело часто доходит до серьезной драки, в которой острые и длинные рога служат страшным оружием, так что противники сильно, а иногда, вероятно, и смертельно, ранят друг друга. Когда один из самцов чувствует себя слабее, то пускается на уход; противник его преследует и если уходящий видит,

¹ Летом, по словам монголов, оронго имеет красноватую шерсть, как дзерен.

² Вот дополнительная характеристика старого самца. Ростом на 7 дюймов [18 см] длиннее и настолько же выше нежели *Antilope gutturosa*. Тело равномерно толстое; шея средней длины, прямая и сравнительно толстая. Морда тупая, широкая, в особенности возле ноздрей, где с боков находятся утолщенные, внутри пустые бугры, довольно большие; ноздри большие и поставлены горизонтально. Ноги тонкие, длинные; хвост небольшой (9,5 дюйма [24 см] с волосами). В пахах задних ног у самцов и самок большие железы; в пахах же передних ног железы не велики; пучков шерсти на коленях и зоба нет. Вес самца (невыпотрошенного) около 3 пудов [49 кг], самки — от 1,5 до 2 пудов [25—33 кг].

³ Молодые самцы, которые имеют небольшие рога и совершенно похожи цветом шерсти на самок, как кажется, не участвуют в супружеской жизни; по крайней мере в период течки они ходят по несколько в одном стаде с самками и не дерутся.

что его нагоняют, то в одно мгновение поворачивается назад и наклоненными рогами встречает удар соперника. Задор разгоряченных зверей бывает так велик, что однажды самец, пробитый мной пулей во время драки, все-таки продолжал несколько минут драться, пока не издох почти на месте.

Если во время течки какая-нибудь самка отделится от стада, то самец тотчас же бросается за ней, ревет и старается пригнать обратно. Но иногда случается, что в это время убегают другие самки; самец пускается то за одной, то за другой из них и часто теряет весь свой гарем. Тогда оставшись один, он начинает сердито бить копытами в землю, загибает крючком хвост, наклоняет рога, ревет и вызывает на бой противников. Такие истории повторяются беспрестанно с утра до вечера, и вообще не существует прочной связи между владельцем стада и его самками; сегодня они у одного самца, завтра у другого.

По окончании течки самцы оронго попрежнему живут между собой в мире и согласии. В это время они иногда составляют отдельные общества; самки также часто соединяются тогда в особые стада. Так, например, в долине реки Шуга мы видели в конце января стадо приблизительно до 300 экземпляров, состоявшее из одних только самок; последние, по словам монголов, родят молодых в июле.

Как упомянуто выше, оронго мало осторожен; даже на открытой местности он подпускает охотника шагов на 300 или на 200, а иногда и того ближе. Треск выстрела и свист пролетевшей мимо пули часто вовсе не пугают этого зверя; он только удивляется такому явлению и тихо отходит, беспрестанно останавливаясь и поглядывая на охотника. Подобно другим антилопам, оронго очень вынослив на рану и даже пробитый пулей насквозь, часто уходит далеко¹.

Охота за описываемой антилопой очень легка, так как зверь смел и держится главным образом в горных долинах, обыкновенно изрезанных оврагами. Местами, как например, в долине реки Шуга, оронго так много, что в продолжение дня по ним можно сделать сотни полторы или даже две выстрелов из скорострельного штуцера. Много ли будет убитых — это вопрос, так как при стрельбе зверей пулями на большие расстояния, удача выстрела зависит и от счастья.

Монголы и тангуты считают оронго святым животным, и ламы не едят его мяса, которое, кстати сказать, чрезвычайно вкусно, в особенности осенью, когда зверь бывает очень жирным. Кровь оронго считается лекарством, а рога употребляются для различных шарлатанств. По рубцам на них монголы гадают о своей судьбе или об успехе какого-либо дела. Этими же рогами очерчивают место могилы при закапывании в землю мертвых лам; если же такой мертвец, подобно тому как и большая часть монголов, прямо выбрасывается в поле, то рогами оронго все-таки очерчивают место вокруг покойника. Для подобной цели эти рога приносятся в Халху богомольцами, возвращающимися из Тибета, и продаются очень дорого. Кроме того монголы уверяют, что если из рога оронго сделать ручку на плетень и ею погонять верховую лошадь, то она не скоро устанет.

Наконец, между всеми северными монголами распространено мнение, что оронго имеет только один рог, поставленный вертикально в середине

¹ Замечательно, что у всех убитых нами оронго под кожей задней части спины мы находили множество крупных личинок оводов, чего не встречали более ни у одного зверя Северного Тибета.

лба. Ближе к Тибету, в Гань-су и на Куку-норе жители уже говорили нам, что однорогие экземпляры попадаются очень редко — один или два на тысячу. Наконец, в Цайдаме монголы, близко знакомые с оронго, единогласно отвергали существование однорогой антилопы, но в то же время уверяли, что подобный зверь водится в Юго-западном Тибете. Там вероятно сказали бы, что однорогое животное обитает в Индии, и таким образом можно дойти до действительно однорогого носорога.

Другая антилопа, свойственная Северному Тибету, отличается своим небольшим ростом и потому называется монголами ада-дзерен, то есть «малютка-дзерен» — *Antilope* sp. Самец этого вида имеет лишь 3 фута 4 дюйма длины [около метра] (измеряя по изгибу шеи), 2 фута 10 дюймов [около 86 см] вышины и весит не более пуда [16 кг], рога у него довольно большие, слегка изогнутые, немного откинута назад и спереди покрыты мелкими, частыми рубцами. Преобладающий цвет меха песчано-серый, на заде и животе белый, яркobelый зад окружен сверху и с боков неширокой, светлооранжевой каймой¹.

Описываемая антилопа была найдена нами ранее Тибета, именно на верховьях Тэтунг-гола, и, как кажется, этот же вид мы встретили, поднявшись на нагорье Гань-су в холмистой степи, раскинувшейся тотчас за крайним хребтом².

Любимым местопребыванием ада, как и оронго, служат холмистые высокие степи и еще более горные долины, изобилующие водой. Однако, хотя оба вида часто держатся вместе, но по своему характеру ада много отличается от оронго, и если последняя самая грациозная, то ада, бесспорно, самая быстрая из всех антилоп, свойственных Монголии и Северному Тибету. Описываемый вид обыкновенно держится лишь небольшими обществами от 5 до 7 и изредка до 20 экземпляров; самцы встречаются и в одиночку.

В противоположность оронго, ада очень осторожна, в особенности там, где знает человека; только на пустынных берегах Голубой реки этот зверь несколько смелее. Бег описываемой антилопы чрезвычайно быстрый; он состоит из частых и высоких скачков, так что животное напоминает собой в это время резиновый мячик, когда антилопа испугана, то она несется, как птица.

В период течки, которая начинается в конце декабря и продолжается с месяц, самцы ада гоняют друг друга от своего стада, но таких драк, как у оронго, мы ни разу не замечали; все мщение ревнивых кавалеров

¹ Вот более подробное описание самца: рост малый, тело тонкое, стройное; голова средней величины, морда тупая, толстая; рога довольно большие (1 фут 1 дюйм [33 см] по изгибу), слабо изогнутые, немного откинута назад; рубцы на них мелкие, частые, уши сравнительно большие.

Цвет меха (зимой): верх тела, шея и бока песчано-серого цвета; горло и грудь беловатые, живот и зад белые. В особенности ярко белы удлиненные волосы зады, образующие зеркало, в середине которого помещен небольшой черный хвост; сверху и с боков белое зеркало окружено неширокой, светлооранжевой каймой. Ноги немного светлее тела и спереди (на передних ногах) принимают желтоватый оттенок. Темя и лоб — белые, сзади рогов, возле ушей, шерсть желтоватая, на переносице и носе — темнобурая, а остальные части морды беловато-серые. Шерсть очень густая, длинная, в особенности на белом заднем зеркале и на задней части головы (возле ушей).

Имеет небольшой зуб, как у дзерена, но паховых желез и пучков шерсти на коленях нет. Только у самца при оконечности детородного члена находится небольшой мешочек вроде железы. Самка не имеет рогов и по величине почти равняется самцу.

² На Куку-норе и в Цайдаме описываемой антилопы нет вовсе (143).

закljučается только в гонке¹. При этом самцы не издают никакого голоса, которого мы не слышали у них и в другое время. Только иногда ады (самцы и самки), подобно хара-сультам, чихают, в особенности заметив человека; кроме того самки, будучи чем-нибудь испуганы, изредка издают довольно громкий, отрывистый писк, похожий на голос молодой косули.

Описываемые антилопы часто выкапывают в степи продолговатые ямы, иногда в фут [0,3м] глубиной, в которых, вероятно, лежат ночью (а может быть и днем), так как здесь бывает много помета. Впрочем, быть может, такие ямы выкапываются самцами лишь во время течки, следовательно в возбужденном состоянии.

Охота за маленькой антилопой гораздо труднее, нежели за оронго, тем более что она и встречается несравненно реже; притом ада также очень крепка на рану. Пепельносерый цвет ее меха совершенно походит на цвет почвы, так что зверя трудно заметить издали; его часто выдает только яркobelый зад или чиханье. В сумерки ада, как и оронго, плохо видит и подпускает тогда охотника очень близко. В заключение следует сказать, что оба вида отлично бегают по гладкому льду.

Из хищных зверей в Северном Тибете мы встретили очень много лишь волков и отчасти корсаков.

Тибетский волк — *Canis sp.* по величине не меньше обыкновенного и отличается от него желтовато-белым цветом своего меха². По всему вероятно, к этому виду принадлежит и тот волк, о котором мне рассказывали в Гань-су и которого монголы называют цöбр. Однако там он довольно редок, но в Северном Тибете встречается очень часто. Пустынность страны и обилие в ней различных животных конечно обуславливают привольную жизнь описываемого зверя. Из бесчисленного множества диких яков ежегодно погибает достаточное число естественной смертью, да кроме того волки, соединившись в небольшие партии, ловят других зверей, всего чаще оронго.

По своему характеру тибетский волк много трусливее своего серого собрата и обладает гораздо меньшей силой. Две наши монгольские собаки по ночам часто вступали в драку с описываемыми волками и обыкновенно оставались победительницами.

Рядом с трусостью тибетский волк обладает величайшей наглостью и назойливостью. Решительно каждую ночь эти звери по несколько раз приходили к нашей юрте, чтобы поживиться здесь чем-нибудь врасплох, кроме того, невозможно было оставить в поле, хотя бы на самое короткое время, ни одного убитого зверя (исключая яка), чтобы волки его не съели, или по крайней мере не испортили. Однажды мой товарищ убил, не далее трех верст от нашей стоянки, четырех самцов оронго и пока сходил в юрту, чтобы взять вьючного верблюда, все антилопы были дочиста съедены волками. В одном месте на реке Шуга мы зарыли в каменной россыпи несколько фунтов масла, намереваясь взять его на обратном пути, но проклятые звери зачуяли это масло, разворотили большие камни, которыми оно было заложено, и съели лакомый кусок вместе с холщевой оберткой. Однажды я оставил в горах свое гладкоствольное ружье с несколькими жестяными патронами, в которых помещались заряды, и, придя на другой день на это место, не нашел ни ружья, ни патронов, — то и другое утащили волки. Одно ружье отыскалось неподалеку, но один его ствол оказался

¹ Замечательно, что в период течки самцы ада очень часто мочатся, приседая для этого на задние ноги, как собаки.

² Серых волков вовсе нет в Тибете, хотя много в Цайдаме.

выстрелившим в то время, когда зверь тащил, вероятно, по земле свою находку и зацепил курком за камень; патроны же пропали безвозвратно.

Однако при всем своем нахальстве описываемый волк настолько осторожен, что очень далеко не подпускает к себе человека, и убить его днем, без засадки, крайне трудно; тем более, что зверь весьма крепок на рану. Вообще мы потратили немало времени, чтобы добыть шкуру тибетского волка, и я убил его лишь из засадки, устроенной возле мертвого хулана.

Несколько раз мы пробовали настораживать ночью заряженное ружье на убитом яке, и хотя оно выстреливало, но ни разу не убивало волков. Всего лучше бы было отравлять их стрихнином или ловить в капканы, но у нас не было ни того ни другого; между тем именно этими способами в Тибете можно было добыть множество описываемых зверей.

Течка тибетских волков происходит в январе; однако в это время они все-таки не скопляются в стада больше 10 или 15 голов. Голос описываемого вида очень походит на частое, отрывистое и тонкое лаяние собаки, соединенное обыкновенно с воем.

Лисица редко встречается в Северном Тибете, но несравненно чаще попадает здесь ее близкий родственник корсак — *Canis corsac* [*Vulpes c.*], или, правильнее, кяrsa [хярс], как называют его монголы.

Этот хитрый зверь водится также во всей Монголии, Гань-су, Куку-норе и в Цайдаме; всего же чаще он попадает в степях озера Куку-нора, где множество пищух, доставляющих кярсе главную нищу.

Сам я мало мог изучить образ жизни описываемого животного, которое всегда ведет себя очень осторожно относительно человека. Завидев его издали, кяrsa или пускается на уход или припадает к земле. Последний маневр звери делают и на бегу, даже тогда, когда находятся в небольшом стаде (от 8 до 10 экземпляров, как то бывает в период течки, которая происходит с половины января до половины февраля). Тогда ночью и по утрам часто можно слышать отвратительный крик самцов, сильно напоминающий голос совы. Для жительства кяrsa устраивает себе норы, возле которых ловят его монголы и тангуты. При входе в нору промышленники складывают кучу камней или аргала и ставят петли. Кяrsa, которая, подобно собакам, имеет привычку мочиться на новый предмет, заметив сложенную кучу возле своей норы, не преминет помочиться на нее и попадает в ловушку.

Если от млекопитающих обратимся к птицам, то увидим, что высокое нагорье Северного Тибета вообще бедно пернатыми обитателями. Правда, мы здесь были глубокой зимой, следовательно, когда летние птицы находились в отлете, но все-таки, при однообразии и невыгодности физических условий описываемых местностей, едва ли можно встретить в них разнообразную орнитологическую фауну. В течение двух с половиной месяцев, проведенных нами в Северном Тибете, мы нашли лишь 29 видов птиц, и из них только один *Cinclus sp.* [оляпка] не был замечен до сих пор, остальные же большей частью свойственны Гань-су и отчасти Куку-нору. Притом даже те виды, которые найдены были на Тибетском нагорье, чаще, а иногда и исключительно, встречаются в самой северной его окраине, то есть до реки Шуга; далее, на высоком плато, которое идет отсюда к Мур-усу, птиц было чрезвычайно мало.

Из пернатых Северного Тибета в большем числе против других здесь обитают: грифы — *Vultur monachus* [*Aegyptius m.*], *Gyps nivicola* [*G. fulvus*], ягнятники — *Gypaetos barbatus*, и ворон — *Corvus corax*, которые тотчас же являются на всякого убитого зверя; клушицы —

Fregilus graculus [альпийские галки — *Pyrhocorax g.*], собирающиеся зимой огромными стадами; пустынные — *Syrhaptes thibetanus* [тибетская саджа], жаворонки — *Melanocorypha maxima*, *Alauda albigula* [рогатый жаворонок — *Eremophila alpestris*], чечётка — *Linota brevirostris* [*Acanthis flavirostris*]; последние, вероятно, здесь только зимуют; *Podoces humilis* [сойка] и *Montifringilla sp.* [вьюрок], встреченная во множестве на Куку-норе.

Рассказ о животных Северного Тибета заставил меня надолго прервать повествование о самом путешествии. Возвратимся к нему.

Как упомянуто в конце предыдущей главы, мы наняли в Цайдаме проводника и отправились с ним за хребет Бурхан-Будда. Чтобы возможно более облегчить верблюдов, которым на высоких тибетских плоскогорьях тяжело нести самый малый вьюк, мы оставили часть своих запасов (дзамбы и муки) в Цайдаме, а лишние патроны и дробь закопали в россыпях вблизи перевала через Бурхан-Будда. При всем том наши вьюки, пополняемые препарированными шкурами зверей, были достаточно тяжелы, так что впоследствии мы принуждены были также закопать в песок две шкуры яков, приобретенные для коллекции, и взяли их уже на обратном пути.

Два с половиной месяца¹, проведенные нами в пустынях Северного Тибета, были одним из самых трудных периодов во всей экспедиции. Глубокая зима с сильными морозами и бурями, полное лишение всего, даже самого необходимого, наконец, различные другие трудности — все это, день в день, изнуряло наши силы. Жизнь наша была в полном смысле «борьбой за существование», и только сознание научной важности предпринятого дела давало нам энергию и силы для успешного выполнения своей задачи.

Для большей защиты от зимних холодов высокого Тибетского нагорья мы запаслись юртой, которую нам подарил дядя кукунорского вана. Правда, возня с этой юртой, при ее установке на месте и при укладке на вьюк прибавляла не мало работы, но зато в своем новом жилище мы несравненно лучше были укрыты от бурь и морозов, нежели в летней палатке.

Юрта наша имела 11 футов [3 м 35 см] в диаметре основания и 9 футов [2 м 74 см] до верхнего отверстия, заменявшего окно и трубу для дыма. Трехфутовая дверь служила лазейкой в это жилище, остов которого обтягивался тремя войлоками с боков и двумя сверху; кроме того, для большего тепла, мы впоследствии обкладывали боковые войлоки шкурами оронго.

Внутреннее убранство нашего обиталища не отличалось комфортом. Два походных сундука (с записными книгами, инструментами и другими необходимыми вещами), войлок и другие принадлежности для сна, оружие и прочее размещались по бокам юрты, в середине которой устанавливался железный таган и в нем зажигался аргал. Последний, за исключением ночи, горел постоянно, как для приготовления чая или обеда, так равно и для теплоты. Мало-помалу за деревянные клетки боков и под колья крыши подсовывалось то то, то другое, так что к вечеру, в особенности после раздевания на ночь, весь потолок юрты увешивался сапогами, чулками, подворотками и тому подобными украшениями.

В таком жилище мы проводили трудные дни нашего зимнего путешествия в Тибете.

¹ Собственно 80 дней — с 23 ноября 1872 года по 10 февраля 1873 года [с 5 декабря 1872 года по 22 февраля 1873 года] ¹⁴⁴.

Утром, часа за два до рассвета, мы вставали, зажигали аргал и варили на нем кирпичный чай, который вместе с дзамбой служил завтраком. Для разнообразия иногда приготавливали затуран¹ или пекли в горячей аргальной, то есть навозной, золе пшеничные лепешки. Затем на рассвете начинались сборы в дальнейший путь, для чего юрта разбиралась и выючилась, вместе с другим вещами, на верблюдов. Все это занимало часа полтора времени, так что в дорогу мы выходили уже порядочно уставши. А между тем мороз стоит трескучий, да вдобавок к нему прямо навстречу дует сильный ветер. Сидеть на лошади невозможно от холода, итти пешком также тяжело, тем более неся на себе ружье, сумку и патронташ, что все вместе составляет выюк около 20 фунтов [8 кг]. На высоком же нагорье, в разреженном воздухе каждый лишний фунт тяжести убавляет не мало сил; малейший подъем кажется очень трудным, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся; по временам начинается головокружение и рвота.

Ко всему этому следует прибавить, что наше теплое одеяние за два года предшествовавших странствований так износилось, что все было покрыто заплатами и не могло достаточно защищать от холода. Но лучшего взять было негде, и мы волей-неволей должны были довольствоваться дырявыми полушубками или кухлянками и такими же теплыми панталонами; сапог не стало вовсе, так что мы подшивали к старым голенищам куски шкуры с убитых яков и щеголяли в подобных ботинках в самые сильные морозы.

Очень часто случалось, что к полудню поднималась сильная буря, которая наполняла воздух тучами пыли и песку; тогда итти уже было невозможно, и мы останавливались, сделав иногда переход верст в 10 или того менее. Но даже в благоприятном случае, то есть когда погода была хороша, и тогда переход в 20 верст утомляет на высоком нагорье Тибета сильнее нежели вдвое большее расстояние в местностях с меньшим абсолютным поднятием.

На месте остановки необходимо развьючить верблюдов и поставить юрту; эта процедура опять занимает почти час времени. Затем нужно итти собирать аргал, рубить лед для воды и усталому, голодному ждать, пока наконец сварится чай. С жадностью ешь тогда отвратительное месиво из дзамбы с маслом и рад-радехонек, что хотя подобным кушаньем можно утолить свой голод.

После такого завтрака мы с товарищем обыкновенно идем на охоту, если только позволяет состояние погоды; или я пишу свои заметки, а казаки приготавливают обед, для чего снова рубится лед и замерзшее камнем мясо. То и другое кладется в чашу, в которой предварительно залепляются дырки кусочками сырой шкуры и смоченной дзамбой. Наша единственная посуда — чаша и чайник — от времени издырявились в нескольких местах, так что ежедневно приходилось заклеивать эти дырки; впоследствии мы починили их более прочным образом, употребив для такой цели несколько медных гильз от патронов Бердана.

Обед обыкновенно поспевал часам к шести или семи вечера и был самой роскошной трапезой, так как теперь мы могли есть вдоволь мяса. Правда, мяса мы столько добывали охотой, что имели возможность прокормить

¹ «Затуран» — одно из самых любимых кушаний забайкальских и амурских казаков. Он варится из кирпичного чая, в который кладут несколько горстей поджаренной на масле муки с солью; вкусом подобный напиток скорее всего похож на суп.

несколько сот людей¹, но для самих себя не всегда могли зажарить или сварить, так как мясо обыкновенно сильно замерзло и нужно было довольно долго таять его и лед для супа. Притом же вследствие разрежения воздуха, аргал на Тибетском нагорье горит очень плохо и дает весьма мало жару; вода же закипает при $+68^{\circ}\text{R}$ [85°C], а потому мясо трудно сварить как следует.

После обеда, который вместе с тем служил и ужином, являлась новая работа. Так как все лужи и ручьи, за весьма редкими исключениями, были промерзшими до дна, а снегу также не имелось, то приходилось ежедневно таять два ведра воды для двух наших верховых лошадей². Затем наступало самое тяжелое для нас время — долгая зимняя ночь. Казалось, что после всех дневных трудов ее можно бы было провести спокойно и хорошенько отдохнуть, но далеко не так выходило на деле. Наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомлением всего организма, при таком полуболезненном состоянии спокойный отдых невозможен. Притом же, вследствие сильного разрежения и сухости воздуха, во время сна всегда являлось удушье³, вроде тяжелого кошмара, а рот и губы очень сохли. Прибавьте к этому, что наша постель состояла из одного войлока, насквозь пропитанного пылью и постланного прямо на мерзлую землю. На таком-то ложе и при сильном холоде без огня в юрте мы должны были валяться по 10 часов сряду, не имея возможности спокойно заснуть и хотя на это время позабыть всю трудность своего положения.

Дни, которые посвящались охоте, проходили более отрадным образом, но, к сожалению, морозы и частые бури сильно затрудняли эти охоты, а иногда делали их совершенно невозможными. Даже в том случае, когда ветер не превращался в бурю, но достигал лишь средней силы — а это происходило решительно каждый день, — то и тогда он служил великой помехой. Не говоря про холод, заставлявший охотиться в наушниках, рукавицах, кухлянках или полушубках, сильно затруднявших свободное движение, от действия встречного ветра⁴ глаза постоянно были полны слез, что, конечно, чрезвычайно портило меткость и быстроту выстрела. Притом руки иногда так мерзли, что даже в скорострельный штуцер трудно было вложить патрон, не отогрев предварительно окоченевших пальцев. Да, наконец, на сильном морозе камеры штуцеров так сжимались, что после выстрела очень трудно было достать пустую гильзу, и приходилось выбивать ее шомполом. Подобная история часто случалась у штуцеров Снейдера, но у ружья Бердана этого не было; зато у последнего от мороза и пыли, набившейся в механизм, очень часто происходили осечки, и патрон выстреливал только после вторичного удара боевой пружины.

Другим важным обстоятельством, сильно затруднявшим наши охоты, была чрезвычайная разреженность воздуха высоких нагорий Северного Тибета, вследствие чего усталость являлась здесь очень скоро. Впрочем зверей было такое множество, что редко приходилось далеко ходить за ними; часто мы охотились не далее одной или двух верст от своей юрты.

¹ Всего мы убили в Тибете 76 крупных зверей (не считая по крайней мере вдвое большего числа раненых), из которых одних яков было 32. Полагая последних кругом по 25 пудов [410 кг], а остальных зверей по 2 пуда [33 кг], выходит, что мы в течение двух с половиной месяцев добыли около 900 пудов [$14,7\text{ т}$] мяса.

² Для верблюдов же мы изредка мелко рубили лед, который они ели вместо снега.

³ На нагорье Северного Тибета спать возможно только с самым высоким изголовьем или в полусидячем положении.

⁴ На охоте итти всегда приходилось против ветра, чтобы не почуяли звери.

Но иногда, увлекшись преследованием, мы возвращались к стоянке лишь поздно вечером, и мой товарищ во время одной из таких охот до того простудил ноги, что не мог ходить более недели.

В климатическом отношении два зимних месяца (декабрь и январь), проведенные нами на нагорье Северного Тибета, характеризовались сильными морозами, бесснежьем и пыльными бурями.

Несмотря на то, что описываемые местности лежат южнее самых теплых стран Европы [36° северной широты], холод здесь часто напоминал далекий север. По ночам морозы стояли без перерыва, достигая -31°C ¹. Впрочем после восхода солнца температура повышалась всегда быстро, и четыре раза термометр в полдень поднимался даже выше нуля.

Снег шел редко и небольшой², притом он всегда был мелкий и сухой, как песок. Случалось, что этот снег покрывал землю на дюйм, но в следующую же бурю его сдувало ветром и смешивало с пылью или песком, где он окончательно уничтожался на солнечном пригреве. Вообще в течение всей зимы пустыни Тибета лишь изредка белели снегом и то не надолго³; даже на вершинах высоких гор снег лежал в небольшом количестве только на северных склонах.

Рядом с морозами и бесснежьем характерную черту тибетской зимы составляли пыльные бури, являвшиеся очень часто⁴ и притом исключительно с запада или северо-запада. Такие бури всегда случались днем и обыкновенно начинались умеренным ветром, который, усиливаясь мало-помалу, к полудню достигал страшной напряженности и дул таким образом до заката солнца. Постепенно небо начинало сереть от поднятой в воздух пыли, которая густела все более и более, так что солнце, тускло светившее, как сквозь дым, делалось совсем не видным. Наступало что-то похожее на сумерки, так что в расстоянии нескольких сот шагов не было видно даже высоких гор. Пыль, песок и мелкие камешки неслись в воздухе грядками, словно снег в сильную метель. Против ветра невозможно было открыть глаза или перевести дух; тем более, что воздух вследствие мелкой пыли делался чрезвычайно тяжелым для дыхания. Вообще состояние погоды в это время бывало таково, что даже верблюды, отпущенные на покормку, несмотря на голод, тотчас же ложились на землю.

Однако термометр во время бури всего чаще показывал лишь немного ниже нуля, а иногда даже поднимался выше точки замерзания. Это явление можно объяснить тем, что пыль и песок, нагретые солнцем, в свою очередь нагревали атмосферу, проносясь по ней с силой урагана.

К закату солнца буря обыкновенно стихала вдруг, отрывисто, но пыль продолжала стоять в воздухе; даже утром следующего дня, в особенности если ночью дул хотя слабый ветер, атмосфера была еще окрашена в желто-серый цвет.

Спутником нашего путешествия в Северном Тибете был монгол Чутун-дзамба, которого мы наняли в Цайдаме в качестве проводника. Он был зангин, следовательно чиновник, имел 58 лет от роду и ходил девять раз в Лассу проводником караванов, так что отлично знал дорогу.

¹ Вероятно и того более, так как у нас не было термометра minimum (разбился) и наблюдение ночной температуры производилось только на восходе солнца.

² В декабре снежных дней было 4, а в январе — 11.

³ Между тем в иные годы, по словам монголов, здесь выпадает довольно большой снег. Впрочем едва ли снег в Тибете может быть глубоким, так как, в подобном случае, все здешние травоядные животные не могли бы доставать корма и неминуемо бы погибли.

⁴ В декабре насчиталось 10 бурь, а в январе — 18.

Дойка ячихи

Перейдя через невысокий хребет Баян-хара-ула¹, мы достигли наконец, 10 января 1873 года берегов Ян-цзы-цзяна [Янцзы], или Голубой реки, которая в своем верхнем течении называется монголами Мур-усу, а тангутами — Ды-чу². Эта река вытекает из гор Тан-ла и, пройдя по высокому нагорью Северного Тибета, стремится в пределы собственно Китая, где вскоре принимает исполинские размеры⁽¹⁴⁵⁾. Течение Мур-усу очень быстрое; ширина этой реки, там где мы ее видели, то есть при впадении Напчитай-улан-мурени, 10,7 сажен [228 м]; но если взять все пространство, покрытое галькой и занятое рукавами, то от одного берега до другого около 800 сажен [около 1 700 м]. По словам нашего проводника летом, в период дождей, все это пространство покрывается водой, которая иногда выходит даже из берегов. Осенью вода спадает, но и тогда перейти Мур-усу вброд возможно лишь в редких местах³.

Долина описываемой реки имеет не более 2 верст ширины, боковые горы иногда суживают ее еще более. Тибетская дорога направляется по Мур-усу вверх на десять дней пути, то есть почти до самых истоков описываемой реки из гор Тан-ла⁴. Населения здесь также нет нигде за исключением одного стойбища тангутов, которые, в числе до 500 человек, живут на берегах Мур-усу, верстах в 150 выше устья Напчитай-улан-мурени. Вниз от впадения этой реки, верстах в 400, является довольно густое тангутское население, занимающееся даже земледелием. По словам монголов климат в этой местности теплый, так что высокое абсолютное поднятие Северного Тибета здесь, вероятно, спадает на гораздо меньшее число.

Берега Голубой реки были пределом наших странствований во Внутренней Азии. Хотя до Лассы оставалось только 27 дней пути, то есть около 800 верст [850 км], но попасть туда нам было невозможно. Страшные трудности Тибетской пустыни до того истомили выючных животных, что из одиннадцати наших верблюдов три издохли, а остальные едва волочили ноги. Притом наши материальные средства так истощились, что за променом (на возвратном пути) в Цайдаме нескольких верблюдов, у нас оставалось всего пять лан денег, а впереди лежали целые тысячи верст пути. При таких условиях невозможно было рисковать уже добытыми результатами путешествия, и мы решили идти обратно на Куку-нор и в Гань-су с тем, чтобы провести здесь весну, а потом двинуться в Ала-шань по старой, знакомой дороге, где можно обойтись и без проводника.

Хотя такой возврат был решен ранее, но все-таки мы с грустью покинули берега Ян-цзы-цзяна, зная, что не природа и не люди, но только один недостаток средств помешал нам пробраться до столицы Тибета⁽¹⁴⁶⁾

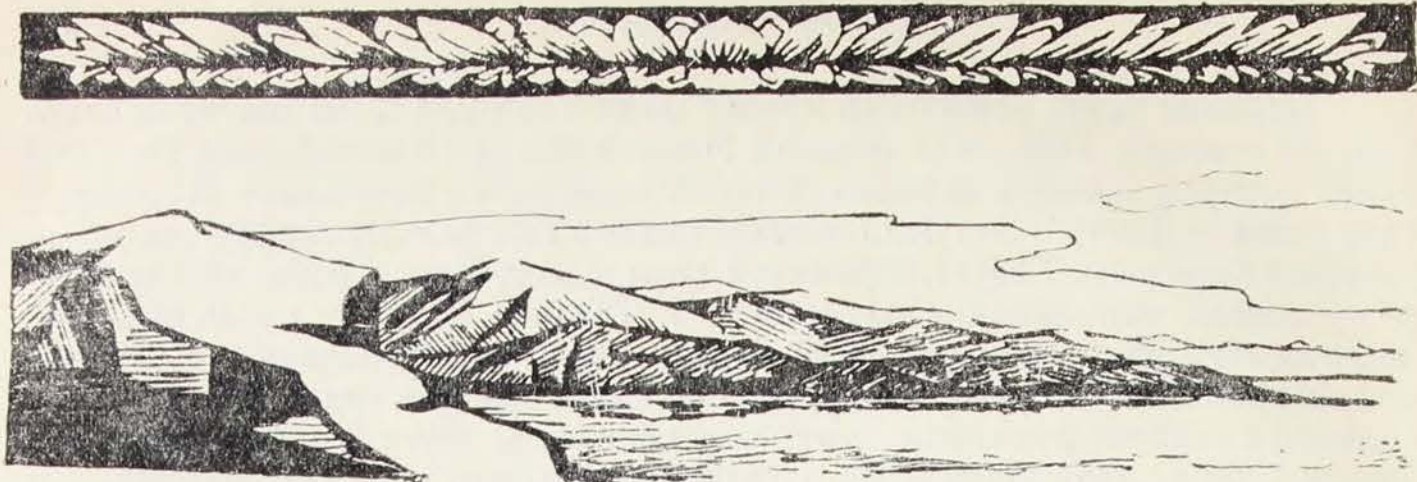

¹ Перевал через Баян-хара-ула очень полог и невысок; его даже можно совершенно избежать, направляясь по долине реки Напчитай-улан-мурень, как мы то и сделали. Между тем Гюк в своей книге описывает Баян-хара-ула как громадный хребет, представляющий страшные трудности для перехода через него. Патер уверяет, что он местами принужден был уцепляться за хвост своей лошади и гнать ее впереди себя, чтобы взобраться на крутизну. *Huc. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. T. II, p. 220—223.*

² Последнее название означает «коровья река», вероятно по обилию диких яков; монгольское же имя в переводе дает «река-вода»; так как слово «мур» есть сокращенное «мурень» [мурэн], то есть река, а «усу» означает вода [другое возможное объяснение «мур-усу» — как «кошачья вода»].

³ От устья реки Напчитай-улан-мурени первый брод находится в 30 верстах вверх по Мур-усу.

⁴ Этой дорогой ходят все караваны верблюдов, на яках можно пройти другим путем, не поднимаясь вверх по Мур-усу, но здесь много высоких и крутых хребтов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВЕСНА НА ОЗЕРЕ КУКУ-НОР И В ГОРАХ ГАНЬ-СУ

[10 (22) февраля—28 мая (9 июня) 1873 года]

Раннее наступление весны в Цайдаме.— Зимний вид озера Куку-нор.— Поразительно бедный пролет птиц.— Быстрое вскрытие озера.— Переход от Куку-нора до Чейбеена.— Климат апреля.— Хайльши и снежные грифы.— Роскошная жизнь гор в мае.— Ушастый фазан.— Сурук.— Медведь.— Приспособляемость горных растений к непостоянству климата.

В первой трети февраля мы окончили свои странствования по пустыням Северного Тибета и возвратились в равнины Цайдама. Контраст климата между этими равнинами и высоким Тибетским нагорьем был так велик, что, спускаясь с хребта Бурхан-Будда, мы чуть не с каждым шагом чувствовали, как делалось теплее и погода становилась весенней.

Впрочем влияние более теплых равнин Цайдама на соседние части Тибета обнаруживается даже до гор Шуга; лишь только на возвратном пути мы перешли на северную сторону этого хребта, как климат заметно смягчился. Правда, ночные морозы бывали в $-28,5^{\circ}\text{C}$, но днем солнце грело довольно сильно, так что 5 февраля появились первые насекомые еще на тибетской стороне гор Бурхан-Будда. При первоначальном следовании к Мур-усу, мы также имели до гор Шуга хорошую и днем довольно теплую погоду; сильные холода и бури начались собственно с тех пор, как мы перешли вышеназванный хребет и поднялись на высокое плато за речкой Уянхарза.

Весна в Цайдаме наступает вообще очень рано и характеризуется в то же время своим крайне континентальным характером. Так, в половине февраля ночные морозы еще доходили до -20°C , между тем как днем термометр показывал иногда $+13^{\circ}\text{C}$ в тени. На солнечном пригреве лед везде таял, и 10 февраля явились первые прилетные птицы — турпаны, 13 числа прилетели кряковые утки¹, а на другой день показались крохали

¹ Этот вид частью зимует в Цайдаме на незамерзающих ключевых болотах.

[большие] — *Mergus merganser*, краснозобые дрозды — *Turdus ruficollis* и лебеди-кликуны — *Cygnus musicus* [*C. cygnus*]; по утрам слышались голоса мелких птишек и токованье фазанов, — словом, весна чувствительно уже заявляла свои права.

Но все эти знамения благодатного времени сильно нарушались периодически возвращавшимися холодами, иногда снегом¹ и бурями. Последние обыкновенно являлись с запада и приносили тучи пыли, поднятой с соляных равнин; пыль эта продолжала стоять в воздухе и после бури, так что атмосфера была постоянно наполнена ею, как дымом.

Непрерывавшиеся ночные морозы и холодные ветры до того задерживали дальнейший ход весенней жизни, что в конце февраля общая физиономия Цайдама несколько не изменилась против того, какой она была в половине этого месяца. Хотя к началу марта в прилете считалось уже 13 видов птиц², но они являлись в самом ограниченном количестве, часто даже единичными экземплярами. Как быстро должны были проноситься эти птицы от места своей зимовки через пустыни Северного Тибета, где в это время, день в день, стоят страшные холода, нет ни корма, ни воды!

В начале марта мы пришли на берега Куку-нора и встретили здесь еще меньшее пробуждение природы нежели в Цайдаме, чуть не целым месяцем ранее. Озеро было сплошь замерзшим и даже быстрый Бухайнгол только местами очистился от льда, намерзшего зимой до 3 футов [до 1 м] толщины; пролетных птиц было менее нежели в Цайдаме.

Причина климатической разницы двух описываемых соседних друг другу местностей, Куку-нора и Цайдама, заключается, во-первых, в более высоком абсолютном поднятии кукунорского бассейна, сравнительно с Цайдамом, а во-вторых, во влиянии огромной площади самого озера на его окрестности. То и другое действует в неблагоприятную сторону настолько сильно, что даже местные жители замечают большую суровость Куку-нора сравнительно с Цайдамом.

Решившись пробыть на берегах Куку-нора до половины апреля, чтобы наблюдать пролет птиц, мы выбрали для этой цели устье Бухайнгола. Здесь мы поставили свою юрту возле небольшого болота, вблизи реки и берега самого озера; окрестности представляли степь, поросшую хорошей травой, доставлявшей корм нашим лошадям и верблюдам. Для последних в изобилии имелся гуджир, а по Бухайнголу росли кусты тамарикса, столь любимого этими животными.

Иную картину нежели прошедшей осенью представляло теперь озеро Куку-нор. Ослепительно белая ледяная поверхность заменила темно-голубой цвет его соленых вод и словно исполинское зеркало лежало скованное озеро в темной рамке окрестных гор и степей. Ни полыней ни торогов не было видно на громадной ледяной площади, гладкой, как пол, и лишь

¹ Во второй половине февраля снег в Цайдаме шел (хлопьями, а не сухой пылью, как в Тибете) 4 раза и хотя покрывал землю на дюйм или два, но вскоре стаивал на солнце.

² В следующем порядке их появления: *Anas rutila* [красная утка — *Tadorna ferruginea*], *A. boschas* [кряква — *A. platyrhyncha*], *Linota brevirostris* [чечётка — *Acanthis flavirostris*], *Mergus merganser* [большой крохаль], *Turdus ruficollis*, *Cygnus musicus* [лебедь-кликун — *C. cygnus*], *Anas crecca* [чирок-свистунок — *Querquedula c.*], *Vanellus cristatus* [чибис — *V. vanellus*], *Ardea alba* [белая цапля — *Egretta a.*], *Anser cinereus* [серый гусь — *A. anser*], *Anas acuta* [шилохвость], *Anthus pratensis* [луговой конек] (изредка зимуют в Цайдаме), *Grus virgo* [журавль-красавка].

немного засыпанной снегом. Там же, где лед не был накрыт такой скатертью, он блестел на солнце прихотливыми переливами и обманчиво представлял издали незамерзшую воду.

Береговые степи отливали желтоватым цветом иссохшей травы, часто совершенно выбитой хуланами, дзеренами и тангутским скотом. Монотонность общей картины здесь нарушалась только миражами, которые являлись очень часто и иногда бывали до того сильны, что на большие расстояния трудно было стрелять из штуцера дзеренов или хуланов: звери казались плавающими в воздухе и вдвое большего роста.

Устроившись своей стоянкой, вблизи которой, по счастью, не было ни монголов, ни тангутов, мы начали каждодневные экскурсии по берегу Куку-нора и по Бухайн-голу. Но, увы! День за днем проходил в напрасном ожидании дружного прилета птиц; они появлялись в самом ограниченном числе видов и в скудном количестве экземпляров. Бродя каждый день по берегу реки и озера, мы иногда не могли настрелять даже на собственное продовольствие, а в коллекцию попадали очень немногие экземпляры. Притом всю первую половину марта погода продолжала стоять попрежнему холодная, часто шел снег¹ и поднимались бури.

Гораздо добычливее нежели охота была рыбная ловля, которую мы иногда производили в заливах Бухайн-гола. Хотя здесь везде встречался только один вид рыбы — *Schizopygopsis nov. sp.*, но зато в таком количестве, что однажды своим трехсаженным бреднем мы вытащили 136 рыб, каждая фута в 2 [0,6 м] длины и весом около 3 фунтов [свыше 1 кг]. Пойманная рыба вместе с птицами и дзеренами служила нашим единственным продовольствием. Однако икра этой рыбы оказалась очень вредной: когда мы в первый раз поели этой икры, то со всеми нами сделалась ночью рвота, сопровождаемая сильной дизентерией и болью живота. По счастью монгол, находившийся у нас в услужении, не ел икры, так что он мог развести огонь, на котором мы делали себе припарки; в дорожной аптеке нашлись хорошие противохолерные капли, и с помощью этих средств мы оправились на следующий же день⁽¹⁴⁷⁾.

Со второй половины марта погода сделалась теплее, 17 числа этого месяца низовья Бухайн-гола совершенно очистились от льда, но заберегов на озере еще не было, за исключением лишь небольших полыней при устьях речек. Лед таял равномерно от солнечных лучей и наконец до того размягчился, что его сразу взломало бурей 25 марта. На другой день по озеру везде видны были огромные полыньи и целые горы торосов, нагроможденных частью на берега, частью на нетронувшийся еще лед. Дело очищения озера шло очень быстро, так что через неделю оно было уже совершенно свободно от льда, который согнало ветром в заливы западной стороны Куку-нора, частью же разбросало по его берегам.

С наступлением более теплой погоды днем ночные морозы продолжали стоять попрежнему и доходили до $-12,3^{\circ}\text{C}$; после заката солнца температура падала очень быстро и также быстро повышалась утром в ясную, тихую погоду. Ветры в течение всего месяца дули почти каждый день и притом в двух главных направлениях: восточном и западном. Первые всегда были слабые и приносили (на западный берег) холод с озера; последние же, то есть западные ветры, хотя являлись теплыми, но зато

¹ Снег в первой половине марта шел 7 раз; во второй половине описываемого месяца снега или дождя вовсе не было.

иногда достигали силы бури¹, наполнявшей воздух тучами пыли; эта пыль, подобно тому как и в Цайдаме, постоянно стояла в воздухе.

Во второй половине марта пролет птиц был также чрезвычайно бедный. Хотя к 1 апреля в прилете состоялось 39 видов (вместе с цайдамскими)², но все они являлись в самом ограниченном количестве, так что за весь март, следовательно, в пору валового пролета, мы не видали ни одного большого стада гусей, уток или каких-либо других птиц. Берега реки и озера оживлялись весьма мало, и нигде не было видно суматохи весеннего пролета. Утро и вечер наступали обыкновенно тихо и мертво, как зимой. Лишь изредка слышался голос турпана, гоготанье гусей, крик чаек или кряканье одинокой утки; только большой жаворонок — *Melanocorypha maxima* несколько оживлял своим громким пением безмолвные берега Куку-нора...

Вообще весна на этом озере не оправдала наших ожиданий, и мы далеко не нашли здесь того количества птиц, какое встретили два года назад на озере Далай-нор. По всему вероятно пролетные стада облетают высокий Куку-нор, направляясь к северу восточнее (а частью вероятно и западнее) этого озера, по долине Хуан-хэ и по собственно Китаю. Такой путь для птиц несравненно удобнее, так как они избегают высоких гор Гань-су и песков Ала-шаня. Подтверждением подобному мнению может служить то явление, что некоторые виды, как например: *Anser cygnoides* [сухонос — *Sygnopsis* с.], *A. segetum* [под этим именем возможны два вида, большой гуменник — *A. fabalis*, и малый гуменник — *A. serrirostris*, вернее последний, западная форма его — *A. s. rossieus*], *Anas falcata* [касатка], *Ardea cinerea* [серая цапля], *Fulica atra* [лысуха] и другие, вовсе не замеченные на Куку-норе, тем не менее найдены были нами на северном изгибе Хуан-хэ.

Крайняя бедность пролетными птицами Куку-нора принудила нас изменить прежнее решение пробыть на берегах этого озера до половины апреля. 1 числа названного месяца мы покинули свою стоянку на устье Бухайн-гола и направились в кумирню Чейбсен той же самой дорогой, по которой шли осенью. Правда, теперь был открыт другой путь³, несравненно более удобный, через город Донкыр, но мы прежними опытами знали, насколько приятно путешествовать среди китайского населения, а потому решились лучше испытать вновь все трудности горной дороги, нежели идти местами густо населенными.

¹ Всего в течение марта на Куку-норе было шесть бурь, но они не достигали такой силы, как в Тибете или даже в Юго-восточной Монголии.

² Собственно в марте прилетело на Куку-нор 26 видов в следующем порядке: С 1 по 10 марта: *Accentor rubeculoides* [*Prynella* г.], *Cinclus caschmiriensis* (оляпка — *C. cinclus*), *Cygnus olor* [лебедь-шипун], *Fuligula clangula* [гоголь — *Vesperata* с.], *Larus ichtyaetos* [черноголовый хохотун], *L. ridibundus* [обыкновенная чайка], *Anser indicus* [горный гусь], *Fuligula cristata* [хохлатый черныш — *Nyroca fuligula*], *Milvus govinda* [коршун — *M. korschun*].

С 10 по 20 марта появились: *Phalacrocorax carbo* [баклан], *Anas tadorna* [пеганка — *Tadorna t.*], *A. clypeata* [широконоска — *Spatula* с.], *Numenius* sp. [кроншнеп], *Fuligula ferina* [красноголовый нырок — *Nyroca f.*], *Recurvirostra avocetta* [шилоклювка], *Grus cinerea* [серый журавль — *G. grus*].

С 20 марта по 1 апреля: *Anas penelope* [свиязь — *Mareca p.*], *Limosa melanuroides* [большой веретенник — *L. limosa*], *Totanus calidris* [видимо, имеется в виду травник — *Tringa totanus*], *Endromias* sp., *Haliaeetus macei* [орлан-долгохвост — *H. leucoryphus*], *Circus rufus* [камышовый лунь — *C. aeruginosus*], *Motacilla* sp., *Scolopax gallinago* [бекас — *Capella g.*], *Coturnix muta* [немой перепел — *C. japonica*], *Grus* sp. [журавль]. [Даты всюду по старому стилю.]

³ После взятия от дунган китайскими войсками городов Синина и Сэн-гуаня.

Во время месячной стоянки на устье Бухайн-гола мы окончательно снарядили свой караван для дальнейшего пути. Войлочная юрта, которую мы имели с прошлой осени, была променена монголам на несколько верблюжьих седел, крайне для нас необходимых. Затем еще по возвращении в Цайдам более половины наших верблюдов не годились на дальнейший путь и, хотя мы успели променять тангутам своих усталых животных, но после такого промена у нас осталось всего пять лан денег. Между тем необходимо было приобрести еще трех новых верблюдов взамен погибших в Тибете. Тогда мы решились прибегнуть к самому крайнему средству, именно к продаже нескольких револьверов тангутским и монгольским чиновникам. Из двенадцати бывших у нас в то время налицо револьверов мы променяли три на трех хороших верблюдов; сверх того два револьвера были проданы за 65 лан, и этими деньгами мы обеспечили себе возможность пробыть три весенних месяца на Куку-норе и в Гань-су.

Как бы то ни было, но мы вновь удачно сформировали свой караван и 1 апреля двинулись от Куку-нора в Чейбсен.

С первым шагом в горы Гань-су климат и природа изменились чрезвычайно резко. Сухость воздуха заменилась ежедневным снегом, а почва, как и прошедшей осенью, была пропитана водой, словно губка. Весеннее пробуждение растительности, показавшееся на берегах Куку-нора в последние дни марта, в горах вовсе не было заметно; ручьи и речки здесь все еще были покрыты льдом, а по ночам стояли порядочные морозы¹. Прилетных птиц было немного, даже менее чем на Куку-норе, так как валовой прилет пташек еще не начался, и только изредка показывались единичные экземпляры. Словом, физиономия гор Гань-су в начале апреля ничуть не изменилась против того, какой нашли мы ее прошедшей осенью в половине октября.

Путь по горным тропинкам представлял теперь трудности еще большие, нежели в прошедшем году, так как почва, замерзшая во время ночи, днем оттаивала и делалась очень скользкой для верблюдов, притом выпадавший почти ежедневно снег также таял на солнце и еще более размачивал грязь. Нерастаявший зимний снег виднелся только кое-где на самых высоких вершинах, и то лишь на северных склонах гор². Вследствие большой сырости все наши выюки сделались гораздо тяжелее и, таким образом, непроизводительно обременяли выючных верблюдов. Последние принуждены были по ночам лежать на мокрой земле, иногда чуть не прямо в лужах воды, а из-за этого вскоре начали кашлять и худеть. Мы сами должны были постоянно идти пешком, так как некованные лошади беспрестанно падали на скользких горных тропинках. Между тем наши сапоги-самоделки, с подшитыми к старым голенищам кусками яковой шкуры, представляли собой совершенное подобие верблюжьих лап и не лучше их были пригодны для ходьбы по грязи и по горам. В дополнение ко всему этому пришлось два раза переправляться через Тэтунг-гол: в первый раз по осевшему на дно зимнему льду, а вторично прямо в брод глубиной фута 4 [1,2 м]. Течение реки здесь было очень быстро, и дно усеяно огромными валунами; поскользшись на такой переправе верблюд, и он наверное бы погиб вместе со выюком коллекций.

¹ Ночные морозы в первой половине апреля доходили до -10°C .

² Причина такого малоснежья гор Гань-су, даже в раннюю весну, заключается в том, что снег зимой здесь выпадает в небольшом количестве и рано начинает таять на солнце, которое в тихие, ясные дни, не только в марте, но даже в феврале греет здесь довольно сильно.

Ко всем прежним работам теперь присоединилась съемка, которую я начал делать на обратном пути от берегов Голубой реки. При первоначальном следовании туда я не делал карты, чтобы не возбудить подозрения проводников.

Хотя дунганских отрядов теперь уже не было в горах, по которым лежал наш путь, но зато мы легко могли иметь не особенно приятную встречу с китайскими солдатами, что действительно вскоре и случилось. Отряд хотанов, шедший из Сэн-гуаня в город Тэтунг, встретился с нами на том месте, где в прошедшем году нас покушались атаковать дунгане. Мы показали начальнику отряда свой пекинский паспорт, и, пока возились с этим делом, солдаты украли у нас из седельных кобур револьвер. Тогда мы энергично протестовали против такого грабежа и хотя объяснялись пантомимами, но китайский офицер понял, что мы хотим жаловаться на него в Пекине, и приказал воззратить украденную вещь. Затем он сам попросил у нас пороху и, получив несколько десятков зарядов, остался крайне доволен, так что мы расстались дружелюбно.

15 апреля мы пришли в Чейбсен и, пробыв два дня в этой кумирне, отправились в те самые горы возле кумирни Чертынтон, в которых провели прошедшее лето.

Между тем, с половины апреля дело весны повернуло в лучшую сторону: 9 числа показались первые бабочки, а 11 апреля я нашел первый цветок — *Ficaria* sp. [чистец]. По выжженным местам, в особенности на южных склонах гор, начала пробиваться зелень, прилет мелких пташек усилился в значительной степени, а возле Чейбсена мы нашли уже вспаханные поля и местами засеянный хлеб (ячмень, пшеницу), который отчасти взошел. Ко всему этому прибавилась даже гроза (14 апреля)¹, правда с сильной метелью, но все же раскаты грома напоминали о том, что наконец наступает так долго ожидаемая весна. Впрочем развитие растительности шло очень медленно, задерживаясь постоянными ночными морозами, доходившими даже в последней трети апреля до $-9,4^{\circ}\text{C}$. Хотя к 1 мая имелось 12 видов цветов, но все они являлись обыкновенно в самом незначительном количестве, часто поодиночке, где-нибудь под защитой камня или куста от морозов, снега и ветров. Последние, то есть ветры и снега, господствовали в течение всего апреля; дождя не было ни разу, а снежных дней считалось 17². Ветры дули почти каждый день и ночь; хотя между ними преобладали два направления — восточное и западное, но вообще эти ветры были очень непостоянны, изменялись по нескольку раз в сутки и изредка достигали, порывами, силы бури. Во время сильного ветра и после него воздух был наполнен пылью, принесенной, вероятно, из соседних пустынь.

Несмотря на обилие атмосферных осадков и на то, что почва была сильно насыщена влагой, воды в горных речках теперь было несравненно меньше нежели летом, а многие ручьи даже совершенно пересохли; в то же время и психрометр показывал значительную сухость воздуха в те дни, когда не шел снег или дождь. Причина первого явления, вероятно, заключалась в том, что вымороженная зимними холодами почва много впитывала в себя выпадающей влаги; сухость же воздуха в ясные дни зависела от действия соседних пустынь, где в это время сухость атмосферы достигает крайних пределов.

¹ Гроза в течение апреля была всего одна.

² Такое число раз снег падал возле нас; по сторонам же горизонта он шел урывками почти каждый день.

Хороших весенних дней в течение всего описываемого месяца не было почти ни одного. Правда, иногда до полудня стояло ясно и тепло, но затем к вечеру опять начинался ветер или снег и температура падала очень быстро. Наибольшее тепло, наблюдавшееся в апреле днем, случилось 12 числа этого месяца и равнялось $+20,4^{\circ}\text{C}$ в тени, тогда как в прошедшем году, в долине Хуан-хэ, максимум температуры апреля был $+31^{\circ}\text{C}$. Даже в юго-восточной окраине Монголии, вблизи Калгана, наибольшее тепло в апреле, по наблюдениям 1871 года, достигало $+26,3^{\circ}\text{C}$.

Таким образом, весна в Гань-су также холодна и обильна водяными осадками, как лето и осень. Вообще в течение целого года здесь не бывает (по крайней мере в горной области) ни одного полного месяца хорошей погоды, какую мы привыкли встречать в других странах. Весна характеризуется снегами, лето — проливными дождями, осень — опять снегами, а зима — сильными морозами и ветрами, хотя небо в это время года бывает обыкновенно ясным.

Направившись из Чейбсена в горы по южную сторону Тэтунг-гола, мы провели последнюю треть апреля в альпийской области, которая в это время была еще весьма мало оживлена. Правда, стада мелких пташек, валовой прилет которых происходил в конце апреля, изредка приседали здесь на лугах или возле скал, но постоянных жильцов еще не было видно; они держались пока в долинах более низких и следовательно более теплых. Растительная жизнь только что начинала пробуждаться и из цветов попадались лишь *Ficaria* sp. [чистец] и *Primula* sp. [первоцвет]. Встречая их по горным лугам, иногда возле нерастаявших пластов зимнего снега, мы всегда удивлялись, насколько может применяться организация растения к неблагоприятным условиям климата. Я видал не только в альпийской области, но даже в более низких горных долинах цветы *Primula* [первоцвет], *Gentiana* [горечавка], *Iris* [ирис, касатик] и другие, не гибнувшие ни от мороза в -9°C , ни от глубокого снега, которым они были засыпаны ночью. Днем, лишь только проглядывало солнце, эти дети весны красовались попрежнему, словно спеша насладиться жизнью и благотворным теплом, которое спустя немного опять должно было замениться морозом или метелью.

За неимением летних обитателей характерными птицами верхнего пояса альпийской области гор, кроме клушиц и стенолазов, являлись теперь скалистые куропатки или хайлыки — *Megaloperdix thibetanus* (¹⁴⁸), и снежные грифы — *Gyps nivicola* [*G. fulvus*].

Первая из этих птиц нигде не встречается в Монголии, но от гор Гань-су распространяется через Куку-нор в Тибет. Исключительным местопребыванием хайлыка служат дикие скалы и россыпи, выше 10 000 футов [3 000 м] абсолютной высоты; ниже такого предела эта птица не спускается. Чем неприступнее скалы, чем обширнее каменные россыпи, тем, кажется, привольнее они для скалистой куропатки, которая по своей величине равняется самке глухаря.

Весной хайлыки держатся парами, а в остальное время года выводками, или небольшими обществами от 10 до 15 экземпляров; в большие стада они никогда не соединяются.

По своему нраву хайлык веселая птица; его громкий голос слышится почти целый день и сильно оживляет безмолвие угрюмых скал альпийского пояса. Этот голос очень походит на крик курицы; кроме того, сюда присоединяется иногда протяжный свист и еще особые отрывистые звуки, которые птица издает всего чаще налету. Впрочем описываемая куропатка, подобно

всем куриным, не охотница летать, но зато великая мастерица бегать; пешком хайлыки часто уходят от охотника, который не имеет возможности быстро следовать за птицами по отвесным скатам и громадным россыпям. При этом следует еще упомянуть, что хотя хайлык почти вовсе не преследуется местными охотниками, но он вообще осторожен, и убить его довольно трудно, тем более, что эта птица чрезвычайно вынослива на рану. Трудности охоты увеличиваются еще тем обстоятельством, что скалистая куропатка, имея на себе серое оперение, вовсе незаметна в россыпях, если только она приляжет между камнями.

Ранным утром и перед вечером хайлыки вылетают на луга между скалами и россыпями и кормятся здесь исключительно растительной пищей; насекомых я ни разу не находил в зобах убиваемых птиц, которые летом всего более едят головки желтого лука, в изобилии растущего по альпийским лугам. В выводках хайлыков встречается от 5 до 10 экземпляров молодых, которых заботливо водит и охраняет старая пара. В случае опасности, в особенности когда молодые еще малы, самец и самка бегают в 20 шагах от охотника и притворяются больными или ранеными, подобно нашим куропаткам. Кроме выводков летом, часто встречаются и бездетные пары, яйца которых, вероятно, погибли от мороза. Несомненно, что такое обстоятельство случается довольно часто, чем и можно объяснить не особенное обилие хайлыков в горах Гань-су, равно как и в хребтах Северного Тибета.

Другой характерной птицей альпийского пояса гор Гань-су служит снежный гриф — *Gyps nivicola* [гималайский гриф — *G. fulvus*]¹, который по образу жизни и нравам походит на остальных своих собратьев: могучий лёт и обжорство составляют характерные признаки описываемой птицы.

Поздним утром, когда уже порядочно обогрелось солнце, снежные грифы поднимаются с своих ночлегов, выбираемых всегда на недоступных скалах² и летят сначала низко вдоль гребней гор, но потом поднимаются кругами в необъятную высь. Случалось, что наша палатка стояла на высоте 12 тысяч футов [3 658 м] и я следил в хороший бинокль за улетающими вверх грифами, которые наконец совершенно скрывались даже от вооруженного глаза. На какую же высоту взлетает тогда эта птица, имеющая почти 10 футов [3 м] в размахе крыльев! Тем не менее для поразительно зоркого глаза грифа возможно различать до мелочей все, что творится на земле. Вот видит он, что стая воронов и коршунов копошится в долине возле падали; тогда гриф подтягивает крылья, предоставляет тело собственной тяжести и, словно камень, падает, немного наискось, из-под облаков к земле⁽¹⁴⁹⁾. Быстрота такого падения страшная, даже слышен особый шум, но птица очень ловко рассчитывает свои движения: не долетая немного до земли, гриф распускает могучие крылья и тихо садится к падали. Другие грифы, носившиеся также в облаках, заметив маневр своего товарища, уже знают в чем дело и, подобно ему, камнями падают на землю, так что вскоре возле трупа собираются десятки огромных птицы, присутствия которых до сих пор и не подозреваешь³. На падали начинаются

¹ Черный гриф—*Vultur monachus* [Aegyptiusm.], в горах Гань-су встречается лишь изредка.

² Одно и то же место служит описываемому грифу, равно как и другой его родне, местом ночлега в течение продолжительного времени; подобное ночлежное пристанище можно всегда заметить издали по обилию белого помета на скале.

³ Подобную же картину описывает Брэм у африканских грифов. Жизнь животных, т. III, стр. 562—564.

ссоры, причем грифы распускают крылья и с угрожающим видом подступают друг к другу; однако дело никогда не доходит до серьезной драки. Если издохшее животное еще цело, то грифы прежде всего пожирают внутренности и кишки, а затем уже приступают к мясу. Наевшись до невозможности, грифы отходят в сторону и смотрят на пир вновь прибывающих собратьев. Меньшие хищники — коршуны, вóроны, сороки — не смеют теперь подступиться к лакомой поживе и, сидя по сторонам, с нетерпением ждут, пока наедятся и улетят великаны. Последние, тяжело поднявшись, отправляются на ближайšie скалы и совершают там пищеварение.

Снежных грифов в Гань-су очень много, так что нас всегда удивляло, где эти птицы могут найти для себя столько пищи. Притом же летом, когда почти постоянно идут дожди и горы закутаны облаками, крайне трудно, а часто совсем невозможно, заметить издали желаемую добычу. Вероятно, в это время снежные грифы посещают весьма отдаленные местности, где стоит лучшая погода. Пролететь несколько сот верст ничего не значит для этой сильной птицы, которая, почти без взмаха крыльев, целый день плавает под облаками.

Обжорство снежных грифов так велико, что, несмотря на всю свою осторожность, они возвращаются на падаль даже после сделанных по ним выстрелов.

Крепость птицы на рану невообразимая: мы с товарищем однажды 12 раз стреляли картечью, не далее как на 50 шагов, в прилетавших на падаль грифов и не убили ни одного из них.

Тем не менее описываемых птиц нетрудно бить пулями из засадки, на приманке. Только засадку следует устроить как можно скрытнее; всего лучше для этой цели выбрать небольшую пещеру и заделать ее вход кустами. Приманкой может служить всякое убитое или издохшее животное, а за неимением его можно класть кишки и прочие внутренности на свежее ободранную шкуру. Приманку необходимо положить шагах в 70 и даже более от засадки; на такое расстояние в сидячего грифа очень легко попасть пулей, а между тем охотнику можно, не боясь шума, свободно поворачиваться и даже скрытно кашлянуть. Итти в засадку следует не ранее 8—9 часов утра, так как грифы только в это время слетают с своих ночлегов. Притом засадку всего лучше устраивать в альпийской области гор, где грифы скорее идут на приманку; в низкие долины эти осторожные птицы спускаются неохотно и иногда, видя близость жилья, вовсе отказываются от падали.

Охота за снежными грифами на приманку полна интереса. Лишь только бывало заберешься в засадку, как уже прилетают коршуны, долго и низко кружат над положенным мясом, но, подозревая лозушку, улетают прочь. Взамен их являются сороки и вóроны, каркают, ходят вприпрыжку кругом лакомых кусков, но не решаются тронуть. Отлетев немного в сторону, они снова возвращаются к приманке и несколько раз повторяют этот маневр. Наконец, какая-нибудь смелая сорока решится урвать кусок мяса, но, сама испугавшись своей храбрости, поспешно улетает в сторону. Однако первый опыт манит других, и вот вóрон, сидевший в нескольких шагах поодаль, идет покачиваясь к мясу, остановится на минуту возле него, наконец клонет и съест кусок. Тогда сороки начинают уже смело клевать, ободренные коршуны слетаются со всех сторон, и на приманке начинается пир горой — шум, драка, писк.

Из засадки смотришь на все это втихомолку и с нетерпением ждешь появления желанной птицы, то есть снежного грифа. Но вот раздастся

дребезжащий шум и по нему догадываешься, что прилетел ягнятник. Действительно, тотчас показывается эта красивая птица, облетит несколько раз очень низко кругом приманки и сядет на ближайшую скалу. Но грифов нет как нет! Быть может они уже заметили пир на выложенном мясе и высоко кружатся в облаках, но из засадки не видно вверх. Так проходит еще добрый час времени; наконец, вдруг слышится тяжелое хлопанье крыльев, и снежный гриф садится неподалеку на скалу. Лихорадочная дрожь овладевает охотником; боишься пошевелиться, чтобы не спугнуть осторожной птицы, которая вскоре слетает к приманке. Посидев в нескольких шагах поодаль от нее, гриф идет к мясу, переваливаясь с боку на бок, а иногда и вприпрыжку. Мигом вся пировавшая сволочь разлетается в стороны и уступает место великану; один только ворон остается на противоположном конце приманки, но и он теперь ведет себя крайне почтительно. С жадностью начинает голодный гриф глотать кишки или куски мяса, но в это время гремит выстрел, и пробитая пулей птица падает мертвой на месте.

Если же обождать стрелять, то за первым осторожно прилетевшим грифом вскоре являются другие, которые уже прямо садятся к мясу. Иногда на большой падали собирается несколько десятков этих птиц, так что, при удачном выстреле, одной пулей можно убить двух грифов.

Большие снега, часто выпадавшие в альпийской области, принудили нас перекочевать отсюда в конце апреля в средний лесной пояс гор. Отсюда мой товарищ с одним из казаков отправились в кумирню Чертынтон, чтобы привезти оставленные там прошедшей осенью коллекции и кое-какие вещи. В числе последних у меня была пара сапог, которым я крайне обрадовался, так как мог ходить в них по горам несравненно удобнее, нежели в скользких самоделках. Кроме того в прошедшем году мы нарочно оставили в своих вещах фунтов 5—6 [2—2,5 кг] сахару, казавшегося нам теперь великой роскошью при полном лишении всего европейского, наконец, мы купили у тангутов яка и были обеспечены продовольствием на значительное время.

Лучший из всех месяцев в году — май — даже в Гань-су начался совершенно по-весеннему. Снега, падавшие в течение всего апреля, теперь кончились¹ и заменились дождями, которые шли довольно часто, но были вообще непродолжительны. Хотя по ночам все еще стояли небольшие морозы, но днем солнце грело сильно² и быстро вызывало растительную жизнь. К 15 числу описываемого месяца деревья в среднем поясе гор распустились уже наполовину, а в нижнем — листья на них развернулись совершенно. Ярко блестела на солнце молодая зелень; многие кустарники покрывались цветами, которые также щедро рассыпались и среди травянистых растений. В густых зарослях по берегам горных речек теперь зацвели: шиповник, вишня, смородина, крыжовник, жимолость и барбарис с красивыми желтыми кистями цветов; сюда присоединилась великолепная пахучая *Daphne altaica* [дафна алтайская], а по открытым горным склонам — боярка и желтая карагана. Из трав в лесах показались цветущие анемоны, фиалки, пионы и сплошными массами земляника; по горным долинам стали красоваться: касатик, первоцвет, одуванчик и лапчатка, а по открытым склонам гор — камнеломка

¹ По крайней мере в среднем и нижнем поясе гор.

² Наибольшая температура в мае была замечена 14 числа в долине Тэтунг-гола и равнялась наибольшей температуре в июле прошлого года, именно +30,4°С.

сухоребрица, *Polygonatum roseum* [купена розовая], *Thermopsis* sp. [термопсис], *Podophyllum* sp. [подофилл] и другие.

Животная жизнь также явилась в полной энергии, в особенности между пернатыми обитателями горных лесов. Голоса различных певунов сливались здесь в один концерт, непередаваемо дополнявший общую картину весенней жизни природы. Великолепные песни дроздов, громкий свист сродных им *Pterorhinus davidii* и *Trochalopteron* sp. [тимелия], кукованье кукушек, крик фазанов и разнообразное пенье мелких пташек — все это слышалось почти неумолкаемо целые дни. Даже ночью, в тихую, ясную погоду, часто раздавалось пение то той, то другой пташки, нетерпеливо дожидавшейся рассвета. Словом, жизнь везде была ключом после долгого зимнего застоя.

Охотничьи экскурсии доставляли нам ежедневно много самых интересных птиц, так что теперь мы могли вознаградить, относительно орнитологической коллекции, плохую добычу прошедшего лета, когда все птицы находились в сильном линяннии.

В числе других редких видов пернатых нам удалось добыть ушастого фазана — *Crossoptilon auritum*, встреченного еще в первый год путешествия в Алашаньских горах. Эта замечательная птица, называемая тангутами шярама, в значительном количестве обитает в лесных горах Гань-су, но ее вовсе нет в безлесных хребтах Северного Тибета. Местопребыванием шярамы служат горные леса, изобилующие скалами и густыми зарослями кустарников; в таких лесах ушастый фазан обитает до 10 000 футов [свыше 3 000 м] абсолютной высоты. Кормится описываемая птица, как кажется, специально растительной пищей; по крайней мере весной я находил в зобу исключительно молодую зелень, почки, листья барбариса, но всего более корни различных трав. На жировке ушастый фазан бродит мерным шагом, держа горизонтально свой великолепный хвост.

Поздней осенью и зимой шярама держатся небольшими обществами, часто садятся на деревья¹, быть может для того, чтобы поесть почек. Ранней весной описываемые птицы разбиваются на пары, занимающие определенную область, в которой выводят молодых². Гнездо, по словам тангутов, делается из травы в густых кустарниках и в нем бывает от 5 до 7 яиц. Зимой тангутские охотники бьют ушастых фазанов на деревьях из ружей, но еще более ловят их в петли, устраиваемые на земле в тех местах, где чаще бродят описываемые птицы. Главную добычу промышленников составляет хвост, в котором четыре средних удлинненных и рассученных пера употребляются для парадных шляп китайских офицеров, на месте за каждое такое перо платится по пяти копеек на наши деньги.

Ранней весной, лишь только стада разобьются на пары, как самцы начинают токовать. Голос их чрезвычайно неприятный, напоминает крик павлина, только несколько тише и отрывистее; подобным же образом кричит, как кажется, и самка. Кроме того описываемая птица (не знаю только, самец или самка) изредка произносит особые глухие звуки, отчасти напоминающие голубиное воркованье; наконец, будучи внезапно испугана, шярама иногда кричит весьма похоже на цесарку.

¹ Весной и летом ушастые фазаны держатся исключительно на земле, хотя, по уверению тангутских охотников, для ночевки (по крайней мере весной) взлетают на деревья; однако самому мне и моему товарищу ни разу не удалось подстеречь в это время шяраму на дереве, хотя мы часто бродили вечером и ранним утром по горным лесам.

² С начала мая почти все самки шярама уже сидели на яйцах.

Однако, даже в период любви, у описываемой птицы нет такого правильного токованья, как у обыкновенных фазанов или тетеревов¹. Самец ушастого фазана кричит лишь изредка, с неопределенными промежутками, обыкновенно после того, как уже взойдет солнце, хотя иногда голос этой птицы слышится еще до рассвета, или даже днем, около полудня. Но во всяком случае шярама кричит очень редко, так что в течение целого утра едва ли можно более 5 или 6 раз услышать голос одной и той же птицы.

Неопределенность токованья и большая осторожность описываемого фазана делают охоту за ним, по крайней мере весной, чрезвычайно затруднительной. Трудности еще более увеличиваются самым характером местности, в которой обитает шярама. Густейшие заросли рододендронов на северных сторонах ущелий, а колючих кустарников (барбариса, облепихи и шиповника) на южных их склонах, везде крутые, чуть не отвесные скаты гор, дикие скалы, частый лес, наполненный валежником и сухими прошлогодними листьями, — все это вместе составляет такие неблагоприятные условия для охоты, что она может быть названа одной из труднейших. Итти с лягавой собакой нечего и думать, так как она совершенно бесполезна в подобной местности, где притом часто ей и не взобраться за охотником, карабкающимся на скалы; следовательно, необходимо положиться только на собственный слух и зрение. Но то и другое часто не могут посодействовать охотнику; осторожная птица почти всегда услышит или заметит его издали и успеет благополучно скрыться. Взлетает ушастый фазан только в редких случаях, всего чаще будучи застигнутым врасплох; обыкновенно же он спасается пешком и бежит чрезвычайно скоро. Иногда даже слышишь шорох его шагов в расстоянии нескольких сажен, но самой птицы не видно в гущине, или она мелькает так быстро, что охотник не успевает ружье бросить к плечу, не только что выстрелить. Преследовать убежавшую шяраму по пятам нет никакой возможности; она всегда словно в воду канет. Кроме того, эта птица очень крепка на рану, так что на расстоянии 50 шагов выносит заряд крупной дроби и имеет еще силу улететь. Если же у шярамы перебито крыло, то она уходит пешком и скрывается в кустах. Наконец, если случится увидеть ушастого фазана очень близко и волей-неволей нужно стрелять, так как через мгновение он исчезнет, — то и тогда, разбитый зарядом вдребезги, он не годится на чучело. Словом, перед охотником столько трудностей и случайностей, что только редкость самой птицы может манить его на столь неблагоприятную охоту.

Придя в средний пояс гор, мы с товарищем часто охотились за ушастыми фазанами, отправляясь для этого в лес еще задолго до рассвета; однако в течение двух недель мы могли добыть только два экземпляра для коллекции. Двое охотников тангутов в это же время по моему заказу лазили день в день по горам, но также убили только две шярамы, да и то подкараулив обеих на гнездах.

Всего труднее угадать заранее место, где именно находится описываемый фазан, так как он кричит лишь с большими промежутками времени, а иногда и вовсе не издает голоса, несмотря на хорошее, ясное утро. Замечательно, что такая большая птица поднимается с земли очень тихо и иногда совершенно неслышно улетает от охотника. Перемещается

¹ Встретившись между собой в период любви, самцы ушастых фазанов вступают в драку.

шярама обыкновенно недалеко, летит тихо и налету, издали, много напоминает глухаря.

Из млекопитающих, наиболее обращавших теперь на себя внимание, были сурки — *Arctomys robustus* [*Marmota himalayana*], которые проснулись от своей зимней спячки с начала апреля¹. Этот зверек, называемый монголами тарабаган [тарбага], а тангутами шоо, нигде не встречался нам в Монголии², но был впервые найден в Гань-су и отсюда распространяется через Куку-нор в Северный Тибет (⁵⁰). В горах Гань-су сурок восходит от самых низких долин в альпийскую область; в Северном Тибете мы видели его норы даже на абсолютной высоте в 15 тысяч футов [около 4570 м].

Для своего жительства тарабаган избирает луговые горные скаты, а в альпийской области поселяется и в долинах. Описываемые зверьки всегда живут обществами и выкапывают для себя глубокие норы, часто в почве, переполненной камнями; от каждой норы делается несколько отнорков, служащих для выхода.

Утром, лишь только взойдет и немного обогреет солнце, тарабаганы вылезают из своих нор, бегают вокруг них и кормятся травой. Если зверьки не были ничем встревожены, то они пробавляются таким образом довольно долго и удаляются в свой логовища часов около десяти утра. Отсюда сурки вновь показываются часа в два или три пополудни, опять резвятся и кормятся почти до заката солнца. Конечно, из такого общего правила бывают частые исключения; иные тарабаганы выходят из нор во всякое время дня, но в дождливую погоду ни один из описываемых зверьков не показывается на поверхности земли, хотя бы ненастье продолжалось несколько суток сряду.

По своему характеру ганьсуйский сурок очень смышлен и осторожен, в особенности там, где преследуется человеком. Перед выходом из норы зверек сначала высовывает из отверстия одну лишь голову и в таком положении проводит целых полчаса, удостоверившись в безопасности. Убедившись в этом хорошенько, тарабаган вылезает до половины, опять слушает и смотрит во все стороны; наконец выходит весь и начинает щипать траву. Заметив опасность, хотя бы издали, зверек тотчас бросается к своей норе, становится здесь на задние лапы и начинает издавать громкий голос, вроде частого отрывистого свиста, затем, видя приближение опасности, тарабаган скрывается под землей. Впрочем, там, где сурки живут вблизи тангутских юрт и не преследуются человеком, они ведут себя гораздо смелее, хотя все-таки не забывают хитрой осторожности.

Охота за тарабаганами производится подкарауливанием этих зверьков возле их нор, причем необходимо устроить засадку, не бросающуюся в глаза, и засесть в нее ранее выхода сурка. Последний чрезвычайно крепок на рану и, будучи смертельно ранен, всегда уходит в нору; только удар наповал доставляет животное в руки охотника. Зимнюю свою спячку тарабаганы начинают в конце сентября и, подобно европейским суркам, засыпают целым обществом в одной норе.

Теперь несколько слов еще об одном млекопитающем Ганьсуйских гор — именно о медведе — *Ursus* sp.

¹ Первых проснувшихся сурков мы видели на Куку-норе 25 марта; в горах же Гань-су они показались из нор только 8 апреля.

² Забайкальский сурок — *Arctomys bobak* [*Marmota sibirica*] — распространяется в Монголии только верст на 100 южнее Урги; здесь оканчивается полоса плодородных степей, вместе с которыми исчезает и названный зверек.

Еще ранее прихода нашего в Гань-су мы слышали от монголов о каком-то необыкновенном звере, который водится в названной провинции и называется хун-гуресу, то есть «человек-зверь». Рассказчики уверяли нас, что это животное имеет плоское совершенно человеческое лицо и ходит большей частью на двух ногах; тело у него покрыто густой черной шерстью, и лапы вооружены огромными когтями. Сила зверя страшная; на него не только не решаются нападать охотники, но даже жители укрываются из тех мест, где появляется хун-гуресу.

Подобные рассказы мы слышали и в самой Гань-су от тангутов, которые единогласно уверяли, что вышеописанный зверь водится в их горах, хотя и очень редок. На наш вопрос: не медведь ли это? рассказчики отрицательно трясли головой, говоря, что медведя они знают хорошо.

Придя летом 1872 года в горы Гань-су, мы объявили награду в 5 лан тому, кто укажет нам местопребывание легендарного хун-гуресу. Однако с подобными известием никто не являлся; только тангут, временно находившийся при нас, сообщил, что хун-гуресу постоянно живут в скалах горы Гаджур, куда мы отправились в начале августа. Но в заповедных скалах мы не нашли удивительного зверя и уже отчаивались когда-либо увидеть его, как вдруг я узнал, что в небольшой кумирне, верстах в 15 от Чертынтана, находится шкура хун-гуресу. Через несколько дней я отправился в эту кумирню и, сделав ее настоятелю подарок, просил показать мне редкую шкуру. Просьба моя была исполнена, но, увы! Вместо чудовища я увидел набитую соломой шкуру небольшого медведя. Все рассказы о хун-гуресу теперь стали басней, да и сами рассказчики, после моего уверения, что это медведь, начали говорить, что хун-гуресу не показывается людям, но охотники иногда видят только его следы.

Медведь, которого шкура была мне показана, имел в стоячем положении около 4,5 фута [1,37 м] вышины. Морда была вытянутая; голова и вся передняя часть тела грязно-белого цвета, зад темнее, а ноги почти черные. Подошвы задних лап были узкие и длинные, а когти на передних лапах имели по дуге около дюйма [2,5 см] длины; эти когти были очень тупы и черного цвета. К сожалению, я не мог сделать более подробных измерений и описаний, чтобы не возбудить подозрения.

Весной следующего года нам привелось увидеть такого же медведя и на воле. Именно, когда мы возвращались с Куку-нора в Чейбсен, то лишь только вошли в горы Гань-су, как однажды утром заметили медведя, который ловил пищух. Мы отправились к зверю, но тот пустился на уход, и хотя его преследовали наши собаки, но не могли остановить. Мы пустили зверю в догонку несколько пуль, из которых попала только одна и ранила медведя, но он все-таки ушел к величайшей нашей досаде.

Встреченный нами на Куку-норе медведь, сколько можно было видеть издали, имел ту же окраску, как и набитый в кумирне, но казался больше ростом. Он достигал величины нашего стервятника, притом был какой-то длинный и горбатый.

По словам монголов эти медведи в значительном числе обитают в тибетских хребтах Бурхан-Будда и Шуга; живут они здесь в скалах, но летом выходят на равнины и являются даже на берега Мур-усу⁽¹⁵¹⁾.

Проведя первую половину мая в среднем поясе гор, мы спустились в долину Тэтунга и пробыли здесь неделю, занимаясь попрежнему каждодневными экскурсиями, но вскоре у нас вышла вся мелкая дробь, и мы должны были прекратить стрельбу птишек на чучела. Добыча яиц была также невелика, так как многие птицы еще не начали нестись, хотя гнезда

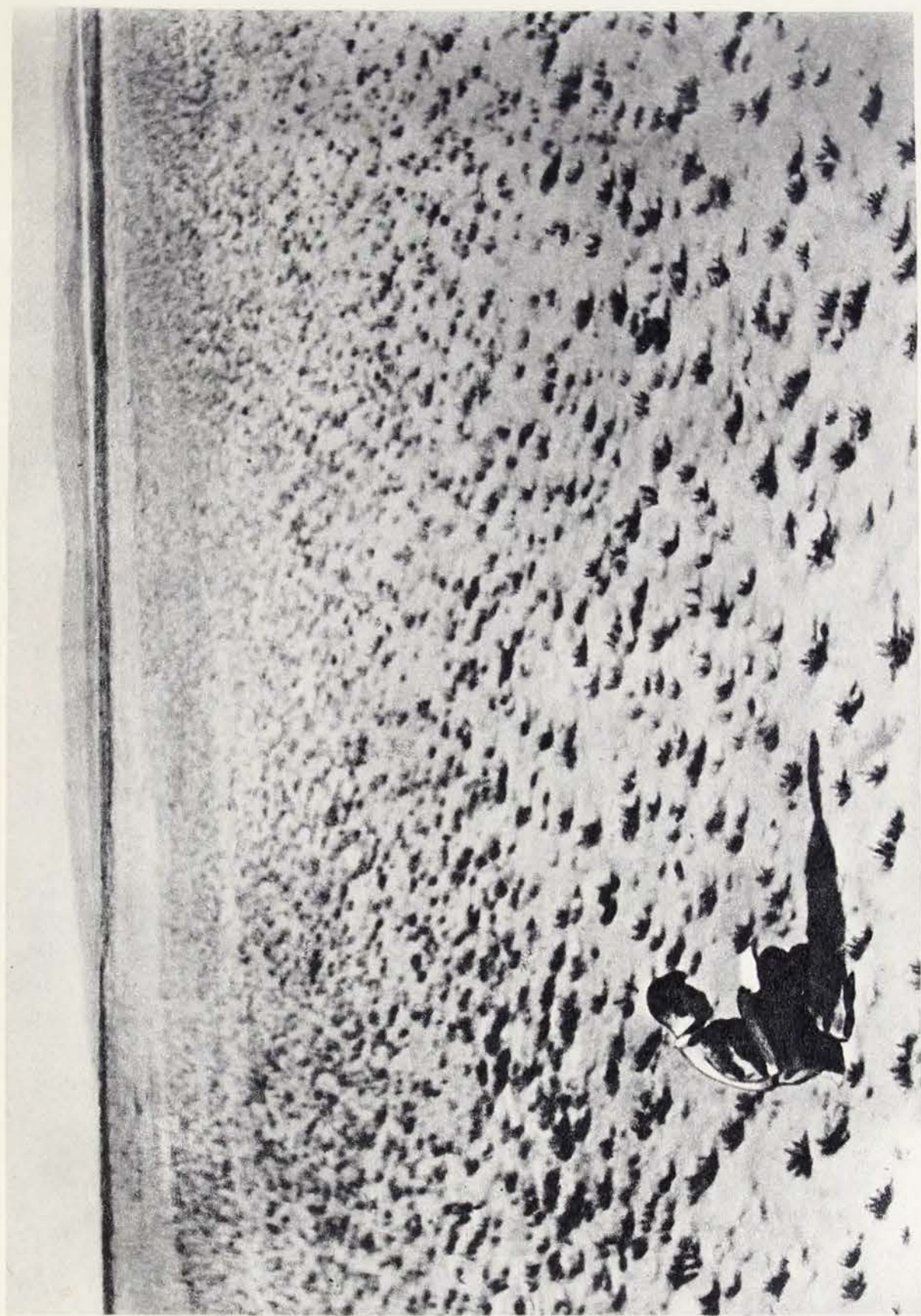
у них были уже готовы. В начале июня в горах, в особенности по густым зарослям на берегах речек, можно бы было собрать множество самых редких яиц, но мы не могли оставаться долее в окрестностях Чертынтонга опять-таки по неимению денег. Теперь у нас вновь остался лишь небольшой кусок серебра, весом в несколько лан, а между тем добывать продовольствие охотой, при густом населении, было невозможно. При таких обстоятельствах мы поневоле должны были ускорить свой отход в Ала-шань и направились туда прежним путем, по которому шли в прошедшем году с тангутским караваном. Как тогда, так и теперь на дороге лежали разоренные деревни, но в них уже кое-где начали показываться китайцы. Весьма вероятно, что в течение нескольких лет разоренные фанзы будут возобновлены, заброшенные поля обработаны и население осядет так же густо, как было до дунганского разорения.

Вторая половина мая в горах Гань-су, вопреки ожиданию, вновь ознаменовала себя суровостью и непостоянством климата. После теплой погоды, стоявшей всю первую половину описываемого месяца, 16 числа ночью выпал снег даже в долине Тэтунга, а затем, четыре дня сряду здесь по ночам стояли морозы, доходившие до -4°C . В конце мая, именно в последний день нашего пребывания в Гань-су, случилась еще худшая история. Почти весь день 28 числа шла сильная метель, которая покрыла землю снегом на 0,5 фута [0,15 м] толщины, а к утру следующего дня грянул мороз в $-5,3^{\circ}\text{C}$. И это случилось под 38° северной широты в то время, когда уже считалось 76 видов цветов! Однако последние не гибли от подобного холода — до того ганьсуйские растения привыкли к суровому климату своей родины. Несравненно губельнее действует на те же самые растения даже малейшая засуха. Таким образом, хотя в течение нынешнего мая считалось 22 дождливых дня, но так как дожди шли большей частью непродолжительно, то их было недостаточно для избалованных относительно влаги травянистых растений. В особенности это замечалось на открытых скалах гор и в холмистой степи к северо-востоку от реки Чагрын-гол. Эта степь, столь роскошно убранная в половине июня прошедшего года, теперь, когда мы здесь проходили в конце мая, далеко не имела своего прошлогоднего наряда и вообще была очень бедна цветами.

Подобный факт служит доказательством великой гибкости организма растений и способности их применяться к климатическим условиям своей родины. Мне случалось выкапывать в горах Гань-су желтый альпийский мак — *Ranunculus alpinus* — из столь крепко замерзшей почвы, что ее едва можно было раскопать ножом — и растение все-таки цвело; между тем как тот же самый мак гибнет, если только его не поливают постоянные дожди.

Мы распрощались с горной областью Гань-су, испытав, на самый последок, всю суровость и непостоянство ее климата. Но все-таки, несмотря на неблагоприятные климатические условия, пребывание в этой стране было лучшим временем нашей экспедиции по тому обилию научной добычи, какое нашли мы здесь как в растительном, так и в животном мире.

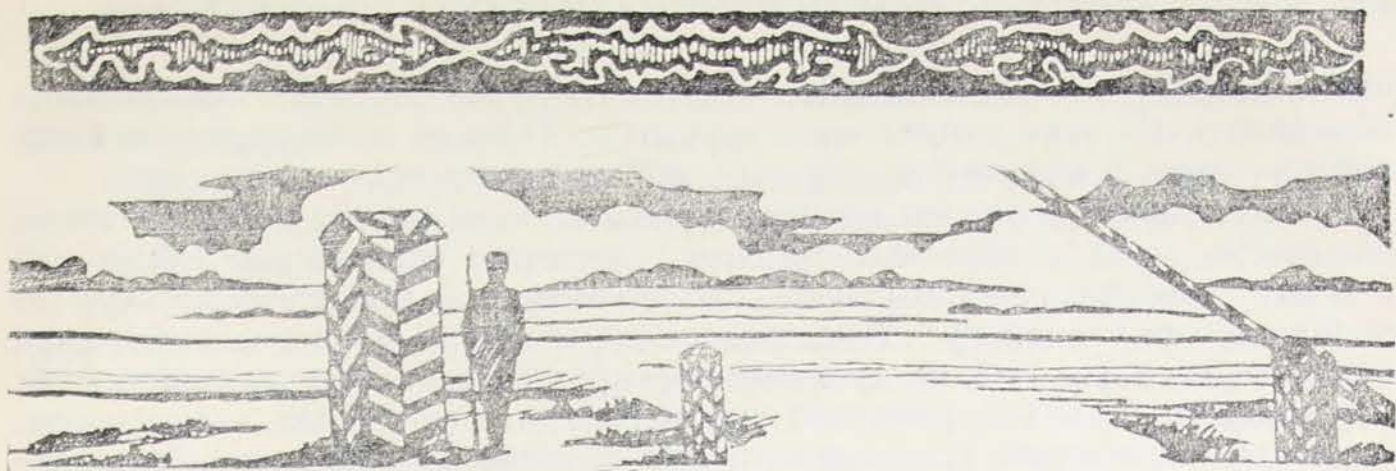

Луговая полупустыня на равнине между горами Дэнг и Ноян
(Гобийский Алтай)

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛА-ШАНЬ ПУТЬ НА УРГУ СРЕДИНОЙ ГОБИ

[29 мая (10 июня)—19 сентября (1 октября) 1873 года]

Переход по Южному Ала-шаню. — Встреча с караваном богомольцев. — Прибытие в Дынь-юань-ин. — Летний характер Алашаньских гор. — Неожиданное в них паводнение. — Следование на Ургу. — Гибель нашего Фауста. — Характер пустыни от Ала-шаня до хребта Хурху. — Описание этих гор. — Гоби к северу от них. — Дороги из Куку-хого в Улясутай. — Пустыня превращается в степь. — Прибытие в Ургу. — Окончание экспедиции.

В конце мая мы вышли из горной области Гань-су и очутились у порога Алашаньской пустыни. Безграничным морем лежали теперь перед нами сыпучие пески, и не без робости ступали мы в их могильное царство. Не имея средств нанять проводника, мы должны были идти одни и рисковать всеми случайностями трудного пути; тем более, что в прошедшем году, следуя с тангутским караваном, я только украдкой и часто наугад мог записывать приметы и направление дороги. Такой маршрут конечно был крайне ненадежен, но теперь он служил нашим единственным путеводителем в пустыне.

15 дней¹ употребили мы на переход от Даджина до города Дынь-юань-ин и благополучно совершили этот трудный путь. Только однажды чуть-чуть не заблудились в пустыне. Дело это было 9 июня на переходе между озерком Серик-долон и колодцем Шангын-далай [Сангин-далай]. Выйдя рано утром от Серик-долона, мы прошли сначала несколько верст сыпучими песками, а затем вышли на глинистую площадь, где явилась тропинка, вскоре разделившаяся надвое. Такого раздвоения мы не заметили в прошедшем году, следуя этим местам ночью, так что теперь нам пришлось угадывать, по которой дорожке следует идти. Затруднение увеличивалось еще более тем обстоятельством, что обе ветви тропинки расходились под

¹ В том числе три дневки.

очень острым углом, следовательно и с помощью буссоли нельзя было определить которое направление вероятнее. Правая ветвь дорожки была гораздо торнее, поэтому я решился выбрать этот путь,—и не угадал.

Несколько верст мы прошли ничего не подозревая, но потом стали являться новые поперечные тропинки, которые совершенно сбили нас с толку; наконец, наша дорожка совсем кончилась, упершись в какую-то довольно торную дорогу¹. Итти по этой дороге мы не могли, не зная, куда она поведет, вернуться на прежний перекресток также не рисковали, так как это место было уже довольно далеко позади, а во-вторых, мы не знали, насколько обеспечено следование по другой ветви первоначальной тропинки. Выбирая из всех зол меньшее, мы решили держаться своего первоначального направления, рассчитывая, что увидим издали ту небольшую группу гор, у подошвы которых должен был находиться колодец Шангын-далай.

Между тем наступил полдень, жара стояла сильная, и мы остановились отдохнуть часа два или три. Затем пустились вновь все в прежнем направлении, следуя теперь уже напрямик по буссоли, и наконец увидели немного вправо небольшую горную группу, которую приняли за Шангын-далайскую. Так как в воздухе целый день стояла пыль от сильного ветра, то мы не могли даже в бинокль хорошенько разглядеть очертание появившихся гор, до которых было еще далеко. Наступил вечер, и мы остановились ночевать в уверенности, что это именно желаемые горки, и, только прокладывая на карту пройденный путь, я заметил, что мы сильно уклонились к востоку и что едва ли идем как следует. А между тем запасной воды к ночи у нас оставалось не более 2 ведер², да и то мы не давали ни капли ее лошадям, которые от сильной жажды едва передвигали ноги. Вопрос, найти или не найти завтра колодец, становился вопросом жизни или смерти, и понятно, под каким впечатлением провели мы вечер. К счастью, ночью ветер стих, и пыль осела из воздуха. Утром, лишь только нассвело, я начал осматривать в бинокль окрестности, взобравшись на несколько поставленных друг на друга ящиков с коллекциями. Вчерашняя группа гор была видна совершенно ясно, но в то же время, как раз прямо на север от нашего ночлега, виднелась вершинка другой горки, которая также могла быть Шангындалайской. Теперь предстояло решить: на какую из этих гор направить путь? Отложив на карте засечку последней горки и сличив приблизительное ее положение с тем, что у меня было записано в прошлогоднем дневнике, я решил итти на северную горку.

В томительном сомнении завьючили мы своих верблюдов и двинулись в путь. Путеводная вершинка то выглядывала из-за пологих возвышений волнистой равнины, то опять скрывалась за ними. Напрасно мы часто смотрели на нее в бинокль, чтобы увидеть характерную приметку, записанную в моем дневнике, именно кучу камней (обо), сложенных на вершине,—расстояние еще было слишком велико, чтобы заметить такой сравнительно маленький предмет. Наконец, верст через 10 от места ночлега, мы увидели желаемую приметку; тогда, ободренные надеждой, мы ускорили свой ход и через несколько часов стояли возле колодца,

¹ Впоследствии мы узнали, что эта колесная дорога ведет из Дынь-юань-ина в город Дырисун-хото (монгольское название), лежащий близ юго-восточной границы Ала-шаня.

² Во время перехода в жар по пустыне вода, налитая в деревянные бочонки, сильно испаряется сквозь дерево, так что полный утром бочонок к вечеру всегда теряет несколько бутылок воды.

к которому с жадностью бросились наши животные, совершенно измученные жаждой.

На одном из переходов по Южному Ала-шаню мы встретились с караваном монгольских богомольцев, направлявшихся из Урги в Лассу. С начала дунганского восстания, в течение 11 лет, такие поклонники не осмеливались ходить в столицу далай-ламы, но теперь, после занятия средней части Гань-су китайскими войсками, в Урге был снаряжен большой караван¹ за кутухтой, умершим несколько лет назад в Богдо-курене и возродившимся в Тибете. Богомольцы были разделены на несколько эшелонов, которые следовали один за другим и должны были все собраться на Куку-норе. Встретившись с нами, передовые монголы простодушно воскликнули: «Посмотрите, куда забрались наши молодцы!» и сначала не хотели верить тому, что мы вчетвером пробрались в Тибет.

Но каковы были в то время по своему наружному виду «русские молодцы», встреченные богомольцами-монголами? Истомленные трудностями пути, полуголодные от недостатка запасного продовольствия, грязные, в изорванном платье и дырявых сапогах, мы всего более походили на нищих. Внешность наша в это время так мало напоминала европейцев, что когда мы пришли в город Дынь-юань-ин, то жители, смотря на нас, говорили: «Как они сделались похожи на наших людей, совсем как монголы».

В Дынь-юань-ине мы получили 1 000 лан денег, присланных нам сюда из Пекина заботливостью генерала Влангали. Вместе с деньгами нам были высланы письма, полученные из России², и три последних номера газеты «Голос» за 1872 год. Трудно передать, каким праздником был для нас этот день. С лихорадочной жадностью читали мы письма и газеты, где все для нас было новостью, хотя бы события, со дня которых минуло уже более года. Европа, родина, былая жизнь — все живо воскресло перед нами. И еще сильнее почувствовали мы теперь свое одиночество, среди тамошних людей, чуждых нам во всем — от самого своего облика и до малейшего оттенка своего характера...

Алашаньского князя и его сыновей в это время не было в Дынь-юань-ине; они все отправились в Пекин и обещали возвратиться не ближе осени.

По предположенному заранее плану мы должны были направиться из Дынь-юань-ина прямо на Ургу, серединой Гоби. Путь этот еще не был пройден ни одним европейцем, и конечно представлял большой интерес в научном отношении. Но, прежде, нежели пуститься вновь в пустыню, мы решили немного отдохнуть и вместе с тем исследовать более подробно, нежели в первый раз, Алашаньские горы.

В последних теперь уже не было того безлюдья, какое мы нашли здесь в 1871 году. С прекращением дунганских нападений в горы прикочевали многие монголы; кроме того здесь начали возобновлять разоренные кумирни, и наконец, целые сотни китайцев, из города Нин-ся, занимались рубкой леса. Едва-едва мы могли отыскать небольшое ущелье, в котором не было дровосеков, и то лишь по неимению воды, но мы решили ездить каждый

¹ До 1 000 палаток по словам монголов.

² Не могу умолчать о курьезе, случившемся с письмом, присланным мне из одного губернского города нашего отечества. Адрес этого письма гласил: «в Пекин через Кяхту такому-то». Слово Пекин было зачеркнуто, вероятно рукой почтмейстера, и тут же крупными буквами изображено: «города Пекина нет, а потому отправить только в Кяхту».

день за 3 версты к колодцу. Верблюдов своих мы отправили на пастбище верстах в 50 от Дынь-юань-ина, а при себе оставили только двух лошадей, которые поочередно должны были таскать воду¹.

В Алашаньских горах мы провели теперь три недели, и результатом исследования оказалось, что эти горы вообще небогаты как своей растительностью, так и фауной. Относительно растительности в Алашаньском хребте (по крайней мере на западном, исследованном нами склоне) можно различить три полосы: наружную окраину, полосу лесов и пояс альпийских лугов.

Наружная окраина гор, вместе с прилежащей к ней узкой волнистой полосой степи², характеризуется глинистой почвой, усыпанной валунами (по степи) или выветрившимися горными породами (в горах). Скал здесь сравнительно меньше нежели в двух других поясах, и они не достигают таких, как там, грандиозных размеров. Ширина наружной окраины гор невелика—всего версты 2, а иногда и того менее. Из деревьев здесь встречается только редкий корявый вяз—*Ulmus* sp., а из кустарников: желтый шиповник—*Rosa pimpinellifolia*, карагана—*Caragana* sp. и изредка ягодный хвойник—*Ephedra* sp. [эфедра], найденный нами также в Цайдаме, у северной подошвы Бурхан-Будда; по степи, прилежащей к горам, всего более растет колючий вьюнок—*Convolvulus tragacanthoides*, а также остролодка колючая—*Oxytropis aciphylla*. Из трав в описываемой полосе преобладают: чебрец—*Thymus serpyllum*, купена обычная—*Polygonatum officinale*, *Peganum nigellastrum* (гармала), последний исключительно в степи, лук—*Allium* sp., как в степи, так и в горах, даже в альпийской области, *Androsace* sp. [проломник], по скалам истод сибирский—*Polygala sibirica*, ломонос—*Clematis aethusaefolia* [щавелеволистый], вьется по кустарникам в устьях ущелий, реже попадается в степи; наконец, в наружной горной окраине появляется ревень—*Rheum* sp.³, который через лесную полосу восходит до альпийских лугов.

За наружной окраиной гор следует их лесная область, которая поднимается приблизительно до 10 000 футов [приблизительно 3 000 м] абсолютной высоты. Лесами всего обильнее западный склон гор, и притом эти леса растут здесь также, главным образом, на северных склонах ущелий. Однако состав леса далеко не разнообразен. Из деревьев здесь преобладают исключительно три вида: ель—*Picea obovata* (сибирская), осина—*Populus tremula* и лоза—*Salix* sp. К ним в небольшом количестве примешивается древовидный можжевельник—*Juniperus communis*, еще реже белая береза—*Betula alba*, а на восточном склоне гор сосна—*Pinus* sp. Все эти деревья малорослы, корявы и далеко не могут равняться с своими собратьями в горах Гань-су.

Из кустарников в лесах Алашаньского хребта рассыпаны: таволга—*Spiraea* sp., белый и желтый курильский чай—*Potentilla glabra*, *P. tenuifolia*, лещина—*Ostryopsis davidiana* (Давида), по открытым южным склонам ущелий и всего более на восточном склоне гор; жимолость—*Lo-*

¹ Ущелье, в котором мы расположились, находится в 17 верстах [18 км] к западу-юго-западу от города Дынь-юань-ин.

² Полоса степи, шириной от 15 до 20 верст, прилежащая Алашаньским горам с запада, носит характер, отличный от других частей Алашаня. Ее поверхность прорезана глубокими оврагами и имеет общую, иногда весьма значительную, покатость от гор к пустыне. Почва описываемой полосы глинистая, с галькой или крупным песком и усеяна мелкими валунами с соседних гор; местами здесь попадаются ключи; растительность та же, что и в пустыне, с примесью некоторых горных видов.

³ Не лекарственный и отличный от обоих ганьсуйских видов.

pisera sp., стелющийся по скалам можжевельник — *Juniperus* sp., который встречается также и в наружной окраине гор.

Большого разнообразия кустарники достигают в лесных ущельях, где растут: сирень — *Syringa vulgaris*, весьма похожая на обыкновенную садовую, *Cotoneaster* sp. [прай, кизильник] часто и по горным склонам, смородина двух видов — *Ribes pulchellum*, *Ribes* sp., малина — *Rubus idaeus* и вьющееся — *Atragene alpina* [княжик].

Из трав в лесах чаще других встречаются: красная лилия — *Lilium tenuifolium*, чагеран — *Hedysarum* sp. [копеечник], который попадает и в нижнем поясе альпийских лугов, астрагалы — *Astragalus* — нескольких видов, фиалка *Viola* sp., несколько видов мытника — *Pedicularis* sp., и в том числе один красиво пестреющий своими розовыми цветами на глинистой почве лесов, *Rhaponiticum uniflorum* [рапонтик, василек], *Polygonatum sibiricum* [кушена сибирская]. Во влажных ущельях опять-таки травянистая растительность гораздо разнообразнее. Здесь растут: валериана — *Valeriana* sp., василистник — *Thalictrum* sp., кипрей — *Epilobium angustifolium* [иван-чай], одуванчик — *Taraxacum officinale*, водосбор — *Aquilegia viridiflora* [зеленый], полынь — *Artemisia* sp., *Silene repens* [смолевка ползучая], *Rubia cordifolia* [марена сердцелистая] и *Sanguisorba alpina* [кровохлебка альпийская], часто сплошь покрывающая небольшие площадки и восходящая на альпийские луга. Вообще лесной пояс более разнообразен нежели два другие, то есть окраинный и альпийский, хотя далеко не достигает того богатства, как в горах Гань-су.

Альпийская область начинается приблизительно от 10 000 футов [3 000 м] и занимает сравнительно небольшую площадь, гораздо меньше чем даже на Муни-ула. В нижней ее части, равно как и в верхнем поясе лесов, появляется красивая колючая карагана [верблюжий хвост] — *Caragana jubata*, залитая в конце июня белыми и розоватыми цветами; затем здесь растут: таволга и белый курильский чай, те же самые, что в лесах, и невысокий тальник — *Salix* sp.

В нижнем поясе альпийских лугов пестрый ковер цветов состоит большей частью из тех же видов, которые встречаются и в лесной области: к ним присоединяются: лютик — *Ranunculus* sp., живокость — *Delphinium* sp., красивая гвоздика — *Dianthus superbus*, лук — *Allium* sp. и хохлатка — *Corydalis* sp.

В верхнем поясе альпийских лугов кустарниковая растительность вовсе исчезает, и только одна колючая карагана восходит на самую вершину горы Бугутуй, но делается здесь карликом, менее фута [0,3 м] вышиной. Разнообразие травянистых видов, по мере восхождения вверх, также быстро уменьшается, и глинистая почва прикрыта травой, едва лишь поднимающейся от земли. Здесь, то есть в самом верхнем поясе альпийских лугов, чаще других встречаются *Polygonum* sp. [гречишник], *Saussurea rugosa* [сосюрея малая], *Hesperis* sp. [левкой].

Вообще альпийские луга Алашаньского хребта не могут похвалиться особенным богатством своего растительного покрова. Дыхание соседней пустыни отражается не только на них, но и на всей растительности гор, которые далеко уступают в этом отношении горам Гань-су и даже Муни-ула, хотя, сколько кажется, ближе подходят к первым нежели к последним.

Фауна млекопитающих Алашаньских гор весьма бедна видами, которые уже перечислены в VI главе. Птиц также очень мало, даже летом, и, кроме видов, прежде поименованных, здесь в это время чаще других встречаются: красный снегирь — *Pyrhula erythirna* [*P. pyrhhula*], два вида

Carpodacus [чечевица], стриж—*Cypselus leucopyga* [*Apus pacificus*], горные ласточки—*Hirundo rupestris* [*Riparia r.*], *Hirundo sp.*, кукушка—*Cuculus canorus*, стренатка—*Emberiza sp.*, *Ruticilla erythronota*, *Ruticilla sp.* [горихвостка], *Phylloperneuste sp.* [пеночка] и каменный дрозд—*Petrocincla saxatilis* [*Monticola s.*]; фазанов, дятлов и сов нет вовсе.

Бедность птицами Алашаньских гор делает их унылыми даже летом, в период кипучей жизни природы. Не слышно здесь веселых певцов, которые оживляли бы мрачные леса и угрюмо нависшие громадные скалы. Даже ранним утром или поздним вечером лишь кое-когда можно услышать здесь голос пташки; днем же, не только что ночью, всегда тихо и мертво, как в пустыне.

В общем относительно млекопитающих и птиц, так же как и относительно растений, Алашаньский хребет ближе подходит к горам Гань-су, нежели к Ин-шаню.

Казалось бы, что в безводных Алашаньских горах нам всего менее предстояло опасности от воды, но видно судьба хотела, чтобы мы в конце испытали все невзгоды, которые могут в здешних странах грянуть над головой путешественника—и нежданно-негаданно в наших горах явилось такое наводнение, какого до сих пор мы еще не видали ни разу.

Дело это происходило следующим образом.

Утром 1 июля вершины гор начали кутаться облаками, служившими, как обыкновенно, предвестием дождя. Однако к полудню почти совсем разъяснило, так что мы ожидали хорошей погоды, как вдруг, часа три спустя, облака сразу начали садиться на горы, и наконец полил дождь, словно из ведра. От этого ливня палатка наша быстро промокла, и мы, сидя в ней, отводили в сторону, небольшими канавками, попадавшую к нам воду. Так прошло около часа; ливень не унимался, хотя туча была не грозовая. Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвой или удержаться на крутых склонах гор, так что вскоре со всех ложбин, боковых ущелий и даже с отвесных скал, потекли ручьи, которые, соединившись на дне главного ущелья, то есть, того, в котором мы стояли¹, образовали [силевый] поток, понесшийся вниз с ревом и страшной быстротой. Глухой шум еще издали возвестил нам приближение этого потока, масса которого увеличивалась с каждой минутой. Мигом глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, как кофе, и стремившейся по крутому скату с невообразимой быстротой. Огромные камни и целые груды меньших обломков неслись потоком, который с такой силой бил в боковые скалы, что земля дрожала, как бы от вулканических ударов. Среди страшного рева воды слышно было, как сталкивались между собой и ударялись в боковые ограды огромные каменные глыбы. Из менее твердых берегов и с верхних частей ущелья вода тащила целые тучи мелких камней и громадными массами бросала их то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лес, росший по ущелью, исчез—все деревья были выворочены с корнем, переломаны и перетерты на мелкие кусочки...

Между тем проливной дождь не унимался и сила бушевавшей возле нас реки возрастала более и более. Вскоре глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками леса, так что вода выступила из своего русла и понеслась по незатопленным еще местам. Не далее 3 сажен от нашей палатки бушевал поток, с неудержимой силой уничтожавший все

¹ Наше ущелье имело версты 3 длины, но не более 50 сажен [100—110 м] ширины; со всех сторон оно было замкнуто крутыми скатами гор и отвесными скалами.

на своем пути. Еще минута, еще лишний фут прибылой воды — и наши коллекции, труды всей экспедиции, погибли бы безвозвратно... Спасти их нечего было и думать при таком быстром появлении воды; впору было только самим убраться на ближайшие скалы. Беда была так неожиданна, так близка и так велика, что на меня нашел какой-то столбняк; я не хотел верить своим глазам и, будучи лицом к лицу с страшным несчастьем, еще сомневался в его действительной возможности.

Но счастье и теперь выручило нас. Впереди нашей палатки находился небольшой обрыв, на который волны начали бросать камни и вскоре нанесли их такую грудку, что она удержала дальнейший напор вод, — и мы были спасены.

К вечеру дождь уменьшился, поток начал быстро ослабевать, и утром следующего дня только маленький ручеек катился там, где накануне бушевала целая река. Ясное солнце осветило картину вчерашнего разрушения, которое до того сильно изменило прежний вид нашего ущелья, что мы сами не узнавали его. Вынесшиеся же из гор потоки пробежали до сыпучих песков и исчезли в них...

Вернувшись в Дынь-юань-ин, мы занялись снаряжением своего каравана, променяли плохих верблюдов, купили новых и утром 14 июля двинулись в путь. Благодаря пекинскому паспорту, а еще более подаркам, сделанным местному тосалакчи [помощнику], который за отсутствием князя управлял всеми делами, мы получили двух проводников. Они должны были провести нас до границы Ала-шаня и там хлопотать о найме двух новых людей, о чем была дана бумага из алашаньского ямына [управления]. Такое распоряжение передавалось и далее, так что мы везде получали проводников, которые сопутствовали нам по своим хошунам. Подобное обстоятельство было чрезвычайно важно, так как путь наш лежал через самую дикую часть Гоби в меридиональном направлении из Ала-шаня на Ургу и пройти здесь самим, без проводника, было бы невозможно.

Теперь опять начался для нас длинный ряд трудных дней. Всего более приходилось терпеть от июльских жаров, доходивших в полдень до $+45^{\circ}\text{C}$ в тени, да и ночью иногда не падавших ниже $+23,5^{\circ}\text{C}$. Утром, лишь только солнце показывалось из-за горизонта, как уже начинало жечь невыносимо. Днем жара обдавала со всех сторон — сверху от солнца, снизу от раскаленной почвы. Если поднимался ветер, то он не охлаждал атмосферу, но, наоборот, взбалтывая нижний раскаленный слой воздуха, еще более усиливал жар. На небе в такие дни не было видно ни одного облачка, да и само оно казалось какого-то грязного цвета. Почва накалялась на $+63^{\circ}\text{C}$ (¹⁵²), а вероятно и более в голых песках, температура которых на глубине 2 футов [0,6 м] еще достигала $+26^{\circ}\text{C}$.

Палатка несколько не спасала нас от жары, так как духота внутри нее, несмотря на приподнятые бока, обыкновенно стояла еще бóльшая, чем на открытом воздухе. Напрасно обливали мы иногда водой не только палатку, но даже и землю внутри нее — через полчаса все было сухо попрежнему, и опять не знали мы, куда деться от невыносимого зноя.

Сухость воздуха стояла страшная¹, росы вовсе не падало, а дождевые тучи разрежались в воздухе, посылая на землю лишь несколько капель. Это интересное явление нам случалось наблюдать несколько раз, в особенности в Южном Ала-шане, вблизи гор Гань-су; дождь, падавший

¹ Разность между показаниями сухого и мокрого термометров иногда доходила до $+22,2^{\circ}\text{C}$, при температуре в $+45^{\circ}\text{C}$.

из облака, выдвинутого в пустыню, не долетал до земли, но, встречая раскаленный нижний слой воздуха, снова превращался в пар¹. Грозы случались редко², но зато ветры дули почти постоянно днем и ночью; иногда они достигали силы бури и преобладали в двух направлениях — юго-восточном и юго-западном. В тихие дни обыкновенно кружились вихри, которые появлялись особенно часто около полудня и после него.

Чтобы избегнуть по возможности жаров хотя во время пути, мы вставали еще до рассвета. Однако возня с чаем и выючением верблюдов отнимала так много времени, что мы всегда выходили не ранее 4, а иногда даже 5 часов утра. Правда, мы могли очень много облегчить свои переходы, делая их ночью, но в таком случае нужно было отказаться от съемки, составлявшей один из важных отделов наших исследований. На прилагаемой при настоящей книге маршрутно-глазомерной карте путь наш от Дынь-юань-ина до Урги занимает одну линию, немного более 2 футов [0,6 м] длиной, но эта линия приобретена ценой 44 переходов, сделанных большей частью по страшной дневной жаре пустыни...

Путешествие наше началось теперь не совсем благополучно. На шестой день по выходе из Дынь-юань-ина, мы лишились своего неизменного друга Фауста, да и сами едва не погибли в песках. Вся эта невзгода случилась при следующих обстоятельствах.

Утром 19 июля мы вышли от озера Джаратай-дабасу и направились к хребту Хан-ула. По словам проводника переход предстоял верст 25, но по пути должны были встретиться два колодца, верстах в 8 один от другого.

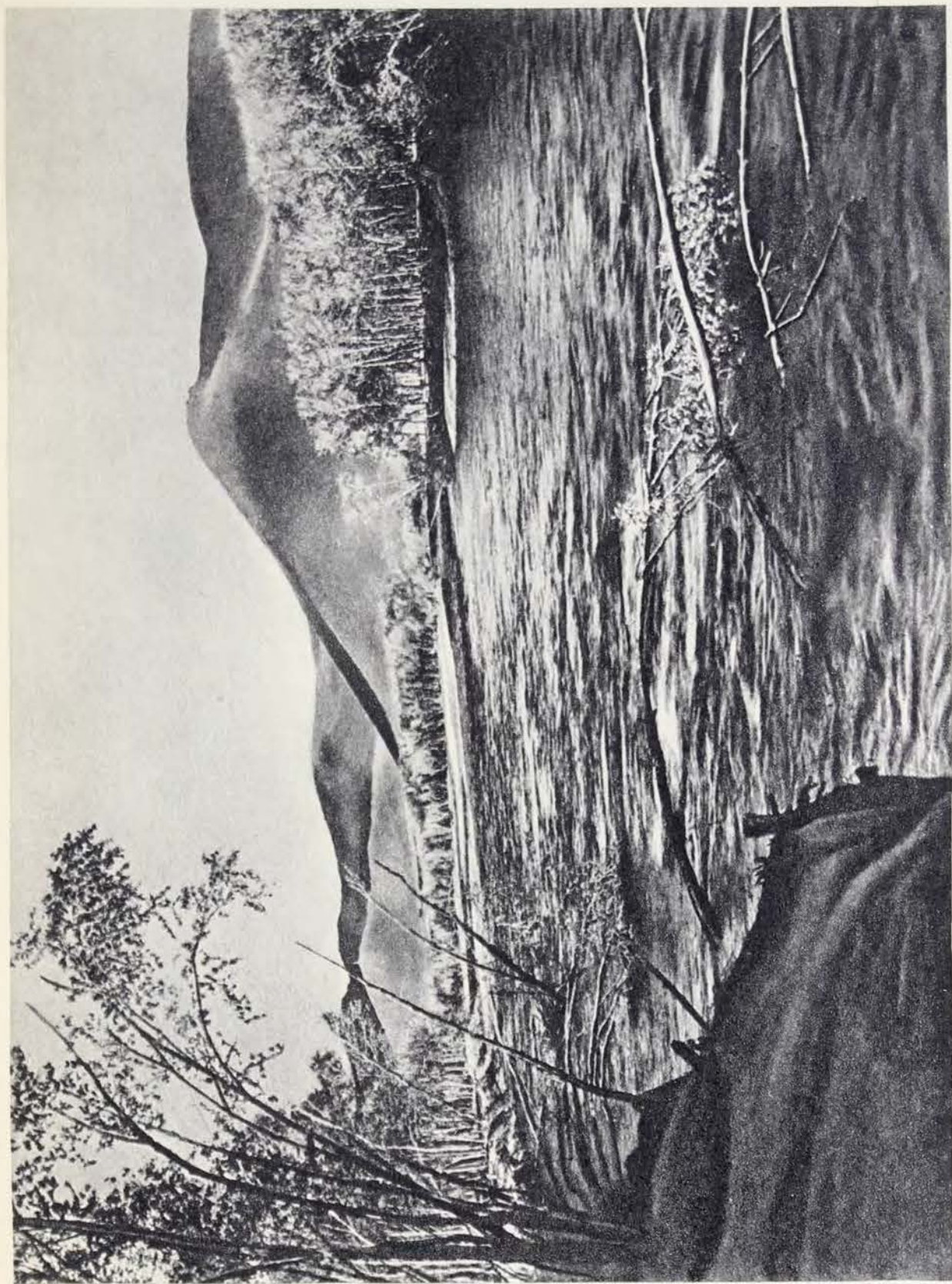
Пройдя такое расстояние, мы действительно нашли первый колодец, из которого напоили своих животных, и двинулись далее в полной надежде встретить еще через 8 верст другой колодец и остановиться возле него, так как жара делалась слишком велика, несмотря на то, что было еще менее 7 часов утра. Уверенность найти второй колодец была так велика, что наши казаки предлагали вылить из боченков запасную воду, чтобы не возить ее даром, но я, по счастью, не приказал этого делать. Пройдя верст 10, мы не встретили колодца; тогда проводник объявил, что мы зашли в сторону, и поехал на ближайшие песчаные холмы осмотреть с них окрестности. Немного спустя монгол подал нам знак следовать туда же, и когда мы пришли, он начал уверять, что хотя мы пропустили второй колодец, но до третьего, где первоначально предполагалась наша ночевка, не более 5-6 верст.

Мы пошли в указанном направлении. Между тем время подвигалось к полудню, и жара становилась невыносимой. Сильный ветер взбалтывал нижний раскаленный слой воздуха и обдавал нас им вместе с песком и соленой пылью. Страшно трудно было идти нашим животным, и в особенности собакам, которые должны были бежать по почве, раскаленной до +63°C. Видя муки наших верных псов, мы несколько раз останавливались, поили их и мочили им и себе головы. Наконец, запас воды истощился — осталось менее полуведра, и ее нужно было беречь на самый критический случай. Далеко ли еще до колодца? много раз спрашивали мы у своего проводника и всегда получали ответ, что близко, за тем или другим песчаным холмиком. Так прошли мы верст 10, а воды нет, как нет.

¹ Такое явление случалось только с небольшими тучами, которые не могли достаточно охладить атмосферы.

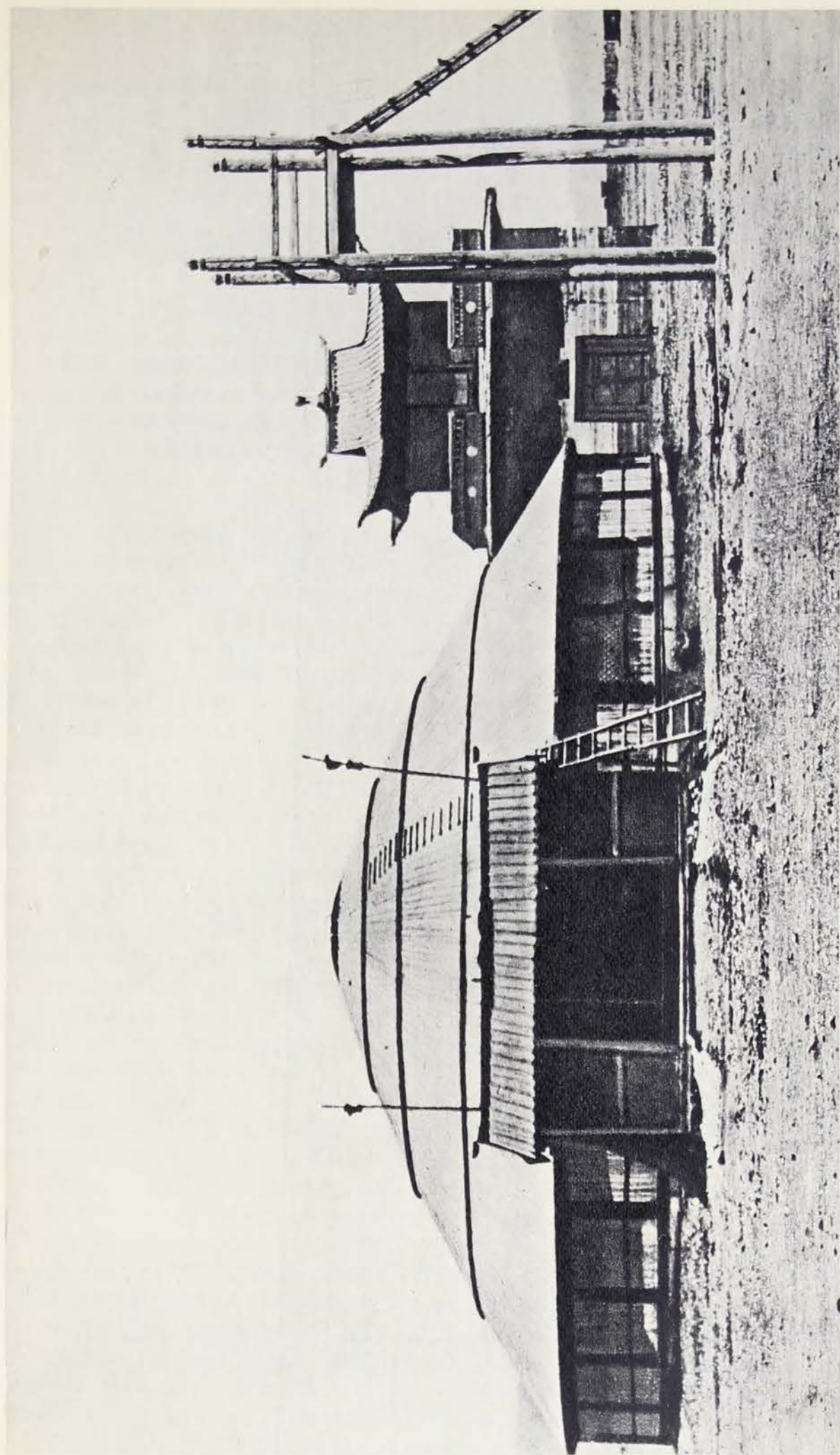
² Всего в июле замечено было три грозы.

Река Тола близ Улан-Батора

Одно из монастырских зданий Дзун-хурэ в Урге

Между тем наш бедный Фауст, не получая уже более питья, начал ложиться и выть, давая тем знать, что он истомляется окончательно. Тогда я решил послать вперед к колодцу своего товарища и монгола проводника. Вместе с ними был отправлен Фауст, который уже не мог бежать, а потому я велел монголу взять его к себе на верблюда. Проводник не переставал уверять, что до воды близко, но когда, отъехав версты 2 от каравана, он указал моему товарищу с вершины холма, место колодца, то оказалось, что до него еще добрых 5 верст. Судьба нашего Фауста была решена; с ним начали делаться припадки, а между тем доехать скоро до колодца не было возможности и до каравана также не близко, чтобы взять хотя стакан воды. Тогда мой товарищ остановился подождать нас, а Фауста положили под куст зака, сделав крышку из седельного войлока. Бедная собака теряла чувства с каждой минутой, наконец завывала, зевнула раза два-три и издохла.

Положив на вьюк труп несчастного Фауста, мы двинулись далее, не будучи уверенны, есть ли колодец или нет в том месте, на которое указывал проводник, обманувший нас уже несколько раз сряду. Положение наше в это время действительно было страшное. Воды оставалось не более нескольких стаканов; мы брали в рот по одному глотку, чтобы хотя немного промочить почти засохший язык, все наше тело горело, как в огне; голова кружилась чуть не до обморока.

Я ухватился за последнее средство. Приказал одному казаку взять котелок и вместе с проводником скакать к колодцу; если же монгол вздумал бы дорогой бежать, то я велел казаку стрелять по нему.

Быстро скрылись в пыли, наполнявшей воздух, посланные вперед за водой, а мы брели по их следу в томительном ожидании решения своей участи. Наконец через полчаса показался казак, скачущий обратно, — но что он вез нам: весть ли о спасении или о гибели? Пришпорив своих лошадей, которые уже едва волокли ноги, мы поехали навстречу этому казаку и с радостью, доступной человеку, бывшему на волос от смерти, но теперь спасенному, услышали, что колодец действительно есть, и получили котелок свежей воды. Напившись и намочив головы, мы пошли в указанном направлении и вскоре достигли колодца Боро-сонджи. Дело было уже в два часа пополудни, так что по страшной жаре мы шли 9 часов сряду и сделали 34 версты [36 км].

Развьючив верблюдов, я отправил казака с монголом за брошенным по дороге вьюком, возле которого осталась другая наша монгольская собака, сопутствовавшая нам уже почти два года. Улегшись под брошенным вьюком, она осталась жива и, освежившись привезенной водой, возвратилась к стоянке вместе с посланными людьми.

Несмотря на все истомление, физическое и нравственное, мы до того были огорчены смертью Фауста, что ничего не могли есть и почти не спали целую ночь. Утром следующего дня мы выкопали небольшую могилу и похоронили в ней своего верного друга. Отдавая ему последний долг, мы с товарищем плакали, как дети. Фауст был нашим другом в полном смысле слова. Много раз, в тяжелые минуты различных невзгод, мы ласкали его, играли с ним и наполовину забывали свое горе. Почти три года этот верный пес служил нам, и его не сокрушили ни морозы и бури Тибета, ни дожди и снега Гань-су, ни трудности дальних хождений по целым тысячам верст. Наконец его убил палящий зной Алашаньской пустыни и, как на-зло, всего за два месяца до окончания экспедиции.

Главная дорога, по которой следуют из Урги в Алашань караваны северных богомольцев, отправляющихся в Тибет, сворачивает от хребта

Хан-ула несколько к западу и затем уже направляется в пределы Халхи. Однако мы не пошли этим путем именно потому, что на нем не было достаточно колодцев, заброшенных с тех пор, как началось восстание дунган и прекратились ежегодные странствования халхаских пилигримов¹.

Мы избрали прямое направление к северу² и, перейдя через западные отроги Хара-нарин-ула, вступили в землю уротов, которая небольшим клином вдается между Ала-шанем и Халхой.

Местность здесь сначала поднимается значительно выше нежели в Ала-шане, но вскоре начинает опять понижаться чрезвычайно полого к равнине Галбын-гоби, абсолютная высота которой достигает лишь 3 200 футов [975 м]. Отсюда снова идет пологое повышение к северу, к горам Хурху, которые составляют довольно резкую границу совершенно бесплодной пустыни с юга и более степной ее части с севера⁽¹⁵³⁾. Наконец от окраинных гор долины Хуан-хэ местность также идет покато к западу, к Галбын-гоби, так что эта бесплодная равнина, протянувшаяся, по словам монголов, с востока на запад на 20 дней пути, представляет собой впадину столь же низкую, как и котловина озера Джаратай-дабасу в Ала-шане. Почва Галбын-гоби, пройденной нами в ее восточном углу, состоит из мелкой гальки или соленой глины и совершенно почти лишена растительности. Да и все пространство от Ала-шаня до хребта Хурху представляет собой сплошную пустыню, столь же дикую и бесплодную, как Алашаньская, но только несколько с иным характером. Именно сыпучие пески, преобладающие в Ала-шане, здесь встречаются уже сравнительно в меньшем количестве, но взамен их является голая глина, галька и голые выветрившиеся скалы (преобладает гнейс) по невысоким холмам, рассыпанным островками.

Растительность попрежнему состоит из уродливых полугнилых кустарников зака, хармыка и бударганы да из нескольких травянистых пород, среди которых на песчаных местах преобладает сульхир. Но характерным явлением описываемой местности служат деревья ильма³, которые встречаются особенно часто в земле уротов и образуют местами небольшие роци; кроме того здесь же изредка попадаются кусты дикого абрикоса, не встречающегося в Алашаньской пустыне⁴.

Животная жизнь в описываемых местах чрезвычайно бедна; новых видов птиц или млекопитающих мы не нашли здесь ни одного, — все то же самое, что и в Ала-шане. Часто идешь несколько часов сряду, не встретив ни одной птички, хотя бы чеккана или холо-джоро. Тем не менее здесь везде живут монголы возле колодцев или ключей, изредка попадающихся в пустыне; из скота они держат верблюдов да в небольшом количестве баранов и коз.

Во время нашего путешествия по вышеописанным местам в первой половине августа жары стояли очень большие, хотя все-таки не достигли такой крайности, как в Ала-шане. Ветры дули почти непрерывно днем

¹ Ургинский караван, отправившийся летом 1873 года за кутухтой в Лассу, шел по Гоби небольшими эшелонами и разными путями. На большую дорогу высланы были вперед люди копать и очищать колодцы, но все-таки воды здесь было мало.

² Собственно пути здесь нет и иногда на сотню верст не встречается даже тропинки.

³ Эти деревья имеют обыкновенно от 15 до 20 футов [4,5—6 м] вышины и от 2 до 4 футов [0,6—1,2 м] в диаметре; растут они, главным образом, по сухим руслам дождевых потоков, вероятно потому, что здесь находят более влаги⁽¹⁵⁴⁾.

⁴ Дикого абрикоса нет ни в Алашаньских горах ни в горах Гань-су и Северного Тибета.

и ночью и часто достигали силы бури, наполнявшей воздух тучами солевой пыли и песка. Последний иногда заносит колодцы, которые еще чаще уничтожаются во время дождей, выпадающих здесь хотя редко, но зато обыкновенно ливнями. Тогда на час или два вдруг появляются целые реки, которые заносят грязью или песком колодцы, всегда выкапываемые на более низких местах. Пройти здесь без проводника, отлично знающего местность, невозможно, — гибель грозит путнику на каждом шагу. Словом, описываемая пустыня, равно как и Алашаньская, до того ужасны, что сравнительно с ними пустыни Северного Тибета могут быть названы благодатной страной. Там, по крайней мере, часто можно встретить воду, а по долинам рек хорошие пастбища. Здесь нет ни того ни другого, нет даже ни одного оазиса; всюду безжизненность, молчание, — долина смерти в полном смысле слова. Столь прославленная Сахара едва ли страшнее описываемых пустынь, которые тянутся на многие сотни верст по широте и долготе.

Вышеупомянутый хребет Хурху, составляющий в пройденном нами направлении северную границу наиболее дикой и пустынной части Гоби, тянется резко очерченной грядой по направлению от юго-востока к западу-северо-западу. Как далеко он простирается в ту и другую сторону, мы не могли узнать положительно, но местные монголы говорили нам, что в юго-восточном направлении Хурху продолжается до окраинных гор долины Хуан-хэ, а к западу идет с небольшими перерывами очень далеко, также до каких-то высоких гор. Если дать веру последнему сообщению, то можно предположить, что описываемый хребет простирается к западу до Тянь-шаня, образуя связь между этой системой и Ин-шанем. Факт чрезвычайно интересный, но решить его положительно могут, конечно, только будущие исследователи⁽¹⁵⁵⁾.

Ширина гор Хурху в том месте, где мы их проходили, немного более 10 верст, а высота над окрестными равнинами едва ли превосходит 1 000 футов [приблизительно 300 м]. Преобладающая здесь горная порода — порфир, выветрившиеся скалы которого образуют россыпи, устилающие собой все горные скаты. Воды, то есть ключей, чрезвычайно мало, и вообще описываемые горы, подобно тому как все прочие горные группы, им соседние, имеют самый унылый, безжизненный характер. Скаты их почти совершенно оголены и только кое-где торчит кустик дикого абрикоса, караганы и *Sarcozygium xanthoxilon*, а по сухим руслам дождевых потоков в небольшом количестве встречаются хармык, дырисун и еще реже ильмы. Птиц чрезвычайно мало и только изредка можно встретить грифа, ягнятника, пустельгу, куропатку — *Perdix chukar* [куропатка каменная — *Alectoris kakelik*] или *Saxicola isabellina* [каменка-плясунья — *Oenanthe i.*].

Однако, несмотря на все бесплодие гор Хурху, в них водится большой и редкий зверь, именно горный козел — *Capra sibirica*, называемый монголами улан-яман¹. По словам тех же монголов улан-яман обитает также в северо-западном углу Ала-шаня на горах Ёграй-ула, лежащих недалеко от города Сого².

В районе нашего трехлетнего путешествия улан-яман встретился только в горах Хурху, и понятно, с каким рвением старались мы добыть его шкуру в свою коллекцию. Однако этого сделать не удалось по той

¹ То есть красный козел.

² Этот город лежит в десяти днях пути (около 250 верст) к северо-западу от Дынь-юан-ина; дунганями он занят не был [видимо, Минь-цзинь].

простой причине, что мы не имели сапог, в которых можно бы было лазить по скалам или ходить по крутым скатам, усеянными россыпями. На такую службу вовсе не годились те самоделки, в которых мы теперь опять щеголяли¹; в них нельзя было ступить шагу, чтобы не поскользнуться, рискуя при этом сломать ружье или голову. Однако мы с товарищем полдня лазили по горам иногда в буквальном смысле на четвереньках и, измучившись, убедились, что в подобной обуви невозможно убить осторожного зверя.

По южную сторону гор Хурху пролегает торговая дорога, которая ведет из Пекина, через Куку-хото и Бауту [Баотоу], на запад в города Хами, Урумцы [Урумчи] и далее, в бывшую Илийскую провинцию. Как раз возле ключа Борцзон, где мы ночевали, от главного пути отделяется ветвь на город Су-чжоу. По словам монголов, до дунганского восстания, торговое движение по этим дорогам было очень велико и везде были выкопаны колодцы, но теперь здесь никто не ездит.

Хребет Хурху кладет северную границу распространения зака², вместе с которым исчезают: алашаньская песчанка — *Meriones* sp. и алашаньский воробей — *Passer* sp.; кроме того в Хурху мы в последний раз видели *Perdix chukar* [каменная куропатка — *Alectoris kakelik*].

К северу от вышеописанных гор характер пустыни изменяется довольно значительно. Голые сыпучие пески, столь обильные еще в земле уротов, теперь оканчиваются³ и заменяются глинистой почвой, на которой насыпана то мелкая, то более крупная галька⁴. Однако топографический рельеф страны остается тот же, и местность попрежнему представляет гладкие или слегка волнистые равнины, по которым разбросаны невысокие холмы, то вытянувшиеся небольшими хребтами, то стоящие одиночными группами. Холмы эти состоят из глинистого сланца, гнейса, а местами из пород новейшего вулканического образования и почти вовсе лишены растительности; последняя также бедна и по равнинам. На соленых площадях здесь попрежнему встречаются хармык и бударгана, а там, где почва делается несколько лучше, преобладают полынь — *Artemisia* sp. и лук — *Allium polyrhizum* [многокоренный], составляющий самое характерное растение описываемой полосы; затем дырисун и несколько других пород трав дополняют собой флору пустыни. Впрочем здесь, как и во всей почти Гоби, растительность находится в прямой зависимости от дождя. Лишь только прольет последний, как под влиянием палящих лучей солнца дремавшие доселе ростки травы начинают развиваться необыкновенно быстро, и через короткое время в дикой доселе пустыне являются зеленеющие оазисы. Тогда приходят сюда антилопы-дзерены, монгольский жаворонок запоем свою громкую песню, прикочуют монголы с стадами, и счастливый уголок закипит жизнью среди всеобщего омертвения. Но не надолго развернется здесь такая жизнь! Жгучее солнце испарит мало-помалу влагу, напитавшую почву, пожелтеет трава, выбитая громадными стадами домашних

¹ Китайские сапоги с войлочными подошвами совершенно оказались негодными для нас. Мы пробовали их надевать, но после часа ходьбы уже сильно натерли себе ноги.

² Впрочем монголы говорили нам, что зака растет еще севернее гор Хурху, в голых песках, вблизи торговой дороги из Куку-хото в Улясутай [см. примечание к главе VI].

³ Следует оговорить, что сыпучие пески спорадически встречаются во всей Гоби, но здесь они не имеют такого постоянного преобладания, как в Ала-шане и сопредельной ему части земли уротов.

⁴ Постоянные ветры выдувают верхний слой глины между галькой, так что она лежит словно недавно настланное шоссе (156).

животных, укочуют монголы, уйдут дзерены, улетят жаворонки, и пустыня попрежнему останется безмолвна, как могила...

Абсолютная высота Гоби по нашему пути, от хребта Хурху до самой Урги, нигде не превосходила 5 500 футов [приблизительно 1 700 м], равно как и не опускалась ниже 4 000 футов [приблизительно 1 200 м]. Углублений, подобных тому, как на озере Джаратай-дабасу и в Галбын-гоби, или по кяхтинско-калганской дороге, здесь нигде нет, и вся местность представляет собой высокое плато, уровень которого колеблется между двумя вышеупомянутыми пределами.

Описываемая середина Гоби, подобно другим частям этой пустыни, совершенно лишена орошения; здесь нет или по крайней мере чрезвычайно мало даже ключей, которые иногда попадались до гор Хурху. Колодцы, а после сильного дождя временные озера, образовавшиеся на глинистых площадях, доставляют летом воду местным кочевникам; зимой же они довольствуются снегом, а потому обыкновенно перекочевывают на пастбища, не тронутые во время лета по причине безводья.

Население в середине Гоби попадает довольно часто и живет зажиточно, как вообще во всей Халхе. Огромные стада баранов бродят по степи возле стойбищ; верблюды, лошади и рогатый скот также пасутся здесь в изобилии. Все эти животные к концу лета делаются необыкновенно жирны, чему невольно удивляешься, видя плохие пастбища пустыни⁽¹⁵⁷⁾. Мне кажется, что приволью домашнего скота в описываемых местах много способствует свобода степи, а во-вторых, отсутствие насекомых, которые так мучат животных в более плодородных местах¹.

Со вступлением в пределы Халхи мы вошли во владения Тушетухана⁽¹⁵⁸⁾ и усиленными переходами следовали к Урге, которая была теперь нашей обетованной землей. Действительно, почти три года странствований среди всевозможных невзгод и лишений, являвшихся непрерывной чередой, так истомили нас физически и нравственно, что мы не могли не желать скорого окончания своего трудного путешествия. Притом же мы шли теперь самой дикой частью Гоби, где безводье, жары, бури — все соединилось против нас и методически, день в день, подрывало последние наши силы. Достаточно описать, какую мы часто пили воду, поднявшись к северу от гор Хурху. Незадолго до нашего прохода здесь выпал ливень, уничтоживший почти все колодцы и образовавший временные озера, к которым, как обыкновенно, прикочевали монголы. Иногда такое озерко имело не более сотни шагов в диаметре и глубину 2—3 фута [до 1 м], а между тем возле него стояло с десятков монгольских юрт. Ежедневно сюда пригонялись на водопой огромные стада, которые входили в воду, мугили ее до невозможности и тут же отправляли свои естественные надобности; подобная вода сверх того насыщалась солью из почвы, а днем нагревалась солнцем на 25° тепла. Для свежего человека один вид такой жидкости возбудил бы отвращение, но мы, подобно монголам, принуждены были пить ее, предварительно вскипятив на огне и заварив кирпичным чаем.

Мираж, как злой дух пустыни, почти каждодневно являлся перед нами и до того обманчиво представлял волнующуюся воду, что в ней совершенно ясно отражались даже скалы соседних холмов. Ко всему этому

¹ В подтверждение последнего мнения можно указать на то обстоятельство, что в Цайдаме на хороших пастбищах, но обильных комарами и оводами, летом скот сильно худеет и отъедается только зимой, когда нет докучливых насекомых.

присоединялись сильные жары и частые бури, которые не давали возможности спокойно отдохнуть даже ночью, после трудных дневных переходов.

Но не для одних нас являлась таким врагом монгольская пустыня! Пролетные птицы, которые начали показываться в первой половине августа, также бедствовали от безводия и бескормицы. Стада гусей и уток приседали на самых ничтожных лужах, а мелкие птички иногда залетали в нашу палатку и, обессиленные голодом, давали ловить себя руками. Несколько раз мы находили пернатых странников мертвыми и, по всему вероятно, перелет через пустыню уносит много жертв.

Сильный пролет происходил во второй половине августа¹ и к 1 сентября замечено было 24 пролетных вида. При этом, сколько можно было видеть по стадам гусей, они направлялись не прямо к югу, но летели на юго-восток, как раз на северный изгиб Желтой реки.

В расстоянии 130 верст [139 км] к северу от хребта Хурху мы встретили еще торговую дорогу, которая ведет из Куку-хото в Улясутай². По этой дороге, через известное расстояние, выкопаны колодцы и сообщение возможно на колесах, хотя караваны обыкновенно ходят на верблюдах. Со времени усиления китайских войск в Улясутае, после разорения этого города дунганами в 1870 году, движение на описываемой дороге сделалось весьма значительно, так как этим путем возят продовольствие и все необходимое для китайских солдат. Кроме того здесь же ездят китайские купцы с просом и различными мелкими товарами, которые они меняют монголам на шерсть, кожи и скот³.

Другая дорога из Куку-хото в Улясутай проходит в 150 верстах [160 км] севернее торгового пути. На этой дороге содержатся почтовые станции, и она предназначается для проезда чиновников и провоза почты. Улясутайская почтовая дорога выходит из Куку-хото сначала на калганскоургинский почтовый тракт, идет по нему до станции Саир-усу⁴ и здесь уже сворачивает к Улясутаю.

От почтовой улясутайской дороги⁵ Гоби вновь изменяет свой характер и на этот раз к лучшему, так как дикая пустыня превращается в степь, которая, чем далее к северу, тем все более и более становится плодородной. Галака, устилавшая до сих пор оголенную почву, уступает место сначала гравия, а потом песку, который в небольшом количестве примешивается к глине. В то же время и местность перестает нести равнинный характер, но делается крайне волнистой. Невысокие холмы⁶ с чрезвычайно пологими скатами, перекрещивающимися во всевозможных направлениях, составляют характерную черту страны, которая уже называется монголами «Хангай», то есть гористая⁽¹⁵⁹⁾. С таким неопределенным характером местность тянется верст на 160 к северу от почтовой Улясутайской дороги, а затем на границе безводной пустыни и бассейна Байкала являются гряды скалистых, хотя все еще невысоких гор, сгруппировавшихся наконец в хребет Гангын-дабан [Гангын-даба], за которым лежат богато орошенные части Северной Монголии.

¹ И в первой половине сентября, но тогда мы уже были в Урге, следовательно за пределами пустыни.

² По всему вероятно эта та самая дорога, на которой в 1871 году у нас украли верблюдов, вблизи кумирни Шырепы-дзу.

³ Летом по всей почти Монголии (по крайней мере Восточной и Средней) ездят китайские торгаши с мелочным товаром и ведут меновую торговлю.

⁴ Саир-усу находится в расстоянии 330 верст [350 км] к юго-востоку от Урги.

⁵ В том месте, где мы ее перешли.

⁶ Холмы в этой части Гоби почти вовсе не имеют скал.

Тощие пастбища средней Гоби в описываемой полосе заменяются прекрасными лугами, которые по мере приближения к Урге делаются все лучше и лучше. Хармык, бударгана и лук, исключительно преобладавшие в средней части Гоби, теперь исчезают, а взамен их являются различные злаки, виды бобовых, сложноцветных, гвоздичных и других. Сразу показывается в обилии и животная жизнь. Дзерены бродят по роскошным лугам¹, пищухи—*Lagomys ochotono* [даурская пищуха—*Ochotona daurica*]—везде снуют по норам, тарабаганы—*Arctomys bobac* [*Marmota sibirica*]—греются на солнце, а из-под облаков льется знакомая песнь полевого жаворонка, которого мы не встречали от самой Гань-су.

Однако воды здесь попрежнему мало; озер или речек нет вовсе, и только изредка попадаются ключи или колодцы. Последние очень не глубоки, как и во всей Гоби. На пространстве от Ала-шаня до Урги мы нигде не встретили колодца глубже 8 футов [2,44 м]; обыкновенно же вода показывается еще на меньшей глубине, если место для рытья выбрано удачно².

Обращаясь затем к климату последнего месяца, проведенного нами в Монголии, следует сказать, что, подобно июлю, август ознаменовался сильными и постоянными жарами, доходившими до $+36,6^{\circ}\text{C}$ в тени.

Ночи стояли также постоянно теплые, иногда даже жаркие³; сухость воздуха была чрезвычайно велика и росы вовсе не падало. Порядочного дождя не было ни одного; хотя иногда являлись большие тучи, но дождь из них только крапал. Впрочем, незадолго до нашего прихода в середину Гоби, именно в июле, здесь пролил однажды страшный ливень с крупным градом; погибло много мелкого скота и даже несколько монголов.

Погода в августе большей частью стояла ясная, но ветры, иногда достигавшие силы бури, дули почти постоянно днем и ночью, изменяясь по несколько раз в сутки в своем направлении, однако в общем преобладали ветры западные, с отклонениями к северу и югу.

Конец описываемого месяца отличился крутым переходом от жаров к холоду. Так 27 числа в полдень в тени было еще $+26,3^{\circ}\text{C}$; между тем на другой день, при сильном северо-западном ветре шла снежная крупа, и термометр на восходе солнца опустился до точки замерзания.

С приближением к Урге наше нетерпеливое ожидание поскорее попасть туда росло все более и более; теперь уже не месяцами, даже не неделями, но только днями считали мы близость желанной минуты. Наконец, перейдя через невысокий хребет Гангын-дабан, мы достигли берегов Толы [правый приток Орхона], первой реки, встреченной нами в Монголии. От самой Гань-су до сих мест, на протяжении 1 300 верст, мы не видали ни одного ручья, ни одного озерка, исключая соленых дождевых луж. С водой явились и леса, которые густо осеняли собой крутые склоны горы Хан-ула. Под таким радостным впечатлением мы сделали свой последний переход и 5 сентября явились в Ургу, где встретили самый радушный прием со стороны нашего консула.

Не берусь описать впечатлений той минуты, когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в европейскую обстановку. С жадностью расспрашивали мы о том, что делается в образованном

¹ В средней части Гоби дзеренов мы не видали, они являются здесь периодически, когда бывают хорошие пастбища.

² В Ала-шане колодцы также весьма не глубоки.

³ Только дважды, именно 9 и 12 августа, температура на восходе солнца упала до $+6^{\circ}$ и $+5,4^{\circ}\text{C}$ [в Халхе в августе бывают и заморозки].

мире, читали полученные письма и, как дети, не знали границ своей радости. Лишь через несколько дней мы начали приходить в себя и свыкаться с цивилизованной жизнью, от которой совершенно отвыкли во время долгих странствований. Контраст между тем, что было еще так недавно, и тем, что теперь нас окружало, являлся настолько резко, что все прошлое казалось каким-то страшным сном⁽¹⁶⁰⁾.

Отдохнув целую неделю в Урге, мы поехали отсюда в Кяхту, куда и прибыли 19 сентября 1873 года.

Путешествие наше окончилось! Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели, переступая в первый раз границу Монголии. Тогда впереди нас лежало непредугадываемое будущее; теперь же, мысленно пробегая все пережитое прошлое, все невзгоды трудного странствования, мы невольно удивлялись тому счастью, которое везде сопровождало нас. Будучи бедны материальными средствами, мы только рядом постоянных удач обеспечивали успех своего дела. Много раз оно висело на волоске, но счастливая судьба выручала нас и дала возможность совершить посильное исследование наименее известных и наиболее недоступных стран Внутренней Азии.

Ущелье Дзамту в горах Хурхэ, открытых Н. М. Пржевальским

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ К КНИГЕ
«МОНГОЛИЯ И СТРАНА ТАНГУТОВ»

1. Так называлась Австралия, первыми исследователями которой в первой половине XVII столетия были голландцы Вильям Янц и Тасман.

2. Михаил Александрович Пыльцов—помощник Н. М. Пржевальского по первому путешествию в Центральной Азии—был одним из его учеников. К моменту отправки в путешествие Пыльцов был подпоручиком Александровского полка. За разрешением на командировку Пыльцова Пржевальский обратился в Генеральный штаб, куда, между прочим, писал: «Притом же товарищ необходим еще и на тот случай, если мне лично не суждено будет вернуться на родину. Тогда мой спутник может сохранить и доставить все бумаги и коллекции, которые в противном случае должны будут также погибнуть».

Необходимость ходатайствовать о командировке Пыльцова объяснялась еще тем, что верный спутник Пржевальского по уссурийскому путешествию Николай Яковлевич Ягунов был определен им в Варшавское юнкерское училище.

3. А. Е. Влангали—позже почетный член Русского Географического общества (с 9 января 1874 года) и товарищ министра иностранных дел России.

4. Как известно, сочинение «Монголия и страна тангутов» вышло только в двух томах. Во втором томе (1876 год) помимо автора приняли участие академик А. А. Штраух, который написал раздел «Пресмыкающиеся и земноводные», и профессор К. Ф. Кесслер, обработавший коллекцию рыб. Академик К. И. Максимович не выпустил третьего тома «Монголии и страны тангутов», а включил ботанические материалы первого путешествия в «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского в Центральную Азию», отдел Ботанический, 2 тома, 1899 год.

К главе первой

5. Ныне город Бурят-Монгольской АССР, районный центр.

6. По современной транскрипции: Тяньцзинский русско-китайский договор 1 (13) июня 1858 года, см. статью 11, и дополнительный русско-китайский Пекинский договор от 2 (14) ноября 1860 года, статья 12.

7. Ныне Улан-Батор, столица Монгольской Народной Республики.

8. Это не совсем так. В Тяньцзинском русско-китайском договоре сказано: «Все издержки по отправлению как легких, так и тяжелых почт будут поровну уплачиваться русским и китайским правительствами».

9. От Кяхты до Улан-Батора по новому тракту 358 км.

10. Горная цепь на север от Улан-Батора носит разные названия на разных участках: Сэльбин-нуру, а ближайšie к городу—Чингильту.

11. Яков Порфирьевич Шишмарев, в течение длительного времени русский консул в Урге, автор ряда работ по Монголии и монголам.

12. О названиях Урга и Да-хурэ читаем у А. Позднеева: «Монгольское слово «орго», означающее буквально «дворец, ставка важного лица», и измененное русскими в «урга», почти неизвестно монголам как название этого города; оно употребляется в этом значении только европейцами, а среди монголов его знают разве только те, которые входят в постоянные сношения с русскими. Без сомнения однако, что русские не сами дали это название, и весьма естественно, что монголы встарину звали этот город—монастырь Орго, в отличие его как местопребывания хутухты, от всех других монастырей Монголии. В настоящее время сами монголы чаще всего называют Ургу ее официальным именем «Дахурэ», или «Иэхэ-хурэ», то есть большой курень, в просторечье же зовут Богдо-хурэ, или святой хурень, а иногда просто «хурэ», под каким словом разумеют они вообще собрание зданий, расположенных кругом, а в частности—всякий монастырь, без сомнения, на том основании, что кельи живущих в монастыре монахов по закону должны окружать его кумирни, как они действительно и устраиваются» (Монголия и монголы, т. 1, 1896, стр. 63).

13. Статуя Майдари, по данным Позднеева, специально занимавшегося изучением буддийских монастырей, имела от 16 до 17 м высоты и состояла из семи частей.

14. Эти данные Пржевальского подтверждаются позднейшими исследователями. Иногда посольство за новым «переродившимся» хутухтой достигало 5 тысяч человек, оно было в пути 2 года, и стоила эта церемония вместе с подарками высшему духовенству в Лхасе 300—400 тысяч золотых рублей, которые, конечно, платил монгольский народ. Последний хутухта Богдо-гэгэн умер в 1924 году, после его смерти и состоялось провозглашение Монгольской Народной Республики, которая объявила себя самостоятельным государством в результате народной революции еще в 1921 году.

15. Такою была Урга 75 лет назад. Современный Улан-Батор, или, как называют монголы свою столицу, Улан-Батр, мало что общего имеет с описанием города, сделанным Пржевальским в 1870 году. Правительство Монгольской Народной Республики уделяет много внимания и вкладывает много средств в строительство города. Ныне Улан-Батор широко раскинулся в живописной и просторной долине реки Толы у подножия лесистой и красивой горы Богдо-улы, объявленной государственным заповедником. В Улан-Баторе, рядом со старым городом с узкими и глухими улочками, с китайскими дворишками, обнесенными частоколом, ныне вырос новый европейский город с широкими улицами и площадями, асфальтовой магистралью, обсаженной деревьями, с хорошими европейскими двух- и трехэтажными домами, среди которых выделяются здания правительства, университета, большой средней школы, банка. Нет и антисанитарии базара, нет знаменитых ургинских собак, город находится под присмотром городского управления и санитарной инспекции. Ночью он залит электрическим светом. Особенно хороша панорама Улан-Батора с гор, окружающих город.

16. Дунгане—народ, живущий в китайской провинции Гань-су, а также провинциях Цинхай, Синьцзян. В небольшом количестве населяют юго-восточную часть Казахской ССР и Киргизскую ССР. Язык китайский, религия—мусульманство. Происхождение дунган недостаточно ясно, считают, что это тюркское племя, в сильнейшей степени окитаившееся. Дунгане много раз восставали против Китая; крупнейшее из восстаний было в 1862 году, в последующие годы охватившее громадные территории Западного Китая. Китайцы называют дунган «хой-хой».

17. В современной транскрипции—Кан-си или Сюань-е (1662—1721)—один из выдающихся императоров Китая, который между прочим содействовал развитию русско-китайских отношений. При нем был заключен Нерчинский договор в 1689 году. Полное описание заповедной горы Богдо-улы сделано учеником Н. М. Пржевальского—П. К. Козловым. См. Известия Русского Географического общества, том 56, вып. 1, М., 1924, стр. 169—173.

18. А. А. Бунге (1803—1890), русский ботаник, по совету Александра Гумбольдта прикомандированный в качестве натуралиста к русской духовной миссии в Пекине в 1830 году. Позже профессор Казанского и Дерптского университетов. Совместно с Бунге пустыня Гоби была пересечена и астрономом Г. Фусом, определившим широты и долготы ряда пунктов в Сибири и Китае. Е. Ф. Тимковский совершил путешествие в Китай и Монголию в 1820 и 1821 годах в качестве члена той же духовной миссии и опубликовал трехтомное сочинение «Путешествие в Китай через Монголию» (1824), изданное также на французском языке в Париже в 1827 году и на английском языке в Лондоне в том же году. Е. Ковалевский, также в составе этой миссии, но в 1849 году тоже побывал в Китае, опубликовав в Петербурге в 1853 году свое «Путешествие в Китай» в двух частях.

Г. А. Фритше (Фриче)—астроном, геодезист, определивший ряд астрономических, магнитных и гипсометрических пунктов в Монголии и Северном Китае как раз во время путешествий Н. М. Пржевальского, который в данном случае

ссылается на маршруты Фритше 1868 и 1869 годов. Результаты работ печатал в органах Русского Географического общества и Метеорологических сборниках.

19. Существующее в настоящее время четкое деление внутренних частей Азиатского материка на Центральную (зарубежную) Азию и Среднюю Азию во время Пржевальского еще не было распространено.

20. Эти данные не совсем соответствуют современным знаниям. Гоби на участке от Улан-Батора до Калгана не является такой пустынной. В годы с нормальным количеством осадков здесь летом развивается разнообразная полупустынная растительность, дающая корм для верблюдов и мелкого рогатого скота. Из деревьев тут обычен хайляс, или вяз приземистый, растущий, правда, по котловинам и сухим руслам. Кустарнички же очень часты и разнообразны: различные солянки, караганы и др. Ныне по маршруту Н. М. Пржевальского в 456 км на юго-восток от Улан-Батора вырос новый аймачный центр МНР—Сайн-шанда.

21. Петр Симон Паллас (1741—1811), один из крупнейших натуралистов и путешественников XVIII столетия. Более 40 лет работал над изучением России и ее народов, имел звание члена Российской Академии наук, а по своим научным интересам был великим энциклопедистом, оставившим глубокий след на развитии ряда наук: биологии, зоологии, ботаники, географии, геологии, этнографии, филологии, экономики.

22. Абсолютный минимум температуры в Улан-Баторе достигает почти -50° , а в Гобийской части МНР около -40° .

23. Осенью дзерены собираются в большие табуны в тысячи голов. Во время отела также наблюдаются большие скопления этих антилоп до 6—8-тысяч особей. Дзерены были встречены в Монголии и в гористых местах, но с мягким, пологим рельефом, преимущественно в широких, открытых долинах. Охота на дзеренов и сейчас является излюбленным делом монголов-охотников.

24. Подобного рода фактами об обмане китайскими купцами, ростовщиками, агентами и чиновниками монгольских арат полна монголоведческая литература. См. А. П о з д н е е в. Монголия и монголы, 1896; И. М а й с к и й. Современная Монголия, Иркутск, 1921; Г. Е. Г р у м м - Г р ж и м а й л о. Западная Монголия и Урянхайский край, 1914—1930 и др.

25. Отчет о путешествии этих двух путешественников в 1846 году опубликован и на русском языке. См. Г ю к и Г а б э. Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-ламы. Перевод с французского М. К. С. Генрих, 1866, 322 стр., а также Е. Р. Г ю к. Воспоминания о путешествии по Татарии. Перевод с французского З. П. Ольхина, Спб., 1866, 389 стр. Этим путешественникам удалось дойти до столицы Тибета—Лхасы.

26. Как показал опыт, монголы очень способны к изучению языков, легко усваивают их при изучении или будучи некоторое время среди иностранцев. Из китайцев, проживающих в Улан-Баторе, редко кто говорит по-русски, а если кто и говорит, то действительно в той каррикатурной форме, что приведена Пржевальским, и с ужасным акцентом. Наоборот, многие монголы хорошо овладели русским языком, среди монголов не раз приходилось слышать абсолютно чистую русскую речь, без всяких искажений. Между тем фонетика и морфология монгольского языка очень далеки от русской.

27. Город Пекин, или в современной транскрипции Бэйпин, в течение пяти столетий был столицей Китая (1421—1928). После перенесения столицы в Нанкин Бэйпин играет роль административного центра провинции Хэбэй. Второй по населению город государства с населением в 1 556 тысяч человек (1936 год).

К главе второй

28. Дай-цинь, или просто Цинь,—последняя императорская династия Китая (1644—1911 годы), во главе которой стояли маньчжуры. В этот период на передний план выдвигаются маньчжурские и кигайские феодалы севера страны. Циньская династия пришла на смену Минской, падению которой способствовали крестьянские восстания.

29. Ныне одежда монголов не столь однообразна, но в общем сохранила те же черты. Материал, идущий на изготовление халата (дэли), очень разный: хлопчатобужная ткань—далемба, для праздничных халатов—узорные шелка; для зимних и дорогих дэли используются шерстяные ткани, коверкот. Женщины, так же как и мужчины, подпоясываются длинным шелковым кушаком, обматываясь им три—пять раз. Запах халата мужской, то есть слева направо. Белье ныне очень распространено у монголов самых дальних кочевий. Вообще монголы Халхи за прошедший период времени с момента путешествия Пржевальского, особенно за последнюю четверть века, сделали громадный скачок по пути культурного развития, почему данные автора, помещенные во второй главе, уже сильно устарели для Северной Монголии, но в большой

степени эти данные соответствуют действительности для монголов Внутренней Монголии, Куку-нора и Синьцзяна.

30. Боковые решетки юрты состоят из отдельных секторов—«ханов», связываемых вместе при растяжке и образующих круглую стену юрты. Количество ханов и определяет размер юрты. Юрта в 3—4 хана наиболее обычная, но просторные 5—6-ханные юрты также можно встретить у зажиточных монголов. Размещение вещей в юрте и специализация различных частей ее следуют определенным традициям во всех монгольских юртах.

31. Монголы обычно не употребляют в пищу легкие. Печень является мясом третьего сорта, но зато почки очень ценятся. Описание жизни монголов-кочевников приведено нами в сокращенном виде. Автор много уделил внимания способам приготовления пищи, причем не сказал о том, что пища монголов и способы ее приготовления в общем были одинаковы для большинства скотоводческих народов Центральной и Средней Азии. Если монгол за один присест съест много мяса, то это он делает один раз в сутки, причем эти сутки он провел в пути, целый день на морозе. Любой человек при таких условиях съест не меньше монгола. Хлебные продукты уже давно вошли в пищевой рацион монгола. Суп-лапша с мелко нарезанной бараниной—излюбленная еда в самых далеких кочевьях Монголии. Русский хлеб в городах—ежедневная пища монголов. Из мяса они на первое место ставят баранину, затем говядину; конину и верблюжатину едят не повсеместно и редко, а козлятина считается мясом бедняков. Автор критикует вкусы номадов, рассказывая о монгольском чае и других продуктах. Но ведь о вкусах не спорят. Монгольский чай—сытный, легкий в еде и хорошо усваивается организмом. Насколько пища—дело привычки, видно из случая, приведенного самим же Пржевальским, когда монгола-проводника одолела рвота при виде того, как русские ели убитую утку.

32. В Монгольской Народной Республике, в скотоводческих районах Внутренней Монголии, Синьцзяна—в стаде количественно преобладают овцы и козы.

33. Согласно новым исследованиям, монгольская овца не относится к чисто курдючным породам, а является гибридом между курдючными и тощехвостыми или слабожирнохвостыми овцами. Метизация имела место в отдаленном прошлом, а в результате длительного подбора образовались местные отродья. Монгольская овца имеет широкое географическое распространение: Тува, Бурят-Монгольская АССР, Ойротия и Хакасия, Маньчжурия, МНР, внутренняя Монголия, отчасти Джунгария. На юге граница неизвестна, на западе она граничит с курдючной овцой (См. Я. Я. Лусс. Овцы Монголии, а также Н. А. Дюмидова и К. М. Мурчев. Бурят-монгольская овца и ее метисы с мериносами. Сборник «Домашние животные Монголии», Труды Монгольской комиссии АН, вып. 22, М.—Л., 1936).

34. Приведенный Пржевальским календарь ныне является уже устаревшим. Европейское времяисчисление, в том числе и часы, прочно внедрились в быт большинства стран Центральной Азии. Календарь 12-летнего цикла очень интересен, имеет большую давность и включает монгольские, китайские, тибетские и индийские элементы. Монголы еще при Чингис-хане познакомились с китайской астрономией; считается, что в 1210 году был составлен первый монгольский календарь. При Хубилай-хане (умер в 1295 году) особой любовью пользовалась астрономия, причем в городе Ханбалыке (Бэйпине) была построена знаменитая астрономическая обсерватория с инструментами, и поныне удивляющими своим совершенством. Во время боксерского восстания немцы вывезли эту обсерваторию в Потсдам.

С принятием буддизма в Монголию пришел и тибетский календарь, представляющий видоизменение индийского (санскритского) календаря. От него и сейчас остались в современном монгольском календаре названия дней недели по названиям небесных светил, что видно из следующего списка:

1. Понедельник	Даба	Луна
2. Вторник	Мигмар	Марс
3. Среда	Лхагра	Меркурий
4. Четверг	Пурбу	Юпитер
5. Пятница	Басанг	Венера
6. Суббота	Бимба	Сатурн
7. Воскресенье	Нима	Солнце

35. К монгольским языкам относятся халха-монгольский, бурятский, торгоутский, а также языки барги, Внутренней Монголии, языки западных монголов (ойратов). Они обнаруживают близость, но не являются наречиями одного единого монгольского языка, это разные языки, но входящие в одну группу. Письменный халха-монгольский язык очень сильно отличается от разговорного. Система письменности была введена еще при Чингис-хане; в основу монгольского алфавита был принят уйгурский, т. е.

алфавит одного из древних культурных тюркских племен Центральной Азии. Уйгуры в свою очередь заимствовали его от согдийцев (иранцы). Оказывается, что своими корнями монгольский алфавит в конце концов восходит к арамейским алфавитам. В XVI веке монгольский алфавит принял устойчивые формы и в таком виде дошел до наших дней; от этого алфавита произошел также и маньчжурский и ойратский алфавиты. «Письмена монгольские, подобно китайским, располагаются в вертикальных строках, которые читаются от левой руки к правой» (Н. М. Пржевальский). Но на этом сходность письменности монгольской и китайской кончается. Китайская письменность, как известно, иероглифическая, а в монгольском алфавите только 21 буква, из них 7 гласных, все буквы имеют, как правило, три написания, в зависимости от того, где они пишутся—в начале, середине или конце слова.

36. Обращение «нохор» и сейчас очень сильно распространено среди монгольского населения. Известный, ныне покойный, советский монголист, академик Б. Я. Владимиров считает, что это слово заимствовано из иранского языка. В монгольском «нохор»—товарищ, приятель, муж, спутник; в турецко-джагатайском «покер»—товарищ, слуга, солдат; в персидском «покаг»—слуга, прислужник (Б. Я. Владимиров. *Mongolica*. 1. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии. Записки коллегии востоковедов Акад. наук, Л., 1925, том 1, стр. 305—341).

37. О монгольской музыке см. С. А. Кондратьев. Известия Русского Географического общества, том 56, вып. 1, 1924. Этот автор пишет: «Если критерием музыкальной одаренности народа может служить любовь к пению, то монголов следует признать очень музыкальными... Манера пения сильно отличается от русской, как канонической, так и народной. Она характеризуется горловой подачей звука, широким употреблением фальцета и, в особенности, одним излюбленным вокальным приемом, техника которого заключается в мгновенном, повторном смыкании голосовых связок на длительных звуках, что производит эффект трели, но по существу является быстрым повторением одной и той же ноты», стр. 175.

Народные музыкальные инструменты не ограничиваются двумя видами. Здесь обычны хур—двухструнная маленькая виолончель, ятага, шанц (щипковые), смычковый инструмент—хочир и разные флейты; последние, по мнению Кондратьева, китайского происхождения. «Народная монгольская музыка являет собой едва затронутую грудку драгоценностей, любовное отношение к которым сократит наш путь духовного сближения с Востоком» (там же, стр. 176).

38. Положение женщины в Монголии несравненно лучше, чем в мусульманских странах. Жена—советчик мужа, его опора, и поскольку вся хозяйственная деятельность проходит под надзором жены, то и ее положение в семье часто равное с мужчиной. История монголов знает примеры, когда монгольским престолом управляла женщина. В монгольском языке имеется специальный термин «хатын» в смысле госпожа, повелительница, императрица (отсюда название реки Катунь на Алтае).

Наружность монгольских женщин не произвела впечатления на Пржевальского, на человека с европейскими вкусами, впервые попавшего в Монголию. Впрочем, он тут же отмечает, что попадаются очень хорошенькие девушки. В действительности монголки часто изящны, стройны и крепко сложены, лица их украшаются темными и пытливыми глазами, а улыбка обнажает, как правило, прекрасные белые зубы. Количество женщин и мужчин в Монголии примерно одинаково, как это еще впервые показал И. Майский (Современная Монголия, Иркутск, 1921, стр. 23). Сейчас в МНР женщин даже несколько больше. Во времена Пржевальского еще не было никаких достоверных данных о количестве населения и половом составе Монголии, в результате чего в литературе приводились самые разноречивые данные о количестве монгольского населения. Однако попытка определить количество монголов в Азии, сделанная в отчете о четвертом путешествии Пржевальским, оказалась очень близкой к истинной (см. Четвертое путешествие в Центральную Азию. От Кяхты на истоки Желтой реки и т. д., Спб., 1888, стр. 493).

39. Буддизм в форме ламаизма как господствующая религия начал распространяться среди монголов сравнительно поздно. Желтая религия, или ламаизм первоначально возник в Северном Тибете, основателем его явился реформатор Дзонхава (1357—1419). Ламаизм проникал в страны Центральной Азии постепенно. В Северной Монголии в 1585 году был построен первый буддийский монастырь Эрдэни-дзу, на правом берегу реки Орхон, там, где некогда была древняя столица монгольских ханов Каракорум. Ургинский монастырь возник значительно позже, впервые о нем упоминается в летописях под 1649 годом. Именно в XVII столетии ламаизм стал народной религией, охватившей всю Халху и более южные монгольские территории, а в XVIII веке делается признанной религией в Бурятии. Ламаизм в Монголии очень сильно впитал обычаи древних верований монголов (шаманизма).

40. Эта формула «Ом-мани-пад-мэ-хум», в позднейшей монголоведческой литературе переводится: «О, сокровище лотоса», ибо лотос в индийской мифологии считается символом земли и служит треном творцу мира (См. П. К. Қ о з л о в. Монголия и Кам, т. 1, часть 1, стр. 86).

41. Чжангин, на стр. 115 читаем «зангин», лучше передать «дзанги», т. е. звание, чин, в разные времена у монголов имевшее и разное значение, как например: староста, пристав, судья, административное лицо, командир.

42. Громадная область в Центральной Азии, ныне населенная монгольскими племенами и географически занимающая территории в указанных Пржевальским границах, сейчас имеет совершенно другое административное устройство: Северная по Пржевальскому, или Внешняя, Монголия получила признание как независимое государство—Монгольская Народная Республика, управляющаяся на демократических началах и состоящая из 18 аймаков. Внутренняя Монголия, как и остальные области Центральной Азии, кроме МНР, входит в состав Китайской республики. Внутренняя Монголия состоит из четырех провинций (с востока на запад): Жэхэ, Чахар, Суйю-ань, Нинь-ся. Китайское правительство 23 апреля 1934 года предоставило автономию Внутренней Монголии, где сохранились старые монгольские формы управления, но в социально-политическом отношении во Внутренней Монголии и до последнего времени представлен феодально-теократический строй, где народ испытывает притеснения со стороны монгольских князей, ламского духовенства и китайской администрации. Сюда к Внутренней Монголии относятся и географические области Ордос и Ала-шань. Джунгария входит в автономную провинцию Синьцзян со столицей в Урумчи; таким образом и упомянутые два округа Урумчи и Баркуль составляют часть Синьцзяна, или Западного Китая, который разбивается на 9 административных округов. Здесь, как и в остальной китайской части Центральной Азии, еще сильны феодальные отношения. Область Куку-нора ныне образует китайскую провинцию Цин-хай, а Гань-су, только в западной части имеющая монгольское население, является провинцией собственно Китая.

43. И. Майский приводит следующие княжеские степени в нисходящем порядке: 1) цин-ван, 2) ван, 3) бэйлэ, 4) бэйсэ, 5) туше-гун, 6) гун (Современная Монголия, стр. 26).

44. У Б. Я. Владимирцова читаем: «С этого времени настоящими ноянами начинают именоваться только феодалы, имеющие *albatu* (крепостные вассалы, домашние слуги и рабы.—*Эд. М.*); их перестают уже называть тайджи (*taiji*), потому что титул это начинает обозначать особую группу: группу чингис-ханидов, перешедших на положение сайдов (младшие феодалы в доманьчжурский период). Начиная с конца XVII века, нояны—это феодальные сеньоры, князья, а тайджи—привилегированные сайды, нечто вроде дворянского сословия» (Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 175).

45. О динамике населения Центральной Азии в литературе приводятся самые разноречивые данные, что легко объясняется отсутствием статистического учета или переписи населения. Многие авторы считали, что монгольское население со времен Чингис-хана очень резко сократилось, учитывая мощь и то, как многочисленны были войска этого полководца. Однако это не так. Средневековые армии по численности, как бы ни были они грандиозны, по сравнению с современными являлись крайне малочисленными. К тому же монгольская армия Чингис-хана в громадном количестве включала в себя не монгольские элементы, главным образом тюркские. Как показывает статистика в Монгольской Народной Республике идет неуклонный прирост населения, чему очень способствует сильное сокращение болезней.

46. Пржевальский не пишет здесь о тех платежах, которые делают монголы ламам и многочисленным монастырям, а также о бесконечных платежах китайским купцам-ростовщикам, как имело место, например, в Халхе до народной революции 1921 года.

47. Леность и нежелание монголов итти в армию, а также дряхление их воинственного духа легко объясняется положением Монголии как колонии императорского Китая и политикой последнего по отношению к Монголии и монголам. К тому же громадная роль в этом принадлежит и ламаизму. Достаточно было измениться политическому положению, например, в Халхе, на основе которого и возникло национальное суверенное государство, как это утверждение Пржевальского, справедливое в прошлом столетии, ныне не соответствует действительности.

К главе третьей

48. Русский посланник в Пекине А. Е. Влангали очень сочувствовал первой экспедиции Пржевальского и оказывал ей всяческое покровительство, что неоднократно отмечает и сам путешественник. В письме к вице-председателю Географического общества Федору Петровичу Литке, известному географу и путешественнику,

А. Е. Влангали писал 14 марта 1871 года о путешествии Пржевальского: «Горячо сочувствуя этому полезному для науки путешествию, я со своей стороны употреблю все старание к успешному его исходу, и ваше сиятельство можете быть уверены, не упущу никаких случаев быть, по мере сил, полезным ученым предприятиям, предпринимаемым Географическим обществом в этих отдаленных от Европы странах» (из Н. Ф. Д у б р о в и н а. Николай Михайлович Пржевальский, Спб., 1890, стр. 117). Влангали по образованию был горный инженер, читал в Барнауле геологию, участник многих геологических экспедиций: руководил оборонительными работами при защите Севастополя в 1855 г.

49. Иезуитский миссионер Жербильтон предпринял путешествие из Франции в Китай, куда прибыл в 1688 году. Вместе с Вербистом он сопровождал богдохана Кан-си в Маньчжурию. Составил атлас Китая. Отчет о путешествии Жербильтона о пребывании в Китае был переведен на русский язык: И. Г е р б и л о н. О великой Татарии. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Спб., 1785, а также: Извлечения из дневника патера Жербильтона (сопровождавшего императора Кан-си в маньчжурском походе в 1696 году). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 59, Спб., 1895, стр. 1—31).

Жербильтон, между прочим, принимал участие в 1689 году в переговорах во время работы по русско-китайскому договору в Нерчинске и представлял китайскую сторону. Русскую делегацию возглавлял Федор Головин. Ошибочные сведения Жербильтона относительно вечной снежной горы Печа привел знаменитый немецкий географ Карл Риттер в своем известном и многотомном труде «Землеведение Азии». На русский язык несколько книг этого труда переводил, одновременно редактировал и дополнял П. П. Семенов, крупнейший деятель Русского Географического общества, исследователь Азии, вдохновитель и покровитель экспедиций Пржевальского. За свои исследования впоследствии получил двойную фамилию: Семенова-Тян-Шанского. Пржевальский в данном случае ссылается на том I «Землеведения Азии»—«Общее введение и восточная окраина восточной нагорной Азии, т. е. Маньчжурия на юг от южного изгиба Амура и монгольская окраина степи Гоби к Китаю от Желтого моря до меридиана города Хами в Центральной Азии». Спб., 1856, 736 стр.

50. Горы, описываемые здесь Пржевальским, относятся к системе Инь-шаня (монгольское название Ула-шань). Этот большой хребет, вернее система гор, является связующим звеном между горами Нань-шаня и Большим Хинганом. На разных участках Инь-шань носит и разные местные названия. Состоит из ряда скалистых гряд, на востоке имеющих относительную высоту 600—800 м. Инь-шань прорезывается рядом рек и речек и не является водораздельным.

51. Ныне граница между провинциями Хэйбэй и Чахар проходит между Калганом и Бэйпином, по китайской стене, что у города Канькоу (не путать с Ханькоу на реке Янцзы). Поэтому, по современному административному делению, Пржевальский шел по району Внутренней Монголии, а не собственно Китая.

52. Проф. К. Кесслер, обработавший коллекцию рыб первого центрально-азиатского путешествия, определил колюшку из Далай-нора как *Gasterosteus stenurus*. *Squalius*—впервые найден Пржевальским и описан под названием *Squalius mongolicus*. Род *Diplophysa* оказался представленным в озере следующими видами: *Diplophysa dalaica*, *D. nasalis*, *D. intermedia*, *D. costata* (Монголия и страна тангутов, том II, Рыбы).

53. За эту весну Пржевальский смог добыть более 400 птиц, из которых 70 он привез в Калган для коллекции, последняя с ранее добытыми представляла уже собрание в 130 экземпляров.

54. «Дарга»—по-монгольски начальник, командир. У Пржевальского, видимо,—табун лошадей, подчиненные одному начальнику, или «находится в заведывании особого чиновника», т. е. дарги.

55. С таким определением качеств верблюда справедливо не соглашается Г. Е. Грумм-Гржимайло, который приходит к совершенно обратному заключению. Он отмечает, что свалившееся седло или вьюк пугают не только верблюда, но и смиренную лошадь, которую никто не называет трусливым или пугливым животным. В путешествиях верблюд показывает себя сметливым, а рабочие его качества этот автор высоко ценит (Западная Монголия и Урянхайский край, том 3, вып. I, Л., 1926, стр. 373 и сл.).

56. Это утверждение не имеет характера закона. Случка верблюдов в Монголии происходит, как правило, в стаде в конце зимы, без вмешательства человека. Иначе как же можно объяснить размножение у диких или одичавших верблюдов, по своему строению как-будто не отличающихся от домашних.

57. По-монгольски—бурунтык, по-казахски—мурунлук, по-туркменски—бурунлук. У монголов под этим термином известна деревянная палочка, протетая

в специально проделанное отверстие между ноздрями верблюда. Повод же называется «джоло».

58. В Халхе часто приходилось видеть специальные мягкие верблюжьи седла для верховой езды, которые укрепляются между горбами.

59. У И. Майского читаем: «Сосет верблюжонок 1½ года. Годовой удой верблюдки достигает 60—70 ведер в год, верблюжье молоко довольно приятно на вкус и отличается большим содержанием жира» (Современная Монголия, 1924, стр. 112).

К главе четвертой

60. Собственно только отсюда, по мнению Н. М. Пржевальского, начиналась его первая центрально-азиатская экспедиция. Об этом видно из следующей записи его дневника: «Вот теперь начинается настоящая экспедиция. Да, трудно предугадать мне будущее. Где я буду, и что с нами случится,—неизвестность полная. Идем в неведомые страны; погонщика из монголов невозможно найти ни за какие деньги,—все боятся, так что я иду только с двумя казаками». Пыльцов, конечно, также сопровождал Николая Михайловича.

61. Под термином «хада» монголы понимают скалистые, сильно разрушенные возвышенности, а также скалистую вершину, пик, утес, скалу.

62. Вряд ли Сума-хада подвергался оледенению. Слишком южное его положение и сравнительно невысокий гипсометрический уровень, к тому же исключительная сухость этого района, притиворечат утверждению о несомненных следах действия ледников.

63. Горный баран *Ovis ammon*, широко распространенный в горах гобийских хребтов. Монгольское общее название—аргали, что фонетически близко к киргизскому названию тянь-шанского горного барана—архар, аркар.

64. Нойон—феодалный титул, князь.

65. Временные дождевые потоки характерны для гор как Центральной Азии, так и наших среднеазиатских стран. Эти потоки известны под названием силевых или селевых (у монголов—уир), они бывают катастрофичными по быстроте и силе, смывая дороги, мосты, посевы, дома, юрты, затопляя скот и т. п. Сели производят в гористых пустынях громадную геологическую работу.

66. Гарнец—мера вместимости сыпучих тел, равная 3,28 л.

67. Использование пантов как сильно действующее лечебное средство получило распространение и признание ныне не только в китайской, но и европейской медицине.

68. Баотоу—ныне важный торговый и транспортный путь. Здесь конечный пункт широтной Бейпин-Суйюаньской (Пин-Суйской) железной дороги, протяжением в 816 км. По проекту эта линия должна быть достроена до Ланьчжоу, главного города провинции Гань-су, с тем, чтобы в конце концов связать Западный Китай с побережьем Тихого океана. Дорога имеет большое колонизационное значение.

К главе пятой

69. Наиболее полное географическое описание Ордоса дано В. А. Обручевым на основании его личных исследований в 1892—1894 годах и литературных материалов, в том числе этой главы «Монголии и страны тангутов» Пржевальского. См. В. А. Обручев. Ордос. Географический и геологический очерк. Сборник памяти И. В. Мушкетова. Спб. 1905, стр. 223—310.

70. Мартын Мартини—иезуитский миссионер в Китае, впервые прибывший туда в 1643 году, написавший ряд трудов по языку и истории этого государства, чем очень способствовал в Европе ознакомлению с Китаем. Известен и как составитель географического атласа «*Novus atlas Sinensis*» 1655 года.

71. Генрих Юлий Клапрот, путешественник и востоковед (1783—1835), автор многих крупных работ по истории и языкам народов Азии, составитель «*Carte de l'Asie centrale*».

Генрих Киперт (1818—1899)—известный немецкий картограф, профессор, автор атласов, карт и других картографических работ.

72. Хуан-хэ по количеству несомой мути является одной из первых рек в мире. В среднем считается, что сухой остаток в воде Хуан-хэ 0,6%, в то время как в Амударье, по измерениям в 1911 году в Керках, 0,2%. Ежегодно Хуан-хэ выносит и отлагает 500 тысяч кубических метров наносных материалов, что в два с половиной раза превышает вынос Миссисипи-Миссури.

73. Хуан-хэ, несмотря на свою многоводность, мало пригодна для судоходства. Причина тому—размывы русла, изменения фарватеров, подмывы берегов, отмели, часто мелководье. Только на участке выше Баотоу, там, где и наблюдал Прже-

вальский, река используется для судоходства, но ходят здесь только мелкосидящие дженки, плоскодонные баржи и подобные им суда.

74. Монгольское название Хуан-хэ—Шара-мурэн, т. е. желтая, а также Хатын-гол, то есть река-императрица, река-госпожа, отсюда большой рукав назван Бага-хатын или река Малая Хатын. Староречье названо Улан-хатун, видимо, вследствие красноватого цвета сухого дна русла (улан—красный).

75. Уральский лакричник, или солодка, имеет широкое распространение от Урала и Казахстана на восток. Пржевальский очень хорошо подметил практическое использование его. Имеет употребление в медицине как отхаркивающее средство, входит в ряд лекарственных препаратов, используется в пищевой и табачной промышленности при изготовлении различных безалкогольных напитков; входит, как примесь, в табак, создает обильную пену в огнетушителях. В Советском Союзе, вместе с другим видом солодки *Glycyrrhiza glabra*, широко заготавливается и даже является у нас предметом экспорта за границу.

76. Иоган Георг Гмелин (1709—1755)—натуралист, исследователь Сибири, академик. Опубликовал свой труд—Путешествие по Сибири—в двух томах на немецком языке, а также *Flora Sibirica*, где дает описание собранных им растений во время экспедиций, организованных Академией наук России.

77. Всех рыб первого путешествия Пржевальского, в количестве 17, описал во втором томе «Монголии и страны тангутов» проф. К. Кесслер. Он определил карася как *Carassius langdorffii*. Два новых вида или два новых рода из семейства карповых, по определению и описанию Кесслера, оказались: 1) новым родом *Megagobio* (вид *Megagobio nasutus*), 2) новым видом, названным по месту нахождения в реке Хуан-хэ (*Squalius chuanchicus*) (Монголия и страна тангутов, том 2, Рыбы).

78. Александр Гумбольдт—знаменитый географ, натуралист и энциклопедист XIX столетия, основатель современной географии как науки (1769—1859). В 1829 году прибыл в Россию и посетил Урал, Киргизские степи, Русский Алтай. До конца жизни интересовался физической географией Сибири, Центральной Азии. Автор книги «Центральная Азия», в русском переводе вышедшей только в 1915 году. Пржевальский хорошо знал труды Гумбольдта, а некоторые из них были любимыми и настольными его книгами.

79. Хара-сульта, или джейран,—обычная антилопа и в среднеазиатских республиках Советского Союза. В отличие от дзерена, джейран никогда не собирается в очень большие стада, хотя осенью можно увидеть табуны в 70—100 и несколько больше голов. Летом джейраны ходят группами в 3—10 голов, старые самцы бродят одиночками. Охотники-монголы в Гоби любят охотиться за хара-сультами, считая, что их мясо лучше, чем дзерена.

К главе шестой

80. Ныне доказано распространение саксаула в Гоби значительно севернее указанной Пржевальским широты. В долине озер он отмечен у Улан-нура, то есть на широте 44°40', а на западе Монголии, где пустыня заходит всего севернее, саксаул найден на широте 47°30'.

81. Зайсанский саксаул (*Haloxylon ammodendron*), присущий Гоби, в пустынях нашего Туркестана заменяется другими двумя видами, хорошо известными по нашей литературе: белым и черным саксаулом.

82. Пржевальский называет эту характерную птичку пустынь саксаульной сойкой. Следует заметить, что у нас в Средней Азии саксаульная сойка представлена другим видом: *Podoces panderi*. Мне также приходилось слышать монгольское название гендерсоновой сойки,—но в форме хулан-джоро, то есть кулан-иноходец. В Семиречье саксаульную сойку казахи называют джурго-тургай, то есть воробей-иноходец. В этих народных названиях очень хорошо отразились повадки птицы, ее способность очень быстро бегать, но не прыгать, вытягивая шею вперед и держа все свое тело и хвост в одной плоскости.

83. Экспедиция Форсайда была организована англичанами в виде посольства к Якуб-беку, когда последний возглавлял на короткое время отделившееся от Китая Кашгарское государство Джеты-шаар. Экспедиция была отправлена из Индии дважды—в 1870 и 1873 годах, а в 1875 году вышло описание этих путешествий. В первом томе «Монголии и страны тангутов» автор транскрибирует «Форсит», а во втором томе как «Фарзайт», при этом говорит об экспедиции 1850 года; здесь, видимо, не замечена опечатка: следует читать—1870 (2-й том, стр. 71).

84. Пржевальский сообщает о далай-ламе Приньяле Тинлай-джамцо. У П. К. Козлова читаем о нем: «Двенадцатый перерожденец носил имя Приньлай, или Тинлай-чжямцо, и родился в восточной части провинции Уй в 1856 году. В начале

1858 года он с двумя другими мальчиками баллотировался посредством золотой урны, и жребий быть далай-ламой пал на его долю. Но и этот далай-лама едва достиг двадцати лет и умер в двадцатых числах третьей луны года деревянной свиньи (1875). По рассказам современников, этот далай-лама умер уже явной насильственной смертью, посредством отравы, о чем слышал и Н. М. Пржевальский» (П. К. Козлов. Тибет и далай-лама. Петроград, 1920, стр. 58). Из этой цитаты видно также, что XII далай-ламе в год первого путешествия Пржевальского было не 18, а только 15 лет, а по монгольскому счету 16 лет, считая возраст не с момента рождения, а с момента зачатия.

85. Речь идет, видимо, о второй опиумной войне Англии и Франции с Китаем в 1856 и 1857 годах, а также о походе на Пекин в 1860 году.

К главе седьмой

86. В последующее время русская торговля в Северной Монголии приняла большой масштаб, и русские купеческие фирмы успешно конкурировали с китайскими. Русские товары, как правило, отличались лучшим качеством и охотно покупались монголами. Доставка товаров из Сибири была ближе, проще и обходилась дешевле, чем из Китая, в Ургу, Кобдо, Улясутай—эти главные торговые центры Монголии.

87. Н. М. Пржевальский был очень доволен первой своей экспедицией на запад. В письме к И. Л. Фатееву, товарищу по Варшавскому юнкерскому училищу и Академии Генерального штаба, с которым Николай Михайлович часто делился впечатлениями и мыслями, он писал: «Могу сказать, что результаты этого странствования весьма хороши: мы обошли огромное пространство, от озера Далай-нор до реки Хуан-хэ и далее через Ордос и Ала-шань до северной границы провинции Гань-су—всего более 3 500 верст [более 3 700 км]. Сумма различных впечатлений и приключений так велика, что я решительно затрудняюсь, о чем именно писать» (Письмо к И. Л. Фатееву от 2/14 февраля 1872 года из Пекина).

К главе восьмой

88. Коллекция животных состояла из тысячи птиц, антилоп, баранов аргали и куку-яманов, оленя, волка, лисиц, многочисленных зайцев.

89. Средства на первое центрально-азиатское путешествие Н. М. Пржевальского отпускались Русским Географическим обществом и Военным министерством, которые увеличили, по ходатайству русского посланника в Китае А. Е. Влангали, свои дотации до 500 рублей в год Пржевальскому, а также 300 рублей Пыльцову. К приезду Пржевальского в Бэйпин там еще не были получены деньги за второе полугодие 1871 года, тем не менее русская миссия в Китае выдала эти деньги из своих средств, добавив аванс в 1 000 рублей за счет поступлений 1872 года. Только благодаря этому Пржевальский смог отправиться во второй рейс. Задача заключалась в том, чтобы до вскрытия реки Хуан-хэ перебраться в Ордос, в противном случае могли возникнуть осложнения при переправе через эту реку (докладная записка капитана Пржевальского генерал-майору Влангали от 12 января 1872 года). В действительности так и получилось. По льду перейти реку уже было нельзя, а перевозом у гор Муни-ула местные жители отказались переправить караван Пржевальского, и ему пришлось идти опять в город Баотоу на уже знакомую переправу.

90. Относительная влажность в Гоби весной бывает исключительно низкой. Вообще весна в Монголии пользуется плохой репутацией, как сухое, очень холодное и ветренное время года, когда часто от неблагоприятных климатических условий и отсутствия кормов на пастбищах гибнет скот.

К главе девятой

91. Николай Михайлович назвал горы Гань-супо одноименной провинции Китая, но сейчас они больше известны как Нань-шань, то есть по-китайски «Южные горы». Несмотря на посещение Нань-шаня рядом путешественников помимо Пржевальского, как, например, Ю. А. Сосновским, Г. Н. Потаниным, Г. Е. Грумм-Гржимайло, а также В. Рокхиллем и другими, география этой горной системы была очень плохо известна. Только В. А. Обручев во время своего путешествия в Китай и Монголию в 1892—1894 годах несколькими маршрутами пересек хребты Нань-шаня, благодаря чему стало известным сложное орографическое и геологическое устройство этих гор Центральной Азии. По В. А. Обручеву Нань-шань—обширная горная страна, состоящая из множества горных хребтов, несущих вечные снега и ледники. Хребты разветвляются на западе и имеют преобладающее их простираение с северо-запада на юго-восток; этому простираению со-

ответствует и положение основных межгорных тектонических депрессий, занятых речными долинами и бессточными сухими или озерными бассейнами.

92. Снеговые горы Кулиан и Лиан-чжу (видимо, Гулань и Лян), отмеченные Пржевальским, как выяснилось значительно позже,—часть северного хребта Нань-шаня или Момо-шаня, названного В. А. Обручевым для всего его протяжения хребтом Ф. Рихтгофена.

93. П. К. Козлов, дважды посетивший этот буддийский монастырь, в течение своей экспедиции в 1899—1901 годах, видел портрет Пржевальского у лам, которые берегли его как драгоценность, а старейшие ламы хранили лучшие воспоминания о путешественнике, великом охотнике, бесстрашном человеке, как видно из записей Пржевальского, имевшего репутацию доброго колдуна (Монголия и Кам, том I, ч. 1, стр. 140 и ч. 2, стр. 650).

94. Ныне состав провинции Гань-су и ее административное деление существенно иные, чем в прошлом столетии. На севере провинция Гань-су граничит с провинцией Нинь-ся, узким клином подходит к границам МНР, на западе с Синьцзяном и провинцией Цинхай (Куку-нэр), на востоке с провинцией Шэньси, а на юге с Сычуанью. В связи с образованием 1 января 1939 года провинции Цинхай (до этого относилась к разряду внешних округов) 15 уездов Сининского округа Ганьсуйской провинции были переданы Цинхаю, а город Синин стал административным центром этой последней провинции.

Округа Баркуль и Урумчи входят ныне в Синьцзян, граница которого с Гань-су лежит в пустынных горах Бэйшаня, а затем пересекает низовья реки Сулэхэ. Таким образом почти вся площадь, занятая горами Нань-шаня, ныне территориально относится к провинции Цинхай, а не Гань-су, почему и название «Горы Гань-су» ныне не соответствует действительности и сейчас забыто.

95. Племя далды и сейчас еще плохо изучено. В географии Тибета Миньчжул хутухты, переведенной на русский язык с тибетского В. Васильевым (1895), уже упоминается удел Хор или Дол-до (стр. 54). Г. Е. Грумм-Гржимайло считает, что Дол-до наименование географическое, а не этническое и что монголы области Амдо, о которых много пишет Пржевальский, являются потомками древнего народа сяньбийцев, которые пришли сюда из Восточной Монголии в IV веке. Г. Н. Потанину также известно племя дал-до, он их считает чжа-хорами (Тангутско-тибетская окраина Китая, I, стр. 342—347).

Грумм-Гржимайло склоняется отнести жителей удела Дол-до к древним монгольским племенам. Дол-до, жившие изолированно в горах Нань-шаня, обладают теперь языком и этнографическими особенностями, несколько отличными от языка и этнографии амдоских или кукунорских монголов, древнее имя которых было чжа-хор, или, как объясняет Грумм-Гржимайло, белые монголы. Название «хор» почти позабыто, но еще живет в тибетском языке, хотя бы в названии «хор-юл», т. е. страны хоров. Сами же кукунорские монголы себя называют цаган (белые) монголы. В древних хорских племенах Грумм-Гржимайло видит предков монголов и считает, что объяснение Рокхиллем термина «чжа-хор» как «тибето-китаец» и объяснение Г. Н. Потаниным как «монголо-китаец» неправильны, ибо «чжа», по свидетельству китайцев, на местном (тибетском?) языке означает «белый» (Г. Е. Грумм-Гржимайло. Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора. Известия Русского Географического общества, том 39, вып. 5, 1903, стр. 467 и сл.).

96. По современным данным, на западе Нань-шань состоит из семи хребтов, на востоке основных цепей четыре. На западе Нань-шань соединяется с Алтын-тагом, представляющим мощное ответвление Куэнь-луня, почему Нань-шань иногда называют Средним Куэнь-лунем. Хребты Нань-шаня расположены по отношению друг к другу кулисообразно. Общая длина системы достигает почти 1 000 км, считая на востоке до реки Хуан-хэ, а ширина превышает 300 км.

Северо-Тэтунгский хребет Пржевальского в китайской географической литературе известен как Килиень-шань, а также Тхоло-шань, Южно-Тэтунгский как Четри-шань. В верховьях Тэтунга горы поднимаются до вечноснежных вершин; здесь хребет Обручев называл именем Зюсса. Продолжаясь на запад после понижения, этот хребет вновь поднимается в улей-нань-шане, а затем, снижаясь, переходит в Ема-шань. Окраинный хребет, как мы уже объяснили выше, на востоке называется Момо-шанем и является частью хребта Рихтгофена.

97. Известно, что сейчас в горах Нань-шаня обнаружены различные полезные ископаемые, но разрабатывается только золото в разных местах провинции Цин-хай и уголь. Последний больше всего добывается в Датуне, но добыча проводится кустарно и ограничивается примерно 30 000 т ежегодно для всей провинции Цин-хай.

98. Это наблюдение вполне подтверждается и последующими фактами. Известно сильное землетрясение 1920 года в Гань-су и Цинхае, когда, по приблизительным

подсчетам, погибло свыше 40 тысяч человек. Землетрясение привело к разрушению городов и сел, уничтожению запасов зерна в пещерных складах, что вызвало голод.

99. Восточная часть Нань-шаня наиболее влажная, дожди тут летние и связаны с восточными китайскими муссонами. По ландшафтам Нань-шань делят на Западный, Средний и Восточный. Западный — самый высокий, но и одновременно самый сухой, высокогорные пустыни обычны тут и занимают громадные площади гор.

100. По этому поводу в письме к И. Л. Фатееву от 17/29 сентября 1872 года Николай Михайлович писал: «Вообще расход денег огромный, так что у меня в наличности осталось только 450 рублей. С такими ничтожными средствами невозможно дойти до Лхасы, и я должен с сокрушенным сердцем отказаться от своего намерения проникнуть во Внутренний Тибет. Взамен того, думаю исследовать подробно бассейн Куку-нора и страну Цайдам, лежащую к юго-западу от него».

К главе десятой

101. Этнографический термин «тангуты» в литературу впервые введен Н. М. Пржевальским как раз книгой «Монголия и страна тангутов». Но слово «тангут» — монгольское, монголы так называют тибетцев. Пржевальский же сузил этот термин и, видимо, слыша его от монголов для обозначения первых тибетских племен в Гань-су, где ему пришлось познакомиться и описать их, приложил слово «тангут» только для обозначения тибетцев областей Куку-нора и Амдо. Многие из последующих путешественников считали, что тибетское население Куку-нора и Амдо этнически является промежуточным от собственно тибетцев к монголам. В. Рокхилль полагал, что термин «тангуты» должен быть забыт, так как он не может быть приложен для обозначения тибетских племен Куку-нора и Амдо («В стране лам. Путешествие по Китаю и Тибету». Русское издание, Спб., 1901, стр. 53). По Рокхиллю эти племена чисто тибетские, они известны в Тибете как «панака» для кукунорских тибетцев и «камба» для амдоских тибетских племен. Г. Е. Грумм-Гржимайло согласен с Рокхиллем, но предлагает сохранить термин «тангуты», сузив его очень сильно и оставив «за живущим к северу от Нань-шаня и к востоку от города Су-чжоу оседлым населением, говорящим на одном из тибетских наречий, так как население это — несомненные потомки тангутов» («Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора», стр. 479). Здесь под тангутами понимается древний народ (XI век) си-ся (т. е. западное ся), государство которого занимало области Ала-шаня и Северного Тибета со столицей в городе Нинь-ся. Государство си-ся было в 1227 году завоевано монголами.

П. К. Козлов открытием и раскопками города Хара-хото в Гоби, в низовьях Эдзин-гола, показал высокую культуру сисяйцев. Здесь была обнаружена громадная библиотека в количестве 2 000 книг, на семи языках, где между прочим был найден словарь для перевода с китайского на язык си-ся, о котором ничего не было известно. В Хара-хото, благодаря сухости воздуха, удалось раскопать в хорошем состоянии более трехсот номеров живописи на шелке и холсте, скульптуры и т. д. (См. «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото», Экспедиция Русского Географического общества 1907—1909 годов. ГИЗ, М.—П., 1923).

По Грумм-Гржимайло, древние тангуты образовались из различных этнических элементов Центральной Азии, в том числе из тибетского, хорского (сянбийского), тюркского.

При пользовании литературой по Центральной Азии следует помнить об этой истории термина «тангуты». Данный термин широко распространился и стал достоянием не только русской, но и зарубежной литературы. Н. В. Кюнер, делая обзор племен Тибета и прилегающих стран, пишет: «Можно вполне признавать отличительные черты (племенные и лингвистические) тибетцев Северо-восточного Тибета по сравнению с тибетцами других частей страны и выделять их характеристику на особое место, но тем не менее не следует прилагать к ним специального имени «тангутов», хотя последнее приобрело уже все права гражданства в русской научной литературе...» (Описание Тибета, ч. 2, Этнографическая, вып. 1, Владивосток, 1908, стр. 19).

В заключение этих объяснений следует указать, что изучение северо-тибетских племен еще находится в начальной стадии и тангутоведение пока не располагает достаточными материалами для полной и обоснованной их дифференциации и характеристики.

102. Тибетский язык входит в индо-китайские языки, среди которых он ближе всех к бирманским языкам. Тибетские языки распадаются на три группы: собственно тибетскую, гималайскую и североассамскую. В собственно тибетской группе только один язык, но несколько наречий, из которых на восточнотибетском говорят племена Амдо и Кама. В автономном Тибете господствует лхасское наречие. Хуже всех известны восточнотибетские наречия, которые по китайской традиции делят на наречия племен

Амдо и Куку-нора под названием языка си-ся, или тангутского, и на наречия камских племен под названием языка си-фань. Тибетский язык в целом по своему характеру представляет переход от изолирующего к агглютинативному, к которому очень близок.

103. У тибетских кочевых племен вместо штанов употребляются наколенники, изготовленные из бараньих шкур, а у обеспеченных обычны китайские брюки, теперь очень распространенные, а также короткие рубахи. Брюки делают из простых бумажных материалов, и заправляются они в сапоги. Материал для шубы из местного сукна—було, центр изготовления которого лежит в долине Брампутры, в городе Шигатзе. В дождливое время тангуты носят плащи из войлока поверх шубы. Тибетское название шубы—«чуба». Шуба—непременная одежда скотоводов; в южной части Тибета, где преобладает оседлое земледельческое население, одежда иная и более разнообразная. Сюда в значительной степени проникли дешевые текстильные товары из Индии. О головных уборах тибетцев читаем у Н. Кюнера: «Пожалуй, ни в одной стране не найти большего разнообразия в головных уборах, чем в Тибете». В Куку-норе летом чаще всего носят круглые шапки с острой верхушкой, шапки изготовлены из материала и оторочены мехом овцы. Зимой обычна войлочная шапка у мужчин, у женщин же летний наряд сохраняется и на холодное время года.

104. Описанная Пржевальским палатка характерна только для кочевых скотоводческих тибетских племен Северного Тибета и Нань-шаня. В Южном Тибете преобладают каменные или деревянные дома. Палатка изготавливается обычно из материи, сотканной из волос яка. Размеры палатки 3—4 м в длину, но у зажиточных тангутов можно видеть палатки размеров 9×15 м. Палатки устанавливаются обычно на склоне гор, избегая сырых мест в низинах, и окружаются стеной, образуя как бы дворик, куда загоняется скот. Стена строится в Куку-норе и Амдо высокой и служит защитой от нападения случайных разбойников.

Привожу лучшее описание палатки, сделанное П. К. Козловым: «Жилищем для кочевого тибетца служит черная шерстяная палатка «банаг», формой представляющая несколько удлиненный квадрат. Вверху, вдоль всей палатки, находится отверстие, не шире полуаршина для средней величины жилища и вдвое большее в огромных палатках хошуных начальников. Это отверстие одновременно служит и окном и для выхода дыма. Посредине палатки, поближе ко входу, складывается печь из каменных плит, обмазываемых глиной. Печь как бы делит жилище на две части. При входе в палатку налево сваливается топливо (аргал), а направо, в углу же, у самого входа, спят хозяева. Вдоль левой стенки палатки складывается всевозможное старье, а вдоль задней, противоположной входу, на каменной или деревянной настилке,—все лучшее и дорогое: платье, зерновой хлеб, чай, дзамба и прочее. У зажиточных тибетцев этот скарб иногда покрывается пологом из шерстяной материи. В углу левой и задней стенок палатки обыкновенно помещаются старики. Вдоль стенки направо от входа в жилище, начиная от хозяйского угла до следующего, занятого постоянно ягнятами и телятами, устанавливается домашняя утварь: деревянные ведра, кадки, медные или железные кувшины, котлы, чаши, чайники, ковши и прочее.

Палатки тибетцев располагаются большими или меньшими группами то в долине, то в ущельях гор и непременно на покатости. В сухую, ясную, теплую погоду кочевник и его не знающие крова стада чувствуют себя превосходно; другое дело в холодное ненастье или в зимний снежный шторм; впрочем обитатели Тибета большие мастера выбирать наиболее подходящие места для каждого отдельного времени года» (Монголия и Кам, том 1, ч. 2, стр. 278—279).

105. Молоко яка (ячихи) содержит жира от 6—7% до 10—12%. В Монгольской Народной Республике на масло-молочных заводах сейчас изготавливается сливочное масло из ячьего молока, по качеству оно считается лучшим (Арахангайский аймак, особенно завод в Ихэ-тамир-сомоне). Домашний як—*Poephagus grunniens*—прямой потомок дикого тибетского яка, однако где произошло одомашнивание дикого яка—еще не совсем ясно. Возможно, что ареал распространения дикого яка был гораздо шире.

106. Первое поколение помеси яка или сарлока с крупным рогатым скотом по-монгольски называется хайнаком. Это крупное, сильное и выносливое животное очень ценится монголами как тяговый рабочий скот. Обычно на хайнака нагрузка в 1,5—2 раза большая, чем на волов. Во главе караванов тележек всегда идет хайнак. Самцы хайнака бесплодны, гибриды-самки плодовиты, скрещиваются с обоими исходными формами и отличаются большой молочностью. Второе поколение—ортом—по качеству сильно уступает своим родителям. Качество мяса яков считается более низким, чем мясо крупного рогатого скота.

107. Монголы все же, как и тангуты, часто живут аилами по несколько (обычно 2—4) юрт в аиле. Только в редких случаях и, как правило, в Гоби монгольские юрты одиноки, что объясняется скудностью пустынных пастбищ, не могущих в небольшом радиусе от колодца обеспечить кормами стада двух-трех хозяев. Юрты, стоящие вместе,

объединены хозяйственными отношениями в хотоны, где происходит совместная пастьба скота всех владельцев, входящих в хотон, общий водопой, совместное изготовление войлока и некоторые другие трудоемкие работы.

108. В этих строчках автор сделал слишком общий вывод, что монголы привязаны только к пустыням, здесь сказалось впечатление от районов, посещенных Пржевальским, который трижды пересек пустыни Гоби от Калгана до Хуан-хэ и дважды от Китая до Сибири, посетив Ордос, Ала-шань, центральную часть Гоби и другие пустынные районы Центральной Азии, населенные монголами. Но ведь монголы заселяют и Северную Монголию с лесостепными ландшафтами, хотя бы местность у озера Хубсугул, Хэнтэйского хребта и северных склонов Хангая, Баргу.

109. Мера длины—растянутые в противоположные стороны руки—очень распространена среди многих скотоводческих народов Азии. Эта же мера есть и у монголов, так называемый «алд», у туркмен он называется «кулач», им исчисляется изменение глубины колодцев в пустынях.

110. Но позже, в отчете о втором путешествии, Пржевальский отмечает, что в пище тибетцев все же немалую роль играет мясо, особенно баранина. Мясо едят вареным, но не жареным. Скот на мясо бьют вначале зимы. Обычай убивать скот в начале зимы и хранить туши в замороженном виде всю зиму присущ как тибетцам-кочевникам, так и монголам. В этом есть большая целесообразность, ибо в конце осени скот упитанный и жирный, в течение же зимы на подножных кормах скот сильно худеет, и к тому же заготовка его осенью оправдывается еще тем, что не нужно ухаживать в течение нескольких месяцев за лишними животными.

Помимо дзамбы, т. е. поджаренной ячменной или другой муки, из растительной пищи тибетцы-кочевники охотно употребляют в пищу корень гусиной лапчатки, величиной с маленькую редиску, растущий в горах, по долинам горных рек до больших высот в 4 000 м. Преподношение этого корня здесь обозначает пожелание благополучия и здоровья. Китайцы называют корень гусиной лапчатки жэнь-шоу-го, т. е. плодом человеколюбия и долголетия. В Халхе кочевники-монголы также употребляют в пищу этот корень, растение же называется здесь гичигинэ, растет оно по влажным и солончаковым лугам.

111. Слово «ака», «аха» имеет широкое распространение в языках Азии в разном смысле: старший брат, старший, уважаемый хозяин, господин и т. д. Это слово бытует в современных живых тюркско-монгольских языках и встречается у народов от Тихого океана до Средиземного моря. Видимо, тангуты заимствовали данный термин от монголов или тюркских племен Гань-су либо Кашгарии.

112. У тибетцев Куку-нора обычна моногамия, за исключением хорошо обеспеченных и богатых, где полигамия не редкость, но характерным явлением для собственно Тибета является полиандрия, т. е. многомужество, явление ныне гораздо более редкое, чем многоженство. Полиандрию описал Пржевальский у дачуйских тангутов.

113. Исчисление возраста человека не со дня рождения, а со времени зачатия (т. е. с прибавкой года) имеет место не только в Тибете, но и в Китае, в Монголии и в других восточноазиатских странах.

114. Дунганское, или мусульманское восстание—одно из ярких и в то же время плохо изученных событий новой истории Центральной Азии. Положение крестьянства в Китае, ремесленного люда, мелких торговцев к середине прошлого столетия было очень тяжелым. Жестокая эксплуатация со стороны феодалов, вымогательство, ростовщичество, взяточничество, произвол и насилие довели положение народных масс до полной нищеты. Подобное положение не раз приводило к восстаниям, которые жестоко подавлялись. Тайпинское восстание, охватившее собственно Китай, потрясло императорскую власть. Дунганское восстание 1861 года вспыхнуло на берегах Хуан-хэ, в местности Хо-чжоу, и оттуда быстро распространилось на соседнюю Гань-су, Туркестан и, наконец, Или (Г. Е. Г р у м м-Г р ж и м а й л о. Описание путешествия в Западный Китай, т. 1, стр. 5).

Дунган, населяющих провинции Гань-су и Шэн-си, несколько миллионов. Тяжелое положение дунганского крестьянства вызвало поток эмиграции отсюда в более западные и менее заселенные районы, главным образом в Джунгарию. Дунганские крестьяне восстали, уничтожили китайских правителей, китайские, плохо вооруженные и организованные, гарнизоны. Успеху этого восстания, охватившего скоро и не только дунганское население, помогало также то обстоятельство, что главные императорские силы были заняты подавлением сильного тайпинского восстания в Восточном Китае. Дунганское восстание продолжалось в течение нескольких лет и, постепенно охватив многие социальные группы Кашгарии, приняло характер «священной войны за ислам против неверных». Успеху восстания во многом способствовал освободительный характер движения, принявшего, благодаря этому, массовые формы. Однако, как правильно отмечает Пржевальский, восстание не получило строгих организованных

форм, руководство восстанием не было сосредоточено в одних руках, не существовало и определенных планов у многочисленных вождей, между которыми не было согласованности в действиях. Внутри восставшего лагеря начались раздоры и борьба за власть. Этим воспользовалось китайское правительство, начав регулярную и успешную борьбу против дунган.

В 1867 году в Кашгарии возникло государство Джеты-шаар (тюркское—Семиградье), возглавляемое Якуб-беком и поддерживаемое Англией, которая, как и Турция, поспешила признать самостоятельность нового государства в Центральной Азии.

Как раз во время первого путешествия Пржевальского шли бои между китайскими правительственными войсками и восставшими. Пржевальский, который пренебрег многочисленными опасностями, был живым свидетелем упадка мусульманского движения. В 1873 году было подавлено восстание в Гань-су, а через 5 лет китайские войска под командованием генерала Цзо-Цзун-тана, руководившего военными действиями в Гань-су, достигли Синьцзяна, где и разгромили государство Якуб-бека. Подавление мусульманского восстания происходило с невероятной жестокостью: уничтожались целиком дунганские селения и города, побежденные казнили без промедления, пустыня следовала за войсками. Часть жителей Джунгарии, в том числе дунгане, спаслись бегством в Россию, где осели в Семиречье, в пределах современной Казахской и Киргизской республик, занимаясь главным образом земледелием.

К главе одиннадцатой

115. Озеро Куку-нор, правильное в монгольской форме—Хуху-нур—синее озеро, а не голубое; для обозначения этого цвета у монголов есть слово «цэнхэр». Китайское название Цин-хай соответствует монгольскому названию (хай—море, большое озеро), тибетское официальное Ноньпо-цо в том же смысле. Гумбум, правильное Кумбум—стотысячеленный монастырь; видимо, Пржевальский слышал название Цо-Гумбум, где «цо» в тибетском языке—озеро. В тибетской географии Миньчжун хутукты встречается полное тибетское название озера Куку-нор: мЦо-хРи-Шор-рГьял-мо (1895, стр. 55). Абсолютная высота Куку-нора на современных картах—3 205 м. П. К. Козлов приводит цифру 3 261 м. Размеры озера 100×64 км. Вода минерализованная, сухой остаток 11 г солей в литре воды, среди солей преобладает поваренная.

116. В 1873 году Пржевальский наблюдал, как лед тронулся 25 марта или 6 апреля нового стиля, а озеро освободилось в середине апреля, а в 1884 году первые движения льда были им отмечены 1/13 апреля, и нужно думать, что озеро освободилось от льда только во второй половине апреля. В 1873 году была здесь ранняя весна, почему дата вскрытия не может быть типичной для такого высокогорного озера.

117. Этот остров Куйсу (монгольское—Пуп) посетил геолог А. А. Чернов, участник экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 годов, который на складной лодочке доплыл к острову и появился на его берегах, к великому удивлению нескольких лам-отшельников, оторванно живущих на острове и сообщающихся с берегами только в зимнее время. Отшельники жили здесь, питаясь молоком коз, но каждый отшельник имел свое стадо.

Остров, по Чернову, имеет размер 1 650×560 м; его поверхность ступенчато спускается к берегу; на острове нет деревьев; скудная растительность из чия, луков, полыни и других обеспечивает коз кормами. Так как источников на острове нет, то отшельники собирали дождевую воду и хранили ее в ямах, бережно расходуя (А. Чернов. Остров Куйсу на Куку-норе. Землеведение, кн. 1 и 2, 1910 или Топографический и Геодезический журнал, Спб., 1911). Помимо острова Куйсу на Куку-норе есть еще 4 острова, три из которых сложены песками у низменных восточных берегов.

118. Эта кукунорская рыба очень обычна в озере, ее видели и ловили многие путешественники, посетившие Куку-нор позже Пржевальского. При описании рыба эта из семейства карповых оказалась новым видом, описанным К. Кесслером и названным им в честь Николая Михайловича Schizopygopsis przewalskii.

119. Что уровень озера Куку-нора был гораздо выше современного, теперь не подлежит сомнению. В. А. Обручев в 1893 году видел на южном берегу озерные террасы на высоте 50 м над современным уровнем Куку-нора, а А. Чернов такие же террасы обнаружил на острове Куйсу.

120. Эта форма дикого осла—кианг (*Equus hemionus kiang*)—отличается от куланов, которые обитают в Монголии или в некоторых местах среднеазиатских республик, где ослаы представлены *Equus hemionus*, известным также под казахским названием джигетай. Монгольское название животного—«хулан», как и пишет в своей книге Пржевальский.

121. Монгольское население Куку-нора и Цайдама называют часто в исторических сочинениях шарагольским по реке Хуан-хэ (Шара-гол—Желтая река). В течение долгого времени кукунорские монголы испытывали отрицательное влияние тибетских племен, которые притесняли монголов, отбирали у них скот, грабили их и во время разбойничьих налетов уничтожали целые монгольские айлы. Это привело к обеднению монгольского населения Куку-нора, уменьшению количества монголов, с одной стороны, а с другой—к отибечиванию части монголов, что проявляется в быте, одежде, жилище и даже отчасти в языке. Цайдамские же монголы в целом гораздо лучше сохранили свою самобытность.

122. У Г. Е. Грумм-Гржимайло находим: «независимо от дунган должны быть упомянуты так называемые «саларские мусульмане», населяющие окрестности Сюнь-хуа-тина и долину Баян-рон; их считают тюрками, и, действительно, живущие в окрестностях Сюнь-хуа-тина салары сохранили в полной мере знание тюркского языка; сами же себя считают потомками самаркандских выходцев, бежавших в 1370 годах, вследствие неурядиц, в Китай, что подтверждается и «Историей династии Мин» (Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора, Известия Русского Географического общества, том 39, вып. 5, 1903, стр. 458).

123. Допадка Пржевальского о сопоставлении ёгуров и уйгуров позже подтверждена исследователями Центральной Азии, в частности Грумм-Гржимайло. Он ссылается на приведенную Пржевальским легенду и отождествляет ёгуров с шира (или сары, т. е. желтые) уйгуров, оказавших большое влияние на формирование многих этнических напластований Центральной Азии, в том числе хара-тангутов или племени панака. Уйгуры—тюркский народ Центральной Азии, бывший в VIII и IX веках ядром обширного Уйгурского государства, охватывавшего территории Монголии. Современные уйгуры, населяющие Кашгарию, заимствовали уже в наше время свое название от древних уйгуров. О сары-уйгурах приведены данные в «Описании путешествия в Западный Китай» у Г. Е. Грумм-Гржимайло, том 2, 1899, стр. 62—63 и 279—280.

124. Племя дамсу́к—монгольское племя, название которого объясняется следующим образом: «сою» (тибетское название монголов), живущее на реке «Дам». По данным В. Рокхилля это небольшое монгольское племя очень отибетилось; старики еще говорят по-монгольски, но разговор в семье большей частью ведется на тибетском языке, одежда и обычаи у них тибетские.

125. Секта красношапочников, или сакья-ба, была господствующей до середины XIV века, когда на первый план стали выдвигаться желтошапочники, последователи Дзонхавы (Цзонкаба, 1357—1419), ламы из области Амдо, основателя ламаизма, тибетско-монгольской (или северной) разновидности буддизма, в последующие века охватившего Центральную Азию вплоть до Сибири. Различия между этими сектами не ограничиваются вопросом безбрачия лам, они охватили также обрядовую и религиозно-философскую стороны буддизма.

126. Как мы уже отмечали выше, административное устройство Куку-нора (провинции Цинхай) ныне существенно иное, чем это было в конце прошлого столетия. Сейчас провинция Цинхай состоит из 29 монгольских хошунов, 40 тангутских родов и 15 уездов, до возникновения этой провинции входивших в состав провинции Гань-су. Интересно отметить, что количество монгольских хошунов осталось за этот большой промежуток времени, с момента путешествия Пржевальского и до сих пор, без изменения.

127. Название хребта, данное Пржевальским, так и осталось в литературе до наших дней; на западе он продолжается как хребет И. В. Мушкетова, названный так в честь известного русского геолога, путешественника и исследователя Туркестана.

128. Цайдам—монгольское слово, значит оно—большой солончак; в основе этого термина, видимо, лежат тибетские слова ца+дам, то есть соль+грязь. В некоторых районах Внутренней Монголии, например, в Ордосе, Чахаре и других местах, где монголы выговаривают «ч» вместо «ц», говорят: «чайдам», подобно тому, как вместо «цаган» говорят «чаган», вместо «сахар» говорят «чахар» и т. д.

129. Как впоследствии показал сам Пржевальский, Цайдам отделен от котловины Лоб-нора высокой стеной хребта Алтын-тага.

130. Данный фазан оказался новым видом. Пржевальский назвал его именем А. Е. Влангали в благодарность за помощь и заботу в деле организации экспедиции. *Phasianus vlangalii* найден только в Цайдаме, где обитает в зарослях тростника и селитрянки Шобера.

131. Эту мысль Николай Михайлович претворил в жизнь позже и во время своего третьего центральноазиатского путешествия 1879—1880 годов прошел по северо-восточной окраине Цайдама, а четвертым путешествием 1883—1885 годов пересек Цайдам от Дзун-дзака на запад на урочище Гас и, перевалив через Алтынтаг, вышел к озеру

Лоб-нор. Тем самым Пржевальский первым сообщил о существовании громадного хребта Алтын-таг.

132. Р. Шоу в 1868—1869 годах совершил путешествие в Китайский Туркестан, пройдя путь из Индии через горы Куэнь-луня.

133. До сих пор в науке окончательно не решен этот вопрос, впервые поставленный Николаем Михайловичем три четверти столетия назад: исконно дикие ли верблюды Центральной Азии или же это убежавшие и одичавшие верблюды, дающие последующие поколения уже на свободе. Позже, когда Пржевальский в результате своих последующих экспедиций собрал материал по диким верблюдам, он напечатал специальную статью «Дикий верблюд» в журнале «Природа и охота» № 2, 1878. Николай Михайлович во время второго своего путешествия первым добыл дикого верблюда и уже тогда считал, что эти верблюды исконно дикие.

134. Дикие лошади, также впервые добытые Пржевальским, позже были названы его именем и до сих пор известны как *Equus przewalskii*.

135. Поверхность озера Куку-нор лежит на высоте 3 205 м; самые низкие места Цайдама, расположенные примерно в центре котловины, имеют отметки 2 700 м, а по окраинам поверхность Цайдама поднимается до 3 000 м.

136. Одна десятая равна 1,09 га.

К главе двенадцатой

137. Хребет Бурхан-Будда—одно из местных названий гигантского горного хребта Куэнь-луня, этого, по выражению Ф. Рихтгофена, «позвоночного столба» Азии. На запад Бурхан-Будда переходит в хребет Го-шили и Толай, а на восток в более высокий Амнэ-мэчин. П. К. Козлов оценивает длину хребта Бурхан-Будда в два раза меньше, чем, по расспросам, указал здесь его учитель. Бурхан-Будда окаймляет с севера Тибетское нагорье; горы здесь достигают высоты 5 000 и выше метров, но в целом хребет пустынен, скалист и в сильнейшей степени обнажен. Только в редких местах имеются пятна вечного снега. Куэнь-лунь неоднократно был посещен Н. М. Пржевальским в последующих экспедициях, и благодаря ему стала известной география этой системы Центральной Азии.

138. См. предыдущее замечание.

139. Хребет Баян-хара и его западное продолжение хребет Куку-шили, окаймляющие с севера бассейн реки Янцзы (Голубой), являются одной из основных цепей северо-тибетских гор

140. Замечательно, что Николай Михайлович, будучи пионером-исследователем этой высокой и в то же время совершенно неизвестной страны, какой являлся тогда Северный Тибет, в общем правильно нарисовал здесь орографию этого сложного района. Длина хребта Куку-шили, если его считать от вечноснежного узла Улуг-музтаг (7 723 м) по современным картам до устья реки Чумар — 700 км; Баян-хара-ула от Чумара простирается на восток еще на 500—550 км.

141. Мягкость рельефа Баян-хара, сглаженность его форм, незаметный переход от бассейна реки Хуан-хэ к Янцзы, несмотря на то, что этот хребет является водоразделом, отмечали и другие путешественники. Грандиозные ущелья, резкие альпийские формы хребтов появляются в Юго-восточном Тибете, в области Кам, который английским исследователем Тибета Уордом выделен в область речных ущелий.

142. Летние дожди характерны для Восточного Тибета, где в результате часты лужи, как на это справедливо указал Пржевальский; однако Западный Тибет получает ничтожное количество осадков и представляет в этом отношении настоящую высокогорную сухую пустыню.

143. Антилопа ада описана под названием *Procapra picticauda*; ареал этой антилопы значительно более широкий, чем это предполагал Пржевальский. Как оказалось, она встречается, правда, в очень ограниченном количестве, на север от Тибета и Наньшаня, а именно в центральной Гоби.

144. Новый 1873 год Николай Михайлович встречал в холодной и ветренной пустыне Северного Тибета. В его дневнике есть по этому поводу следующая нерадостная запись: «Еще ни разу в жизни не приходилось мне встречать новый год в такой абсолютной пустыне, как та, в которой мы ныне находимся. И как бы в гармонию ко всей обстановке, у нас не осталось решительно никаких запасов, кроме поганой дзамбы и небольшого количества муки. Лишения страшные, но их необходимо переносить во имя великой цели экспедиции. Да хватит нам сил и воли окончить вполне это славное дело, — вот лучшее пожелание, которое мы приносим себе на Новый год...

Вчера вечером и сегодня днем мы с Пыльцовым много раз вспоминали про родину, домашних и хотя мысленно могли перенестись туда, где покинуто все дорогое... (Цитировано по Н. Ф. Дубровину. Н. М. Пржевальский, Спб., 1890, стр. 167). 31 декабря

1872 года и 1 января 1873 года по старому стилю бивуак путешественника стоял в Хойтун-ширике.

145. Река Янцзы — величайшая река Китая. Ее истоки лежат в Северном Тибете, между хребтом Тангла и Куку-шили, на высоком плато, пересеченном относительно невысокими хребтами, грядами, горами, имеющими мягкие сглаженные формы рельефа. Истоки ее лежат на уровне 4 500—5 000 м.

146. В течение всей последующей жизни путешественника желание достигнуть Лхасы, этой столицы Тибета и священного города буддистов, было постоянной и страстной мечтой. Однако эту мечту не удалось осуществить ни во второй, ни в последующих экспедициях Пржевальского. Как известно, у самого порога пятой экспедиции, которая обязательно должна была привести к достижению цели, великий путешественник заболел и умер.

К главе тринадцатой

147. Ядовитая брюшина и икра характерны для некоторых рыб Центральной Азии. При очистке в свежем состоянии от икры и черной пленки, выстилающей брюшную полость, мясо рыбы вполне пригодно для употребления и даже вкусно. Но не вычищенная и засоленная рыба делается в целом ядовитой. У нас, в Советском Союзе, к таким рыбам относится, между прочим, исык-кульская маринка — представитель также центрально-азиатской ихтиофауны. Отравление черной брюшиной или икрой таких «ядовитых» рыб может быть очень жестоким.

148. Тибетская горная индейка, или улар, описана Пржевальским во втором томе «Монголии и страны тангутов» как *Tetraogallus thibetanus* (монгольское: хайлик, тангутское: кунмо).

149. Эта птица описана как гриф гималайский (*Gyps himalaiensis*), о нем во втором томе «Монголии и страны тангутов», на стр. 7, автор пишет: «В этом описании следует исправить показание, что *G. nivicola* бросается из-под облаков на пададь. Так делает *Vultur monachus*, но гималайский или снежный гриф всегда спускается с высоты вниз, подобно ягнятнику, ломаной линией».

150. Монгольское название — тарбага или тарбаган — приложимо и к северному сурку *Marmota sibirica* (*Arctomys bobak*), распространенному в Северной Монголии, а в Гоби встречающемуся только островками на самых высоких горах Гобийского Алтая, как, например, в Ихэ-богдо.

151. Этот тибетский медведь был метко окрещен Пржевальским медведем-пищухоedom (*Ursus lagomyaris*), ныне же он известен как *Ursus arctos pruinosus*.

К главе четырнадцатой

152. В Советском Союзе, в Кара-кумах, наблюдалась наибольшая температура песка на его поверхности в 79°. И в песках Ала-шаня, конечно, бывает, что почва нагревается еще сильнее, чем отметил Николай Михайлович, но для регистрации таких высоких температур нужны гораздо более планомерные и систематические измерения.

153. Через Галбын-гоби теперь проходит граница Монгольской Народной Республики и Китая. Горы Хурху, впервые посещенные и описанные Пржевальским, являются крайним юго-восточным хребтом Гобийского Алтая и целиком лежат в пределах МНР.

154. Вяз приземистый (*Ulmus pumila*), монгольское — хайляс; в литературе еще встречается название: ильм гобийский — характерен для восточной и центральной части Гоби, в последней его места произрастания в суходолах, на дне пологих оврагов, в котловинах с близким уровнем грунтовых вод заняты тополем разнолистным. Древесина хайляса очень хорошая и крепкая, но узловатая и с большим трудом поддается обработке.

155. Горы Хурху, как выяснилось, на запад продолжают в виде Гобийского, а далее Монгольского Алтая и входят в систему последнего. На юго-восток они, постепенно снижаясь, расплываются в рельефе окружающих увалистых и холмистых равнин, давая отдельные вершины, и доходят до долины Желтой реки. Между последней и горами Хурху лежит хребет Хара-нарин-ула, описанный Пржевальским в седьмой главе. Длина Хурху — 120—130 км, наибольшая высота — 1 759 м.

156. Этот мелкогалечный покров в современной географической литературе носит название «панцыря». Такой панцырь очень характерен для гобийской части Монгольской Народной Республики; твердая поверхность глинистых почв на десятки километров бывает покрыта такой мелкой, часто хорошо окатанной галькой.

157. Сейчас уже доказано, что пастбища пустынь, несмотря на их низкотравность, разреженность растительного покрова, обладают такими растениями, которые являются очень питательными и служат прекрасным нажировочным средством.

158. Тушету-хан — один из четырех аймаков Халхи; позже он назывался Богдохан-ула аймак, а теперь, в результате изменения административного устройства и укрупнения аймаков, его территория разделена между Селенгинским, Центральным, Булганским, Средне-Гобийским аймаками и восточной частью Южно-Гобийского аймака.

159. «Хангай» — значит насыщающий, удовлетворяющий, щедрый. Хангай в географическом отношении: 1) Горный хребет в Центральной Монголии, по которому лежит мировой водораздел, разграничивающий бассейн Селенги (Северного Ледовитого океана) и бессточные бассейны Центральной Азии. 2) Ландшафт степей, привольных и хороших пастбищ, горного лесостепья, с наружными источниками воды, обилием топлива и вообще растительности. Противопоставляются Гоби.

160. По случаю прибытия в Ургу Николай Михайлович записал в дневнике: «Не берусь описать впечатление той минуты, когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в европейскую обстановку. Нам, совершенно уже отвыкшим от европейской жизни, сначала все казалось странным, начиная от вилки и тарелки до мебели, зеркал и прочего. Но уже на другой день нам казалось, что мы как будто неделю жили среди этого. Прошедшая экспедиция и все ее невзгоды казались теперь каким-то страшным сном. Сумма новых впечатлений была так велика и так сильно действовала на нас, что мы в этот день очень мало ели и почти не спали целую ночь; помывшись на другой день в бане, в которой не были почти два года, мы до того ослабели, что едва держались на ногах. Только дня через два мы начали приходить в себя, спокойно спать и есть с волчьим аппетитом» (по Н. Ф. Дубровину, стр. 174—175).

ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Из книги «Великий русский географ Н. М. Пржевальский», Московский Государственный Университет, М., 1939. Библиография дополнена и проверена редактором при участии Е. А. Степановой.

I. Труды и сообщения на русском языке

1. Воспоминания охотника. Журнал «Коннозаводство и охота», № 6—8, 1862.
2. Учебник по всеобщей географии (1-е изд.). Варшава, 1867.
3. (Изложение письма от 26/1 1866 г. из экспедиции). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 4, отд. 1, стр. 116 (1868).
4. Иностранческое население в южной части Приморской области. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 5, № 5, отд. 2, стр. 185—201 (1869).
5. Письмо Пржевальского к правителю дел Сибирского отдела о результатах его исследований на р. Уссури и озере Ханка летом 1867 г. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 4, № 2, стр. 193—195 (1869).
6. (Содержание письма Н. М. Пржевальского к А. С. Усольцеву о подготовке книги об Уссурийском крае). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 5, отд. 2, стр. 90 (1869).
7. Записки по всеобщей географии. Дополнены во 2-м издании И. Л. Фатеевым. Варшава, 1870. (3), III, 148 стр.
8. (Письмо в редакцию С.-Петербургских ведомостей от 23 октября 1870. С.-Петерб. вед. № 334. То же (В книге—Дубровин Н. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, стр. 549—551).
(Возражения на критические заметки об его книге «Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869», СПб., 1870).
9. По поводу чтений в Русском Географическом обществе об Уссурийском крае и русской колонизации в нем. Биржев. вед. №№ 156, 166 (1870).
10. Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869. СПб., Изд. автора. 1870. 111 + 297 + 58 стр., карта.
То же (Новое издание), М., Соцэкгиз, 1937, стр. 319.
11. Растительная и животная жизнь в Уссурийском крае. Из чтений Пржевальского. Вестник, №№, 77, 84 и 98 (1870).
12. Уссурийский край. Вестн. Европы, т. 3, № 5, стр. 236—267 (карта, т. 3, № 6, стр. 543—583 (1870).
13. (Чтение в заседании Русск. Геогр. о-ва о природе и жителях Уссурийского края. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 6, стр. 163—166, 197—202, 221—230 (1870).
14. Из Юго-восточной Монголии. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 7, № 6, стр. 277—282 (1871).

15. От Кяхты до Пекина. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 7, № 4, стр. 140—149 (1871).
16. Письмо в редакцию «Известий» от 15/IX 1872 г. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 9, отд. 2, стр. 73—76 (1873).
(Сообщение о продвижении экспедиции).
17. (Извлечение из письма о продвижении экспедиции 1873 г. (Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 9, отд. 1, стр. 157—159 (1873).
18. Письмо из Монголии. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 9, № 2, стр. 73—77 (1873).
19. (Путешествие к пределам Тибета). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 9, отд. 2, стр. 287—298 (1873).
- 1) Письмо капитана Пржевальского к русскому посланнику в Пекине из города Дынь-юань-ина, в Ала-шане, от 17 (29) июня 1873 г.
- 2) Письмо г. Пржевальского к А. И. Кояндеру, секр. диплом. миссии в Пекине, из Дынь-юань-ина от 17 июля 1873 г.
20. Путешествие по Северному Китаю. Русск. инвалид, № 69, (1873).
21. Записка Н. М. Пржевальского Академии наук от 25 марта 1874 г. (В книге — Дубровин, Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, стр. 559—560) (по вопросу о собр. коллекциях).
22. (План издания книги «Монголия и страна тангутов»). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 10, № 5, стр. 231—233 (1874).
23. О путешествии в Монголию и в страну тангутов. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 10, № 3 отд. 2, стр. 63—65 (1874).
24. Путешествие к пределам Тибета. Природа, № 1, стр. 49—54 (1874).
25. (Записка Н. М. Пржевальского о плане 2-й книги «Путешествия в страну тангутов») Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 11, отд. 1, стр. 70—71 (1875).
26. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Т. 1. 1—2. Спб. Изд. Русск. Геогр. о-ва (1875—1876): Т. 1. 1875. IX, 381 стр., 2 геогр. карты. Т. 2. 1876. 26 + IV + 176 + 36 + 114 + IV + 11 стр., табл. 1—7 (8—11).
(Отдел III: «Пресмыкающиеся и земноводные». Обработан А. Штраухом. Отдел IV: «Рыбы». Обработан проф. Кесслером).
27. Монголы. Природа, № 1 (отд. 2), стр., 1—33 (1875).
(2-я глава сочин. Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов», т. 1),
28. Природа и животные Центральной Азии (из путешествий Пржевальского). Природа, № 3, стр. 1—12 (1875) (отрывки из его печатных трудов).
29. Природа и животные Северного Тибета (из путешествий Пржевальского). Природа, № 2, стр. 1—30 (1875).
(Отрывки из его печатных трудов).
30. Михаилу Александровичу Пыльцову. В книге—Дубровин, Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, стр. 564—565 (распоряжение от 8 июня 1876 г. на случай гибели экспедиции).
31. О современном состоянии Восточного Туркестана. В книге—Дубровин Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, стр. 570—577 (сообщение от 6 июня 1877 г.).
32. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 13, № 5, стр. 263—329 (1877).
33. То же. Отд. изд. Русск. Геогр. о-ва, СПб., 1878, 68 стр.
34. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. Извлечения из отчета Н. М. Пржевальского. Природа, № 3, отд. 2, 108—117 (1877).
35. (Письмо и телеграмма на имя Русск. Геогр. о-ва от 10/VIII 1877 и 14/X 1877); Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 12, № 5, стр. 427 (1877).
36. (Письма о продвижении экспедиции 1877 г.). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 13, отд. 2 (1877).
- 1) Телеграмма в Главный штаб от 30/I 1877 г. Стр. 51.
- 2) Письмо к капитану Куропаткину от 3/I 1877 г. Стр. 113.
- 3) Сообщение о результатах работ экспедиции. Стр. 253—254.
- 4) Письмо в Совет Русск. Геогр. о-ва от 3/I 1878. Стр. 458—460.
37. Проект экспедиции на Лоб-нор и в Тибет. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 12, отд. 1, стр. 58—60 (1877).

38. То же (В книге—Дубровин Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, стр. 560—563).
39. Дикий верблюд. Природа и охота, февраль (№ 2), стр. 100—105 (1878).
40. Записка о предполагаемой экспедиции в Тибет от 24/VIII 1878 г. (В книге Дубровин Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, стр. 579—586).
41. Письмо конференции Академии наук от 6/XI 1878 г. (В книге—Дубровин Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, стр. 587—588) (о собранных в экспедиции коллекциях).
42. (Из письма Н. М. Пржевальского). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 14, отд. 2, стр. 115 (1879).
43. (Содержание доклада об экспедиции из Кульджи в Зайсанский порт). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 15, № 1, стр. 41 (1879).
44. Несколько слов по поводу замечаний Рихтгофена на статью «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор». Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 15, № 1, отд. 2, стр. 1—6 (1880).
45. Экспедиция Н. М. Пржевальского (из частных писем Пржевальского к российско-императорскому поверенному в делах в Пекине). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 16, отд. 2, стр. 335—345 (1880).
46. (Доклад Пржевальского о его третьем путешествии в Центральную Азию). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 19, отд. 1, стр. 10—11 (1883).
47. О возможной войне с Китаем. (В книге—Сборник географ., топограф. и статистич. материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883, стр. 293—306).
48. Отношение в Совет Русского Географического общества от 9/II 1883. (В книге—Дубровин Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский» СПб., 1890, стр. 588—593).
49. (Проект экспедиции в Тибет). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 19, отд. 1, стр. 16—30 (1883).
50. Разбор пограничных районов Притяньшаньского, Ургинского и Амурского (в книге—Сборник географ. топограф., и статистич. материалов по Азии. Вып. 1, СПб., 1883, стр. 307—321).
51. Третье путешествие в Центральную Азию. Из Зайсана через Хами и Тибет на верховья Желтой реки. СПб., Изд. Русск. Геогр. о-ва, 1883, стр. 473, 2 карты.
52. (План разработки коллекций Н. М. Пржевальского). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 19, отд. 1, стр. 57—58 (1883).
53. Вести от Н. М. Пржевальского. (Выдержки из двух писем к российскому посланнику в Пекине от 8/I 1884 и 10/III 1884). Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 20, № 2, стр. 204—205 (1884).
54. То же. Телеграмма от 12/VII 1884. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 20, № 3, стр. 347 (1884).
55. То же. Телеграмма от 11/IX 1884. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 20, № 5, стр. 572—573 (1884).
56. Письмо с Лоб-нора, от 29 января 1885 г. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 21, № 3, стр. 235—241 (1885).
57. Телеграммы из Кэрии от 8/V 1885. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 21, № 3, стр. 241—242 (1885).
58. Письмо из оазиса Чира от 10/VIII 1885. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 21, № 6, стр. 553—575 (1886).
59. Современное положение Центральной Азии. Русск. вестн., т. 186, № 12, стр. 472—524 (1886).
60. То же. Отдельн. изд. М., 1877, 65 стр.
61. Барометрические определения абсолютных высот во время четвертого путешествия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 23, № 3, стр. 364—367 (1887).
62. Каталог зоологической коллекции, собранной Пржевальским в Центральной Азии и поступившей в Зоологический музей Академии наук, СПб., 1887, 33 стр.
63. Новые виды птиц Центральной Азии. Зап. Акад. наук, т. 55, стр. 76—95 (1887).

64. Список пунктов, в которых произведены астрономические наблюдения при четвертом путешествии Н. М. Пржевальского в Центральной Азии. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 23, № 3, стр. 363—364 (1887).

65. Автобиография. Русская старина, № 11, стр. 528—545 (1888). Стр. 540—543: «От редакции», стр. 544—545: «В С.-Петербур. городской думе». Чествование памяти Н. М. Пржевальского.

66. Инструкция управляющему селом Слободою от 1/ VIII 1888. (В книге—Дубровин, Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890, 595—599). (Распоряжения по имению на время пребывания Пржевальского в экспедиции.)

67. Как путешествовать по Центральной Азии. Первая глава четвертого путешествия по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. (В книге—Сборник географ., топограф. и статистич. материалов по Азии Вып. 32, СПб., 1888, стр. 142—233).

(В конце книги приложена таблица с изображением палаток, посуды и пр. под загл.: «Приложение к статье Н. М. Пржевальского «Как путешествовать»).

68. Объяснение к карте четвертого путешествия в Центральной Азии. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 23, стр. 361—367 (1888).

Рец. в журн Nature, v. 37, 38 (1888).

69. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследования северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., Изв. Русск. Геогр. о-ва, 1888, 536 стр., 3 геогр. карты.

70. Зимняя экскурсия из урочища Гас. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 24, стр. 1—40 (1889) (VII глава из «Четвертого путешествия в Центральную Азию»).

71. (План предполагаемого пятого путешествия в Тибет). Изв. Русск. Геогр. о-ва т. 24, № 4, стр. 488—491 (1889).

72. Заметки ко второму путешествию от Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. (В книге—Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отд. Метеорологический. СПб., 1895, стр. 201—202).

73. Заметки к третьему путешествию из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки (в книге—Научные результаты путешествий Пржевальского по Центральной Азии. Отд. Метеорологический. СПб., 1895, стр. 202—214).

74. Заметки к четвертому путешествию от Кяхты на истоки Желтой реки, по северной окраине Тибета и через Лоб-нор по бассейну Тарима (в книге—Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отд. Метеорологический, СПб., 1895, стр. 214—230).

75. О климате Центральной Азии. Заметки Н. М. Пржевальского к первому путешествию в Монголии, Гань-су, Куку-норе, Цайдаме и Сев. Тибете (в книге—Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отд. Метеорологический. СПб., 1895, стр. 189—201).

76. Автобиографический рассказ. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, 1940, стр. 477—487 (послесловие П. П. Померанцева).

77. Воспоминания охотника. Там же, стр. 488—500 (послесловие П. П. Померанцева).

78. Дневник второго путешествия Н. М. Пржевальского в Центральную Азию. Там же, стр. 501—606 (предисловие П. П. Померанцева).

79. Письма Н. М. Пржевальского к казаку Телешову. Там же, стр. 607—629.

80. Дневник (последнего) путешествия Н. М. Пржевальского в 1888 г. Там же, стр. 630—640 (предисловие П. П. Померанцева).

II. Труды и сообщения на иностранных языках

81. Von Kiachta nach Peking. Petermanns Mitteilungen, Bd. 18, N I (1872).

82. Die Südliche Mongolei. Skizze aus den Reisenotizen N. M. Prschewalski. Petermanns Mitteilungen, Bd. 19, № 3 (1873).

83. Reise durch Kuku-nor und das nördliche Tibet bis zum Oberlauf des Jang-tse-kiang, September 1872 bis Juni 1873. Petermanns Mitteilungen, Bd. 20, № 2, 41—49 (1874).

84. Aus dem Reisenberichte Prschewalskis über die Mongolei. Globus, № 20—21 (1876).

85. Mongolia, the Tangut Country, and the solitudes of northern Tibet, being a narrative of three years travel in eastern High Asia. Translated by E. D. Morgan. With introduction and notes by Col. H. Jule. Vol. 1—2, London, 1876.

86. Die Mongolei und das Land der Tanguten. Mit 1 Karte. Petermanns Mitteilungen, Bd. 22, № 1—5 (1876).

87. Mongolie et le pays de Tangoutes. Traduction de russe. Paris, Hachette, 1876, tabl.

88. La Mongolie et les Mongols. Par Prjevalski. Rev. Scient., № 3 (1877).

89. Reisen in der Mongolei, im Gebiet der Tanguten und den Wüsten Nordtibets in den Jahren 1870 bis 1873. Aus dem Russischen und mit Anmerkungen versehen von Albin Kohn. Jena, 1877.

90. The birds of Mongolia, the Tangut Country and the solitudes of Northern Tibet (Transl. from Russian). (В книге Rowley, G. D., edit.) Ornithological Miscellany. Vol. 2, London, 1877, p. p. 137—204; 271—320; 379—389; 417—438, Plates); vol. 3. London, 1878, p. p. 47—53; 87—110; (145—162).

91. Reise an den Lob-Nor und Altyn-Tag 1876—1877,—& (Übersetz. aus Russ.), Petermanns Mitteilungen, Ergänz; Bd. N 53, 1—31 (1878), 2 карты (предисловие Petermann'a, стр. 1—2.

92. From Kulja across the Tian Shan to Lob-nor. Transl. by E. D. Morgan (Remarks on the results of Col. Prjevalsky's journey by Richthofen). 1879.

93. Der Nan-Chran als Teil des Kuen-Luen und Scheide zwischen Mongolei und Tibet. Petermanns Mitteilungen, Bd. 30, 57—67 (1884) (перевод).

94. Reisen in Tibet und am Obern Lauf des Gelben Flusses. Übertragen von Stein-Nordheim. Jena. Costenoble, 1884, 291 S.

95. Von Saissan über Hami und Tibet (Übersetzung). Jena, 1884.

96. Briefe aus Central Asien. Mitteilungen Geograph. Ges. (Wien), Bd. 28, 96—103; 254—260 (1885) (перевод).

97. Progress of the Tibetan Expedition. Proc. of Geograph. Soc., Bd. 7, 167—172, 807—815 (1885); № 8, 28—31 (1886).

98. On new species of Central Asian. Birds (Transl. from the Russian by E. Delmar Morgan). Ibid., № 5, 401—417 (1887).

99. Das nördliche Tibet. Petermanns Mitteilungen, Bd. 30, 12—23 (1894) (перевод).

III. Обработка научных материалов сборов экспедиций

100. Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел Зоологический. Т. I. Млекопитающие, ч. 1 (Rodentia). Обработал Е. Бюхнер. В. в. 1—5. СПб., 1888, 233 стр., табл.

101. То же. Т. I, ч. 2. Копытные. Обработал В. Заленский. СПб., 1902, 76 стр., табл.

102. То же, т. II. Птицы. Вып. 1—3. Обработал Ф. Д. Плеске. СПб., 1889—1894, 192 стр., табл.

103. То же. Т. II. Птицы. Вып. 4. Обработал В. Бианки. СПб., 1905, стр. 11 + 193—360, табл.

104. То же. Т. III, ч. 1. Земноводные и пресмыкающиеся. Вып. 1—4. Обработал А. В. Бедряга. СПб., 1898—1912, 769 стр., табл.

105. То же. Т. III, ч. 2. Рыбы. Вып. 1—3. Обработал С. Герценштейн. СПб., 1888—1891. 262 стр., табл.

106. То же. Отдел Ботанический. Т. I. Flora Tangutica. Вып. 1. Обработал К. Максимович. СПб., 1889, XVII, 110 +(4) стр., табл.

107. То же. Т. II. Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана. Вып. 1. Обработал К. Максимович. СПб., 1889, IV, 138 +(8) стр., табл.

108. То же. Отдел Метеорологический. Маршруты и метеорологические наблюдения. Обработал А. И. Воейков. СПб., 1895, III, 281 стр.

109. Шарнгорст, К. Результаты астрономических и барометрических определений Н. М. Пржевальского в Монголии и Тибете в 1879—1880 годах. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 19, отд. 2, стр. 251—254 (1883).

110. В. Л. Комаров. Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций. ч. I. Маршруты Н. М. Пржевальского. Труды Главного Ботанического сада, т. 34, вып. 1, ПГ, 1920, стр. 1—192.

IV. Карты путешествий Н. М. Пржевальского

1. Карта Уссурийского края. Масштаб 100 верст в дюйме. Вестн. Европы, т. 3, № 5, между 236 и 237 стр. (1870).
2. Карта Уссурийского края. Масштаб 40 верст в англ. дюйме. Прил. к книге «Путешествие в Уссурийском крае». СПб., 1870, 297 стр.
3. Маршрутно-глазомерная съёмка путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной Нагорной Азии в 1871, 1872, 1873, на 2 листах. Масштаб 40 верст в дюйме. Приложение к «Монголии и стране тангутов», т. 1, СПб., 1875.
4. Отчетная карта к путешествию Н. М. Пржевальского. Там же.
5. (Карты Центральной Азии) (в книге—Н. М. Пржевальский. Третье путешествие в Центральную Азию. СПб., 1883).
6. Карта Уссурийского края. Масш. 40 верст в англ. дюйме. Прил к ст.: «Уссурийский край». Вест. Европы, № 6, 543—583 (1870).
7. Карта Лоб-нора по съёмкам полковника Пржевальского в 1877 году. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 13, между стр. 373 и 374 (1878) (и вторично: Изв. Вс. Геогр. о-ва т. 72, вып. 4—5, между стр. 596—597).
8. Карта четвертого путешествия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии. СПб., 1887, 8 стр., карта.
9. Отчетная карта четвертого путешествия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии в 1884—1885 годах. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 23, № 3, приложение (1887).
10. Карта четвертого путешествия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии. Изв. Русск. Геогр. о-ва, т. 23, № 3, стр. 361—363 (1887) (объяснение к карте).
11. Карта маршрутно-глазомерной съёмки четвертого (1884 и 1885 годы) путешествия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии. Масштаб 50 верст в англ. дюйме. В книге—Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие, СПб., 1888. Приложение на 2 листах.
12. Карта четырех путешествий Н. М. Пржевальского, там же и в книге—Дубровин Н. Ф. «Николай Михайлович Пржевальский». СПб., 1890. Приложение (эта карта многократно переиздавалась и позже).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редактора	5
Великий русский путешественник — Николай Михайлович Пржевальский (вступительная статья Э. М. Мурзаева)	10
Предисловие	41
Глава I. — От Кяхты до Пекина. Канун путешествия. — Почтовое сообщение через Монголию. — Выезд из Кяхты. — Местность до Урги. — Описание этого города. — Гоби. — Ее характер. — Птицы и звери пустыни. — Земля сахаров. — Крайний хребет Монгольского нагорья. — Город Калган. — Чайные караваны. — Великая стена. — Первое знакомство с китайцами. — Переезд до Пекина	44 — 66
Глава II. — Монголы. Наружность, одежда и жилище монголов. — Их бытовая жизнь, характер, язык и обычаи. — Религия и суеверие. — Административное разделение и управление Монголии	67 — 86
Глава III. — Юго-восточная окраина Монгольского нагорья. Снаряжение экспедиции в Пекине. — Скудость наших денежных средств. — Затруднения с китайскими деньгами. — Характер монгольской горной окраины к северу от Пекина. — Город Долон-нор. — Песчаные холмы. Гучин-гурбу. — Травяной пожар. — Озеро Далай-нор. — Производство съемки. — Путь от Долон-нора в Калган. — Богдожанские пастбища. — Климат весны. — Описание верблюда	87 — 107
Глава IV. — Юго-восточная окраина Монгольского нагорья. Следование из Калгана на Желтую реку. — Миссионерская станция Си-инза. — Хребты Шара-хада и Суми-хада. — Каменный баран, или аргали. — Аймаки урогов и западных тумытов [тумтов]. — Навязчивость монголов. — Наша торговля прекращается. — Недружелюбие и плутовство китайцев. — Хребет Ин-шань. — Кумирня Батгар-шейлун. — Горная антилопа. — Горы Муни-ула. — Их лесная и альпийская области. — Предание о происхождении этих гор. — Наше двухнедельное пребывание в них. — Посещение города Бауту [Баотоу]. — Переправа через Хуан-хэ в Ордос	103 — 128

- Глава V.—Ордос.** Географическое положение Ордоса и его административное разделение.—Описание северного изгиба Хуан-хэ.—Характер ее долины.—Пески Кузупчи.—Пребывание на озере Цайдем-нор.—Монгольские предания о Чингис-хане.—Дальнейший путь.—Антилопа хара-сульта.—Кумирня Шара-дзу.—Одичавший рогатый скот.—Обычный порядок наших вьючных хождений.—Горы Арбус-ула.—Приключение в городе Дынху . . . . . 129—149
- Глава VI.—Ала-шань.** Общий характер Алашаньской пустыни.—Местные монголы.—Наше следование по северному Ала-шаню.—Город Дыньюаньин.—Алашаньский князь и его сыновья.—Лама Балдын-Сорджи.—Продажа наших товаров.—Нынешний далай-лама.—Предсказание о стране Шамбалын.—Парадное свидание с алашаньским князем.—Алашаньский хребет.—Охота за куку-яманами.—Причины возвращения в Калган 150—166
- Глава VII.—Возвращение в город Калган.** Болезнь моего товарища.—Озеро осадочной соли Джаратай-дабасу.—Хребет Хара-нарин-ула.—Характеристика дунганей (дунган).—Долина левого берега Желтой реки.—Трудности зимнего путешествия.—Пропажа наших верблюдов.—Невольная стоянка возле кумирни Шыреты-дзу (Ширэтэ-дзу).—Прибытие в Калган . . . . . 167—176
- Глава VIII.—Обратное следование в Ала-шань.** Снаряжение во вторичную экспедицию.—Новые казаки.—Март и апрель в Юго-восточной Монголии.—Ала-шань весной.—Противодействие алашаньского князя нашему дальнейшему путешествию.—Караван тангутов, с которым мы отправляемся в провинцию Гань-су.—Характер Южного Ала-шаня.—Великая стена и город Даджин . . . . . 177—193
- Глава IX.—Провинция Гань-су.** Переход от Даджина до кумирни Чейбсен.—Описание этой кумирни.—Народ далды.—Горы Гань-су.—Очерк их климата, флоры и фауны.—Наше летнее пребывание в этих горах.—Горы Соди-сорукуем и Гаджур.—Озеро Демчук.—Опасная стоянка возле Чейбсена.—Сборы на Куку-нор.—Следование к Мур-засаку.—Характер бассейна верхнего течения реки Тэтунг-гола.—Мы на берегах Куку-нора 194—220
- Глава X.—Тангуты и дунгане.** Наружность, язык, одежда и жилище тангутов.—Их занятия, пища и характер.—Магометанское восстание в Западном Китае.—Действия инсургентов в Гань-су.—Меры китайцев.—Деморализация китайских войск.—Взятие ими города Синина 221—232
- Глава XI.—Куку-нор и Цайдам.** Описание озера Куку-нор.—Легенда о его происхождении.—Окрестные степи.—Дикий осел, или хулан (кулан).—Местные монголы и хара-тангуты.—Административное разделение Куку-нора.—Наше свидание с тибетским посланником.—Рассказы о кумирне Гумбум.—Река Бухайн-гол.—Южно-Кукунорский хребет.—Соляное озеро Далай-дабасу.—Меня принимают за святого и доктора.—Страна Цайдам.—Сведения о диких верблюдах и лошадях.—Переход до границы Тибета . . . . . 233—248
- Глава XII.—Северный Тибет.** Горные хребты Бурхан-Будда, Шуга и Байнхара-ула.—Характер пустынь Северного Тибета.—Обычный путь караванов.—Баснословное обилие зверей: дикий як, белогрудый аргали, антилопы оронго и ада, волк и корсак.—Бедность птиц.—Наша зимняя жизнь.—Пыльные бури.—Монгол Чутун-дзамба, наш проводник.—Река Мур-усу.—Возвращение в Цайдам . . . . . 249—273
- Глава XIII.—Весна на озере Куку-нор и в горах Гань-су.** Раннее наступление весны в Цайдаме.—Зимний вид озера Куку-нор.—Поразительно бедный пролет птиц.—Быстрое вскрытие озера.—Переход

от Куку-нора до Чейбсена.—Климат апреля.—Хайлыки и снежные грифы.—Роскошная жизнь гор в мае.—Ушастый фазан.—Сурок.—Медведь.—Приспособляемость горных растений к непостоянству климата . . . 274—288

Глава XIV.—Возвращение в Ала-шань. Путь на Ургу серединой Гоби.
 Переход по Южному Ала-шаню.—Встреча с караваном богомольцев.—Прибытие в Дынь-ювнь-ин.—Летний характер Алашаньских гор.—Неожиданное в них наводнение.—Следование на Ургу.—Гибель нашего Фауста.—Характер пустыни от Ала-шаня до хребта Хурху.—Описание этих гор.—Гоби к северу от них.—Дороги из Куку-хото в Улясутай.—Пустыня превращается в степь.—Прибытие в Ургу.—Окончание экспедиции . . . 289—304

Комментарии и примечания к книге «Монголия и страна тангутов» (Э. М. Мурзаев) . . . 305—323

Печатные работы Н. М. Пржевальского . . . 325—330

MEMORANDUM

TO : [Illegible]

FROM : [Illegible]

SUBJECT : [Illegible]

[Illegible text block]

[Illegible text block]

[Illegible text block]

[Illegible text block]

[Illegible text block]

[Illegible text block]

Редактор *Б. В. Юсов.*
Редактор карт *А. А. Ульянов.*
Худ. редактор *А. М. Иванов.*
Техн. редактор *К. В. Крыночкина.*
Обложка работы худ. *С. И. Пейча.*
Заставки *А. М. Иванова.*

Сдано в производство 18/V 1946 г. Подписано
к печати 23/VIII 1946 г. А-09921. Печ. лист. 21+
вкладки и вклейки 5. Уч.-изд. листов 31.
Тираж 15 000. Заказ 693. Цена 15 руб. 50 коп.
Переплет 1 руб. 50 коп.

16-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа
при Совете Министров СССР. Москва, Трех-
прудный пер., д. 9.

M-1
1-40

2579 / 1011

MS
14-7

Цена 17 руб.

